

ГЕГЕЛЬ

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ

РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

« МЫСЛЬ »

МОСКВА - 1971

1Ф
Г27

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОСТАВЛЕНИЕ, ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
А. В. ГУЛЫГИ

**ФИЛОСОФСКАЯ
ПРОПЕДЕВТИКА**

КУРС ПЕРВЫЙ. МЛАДШИЙ КЛАСС

УЧЕНИЕ О ПРАВЕ, ДОЛГЕ И РЕЛИГИИ

Введение

§ 1

Предметом настоящего учения является человеческая воля, и притом в плане отношения индивидуальной воли ко всеобщей. Как воля дух действует практически. *Практический* образ действий (Verhalten), посредством которого дух самопроизвольно вносит в свою неопределенность какое-нибудь определение или вместо определений, имеющихся в нем без его содействия, самопроизвольно устанавливает другие, нужно отличать от его *теоретического* образа действий.

§ 2

Сознание, собственно говоря, — это отношение *Я* к какому-нибудь предмету, безразлично внутреннему или внешнему. Содержание наших знаний составляют отчасти предметы, которые мы познаем посредством чувственных восприятий, отчасти же предметы, основой которых является сам дух. Первые составляют *чувственный*, вторые *умопостигаемый* мир. Правовые, нравственные и религиозные понятия относятся к последнему.

§ 3

Во взаимоотношениях с предметом *Я* бывает 1) *пассивным*, а предмет — причиной определений во мне. В этом случае имеющиеся во мне определенные

представления появляются оттого, что непосредственно наличные предметы производят на меня какое-то впечатление. Это и есть *теоретическое* сознание. Выступает ли оно как *воспринимающее*, или как *воображение*, или как *мыслящее*, его содержание всегда является некоторым уже данным и наличным содержанием, причем в мышлении содержанием его является сущее, как таковое; 2) противоположным образом проявляет себя Я как *практическое* сознание, когда нужно, чтобы определения Я не оставались только определениями его представления и мышления, а сделались внешне существующими. Тут уже я определяю вещи, я являюсь причиной изменений данных предметов.

§ 4

Практическая способность определяет себя, собственно говоря, внутренне, самопроизвольно. Содержание ее определений принадлежит ей, и она признает их своими. — Однако определения эти сперва являются только внутренними и, следовательно, отделены от реальности внешнего мира, нужно же, чтобы они стали внешними и реализовали себя. Последнее происходит посредством [практической] *деятельности*, именно благодаря ей внутренние практические определения и становятся внешними, т. е. получают внешнее существование. — С обратной стороны это можно рассматривать также и как такой процесс, в ходе которого некоторая внешняя наличность снимается и приводится в соответствие с внутренними определениями.

§ 5

Само же внутреннее определение практического сознания — это либо [*природное*] *побуждение*, либо *воля в собственном смысле слова*. Упомянутое побуждение есть природное самоопределение, основанное на ограниченных чувствах и имеющее ограниченную цель, дальше которой оно не идет; другими словами, оно представляет собой несвободную, непосредственно определенную, *низшую способность желания*, следуя которой человек действует как природное существо. —

За пределы [природного] побуждения человек выходит посредством *рефлексии*. Рефлектируя, он сравнивает такое побуждение не только со средствами его удовлетворения, но и средства эти, а также и сами побуждения как друг с другом, так и с целями своего существования. Когда же рефлексия окончена, он либо предается удовлетворению побуждения, либо останавливает удовлетворение и отказывается от него.

§ 6

Воля в собственном смысле слова, или *высшая способность желания*, есть 1) чистая *неопределенность Я*. Как таковая, она не имеет ни ограничений, ни содержания, наличного непосредственно от природы, и по сути дела равнодушна ко всякой определенности; 2) в то же время я могу перейти к какой-то из *определенностей* и, сделав ту или другую из них своей, затем претворить ее в действительность.

§ 7

Абстрактная свобода воли и заключается в указанной неопределенности, или, лучше сказать, равенстве *Я* самому себе, в каковой определение существует лишь постольку, поскольку воля сделала это определение своим, т. е. внесла его в себя; в то же время воля остается тут равной себе и в состоянии снова абстрагироваться от всякого определения. Хотя воле и могут *извне* предлагаться различные соблазны, побудительные причины, законы, но если человек им следует, то это происходит только тогда, когда сама воля, решившись на это, делает их своими. — Точно так же обстоит дело и с определениями низшей способности желания, т. е. с тем, что совершают, повинаясь *природным* побуждениям и склонностям.

§ 8

Вина ложится на волю в том случае, если 1) определение этой воли только ею *самой* сделано своим, иначе говоря, если оно принадлежит ее намерению: я хочу; 2) если воля *знает* определения, какие создаются поступком, входящим в ее намерение, т. е. знает

те определения, какие необходимо и непосредственно связаны с этим поступком.

§ 9

Деяние — это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим.

§ 10

Далее, свободная воля как свободная не связана с определенностью и единичностью, благодаря которым один индивид отличается от другого; напротив, она представляет собой всеобщую волю, и всякий отдельный человек, согласно его чистой воле, есть всеобщее существо.

§ 11

Воля, правда, может вбирать в себя и делать своим разного рода внешнее, т. е. не вытекающее из ее сущности, содержание. Поступая так, она остается равной себе не по содержанию и сущности, а только по форме, а именно она сознает, что может сейчас же снова абстрагироваться от всякого содержания и восстановить свою чистоту. В этом смысле она представляет собой по сути дела лишь *произвол*.

§ 12

Но чтобы воля была *истинно* и абсолютно свободной, то, чего она хочет, иначе говоря, ее содержание, не должно быть ничем иным, кроме нее самой. Она должна хотеть только внутри себя, и предметом ее должна быть только она сама. Чистая воля, следовательно, хочет не какого-то особенного содержания ради его особенности, а чтобы в своих действиях воля, как таковая, была свободной и получала бы свободу, другими словами, чтобы осуществлялась всеобщая воля.

Дальнейшее определение и развитие этого всеобщего принципа воли представляет собой учение о праве, долге и религии.

§ 1

Предметы суть то особенное, что они собой представляют благодаря своему *определению*; чувственный предмет, например, благодаря своей фигуре, величине, тяжести, цвету, благодаря более или менее прочной связи своих частей, благодаря той цели, для которой он употребляется, и т. д. Если в представлении мы опускаем некоторые из таких определений предмета, то это называется *абстрагированием*. В результате остается менее определенный предмет, или, лучше сказать, *абстрактный объект*. Но если в представлении я беру только какое-то одно из таких определений, это тоже *абстрактное представление*. Предмет, оставленный в полноте его определений, называется *конкретным предметом*. Если я абстрагируюсь от *всех* определений, то у меня останется только представление о совершенно абстрактном объекте. Когда мы говорим «*вещь*», мы, хотя и *подразумеваем* нечто определенное, говорим о чем-то совершенно неопределенном, так как именно наша мысль и превращает действительную вещь в эту абстракцию голой вещи.

Чувственное восприятие бывает как внешним, так и внутренним. Посредством внешнего чувственного восприятия мы воспринимаем вещи, которые пространственно и во времени существуют вне нас и которые мы вместе с тем отличаем от себя. Посредством внутреннего чувственного восприятия мы замечаем состояния как нашего тела, так и нашей души. Чувственный мир в части своей содержит такие предметы и такие их определения, как, например, цвета, которые имеют чувственно воспринимаемую основу и получили некоторую духовную форму. Если я говорю: этот стол черный, то, во-первых, я говорю об этом единственном конкретном предмете; во-вторых, предикат «черный», который я о нем высказываю, — это всеобщий предикат,

* Нумерация этих пояснений не связана с нумерацией предыдущих параграфов.

который относится уже не только к этому единственному предмету, а принадлежит многим предметам. Чернота — это простое представление. Об истинно конкретном предмете мы знаем *непосредственно*. Непосредственное постижение — это *созерцание*. Напротив, всеобщее абстрактное представление — это *опосредствованное* представление, ибо я знаю о нем посредством другого представления, а именно благодаря абстракции — опусканию других определений, которые в конкретном предмете связаны с этим определением. Конкретное представление мы *анализируем*, раскладывая по отдельности определения, которые в конкретном предмете соединены. Свое содержание, собственно говоря, чистые всеобщие представления, например бытие, ничто, свойство, сущность и т. п., умопостигаемый мир получает из духа.

§ 2

Первым источником нашего познания является *опыт*. Для опыта требуется всего-навсего, чтобы мы что-то восприняли *сами*. Но нужно также и отличать восприятие от опыта. Прёжде всего содержанием восприятия является только какой-нибудь один предмет, который теперь случайно может быть таким, в другой раз — другим. Если же я *повторяю* восприятие и при повторном восприятии замечаю и удерживаю то, что во всех этих восприятиях остается неизменным, то это и есть опыт. Главное содержание опыта составляют *законы*, т. е. такую связь двух явлений, когда при наличии одного явления всякий раз происходит и другое. Однако в содержание опыта входит только всеобщность такого явления, но не необходимость взаимосвязи. Опыт учит только тому, что нечто происходит или существует вот так-то и так, но еще не учит основаниям, тому, почему [это происходит].

Так как существует очень много предметов, в отношении которых у нас не может быть своего собственного опыта, например прошлое, то нам приходится полагаться также и на *авторитет* других. Те предметы, которые в силу авторитета других людей мы считаем

истинными, тоже являются предметами опыта. Полагаясь на авторитет других, мы верим в то, что *вероятно*. Мы часто считаем вероятным то, что на самом деле невероятно, но как раз *невероятное и бывает зачастую истинным*. <Событие подтверждается преимущественно теми следствиями и взаимосвязью тех разнообразных обстоятельств, в отношении которых у нас имеется свой собственный опыт. Необходимо, чтобы люди, рассказывающие что-то, были людьми, *заслуживающими доверия*, т. е. людьми, бывшими в таких обстоятельствах, которые позволяют знать суть дела. По тону этих людей мы можем судить об их добросовестности, о том, говорят ли они серьезно или преследуют при этом какой-нибудь интерес. Если писатели пишут под властью тирана и превозносят его до небес, то нам ясно, что это лесть. Если мы слышим, как кто-нибудь рассказывает о чем-то таком, в чем замешан также и сам он, то нетрудно убедиться, что он рассказывает, как ему выгоднее. Если же кто-нибудь очень хвалит хорошее качество или хороший поступок своего врага, нам следует больше верить сказанному.>

Опыт учит, следовательно, только тому, каковы предметы, а не тому, какими они должны быть. Познание того, какими предметы должны быть, возникает только из *сущности*, из *понятия* вещи. Только это познание есть истинное познание. Так как мы учимся познавать основы предмета исходя из понятия, нам нужно познать также понятия правовых, моральных и религиозных определений.

Определяя, что является справедливым и добрым, мы можем придерживаться прежде всего опыта вообще, и в первую очередь — *внешнего* опыта, а именно — обычного течения вещей (*Weltlauf*). Мы можем видеть, что считается справедливым и добрым, или, лучше сказать, что на деле оправдывает себя как справедливое и доброе. Здесь, однако, следует заметить: 1) для того, чтобы знать, какие поступки справедливы, добры, а какие несправедливы, злы, нужно уже *заранее* иметь понятие о справедливом и добром; 2) следовательно, если бы мы захотели придерживаться того,

что обычное течение вещей показывает в качестве имеющего именно такое значение, то у нас не получилось бы *ничего определенного*. Все зависело бы, если говорить о результатах, об опыте, который мы приобретаем, от точки зрения. В обычном течении вещей именно потому, что оно само и есть вот это разнообразие событий, каждый может найти подтверждение для своей субъективной точки зрения, как бы она ни отличалась от других.

Но существует, кроме того, также и *внутренний* опыт в отношении справедливого, доброго и религиозного. При посредстве *чувства* (Gemüt oder Gefühl) мы высказываем суждение, что вот в таком-то образе действий есть нечто доброе или злое; есть у нас и религиозное чувство, религия нас волнует. *Одобрение* или *неодобрение*, выражаемое чувством, не содержит в себе ничего, кроме непосредственного высказывания, уверения, что нечто является именно таким или таким не является. Чувство не указывает оснований и не руководствуется основаниями. Какое чувство у нас, чувство одобрения или неодобрения, — это фактически только опыт души. Но чувство вообще *непостоянно* и *изменчиво*. Сейчас оно такое, потом — иное. Чувство по сути дела есть нечто *субъективное*. Каков предмет в чувстве, таков он только во мне как особенном индивидуе. Если я говорю: я чувствую нечто вот так или: таким представляется нечто моей душе, то этим я говорю, что оно таково только во мне. Я оставляю нерешенным, таково ли оно и в других людях. Если я в чем-то ссылаюсь только на свое чувство, значит, я не хочу утруждать себя рассмотрением оснований и, стало быть, не хочу согласиться со всеобщим. Я ухожу в этом случае в себя и выражаю только то, какова вещь во мне, а не то, какова она сама по себе объективно и вообще. *Объективное*, всеобщее есть нечто относящееся к рассуждению (Verständige), или, лучше сказать, понятие.

Если действительно хочешь узнать, что такое роза, гвоздика, дуб и т. д., иначе говоря, хочешь постигнуть их понятие, то прежде нужно постигнуть более высокое понятие, лежащее в их основе, здесь, следовательно

но, понятие «растение», а чтобы в свою очередь постигнуть понятие «растение», опять-таки нужно постигнуть более высокое понятие, от которого зависит понятие «растение», а именно — понятие «органическое тело». — Чтобы иметь представление о телах, поверхностях, линиях и точках, нужно иметь представление о пространстве, потому что пространство есть всеобщее, тела же, поверхности и т. д. суть только особенные определения в пространстве. Таким же образом будущее, прошедшее и настоящее предполагают в качестве своего всеобщего основания время, и точно таким же образом обстоит дело с правом, долгом и религией, ибо они являются особенными определениями *сознания*, а сознание — их всеобщим основанием.

§ 3

Сознавая, мы обычно имеем перед собой предмет, иначе говоря, знаем только о предмете и не знаем о себе. Но в нас-то главным образом и существует *Я*. Если мы представляем себе всего-навсего лишь *предмет*, то мы сознаем, и сознаем именно предмет. Если же мы представляем себе *сознание*, то мы сознаем то, как мы сознаем, иначе говоря, мы обладаем тогда сознанием своего сознания. — В своей повседневной жизни мы хотя и обладаем сознанием, но не сознаем того, что мы есть сознание; многим, начиная с присущего нашему телу, мы обладаем *бессознательно*; например, жизненные отправления, необходимые для нашего самосохранения, мы совершаем и тогда, когда об их характере у нас нет еще сколько-нибудь точного представления, последнее мы приобретаем лишь в науке. Духовно мы тоже суть многое такое, чего мы не знаем. *Внешние* предметы нашего сознания — это такие предметы, которые мы отличаем от себя и которым приписываем независимое от нас существование. *Внутренними* же предметами называются определения, иначе говоря, способности, силы нашего *Я*. Они не существуют вне друг друга, а то, в чем они существуют, как раз и есть *Я*. — Сознание бывает либо теоретическим, либо практическим.

§ 4

Теоретическое сознание рассматривает то, что есть, и оставляет все это так, как есть. *Практическое* же сознание является деятельным, оно не оставляет того, что есть, таким же, а совершает в нем изменения и само создает определения и предметы. — В сознании, таким образом, налицо *Я* и предмет, при этом либо *Я* бывает определено предметом, либо предмет мною. В первом случае я действую теоретически. Я беру определения предмета в том виде, *как они есть*. Я оставляю предмет таким, каков он есть, и стараюсь привести свои представления в соответствие с ним. У меня свои определения, у предмета свои. Каков предмет, таким должно быть и содержание моего представления. Определения предмета, как таковые, являются тут для меня правилами. *Истина* моих представлений в том и состоит, что они согласуются с характером и определениями самого предмета. Закон нашего сознания, поскольку оно выступает как теоретическое сознание, состоит не в том, чтобы воспринимать предметы совершенно пассивно, а в том, что оно должно для того, чтобы воспринимать предметы, направить на это свою деятельность. Мы можем нечто воспринимать и тем не менее не сознать воспринимаемого, если не направим на это своей деятельностью. Эта активность в восприятии есть *внимание*.

§ 5

Представления, приобретаемые нами благодаря вниманию, мы приводим внутри нас в движение посредством *воображения*, деятельность которого состоит в том, что оно, когда мы созерцаем какой-нибудь предмет, вызывает в нас образ другого предмета, который как-то связан или был связан с первым. Совсем не обязательно, чтобы предмет, с которым воображение связывает образ другого предмета, был непосредственно перед нами, он может быть перед нами хотя бы только в нашем представлении. Самым распространенным созданием воображения является *язык*. Язык со-

стоит из внешних знаков и звуков, посредством которых мы и сообщаем то, что думаем, чувствуем или ощущаем. Язык состоит из *слов*, слова же представляют собой не что иное, как знаки мыслей. Для этих знаков *письмо* в свою очередь дает знаки, составляемые из *букв*. Оно позволяет нам сообщать свои мысли, не прибегая к разговору. *Иероглифическое* письмо отличается от буквенного письма тем, что оно непосредственно заключает в себе *целые мысли*. В *речи* чувственно присутствует определенный ряд звуков. Мы обладаем в ней созерцанием ряда звуков. Но мы не останавливаемся на этом впечатлении, наше воображение связывает с ним представление о некотором неприсутствующем предмете. Здесь, таким образом, налицо два момента: чувственное определение и связанное с ним иное представление. Представление выступает здесь исключительно как сущность и как значение предмета, присутствующего в чувстве, каковой вследствие этого является просто знаком. Здесь *данное* нам содержание противостоит содержанию, которое *создано* нами.

§ 6

В повседневной жизни представление и мышление *путают* друг с другом и называют мышлением даже то, что является лишь представлением воображения. *Представляя*, мы имеем перед собою вещь также и по ее несущественному внешнему существованию. *Мысля* же, мы отделяем от вещи все несущественное, чисто внешнее и сосредоточиваем внимание только на ее существенных чертах. Мышление через внешнее явление добирается до внутренней природы вещи и делает ее своим предметом. Все случайное оно опускает. Оно берет вещь не такой, какова она как непосредственное явление, а отделяет несущественное от существенного и, следовательно, абстрагируется от несущественного. Созерцая, мы имеем перед собой единичные предметы. Мышление *соотносит* их друг с другом, иначе говоря, *сравнивает* их. Сравнивая, оно отмечает *общее* между ними, а то, чем они *отличаются* друг от друга, опускает и, таким образом, получает *всеобщие* представления.

Всеобщее представление *содержит меньше* определенности, чем единичный предмет, входящий в эту всеобщность, ибо всеобщее как раз и получают только путем опускания единичного. Зато *охватывает* собой всеобщее *больше*, т. е. имеет гораздо больший объем. В том случае, когда мышление создает всеобщий предмет, мышлению принадлежит деятельность абстрагирования, а вместе с ней и *форма* всеобщности, как, например, во всеобщем предмете «человек». *Содержание* же всеобщего предмета мышлению как абстрагированию не принадлежит, а дано мышлению и существует вне и независимо от него.

Мышлению принадлежат, кроме того, многочисленные определения, выражающие ту *взаимосвязь* между различными явлениями, которая *всеобща* и *необходима*. Взаимосвязь между явлениями, как она дана в чувственном созерцании, — это лишь внешняя, случайная взаимосвязь, которая может быть такой или же не такой. Например, камень, упав на мягкую массу, оставляет на ней отпечаток. В чувственном созерцании дано падение камня и то, что вслед за этим по времени появилось углубление в том месте массы, где ее коснулся камень. Оба этих явления — падение камня и углубление в массе — следовали друг за другом во времени. Однако взаимосвязь эта еще не содержит в себе необходимости; не исключено, что одно, как говорится, «при тех же самых условиях» произошло бы, а другого за ним не последовало. Напротив, если взаимоотношение этих двух явлений определяется как взаимосвязь причины и действия, т. е. как *каузальность*, то такая взаимосвязь необходима, иначе говоря, является взаимосвязью рассудка. Для нее характерно, что, когда при тех же самых условиях происходит одно, другое уже содержится в нем.

Определения эти суть формы мышления. Дух устанавливает их, повинаясь только *самому себе* (aus sich selbst), но это *одновременно и определения сущего*. Лишь путем размышления мы открываем, что такое основание и следствие, внутреннее и внешнее, что существенно и что несущественно. Дух при этом не со-

знает того, что эти определения он устанавливает произвольно, напротив, он высказывает в них нечто существующее вне и независимо от него.

§ 7

Собственно говоря, поскольку речь идет о том, что дух получает определения, неопределенность Я, или духа, заранее предполагается. Определения духа принадлежат ему даже в том случае, если он получил их от других предметов. Если в нем и есть что-то, что, будучи независимым от него содержанием, создано не им, то все же форма при этом всегда принадлежит ему; например, действуя как воображение, дух черпает материал из созерцания, форма же при этом заключается в ином соединении этого материала по сравнению с тем, каким материал этот был первоначально в созерцании. Во всяком чистом представлении, например в чистом представлении о животном, определенное содержание принадлежит опыту, но всеобщее в таком представлении — это форма, создаваемая духом.

Эта форма есть, следовательно, то, что дух устанавливает сам. При теоретической деятельности, и в этом состоит ее существенное отличие, дух устанавливает только форму, при практической же — он является творцом также и содержания. Содержанием права, например, является личная свобода. Она присуща духу. Практическая способность признает определения своими, собственно говоря, тогда, когда она их хочет. Если они и являются чужими или, лучше сказать, данными мне определениями, то они, несомненно, перестают быть чужими, если я их хочу. Я делаю это содержание своим, устанавливаю его сам.

§ 8

Теоретическая способность начинает с налично существующего, данного нам, внешнего и превращает его в некоторое представление. Практическая же способность, напротив, начинает с внутреннего определения,

которое называется *решением*, намерением, а затем превращает внутреннее во внешнее существующее, сообщает ему наличное бытие. Это превращение внутреннего определения в нечто внешнее называется [*практической*] *деятельностью*.

§ 9

[Практическая] деятельность есть, собственно говоря, соединение внутреннего с внешним. Внутреннее определение, с которого она начинается, по форме необходимо снять, т. е. нужно, чтобы оно перестало быть чисто внутренним и стало внешним; при этом необходимо, чтобы содержание этого определения осталось; например, намерение построить дом — это внутреннее определение, форма которого состоит в том, что оно является лишь намерением; содержанием же тут служит план дома. Так вот, если эту форму здесь устранить, содержание все же останется. Дом, который в соответствии с этим намерением должен быть построен, и дом, который в соответствии с этим планом строится, — это один и тот же дом.

С другой стороны, деятельность в такой же мере есть и *преобразование* непосредственно данных *предметов внешнего мира*; например, при постройке дома различными способами видоизменяются грунт, камни, лес и прочие материалы. Вид этих внешних предметов подвергается изменению. Их соединяют совершенно иначе, чем они были соединены прежде. Это изменение подчинено определенной цели, а именно плану дома, с которым как с чем-то внутренним и приводятся в соответствие внешние предметы.

§ 10

Для животных тоже характерно практическое отношение к тому, что существует вне их. Они действуют, следуя инстинкту, целесообразно, и, значит, разумно. Но так как они делают это бессознательно, то о [*практической*] деятельности применительно к ним можно говорить только в переносном смысле. Они наделены

вожделениями и побуждениями, но не разумной *волей*. О [природных] побуждениях и вожделениях человека говорят часто как о воле. Но точнее говоря, волю отличают от вожделения; волей в отличие от вожделения называют в этом случае *высшую способность желания*. У животных *инстинкт* отличается от самих их побуждений и вожделений, ибо инстинкт хотя и есть совершение действий под влиянием вожделения или побуждения, но действий, которые не заканчиваются своим непосредственным выражением, а имеют еще и дальнейшее, для животного равным образом необходимое следствие. Это совершение таких действий, в которых имеется отношение к чему-то отличному от самих этих действий, например собирание в кучу зерен многими животными. Это собирание еще не все действие; в нем имеется еще и дальнейшая цель, а именно обеспечить себя пищей на будущее.

[Природное] побуждение — это прежде всего нечто *внутреннее*, нечто начинающее движение само собой, самопроизвольно создающее некоторое изменение. Такое побуждение возникает само собой. Пробуждается оно, правда, благодаря внешним обстоятельствам, тем не менее оно было уже и до этого. Внешние обстоятельства не порождают его. Механическими причинами производятся чисто внешние, чисто механические действия, которые полностью определены своими причинами и, следовательно, не содержат ничего, чего бы не было уже в причине; например, если я придам какому-нибудь телу движение, то этим я не сообщу ему ничего, кроме этого движения. Или если я окрашиваю какое-нибудь тело, то этим я не сообщаю ему ничего, кроме данной окраски. Напротив, если я действую на какое-нибудь живое существо, то это воздействие заставляет его проявить еще и нечто совершенно отличное от того, каким это существо было непосредственно. Активность (*Wirksamkeit*) живого существа благодаря моему воздействию возбуждается и сама проявляет себя в своем своеобразии.

Во-вторых, [природное] побуждение 1) по своему содержанию *ограничено*, а 2) в отношении своего удовлетворения *случайно*, так как зависит от внешних

обстоятельств. Это побуждение не выходит за пределы своей цели и называется поэтому слепым. Оно удовлетворяет себя, какими бы ни были последствия.

Поэтому такие свои побуждения человек полагает не сам, а наделен ими непосредственно; иначе говоря, они принадлежат его *природе*. Природа же подвластна необходимости, ибо все в ней ограничено, относительно, существует вообще только в связи с чем-нибудь другим. Но то, что существует в связи с чем-то другим, не существует самостоятельно, а является зависимым от другого. Оно имеет свое основание в этом другом и представляет собой нечто *необходимое*. Поскольку человек обладает непосредственно определенными побуждениями, постольку он подвластен природе и ведет себя как необходимое, несвободное существо.

§ 11

Только человек как существо мыслящее может подвергать *рефлексии* такие свои побуждения, которые сами по себе необходимы для него. Рефлексия означает, собственно, сокращение непосредственного. Рефлексия света состоит в том, что лучи его, которые сами по себе распространялись бы по прямой линии, отклоняются от этого направления. Дух обладает рефлексией. Он отнюдь не привязан к непосредственному и может переходить за пределы непосредственного к чему-нибудь другому, например от некоторого события к представлению о его следствии, либо к представлению о похожем событии, либо к представлению о его причине. Если дух стремится к чему-нибудь непосредственному, то тем самым он отдалил его от себя. Он рефлексировал себя внутрь себя. *Он ушел в себя*. Противопоставляя непосредственному нечто иное, он признал это непосредственное ограниченным. Существует поэтому очень большая разница между тем, когда ты просто *представляешь собой* нечто или *обладаешь* им, и тем, когда ты также и *знаешь*, что ты представляешь собой или обладаешь этим. Например, невежественность, грубость образа мыслей или поведения — это такая ограниченность, обладать которой

можно, не зная, что обладаешь ею. Если же ты подвергаешь ее рефлексии, другими словами, знаешь о ней, то ты, несомненно, знаешь и о том, что противоположно ей. Рефлексия есть уже первый шаг к преодолению этой ограниченности.

Побуждения как природные определения суть ограничения. Только благодаря рефлексии человек начинает подниматься над ними. Первая рефлексия касается здесь *средств*: соответствуют ли они побуждению, будет ли побуждение ими удовлетворено и, кроме того, не слишком ли значительны средства для того, чтобы принести их в жертву этому побуждению.

Рефлексия сравнивает различные побуждения и их цели с *основной целью* индивида. Цели особенных побуждений ограничены, но способствуют, каждая посвоему, тому, чтобы была достигнута основная цель. Тем не менее этой последней одна более родственна, другая — менее. Рефлексия, следовательно, должна сравнивать побуждения, выясняя, находятся ли они в родстве с основной целью и будет ли их удовлетворение содействовать достижению этой основной цели. В рефлексии начинается переход от низшей способности желания к высшей. Рефлектируя, человек уже не является только существом природы, уже не находится в сфере необходимости. Необходимым нечто является только в том случае, когда может произойти только вот это одно, а не что-нибудь иное. Перед рефлексией же стоит не только вот этот непосредственный предмет, но и некоторый иной, другими словами, его противоположность.

§ 12

Однако эта только что описанная рефлексия является по сути дела лишь *относительной*. Хотя она и выходит за пределы чего-то конечного, но всегда приходит опять же к чему-нибудь конечному. Например, если мы выйдем за пределы некоторого места в пространстве, то нам представится другое, большее, но всякий раз ограниченное пространство или место, и так будет продолжаться до бесконечности. Точно так же, двигаясь от настоящего времени в прошедшее, мы

можем представить себе период в десять или даже тридцать тысяч лет. Такая рефлексия хотя и уходит из одного определенного пункта пространства или времени в другой; однако из самих пространства или времени не выходит. Так же обстоит дело и в практической относительной рефлексии. Она покидает одну непосредственную склонность, вожделение или побуждение и переходит к какому-нибудь другому побуждению, вожделению или склонности, покидает в свою очередь их и т. д. Будучи относительной, она всякий раз снова нападает лишь на какое-нибудь побуждение, кружит только среди таких вожделений и никогда не поднимается выше всей этой сферы побуждений.

Абсолютная практическая рефлексия, напротив, поднимается выше всей этой сферы конечного, т. е. покидает сферу низшей способности желания, где человек определен природой и зависит от внешних вещей. *Конечность* в том вообще и состоит, что нечто имеет границу, т. е. в том, что *здесь* положено *его небытие*, что здесь это нечто прекращается, что оно, следовательно, соотносится благодаря этому с чем-то другим. *Бесконечная* же рефлексия состоит в том, что я соотношусь уже не с чем-то другим, а с самим собой, являюсь своим собственным предметом. Это *чистое* соотношение с самим собой и есть *Я*, корень самбы бесконечной сущности. Оно — полная абстракция от всего, что конечно. Как таковое, *Я* не имеет никакого природой данного, непосредственного содержания; своим содержанием оно имеет только себя самого. *Эта чистая форма есть одновременно и свое собственное содержание.* Всякое от природы данное содержание есть 1) нечто ограниченное — *Я* же не ограничено; 2) природное содержание непосредственно — чистое *Я*, напротив, не имеет никакого непосредственного содержания, ибо чистое *Я* существует только посредством абстракции от всего другого.

§ 13

Сначала *Я* совершенно неопределенно. Но оно может посредством рефлексии от неопределенности пе-

рейти к определенности, например к зрению, слушанию и т. д. В этой определенности оно сделалось *неравным* себе, но вместе с тем оно сохраняет и свою неопределенность, т. е. может, отказавшись от этой определенности, снова вернуться в себя самого. Сюда же относится и принятие решения, ибо ему предшествует рефлексия, состоящая в том, что я имею перед собой многие определенности, сколько — неважно, но ими все же должны быть по меньшей мере вот эти две, а именно: или я принимаю какое-нибудь определение, или же не принимаю. Решение прекращает рефлексию, представляющую собой переход от одного к другому, устанавливает определенность и делает ее своей. Основным условием *принятия решения*, иначе говоря, основным условием возможности решать, возможности рефлексировать перед практическими действиями, является абсолютная неопределенность *Я*.

§ 14

Свобода воли есть свобода вообще, а все другие *свободы* лишь ее виды. Когда говорят: свобода *воли*, то этим отнюдь не хотят сказать, будто кроме воли есть еще какая-то сила, свойство или способность, тоже обладающая свободой. Точно так же, говоря о всемогуществе *бога*, не понимают этого так, будто есть еще и другие существа, кроме бога, которые обладали бы всемогуществом. Существуют также гражданская свобода, свобода печати, политическая, религиозная свобода. Эти виды свободы представляют собой всеобщее понятие свободы, поскольку оно применено к особенным отношениям или предметам. *Свобода вероисповедания* состоит в том, что религиозные представления, религиозные обряды не навязываются мне, иными словами, в ней существуют только такие определения, которые я признаю своими, превращаю в свои. Религия, которая мне навязывается, иначе говоря, в отношении которой я не являюсь свободным существом, не моя, она всегда остается чуждой для меня. *Политическая* свобода народа заключается в том, чтобы создать собственное государство и решать, что признать

как общенациональную волю либо всем народом, либо через тех, кто принадлежит к народу и кого народ благодаря тому, что всякий другой гражданин имеет равные с ними права, может считать своими.

§ 15

Часто выражаются так: моя воля была определена такими-то *мотивами, обстоятельствами*, соблазнами и побуждениями. Это выражение содержит прежде всего ту мысль, что я был при этом пассивен. На самом же деле я был при этом не только пассивен. Я был также и существенно активен в том именно, что моя воля приняла эти обстоятельства как мотивы, допускает их как мотивы. Причинно-следственное отношение при этом не имеет места. Обстоятельства не являются причинами, а моя воля — их следствием. Согласно причинно-следственному отношению, то, что содержится в причине, должно последовать необходимо. Я же в качестве рефлексии могу выйти за пределы всякого определения, установленного обстоятельствами. Если человек ссылается на то, что с истинного пути его совратили обстоятельства, соблазны и т. д., то этим он хочет как бы отстранить от себя поступок, но тем самым лишь принижает себя до несвободного существа — существа природы, в то время как на самом деле его поступок всегда является его собственным поступком, а не поступком кого-то другого, т. е. не является следствием чего-либо вне этого человека. Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это.

Определения низшей способности желания суть природные определения. В связи с этим кажется и ненужным, и невозможным, чтобы человек делал их своими. Однако именно как природные определения они как раз и не принадлежат еще его воле, или его свободе, ибо сущность его воли в том и состоит, что в ней не бывает ничего, чего бы она сама не сделала своим. Таким образом, человек может то, что принадлежит его природе, рассматривать как нечто *чуждое*, которое, следовательно, есть в нем только тогда,

принадлежит ему только тогда, когда он сделал это своим, иначе говоря, намеренно следует своим природным побуждениям.

§ 16

Ставить человеку поступок *в вину* — значит вменять или *засчитывать* ему этот поступок. Детям, которые находятся еще в природном состоянии, нельзя вменять никаких поступков; дети еще невменяемы. Точно так же невменяемы сумасшедшие или слабые.

§ 17

В различении деяния и поступка как раз и заключается разница между понятием вины, как оно выступает в трагических *представлениях древних*, и понятием вины в нашем понимании¹. В трагических представлениях древних содеянное приписывается человеку во всем своем объеме. Он должен ответить за содеянное *в целом*, а то, что ему была известна только одна сторона содеянного, а другие нет, во внимание не принимается. Он изображается здесь как абсолютное знание вообще, а не только как относительное и случайное знание, иначе говоря, что бы он ни сделал, рассматривается целиком как *его* деяние. *Ни одна часть* этого целого с него не снимается и не перекладывается на другое существо. Например, когда Аякс из-за того, что он не получил оружия Ахилла, ослепленный гневом, перебил всех быков и овец греков, он не свалил вину на свое безумие, как будто бы в безумии он был другим существом, а взял весь поступок на себя как на виновника и от стыда лишил себя жизни.

§ 18

Если бы воля не была всеобщей, то не существовало бы никаких действительных *законов*, ничего, что могло бы действительно обязывать *всех*. Каждый мог бы поступать, как ему заблагорассудится, и не обращал бы внимания на своеволие других. Что воля всеобща,

вытекает из понятия ее свободы. Люди, если судить о них по их *явлению*, в общем весьма различны в отношении воли, по характеру, манерам, склонностям, способностям. Они суть поэтому *особенные* индивиды и отличаются друг от друга по своей натуре. У каждого есть такие способности и определения, которых нет у другого. Эти различия индивидов не касаются воли самой по себе, ибо она свободна. Свобода как раз и состоит в неопределенности воли, иначе говоря, в том, что воля не имеет внутри себя никакой природной определенности. Воля сама по себе есть, следовательно, всеобщая воля. Особенность или единичность человека не препятствует всеобщности воли, а подчинена ей. Справедливый или моральный, иными словами превосходный поступок хотя и совершается отдельным [человеком], однако все соглашается с таким поступком. Они, следовательно, узнают в нем самих себя или свою собственную волю. Здесь происходит то же самое, что и с *произведениями искусства*. Даже те, кто не смог бы создать такого произведения, находят в нем выраженной свою собственную сущность. Подобное произведение оказывается, таким образом, истинно всеобщим. Оно получает тем большее одобрение, чем более исчезает в нем особенное его создателя.

Возможен случай, когда свою всеобщую волю не признают. Человек может считать нечто совершенно противным своей воле, хотя оно тем не менее есть его воля. Преступник, которого наказывают, может, конечно, желать, чтобы его избавили от наказания, всеобщая же воля ведет к тому, что преступление наказывают. Необходимо, следовательно, предположить, что абсолютная воля самого преступника требует, чтобы его наказали. Поскольку преступника наказывают, это предполагает требование, чтобы и он понимал, что его наказывают справедливо, и если он понимает это, то, хотя он и может желать, чтобы его освободили от наказания как внешнего страдания, тем не менее его всеобщая воля, поскольку он признает, что его наказывают справедливо, согласна с наказанием.

Произвол есть свобода, но это *формальная* свобода, иначе говоря, он есть свобода постольку, поскольку моя воля соотносится с чем-либо *ограниченным*. При этом нужно различать две стороны: 1) в каком смысле воля тут не остается в равенстве с самой собой и 2) в каком смысле она остается в равенстве с самой собой.

ad 1. Если воля хочет *чего-нибудь*, то она имеет некоторое определенное, ограниченное содержание. В этом отношении она, следовательно, не равна самой себе, ибо здесь она действительно определена, тогда как сама по себе она является неопределенной. То ограниченное, что она восприняла в себя, есть, таким образом, нечто иное, чем она сама. Например, если я хочу ходить или смотреть, то я буду ходящим или смотрящим. Я, следовательно, буду не равен самому себе, потому что хождение или смотрение представляют собой нечто ограниченное и не равны Я.

ad 2. Однако по форме я нахожусь тут также и в равенстве с самим собой, иначе говоря, являюсь свободным, потому что я, ввиду того что я так определен, рассматриваю себя одновременно и как нечто чуждое, иначе говоря, отличаю от себя, от Я состояние этой определенности, ибо так ходить, смотреть — это во мне не от природы, а потому, что я сам внес это в свою волю. В данном отношении это явно есть вместе с тем и совсем не чуждое мне, ибо я сделал это своим и это представляет собой мою волю.

Итак, упомянутая свобода есть *формальная* свобода, потому что при *равенстве* с самим собой во мне налицо *одновременно* и *неравенство* с самим собой, иначе говоря, во мне есть также и нечто ограниченное. Когда в обыденной жизни мы говорим о свободе, то обыкновенно понимаем под ней произвол, т. е. относительную свободу, состоящую в том, что я могу что-то делать или не делать. При ограниченной воле мы можем обладать *формальной* свободой лишь в той мере, в какой отличаем от себя все это определенное, иначе говоря, в той мере, в какой подвергаем его рефлексии, а это значит,

что мы также и выше его. Когда мы охвачены страстью или действуем побуждаемые природой, мы не обладаем формальной свободой, так как наше *Я* целиком поглощено этим чувством, последнее не кажется нам ограниченным. Здесь наше *Я* не находится одновременно также и вне, не отличает себя от этого чувства.

§ 20

Абсолютно свободная воля отличается от относительно свободной, или произвола, тем, что предметом абсолютной воли является только она сама, а предметом относительной — нечто ограниченное. Относительную волю, например вожделение, интересует лишь предмет. Абсолютная воля отличается, однако, и от *упрямства*. Последнее имеет то общее с абсолютной волей, что оно дорожит не столько сутью дела, сколько волей как волей, тем, чтобы считались именно с его волей. Одно от другого отличить нетрудно. Упрямый настаивает на своей воле только потому, что это его воля, он настаивает на ней без разумного основания, т. е. без того, чтобы его воля представляла собой нечто имеющее всеобщую ценность. Насколько необходимо, чтобы *силой* воли обладал тот, кто упорен в достижении разумной цели, настолько же и отвратительно упрямство, ибо оно представляет собой нечто совершенно единичное и исключающее иное. Истинно свободная воля не имеет случайного содержания. Только она сама не случайна.

§ 21

Чистую волю не интересует какая-либо особенность. Воля же, придающая значение какой-либо особенности, представляет собой произвол, ибо последний обладает ограниченным интересом и берет свои определения из природных побуждений и склонностей. Такое содержание дано воле, а не положено ею абсолютно. Основной принцип воли состоит в том, следовательно, чтобы осуществлялась и сохранялась ее свобода. Кроме этого, правда, воля желает еще многих определений. У нее есть еще разного рода определенные цели, учрежде-

ния, состояния и т. д., однако они не являются целями воли сами по себе, а являются *целями* потому, что служат *средствами* и *условиями* для осуществления свободы воли, которое делает учреждения и законы необходимыми для ограничения произвола, склонностей, гóлого изволения и вообще побуждений и желаний, которые относятся к одним только природным целям. Например, *воспитание* имеет цель сделать человека самостоятельным существом, т. е. существом со свободной волей. Для этого детям запрещают многое из того, что им хочется. Они должны научиться повиновению, чтобы были сняты их единичная или собственная воля и их зависимость от чувственных склонностей и желаний; таким образом, воля их делается свободной.

§ 22

Человек — свободное существо. Это составляет основное определение его природы. Но кроме этого у него есть еще и другие необходимые потребности, особенные цели и побуждения, например стремление к познанию, к сохранению своей жизни, своего здоровья и т. д. Право не интересуется человеком в плане этих *особенных* определений. Оно не ставит себе целью содействовать ему в отношении этих определений или оказывать ему тут какую-то особую помощь.

Во-вторых. Право не зависит от того *намерения*, которое ты имеешь. Можно делать что-нибудь с весьма благим намерением, но поступок от этого не становится законным, а вопреки тому может быть противозаконным. С другой стороны, какой-нибудь поступок, например защита мной своей собственности, может быть вполне законным и все же злонамеренным поступком, если я при этом забочусь не столько о праве, сколько о том, чтобы причинить вред другому. На право, как таковое, это намерение не имеет никакого влияния.

В-третьих. Право не связано с [внутренней] *убежденностью* в том, соответствует или противоречит праву совершаемое мной. Это имеет место особенно при наказании. Преступника, правда, стараются убедить, что с ним поступают справедливо. Но существует

такое убеждение или его нет, это не оказывает никакого влияния на право, которое к нему применено.

Наконец, право не придает значения также и тому *умонастроению*, с которым что-либо совершают. Очень часто бывает, что право не нарушают только из-за страха перед наказанием или перед другими неприятными последствиями вообще, например из страха утратить свое доброе имя, дискредитировать себя. Или же можно, осуществляя свое право, думать, что за это будешь вознагражден в загробной жизни. Право, как таковое, не зависит от этих *умонастроений*.

§ 23

Право и мораль отличаются друг от друга. Нечто вполне позволительное с точки зрения права может быть чем-то таким, что моралью запрещается. Право, например, разрешает мне распоряжаться своим имуществом, совершенно не определяя пределов этого распоряжения, и только мораль содержит определения, которые его ограничивают. Может казаться, будто мораль разрешает много такого, чего не разрешает право. Однако мораль требует не только соблюдения права по отношению к другим, а, напротив того, соединяет с правом *умонастроение*, состоящее в том, чтобы уважать право ради права. Мораль требует даже, чтобы прежде всего было соблюдено право и лишь после того, как оно исчерпано, вступали бы в действие моральные определения.

Чтобы поступок имел моральную ценность, необходимо *понимание* того, справедлив он или несправедлив, является он хорошим или дурным. То, что называют *невинностью* детей или нецивилизованных народов, не есть еще моральность. Дети или такие народы *не совершают* многих дурных поступков, потому что не имеют о них еще никакого представления, потому что вообще нет еще налицо тех условий, при которых только и становятся возможными таковые. Подобное несовершение дурных поступков не имеет никакой моральной ценности. Но и *совершают-то* они поступки, которые, согласуясь с моралью, моральными тем не менее

во все не являются, поскольку они еще не понимают природы поступка, не знают, является он хорошим или дурным.

Собственному убеждению противостоит простая вера, основанная на *авторитете других*. Чтобы мой поступок имел моральную ценность, с ним должно быть связано мое убеждение. Поступок должен быть в полном смысле моим. Если же я действую, полагаясь на авторитет других, то поступок не вполне мой: в этом случае во мне действует чужое убеждение.

Бывают, однако, и такие обстоятельства, при которых является моральным действовать именно в силу *повиновения* и согласно авторитету других. Первоначально человек следует своим природным склонностям без размышления или с еще односторонними, косвенными и неправильными рефлексиями, которые сами еще находятся под властью чувственности. В этом состоянии он должен научиться повиноваться, ибо его воля еще не является разумной волей. Благодаря этому повиновению вырабатывается то негативное, что он учится отказываться от чувственных желаний, и только таким путем человек достигает самостоятельности. Он всегда в этой сфере повинуетс^я другому: ничуть не больше и ничуть не меньше, когда исполняет свою собственную в целом еще чувственную волю или когда исполняет волю другого. Как существо природы он находится отчасти под властью внешних вещей, с другой же стороны, эти склонности и вожделения представляют собой нечто непосредственное, ограниченное, несвободное, это не его истинная воля, а нечто другое. Повиновение закону разума — это повиновение моей *несущественной* природе, которая находится под властью того, что для нее является другим. Но с другой стороны, оно представляет собой самостоятельное определение из самого себя, так как именно этот закон коренится в моей сущности.

Существенным моментом морали является, следовательно, умонастроение. Оно заключается в том, что долг исполняется потому, что так нужно. Следовательно, аморальным является как раз делать что-то из страха

перед наказанием или для того, чтобы приобрести у других хорошее мнение о себе. Эти мотивы представляют собой *гетерогенную*, т. е. чужеродную побудительную причину, ибо они не являются основанием самого дела; иначе говоря, право тогда рассматривают не как нечто такое, что существует само по себе, а как нечто зависящее от внешних определений.

Размышления над тем, наказания или награды положены за поступок, имеет, несмотря на то что ценность поступка не складывается из его последствий, большое значение. Последствия хорошего поступка *могут* зачастую причинить много зла, и, наоборот, среди последствий дурного поступка могут быть и хорошие. Вообще же думать о последствиях поступка важно потому, что благодаря этому не останавливаются на непосредственной точке зрения, а поднимаются над ней. Многостороннее их рассмотрение ведет также к природе поступков.

§ 24²

С правовой точки зрения человек противостоит человеку как абсолютно свободное существо, с моральной же точки зрения — как существо единичное, взятое по своему индивидуальному существованию в качестве члена семьи, друга, в качестве такого-то характера и т. д. Если внешние обстоятельства, в которых человек находится с другими людьми, таковы, что он исполняет свое назначение, то это его *счастье*. Отчасти это благо стоит в зависимости от его воли, отчасти оно зависит от внешних обстоятельств и от других людей. Человек является предметом морали именно со стороны своего особенного наличного бытия, со стороны своего блага, причем мораль требует не только того, чтобы человеку не препятствовали в его абстрактной свободе, но и чтобы содействовали его благу. Ощущение блага (*Wohlfsein*) как соответствие внешнего нашему внутреннему мы называем также *удовольствием*. Благоденствие (*Glückseligkeit*) представляет собой не единичное удовольствие, а продолжительное состояние отчасти самого действительного удовольствия, отчасти же тех обстоятельств и средств, благодаря которым

у тебя всегда есть возможность доставить себе удовольствие, если ты этого захочешь. Последнее, таким образом, есть удовольствие представления. Но и в благоденствии, и в удовольствии присутствует понятие удачи (Glück), означающее, что соответствие внешних обстоятельств внутренним определениям побуждений является случайным. Блаженство же (Seligkeit), напротив, состоит в том, что в нем нет никакой удачи, что в нем соответствие внешнего бытия внутреннему желанию не является случайным. Блаженство может быть приписано только *богу*, в коем хотение и исполнение для его абсолютного могущества есть одно и то же. Для нас же соответствие внешнего нашему внутреннему ограничено и случайно. Тут человек зависим.

§ 25

Моральная воля в отношении умонастроения не совершенна. Она представляет волю, *целью* которой является *совершенство*, но: 1) к достижению этой цели ее толкают также побуждения чувственности и единичности; 2) она не имеет в своей власти средств и поэтому ограничена в осуществлении благополучия других. В *религии*, напротив, божественное существо, совершенство воли, рассматривают соответственно обеим сторонам божественного существа, а именно по *совершенству образа мыслей*, каковой уже не содержит посторонних побуждений, и затем по *совершенству могущества* в достижении святых целей.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Учение о праве

§ 1

Необходимо рассмотреть: 1) право само по себе и 2) его существование в гражданском обществе.

§ 2

С точки зрения права следует исполнять только всеобщую волю, невзирая на намерение или убеждение единичного человека, и вообще человек является предметом права только как свободное существо.

§ 3

Право заключается в том, чтобы с каждым в отдельности другой считался и обращался как со свободным существом, ибо лишь тогда свободная воля имеет в другом человеке самое себя в качестве предмета и содержания.

Пояснение. В основе права лежит свобода отдельного человека, и право заключается в том, чтобы я обращался с другим как со свободным существом. Разум требует соблюдать право. По своей сущности каждый является свободным человеком. В силу своих особенных состояний и свойств люди различны, но различие это не касается абстрактной воли, как таковой. Тут они суть одно и то же, и тут уважать другого — значит уважать самого себя. Именно это и приводит к тому, что нарушением права *одного* человека наносится оскорбление *всем* в их праве. Здесь уже совсем иного рода сочувствие, чем то, когда сочувствуют только *ущербу* другого, ибо 1) частичная или полная утрата кем-нибудь своего имущества, хорошее состояние которого хотя и желательно, но само по себе не необходимо, огорчает меня, однако я не могу сказать, что его, как такового, не должно было быть; 2) подобные события относятся к особенностям человека. При всем сочувствии мы отделяем несчастные случаи от нас самих и рассматриваем их как нечто такое, что нас непосредственно не касается. Наоборот, когда нарушено право другого, каждый чувствует себя задетым за живое, ибо право есть нечто всеобщее. Следовательно, правонарушение мы не можем считать чем-то таким, что нас непосредственно не касается. Мы чувствуем себя тем более оскорбленными им, что право есть нечто необходимое.

§ 4

Каждый, поскольку его признают свободным существом, есть *лицо*. Поэтому принцип права можно выразить и так: с каждым другим должен обращаться именно как с лицом.

Пояснение. Понятие личности включает в себя особенность *Я* (*Ichheit*) или же отдельность как нечто свободное или всеобщее. Люди обладают личностью в силу своей духовной природы.

§ 5

Именно отсюда вытекает, что ни одного человека нельзя принуждать к чему-либо, кроме прекращения насилия, примененного им к другому.

Пояснение. Бывают ограничения свободы и законы, допускающие, чтобы с людьми обращались не как с лицами, а как с вещью, например законы, разрешающие рабство. Однако последние являются лишь позитивными законами и правами, и притом такими, которые противны разуму и абсолютному праву.

§ 6

Поступок, стесняющий свободу другого человека или не признающий в нем свободную волю, является противоречащим праву.

Пояснение. В абсолютном смысле по отношению к человеку, строго говоря, невозможно никакое принуждение, потому что каждый представляет собой свободное существо, ибо он может отстоять свою волю вопреки необходимости и отказаться от всего, что имеет отношение к его наличному бытию. *Принуждение* происходит следующим образом. С наличным бытием человека соединяют что-нибудь в качестве его условия так, что, если он хочет сохранить первое, ему приходится мириться и со вторым. А так как наличное бытие чело-

века зависит от внешних предметов, то он может быть поставлен в зависимость именно со стороны своего личного бытия. Человека принуждают только тогда, когда он хочет чего-то, с чем связано еще и другое, а захочет ли он *того*, а с ним и *другого* или же не захочет *ни того, ни другого*, это зависит от его воли. Уж если его принуждают, то, к чему его склоняют, тоже в его воле. Принуждение есть в этом смысле лишь нечто относительное. Оно является *справедливым*, если к нему прибегают для того, чтобы добиться признания отдельным человеком. Такое насилие с известной точки зрения не является насилием и не противоречит достоинству свободного существа, ибо воля, какова она сама по себе, это и есть абсолютная воля каждого в отдельности. Свобода бывает вообще там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека.

§ 7

Позволено, а потому и не предписывается правом все, что не стесняет свободы других, иначе говоря, все, что не препятствует их актам.

Пояснение. Право содержит, собственно говоря, только *запрещения*, а не *приказания*, а что не запрещается, то *позволено*. Но правовые запрещения могут быть выражены позитивно как *приказания*, например: ты должен соблюдать договор! Всеобщий правовой принцип, особенными применениями которого являются все другие, гласит: ты должен уважать собственность другого! Это не означает, что ты должен сделать для другого что-нибудь позитивное, произвести какое-то изменение в окружающих обстоятельствах, а требует только *не совершать* нарушения [права] собственности. Таким образом, если право и выражают как позитивное *приказание*, то это последнее лишь форма выражения, в основе которого по содержанию всегда лежит запрет.

§ 8

Подчиняя себе вещь, воля делает ее *своей*. *Владение* и есть эта подчиненность вещи моей воле,

Пояснение. Для подчинения нужно двоякое: нечто всеобщее и нечто единичное. Я подчиняю нечто единичное, если присваиваю ему всеобщее определение. Это подчинение вообще встречается в суждении. Подчиняющее в суждении — это предикат, а подчиненное — субъект. Вступление во владение есть произнесение суждения, что некоторая вещь становится моей. Подчиняющим здесь является моя воля. Я даю вещи предикат «моя». Воля есть подчиняющее для всех внешних вещей, ибо по себе она есть всеобщность. Все вещи, не относящиеся сами к себе, являются только необходимыми, а не свободными. Это обстоятельство дает, таким образом, человеку право завладевать всеми внешними вещами и делать из них уже нечто иное, чем то, что есть они сами. Тем самым он поступает с ними лишь сообразно их сущности.

§ 9

Вещь, которой еще только намереваешься завладеть, должна быть 1) *res nullius* [ничьей], т. е. не быть такой вещью, которая уже подчинена другой воле.

Пояснение. Мне нельзя вступить во владение вещью, уже принадлежащей другому, не потому, что она вещь, а потому, что она *его вещь*. Ибо, вступая во владение этой вещью, я уничтожаю в ней тот предикат, что она его, и тем отрицаю волю этого человека. Воля же есть нечто абсолютное, чего я не могу превратить в нечто негативное.

§ 10

2) Во владение нужно *вступить*, т. е. нужно путем ли физического захвата, или путем *формирования*, или хотя бы путем обозначения предмета сделать ясным для других, что я подчинил этот предмет моей воле.

Пояснение. Внешнему овладению должен предшествовать внутренний волевой акт, выражающий то, что вещь будет моей. Первый способ овладения — это физический захват. Он имеет тот недостаток, что захватываемые предметы должны быть такими, чтобы я мог непосредственно схватить их рукой или накрыть своим телом, а кроме того, он недолговечен. Второй, более

совершенный способ — это формирование, состоящее в том, что я придаю вещи некоторую форму, например возделываю поле, превращаю золото в бокал. Здесь та форма, что это мое, непосредственно соединена с предметом и потому в себе и для себя является знаком того, что *материя тоже* принадлежит мне. К формированию, между прочим, относятся также посадка деревьев, приручение и кормление животных. Несовершенный способ землевладения — это использование какого-нибудь района без его формирования, например когда кочевые народы используют территорию для выпаса скота, народы, занимающиеся охотой, — для охоты, занимающиеся рыболовством народы используют побережье моря или реки. Такое овладение еще поверхностно, так как имеющееся здесь использование является лишь временным, еще неустойчивое, не прикреплено к предмету. Овладение предметом путем одного только обозначения несовершенно. Знак, не составляющий одновременно, как при формировании, суть самого предмета, — это вещь, обладающая значением, которое не является, однако, ее собственной сущностью и к которому эта вещь относится, следовательно, как чуждая. Но кроме того, она обладает также и своим собственным значением, которое не связано с природой самого предмета, обозначенного этой вещью. Таким образом, обозначение произвольно. Знаком чего должна быть вещь — это в большей или меньшей мере дело соглашения (*Convenienz*).

§ 11

Владение становится *собственностью*, *законным*, если все другие признают, что вещь, которую я сделал своей, моя, равно как и я признаю владение других их владением. Мое владение *признается*, потому что оно — акт свободной воли, которая внутри самой себя есть нечто абсолютное и в которой всеобщим является то, что воление других я тоже рассматриваю как нечто абсолютное.

Пояснение. Владение и собственность — это два различных определения. Отнюдь не всегда владение и собственность связаны. Можно иметь собственность и в то

же время не владеть ею. Если я, например, кому-то другому ссудил что-нибудь, то оно остается моей собственностью, хотя я уже этим и не владею. Владение и собственность входят в то понятие, что я имею господство над чем-нибудь. Собственность представляет собой правовую сторону этого господства, а владение — только ту внешнюю сторону, что нечто вообще находится в моей власти. Правовое есть сторона моей абсолютной свободной воли, объявившей нечто своим. Эту волю другие должны признать, поскольку она существует сама по себе и поскольку ранее указанные условия соблюдены. Собственность имеет, таким образом, внутреннюю и внешнюю сторону. Первая — это акт воли, который должен быть признан, как таковой, вторая же, взятая сама по себе, представляет собой вступление во владение. Будет ли вступление во владение признано другими, это кажется случайным, иначе говоря, произвольным. Однако оно должно быть признано, ибо такова природа самого дела. Признание основано не на взаимности. Я признаю не потому, что и ты признаешь, и наоборот, а природа самого дела служит основой этого взаимного признания. Я признаю волю другого потому, что она сама по себе должна быть признана³.

§ 12

Я могу *отчуждать* от себя (*mich entäußern*)⁴ свою собственность, и она благодаря моей свободной воле может перейти к другому.

Пояснение. Хотя мои силы и способности и являются более всего принадлежащей мне собственностью, но они тоже имеют внешнее выражение. Согласно абстрактному определению, они внешни уже постольку, поскольку я могу отличить их от себя, от простого Я. Но и сами по себе они суть единичные и ограниченные силы и способности, не составляющие самой моей сущности. Моя сущность, сама по себе всеобщая, отлична от этих особенных определений. Наконец, они являются внешними в их *применении*. Именно применяя их, я превращаю их во внешнюю форму, и произведенное ими есть нечто внешне существующее. В применении нахо-

дится не сила, как таковая; она сохраняется, хотя она выявила себя и превратила это свое выявление в некоторое отличное от нее наличное бытие. Это выявление силы есть нечто внешнее постольку также, поскольку представляет собой нечто ограниченное и конечное. Если нечто является моей собственностью, то хотя я и связал его со своей волей, но связь эта не абсолютна. Ибо если бы связь эта была такой, то моя воля должна была бы по своей сущности находиться в этой вещи. Но я превратил свою волю здесь только в нечто особенное, и могу, так как воля моя свободна, эту особенность снова снять.

§ 13

Неотчуждаемы те блага, которые не столько являются моим владением или собственностью, сколько образуют мою собственную личность, иначе говоря, содержатся в моей сущности, как например, свобода воли, нравственность, религия и т. д.

Пояснение. Отчуждаемы только внешние уже по своей природе блага; *личность*, например, я не могу считать чем-то внешним для меня, ибо отказаться от своей личности — значит превратить себя в вещь. Но такое отчуждение было бы недействительным. Тот отчуждал бы свою *нравственность*, кто дал бы другому, например, обещание совершать по его приказу всевозможные действия, как преступные, так и безразличные, все равно. Но такое обязательство не может иметь никакой силы, ибо оно включает в себя свободу воли, обладая которой каждый должен отвечать за себя сам. Нравственные или безнравственные деяния — это собственные поступки того, кто их совершает, и в силу этого я не могу их отчуждать. Я не могу отчуждать и свою *религию*. Если бы община или же отдельный человек предоставили кому-нибудь третьему определять, что должно составлять их веру, то это было бы обязательством, от которого каждый мог бы отказаться. Причем по отношению к тому, перед кем я взял на себя такое обязательство, это не было бы несправедливостью, так как то, что я ему предоставил, *никогда и не могло стать его собственностью*.

Напротив, определенное *употребление* своих духовных и физических сил и вещи, которыми я владею, я могу отчуждать.

Пояснение. Отчуждать можно только *ограниченное* употребление своих сил, так как это употребление, иначе говоря, ограниченное действие, отлично от силы. Но *непрерывное* употребление, или действие *во всем* своем объеме, неотлично от силы самой по себе. Сила есть нечто внутреннее, нечто всеобщее по отношению к своему проявлению. Проявления же суть некоторое ограниченное в пространстве и времени наличное бытие. Сила сама по себе не исчерпана в отдельном таком наличном бытии, а также не связана с каким-либо одним из своих случайных действий. Во-вторых, сила должна действовать и проявляться, иначе она не сила. В-третьих, самое силу составляет весь объем ее действий, ибо весь объем проявления есть то же самое всеобщее, что и сила, и потому человек не может отчуждать всего употребления своих сил: иначе он отчуждал бы свою личность.

§ 15

Для отчуждения в пользу другого требуется *мое* согласие передать ему вещь и *его* согласие принять ее: это обоюдное согласие, если оно взаимно высказано и объявлено действительным, называется *договором* <растум>.

Пояснение. Договор есть особый способ стать собственником вещи, которая уже принадлежит другому. Ранее же разобранный способ сделаться собственником состоял в непосредственном овладении вещью, которая была *res nullius* [ничьей]. 1) Простейшим видом договора можно считать *дарственный договор*, в котором кто-либо просто передает какую-то вещь в пользу другого, не получая взамен ее стоимость. Действительное дарение есть договор, ибо в дарении должна участвовать воля двоих: одного, чтобы передать вещь другому, не беря за нее ничего, другого, чтобы принять эту вещь;

2) договор мены состоит в том, что я передаю другому что-либо из моей собственности при условии, что он мне дает за это вещь равную по стоимости. Здесь необходимо обоюдное согласие каждого отдать что-нибудь, а взамен взять предложенное другим; 3) *купля и продажа* есть особый вид мены — обмен товаров на деньги. *Деньги* — это всеобщий товар, который как абстрактная стоимость не может, следовательно, сам быть употреблен для удовлетворения какой-либо особенной потребности. Они лишь *всеобщее средство* для приобретения за них тех особенных вещей, в которых нуждаешься. Употребление денег только косвенное. Никакая материя, обладая этими качествами, сама по себе не есть деньги, ее признают деньгами лишь благодаря соглашению; 4) *наем* состоит в том, что я передаю кому-либо свое владение, т. е. пользование моей собственностью, но самое владение оставляю за собой. При этом может быть так, что тот, кому я что-либо отдал внаем, должен возвратить мне ту же самую вещь, и так, что я оставляю за собой собственность лишь на вещь того же самого рода или той же самой стоимости.

§ 16

Содержащееся в договоре волеизъявление не есть еще осуществление перехода моей вещи или труда к другому. Таким переходом, совершающимся на основании договора, является *выполнение*.

Пояснение. Мое обязательство по договору содержит в себе как исключение вещи посредством моей воли из сферы моего, так и признание, что другой сделал ее своей. Так как то, что какой-нибудь предмет является моим, поскольку он зависит от меня, имеет свое основание в моей воле, то благодаря договору вещь уже стала собственностью другого. Если бы я не выполнял определенного в договоре по отношению к другому, т. е. не вводил его во владение, то этим я нарушил бы его [право] собственности. Таким образом, я самым договором обязан к его выполнению. <Наследование через завещание.>

Посягательство другого человека на сферу моей свободы может быть 1) или таким, что он *распоряжается моей собственностью как своей*, иначе говоря, *утверждает*, что он имеет на нее право и что если бы не он, а я имел на нее право, то он уступил бы ее мне. Он уважает тут право вообще и утверждает только то, что оно в этом частном случае на его стороне. Или же 2) его поведение таково, что он вообще не признает моей воли и, стало быть, нарушает *право как право*.

Пояснение. Полученные до сих пор понятия охватывают природу права, его законы и его необходимость. Но право не является такого же рода необходимостью, как необходимое физической природы, например то, что солнце не может сойти со своего пути. Цветок должен вполне соответствовать своей природе. Если он, например, не осуществит своего формирования, то причина этого внешнее воздействие, а не он сам. Дух же, напротив, благодаря своей свободе может поступать вопреки законам. Возможны, следовательно, поступки, нарушающие право. Здесь необходимо различать: 1) всеобщее право, право как право; 2) особое право, которое касается только права отдельного лица на отдельную вещь. Всеобщее право состоит в том, что каждый вообще, независимо от этой собственности является юридическим лицом. Посягательство на право может, следовательно, быть и такого рода, когда этим утверждается только то, что это особое право, эта особенная вещь известному лицу не принадлежат. Всеобщее же право при этом не нарушается. Тут к своему противнику относятся как к правовому лицу. Такое суждение можно рассматривать в общем-то как и чисто *отрицательное* суждение, в котором в предикате отрицается особенное; например, если я высказываю суждение: эта печь не зеленая, то я отрицаю только предикат такой-то окрашенности, а не всеобщий предикат. Во втором случае, посягая на право другого, я не только утверждаю, что некоторая особенная вещь не является собственностью другого, но отрицаю также и то, что он

является правовым лицом. Я обращаюсь с ним не как с лицом. Я притязаю на нечто не потому, что имею на это право или считаю, что я его имею. Я нарушаю право как право. Такое суждение принадлежит к тем, которые называются *бесконечными*. Бесконечное суждение отрицает в предикате не только особенное, но и всеобщее; например: эта печь не кит; или: она не память. Так как отрицается не только определенное, но и всеобщее предиката, то субъекту не остается ничего. Такие суждения поэтому бессмысленны, но тем не менее правильны. Точно так же нарушение права как права есть нечто возможное, что и случается, но бессмысленное, противоречащее себе. Случаи первого рода относятся к *гражданскому праву*, случаи второго — к *криминальному праву*. Первое называется также *гражданским*, второе *уголовным* правом.

§ 18

В первом случае необходимо простое выяснение правовых оснований, посредством которого и устанавливается, кому принадлежит это оспариваемое особое право. Однако для такого разбора мнений обеих сторон нужен *третий*, кто был бы свободен от их интереса владеть этой вещью и обращал бы внимание только на право, как таковое.

Пояснение. В первом случае возникает, таким образом, *гражданский процесс*. В нем-то и оспаривается право другого, но на правовой основе. Обе спорящие стороны в том как раз и сходятся, что они признают право как право. И вступить во владение должен лишь тот, кто прав, а не тот, скажем, кто имеет влияние, власть или больше заслуг. Стороны расходятся только в отношении подведения особенного под всеобщее⁵. И именно в этом причина того, что между судьей и обеими сторонами не возникает ни личной обиды, поскольку одна сторона недовольна его приговором, ни личной обиды судьи против той стороны, которую он признал неправой. И так как здесь нет посягательства на что-либо личное, то сторона, несправедливо претендовавшая на собственность другого, не наказывается.

Второй случай, напротив, касается ущерба, наносимого моей личной внешней свободе, моему телу и жизни или же моей собственности вообще путем *насильственных действий*.

Пояснение. Сюда относится в первую очередь незаконное лишение меня свободы посредством *тюремного заключения* или *рабства*. Не иметь возможности отправиться туда, куда хочешь, и т. п. — это и есть лишение естественной внешней свободы. Сюда же относится нанесение ущерба *телу и жизни*. Последнее гораздо значительнее, нежели лишение меня собственности. Хотя жизнь и тело суть нечто внешнее, как и собственность, тем не менее под ними задета моя личность, ибо мое непосредственное самоощущение находится в самом моем теле.

§ 20

Принуждение, установленное подобным поступком, не только должно быть прекращено, т. е. внутренняя ничтожность такого поступка должна быть наказана не только негативно, но необходимо также, чтобы и позитивно осуществилось *возмездие*. <Против такого поступка необходимо выставить как довод форму разумности вообще, всеобщность, или равенство.> Ведь если поступающий так существо разумное, то в его поступке заключено то, что его поступок есть нечто всеобщее. Грабя другого, ты грабишь себя! Убивая кого-нибудь, ты убиваешь всех и самого себя! Поступок — это закон, который ты устанавливаешь и который именно своим поведением ты признал в себе и для себя. Поступающего так можно поэтому вместо себя подвести под тот самый способ действия, который он установил, и тем самым восстановить нарушенное им равенство: *jus talionis* [право возмездия].

Пояснение. Возмездие основывается вообще на разумной природе несправедливого поступающего, иначе говоря, оно состоит в том, что несправедливое превращается в справедливое. Несправедливый поступок — это единичный неразумный поступок. Но так как он совер-

шается разумным существом, то он представляет собой, правда не по своему содержанию, но по *форме*, все же нечто *разумное* и всеобщее. Кроме того, его следует рассматривать как принцип или *закон*. Однако, как таковой, этот закон действителен вместе с тем *только для [несправедливо] поступающего*, ибо только он, поступая так, признает этот закон, другие же не признают. Несправедливо поступающий сам подпадает под этот принцип или этот закон, который и должен быть осуществлен по отношению к нему. Несправедливость, которую он совершил, в применении к нему является справедливостью, ибо этим вторым действием, им признанным, восстанавливается равенство. Здесь мы имеем только формальное право.

§ 21

Возмездие, однако, не должно осуществляться отдельным обиженным человеком или его близкими, ибо у них общеправовая точка зрения связана в то же время со случайностью страсти. Оно должно быть действием третьего, обладающего властью, который выставляет как довод и исполняет только всеобщее. В последнем случае оно называется *наказанием*.

Пояснение. Месть и наказание отличаются друг от друга тем, что месть — это возмездие, поскольку оно осуществляется обиженной стороной, а наказание — это возмездие, поскольку оно налагается судьей. Возмездие потому-то и должно осуществляться как наказание, что в случаях мести имеет влияние страсть и право оказывается в тени. К тому же месть не обладает формой права, а имеет форму произвола, так как обиженная сторона действует, всегда повинаясь чувству или субъективной побудительной причине. Именно поэтому справедливость, осуществленная как месть, и является в свою очередь новой обидой, воспринимается только как единичный поступок и воспроизводится, таким образом, без примирения до бесконечности.

§ 22

Понятие права как сила, располагающая властью и независимая от побуждений единичности, обладает действительностью только в гражданском обществе.

§ 23

Семья представляет собой естественное общество, члены которого связаны любовью, доверием и естественным повиновением (*пизетт*).

Пояснение. Семья представляет собой естественное общество, во-первых, потому, что членом семьи являются не в силу своей воли, а в силу своего естества, и, во-вторых, потому, что отношения между членами семьи основаны не столько на размышлении и решении, сколько на чувстве и побуждении. Эти отношения являются необходимыми и разумными, но форма сознательного усмотрения отсутствует. Это скорее инстинкт. Любовь членов семьи друг к другу основывается на том, что одно *Я* составляет с другим отдельным *Я* некоторое единство. Они не считают себя отдельными в их отношении друг к другу. Семья — это органическое целое. Ее части — это, собственно говоря, не части, а члены, которые имеют свою субстанцию только в этом целом и отдельно от этого целого самостоятельностью не обладают. Доверие, питаемое членами семьи друг к другу, состоит в том, что каждый интересуется не собой, а только целым. Естественное повиновение внутри семьи основывается на том, что в этом целом существует только одна воля, а именно принадлежащая главе семьи. В этом отношении семья составляет только одно лицо. <Нация.>

§ 24

Государство — это общество людей с правовыми отношениями, в котором люди имеют значение друг для

друга не в силу каких-либо индивидуальных естественных отношений сообразно своим естественным склонностям и чувствам, а как лица, и эта личность каждого косвенно утверждается. Если семья, разрастаясь, превратилась в нацию и государство составляет с нацией одно целое, то это — большое счастье.

Пояснение. Народ связан в одно языком, нравами и обычаями, а также образованием. Но связь эта еще не образует государства. Для государства, правда, весьма важны, кроме того, мораль, религия, благосостояние и богатство всех его граждан. И оно должно заботиться о содействии этим обстоятельствам, однако непосредственную цель государства составляют не они, а *право*.

§ 25

Естественное состояние — это состояние некультурности, насилия и несправедливости. Из такого состояния люди должны вступить в гражданское общество, ибо только в последнем правовое отношение обладает действительностью.

Пояснение. Естественное состояние часто изображается в качестве *совершенного* состояния человека как с точки зрения благоденствия, так и с точки зрения нравственной доброты. Во-первых, следует заметить, что *невинность*, как таковая, не имеет никакой моральной ценности, поскольку она представляет собой незнание зла и покоится на отсутствии тех потребностей, при которых зло может совершаться. Во-вторых, это состояние является скорее состоянием *насилия* и *несправедливости* именно потому, что в нем люди оценивают себя сообразно природе. По природе же они *неравны* как в отношении физических сил, так и духовных способностей. И посредством насилия и хитрости люди делают действительным это свое различие. Разум существует, правда, и в естественном состоянии, но естественное является господствующим. Поэтому люди должны перейти из него в такое состояние, в котором господствует разумная воля.

§ 26

Закон есть абстрактное выражение всеобщей, в себе и для себя существующей воли.

Пояснение. Законом всеобщая воля является в той мере, в какой она является им с точки зрения разума. При этом совсем не обязательно, чтобы каждый отдельный человек непременно сам узнал или отыскал эту волю. Совсем не обязательно также и то, чтобы каждый отдельный человек объявлял свою волю, а затем отсюда извлекался бы всеобщий результат. Именно поэтому в действительной истории и не бывало так, чтобы каждый отдельный гражданин какого-либо народа предлагал закон, а затем путем общественного обсуждения договаривался с другими об этом законе. Закон содержит в себе необходимость правовых отношений между людьми. Законодатели не издавали произвольных постановлений. Их постановления не являются определениями их частного изволения. Благодаря своему глубокому уму они познали, что является истиной и сущностью правового отношения.

§ 27

Правительство есть индивидуальность в себе и для себя существующей воли. Оно есть сила, издающая и применяющая или исполняющая законы.

Пояснение. Государство имеет законы. Последние, стало быть, суть воля в ее всеобщей абстрактной сущности, которая, как таковая, бездеятельна, так как принципы, максимы еще не выражают и не заключают в себе какого-либо действительного воления, а [выражают] лишь всеобщее воление. Для этого всеобщего только правительство является деятельной и осуществляющей волей. Закон существует как обычай, правительство же представляет собой сознательную силу бессознательного обычая.

§ 28

Всеобщая государственная власть заключает в себе различные входящие в нее специальные власти:

1) законодательную вообще; 2) административную и финансовую (чтобы создавать себе средства для осуществления свободы); 3) (независимую) судебную и полицейскую; 4) военную и власть вести войну и заключить мир.

Пояснение. Характер государственного устройства зависит прежде всего от того, осуществляются ли эти специальные власти непосредственно центром правительства; затем, соединены ли некоторые из них в одной власти, или же они разделены; например, отправляет ли правосудие непосредственно государь или регент, или же имеются специальные судебные учреждения; затем, объединяет ли в себе правитель также и церковную власть, и т. д. Важно и то, обладает ли в государственном устройстве верховный центр правительства неограниченной финансовой властью в том смысле, что он может всецело по собственному усмотрению как устанавливать, так и расходовать налоги. Затем, соединены ли некоторые власти в одной, например соединены ли судебная и военная власть в одном должностном лице. Характер государственного устройства бывает определен еще и тем, все ли граждане принимают участие в управлении государством. Таким государственным устройством является *демократия*. Извращение последней — это *охлакратия*, или господство черни, когда та часть народа, которая не имеет собственности и придерживается недостойных взглядов, силой не допускает достойных граждан к государственным делам. Демократия может возникнуть и сохраниться только при простых, неиспорченных правах и маленьких размерах государства. *Аристократия* — это государственное устройство, в котором исключительное право управлять государством имеют только определенные привилегированные семьи. Извращением ее является *олигархия*, когда число семей, имеющих право управлять государством, незначительно. Такое положение дел опасно потому, что в олигархии специальные власти осуществляются непосредственно одним советом. *Монархия* — это государственное устройство, при котором управление государством находится в руках одного человека и по наследству остается в одной семье. В *наследственной монархии* ис-

ключены те споры и гражданские войны, которые могут возникнуть при смене престола в *выборной монархии*, ибо честолюбие могущественных особ не может питать никакой надежды на трон. Монарх, правда, не в состоянии непосредственно осуществлять всю правительственную власть и частично доверяет осуществление специальных властей коллегиям или же государственным чинам, которые именем короля под его надзором и согласно законам осуществляют возложенную на них власть. В монархии гражданская свобода более защищена, чем в других государственных устройствах. Извращением монархии является *деспотизм*, когда правитель осуществляет управление государством по своему произволу. Для монархии существенно, чтобы правительство обладало по отношению к частным интересам людей достаточной твердостью и должной властью. Но с другой стороны, необходимо также, чтобы права граждан были защищены законами. Хотя деспотическое правительство и обладает наивысшей властью, однако при таком государственном устройстве в жертву приносятся права граждан. Деспот обладает наибольшей властью и может использовать силы своего государства произвольно. Но эта точка зрения как раз и является *самой опасной*. Государственный строй народа не есть чисто внешнее устройство. Народ может иметь как то, так и другое государственное устройство. Оно зависит главным образом от характера народа, от его нравов, степени образованности, от образа жизни и численности народа.

§ 29

Граждане как отдельные люди подчинены государственной власти и повинуются ей. Содержанием же ее и целью является осуществление естественных, т. е. абсолютных, прав граждан, которые не отказываются от этих прав в государстве, а, напротив, только в нем и достигают *пользования ими и развития их*.

§ 30

Конституция государства устанавливает в качестве *внутреннего государственного права* отношение специ-

альных властей как к правительству — их высшему объединению, так и друг к другу, а также отношение к ним граждан, иначе говоря, участие в них граждан.

§ 31

Внешнее государственное право касается отношения самостоятельных народов при посредстве их правительств друг к другу и основывается преимущественно на особых договорах: *международное право*.

Пояснение. Государства находятся скорее в естественном, чем в правовом, отношении друг к другу. Именно поэтому между ними существует постоянный спор, так что они заключают между собой договоры и таким путем ставят себя в правовое отношение друг к другу. С другой же стороны, они совершенно самостоятельны и независимы друг от друга. Поэтому права между ними на самом деле не существует. Они могут, следовательно, произвольно нарушать договоры и должны из-за этого всегда оставаться в известном недоверии друг к другу. Как природные образования они относятся друг к другу соответственно своей силе. Они должны сами сохранять свое право, сами создавать его себе и поэтому вести между собой *войну*.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Учение о долге, или мораль

§ 32

То, что можно требовать от человека на основании права, представляет собой некоторую *обязанность*. *Долгом* же нечто является постольку, поскольку оно должно быть исполнено из моральных соображений.

Пояснение. Слово «долг» зачастую употребляется применительно к правовым отношениям. Правовые обязанности можно определить как *совершенные* обязанности, моральные — как *несовершенные*, ибо первые вообще должны исполняться и характеризуются внешней необходимостью, моральные же основываются на

субъективной воле. Однако определение это точно так же можно было бы и перевернуть, ибо правовой долг, как таковой, предполагает только внешнюю необходимость, при которой надлежащий образ мыслей может отсутствовать, иначе говоря, я могу при этом иметь даже дурные намерения. Напротив, с точки зрения морали нужно и то и другое: и надлежащий по своему содержанию поступок, и субъективное по форме уmonoстроение.

§ 33

Право оставляет уmonoстроению полную свободу. Моральность же преимущественно касается уmonoстроения и требует, чтобы поступок совершался из *уважения* к долгу. Следовательно, и соответствующий праву образ действий морален, если побудительной причиной последнего является уважение к праву.

§ 34

Уmonoстроение является субъективной стороной морального поведения или же его формой. В нем нет еще никакого содержания, которое было бы столь же существенно, как действительные поступки.

Пояснение. Считают, что с правовым образом действий необходимо связан и моральный. Может, однако, быть и такой случай, когда с правовым образом действий не связано соответствующее праву уmonoстроение, более того — когда при этом имеет место аморальность. Соответствующий праву поступок, если он совершается из уважения к закону, является одновременно и моральным. Поведения, соответствующего праву, и притом с моральным уmonoстроением, непременно нужно добиваться в первую очередь, и только тогда может прийти моральное поведение, как таковое, в котором нет никакого правового предписания (никакой правовой обязанности). Люди охотно поступают чисто морально, иначе говоря великодушно, и дарят зачастую с большей охотой, нежели они исполняют свои правовые обязанности. Ибо, поступая великодушно, они приобретают сознание своего собственного совершенства, тогда как действуя

в соответствии с правом, они, напротив, совершают нечто совершенно всеобщее, тождественное у них со всеми.

Все действительное содержит две стороны: истинное понятие и реальность этого понятия; например, понятием государства является обеспечение и осуществление права, к реальности же этого понятия относится своеобразное устройство государства, соотношение отдельных властей и т. д. Действительному человеку, а именно человеку, взятому с его практической стороны, тоже присущи понятие и реальность этого понятия. К первому относится чистая личность или же абстрактная свобода, ко второму — особенное предназначение наличного бытия и само это наличное бытие. Хотя в последнем и содержится больше, чем в понятии, тем не менее оно должно соответствовать понятию и быть им определено. Чистое понятие практического наличного бытия, *Я*, есть предмет права.

§ 35

Моральный образ действий касается человека не как абстрактного лица, а в плане всеобщих и необходимых определений его *особенного наличного бытия*. Он не является поэтому только запрещающим, как по сути дела правовые требования, приказывающие лишь не нарушать свободу другого, но *требует* сделать для другого также и нечто *позитивное*. Предписания морали направлены на единичную действительность.

§ 36

Человек, взятый в плане его особенного наличного бытия, как его рассматривает мораль, стремится к согласованию внешнего со своими внутренними определениями, к *удовольствию* и *благоденствию*.

Пояснение. Побуждения, т. е. внутренние определения, присущи человеку от природы, иначе говоря, с той стороны, с какой он и представляет собой вообще нечто действительное. Эти определения являются недостаточными, если они остаются только внутренними. Побуж-

дениями они называются, поскольку они ведут к ликвидации этого недостатка, т. е. требуют своей реализации, согласования внешнего с внутренним. Соответствие внешнего внутреннему есть удовольствие. Удовольствию поэтому предшествует рефлексия, как сравнение между внутренним и внешним, безразлично, появилось это внешнее благодаря мне или благодаря счастливой случайности. Источники удовольствия могут быть самыми разнообразными. Оно не зависит от содержания и касается только формы, другими словами, оно является чувством чего-то только формального, а именно указанного соответствия. Учение, имеющее целью удовольствие или, лучше сказать, благоденствие, называется *эвдемонизмом*. В нем, однако, не установлено, в чем следует искать удовольствия и благоденствия. Таким образом, возможен как совершенно грубый, примитивный эвдемонизм, так и более высокий, ибо на этом принципе могут основываться как добрые, так и злые поступки.

§ 37

Как удовольствие это соответствие есть некоторое *субъективное* чувство и нечто *случайное*, могущее возникать в связи с любым побуждением и его предметом, и я тут являюсь своей целью только в качестве природного существа и только в качестве *отдельного* человека.

Пояснение. Удовольствие есть нечто субъективное и относится только ко мне как отдельному существу. В нем нет ничего объективного, всеобщего, рассудочного. Именно поэтому оно и не является мерилom, с помощью которого судят о вещи. Если я говорю, что вот так мне нравится, иначе говоря, ссылаюсь на свое удовольствие, то я высказываю только, что это имеет такое значение для меня, и тем уже порываю рассудочные отношения с другими людьми. Удовольствие случайно по своему содержанию, потому что может возникать в связи с любым предметом, а так как оно не зависит от содержания, то представляет собой нечто формальное. По своему внешнему существованию удовольствие тоже случайно, нуждается в соответствующих обстоятельствах.

Средства, употребляемые мной для достижения удовольствия, суть нечто внешнее и от меня не зависят. Кроме того, наличному бытию, которое я создам при помощи этих средств, поскольку предполагается, что оно доставит мне удовольствие, нужно еще стать моим, достаться мне. Это, однако, дело случая. Следствия того, что я делаю, отнюдь не возвращаются ко мне. Я пользуюсь ими не в силу необходимости. Удовольствие, таким образом, возникает благодаря двоякого рода обстоятельствам: во-первых, благодаря некоторому наличному бытию, которое нужно найти готовым, что целиком зависит от удачи, и, во-вторых, благодаря такому наличному бытию, которое произвожу я сам. Хотя это последнее наличное бытие, будучи следствием моего деяния, зависит от моей воли, однако мне принадлежит лишь поступок, как таковой; результат же не обязательно возвращается ко мне, следовательно, наслаждение этим поступком тоже. В таком поступке, как поступок Деция Муса⁶, совершенный им для своего отечества, важно, что следствие этого поступка могло и не вернуться к Децию Мусу как наслаждение. Нельзя вообще *последствия превращать в принцип поступка*. Последствия поступка случайны, ибо они суть некоторое внешнее существование, которое зависит от других обстоятельств, иначе говоря, может быть ими уничтожено.

Удовольствие есть нечто вторичное, нечто сопутствующее делу. Если мы осуществляем что-нибудь субстанциональное, то удовольствие присоединяется к этому постольку, поскольку в произведении мы узнаём также и нашу субъективность. Тот, кто ищет удовольствие, имеет в виду только себя в плане своей акцидентальности. Тот, кто занят великими делами и интересами, стремится осуществить только дело само по себе. Он весь *устремлен на субстанциональное, забывает в нем самого себя, целиком отдается делу*. Люди великих интересов и дел обычно вызывают в народе сожаление, что они мало пользуются удовольствиями, т. е. что они живут делом, а не своей акцидентальностью.

Разум снимает ту неопределенность, которой приятное чувство характеризуется по отношению к предметам, очищает содержание побуждений от всего субъективного и случайного и знакомит в отношении содержания со всеобщим и *существенным желаемого*, а в отношении формы или умонастроения — с объективным, иначе говоря, с *действованием ради самой вещи*.

Пояснение. Сначала рассудок, или рефлексия, поднимаясь над непосредственным удовольствием, не меняет цели, или принципа. В этом случае рефлексия поднимается только над *единичным* удовольствием, сравнивает побуждения друг с другом и, следовательно, может предпочесть одно из них другому. Если рефлексия направлена не на удовольствие как нечто единичное, а на удовольствие в *целом*, она имеет в виду благоденствие. Такая рефлексия еще остается внутри субъективного принципа, и цель ее — все еще удовольствие, но только большее, более разнообразное. Тем, что она находит различия в удовольствии и вообще ищет приятное во всех различных сторонах, она *делает* все грубое, дикое и чисто животное в удовольствии *более тонким* и смягчает нравы и умонастроение вообще. Таким образом, если рассудок занимается средствами удовлетворения потребностей вообще, он облегчает этим их удовлетворение и получает возможность посвятить себя более высоким целям. С другой стороны, это утончение удовольствий делает человека более *изнеженным*. Вследствие того, что он тратит свои силы на столь различные предметы и ставит перед собой столь разнообразные цели, которые в силу различения их разных сторон становятся все мельче, его способность всей душой устремляться к существенному в целом ослабевает. Если человек превращает удовольствие в цель, то такая рефлексия отнимает у него стремление выйти за пределы удовольствия и совершить что-либо более высокое.

Удовольствие неопределенно в отношении содержания именно потому, что может возникать в связи с любым предметом. В этом смысле в удовольствии

нельзя, следовательно, найти никакого объективного различия, кроме *количественного*. Рассудок, взвешивая последствия, как раз и предпочитает большее удовольствие меньшему.

Разум же, напротив, находит *качественное* различие, т. е. различие в отношении содержания. Он предпочитает достойный предмет удовольствия недостойному. Он занимается, следовательно, *сравнением природы предметов*. В этом смысле он рассматривает уже не субъективное, как таковое, а именно приятное чувство, а нечто объективное. Он, следовательно, учит тому, какие предметы человек должен желать ради них самих. Для человека, которому вследствие его всеобщей природы открыты столь бесконечно разнообразные источники удовольствия, стремление к приятному обманчиво, и разнообразию этому нетрудно человека рассеять, т. е. отвлечь от той цели, которую ему следовало бы сделать своим назначением.

Влечение (Trieb) к приятному может соответствовать разуму, это означает, что оба имеют одно и то же содержание, что разум *узаконивает* это содержание. В отношении формы это влечение действует ради субъективного чувства, иначе говоря, имеет целью приятное для субъекта. Когда же поступок совершают ради всеобщего предмета, целью является сам объект. Напротив, влечение к приятному всегда эгоистично.

§ 39

Побуждения и склонности, 1) рассмотренные сами по себе, не являются ни добрыми, ни злыми, т. е. присущи человеку непосредственно как существу природы; 2) доброе и дурное суть моральные определения и относятся к воле. Доброе есть соответствующее разуму; 3) однако побуждения и склонности нельзя рассматривать, не связывая их с волей. Их связь с волей не случайна, а человек — это не два безразличных друг к другу существа.

Пояснение. Предметом нравственности является человек в его особенности. Прежде всего кажется, что последняя заключает в себе только множество различ-

постей — то неодинаковое, что отличает людей друг от друга. То же, чем люди отличаются друг от друга, представляет собой нечто случайное, зависящее от природы и внешних обстоятельств. Однако в особенном содержится одновременно и нечто всеобщее. Особенность человека состоит в его отношении к другим. Вот в этом-то отношении к другим и есть существенные и необходимые определения. Последние составляют содержание долга.

§ 40

Человек имеет 1) существенное определение быть отдельным человеком; 2) он принадлежит некоторому естественному целому — семье; 3) он является членом государства; 4) он находится в отношениях с другими людьми вообще. Обязанности человека делятся поэтому на четыре рода: 1) на обязанности перед самим собой; 2) перед семьей; 3) перед государством и 4) перед другими людьми вообще.

І. Обязанности перед самим собой

§ 41

Человек как индивид относится к самому себе. У него две стороны: *единичность* и *всеобщая* сущность. В связи с этим его долг перед собой заключается частью в *физическом сохранении* себя, частью же в том, чтобы поднять свое отдельное существо до своей всеобщей природы — образовать себя.

Пояснение. С одной стороны, человек — природное существо. Как таковое, он ведет себя сообразно своему произволу и случаю, т. е. как непостоянное, субъективное существо. Он не отличает существенного от несущественного. — Во-вторых, он существо духовное и разумное. Взятый с этой стороны, он *не бывает* от природы тем, чем он *должен быть*. Животное не нуждается в образовании, ибо животное от природы есть то, чем оно должно быть. Оно лишь природное существо. Человек же должен согласовать две свои стороны, привести свою единичность в соответствие со своей разум-

ной стороной, иначе говоря, сделать последнюю господствующей. Некультурно, например, когда человек отдается своему *гневу* и действует, слепо повинаясь этому аффекту, ибо в гневе он принимает нанесенную ему обиду или вред за бесконечные и без меры и цели старается отплатить за них, причиняя вред обидчику или другим предметам. — Некультурно, когда кто-нибудь следует такому *интересу*, который или несвойствен этому человеку, или недостижим в его деятельности, ибо разумным образом можно делать своим интересом лишь то, чего можешь добиться своей собственной деятельностью. Далее, если человек, испытывая превратности судьбы, *теряет терпение*, значит, свои собственные интересы считает самым важным делом, чем-то таким, к чему, по его мнению, должны принаравливаться и люди, и обстоятельства.

§ 42

В *теоретическое образование* входит кроме многообразия и определенности знаний, а также всеобщности точек зрения, позволяющих судить о вещах, умение воспринимать объекты в их свободной самостоятельности, без субъективного интереса.

Пояснение. Многообразие знаний самих по себе входит в образование потому, что именно благодаря многообразию знаний самих по себе человек поднимается от *партикулярного* знания незначительных вещей своего окружения ко всеобщему знанию, благодаря которому он достигает большей общности знаний с другими людьми, овладевает предметами *всеобщего интереса*. Выходя за пределы того, что он знает и испытывает непосредственно, человек узнает, что существуют также другие, и притом лучшие, способы вести себя и действовать и что его способы не являются единственно необходимыми. Этим он отдаляет себя от себя самого и приходит к различению существенного и несущественного. *Определенность знаний* касается их существенного различия, тех различий, которые во всяком случае принадлежат предметам. К образованности относится умение судить об отношениях и предметах дей-

ствительности, именно для этого и нужно знать, от чего это зависит, что такое природа и цель как вещи, так и отношений друг к другу. Эти аспекты открываются человеку не непосредственно через созерцание, а благодаря занятиям этой вещью, благодаря размышлению как о ее цели и сущности, так и о средствах, насколько они действительны или недействительны. Необразованный человек не идет дальше непосредственного созерцания. Его глаза закрыты, и он не видит того, что лежит у его ног. Это только субъективное видение и постижение. Он не видит суть. Он лишь приблизительно знает, какова вещь, да и то *не как следует*, потому что только знание всеобщих аспектов направляет человека на то, что нужно рассматривать главным образом. Вернее даже, знание всеобщих аспектов уже и есть главное самой этой вещи, оно уже включает в себе ее важнейшие отделы, в которые, стало быть, остается лишь, так сказать, вложить внешнее наличное бытие, и следовательно, это знание способно постигать гораздо легче и правильнее.

Противоположностью неумения судить является манера судить обо всем чересчур поспешно, без понимания. Такое торопливое суждение основывается на том, что становятся на одностороннюю точку зрения, берут один аспект и тем самым упускают из виду истинное понятие вещи, не обращают внимания на остальные аспекты. Образованный человек знает в то же время *границы своей способности суждения*.

Далее, в образование входит умение воспринимать *объективное в его свободе*. Оно заключается в том, чтобы в предмете я искал не свой собственный субъект, а рассматривал бы и трактовал предметы так, как они существуют сами по себе, в их свободном своеобразии, чтобы я интересовался ими без какой-либо личной выгоды. Такой бескорыстный интерес важен в *изучении наук*, если, разумеется, культивировать их ради них самих. Желание извлекать пользу из предметов природы связано с разрушением последних. Интерес к *изящному искусству* тоже бескорыстен. Оно изображает вещи в их живой самостоятельности и устраняет те недостатки и стеснения, которым они подвергаются

от внешних обстоятельств. Объективный *поступок* состоит в том, что, 1) взятый даже со своей безразличной стороны, он имеет *форму всеобщего*, лишен произвола, прихоти, каприза, свободен от странностей и т. п.; 2) со своей внутренней, существенной стороны он является объективным, если имеет целью *самое истинную вещь*, и лишен корыстного интереса.

§ 43

Практическое образование требует, чтобы человек, удовлетворяя свои естественные потребности и влечения, проявлял благоразумие и соблюдал ту меру, которая лежит в границах их необходимости, т. е. необходимости самосохранения. Человек 1) должен быть способен *выйти* из естественного, быть свободным от него; 2) напротив, в свое призвание (*Beruf*), в существенное он должен быть *углублен*; наконец, 3) он должен быть способен не только к тому, чтобы ограничить удовлетворение естественного пределами необходимости, но и к тому, чтобы *принести его в жертву* более высоким обязанностям.

Пояснение. Свобода человека от естественных побуждений заключается не в том, что он не имеет их и, следовательно, не стремится уйти от своей природы, а в том, что он признает их в общем необходимыми и тем самым разумными и в соответствии с этим исполняет их по собственной воле. Он оказывается тут принужденным лишь в том случае, если вопреки этому всеобщему обзаводится случайными и произвольными мыслями и целями. Определенную, строгую меру в удовлетворении потребностей и употреблении физических и духовных сил точно указать невозможно, но каждый может знать, что именно ему полезно, а что вредно. Соблюдение меры в удовлетворении естественных побуждений и в пользовании телесными силами необходимо, собственно говоря, ради *здоровья*, ибо последнее является существенным условием пользования духовными силами для исполнения высшего назначения человека. Если тело не сохранено в его нормальном состоянии, если нарушена какая-нибудь из его

функций, то приходится делать тело целью своих занятий, вследствие чего оно превращается в нечто слишком важное и значительное для духа. — Далее, нарушение меры в пользовании физическими и духовными силами, как чрезмерным, так и недостаточным их употреблением приводит к притуплению и слабости этих сил.

Наконец, умеренность связана с *благоразумием*. *Благоразумие* состоит в способности сознавать, что делаешь, в том, что человек, наслаждаясь или работая, наблюдает за собой посредством рефлексии и, следовательно, не целиком отдается этому единичному состоянию, а остается способным к размышлению обо всем другом, что еще будет необходимо. *Благоразумный* человек, воспринимая что-нибудь или занимаясь каким-то делом, одновременно в своем духе вне этого состояния. Это умение не целиком отдаваться своему состоянию вообще требуется при необходимых, но все-таки несущественных побуждениях и целях. Напротив, при истинной цели или при истинном деле необходимо, чтобы дух со всей серьезностью был налицо, а не находился бы одновременно и вне их. *Благоразумие* здесь состоит в том, чтобы не упускать из виду все обстоятельства и стороны работы.

§ 44

Что касается определенного *призвания*, которое кажется какой-то *судьбой*, то нужно всего лишь снять с него форму внешней необходимости. Свою судьбу нужно выбирать свободно и так же переносить и осуществлять.

Пояснение. По отношению к внешним обстоятельствам своей судьбы и вообще ко всему, что он есть непосредственным образом, человек должен вести себя так, чтобы сделать все это *своим*, лишит все это формы внешнего бытия. Неважно, какое положение в обществе занимает человек благодаря своей судьбе, *если он действительно есть то, что он есть*, т. е. если он вполне соответствует своему призванию. Призвание — многосторонняя субстанция. Призвание есть как бы

предмет или материал, который нужно всесторонне проработать, чтобы в нем не осталось ничего чуждого, недоступного, сопротивляющегося. Если я сделал этот материал совершенно своим для меня, то в нем я свободен. Преимущественно из-за того человек и бывает *недоволен, если он не соответствует своему призванию*. Он ставит себя в такие условия, которыми не обладает как действительно своими. В то же время он принадлежит такому состоянию. Он не может отделаться от этого состояния. Он живет и действует, следовательно, в каком-то превратном отношении с самим собой.

§ 45

Верность и покорность своему призванию, а также покорность своей судьбе, и способность забывать о самом себе в своей деятельности основаны на отказе от тщеславия, самомнения и эгоизма и сосредоточении внимания на том, что существует в себе и для себя и является необходимым.

Пояснение. Призвание есть нечто всеобщее и необходимое и составляет известную сторону человеческого общежития. Призвание есть, следовательно, *часть всего созданного людьми*. Имея призвание, человек приобщается ко всеобщему и принимает в нем участие. Благодаря этому он становится объективностью. Хотя призвание и представляет собой единичную ограниченную среду, оно все же образует необходимый член целого и в самом себе тоже является *целым*. Чтобы стать кем-то, человек должен суметь ограничить себя, т. е. сделать свое призвание вполне своим делом. В этом случае призвание не является для него ограничением. Здесь человек един как сам с собою, так и со своим внешним окружением, со своей средой. Он есть всеобщее, целое. Если человек делает своей целью что-либо *суетное*, т. е. несущественное, ничтожное, то здесь заложен не интерес к делу, а интерес к себе. Суетное не представляет собой сущего в себе и для себя, но получает существование только благодаря субъекту. Человек видит в нем только себя. Таково, например, *моральное тщеславие*, когда человек в своих поступках пола-

гает свое превосходство и вообще проявляет больше интереса к самому себе, чем к делу. Человек, который честно исполняет незначительные дела, показывает этим свою способность к большим делам, ибо он проявил *покорность* и способность отказываться от своих желаний, склонностей и фантазий⁷.

§ 46

Благодаря интеллектуальному и моральному образованию человек получает способность выполнить *обязанности по отношению к другим*, каковые можно назвать *реальными*, в то же время как обязанности, относящиеся к образованию, напротив, скорее *формальной* природы.

§ 47

Если исполнение обязанностей оказывается более чем субъективной собственностью индивидуума и скорее присуще его естественному характеру, оно есть *добродетель*.

§ 48

Так как добродетель связана отчасти с естественным характером, то она выступает как моральность определенного рода, как моральность большей жизненности и интенсивности. В то же время она менее связана с сознанием долга, чем моральность в строгом смысле этого слова.

II. Обязанности перед семьей

§ 49

Получив образование, человек имеет возможность действовать. Если он действительно действует, он по необходимости находится в отношениях с другими людьми. Первые необходимые отношения, в которые индивид вступает с другими, это *семейные отношения*. Эти отношения, правда, имеют и правовую сторону, но она подчинена стороне моральной, принципу любви и доверия.

Пояснение. Семья по существу составляет только одну субстанцию, только одно лицо. Члены семьи *не являются лицами* по отношению друг к другу. Они вступают в такое отношение лишь тогда, когда моральная связь по несчастью распалась. У древних это умонастроение семейной любви, равно как и соответствующее поведение, называлось *pietas*. Пietet имеет с благочестием, каковое тоже обозначается этим словом, то общее, что они предполагают некоторую *абсолютную* связь, в себе и для себя существующее единство внутри духовной субстанции, связь эта не скреплена особым произволом или случаем.

§ 50

Такое умонастроение, далее, заключается в том, что сущность каждого члена семьи не есть его лицо, но лишь семья как целое составляет личность.

§ 51

Связь двух лиц различного пола, называемая *браком*, это не просто *естественный*, животный союз и не просто *гражданский договор*, а прежде всего моральный союз, возникающий на основе взаимной любви и доверия и превращающий супругов в одно лицо.

§ 52

Долг *родителей перед детьми* — заботиться об их *прокормлении и воспитании*; долг *детей* — *повиноваться*, пока они не стали самостоятельными, и чтить родителей всю свою жизнь; долг *братьев и сестер* вообще — обходиться друг с другом с любовью и в высшей степени справедливо.

III. Обязанности перед государством

§ 53

Природное целое, каковым является семья, разрастаясь, превращается в целое народа и государства,

которое для индивидов, взятых по отдельности, представляет собой некую самостоятельную волю.

Пояснение. Государство стремится, с одной стороны, к тому, чтобы не считаться с умонастроением граждан, коль скоро ему нужно сделаться независимым от воли отдельных людей. Поэтому оно точно указывает отдельным людям их обязанности, т. е. долг каждого перед целым. Государство не может полагаться только на умонастроение, так как последнее точно так же может быть своекорыстным и может противоречить интересам государства. На этом пути государство превращается в *машину*, в систему внешних зависимостей. Но с другой стороны, оно не может не считаться с *настроением* граждан. Правительственное предписание может содержать только всеобщее. Действительный же поступок, выполнение государственных целей включает в себя особенные способы деятельности. Источником последних может быть только индивидуальный рассудок, умонастроение человека.

§ 54

Государство не только скрепляет общество правовыми отношениями, но и, будучи в моральном отношении действительно более высокой всеобщей сущностью, способствует единству в нравах, образовании и во всеобщем образе мыслей и действий (так как каждый духовно созерцает и познает в другом свою всеобщность).

§ 55

Дух народа составляет духовную субстанцию каждого отдельного гражданина. Не только сохранение отдельного человека основано на сохранении этого живого целого, но последнее представляет собой также и всеобщую духовную природу, иначе говоря, сущность каждого вопреки его единичности. *Сохранение этого целого имеет поэтому большее значение, чем сохранение индивида*, и все должны обладать таким умонастроением.

§ 56

Если смотреть на дело только с правовой точки зрения, то, поскольку государство охраняет частные права отдельных людей, а отдельный человек имеет в виду прежде всего свое имущество, по отношению к государству вполне возможно пожертвование части собственности ради сохранения остального. *Патриотизм*, однако, основывается не на таком расчете, а на сознании *абсолютности государства*. Такое умонастроение, готовность отдать свое достояние и жизнь ради целого в народе тем больше, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по *собственной воле* и самостоятельно и чем большее доверие испытывает он к государству. <Прекрасный патриотизм греков.> <Различие между гражданами как bourgeois [буржуа] и citoyen [гражданин]⁸.>

§ 57

Повиновение распоряжениям правительства, *преданность* особе государя и государственному строю, а также чувство *национальной чести* — это добродетели гражданина всякого упорядоченного государства.

§ 58

Государство отнюдь не покоится на каком-либо прямом *договоре* одного со всеми и всех с одним или же отдельного человека и правительства между собой, и всеобщая воля целого не выражает волю отдельных людей, но она есть абсолютно всеобщая воля, в себе и для себя обязательная для каждого.

IV. Обязанности по отношению к другим

§ 59

Обязанности по отношению к другим — это в первую очередь правовые обязанности, которые нужно соединять со стремлением поступать справедливо ради

справедливости. Остальные обязанности основываются на таком умонастроении, которое требует считать других равными тебе самому не только в качестве абстрактных лиц, но и в их особенности, а также рассматривать их горести и радости как свои и доказывать это деятельной помощью.

§ 60

Этот моральный образ мыслей и действий выходит за рамки права. Но именно *честность*, строгое соблюдение обязанностей по отношению к другим есть тот первый долг, из которого следует исходить. Поступки могут быть благородными и великодушными и вместе с тем не быть честными. Основу их в этом случае составляют самолюбие и стремление сделать что-то особенное; напротив, то, что требует честность, есть распространяющаяся на всех, отнюдь не произвольная обязанность.

§ 61

Из всех особенных обязанностей по отношению к другим первой является *правдивость* в словах и делах. Она состоит в соответствии того, что есть и что ты сознаешь, с тем, что ты высказываешь и проявляешь по отношению к другим. *Неправдивость* же — это несоответствие и противоречие между сознанием и тем, каков ты по отношению к другим, следовательно, между твоим внутренним миром и твоей действительностью и тем самым нечто само по себе ничтожное.

§ 62

К неправдивости главным образом и относятся те случаи, когда намерения человека или его умонастроение, судя по его словам, *должны быть* хорошими, а делает он, напротив, что-нибудь дурное. (Такое несоответствие между намерением и тем, каков поступок сам по себе, следовало бы считать по меньшей мере неумелостью, но вместо этого, если только человек отвечает за свои поступки, нужно считать, что тот, кто делает зло, имеет также и дурные намеренья.)

§ 63

Для того чтобы получить право сказать кому-либо правду о его поведении, необходимо прежде всего установить с ним особые отношения. Если это делают, не имея на то никакого права, то это ошибка, ибо здесь предполагается такое отношение к другому, которое не имеет места в действительности.

Пояснение. *Говорить правду*, если знают, что это правда, является отчасти первым долгом. Неблагородно не говорить правды, когда уместно ее сказать, ибо это унижает и самого себя, и других. Однако следует также *не говорить правду*, если к этому не имеют призвания или права. Если правду говорят только для того, чтобы настоять на своем, но без дальнейшего успеха, то это является по меньшей мере излишним, ибо это нужно делать не для того, чтобы о деле только высказались, но и для того, чтобы оно было совершено. Слова не представляют собой дела или высокого поступка. Правда бывает сказана *к месту* и *во-время*, когда она служит осуществлению дела. Речь — удивительно сильное средство, но нужно иметь много ума, чтобы пользоваться им.

§ 64

С *клеветой*, которая есть действительная ложь, родственно *злословие*: рассказы о таких вещах, которые пятнают честь кого-либо третьего и которые сами по себе не очевидны для рассказывающего. Злословие обычно бывает связано с негодованием по поводу неморальных поступков и с оговорками, что нельзя быть уверенным в рассказе и что ничего не хотят сказать. Однако в этих случаях клевета соединяется с *недобросовестностью*, ибо здесь на самом деле распространяют рассказы, о которых утверждают, что их не желают распространять. В других случаях сюда примешивается *ханжество*, т. е. желание говорить морально, а в действительности поступать зло.

Пояснение. Ханжество состоит в том, что люди поступают зло, но перед другими создают видимость, что

их намерения добры и что они желают совершить нечто хорошее. Однако внешний поступок не отличается от внутреннего. В злом деле и намерение по существу тоже бывает злым, а не добрым. При этом, впрочем, может быть и такой случай, что человек хотел достигнуть чего-либо хорошего или по меньшей мере позволительного. В таких случаях нельзя желать превращения того, что в себе и для себя есть зло, в средство для блага. *Цель или намерение не оправдывают средств.* Моральный принцип преимущественно относится к умонастроению или намерению. Но здесь существенно также и то, чтобы не только намерение, но и *поступок был хорошим*. Человек не должен также убеждать себя в том, что он имеет превосходные намерения, совершая самый обыкновенный поступок, важный для его индивидуальной жизни. Как только человек начинает подгонять свои собственные поступки под добрые намерения и свои сами по себе незначительные действия пытается посредством рефлексии превратить во что-то великое, то по отношению к другим дело происходит наоборот: великодушным или по меньшей мере добрым поступкам других он хочет приписать благодаря своему своекорыстному намерению что-нибудь нехорошее.

§ 65

Намерение *сознательно и с желанием* вредить другим есть зло. Разрешение нарушать обязанности по отношению к другим и по отношению к себе, вызванное *слабостью* к своим склонностям, представляет собой *дурное умонастроение*.

Пояснение. Доброму противостоят злое и дурное. Зло предполагает, что оно совершается по решению воли. Оно, следовательно, предполагает в отличие от дурного формальный момент — силу воли, причем последнее является также и условием доброго. Дурное же представляет собой нечто лишенное воли. Дурной человек следует своим склонностям и из-за них забывает свои обязанности. Дурной человек считал бы нужным выполнить свои обязанности, однако у него нет воли, чтобы управлять своими склонностями и привычками.

Услуги, которые мы оказываем или хотим оказать другим людям, зависят от случайных отношений, в которых мы состоим с ними, и от особых обстоятельств, окружающих нас самих. Если мы в *состоянии* оказать услугу другому, то мы обращаем внимание только на то, что он *человек*, и на то, что он *нуждается*.

Пояснение. Первое условие, при наличии которого мы можем оказывать другому помощь, состоит в том, чтобы мы имели на это право, т. е. имели бы право рассматривать его как нуждающегося и действовать по отношению к нему как нуждающемуся. Таким образом, помощь должна совершаться не против воли того, кому помогают. Это же предполагает известное знакомство или доверие. Неимущий, как таковой, не равен имущему. От его воли зависит, следовательно, хочет ли он *явиться в качестве неимущего*. Он захочет этого только в том случае, если он будет убежден, что я буду считать его равным и обращаться с ним как с равным, несмотря на существующее неравенство. Затем я должен иметь в руках средства помочь ему. Наконец, могут быть и такие случаи, где его нужда очевидна, и в ней выражено его желание, чтобы ему помогли.

Долг *всеобщего человеколюбия* распространяется ближайшим образом на тех, с кем мы состоим в отношениях знакомства или дружбы. Первоначальное единство людей должно быть добровольно превращено в такую близкую связь, из которой возникает определенный долг.

⟨*Дружба* основывается на сходстве характеров и интересов в общем совместном *деле*, а не на удовольствии, которое получаешь от личности другого. По отношению к своим друзьям необходимо быть как можно менее тягостным. Деликатнее всего — это не требовать от своих друзей никаких услуг. Нельзя избавляться от дел, сваливая их на других.⟩

§ 68

Долг *благоразумия* проявляется прежде всего как долг по отношению к самому себе, когда ты имеешь дело с другими, так как целью его является собственная польза. Однако истинная *собственная польза* достигается лишь нравственным поведением, которое вместе с тем есть и истинное благоразумие. Благоразумие предполагает, что собственная польза не рассматривается как цель морального поведения, хотя она и может быть его следствием.

§ 69

Поскольку собственная польза заключается в моральном поведении не непосредственно и зависит от личного и в целом случайного доброжелательства других, мы оказываемся здесь в сфере всего лишь расположения друг к другу. Поэтому благоразумие состоит в том, чтобы не разрушать расположения других и сохранять его ради его самого. Но с этой точки зрения полезное представляет собой также и то, чему надлежит быть, как таковому, самому по себе, именно — предоставление другим свободы там, где у нас нет ни обязанности, ни права лишать ее других, и завоевание нашим поведением их расположения.

§ 70

Вежливость есть знак благосклонности и готовности к услугам, особенно по отношению к тем, с кем мы еще не стоим в близких отношениях знакомства или дружбы. Она является *фальшью*, если, выказывая ее, имеют противоположное уmonoстроение. Истинную вежливость необходимо рассматривать именно как долг, ибо мы вообще должны питать благосклонность к другим. Свидетельство этой благосклонности откроет путь для более близких связей. <Оказать незнакомому услугу, одолжение или доставить ему удовольствие — значит проявить вежливость. То же самое должны мы делать и по отношению к нашим знакомым и друзьям. Вежливость по отношению к незнакомому или к тому, с

кем мы не состоим в близкой связи, необходима ради видимости благосклонности и исключительно ради этой видимости. *Тактичность*, деликатность заключаются в том, чтобы не делать и не говорить того, чего не позволяют окружающие условия. — Греческая гуманность и воспитанность (Urbanität) — Сократа и Платона.)

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Учение о религии

§ 71

Моральный закон внутри нас — это *вечный разумный закон*, который мы должны неукоснительно соблюдать и которым мы чувствуем себя неразрывно связанными. Но столь же непосредственно мы сознаем и *несоответствие* ему нашей индивидуальности и признаем его чем-то более высоким, чем мы, некоей не зависящей от нас, самостоятельной, абсолютной сущностью.

§ 72

Эта абсолютная сущность присутствует в нашем чистом сознании и открывается нам в нем. Знание о ней, будучи внутри нас опосредствовано ею, для нас непосредственно и поэтому может быть названо *верой*.

§ 73

Возвышение над чувственным и конечным является, правда, негативно, с нашей стороны, опосредствованием этого знания, но лишь постольку, поскольку, исходя из чувственного и конечного, вместе с тем отказываются от всего подобного и познают его в его ничтожности. Лишь *такое знание об абсолютном* само является как *абсолютным*, так и непосредственным знанием. Его позитивной основой не может быть что-либо конечное, другими словами, его нельзя опосредствовать (как доказательством) чем-либо таким, что не есть оно само.

§ 74

Это знание должно определить себя точнее и не оставаться внутренним чувством, верой в неопределенное существо вообще, а должно стать познанием этого существа. Познание бога отнюдь не недоступно разуму, ибо разум это лишь отблеск бога и по сути дела есть знание об абсолютном; но познание бога недоступно лишь рассудку — знанию о конечном и относительном.

§ 75

Сама *религия* состоит в занятии и чувств и мыслей абсолютным существом и в представлении себе его образа, с чем необходимо связаны по отношению к абсолютному существу как *самозабвение* своей особенности в таком возвышении духа, так и соответствующие поступки.

§ 76

Бог — это абсолютный дух, т. е. он есть чистая сущность, превращающая себя в предмет, но созерцающая в нем лишь себя самое: другими словами, это такая сущность, которая в своем превращении в другое просто возвращается в себя самое и остается равной самой себе.

§ 77

Бог, согласно моментам его сущности, 1) абсолютно *свят*, так как он есть внутри себя совершенно всеобщая сущность. Он есть 2) абсолютное *могущество*, так как он осуществляет всеобщее и во всеобщем сохраняет единичное, т. е. является вечным *творцом Вселенной*. Он есть 3) *мудрость*, так как его могущество — только святое могущество, 4) *доброта*, так как единичное в своей действительности получает от него полную свободу действий, и 5) *справедливость*, так как он вечно возвращает единичное ко всеобщему.

§ 78

Зло есть отчуждение (*Entfremdung*) от бога, коль скоро в силу своей свободы единичное отделяется от

всеобщего и, отрываясь от него, стремится существовать абсолютно для себя. Если природа конечного свободного существа состоит в том, чтобы рефлексировать себя в эту единичность, природу этого существа нужно рассматривать как злую.

§ 79

Однако сама по себе свобода единичного существа в то же время состоит и в равенстве этого существа самому себе, другими словами, сама по себе она божественной природы. Это знание о том, что человеческая природа на самом деле не чужда божественной природе, удостоверяет человека в божественной *милости* и позволяет ему воспользоваться ею, благодаря чему и осуществляется *примирение* бога с миром, иначе говоря, исчезает отчужденность мира от бога.

§ 80

Богослужение есть определенная занятость мыслей и чувства богом, посредством которой индивид стремится осуществить свое единение с богом и приобрести как сознание этого единения, так и уверенность в нем. Это согласие своей воли с божественной волей индивид должен доказать как умонастроением, так и образом действий в своей действительной жизни.

ВТОРОЙ КУРС. СРЕДНИЙ КЛАСС

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА И ЛОГИКА

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА, ИЛИ НАУКА О СОЗНАНИИ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1

Наше обычное знание представляет себе лишь *предмет*, который оно знает, но в то же время не представляет себе себя, т. е. самого знания. Целое же, которое налицо в знании, это не только предмет, но и *Я*, которое знает, а также взаимоотношение между мной и предметом — сознание.

§ 2

В философии определения знания рассматриваются не односторонне, только как определения вещей, а вместе с знанием, которому они принадлежат по меньшей мере настолько же, насколько и вещам; иначе говоря, они берутся не только как *объективные*, но и как *субъективные* определения, или скорее как определенные виды отношения объекта и субъекта друг к другу.

§ 3

Поскольку в знании находятся вещи и их определения, то, с одной стороны, возможно представление, что они существуют вне сознания сами по себе и даются сознанию просто как нечто чуждое и готовое. С другой же стороны, поскольку для знания настолько же

существенно и сознание, становится возможным также и представление, что сознание само создает себе этот свой мир и само своими действиями и своей деятельностью целиком либо отчасти производит или модифицирует определения этого мира. Первый способ представления называется *реализмом*, второй — *идеализмом*. Здесь следует рассматривать всеобщие определения вещей только вообще как определенное отношение объекта к субъекту.

§ 4

Субъект, мыслимый более определенно, есть дух. Дух *проявляет* себя, существенно соотносясь с каким-либо существующим предметом, в этом смысле он есть сознание. Учение о сознании есть поэтому *феноменология духа*.

§ 5

Дух же в плане его самостоятельности *внутри себя самого* и по отношению к себе независимо от отношения к чему-либо другому рассматривается в специальной науке о духе, в *психологии*.

§ 6

Сознание есть, собственно говоря, знание о каком-либо предмете, безразлично, внешний он или внутренний, предстает ли он перед духом без участия духа или же произведен этим духом. Дух рассматривается в плане его деятельности, если определения его сознания приписываются ему самому.

§ 7

Сознание есть определенное отношение *Я* к предмету. Если исходить из предмета, то можно сказать, что сознание различается в соответствии с *различием предметов*, которыми оно обладает.

§ 8

В то же время, однако, и предмет по сути дела определен соответственно сознанию. Различие предмета можно поэтому, наоборот, рассматривать как зависящее от *развития сознания*. Эта обоюдность выступает в сфере явлений самого сознания и не решает упомянутого выше (§ 3) вопроса о том, как само по себе обстоит дело с этими определениями.

§ 9

Соответственно различию своего предмета сознание вообще имеет три *ступени*. А именно предмет есть либо противостоящий *Я* объект, либо само *Я*, либо нечто предметное, которое столь же принадлежит и *Я*, — мысль. Эти определения не взяты эмпирически извне, но они суть моменты самого сознания. Таким образом, существуют:

- 1) сознание вообще,
- 2) самосознание,
- 3) разум.

Первая ступень СОЗНАНИЕ ВООБЩЕ

§ 10

Сознание вообще бывает 1) чувственным, 2) воспринимающим и 3) рассудочным.

А. Чувственное сознание

§ 11

Простое чувственное сознание — это непосредственная достоверность некоторого внешнего предмета. Выражением непосредственности такого предмета, является то, что он *есть*, и притом есть предмет *этот*, существующий *теперь*, во времени, и *здесь*, в пространстве, совершенно отличный от всех остальных предметов и вполне определенный в себе самом.

§ 12

Как это *теперь*, так и это *здесь* суть нечто исчезающее. «Теперь», существуя, уже не существует больше, потому что его уже сменило другое «теперь», которое, однако, исчезло столь же непосредственно. Тем не менее «теперь» остается. Это остающееся «теперь» есть *всеобщее* «теперь», есть и то, и это «теперь», и *ни одно* из них. Это «здесь», которое я имею в виду и на которое показываю, имеет правую и левую стороны, верх и низ, заднюю и переднюю часть и т. д. до бесконечности; иными словами, показанное «здесь» не есть простое и, следовательно, определенное «здесь», а представляет собой совокупность многого. Таким образом, поистине существующим является не абстрактная чувственная определенность, а всеобщее.

В. Восприятие

§ 13

Восприятие имеет предметом уже не чувственное, поскольку оно непосредственно, а чувственное, поскольку оно существует одновременно и как нечто всеобщее. Восприятие — это смесь чувственных определений и определений рефлексии.

§ 14

Предмет этого сознания поэтому *вещь* с ее *свойствами*. Чувственные свойства *α)* даны *сами по себе* и непосредственны в чувстве, и в то же время определены благодаря соотношению с другими и опосредствованы; *β)* они *принадлежат одной вещи* и в этом смысле, с одной стороны, заключены в ее *единичности*, с другой же стороны, обладают *всеобщностью*, вследствие которой выходят за пределы этой единичной вещи и одновременно являются независимыми друг от друга.

§ 15

Поскольку свойства сущностно опосредованны, они зависят в своем существовании от чего-то другого

и *изменяются*. Они суть только акциденции. Вещи же в силу того, что их свойства составляют их суть, так как именно свойствами они как раз и отличаются друг от друга, прекращают свое существование вместе с изменением их свойств и представляют собой чередование возникновения и исчезновения.

§ 16

В этом изменении не только вот это нечто снимает себя и становится чем-то иным, но исчезает и это иное. Но иное иного, или изменение изменчивого, есть *становление постоянного*, существующего по себе и внутреннего.

С. Рассудок

§ 17

Итак, предмет получил то определение, что он обладает а) некоторой совершенно акцидентальной стороной, но б) обладает также и существенной стороной, постоянными свойствами. Сознание, поскольку для него предмет обладает этим определением, представляет собой рассудок, считающий вещи в восприятии лишь *явлениями* и рассматривающий *внутреннее* в вещах.

§ 18

Внутреннее в вещах то в них, что отчасти не зависит от явления, именно от его *многообразия*, представляющего собой нечто по отношению к самому себе внешнее, отчасти же то, что своим понятием связано с явлением. Поэтому внутреннее есть 1) *простая сила*, которая переходит к наличному бытию, к *проявлению*.

§ 19

2) При этом различии сила остается тождественной во всей чувственной разности явлений. *Закон* явления есть его спокойное, всеобщее отражение. Он представляет собой некоторое отношение всеобщих

постоянных определений, различие которых сперва выступает в законе как внешнее различие закона. Хотя из всеобщности и устойчивости этого отношения вытекает его необходимость, но это различие не оказывается таким определенным в себе и внутренним различием, при котором одно из определений непосредственно содержится в понятии другого.

§ 20

Это понятие, примененное к самому сознанию, дает следующую ступень сознания. До сих пор в отношении к своему предмету сознание было чем-то чуждым и безразличным. Теперь же, когда различие вообще сделалось различием, которое в равной мере не является таковым, существовавший до сих пор способ отличения сознания от его предмета теряет силу. Теперь сознание имеет предмет и относится к иному, которое, однако, не является непосредственно иным. Оно, таким образом, имеет в качестве предмета себя самого.

§ 21

Иными словами, непосредственно: *внутреннее* в вещах есть *мысль*, или же *понятие* о вещах. Когда сознание имеет своим предметом внутреннее, оно имеет этим предметом мысль, или, что то же, свою собственную форму или рефлексия, т. е. вообще самого себя.

Вторая ступень

САМОСОЗНАНИЕ

§ 22

Как самосознание *Я* созерцает само себя, и выражением его в его чистоте является $Я=Я$, или: *Я* есмь *Я*.

§ 23

Этот принцип самосознания лишен всякого содержания. Стремление самосознания в том и состоит, чтобы

реализовать свое понятие и полностью осознать себя. Самосознание является поэтому 1) деятельным: снимает инобытие предметов и отождествляет их с собой, 2) отчуждает само себя и тем сообщает себе предметность и наличное бытие. И то и другое представляет собой одну и ту же деятельность. Быть определенным для самосознания то же самое, что самому определить себя, и наоборот. Оно само себя порождает как предмет.

§ 24

В своем образовании, или движении, самосознание проходит три ступени: 1) вожделение (*Begierde*), связанное с направленностью самосознания на другие вещи; 2) отношение господства и рабства, связанное с направленностью самосознания на другое, не равное ему самосознание; 3) всеобщее самосознание, узнающее себя в других самосознаниях, и притом признающее себя равным им, как и они признают себя равными ему самому.

А. Вожделение

§ 25

Итак, обе стороны самосознания, полагающая и снимающая, непосредственно соединены друг с другом. Самосознание, полагая себя через *отрицание инобытия*, является *практическим* сознанием. Таким образом, если внутри подлинного сознания, которое называется также *теоретическим*, его собственные определения и определения предмета изменялись *сами по себе*, то теперь это происходит благодаря деятельности самого сознания, и притом для него. Оно сознает, что эта снимающая деятельность принадлежит ему. В понятии самосознания заключается определение еще не реализованного различия. Поскольку в общем-то это различие делается в самосознании заметным, самосознание ощущает внутри самого себя некоторое инобытие, какое-то отрицание самого себя, иначе говоря, чувствует какой-то недостаток, испытывает некоторую *потребность*.

§ 26

Это ощущение своего инобытия противоречит равенству самосознания с самим собой. *Ощущаемая необходимость* снять это противоречие есть *побуждение*. Перед самосознанием как сознанием отрицание, или инобытие, предстает в виде внешней, отличной от него вещи, которая, однако, уже определена самосознанием 1) как нечто *соответствующее* побуждению и 2) как нечто *негативное в себе*, чье существование (Bestehen) должно быть снято этой самостью и приведено в равенство с нею.

§ 27

Таким образом, деятельность вождения снимает инобытие предмета, его существование вообще, и соединяет предмет с субъектом, вследствие чего *вождение удовлетворяется*. Последнее, стало быть, обусловлено: 1) внешним, безразлично по отношению к нему существующим предметом, иначе говоря, сознанием;

2) деятельность вождения приводит к удовлетворению только посредством снятия предмета. Самосознание приходит, следовательно, только к своему *самоощущению*.

§ 28

На ступени вождения самосознание относится к себе как *единичное* самосознание. На этой ступени оно связано с лишенным самости предметом, который в себе и для себя является иным предметом, нежели самосознание. Последнее поэтому достигает своего равенства с самим собой в отношении предмета только путем снятия предмета. Вождение, собственно говоря, 1) *разрушительно*; 2) удовлетворяя его, самосознание приходит поэтому только к самоощущению того, что субъект как единичный существует для себя, т. е. к неопределенному понятию о субъекте, связанном с объективностью.

§ 29

Понятие о самосознании как некотором субъекте, который в то же время существует объективно, указывает на то обстоятельство, что для этого самосознания существует некоторое другое самосознание.

§ 30

Самосознание, существующее для некоторого другого самосознания, существует не как простой объект последнего, а как *его другая самость*. Я отнюдь не является абстрактной всеобщностью, в которой, как таковой, нет никакого различия, никакого определения. Поскольку Я выступает как предмет Я, оно существует для него с этой стороны как то же самое. В другом оно созерцает самого себя.

§ 31

Это самосознание одного [Я] в другом есть 1) абстрактный момент их *тождественности*; 2) но каждое Я имеет также и то определение, что для другого Я оно выступает как внешний объект и в этом смысле как непосредственное, чувственное и *конкретное наличное бытие*; 3) каждое [Я] существует абсолютно для себя и особняком по отношению к другому [Я] и требует того, чтобы и для другого быть таким же и считаться тем же, созерцать в другом свою свободу как свободу чего-то существующего для себя, иначе говоря, быть им *признанным*.

§ 32

Чтобы сделать себя значимым в качестве *свободного* и быть признанным, самосознание должно представить себя другому как *свободное от природного наличного бытия*. Этот момент необходим как и момент свободы самосознания внутри себя. Абсолютное равенство Я с самим собой по существу не непосредственно, но оно создается снятием чувственной непосредственности,

вместе с чем самосознание превращается для другого в свободное и независимое от чувственного. Так оно выказывает себя соответствующим своему понятию, и, благодаря тому что оно придает *Я* реальность, оно должно быть признано.

§ 33

Но *самостоятельность* является свободой не столько *вне* и *от* непосредственного чувственного, непосредственно наличного бытия и свободой от него, сколько скорее *внутри* последнего. Оба этих момента одинаково необходимы, однако ценность их не одинакова. Когда появляется *неравенство*, заключающееся в том, что для одного из двух самосознаний имеет существенное значение свобода, а не чувственное наличное бытие, для другого же это последнее, а не свобода, то при обязательном взаимном признании в определенной деятельности между ними возникает отношение *господства* и *рабства* или вообще *служения* и *покорности*. Это различие самостоятельности дано как непосредственное отношение природы.

§ 34

Поскольку каждое из двух противостоящих друг другу самосознаний, несомненно, стремится к тому, чтобы по отношению к другому самосознанию и для другого самосознания доказать и утвердить себя в качестве некоторого абсолютного для-себя-бытия, то самосознание, которое *свободе предпочитает жизнь*, вступает в отношении *рабства* и тем самым показывает, что оно не способно в себе самом абстрагироваться для своей независимости от своего наличного бытия.

§ 35

Эта чисто негативная свобода, состоящая в абстрагировании от своего природного наличного бытия, не соответствует, однако, понятию свободы, ибо последняя есть равенство самому себе в инобытии и заключается отчасти в созерцании своей самости в другой самости,

а отчасти в свободе не от наличного бытия вообще, но внутри наличного бытия. Истинная свобода сама обладает наличным бытием. *Услужаящий* лишен самости. В качестве своей самости он имеет другую самость. Он отчужден от себя, снят в господине как единичное *Я* и созерцает свою существенную самость как нечто иное. *Господин* же, напротив, в услужающем созерцает другое *Я* как снятое, а *свою собственную единичную волю как сохраненную*. (История Робинзона и Пятницы.)

§ 36

Но собственная личная и отдельная воля услужающего, если присмотреться как следует, совершенно исчезает в *страхе перед господином*, во внутреннем чувстве собственной негативности. Его *труд* услужения другому есть в себе отчасти известное *отчуждение своей воли*, отчасти же он представляет собой одновременное с отрицанием собственных желаний и позитивное *формирование внешних вещей* посредством труда, если посредством него самость превращает свои определения в форму вещей и в своем произведении созерцает себя как опредмеченную. Отчуждение *несущественного произвола* является моментом истинного повиновения. (Писистрат учил афинян повиноваться. Тем самым он претворил в действительность законы Солона, а после того как афиняне научились этому, господа для них уже были не нужны.)⁹

§ 37

Это отчуждение отдельности как самости есть момент, посредством которого самосознание совершает переход к тому, чтобы быть всеобщей волей, совершает переход к позитивной свободе.

С. Всеобщность самосознания

§ 38

Всеобщее самосознание есть взгляд на себя не как на какую-то особенную, отличную от других, а как на

существующую по себе, *всеобщую самость*. Такою самостью оно признает само себя и другие самосознания в себе, и таким оно признается ими.

§ 39

В плане этой своей существенной всеобщности самосознание для себя реально лишь тогда, когда оно сознает в другом свое отражение (я знаю, что другие знают меня в качестве самих себя) и, принадлежа как чистая духовная всеобщность семье, отечеству и т. д., знает себя как *существенную самость*. (Это самосознание — основа всяких добродетелей, любви, чести, дружбы, храбрости, всякой самоотверженности, всякой славы и т. д.)

Третья ступень

РАЗУМ

§ 40

Разум — это высшее соединение сознания и самосознания, т. е. знания о предмете и знания о себе. Он есть достоверность того, что его определения являются столь же предметными определениями, определениями сущности вещей, сколь и нашими собственными мыслями. Он столь же есть достоверность его самого, субъективность, сколь и бытие, или объективность, в одном и том же мышлении.

§ 41

Или же то, что мы постигаем посредством разума, представляет собой 1) содержание, которое не только состоит из наших чистых представлений или мыслей, созданных нами для себя, но и включает существующую в себе и для себя сущность предметов и обладает объективной реальностью, 2) созерцание, которое не является чуждым для Я, данным ему, но проникнуто последним, усвоено им, тем самым столь же и произведено.

Знание разума есть поэтому не только субъективная *достоверность*, но и *истина*, так как истина заключается в соответствии или скорее в единстве достоверности и бытия или предметности.

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

ЛОГИКА

ВВЕДЕНИЕ

§ 1

Предметом науки логики является мышление и совокупность его определений. Естественной логикой называют естественный рассудок, которым человек, собственно говоря, наделен от природы, и то, как он им непосредственно пользуется. Наука же логики — это знание о мышлении в его истине.

Пояснение. Логика рассматривает области мысли вообще. Мышление есть его собственная сфера. Оно представляет собой целое для себя. Содержанием логики являются специфические определения самого мышления, не имеющие никакого другого основания, кроме мышления. Все гетерономное для мышления — это вообще *данное* представлением. Логика, таким образом, представляет собой великую науку. Необходимо, разумеется, отличать чистую мысль от реальности, тем не менее реальность, если понимать под ней истинную действительность, присуща также и мысли. Если же под реальностью понимается только чувственное, внешнее наличное бытие, то мысль имеет даже гораздо более высокую реальность. Мышление, следовательно, включает в себе некоторое содержание, а именно себя самого, *автономным* образом. Благодаря занятиям логикой научаются также более правильно мыслить, ибо, если мы мыслим мышление о мышлении, дух достигает тем самым своей силы. Зная природу мышления, можно уследить, когда мышление захочет дать себя ввести в

заблуждение. Мы должны быть в состоянии дать себе отчет в действиях мышления. Благодаря этому мы приобретаем умение не давать другим сбить нас с толку.

§ 2

Мыслить — значит, собственно говоря, постигать и выражать *многообразие в единстве*. Многообразие, как таковое, принадлежит вообще внешнему, чувству и чувственному созерцанию.

Пояснение. Мышление состоит в том, чтобы все многообразное приводить в единство. Дух, мысля о вещах, приводит их к простым формам, представляющим собой чистое определение духа. Все многообразное прежде всего внешне для мышления. Постигая это чувственно-многообразное, мы еще не мыслим; только соотношение его есть мышление. Непосредственное постижение многообразного мы называем чувствованием или ощущением. Только тогда, когда я чувствую, я просто знаю о чем-то, созерцая же, я созерцаю нечто как внешнее мне в пространстве и во времени. Чувство, становясь в пространственном и временном отношении определенным, становится созерцанием.

§ 3

Мышление представляет собой *абстракцию*, если интеллект (Intelligenz)¹⁰ начинает с конкретных созерцаний; затем какое-нибудь из этих многообразных определений опускает, а другое выделяет и придает ему простую форму мышления.

Пояснение. Если я опущу *все* определения какого-нибудь предмета, то не останется *ничего*. Если же я опущу *одно* определение, я какое-то *другое* подчеркну, то это определение будет абстрактным. Я, например, есть абстрактное определение. Я буду знать о Я лишь в том случае, если отделию себя от всех определений. Это, однако, негативное средство. Я отрицаю присущие мне определения и оставляю себя только как такового. Абстрагирование есть лишь *негативная* сторона мышления.

Содержание представлений взято из опыта, но сама *форма единства* и все остальные определения представлений имеют своим источником не непосредственность, а мышление.

Пояснение. Я вообще значит мышление. Если я скажу: я *мыслю*, то это представляет собой нечто тождественное. Я совершенно просто. Я *есть мыслящий*, и притом *всегда*. Но мы не можем сказать: я мыслю всегда. Как таковое, пожалуй, однако, мысль не всегда является нашим предметом. Но в том смысле, что мы суть Я, мы можем сказать, что мы мыслим всегда, ибо Я есть, собственно говоря, простое тождество с собой, а это и есть мышление. Как Я мы представляем собой основание всех наших определений. Если предмет мыслится, он получает форму мышления и становится *мысленным предметом*. Его делают равным Я, т. е. его мыслят.

Этого не следует понимать так, будто это единство лишь благодаря мышлению привходит к многообразию предметов и что связь вносится туда лишь извне, но единство *в той же мере* принадлежит объекту и даже составляет вместе со своими определениями природу самого объекта.

Мысли существуют тройкого рода: 1) *категории*, 2) *определения рефлексии*, 3) *понятия*. Учение о двух первых составляет *объективную* логику в метафизике¹¹, учение о понятиях — логику в собственном смысле слова, иначе говоря, *субъективную* логику.

Пояснение. Логика заключает в себе систему чистого мышления. *Бытие* бывает 1) непосредственным, 2) внутренним; определения мышления снова возвращаются внутрь себя. Предметы обычно метафизики — это вещь, мир, дух и бог, откуда и возникают различные метафизические науки: онтология, космология, пневматология и теология.

3) То, что представляет собой *понятие*, есть нечто *сущее*, а также и нечто *сущностное*. Бытие, будучи непосредственным, относится к сущности как к опосредствованной. Вещи существуют вообще, однако их бытие состоит в том, чтобы проявлять свою сущность. Бытие превращается в сущность, что можно выразить и таким образом: бытие предполагает сущность. Но хотя сущность в сравнении с бытием и выступает как опосредствованная, все же она *первоначальна*. В ней бытие возвращается в свое основание; бытие снимает себя в сущности. Сущность бытия является, таким образом, ставшей, иначе говоря, произведенной, но то, что выступает как ставшее, и есть первоначальное. Преходящее имеет в качестве своей основы сущность и возникает из нее.

Мы создаем понятия. Последние суть нечто *положенное* нами, но именно понятие-то и содержит вещь такой, какова она сама по себе и для себя. В сравнении с понятием сущность опять-таки является положенной, тем не менее это положение проявляет себя как истинное. Понятие отчасти *субъективно*, отчасти *объективно*. *Идея* представляет собой соединение субъективного и объективного. Если мы говорим: это всего лишь понятие, значит, мы не находим в нем реальности. Голая объективность, напротив, есть нечто лишнее понятия. Идея же показывает, как реальность определена понятием. Все действительное есть некоторая идея.

§ 7

Наука предполагает, что отделения самого себя от истины больше нет, иначе говоря, что дух в отличие от того, как он рассматривается в учении о сознании, уже не принадлежит к явлению. Достоверность самого себя охватывает все, что служит предметом сознания, будь то внешняя вещь или же порожденная духом мысль, поскольку оно не содержит в себе всех моментов в-себе- и для-себя-бытия, а именно: бытие в себе или простое равенство с самим собой; *наличное бытие*, или обладание определенностью, бытием для другого; *бытие для себя*, т. е. простое возвращение

в инобытии в себя и пребывание в нем у себя. Наука *не ищет* истину; наука есть в истине и *есть* сама истина.

Первая часть

БЫТИЕ

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Качество

§ 8

Качество есть непосредственная определенность, изменение которой есть переход в нечто противоположное.

А. Бытие, ничто, становление

§ 9

Бытие есть простая бессодержательная непосредственность, имеющая свою противоположность в чистом Ничто, а их соединение представляет собой *становление*: как переход от ничто к бытию — это *возникновение*, наоборот — *прехождение*.

〈Здравый человеческий рассудок, как часто называет себя односторонняя абстракция, отрицает соединение бытия и ничто. Либо бытие есть, либо его нет. Третьего *не дано*. То, что есть, не начинается. То, чего нет, — тоже. Именно поэтому рассудок и утверждает невозможность *начала*.〉

В. Наличное бытие

§ 10

Всякое наличное бытие есть возникшее, определенное бытие, т. е. бытие, обладающее вместе с тем *отношением к чему-то другому*, следовательно, к своему небытию.

§ 11

а) Всякое наличное бытие есть поэтому некоторое внутри себя разделенное бытие. С одной стороны, оно существует *само по себе*, с другой стороны, обладает *отношением* к другому. Наличное бытие, мыслимое с этими двумя определениями, есть *реальность*.

§ 12

б) Нечто налично существующее обладает отношением к иному. Иное же есть налично существующее как небытие нечто. Последнее поэтому имеет прежде всего некоторую *границу* или *предел* и является *конечным*. То, каким нечто должно быть само по себе, есть его *определение*.

§ 13

Каково нечто для иного, как оно взаимосвязано с иным, а стало быть, само по себе также непосредственно положено иным, таков его характер (*Beschaffenheit*).

§ 14

Каково нечто как по себе, так и для иного в себе, такова его *определенность* или же *качество*. Граница не есть лишь простое прекращение, но она принадлежит этому нечто самому по себе.

§ 15

с) Благодаря своему качеству, т. е. благодаря тому, *что оно есть*, нечто подвержено *изменению*. Оно изменяется, поскольку его определенность в связи с иным становится устроенностью.

С. Для-себя-бытие

§ 16

Поскольку характер вещи вследствие изменения вообще снимается, снимает себя и само это изменение.

Тем самым бытие вернулось в себя самого и исключает из себя иное. Оно есть [теперь] *для себя*.

§ 17

Оно есть *одно*, соотносящееся только с самим собой, а по отношению ко всему иному *отталкивающее*.

§ 18

Это исключение есть вместе с тем и некоторое отношение к иному и, следовательно, действует вместе с тем *притягивающе*. Нет отталкивания без притяжения, и наоборот.

§ 19

Иными словами, отталкиванием одного непосредственно положены *многие* одни. Но все эти одни не отличены друг от друга. Одно — то же, что другое. Тем самым в равной мере положено и их снятие, притяжение.

§ 20

Одно есть для-себя-сущее, абсолютно отличающее себя от других. Но так как различие между ними, их отталкивание снимается в притяжении, то это различие положено как *снятое* различие и тем самым перешло в другое определение, в количество.

〈Нечто без своей границы ничего не значит. Если я изменю границу нечего, то оно перестает быть тем, что есть. Если я изменю границу *поля*, то поле останется полем и станет только больше. Но я изменил тут его границу не как поля, а как некоторого ограниченного количества (Quantum). Изменить его границу как поля означало бы превратить его, например, в *лес*.〉

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Количество

§ 21

Нечто есть то, что оно есть благодаря качеству. С изменением качества изменяется не просто какое-то

из определений, присущих этому нечто или же этому конечному, а само это конечное. Количество же, напротив, представляет собой определение, составляющее уже не природу самой вещи, а некоторое *безразличное* отличие, с изменением которого вещь остается тем, что есть.

§ 22

Количество есть снятое для-себя-бытие или же Одно. Внутри себя самого оно есть, следовательно, ничем не нарушаемая *непрерывность*. Но так как в количестве содержится также и Одно, то в нем есть и момент *дискретности*.

§ 23

А. Величина либо непрерывна, либо дискретна. Однако каждому из этих двух *видов* величины присуща как дискретность, так и непрерывность с той лишь разницей, что у дискретной величины принципом является дискретность, а у непрерывной — непрерывность.

§ 24

В. Величина, или количество как ограниченное количество, есть некоторое «сколько» (Quantum). Так как эта граница по своей природе не есть нечто определенное, то всякое ограниченное количество можно *увеличивать или уменьшать* до беспределельности.

§ 25

Граница ограниченного количества в форме его в-себе-бытия дает *интенсивную* величину, в форме же внешнего существования — *экстенсивную* величину. Но нет такого интенсивного, что не имело бы формы экстенсивного наличного бытия, и наоборот.

§ 26

С. Ограниченное количество само по себе не имеет определенной границы. Нет, следовательно, такого ограниченного количества, сверх которого нельзя было бы взять какого-нибудь большего или меньшего количества. Ограниченное количество, о котором *говорят*, что

оно последнее, и сверх которого уже не берут ничего большего или меньшего, называют обычно *бесконечно большим* или *бесконечно малым*.

§ 27

Но тем самым оно вообще перестает быть ограниченным количеством и для себя $= 0$. Оно сохраняет еще значение только как определение некоторого отношения, в котором оно для себя не имеет уже никакой величины и служит только определением по отношению к некоторому другому ограниченному количеству. Это и есть более точное понятие *математического бесконечного*.

§ 28

Бесконечное в общем-то выступает в бесконечной прогрессии сначала как процесс устранения границы, будь она качественной или количественной, когда граница эта рассматривается как нечто позитивное и потому вопреки отрицанию возникает все вновь и вновь. Но *истинно бесконечное*, если понимать границу как отрицание, является *отрицанием отрицания*. В истинно бесконечном выход за пределы конечного уже не приводит к установлению какой-то новой границы, напротив, снятие границы приводит к восстановлению наличного бытия в равенстве с собой.

§ 29

Тот факт, что ограниченное количество снимает себя в бесконечном, означает, что безразличное внешнее определение, каким является ограниченное количество, снимает себя и становится внутренним, качественным определением.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Мера

§ 30

Мера, если она определена не внешне, а природой вещи, качеством, есть *специфическое «сколько»*.

§ 31

В количественном изменении, в процессе увеличения или уменьшения, который совершается внутри меры, происходит и спецификация, так как безразличное внешнее возрастание и убывание величины вместе с тем определяется и *модифицируется* при этом самой природой вещи.

§ 32

Когда изменяется мера вещи, изменяется сама вещь, и нечто, переходя свою меру, увеличиваясь или уменьшаясь сверх меры, исчезает.

Вторая часть

СУЩНОСТЬ

§ 33

Сущность есть бытие, из своей непосредственности и из безразличного отношения ко всему другому возвращенное в простое единство с собой.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Определения сущности как таковой

§ 34

Сущность светится внутри себя и определяет себя. Но определения ее существуют в единстве. Они суть лишь *положенность*, т. е. они не существуют непосредственно для себя, а пребывают в единстве друг с другом. Поэтому они суть *отношения*. Определения сущности — это определения рефлексии.

§ 35

1) Первым определением является сущностное единство с самим собой, *тождество*. Если его выразить как принцип, т. е. в виде некоторого всеобщего определения, это будет принцип: $A = A$; всякая вещь равна самой

себе. В негативной форме это выражается в виде принципа *противоречия*: А не может быть одновременно А и Не-А.

§ 36

2) Вторым определением является *различие*: а) как определение *разности* безразличного друг к другу, но благодаря какой-либо определенности различающегося наличного бытия. Принцип, выражающий разность, гласит: нет двух вещей, которые были бы совершенно равны друг другу; б) как определение *противоположности* позитивного и негативного, где одна определенность положена только посредством другой определенности, причем каждая из них существует лишь постольку, поскольку существует другая, но в то же время и постольку лишь, поскольку она не есть эта другая. Принцип, выражающий это, гласит: нечто есть либо А, либо Не-А, третьего не дано.

§ 37

3) Это третье, где вообще сняты положенные определения, есть сущность, которая постольку есть *основание*. Принцип основания гласит: все имеет свое достаточное основание.

§ 38

Поскольку всякое непосредственное наличное бытие рассматривается как всего лишь положенное, то от него обращаются к сущности или же к основанию. Наличное бытие является здесь чем-то первым, тем, из чего исходят. Но, обращаясь к основанию, собственно говоря, отказываются от первичности наличного бытия и признают первым и существенным основание.

§ 39

Основание включает в себе то, что им основывается, согласно его существенным определениям. Но отношение между основанием и основанным не является чистым переходом в противоположное, хотя основанное наличное бытие и обладает формой, отличной от его

основания, которое тоже представляет собой некоторое наличное бытие; и главное определение есть их общее содержание.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Явление

А. Вещь

§ 40

Основание в силу своего внутреннего определения полагает себя в наличное бытие, каковое, как вышедшее из основания, есть *существование*.

§ 41

Как целое определений существования всякое сущее есть *вещь*.

§ 42

Свойства вещи суть определения ее существования, обладающие безразличным разнообразием по отношению друг к другу. Точно так же и вещь как простое тождество с собой <неопределенна и> безразлична к ним как определениям.

§ 43

Определения в силу своей вещности тождественны с собой, и вещь есть не что иное, как это тождество ее свойств с ними самими. Вещь, таким образом, распадается из-за этого на свои свойства как на самостоятельные *материи*.

§ 44

Но так как эти материи соединены в единство некоторой вещи, то они взаимно проникают и уничтожают друг друга. Вещь, следовательно, и есть внутри себя это противоречие, она положена как нечто само по себе лишь уничтожающее себя, как *явление*.

В. Явление

§ 45

Сущность из основания вступила в существование. Нечто существующее, положенное не как существующее само по себе, но как основанное на чем-то ином, есть *явление*. Сущность *должна* проявляться, поскольку как основание она есть простая непосредственность и потому бытие вообще.

§ 46

Благодаря тождеству основания и существующей вещи в явлении нет ничего, чего нет в сущности, и, наоборот, в сущности нет ничего такого, чего нет в явлении.

§ 47

〈Тожество с собой в явлении есть нечто неопределенное, нечто лишь способное воспринимать определения, нечто *пассивное* — *материя*. Тожество определений по отношению друг к другу составляет нечто *активное*, *форму*. Так как материя определяется формой, то предполагается, что они самостоятельны и независимы друг от друга. Однако не существует вообще *ни материи без формы, ни формы без материи*. — Материя и форма *взаимно* порождают друг друга.〉

Существенная связь между определениями явления есть его *закон*.

§ 48

Поскольку определения выступают также и в форме самостоятельного существования, то связь между ними, как вместе с тем бытие, определенное иным, составляет *отношение*.

С. Отношение

§ 49

Отношение есть взаимосвязь двух сторон, которые, обладая самостоятельным существованием, отчасти

равнодушны друг к другу, отчасти же существуют только благодаря друг другу и только в единстве этой взаимной определенности.

§ 50

С одной стороны, определения положены в форме отношения, с другой стороны, они существуют только *сами по себе* и выступают как некоторое независимое, непосредственное существование. В этом плане они суть некоторое предположенное наличное бытие, внутренне уже содержащее в себе тотальность формы, которая лишь благодаря этому предполагаемому наличному бытию и может получить существование, иначе говоря, они в этом смысле представляют собой *условия*, и их отношение есть обусловленное отношение.

§ 51

Внутри условий и обусловленного отношения явление начинает возвращаться к сущности и к [своему] в-себе-бытию, но здесь еще сохраняется разница между явлением, как таковым, и тем, каково это явление само по себе.

§ 52

1) Непосредственно обусловленным является отношение между *целым* и *частями*. Части как нечто пребывающее вне отношения суть лишь простые материи и в этом смысле не суть части. Как части они получают свое определение только внутри целого, и только целое делает их частями, с другой же стороны, только части составляют целое.

§ 53

2) Целое как внутренняя деятельная форма есть *сила*. Она не имеет своим условием никакой внешней материи, а существует в самой материи. Условием силы является лишь внешний толчок, приводящий ее в возбуждение. Последний сам есть выражение силы и требует возбуждения, чтобы проявиться. Перед нами,

таким образом, взаимное обусловливание и такая взаимобусловленность, которая тем самым в *целом* *безусловна*.

§ 54

С точки зрения содержания сила в своем *выражении* представляет то, что она есть сама по себе, и в ее выражении нет ничего, чего бы не было внутри нее.

§ 55

3) Таким образом, содержание в плане различия внутреннего и внешнего не обусловлено. Оно относится как внутреннее содержание только к самому себе как внешнему. *Внешнее* и *внутреннее* есть поэтому одно и то же, только рассматриваемое с разных сторон. Внутреннее есть полнота определений содержания как условий, которые сами имеют наличное бытие. Их само выражение во внешнее есть их рефлексия или же их соби́рание в единство целого, которое благодаря этому как раз и получает существование.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Действительность

А. С у б с т а н ц и я

§ 56

Субстанция есть безусловная, в себе и для себя пребывающая сущность, обладающая непосредственным существованием. *〈Substantia est causa sui: id, quod per se concipitur, sive cujus conceptus involvit existentiam.〉*¹²

§ 57

В своем существовании эта сущность обладает многообразными отличными от нее определениями — *акциденциями*. В своей тотальности они и составляют субстанцию, каковая есть пребывание и потому *возможность* (*Macht*) ее акциденций.

§ 58

Акциденции, если они в себе содержатся в субстанции, возможны.

§ 59

Когда что-либо мыслится только в форме в-себе-бытия или только как нечто не противоречащее себе, оно называется возможным. Все считается только возможным, если оно определено как некоторое в-себе-бытие, представляющее собой нечто лишь полагаемое. Всякое отдельное содержание обладает именно такой отделенной от действительности *возможностью*.

§ 60

Истинно возможным нечто является как тотальность своих в себе существующих определений. То, что обладает этой полной внутренней возможностью, не есть лишь некая положенность, а непосредственно *действительно* в себе и для себя. Возможность субстанции есть поэтому ее действительность. <Бог, например, не только вообще, но истинно возможен. Его возможность есть необходимая возможность. Он абсолютно действителен.>

§ 61

Взаимосвязь акциденций внутри субстанции есть их *необходимость*. Она представляет собой единство возможности и действительности. Эта необходимость слепа, если взаимосвязь является только внутренней или же если действительное не дано при этом заранее как в-себе-сущее *единство* своих определений, а является лишь результатом их связи.

В. Причина

§ 62

Субстанция проявляет себя в возникновении и исчезновении акциденций. В этом смысле она деятельна, г. е. представляет собой причину.

§ 63

Как причина субстанция превращает свое первоначальное содержание в *действие*, в нечто положенное иным.

§ 64

В действии нет ничего, чего нет в причине, и причина есть причина лишь в действии.

〈Говорят: падение кирпича — причина смерти человека, воздух болотистой местности — причина лихорадок. Но ближайшим образом первое причина только удара, второе — чрезмерной сырости. Однако действие в действительном, имеющем, кроме того, и другие определения, приводит тут к иному результату.〉

§ 65

Причина переходит в действие. Поскольку же сама причина обладает определенным содержанием и должна быть положена как действие, мы получаем *регресс* ряда причин и действий в бесконечное. С другой же стороны, поскольку то, на что оказано действие, само есть нечто первоначальное, это нечто выступает как причина и производит действие на нечто другое, вследствие чего возникает *прогресс* в бесконечное.

С. Взаимодействие

§ 66

Поскольку действие восходит к причине, постольку оно само выступает как причина. Оно превращает причину в нечто положенное. Оно есть *обратное действие*. Обратное действие равно действию.

§ 67

Обратное действие совершается по отношению к первой причине, которая этим полагается как действие, вследствие чего происходит лишь то, что ее полагают

такой, какова она сама по себе, а именно не как нечто действительно первоначальное, а как нечто переходящее.

§ 68

Взаимодействие состоит в том, что то, что есть действие, с противоположной стороны есть причина, а то, что причина, с противоположной стороны есть также и действие. Иными словами, взаимодействие есть такое опосредствование вещью самой себя, в котором первоначальное определяет себя или же превращает себя в нечто положенное, в нем рефлектирует себя внутрь себя и лишь как эта рефлексия в себя и представляет собой истинную первоначальность.

Приложение об антиномиях¹³

§ 69

Категории, т. е. определения бытия, просты. Однако такие определения, которые не суть первые элементы, определения сущности, просты лишь постольку, поскольку противоположные моменты сведены в них в простоту. Таким образом, если такая категория называется о каком-нибудь субъекте и указанные противоположные моменты развертываются в анализе, то о субъекте должны быть сказаны *оба* этих момента, вследствие чего и возникают *антиномические высказывания*, каждое из которых в равной мере истинно.

§ 70

Кант обратил внимание главным образом на антиномии разума, однако не исчерпал антитетики последнего, так как установил только некоторые из ее форм.

I. Антиномия конечности или бесконечности мира во времени и пространстве.

1) Антиномия в отношении времени.

а) Тезис

Мир имеет начало во времени.

Доказательство. Допустим, что мир не имеет начала во времени, тогда до всякого данного момента времени протекла вечность и, стало быть, прошел бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда в том и состоит, что его никогда нельзя закончить путем последовательного синтеза; стало быть, бесконечный мировой ряд невозможен; значит, начало мира во времени необходимо.

б) Антитезис

Мир не имеет начала во времени и во временном отношении бесконечен.

§ 72

Доказательство. Предположим, что он имеет начало. Тогда необходимо допустить, что до начала было время, в котором мира не было, т. е. пустое время. В пустом же времени не может возникнуть ничего, так как тут нет никаких предпосылок для существования, а существующее имеет условием только существующее и ограничено только существующим. Следовательно, мир не может иметь начала, и всякое наличное бытие предполагает другое, и так до бесконечности.

§ 73

Доказательства этой антиномии вкратце сводятся к следующему прямому противопоставлению:

1. Мир во временном отношении *конечен*, т. е. имеет границу. В доказательстве тезиса такая граница предположена, а именно «теперь» или какой-нибудь данный момент времени.

2. Наличное бытие не может иметь границей небытие, пустое время, а только другое наличное бытие. Ограничивающиеся начала относятся друг к другу позитивно, и одно имеет то же самое определение, что и другое. И так как каждое наличное бытие ограничено,

или конечно, т. е. является таким, за которое нужно выйти, то этим положен *прогресс в бесконечность*.

§ 74

Истинное решение этой антиномии состоит в том, что ни эта граница сама по себе, ни эта бесконечность сама по себе, не являются чем-то истинным, ибо эта граница — такая, за которую нужно выходить, а бесконечность эта — такая, которой всякий раз снова недостает границы. Истинная бесконечность — это рефлексия в себя, и разум рассматривает не мир во времени, а мир в его сущности и понятии.

2) Антиномия в отношении пространства

а) Тезис

Мир ограничен в пространстве.

§ 75

Доказательство. Допустим, что он не ограничен, тогда он есть данное бесконечное целое из одновременно существующих вещей. Такое целое можно рассматривать как завершенное только благодаря синтезу содержащихся в нем частей. Но для завершения этого синтеза требуется бесконечное время, которое пришлось бы предположить как протекшее, что невозможно. Итак, бесконечный агрегат существующих вещей нельзя рассматривать как одновременно данное целое. Следовательно, мир в пространстве не бесконечен, а заключен в границы.

б) Антитезис

Мир не ограничен в пространстве.

§ 76

Доказательство. Допустим, что мир пространственно ограничен, в таком случае он находится в неограничен-

ном пустом пространстве; он, следовательно, должен иметь отношение к пустому пространству, т. е. к ничто (zu keinen Gegenstände). Но такое отношение, а стало быть, и отношение мира к пустому пространству есть ничто (Nichts); следовательно, мир пространственно бесконечен.

§ 77

Доказательства этих антиномических высказываний покоятся по сути дела тоже на прямых утверждениях.

1) Доказательство тезиса связывает полноту (Vollendung) одновременно данной тотальности, полноту пространственного мира, с последовательностью времени, в которое якобы должен совершиться и быть закончен этот синтез, что отчасти неверно, отчасти излишне, ибо речь-то идет как раз не о последовательности, а о сосуществовании в пространственном мире. Кроме того, допуская бесконечное протекшее время, мы допускаем и некоторое «теперь». Точно так же, собственно, и в пространстве можно допустить некоторое «здесь», т. е. границу пространства, из чего, разумеется, мы в праве заключить о невозможности безграничности пространства.

2) Поскольку, собственно, за границу в пространстве можно выходить, то этим положено отрицание границы, поскольку же это отрицание есть по существу нечто отрицательное границы, то последнее обусловлено ею. Здесь, следовательно, точно так же, как и у предыдущей антиномии, положен бесконечный прогресс.

II. *Антиномия простоты или сложности субстанций.*

а) Тезис

Всякая сложная субстанция состоит из простых частей.

§ 78

Доказательство. Допустим, что сложные субстанции не состоят из простых частей. Тогда, если бы мы устранили мысленно всё сложение, то не осталось бы ни одной сложной части; а так как простых частей нет, то

не осталось бы ничего, следовательно, не было бы дано никакой субстанции. Итак, сложение мысленно нельзя устранить. Но сложное не состояло бы и из субстанций, так как сложение есть лишь случайное отношение субстанций, без которого они должны существовать как самостоятельно (*für sich*) пребывающие сущности. Значит, субстанциально сложное должно состоять из простых частей. Отсюда следует, что все вещи в мире суть простые сущности и что сложение есть только внешнее состояние их.

б) Антитезис

Ни одна сложная вещь не состоит из простых частей, и вообще в ней нет ничего простого.

§ 79

Доказательство. Предположим, что сложная вещь состоит из простых частей. Так как всякое внешнее отношение, стало быть также и всякое сложение возможно только в пространстве, то пространство, занимаемое сложной вещью, должно состоять из стольких же частей, из скольких состоит эта вещь. Но пространство состоит не из простых частей, а из пространств. Следовательно, всякая часть сложной вещи должна занимать пространство. Но безусловно первоначальные части всего сложного просты. Следовательно, простое занимает какое-то пространство. А так как все реальное, занимающее какое-то пространство, содержит в себе многообразие находящихся вне друг друга частей и, следовательно, является сложным, то простое должно было бы быть субстанциально сложным, что противоречиво.

§ 80

Доказательство тезиса содержит прямое утверждение о том, что сложение есть внешнее отношение, т. е. нечто случайное, а потому существенным является простое. Доказательство антитезиса тоже покоится на прямом утверждении, что субстанции по своей природе пространственны и, следовательно, сложны. Собст-

ленно говоря, эта антиномия та же, что и предыдущая, т. е. выражает содержащуюся в наличном бытии противоположность границы и выходения за нее.

III. *Антиномия противоположности между причинностью по законам природы и свободой.*

а) Тезис

Причинность по законам природы не единственная причинность в явлениях мира, существует еще и причинность из-за (aus) свободы.

§ 81

Доказательство. Допустим, что нет никакой иной причинности, кроме причинности по законам природы; тогда все, что происходит, предполагает предшествующее состояние, за которым оно неизбежно следует согласно правилу. Но предшествующее состояние само должно быть чем-то таким, что произошло, так как если бы оно существовало всегда, то и следствие его не возникло бы во времени, а существовало бы всегда. Следовательно, причинность, благодаря которой нечто происходит, сама есть нечто происшедшее, опять-таки предполагающее предшествующее состояние и его причинность, и т. д. до бесконечности. Итак, всегда имеется лишь относительное, а не первое начало, и потому вообще нет никакой полноты ряда у происходящих друг от друга причин. Между тем закон природы состоит именно в том, что ничто не происходит без достаточно определенной а priori причины. Следовательно, утверждение, будто всякая причинность возможна только по законам природы, противоречит само себе, и потому нельзя допустить, что причинность по законам природы есть единственная причинность.

б) Антитезис

Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы.

Доказательство. Допустим, что существует свобода, а именно способность безусловно начать некоторое состояние, а стало быть, и ряд следствий его. В таком случае благодаря этой спонтанности должен безусловно начинаться не только некоторый ряд, но и определение самой этой спонтанности, так что ничто не предшествует, посредством чего определилось бы это происходящее действие по постоянным законам. Однако всякое начало действия предполагает состояние еще не действующей причины, а динамически первое начало действия предполагает состояние, не находящееся ни в какой причинной связи с предшествующим состоянием той же самой причины, т. е. никоим образом не вытекающее из него. Следовательно, свобода противоположна закону причинности и представляет собой такое соединение последовательных состояний действующих причин, при котором невозможно никакое единство опыта и которого, следовательно, нет ни в одном опыте, — пустое порождение мысли.

Эта антиномия, если ее рассматривать абстрактно, покоится на противоречии, присущем отношению причинности. А именно, причина означает 1) нечто первоначальное, первое, само себя движущее; 2) но она есть нечто обусловленное тем нечто, на которое она действует, и ее деятельность переходит в действие. В этом смысле ее нужно рассматривать не как истинно первоначальное, а саму опять-таки как нечто положенное. Если держаться первой точки зрения, то нужно допустить абсолютную причинность, причинность через свободу; со второй же точки зрения, сама причина становится чем-то происшедшим, и тем самым начинается прогресс в бесконечность.

Истинное решение данной антиномии состоит во взаимодействии, в том, что причина, переходящая в дей-

ствие, в последнем снова имеет обратное причинное действие, благодаря которому первая причина в свою очередь превращается в действие, т. е. в нечто положенное. Эта взаимность означает, следовательно, что ни тот, ни другой из моментов причинности не являются абсолютными сами по себе, но только этот замкнутый внутри себя круг тотальности существует в себе и для себя.

IV. а) Тезис

К миру принадлежит безусловно необходимая сущность.

§ 85

Доказательство. Чувственно воспринимаемый мир как целое всех явлений содержит в себе также некоторый ряд изменений. Но всякое изменение подчинено своему условию, которое делает его необходимым. Далее, всякое обусловленное предполагает в отношении своего существования полный ряд условий вплоть до абсолютно безусловного, которое одно только абсолютно необходимо. Следовательно, абсолютно необходимое должно существовать, если существует изменение как следствие. Но это необходимое само принадлежит к чувственно воспринимаемому миру; в самом деле, если предположить, что оно находится вне чувственно воспринимаемого мира, то это означало бы, что весь ряд изменений в мире получает от него начало, в то время как сама эта необходимая причина не принадлежит к чувственно воспринимаемому миру. Но это невозможно, ибо поскольку начало временного ряда может быть определено только тем, что предшествует по времени, то высшее условие начала того или иного ряда изменений должно существовать в мире, когда этого ряда еще не было; следовательно, это высшее условие принадлежит ко времени, т. е. к [области] явлений, к самому чувственно воспринимаемому миру. Следовательно, в самом мире содержится нечто безусловно необходимое.

Нет никакой абсолютно необходимой сущности — ни в мире, ни вне мира — как его причины.

§ 86

Доказательство. Предположим, что сам мир или в мире есть необходимая сущность; в таком случае в ряду его изменений было бы или безусловно необходимое начало, стало быть, без причины, что противоречит динамическому закону определенности всех явлений, или же сам этот ряд не имел бы никакого начала и тем не менее был бы в целом абсолютно необходимым и безусловным, хотя все его части случайны и обусловлены, что противоречит самому себе, так как существование определенного множества не может быть необходимым, если ни одна часть его не обладает сама по себе необходимым существованием. Предположим, далее, что безусловно необходимая причина мира находится вне мира, в таком случае она должна была бы первой давать начало существованию мировых изменений и их ряда; если бы она начинала действовать, ее каузальность должна была бы находиться во времени, а значит, в совокупности явлений, следовательно, находилась бы не вне мира. Итак, ни в мире, ни вне его нет абсолютно необходимой сущности.

§ 87

Эта антиномия содержит в общем ту же противоположность, что и предыдущая. Вместе с обусловленным полагается условие, и притом условие как таковое, т. е. абсолютное условие, не имеющее своей необходимости в чем-либо другом. Но именно потому, что условие связано с обусловленным, вернее, потому, что обусловленное содержится в понятии условия, условие само принадлежит к сфере обусловленного, т. е. представляет собой нечто обусловленное. С одной стороны, положено абсолютно необходимое существо, с другой же — только относительная необходимость и тем самым случайность.

ПОНЯТИЕ

§ 88

Учение о понятии, или субъективная логика, имеет своим предметом уже не категории и определения рефлексии, а понятие. Категория полагает бытие в некоторой определенности как в границе; рефлексия полагает сущность в некотором определении, опосредствованном предположением некоторого другого определения. Понятие же — это нечто в себе и для себя существующее, простая тотальность, из которой вытекают все ее определения.

§ 89

Содержание субъективной логики составляют три главных предмета: 1) понятие, 2) цель, 3) идея; а именно: 1) *формальное понятие*, или понятие как таковое; 2) понятие в связи с его реализацией, или его объективностью, — *цель*; 3) *идея* как реальное или объективное понятие.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Понятие

§ 90

Содержание формальной логики составляют 1) понятие как таковое, 2) суждение и 3) умозаключение.

§ 91

1) *Понятие* содержит моменты единичности, особенности и всеобщности. — *Единичность* есть отрицательная рефлексия понятия внутрь себя, то, благодаря чему нечто есть в себе и для себя, и то, чему эти определения *присущи* как моменты. — *Всеобщность* есть положительное, не исключающее других моментов единство

понятия с собой, она содержит в себе противоположное ей, оставаясь безразличной к нему и поэтому неопределенной. — *Особенность* есть соотнесение единичности и всеобщности друг с другом. Она представляет собой всеобщее, низведенное до некоторого определения или, наоборот, единичное, возведенное до своей всеобщности.

§ 92

Насколько отличаются друг от друга эти определения как моменты понятия, настолько же соответственно отличаются друг от друга и понятия различного содержания, а именно как *понятие о чем-то* всеобщем, о чем-то особенном и о единичном.

§ 93

Всеобщее *подчиняет* себе или, лучше сказать, включает в себя особенное и единичное. Единичное обладает теми же определениями, какие есть у всеобщего и особенного, и одновременно многими сверх того. Точно так же обстоит дело и с особенным по отношению ко всеобщему. Поэтому все, что можно сказать о всеобщем, можно сказать также об особенном и единичном, и все, что можно сказать об особенном, можно сказать о единичном, но не наоборот.

§ 94

Особенные определения, подчиненные одной и той же всеобщности, *координированы* друг с другом. Так же называются и те определения, которые содержит в себе одно и то же единичное. Однако ни в каком единичном не могут быть координированными такие определения, которые являются координированными во всеобщем.

§ 95

2) В *суждении* то абсолютное единство, в котором моменты содержатся в понятии, снято. Суждение —

это такое *соотнесение* определений понятия, когда каждое определение выступает как отдельное, самостоятельное определение и, следовательно, как некоторое особенное понятие.

§ 96

Суждение содержит: 1) *субъект* как сторону единичности или же как особенность; 2) *предикат* как сторону всеобщности, которая вместе с тем есть и некоторая определенная всеобщность, т. е. тоже некоторая особенность; 3). простое бессодержательное соотнесение предиката с субъектом — «есть», *связку*.

§ 97

Виды суждения обозначают различные ступени, поднимаясь по которым внешнее соотношение субъекта и предиката превращается во внутреннее соотношение понятия. — Субъект, с одной стороны, находится в непосредственном тождестве с предикатом, оба они представляют собой одну и ту же определенность содержания, однако, с другой стороны, они различны. Субъект представляет собой более многообразное содержание в сравнении с абстрактным предикатом и по форме случаен.

§ 98

3) В суждении два определения понятия соотнесены друг с другом непосредственно. *Умозаключение* же есть суждение с его *основанием*. В умозаключении эти два определения соединены посредством третьего определения, представляющего собой их единство. Умозаключение есть поэтому полная положенность понятия.

§ 99

Согласно определенной фигуре, два крайних термина умозаключения суть единичное и всеобщее; особенное же, поскольку в нем соединены оба этих опре-

деления, есть их средний термин. Если определение А принадлежит или не принадлежит определению В, а определение В определению С, то и определение А соответственно принадлежит или не принадлежит этому С.

§ 100

Соотнесение обоих крайних терминов (*termini extremi*) умозаключения со средним термином состоит из двух соотнесений и представляет собой два суждения (*propositiones praemissae*), каждое из которых содержит момент особенности, средний термин (*terminus medius*). В первой посылке содержится, кроме того, крайний термин всеобщности (*terminus major*), и притом как предикат (*propositio major*, большая посылка); во второй — крайний термин единичности (*terminus minor*), и притом как субъект (*propositio minor*). Соотнесение обоих крайних терминов представляет собой третье суждение; заключение (*conclusio*) опосредствовано.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Цель или телеологическое понятие

§ 101

Во всякой цели опосредствованное, или же следствие, есть одновременно и нечто непосредственное, нечто первое и служащее основанием. Произведенное, или положенное посредством чего-либо, имеет своей предпосылкой деятельность произведения и ее непосредственное определение, и, наоборот, деятельность совершается ради соответствующего результата, который выступает тут как основание этой деятельности и, следовательно, сам есть ее первое определение. Совершение целенаправленных действий представляет собой умозаключение, в котором посредством целесообразной деятельности одно и то же целое в субъективной форме соединяется со своей объективной формой, понятие — со своей реальностью, причем понятие выступает тут как основание определяемой им реальности.

§ 102

Внешней целесообразностью называется тот случай, когда налично сущее не обладает в себе самом понятием, которым оно определено, а связано с ним каким-то другим субъектом как внешняя форма или отношение.

§ 103

Внутренняя целесообразность существует тогда, когда налично сущее имеет свое понятие в самом себе и вместе с тем есть цель и средство, реализующаяся и реализованная цель в самом себе.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Идея

§ 104

Идея — это единство понятия и реальности, это — понятие, поскольку оно само определяет и себя, и свою реальность; другими словами, это действительность, которая такова, какой она должна быть, и которая сама содержит свое понятие.

§ 105

1) Идея, коль скоро понятие *непосредственно* соединено со своей реальностью, не отличается от нее и не выходит из нее, есть *жизнь*. Последняя может быть как физической, так и духовной жизнью. Будучи освобождена от условий и ограничений случайного наличного бытия, жизнь есть *прекрасное*.

§ 106

2) В идее *познания* и [*практической*] деятельности понятие, или субъективное, противопоставлено реальности, или объективному, и производится их *соедине-*

ние. В основе познания как первое и как сущность лежит реальность. Действие делает действительность соответствующей тому, чтобы благо осуществилось.

§ 107

3) *Абсолютная* идея есть содержание *науки*, а именно рассмотрение универсума, соответствующего понятию в себе и для себя, или рассмотрение понятия разума как оно есть в себе и для себя и как оно объективно и реально в мире.

ТРЕТИЙ КУРС. СТАРШИЙ КЛАСС

УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ И ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ

§ 1

Объективная логика — это наука о понятии самом по себе, о категориях. Субъективная же логика, о которой здесь идет речь, есть наука о понятии как понятии, о понятии как понятии о чем-то. Она делится на три части:

- 1) на учение о понятии;
- 2) на учение о реализации понятия;
- 3) на учение о идее.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Учение о понятии

I. Понятие

§ 2

Понятие — это всеобщее, которое вместе с тем определено и остается в своем определении тем же самым целым и тем же самым всеобщим, т. е. такая определенность, в которой различные определения вещи содержатся как единство.

§ 3

Моменты понятия суть всеобщность, особенность и единичность. Понятие есть их единство.

§ 4

Всеобщее есть это единство как позитивное, самому себе равное неопределенное единство; *особенность* есть определение всеобщего, но такое, которое снято во всеобщем, другими словами — это такое определение, в котором всеобщее остается тем же, чем оно и было; *единичность* есть негативное единство или же определение, которое сводится в самоопределении.

§ 5

Всеобщее подводит *под себя* особенное и единичное, равно как и особенное подводит *под себя* единичное; напротив, единичное содержит особенность и всеобщность, равно как и особенное содержит всеобщность, *внутри себя*. Всеобщее *шире*, чем особенность и единичность, зато особенность и единичность содержат в себе *больше*, чем всеобщее, которое благодаря тому, что оно содержится в единичности, снова становится некоторой определенностью. Всеобщее *присуще* особенному и единичному, особенное же и единичное *подчинены* ему.

§ 6

В какой мере понятие содержит в себе моменты единичности, особенности и всеобщности, в такой же мере и само оно соответственно этому различно определено по своему содержанию и бывает понятием о чем-то единичном, особенном или всеобщем.

§ 7

Все обособления всеобщего, т. е. определения, имеющие одну и ту же всеобщую сферу, равно как и единичные [определения], подчиненные одной и той же особенности или всеобщности, *координированы* друг с другом; точно так же и подчиненное *субординировано* тому, чему оно подчинено.

§ 8

Координированные особенные определения всеобщего противоположны друг другу. В том случае, когда

одно из них берется только как негативное определение другого, они *контрадикторны*; когда же второе определение тоже обладает позитивностью, вследствие чего они оба подпадают под одну и ту же всеобщую сферу, они противоположны лишь *контрарно*. Такие внутри всеобщего координированные определения не могут вместе находиться в единичном. Определения же, координированные внутри единичного, *различны*, т. е. в своем различии они не имеют одной и той же всеобщей сферы и по отношению к единичному *единодушны*.

§ 9

Если рассмотреть координированные определения всеобщего подробнее, то они бывают: 1) одно негативным определением другого вообще независимо от того, имеют они одну и ту же всеобщую сферу или нет; 2) если они имеют одну и ту же общую сферу и одно определение позитивно, а другое негативно, причем эта негативность по сравнению с первым определением составляет природу второго определения, то они, собственно говоря, противоположны контрадикторно; 3) если они противоположны в одной и той же всеобщей сфере, т. е. одно определение точно так же позитивно, как и другое, и, следовательно, каждое по отношению к другому в равной мере может быть высказано и позитивно, и негативно, то они контрарны.

§ 10

Вместе с контрарным определением, которое различно к противоположности позитивного и негативного, совершается переход к тому, чтобы *не быть определенным благодаря чему-то другому*, к тому, чтобы *быть определенным в себе и для себя*, вследствие чего общность сферы исчезла и налицо единичность, определения которой различны, не имеют всеобщей сферы и существуют внутри единичности как в себе и для себя определенные.

II. Суждение

§ 11

Суждение есть выражение некоторого предмета в различных моментах понятия. Суждение содержит: а) предмет в определении единичности как *субъект*; б) его определение всеобщности, или его *предикат*, причем однако же субъект может относиться к предикату и как единичность к особенности, и как особенность к всеобщности; с) простое бессодержательное соотношение предиката с субъектом: «есть», *связку*.

§ 12

От суждения необходимо отличать такое *высказывание*, в котором о субъекте высказывается либо нечто всецело единичное, нечто случившееся, либо же, как это бывает в общих высказываниях, нечто такое, с чем он связан необходимым образом, чем он становится и к чему по своей сущности относится как противоположное. Так как в понятии моменты содержатся как в некотором единстве, то и в суждении, как изображении (*Darstellung*) понятия, определение хотя и присутствует, но не как становление или противоположение. Низшее определение, субъект, возвышает себя до отличной от него всеобщности, до предиката или, лучше сказать, и есть уже непосредственно этот предикат.

§ 13

В логике суждение рассматривается только со стороны его формы, независимо от какого-либо определенного эмпирического содержания. Суждения отличаются друг от друга взаимоотношением субъекта и предиката, тем, каково их соотношение благодаря понятию и в понятии, другими словами, тем, насколько их соотношение есть соотношение предметности с понятием. От вида этого соотношения зависит высшая или, лучше сказать, абсолютная истинность суждения. Истина есть

соответствие понятия своему предмету. Это выражение понятия и его предметности, а стало быть и область истины, начинается в суждении.

§ 14

Так как суждение есть выражение некоторого предмета в различных моментах понятия, то со своей обратной стороны всякое суждение является выражением понятия в его наличном бытии, при этом не столько благодаря определенному содержанию, сколько благодаря тому, что в суждении моменты понятия выходят из своего единства. Насколько целое суждение представляет собой понятие в его наличном бытии, настолько же и это отличие в свою очередь становится формой самого суждения. Субъект — это предмет, а предикат — его всеобщность, предикат-то и должен как раз выразить его как понятие. Проходя через свои различные виды, суждение поднимает эту всеобщность на более высокую ступень, на которой она становится настолько соответствующей понятию, насколько она вообще может соответствовать ему, оставаясь предикатом.

А. Качество суждений или суждения присущности

§ 15

Непосредственно предикат такого суждения есть некоторое свойство, принадлежащее субъекту так, что хотя в принципе оно и относится к нему как нечто всеобщее, но в то же время представляет собой только какое-то определенное наличное бытие субъекта, только одну из многих его определенностей. Всеобщность, предикат, имеет в таком суждении значение лишь некой непосредственной <или чувственной> всеобщности, простой общности с другими.

§ 16

В качественном суждении предикат выступает и как нечто всеобщее, причем именно эта сторона и состав-

ляет форму суждения, и как какое-то определенное качество субъекта, причем именно оно и представляет собой содержание. Взятое с первой стороны, такое суждение по своей чистой *форме* гласит: *единичное есть некоторое всеобщее*; взятое со второй стороны, со стороны содержания, оно гласит: *единичное определено вот так-то*. [По форме такое суждение представляет собой] *позитивное суждение* вообще.

〈Это хорошо; это плохо; эта роза красная; эта роза белая и т. д.〉

§ 17

Так как 1) единичное настолько же и не есть всеобщее, а 2) субъект обладает не только *этой* определенностью, то качественное суждение и в том и в другом отношении, несомненно, может быть выражено также и негативным образом, в виде *отрицательного суждения*.

〈Это не плохо; это не хорошо; эта роза не красная, а белая, желтая и т. д.; эта роза не белая, а красная и т. д.〉

§ 18

По форме это суждение, следовательно, гласит: *единичное не есть всеобщее, а есть некоторое особенное*; по содержанию же: *единичное определено не так, а прежде всего иначе*. И в том и в другом отношении это отрицательное суждение является одновременно и положительным. В первом случае отрицание представляет собой лишь ограничение всеобщности до особенности, во втором же случае отрицается только какая-то одна определенность и сквозь это отрицание проступает всеобщность, т. е. более высокая сфера этой определенности.

§ 19

И наконец: 1) *по форме* единичное не есть и некоторое особенное, ибо особенность шире единичности, а единичное есть лишь единичное: *тождественное суждение*.

С другой стороны, 2) по содержанию субъект не только не есть вот эта определенность, но не есть также и только какая-то другая определенность. Такое содержание слишком ограничено для субъекта. Этим последним отрицанием определенности снимается вся сфера предиката, а вместе с этим снимается и положительное соотношение, которое еще имелось в предшествующем отрицательном суждении: *бесконечное суждение*.

§ 20

Указанное тождественное суждение, как и бесконечное суждение, собственно говоря, уже не являются суждениями. Другими словами, в них нет того взаимоотношения между субъектом и предикатом, которое характерно для качественного суждения, а именно когда о субъекте высказывается только какая-нибудь непосредственная определенность его наличного бытия, обладающая лишь поверхностной всеобщностью. В бесконечном суждении затребована такая всеобщность, которая уже не является только какой-то отдельной определенностью. Тождественное же суждение означает, что субъект определен в себе и для себя и в своем определении возвратился в себя.

§ 21

В тождественном суждении и в бесконечном суждении взаимоотношение субъекта и предиката снято. Это нужно понимать прежде всего как ту сторону суждения, с которой субъект и предикат, абстрагируясь от их различия, можно благодаря связке рассматривать как находящиеся в соотношении равенства. Взятое с этой стороны, положительное суждение может быть обращено только в том случае, если предикат берется в значении, которое по объему тождественно с субъектом.

§ 22

В отрицательном суждении разъединение некоторой определенности и субъекта таково, что субъект все же

положительно соотносен с невыраженной всеобщей сферой этой определенности. Если отрицаемый предикат мы сделаем субъектом, то указанная всеобщая сфера отпадает сама собой и остается всего-навсего лишь неравенство двух определений, из которых в этой связи безразлично, какое сделать субъектом, а какое предикатом. Поэтому отрицательное суждение, как, впрочем, и тождественное суждение, можно *обратить*.

В. Количество суждения или суждения рефлексии

§ 23

Обращая суждения, мы абстрагируемся от различия между субъектом и предикатом. Но теперь, когда это различие как качественное различие уже снято, нам следует взглянуть на него с количественной стороны.

§ 24

Коль скоро единичные определенности, заключающие в себе свой предикат, снимаются, предикат содержит теперь разнообразные определения субъекта, соединяя их в одно целое. Благодаря этому *всеобщность* перестает быть только *общностью* с другими. Она теперь *собственная* всеобщность субъекта, означающая поэтому вместе с тем и то, что субъект в своем предикате возвратился в самого себя.

§ 25

Такое суждение является суждением рефлексии, ибо *рефлектирование* вообще есть восхождение ко многим определениям предмета и осуществляющееся благодаря этому сведение их в некотором единстве.

§ 26

Поскольку в субъекте обнаруживается его равенство с предикатом, субъект есть нечто всеобщее, кото-

рое благодаря ограничению прежде всего единичностью и представляет собой субъект. Таким образом, качественное суждение есть 1) *сингулярное* суждение, имеющее определением субъекта *полнейшую* единичность и гласящее: вот *это* всеобщее есть.

§ 27

Но всякое *это* определено до бесконечности многообразно, т. е. определимо в неопределенности (*unbestimmt bestimmbar*). Предикат рефлексии в силу того, что он есть некоторое сведение, выражает всеобщее определение не только *одного* вот этого, но и *другого* вот этого; иначе говоря, сингулярное суждение переходит в [2] *партикулярное*.

§ 28

Партикулярное суждение, в котором субъект определен как «*некоторые*», представляет собой единственное определенное суждение, какое непосредственно можно высказать и положительно, и отрицательно.

§ 29

По объему своей формы субъект получает полное определение через определение «*все*», «*всякий*» в [3] *универсальном* суждении. Так как определение («*все*» или «*всякий*») занимает здесь место партикулярности и в то же время имеет объем последней, то и объем содержания субъекта нужно ограничить в соответствии с этим.

§ 30

Тем самым, с одной стороны, субъект становится по отношению к своему предикату некоторым особенным субъектом, а с другой стороны, между субъектом и предикатом возникает отношение необходимости.

С. Отношение суждения, или суждения необходимости

§ 31

Снятием качественного и количественного определений полагается *единство содержания* субъекта и предиката, каковые *отличаются* теперь *только по форме*, так что *один и тот же* предмет в одном случае выражен в определении субъекта, в другом случае — в определении предиката.

§ 32

Так как по отношению к своему предикату субъект выступает как особенный, то теперь уже обратно тому, что мы видели в качественном суждении, *субъект* является *определенностью* предиката и непосредственно подведен под него. Всеобщность предиката выражает, таким образом, не только сведение воедино определенностей субъекта подобно предикату рефлексии, но и *всеобщую внутреннюю природу* субъекта: *категорическое* суждение.

〈Тело обладает тяжестью. Золото есть металл. Дух разумен.〉

§ 33

Однако вследствие того, что субъект и предикат не только тождественны, но и различны, их единство должно быть выражено как *единство противоположностей*, т. е. как необходимая связь: *гипотетическое* суждение.

§ 34

Тождество содержания, имеющееся в категорическом суждении, и *связь* противоположностей или различий, имеющаяся в гипотетическом суждении, объединены в *дизъюнктивном* суждении. В последнем субъект является всеобщей сферой или рассматривается в качестве того, что образует предикат. Предикат же выражает *обособления* или различные определения субъекта. Эти обособления и определения *все вместе* при-

надлежат всеобщему. По своим особенностям и в отношении к субъекту они взаимно *исключают* друг друга.

D. Модальность суждений, или суждения,
соотносящие понятие с наличным
бытием

§ 35

В дизъюнктивном суждении наличное бытие выражено во всех моментах понятия. Модальность же суждения состоит в том, что нечто налично существующее соотнесено со своим понятием, как таковым, и предикат суждения высказывает лишь их *соответствие* или *несоответствие*.

§ 36

Первое суждение модальности есть суждение *ассерторическое*. Оно постольку есть лишь *заверение*, поскольку в нем *еще не выражено ни свойство субъекта*, которое *должно сравниваться с понятием*, ни само понятие. Поэтому такое суждение имеет сначала лишь характер субъективной уверенности.

〈Этот поступок плох; эти слова истинны.〉

§ 37

Вопреки уверению ассерторического суждения возможно поэтому точно так же и утверждение *противоположного*, причем предикат выражает *лишь одну* из этих противоположных определенностей, в то время как субъект, рассматриваемый как всеобщая сфера, может содержать их *обе*. Благодаря этому ассерторическое суждение переходит в *проблематическое*, которое утверждает лишь *возможность* соответствия или несоответствия некоторого наличного бытия понятию.

§ 38

В силу этого всеобщность субъекта утверждается с некоторым ограничением. Последнее выражает свойство, в котором заключается соответствие или несоответствие наличного бытия и понятия. Предикат не

выражает ничего, кроме этого равенства или неравенства свойства и понятия вещи. Такое суждение является *аподиктическим*.

III. Умозакключение

§ 39

Умозакключение есть полное выражение понятия. Оно вообще содержит *суждение с основанием последнего*. Тут два определения соединены посредством третьего, представляющего собой их единство. Налицо понятие в его единстве — среднем термине умозакключения и в его раздвоении — крайних терминах умозакключения.

§ 40

Соотнесение обоих крайних терминов умозакключения со средним термином непосредственное; соотнесение же их друг с другом опосредствовано средним термином. Оба первых непосредственных соотнесения представляют собой суждения, называемые *посылками*; а то соотнесение, которое опосредствовано, называется *закключением*.

§ 41

Сначала умозакключение выражает свои моменты лишь своей *формой*, так что средний термин по отношению к крайним выступает как самостоятельная определенность, а основание, или единство моментов, еще только *субъективно*. То, что само по себе первоначально, здесь выступает как нечто выведенное и имеет значение следствия.

А. Умозакключения качества или присущности

§ 42

Форма данного умозакключения, Е-О-В, означающая, что нечто *единичное* соединено со *всеобщим* посредством *особенного*, является общим правилом умозаклю-

чения вообще. В этом первом непосредственном умозаключении особенное, или средний термин, представляет собой некоторое *качество*, или же определенность единичного, точно так же как и всеобщее представляет собой какую-то определенность особенного. Именно поэтому и можно от *единичного* через какую-либо *другую* из его определенностей, которых у него *много*, а равным образом и от нее перейти к какой-то *другой всеобщности*; точно так же к другой всеобщности можно перейти и от *особенного*, ибо особенное тоже содержит в себе различные определения. Это первое умозаключение, таким образом, хотя и правильно по своей форме, по своему содержанию, однако *произвольно и случайно*.

〈Зеленый цвет приятен; этот лист зелен; следовательно, он приятен. — Чувственное ни плохо, ни хорошо. А ведь человек чувственен. Следовательно, он ни плох, ни хорош. — Храбрость есть добродетель. Александр обладал храбростью. Следовательно, он был добродетелен. — Пьянство есть порок. Александр предавался пьянству. Следовательно, он порочен, и т. д.〉

§ 43

По своей форме обе посылки являются тут непосредственными соотнесениями. Форма же умозаключения содержит, однако, требование, чтобы *и они* были *опосредствованы* или, как обычно выражаются, чтобы посылки были *доказаны*. Но доказательство посредством данной формы умозаключения было бы только *повторением* этой формы, причем до бесконечности повторилось бы и то же самое требование.

§ 44

Опосредствование, а именно опосредствование особенности и всеобщности, необходимо, следовательно, произвести с помощью момента *единичности*. Это дает вторую форму умозаключения: В-Е-О. Прежде всего данное умозаключение правильно лишь в том случае, когда В-Е представляет собой законное суждение.

А чтобы это было так, В должно быть партикулярным. Таким образом, единичное, собственно говоря, не есть средний термин. Умозаключение сведено к форме первого умозаключения, но вывод является партикулярным. <Многие логики считают, что нет необходимости сводить вторую фигуру к первой, поскольку умозаключать в ней можно; однако на самом деле умозаключать в ней можно *в силу именно этой формы*>. Во-вторых же, данное умозаключение, собственно говоря, означает, что непосредственные определения или, лучше сказать, непосредственные качества соединены через единичность, и в этом смысле соединены случайно.

§ 45

Единичное, соединенное с особенным через *всеобщее*, дает третью форму умозаключения: О-В-Е. Всеобщее выступает здесь как опосредствующее определение и в обеих посылках является предикатом. Но как из того, что два определения присущи одному и тому же единичному, не следует, что эти определения суть одно и то же, точно так же и из того, что два определения подведены под одно и то же всеобщее, не следует, что их можно связать как субъект и предикат. Только в том случае, когда большая посылка *отрицательная* и, следовательно, может быть обращена, данное умозаключение может быть сведено к первому и тем самым получает правильную форму.

<Ни одно из конечных существ не свято. Бог не есть конечное существо. Следовательно, бог свят.>

§ 46

Объективный смысл такого умозаключения заключается в том, что единственным основанием соединения особенности с единичностью является их тождественная природа.

§ 47

В ряду этих умозаключений, во-первых, каждое из трех определений уже побывало средним термином. Сведение второй и третьей формы умозаключения к

первой означает *снятие качественности*. Во-вторых, хотя каждое непосредственное соотношение первого умозаключения и было опосредствовано последующими умозаключениями, тем не менее каждое из этих последующих умозаключений предполагает предыдущие умозаключения, иначе говоря, каждое опосредствованное единство предполагает непосредственное равенство.

В. Умозаключения количества, или рефлексии

§ 48

Всякое непосредственно бескачественное умозаключение есть *математическое* умозаключение. Средним термином в нем бывает только нечто такое, что равно двум другим вещам. Выраженное как тезис, это умозаключение гласит: если две величины равны третьей, то они равны между собой.

§ 49

Во-вторых, в количественном умозаключении, образуя средний термин, единичность представляет собой не один единичный предмет, а *все единичные* предметы. Если какое-то качество принадлежит одновременно всем, его высказывают как качество той всеобщей сферы или, лучше сказать, самого того рода, к которому относятся единичные предметы; таково *умозаключение индукции*.

§ 50

Умозаключение, в котором средний термин есть нечто *всеобщее*, заключает по *анalogии*, что у двух субъектов, представляющих собой, согласно своему всеобщему определению, одно и то же, некоторое особенное определение, принадлежащее одному субъекту, принадлежит *также* и другому субъекту.

а. Многие единичные предметы имеют одну и ту же природу.

б. Один из этих предметов обладает некоторым качеством.

с. Следовательно, и другие тоже обладают этим качеством.)

⟨При индукции важно, что́ будет субъектом, а что́ предикатом заключения; например то, что произвольно движется, есть животное; или: животное есть то, что произвольно движется. Лев есть млекопитающее; или: млекопитающее есть лев. В индукции частная определенность служит основанием для определения всеобщей природы единичного; в аналогии же, напротив, опосредствование заключается в том, что другая единичность имеет ту же самую всеобщую природу. Аналогия делает вывод об индивидуальной определенности единичного [предмета] по его всеобщей природе. Например: планета Земля обладает движением; Луна есть планета; следовательно, Луна обладает движением.⟩

С. Умозаключения отношения

§ 51

В *категорическом* умозаключении средним термином служит некоторая в себе и для себя существующая всеобщность, иначе говоря, природа единичного субъекта, о которой как таковой высказывают некоторое существенное свойство, а затем соединяют его с этим субъектом.

§ 52

Гипотетическое умозаключение признает основанием одного наличного бытия некоторое другое наличное бытие. Если *A* есть, то есть и *B*. Но *A* есть. Следовательно, есть и *B*. Определения здесь уже не относятся друг к другу как единичное, особенное и всеобщее. Некоторое определение, *B*, существующее сперва только в себе, иначе говоря лишь в возможности, здесь связывают с наличным бытием посредством *A*, которое представляет собой средний термин и имеется налицо как основание.

§ 53

В *дизъюнктивном* умозаключении основанием для того, чтобы связать какое-нибудь определение с неко-

торым субъектом, служит то, что из особенных определений одной и той же всеобщей сферы какая-то часть этому субъекту не принадлежит, а остальные, следовательно, принадлежат, либо не в том случае, когда определение отделяют от субъекта, наоборот. А есть либо *B*, либо *C*, либо *D*. Но оно не есть ни *B*, ни *C*. Следовательно, оно есть *D*.

§ 54

Средним термином, таким образом, является тут субъект как всеобщая сфера своих обособлений. В то же время средний термин содержит исключение либо утверждение некоторой части этих определений субъекта. Будучи сам по себе чем-то всеобщим, субъект этого умозаклучения есть возможность многих определений. От его всеобщности, или возможности, совершается переход к его определенности, или действительности.

§ 55

Обзор форм умозаклучения показывает, что: 1) в *качественном* умозаклучении моменты выступают в их качественном различии. Они нуждаются поэтому в таком опосредствующем, которое является их непосредственным единством, но не совпадает с ними; 2) в *количественных* умозаклучениях качественное различие моментов, а с ним также взаимоотношение и различие опосредствованного и непосредственного несущественны. 3) В умозаклучениях *отношения* — опосредствование содержит в то же время и непосредственность. Следовательно, из них-то как раз и возникло понятие о непосредственности природы, т. е. о такой непосредственности качественного различия, которая в себе и для себя является одновременно и опосредствованием, а именно: целью и процессом.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Реализация понятия

§ 56

Как в суждении, так и в умозаклучении понятие существует в непосредственной реальности, в безраз-

личном наличном бытии субъекта и предиката; крайние термины умозаключения противостоят друг другу и среднему термину. *Объективно* же эти моменты сами в себе становятся целым, и, следовательно, их непосредственность заключается как раз в том, чтобы быть целым.

§ 57

Во всякой *цели* то, что выступает как следствие и результат, есть одновременно и непосредственное деятельное основание. Как нечто субъективное цель оторвана от внешнего наличного бытия, и деятельность состоит в переводе субъективной формы в объективность. В этом переходе цель вместе с тем возвращается к своему понятию.

§ 58

Умозаключению целесообразного действия свойственны три момента: субъективная цель, опосредствование и налично существующая цель. Каждый из этих моментов представляет собой *тотальность* всеобщих определений умозаключения.

§ 59

1) *Субъективная цель* содержит: а) неопределенную *свободную деятельность* субъекта вообще, которая б) определяет сама себя, т. е. *обособливает* свою всеобщность и придает себе определенное содержание; с) она обладает также моментом единичности, в соответствии с которым она отрицательна по отношению к самой себе, *снимает свою субъективность* и производит *внешнее*, от субъекта независимое наличное бытие.

§ 60

2) *Опосредствование*, или переход в объективность, имеет две стороны: а) относящуюся к *объективности*. В качестве таковой внешняя вещь выступает как *средство*, подчиненное власти субъекта и в силу этого определенное быть средством и обращенное против внеш-

него наличного бытия. б) Относящуюся к *субъективности* сторону составляет опосредствующая деятельность, которая, с одной стороны, соотносит средство с целью и подчиняет его ей, а с другой — обращает средство против иного и посредством снятия определений внешнего [бытия] сообщает цели наличное бытие.

§ 61

3) *Осуществленная цель* есть а) наличное бытие объективности вообще, но б) не только непосредственное наличное бытие, а и положенное и опосредствованное наличное бытие и с) обладающее тем же содержанием, что и субъективная цель.

§ 62

Недостатком этого целевого отношения является непосредственность существования каждого из трех вступающих в отношение моментов, благодаря чему связь и определения, которые они получают в целевом отношении, привносятся к ним извне. Поэтому и все движение такой реализации понятия представляет собой, собственно говоря, субъективное действие. Реализация как *объективное* действие есть *процесс*, возникающий из внутренней связи моментов умозаключения *соответственно их собственной природе*. Действительные предметы стоят в процессе как самостоятельные крайние термины отношения; их же внутреннее определение заключается в том, чтобы быть опосредствованными другими, и в том, чтобы соединиться с ними.

§ 63

1) В чистом *механизме* предметы связываются или изменяются с помощью некоторой третьей силы, так что их связь или изменение не содержатся уже заранее в их природе, а являются для них внешними и случайными. Поэтому предметы здесь остаются самостоятельными.

§ 64

2) В *химизме* каждый из двух крайних терминов а) по своему наличному бытию представляет собой нечто определенное и потому существенно противоположное другому, б) как нечто противоположное другому он в *себе* является отношением к другому. Он есть не только он сам, но и определен быть непременно в соединении с другим; его природа напряжена внутри себя и направлена к другому; с) единство крайних терминов есть *нейтральный продукт*, образующий основу их отношения и их вступления в процесс. Однако это единство присутствует в них только как в себе сущее отношение. Оно не существует свободно и для себя до процесса. Это происходит лишь в цели.

§ 65

3) Поэтому высшее единство заключается в том, что деятельность сохраняет себя в продукте или в том, что *сам продукт является производящим*; нейтрализация моментов есть также их раздвоение или исчезновение процесса в объединении крайних терминов есть его новое возникновение. Деятельность этого производящего продукта есть *самосохранение*. Оно создает себя, т. е. создает то, что уже существует.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Учение об идеях

§ 66

Идея есть нечто объективно истинное или адекватное понятие. В нем наличное бытие определено его собственным, ему присущим понятием, и существование как производящий себя продукт находится во внешнем единстве со своей целью. Идеей является та действительность, которая соответствует не какому-то вне ее находящемуся представлению или понятию, а своему собственному понятию. Эта действительность поэтому

такова, какой она должна быть в себе и для себя, и сама содержит внутри себя это свое понятие. *Идеал* — это идея, рассматриваемая со стороны ее *существования*, соответствующего понятию. Идеалом является, следовательно, всякая действительность в своей наивысшей истине. В отличие от слова «идеал» «идеей» называют скорее нечто истинное, рассматриваемое со стороны его *понятия*.

§ 67

Существует три идеи: 1) идея жизни, 2) идея познания и блага и 3) идея знания или самой истины.

I. Идея жизни

§ 68

Жизнь — это идея в своем непосредственном существовании, вследствие чего как раз идея и вступает в область явлений, т. е. изменчивого, многообразно и внешне определяющего себя бытия, и противостоит неорганической природе.

§ 69

Как непосредственное единство понятия и наличного бытия жизнь представляет собой такое целое, части которого существуют не самостоятельно, а благодаря целому и внутри целого, причем целое точно так же существует благодаря частям. Жизнь есть *органическая система*.

II. Идея познания и блага

§ 70

В этой идее понятие и действительность расходятся. С одной стороны, понятие, будучи в отрыве от действительности пустым, должно получить свое определение и осуществление от действительности. С другой стороны, действительность вместо самостоятельного определения должна получить свое определение от понятия.

1) Познание

§ 71

Познание есть соотнесение понятия и действительности. Будучи само по себе наполненным только собой и в этом смысле пустым, мышление благодаря познанию наполняется особенным содержанием, которое от наличного бытия возвышается до всеобщего представления.

§ 72

Дефиниция предмета, выступающего внутри нее как нечто единичное или особенное, выражает 1) его *род* как его *всеобщую* сущность и 2) особенную определенность этого всеобщего, благодаря которой всеобщее и является этим предметом.

§ 73

Разделение рода или всеобщности его выражает, вообще говоря, тип, порядок и т. п. его *обособлений*, в которых род существует, как многообразие *видов*. Эти обособления, содержащиеся в некотором единстве, должны вытекать из какого-нибудь общего основания разделения.

§ 74

Познание отчасти аналитично, отчасти синтетично.

§ 75

Аналитическое познание исходит из понятия или какого-нибудь конкретного определения и развивает только многообразие непосредственных или тождественно в нем содержащихся простых определений.

§ 76

Синтетическое познание, наоборот, развивает определения целого, которые не содержатся в нем непосред-

ственно, не вытекают тождественно друг из друга и по отношению друг к другу имеют форму различия. Синтетическое познание показывает необходимость определенного отношения этих определений друг к другу.

§ 77

Последнее совершается путем *построения и доказательства*. Построение отчасти выражает понятие или тезис в его реальных определениях, отчасти же для нужд доказательства оно выражает эту их реальность в её разделении и разложении, благодаря чему и начинается переход этой реальности в понятие.

§ 78

Доказательство собирает разложенные части и, сравнивая их отношения друг к другу, так их соединяет, что последнее образует выраженную в доказываемой теореме связь целого. Иными словами, доказательство обнаруживает, как существуют реальные определения, будучи моментами понятия, и как их совокупное отношение представляет понятие в его тотальности.

§ 79

В таком познании (в своей строгой форме оно является геометрическим) речь идет о том, что 1) построение не вытекает из понятия, а является искусственной конструкцией, обнаруживающей свою целесообразность только в связи с доказательством; в других же случаях оно является также эмпирическим описанием; 2) к аналитическим определениям в доказательство каким-нибудь образом вводят уже известные, заранее созданные синтетические принципы, и материал доказательства подводится под них и соединяется с помощью их. Благодаря этому доказательство получает вид случайности. Оно необходимо только для умственного рассмотрения и не выражает собственного движения и внутренней необходимости самого предмета.

2) Долженствование или благо

§ 80

В идее познания ищут понятие, и оно должно соответствовать предмету. В идее блага, наоборот, понятие считается чем-то первым и в себе сущей целью, которая *должна* быть реализована в действительности.

§ 81

Так как сначала благо в себе только должно реализоваться, то оно противостоит некоторому несоответствующему ему миру и природе, имеющим свои собственные законы необходимости и безразличным к законам свободы.

§ 82

Как абсолютная цель благо должно быть осуществлено в себе, без всякого отношения к последствиям, ибо оно вверено действительности, существующей независимо от него и *могущей исказить* его.

§ 83

Вместе с тем здесь уже заложено определение, что *сама по себе* действительность *совпадает* с благом, т. е. здесь заложена вера в моральный миропорядок.

III. Идея знания, или истины

§ 84

Абсолютное знание есть понятие, имеющее предмет и содержанием само себя и являющееся своей собственной реальностью.

§ 85

Путь, или *метод*, абсолютного знания является столь же аналитическим, сколь и синтетическим. Развертывание того, что содержится в понятии, анализ, представляет собой обнаружение различных определений, которые содержатся в понятии, но, как таковые, не даны непосредственно, и, следовательно, является одно-

временно синтетическим. Выражение понятия в его реальных определениях вытекает здесь из самого понятия, и то, что в обычном познании образует доказательство, является здесь возвращением перешедших в различие моментов понятия к единству. Последнее является благодаря этому *тотальностью*, наполненным и превратившимся в свое собственное содержание понятием.

§ 86

Это опосредствование понятия самим собой есть не только *путь субъективного познания*, но в такой же мере является и *собственным движением самого предмета*. В абсолютном познании понятие столь же является началом, сколь и результатом.

§ 87

Восхождение к дальнейшим понятиям, или к некоторой новой области, точно так же обусловлено предыдущими понятиями и необходимо. Понятие, ставшее реальностью, есть вместе с тем в свою очередь некоторое единство, которое должно представлять движение реализации в себе. Но выявление содержащейся в этом единстве противоположности не есть простое разложение на моменты, из которых понятие возникло. Последние имеют теперь другую форму, так как они прошли через единство. В новом развитии они теперь положены как то, что они есть, благодаря их взаимосвязи. Таким образом, они получили новое определение.

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1

Энциклопедия должна рассматривать весь круг наук, характеризуя предмет каждой из них и его основное понятие.

§ 2

Многообразие практических знаний о каком-нибудь всеобщем предмете, сведенное к единству всеобщих представлений, и мысли, возникающие при рассмотрении сущности этого предмета, образуют, если их соединить друг с другом, частную (*besondere*) науку.

§ 3

Когда в основе этого соединения лежит эмпирический материал, из которого она извлекает некоторую лишь обобщающую его всеобщность, тогда наука носит преимущественно *исторический* характер. Когда же сначала следует всеобщее в виде основных определений и понятий и все особенное нужно вывести из него, тогда наука преимущественно имеет более *научный* в собственном смысле слова характер.

§ 4

Для круга знаний, который должен составлять особенное содержание (*das Besondere*) некоторой науки, абсолютной границы не существует, ибо каждый всеобщий или, лучше сказать, конкретный предмет можно разделить на его виды или части и каждый такой вид снова рассматривать как предмет особой науки.

§ 5

В *обычной* энциклопедии науки описываются эмпирически, в том виде, в каком они существуют. В ней они должны быть представлены полностью и, кроме того, приведены в такой порядок, когда все сходное и подпадающее под одни и те же определения ставится рядом соответственно аналогичному родству.

§ 6

Философская же энциклопедия есть наука, раскрывающая необходимую, определенную понятием взаимосвязь и философское происхождение основных понятий и принципов наук.

§ 7

Философская энциклопедия является, собственно говоря, изложением всеобщего содержания философии, ибо все, что в науках основано на разуме, зависит от философии; то же, что основывается в них на произвольных и внешних определениях, т. е. является, как его называют, позитивным и статутарным, а также все чисто эмпирическое находится за ее пределами.

§ 8

По способу, каким они познают, науки бывают либо *эмпирическими*, либо *чисто рациональными*. Рассматриваемые абсолютно, как те, так и другие должны иметь одно и то же содержание. *Цель* научных устремлений состоит в том, чтобы все известное чисто эмпирически возвысить до всегда истинного, до понятия, сделать рациональным и тем самым включить в состав рациональной науки.

§ 9

Науки *расширяются* отчасти в эмпирическом плане, отчасти в рациональном. Последнее происходит тогда, когда существенное вычлениют все больше и больше, постигают его под углом зрения всеобщности и эмпирическое выражают в понятиях. Рациональное расширение наук является вместе с тем и расширением самой философии.

§ 10

Целое науки делится на три главные части: 1) *логику*, 2) науку о *природе*, 3) науку о *духе*. — А именно логика есть наука о чистом понятии и абстрактной идее. Природа и дух составляют реальность идеи, первая — как внешнее наличное бытие, второй — как знающий себя. (Другими словами: логическое есть вечно простая сущность в себе самом; природа есть эта же сущность как отчужденная (*entäußert*); дух же есть возвращение этой сущности в себя из своего отчуждения.)

§ 11

В отличие от чистой науки, или логики, все науки о природе и духе можно рассматривать как *прикладное* знание, как систему *реальных*, или же *частных*, наук, так как они представляют собой систему чистого знания в форме природы и духа.

Первая часть

ЛОГИКА

§ 12

Логика есть наука о чистом рассудке и чистом разуме, о присущих им определениях и законах. Соответственно этому все логическое имеет три стороны: 1) абстрактную, или рассудочную; 2) диалектическую, или негативно-разумную; 3) спекулятивную, или позитивно-разумную. *Рассудочность* не идет дальше понятий в их твердой определенности и различии; *диалектичность* показывает эти понятия в их переходе и в их превращении друг в друга; *спекулятивность*, или *разумность*, схватывает единство понятий в их противоположности или же позитивное — в его разложении и переходе.

§ 13

Рассудок и разум обычно берутся при этом в субъективном смысле, а именно поскольку они как мышление принадлежат какому-либо самосознанию, и логика выступает тогда как чисто *формальная наука*, которая нуждается в отличном от нее содержании, во внешнем материале, для того чтобы могло осуществиться что-либо действительно истинное.

§ 14

По своему содержанию логика рассматривает, с одной стороны, рассудок и разум в себе и для самих себя, а с другой — абсолютное понятие как в себе и для себя истинную основу всего, или же, иными словами, логика рассматривает рассудочное и разумное, поскольку оно является не только сознательным постижением в поня-

тиях. Поэтому в себе самой логика есть спекулятивная философия, ибо спекулятивный способ рассмотрения вещей есть не что иное, как рассмотрение сущности вещей, которая есть не только чистое, присущее разуму понятие, но также природа и закон вещей.

§ 15

Логика распадается на три части: 1) на *онтологическую* логику; 2) на *субъективную* логику; 3) на *учение об идеях*. Первая есть система чистых понятий сущего; вторая — система чистых понятий всеобщего; содержание третьей части — понятие науки.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Онтологическая логика

I. Бытие

A. Качество

а) *Бытие*

§ 16

1) Началом знания является непосредственное, лишенное определений понятие *бытия*; 2) по своей бессодержательности это понятие представляет собой то же самое, как и *ничто*. Как мышление такой пустоты ничто в свою очередь есть бытие и благодаря своей чистоте — такое же бытие, как и первое; 3) следовательно, между бытием и ничто нет различия. То, что есть, есть только полагание их как различающихся и исчезание каждого из них в его противоположности, т. е. только чистое *становление*.

б) *Наличное бытие*

§ 17

Но так как в становлении положенные ранее бытие и ничто только исчезают, то становление есть их совпадение в спокойную простоту, в которой они не суть

ничто, но и не существуют уже каждый для себя, а как снятые, т. е. моменты. Это единство есть *наличное бытие*.

§ 18

Наличное бытие есть 1) бытие, в понятии которого как отношение к другому или как *бытие для другого* заключено и его небытие; 2) согласно своему моменту бытия, оно обладает также стороной для-себя-бытия, а не только бытия как отношения к другому. Как понятие, охватывающее внутри себя оба этих определения, наличное бытие есть *реальность*.

§ 19

Реальное, или *нечто*, отличное от другого реально-го, сначала равнодушно к нему, так как в своем инобытии оно вместе с тем есть в себе. Различие одного нечто от другого сначала заключается в *границе* как середине между ними, в которой они и суть и не суть.

§ 20

Таковые нечто 1) отличаются от границы или своих различий, каковы суть их середина, вне которой они суть нечто. Но: 2) граница принадлежит им самим, будучи *их границей*.

§ 21

Таким образом, различие есть 1) собственное различие реальности, или ее *определенность*. Но эта в себе сущая определенность есть также 2) внешнее существование или же *состояние* (Beschaffenheit). Определенность, являющаяся как внешней, так и внутренней, образует *качество*.

с) *Изменение*

§ 22

Состояние, или внешнее наличное бытие, столь же принадлежит нечто, как и чуждо ему. Состояние есть

его инобытие и тем самым его небытие. Оно есть его неравенство с самим собой, благодаря чему полагается *изменение*.

§ 23

Так как изменение есть отрицание отрицательного, которым нечто обладает в себе, то возникает *для-себя-бытие*. Иными словами, определенность как внутреннее различие, которое в себе имеется у нечего, есть отношение нечего в его различии только к самому себе: нечего есть для себя.

В. К о л и ч е с т в о

а) *Для-себя-бытие* (идеальность)

§ 24

Для-себя-бытие есть 1) различие, но только от самого себя, или отношение не к другому, а к самому себе; 2) но так как различие содержит в себе инобытие, а отношение к последнему отрицательно, то *для него* существует и другое, но как исключенное.

§ 25

Для-себя-сущее представляет собой числовое *одно*. Одно — просто, отнесено только к себе, и из него исключено другое. Его инобытие есть *множественность*.

§ 26

Многие суть каждое, одно и то же. Поэтому они суть одно. Но такое одно есть точно так же и множественность. Ибо то, что оно исключает, есть его противоположность, или же, иными словами, оно полагает себя тем самым как множество. Первое становление есть *притяжение*, второе — *отталкивание*.

§ 27

Коль скоро положено и одно и другое становление, истина их есть такой, каковой есть и вне-себя-бытие

одного и полагание самого себя как множественности, прерывание (*Discretion*) как себе равное соотношение многих, или их непрерывность, чистое количество.

б) *Ограниченное количество* (*Quantum*)

§ 28

В количестве негативность одного присутствует лишь как снятая, или же, поскольку в равенстве себе самому для-себя-бытия инобытие не есть непосредственно нечто иное, лишь как внешняя граница, или же как граница, совсем не являющаяся границей. Количество с такой безразличной границей называется ограниченным количеством.

§ 29

Ограниченное количество есть *экстенсивное количество*, коль скоро граница отнесена к моменту множественности количества, или есть *интенсивное количество*, коль скоро граница отнесена к моменту равности-самому-себе, или же заключена в определении равности-самому-себе.

§ 30

Так как в ограниченном количестве отрицательность является безразличной границей, то для-себя-бытие, или же абсолютное определение, есть для него *потусторонность*. Поэтому можно выйти за пределы всякого ограниченного количества и положить другую границу, но и эта другая граница точно так же не может быть имманентной границей. Благодаря этому возникает *прогресс в бесконечность*, или же *дурная бесконечность*.

§ 31

Однако абсолютное определение, положенное как потусторонность, будучи для-себя-бытием, есть и собственный момент количества. Иными словами, граница, не являющаяся границей, представляет собой только снятое в для-себя-бытии инобытие. Это инобытие есть определенность, полагание которой есть самоопределение: *качественная величина*.

§ 32

Как простое определение качественная величина является прежде всего *специфической* величиной, а как различающаяся самоопределяемость она есть спецификация величин, которые одновременно суть определенные величины в отношении друг друга и имеют качественное отношение друг к другу, или же она есть показатель числового отношения качественно относящихся друг к другу величин. Поскольку величины здесь сняты как конечные и самая снятость их положена как их качественный закон, это есть их истинная, актуальная (*gegenwärtige*) бесконечность.

II. Сущность

А. Понятие сущности

§ 33

Простое взаимное проникновение количественного, или внешнего, определения и собственной внутренней определенности есть сущность. Как проникновение самоопределения и безразличной определенности сущность имеет в себе моменты *существенности* и *несущественности*. Существенно то, что принадлежит самоопределению, несуществен же момент безразличного наличного бытия.

§ 34

Становление как становление сущности есть прежде всего действие, переход сущности в свободу наличного бытия; но переход этот есть все же пребывание внутри себя.

§ 35

Так как действие есть различение сущности от самого себя, благодаря чему возникает наличное бытие, или определенность, то действие есть полагание.

В. Принцип

§ 36

Принцип, или предложение, содержит момент пребывания внутри себя, или равенства с самим собой, и момент чистого различения. Первый есть чистая *материя*, второй — чистая *форма*. Чистая форма есть остающееся внутри себя действие, т. е. то самое равенство с самим собой, которое было названо чистой материей. Наоборот, чистая материя представляет собой лишенную различий внеположность и неотличима от чистой формы.

§ 37

Однако различение должно быть положено, и единство формы и равенства с самим собой в противоположность внутри-себя-бытию в форме внешнего наличного бытия есть то, что обычно называют *материей*. Если она существует в форме внутреннего бытия, она есть *содержание*, формой же является каждое из таких определений различия.

§ 38

а) Простой принцип есть *принцип тождества*, $A = A$. Тождество безразлично к своей материи. Его содержание не имеет никакого определения, т. е. оно бессодержательно, и, следовательно, его форма есть лишенное различий равенство с самим собой.

§ 39

в) *Принцип равнодушного различия* вообще полагает неопределенную различенность и высказывает, что не существует двух вещей, которые были бы вполне равны.

§ 40

с) *Принцип противоположения* гласит: *A* есть либо *B*, либо не-*B*, *положительность* и *отрицательность*. Из двух противоположных предикатов вещи принадлежит только один, и между ними нет ничего третьего.

§ 41

d) *Принцип основания* выражает возврат положенного в себе или, иначе говоря, полагание как нечто третье, в чем сняты противоположные определения, и что, как простота, является определением, противоположным обоснованному, представляющемуся многообразным наличным бытием.

С. Основание и обоснование

1. Целое и части

§ 42

Как основание своего наличного бытия, без которого нет и самой сущности, сущность есть прежде всего *целое и части*. Целое есть полагание своих частей и, наоборот, состоит из своих частей. Обе стороны образуют собой одно и то же. Целое равно частям в их совокупности, т. е. их целому; точно так же части равны целому в его разделенности, т. е. как его частям. Обе стороны безразличны друг к другу, а деятельность целого как формы имеет своим условием материю.

2. Сила и ее проявление

§ 43

Однако части являются частями, только будучи положенными целым. Целое, т. е. связь частей, определено единством основания. Иными словами, качество наличного бытия полагается деятельностью основания как формы и материя явления есть собственное содержание формы. Таким образом, основание есть *сила*, которая проявляет себя вовне.

§ 44

Сила есть самополагание своего наличного бытия как определенного качества. Благодаря тому что наличное бытие является вместе с тем и бытием для

другого, или внешностью, сила одновременно свободна от него и не уничтожается, если наличное бытие, т. е. ее явление, исчезает. В соответствии с этой стороной сила хотя не имеет своим условием материю, образующую ее содержание и составляющую ее имманентную принадлежность, но все же обуславливается какой-нибудь вызывающей ее деятельностью.

§ 45

Такая деятельность сама есть сила, и, следовательно, должна быть вызвана в свою очередь. Так как отношение обеих деятельностей друг к другу является взаимным обменом их определений, то каждая из них служит основанием для действия или проявления во вне другой. Таким образом, возникает понятие основания, служащего основанием своей собственной деятельности и возбуждающего другую деятельность.

3. Внешнее и внутреннее

§ 46

Сущность как сама себя возбуждающая деятельность есть основание своего наличного бытия. В ее наличном бытии нет ничего чуждого и вообще ничего такого, что не было бы положено самим основанием. Таким образом, сущность и ее наличное бытие одно и то же. Будучи внутренним, сущность относится к себе как внешнему, а это внешнее есть лишь выражение внутреннего.

§ 47

Будучи таким отношением, основание есть нечто безусловное, нечто внутреннее. Оно есть единство материи как покоящегося равенства самому себе и формы как единства противоположного. В своем наличном бытии основание проявляет материю, в которой силы покоятся, и как противоположность себя, и как игра возбуждающихся и деятельных по отношению друг к другу сил. Сущность тем самым стала *действительностью*.

III. Действительность

§ 48

Действительность есть самостоятельное отношение. Она обладает моментом явления, или наличного бытия, которое есть отношение к самому себе, и моментом возможности, в-себе-бытия, или сущности своего наличного бытия. Самая действительность есть единство своей возможности и своего наличного бытия.

1. Субстанция

§ 49

Действительность есть *субстанция*. Последняя есть сущность, которая содержит внутри себя определения своего наличного бытия как простые атрибуты и законы, полагая их как игру сил наличного бытия или как свои акциденции, снятие которых означает не исчезновение субстанции, а ее возвращение в самое себя.

§ 50

Субстанция есть необходимость своих акциденций. В своем свободном наличном бытии последние по своей природе отнесены к другому как к чему-то внутреннему, скрытому в них и кажутся потерявшими свою самостоятельность из-за внешнего случая и чуждой силы, но поистине это есть только восстановление целого, которое снова берет внутрь себя произведенное в нем обособление.

2. Причина

§ 51

Субстанция, поскольку она представляет противоположность необходимости, вступает в отношение причинности. Субстанция есть свободно действующая абсолютная причина, не только как движущее начало, деятельность которого начинается внутри его самого,

но и как начало, которое имеет внутри себя все производимое им содержание, получающее наличное бытие в форме действия.

§ 52

В соответствии с противоположностью между деятельностью и сделанным деятельность эта представляет собой переход в противоположность. По содержанию же этот переход является тождественным переходом.

3. Взаимодействие

§ 53

Поэтому как причина субстанция деятельна лишь по отношению к самой себе и внутри самой себя, находится лишь во взаимодействии с собой, или же, иными словами, она есть всеобщее.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Субъективная логика

I. Понятие

§ 54

Понятие есть целое определений, сведенное в их простое единство.

§ 55

Понятие имеет моменты всеобщности, особенности и единичности.

§ 56

Всеобщность есть его внутри себя существующее единство в определении. Особенность есть негативное как простое определение, проникнутое всеобщностью, или, другими словами, она есть признак. Единичность есть негативное как чистая, соотносящаяся с собой негативность.

§ 57

Единичность как соотносящаяся с собой лишенная определений негативность обладает определением в виде безразличного, однако не самостоятельного, а снятого паличного бытия как свойством и есть субъект.

II. Суждение

§ 58

Суждение есть отделение субъекта от его определения, или же особенности, и соотнесение его с этой особенностью, представляющей собой его предикат. Субъект и предикат относятся друг к другу либо как единичное и особенное, либо как единичное и всеобщее, либо как особенное и всеобщее.

§ 59

Суждение одновременно и расширяет субъект до всеобщности, и ограничивает его. Тем самым предикат одновременно и выходит за пределы субъекта, и содержится в нем или же предикат одновременно есть и нечто особенное, и нечто всеобщее.

а) *Качество суждения, или определение предиката*

§ 60

Так как суждение есть соотнесение предиката с субъектом, то 1) содержание и выражение суждения сначала прежде всего такое: единичное есть некоторое всеобщее; *положительное* суждение. 2) Единичное тем не менее не есть всеобщее, *отрицательное* суждение, а есть некоторое особенное. 3) Единичное не есть особенное, *бесконечное* суждение, этим суждением снимается всякое определение, а также всеобщая сфера и, следовательно, предикат вообще.

б) *Количество суждения, или определение субъекта.*

§ 61

Бесконечное суждение содержит единичное как единичное или же, иначе говоря, как *вот это*, в результате чего возникает 1) суждение: *вот это таково* — *сингулярное* суждение; 2) так как предикат в то же время высказывает о субъекте и нечто всеобщее, то суждение должно быть таким: *некоторые таковы* — *партикулярное* суждение, в котором непосредственно заключено и противоположное суждение: *некоторые не таковы*; 3) эта неопределенность снимается посредством суждения: *все таковы* — *универсальное* суждение.

с) *Отношение суждения, или определение соотношения*

§ 62

Качественным и количественным суждением как субъект, так и предикат уже положены во всех определениях понятия, благодаря этому налицо понятие *в себе* и суждение содержит теперь соотношение некоторого налично сущего с понятием. Это в собственном смысле слова суждение является 1) *категорическим*. Но так как указанное соотношение понятия с наличным бытием представляет собой только лишь внутреннюю взаимосвязь, то категорическое суждение является вместе с тем лишь *ассерторическим*.

§ 63

2) *Гипотетическое* суждение: *если есть А, то есть и В* — выражает взаимосвязь, как таковую, т. е. без гарантии, или же утверждения (Assertion), ее наличного бытия, вследствие чего это суждение является *проблематическим*.

§ 64

3) *Дизъюнктивное* суждение: *А есть либо В, либо С; либо Д* — содержит в предикате всеобщность и обобщения ее. Субъект отнесен к этим определениям

тоже как всеобщность. Определения всеобщего исключают друг друга, и субъекту может принадлежать только одно из них. Это суждение является *аподиктическим*.

III. Умозаключение

§ 65

Умозаключение есть выражение (*Darstellung*) понятия в его моментах. Насколько единичность, особенность и всеобщность различны тут как моменты, настолько же крайние термины соединены посредством среднего термина (*Mitte*), представляющего собой их единство.

§ 66

Умозаключение — это 1) прежде всего соединение единичности и всеобщности посредством *особенности*, взятой в качестве среднего термина. Смысл такого умозаключения следующий: а) всякое единичное благодаря своей определенности есть нечто всеобщее или же, иначе говоря, обладает наличным бытием вообще; б) всякое единичное благодаря своей непосредственной определенности обладает еще и другой определенностью, которую первая включает в себя.

§ 67

Форма умозаключения, Е-О-В, является общим *правилом подведения* определенного содержания под всеобщее определение. Если всеобщее определение, как это бывает в тождественных положениях (*Sätzen*), не является по содержанию более общим определением, чем то, о котором оно непосредственно высказывается, то оно обладает все же формой всеобщности в качестве предиката в отличие от другого определения, выступающего в качестве субъекта.

§ 68

В количественных определениях моменты умозаключения находятся не во взаимоотношениях формы,

а во взаимоотношениях равенства. Поэтому *математическое* умозаключение гласит: то, что равно чему-то третьему, равно между собой.

§ 69

Всякое умозаключение, каково бы ни было расположение содержащихся в нем моментов, может быть сведено к той указанной выше форме, которая является общим правилом всех умозаключений.

§ 70

В умозаключении, если его рассматривать с точки зрения указанных моментов, средним термином является особенность — одна из множества определенностей, присущих единичности как конкретному. Такую единичность можно, стало быть, соединить и с другими всеобщими определениями, которые, вероятно, будут взаимно ограничивать и даже упразднять друг друга. Точно так же и отдельно взятую особенность можно соотнести с другими всеобщими определениями. Со своей стороны всеобщее вмещает в себя и другие определенности, а, следовательно, также и другие единичности. Таким образом, единичное и соединяемое с ним всеобщее здесь являются друг для друга случайным содержанием.

§ 71

Что касается соотнесения этих моментов, то в умозаключении имеются два непосредственных соотнесения, или же суждения, а именно: соотнесение единичного с особенным и соотнесение особенного со всеобщим, и одно опосредствованное соотношение — заключение. Так как только опосредствованное соотнесение содержит единство соединяемых моментов, а благодаря этому в формальном отношении и необходимость их соотнесения, то оба непосредственных соотнесения тоже нужно показать как опосредствования. Если же это делать с помощью умозаключений того же самого

вида, то возникнет прогресс в дурную бесконечность, поскольку каждое из таких дополнительных умозаключений обладает тем же недостатком.

§ 72

Следовательно, непосредственные соотнесения единичного с особенным и особенного со всеобщим необходимо раньше опосредовать согласно всеобщей форме умозаключения вообще, но через какую-то другую определенность среднего термина; 2) поэтому второе всеобщее умозаключение в том и состоит, что особенное соединяют со всеобщим посредством *единичности*. Но единичное как нечто налично существующее, чтобы быть средним термином, должно быть взято как *все*: умозаключение путем *индукции*. Поскольку же налично существующие единичности подвержены неограниченной случайности, индукция не может быть полной, и поэтому индуктивное умозаключение является в этом смысле несовершенным, и точно так же оно не содержит в себе внутренней необходимости.

§ 73

Тем не менее, будучи *всеобщим* моментом понятия, единичность, взятая в качестве среднего термина, соединяет особенное и всеобщее истинным образом. Она представляет собой такое негативное единство, в котором, как становлении и деятельности, особенность как различное многообразие и как условие наличного бытия соединена в одно и поднята до простого всеобщего единства, или же, наоборот, всеобщее разъединено на единичности и вступило в многообразие наличного бытия.

§ 74

3) Наконец, нужно опосредствовать соотнесение единичности с особенностью, для чего в нашем распоряжении имеется всеобщее: умозаключение по *анalogии*. В этом умозаключении средний термин по отно-

шению к крайнему термину особенности имеет определение единичности и распадается на *единичное* и *всеобщее*, ибо то, что с полным правом можно высказывать только о данном единичном предмете, берется здесь как всеобщее. Это умозаклучение, таким образом, содержит, собственно говоря, четыре определения (*quaternio terminorum*) и поэтому неудовлетворительно.

§ 75

Но *всеобщность* как истинный средний термин есть внутренняя природа и целое понятие, в котором негативное единство, субъективность и объективность, содержание и особенность наличного бытия взаимно проникают друг друга. Понятие служит здесь абсолютным основанием и связью внутри-себя-бытия и наличного бытия.

§ 76

Первое умозаклучение Е-О-В, т. е. умозаклучение, опосредствующее единичность и всеобщность через особенность, *предполагает* оба последующих умозаклучения, с помощью которых опосредствуются оба его непосредственных соотнесения. Со своей же стороны оба этих умозаклучения предполагают как друг друга, так и первое. Непосредственное требует опосредствования; точно так же и обратно — опосредствование исходит из непосредственности. Эти умозаклучения образуют круг взаимных предположений. Этот круг как целое связан сам с собой и охватывает себя в простом опосредствовании (которое вместе с тем непосредственно) как в центре.

§ 77

Это целое взаимно предполагающих самих себя опосредствований, являющихся в то же время простыми непосредственностями, производит наличное бытие. Последнее предполагает эту причину и ее деятельность и в то же время как произведенное в свою очередь является основой деятельности и самого акта произве-

дения. Это *опосредствование* не является поэтому ни *переходом* подобно становлению бытия вообще, где переходящее теряется в собственной противоположности, ни также *актом произведения* подобно *явлению* основания, которое лишь непосредственно; ни *проявлением* *вовне* силы, деятельность которой обусловлена; ни *воздействием*, подобным действию причины, деятельность которой исчезает в следствии.

§ 78

А. *Цель* при ближайшем рассмотрении есть реальное и само себя реализующее понятие и является полным умозаключением и в целом, и в своих частях. Сначала она представляется как субъективная цель и является здесь полным умозаключением, именно: 1) непосредственной внутри себя сущей всеобщностью, которая 2) сама себя определяет, или обособляется, и 3) стремится к выхождению *вовне* себя, к наличному бытию.

§ 79

В. *Реализация* цели точно так же является полным умозаключением. Это опосредствование есть 1) деятельная цель как действующая причина, которая 2) с помощью средства, отчасти принадлежащего субъективности и приводимого деятельностью в связь с целью, а отчасти принадлежащего наличному бытию или объективности и приводимого деятельностью в связь с этой объективностью, 3) воздействует на непосредственное наличное бытие и снятием его дает себе опосредствованную произведенную объективность.

§ 80

С. Эта объективность, *осуществленная* цель представляет собой опосредствование всеобщим. Она есть нечто внешнее, что, с одной стороны, является продуктом, а с другой — основанием акта произведения. В ней действующее столько же вышло *вовне* себя и перешло в свою противоположность, сколько возвратилось из

опосредствующей деятельности внутри себя и в своем инобытии нашло лишь самого себя.

§ 81

Будучи деятельной причиной, цель оставляет в существовании средство и продукт вне друг друга. Следовательно, средство в себе не обладает целью, а продукт деятельностью. Поэтому целесообразность является только *внешней и относительной*. Она вообще существует лишь постольку, поскольку цель сама имеет подчиненное содержание и поскольку то, что является для нее средством, с какой-нибудь стороны отнесено к ней.

§ 82

Цель существующего заключена в том, что оно есть в себе и поистине, т. е. в его понятии. Относительная целесообразность, которая считается только с какой-нибудь из определенностей существующего, не исчерпывает поэтому его понятия.

§ 83

Внутренняя целесообразность заключается в том, что нечто является в самом себе как целью, так и средством, как своим продуктом, так и началом, производящим этот продукт. В этом и заключается *самоцель*.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЯХ

§ 84

Идея есть адекватное понятие, в котором субъективность и объективность равны, или где наличное бытие соответствует понятию, как таковому. Она заключает внутри себя истинную жизнь самости (*Selbstleben*). Идея есть отчасти жизнь, отчасти познание, отчасти наука.

§ 85

Жизнь есть идея в стихии наличного бытия. Благодаря единству понятия и объективности живое является таким целым, части которого сами по себе ничто, но существуют только в целом и посредством него, т. е. представляют собой органические части, где материя и форма — неразрывное единство.

§ 86

Жизни в себе присущи всеобщие моменты, которые конструируют и всеобщую органическую систему. Жизнь обладает 1) в своей внешности своим простым всеобщим внутри-себя-бытием, *чувствительностью*; 2) возбудимостью извне и непосредственным противодействием внешнему, *раздражимостью*; 3) возвратом этого действия из внешности внутрь себя, *воспроизведением*.

§ 87

Как реализующееся самодвижение жизнь представляет собой тройкий процесс: 1) *формирование* индивида внутри себя самого; 2) его *самосохранение* в отношении его неорганической природы; 3) сохранение *рода*.

§ 88

1) Процесс *формирования* есть отношение органического к себе самому и состоит в том, что органические части постоянно и взаимно производят друг друга, причем сохранение одной из них зависит от сохранения других. Это взаимное произведение органических частей является, с одной стороны, развитием данной в себе организации, а с другой — постоянным ее изменением. Этот простой *рост*, т. е. изменение количественное, не есть, однако, процесс увеличения посредством сопоставления, т. е. механическое увеличение, а является процессом увеличения посредством восприимчивости¹⁴.

§ 89

Процесс органического *изменения* точно так же не является и химическим процессом. В химизме относящиеся друг к другу материи взаимно связаны понятием (химическое сродство) и *в себе* уже содержат свой продукт; однако последний не производит себя наперед как нечто данное и себе равное. Поэтому произведение его не есть самосохранение. Он только нейтральный продукт, т. е. такой продукт, в котором затухла деятельность, принадлежащая отдельным материям; он не является самопроизводящим и снова может быть разделен как качественно, так и количественно на свои составные части.

§ 90

Наоборот, совершенным определением материального увеличения служит органический *процесс питания*. Питание есть процесс увеличения посредством внутренней уже существующей формы, которая как субъективное или как простая форма всех частей относится сама к себе, причем каждая из частей по отношению к остальным является объективной и подвержена лишь внутреннему процессу.

§ 91

2) *Процесс самосохранения* органического перед лицом его неорганической природы. — Свободное противопоставление жизни как субъективного и объективного представляется как органическая и неорганическая природа. Последняя есть жизнь без индивидуальности, где единичное существует для себя, обладает своим понятием только как законом естественной необходимости, а не в субъективной форме и получает смысл только в целом. Это целое как субъект есть органическое, с каковым существенно соотнесена неорганическая природа и каковая образует условие последней.

§ 92

Неорганическое *условие* относится к органическому не как причина или химический момент, но то, что

положено в органическом воздействии неорганического, само существенно определено органическим и действует лишь *возбуждая*. Органическое есть двоякое движение постоянной борьбы, движение, которое, с одной стороны, прекращает стихийное становление и переход в противоположность, снимает свое условие и индивидуализирует объективную всеобщность, а с другой стороны, исключает из себя самого индивидуальное или субъективное и принижается до неорганического наличного бытия.

§ 93

3. Процесс *сохранения рода* есть а) реализация рода вообще; последний как всеобщая жизнь переходит через обособление видов в единичном к действительности, к индивидуальности; б) отношение органического к равному ему органическому, посредством чего оно производит себя как другой индивид того же рода, это отношение представляет в смене индивидов обратный путь единичности ко всеобщности.

II. Идея познания

§ 94

Познание есть представление (*Darstellung*) предмета согласно таким его налично сущим определениям, какие содержатся в единстве его понятия и вытекают оттуда, или, наоборот, поскольку собственная активность понятия дает себе его определения. Эти определения, положенные как содержащиеся в понятии, и есть познание, иначе говоря, идея, реализующая себя в стихии мышления.

III. Абсолютная идея, или знание

§ 95

Абсолютное знание 1) не имеет своим предметом ничего внешнего, каким-либо образом данного; его предмет лишь оно само. Оно есть понятие, существующее

щее как понятие. 2) Понятие конструирует себя из себя самого, ибо оно существует как становление и представляет содержащуюся в нем противоположность в форме различных отдельно существующих реальных или, лучше сказать, рассудочных определений. 3) Если реальные определения становятся рассудочными определениями главным образом в своей рефлексии, то их диалектика показывает их не только как необходимо соотносящиеся друг с другом, но и как переходящие в их единство. Результатом этого негативного движения их является их позитивное единство, представляющее собой понятие в его реальной тотальности.

Вторая часть

НАУКА О ПРИРОДЕ

§ 96

Природа — это абсолютная идея в виде инобытия вообще, в виде безразличной, внешней предметности и конкретного, индивидуализированного осуществления своих моментов. Иными словами, природа — это абсолютное существо в определении непосредственности вообще вопреки своему опосредствованию. Становление природы — это становление духом.

§ 97

Природу следует рассматривать как систему ступеней, необходимо возникающих одна из другой, но не так, что одна естественным путем производит другую, а во внутренней идее, лежащей в основе природы. Движение идеи природы состоит в том, чтобы из своей непосредственности уйти в себя, снять себя самое и стать духом.

§ 98

Естествознание рассматривает: 1) идеальное наличное бытие природы как пространство и время вообще, 2) неорганическую природу, 3) органическую при-

роду и соответственно этому представляет собой:
1) математику, 2) физику неорганического мира,
3) науку об органической природе.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Математика

§ 99

Пространство и время суть налично существующие абстракции — чистая форма, чистое созерцание природы. *Пространство* есть налично сущая мысль о всеобщей равнодушной различности вообще. *Время* — налично сущая мысль об отрицательном единстве, о чистом становлении.

§ 100

Пространство и время бесконечны, т. е. *безграничны* в абстрактной непрерывности своего вне-себя-бытия. Но как идеи они обладают внутри самих себя определениями, представляющими понятие в его моментах, — *измерениями*.

§ 101

1) *Измерения пространства* — это такие моменты пространства, которые не существуют вне друг друга; где есть один из них, там и остальные. И притом они суть формальные различия — первый, второй и третий — как единство этих различий. Однако в силу бескачественного единства пространства они не определены по отношению друг к другу и представляют собой пустые различия, которые только в связи с каким-нибудь дополнительным предметом получают чуждую им самим определенность.

§ 102

2) *Измерения времени* — это: 1) *прошрое* — наличное бытие как переставшее быть наличным, как налично не существующее; 2) *будущее* — бытие, не

наличное, но определенное стать наличным; 3) *настоящее* как непосредственное становление и соединение двух первых.

§ 103

Так как пространство существует в определении реального, безразличного наличного бытия, то и границы в нем являются реальными, а его измерения, сначала представляющие собой просто *направления* вообще, служат *формами* этого его ограничения.

§ 104

Ограничению пространства принадлежит только безразличное определение количества. *Непрерывная* величина, которая ближайшим образом есть, собственно говоря, род его количества сама есть неопределенное определение. Абсолютная определенность присуща *дискретной* величине. принципом которой служит *Одно*.

§ 105

Пространство составляет предмет некоторой (синтетической) науки, *геометрии*, потому что в нем, как таковом, всякое непрерывное определенное количество может *схематизировать* себя, т. е. проявить себя наглядно, а также потому, что в нем как стихии безразличного, внеположного многообразия, которое, однако, вместе с тем непрерывно, понятие предмета выражает себя в своем реальном облике, содержащем не только существенные определения этого понятия.

§ 106

Время же, как таковое, не способно быть совершенной схемой, *образом* ограниченного количества (*Figur des Quantums*). Как беспокойное становление время не является стихией синтетического целого. Становясь некоторым количеством, оно переходит в негативное количественное определение, в *Одно*, составляющее принцип (аналитической) науки о количествах, *ариф-*

метики, ибо связь Одних не есть особое элементарное созерцание реальности, связь эта такова, какой она бывает положена.

§ 107

В арифметике и в геометрии сравниваются друг с другом такие количества, которые при всей произвольности и всеобщности их величин расцениваются все же согласно этому их определению, принадлежащему им независимо от их отношения друг к другу, как совершенно или, лучше сказать, сами по себе определенные количества, как *конечные величины*. Анализ бесконечных, и в первую очередь дифференциальное и интегральное исчисление, рассматривает *бесконечные величины*, т. е. такие величины, которые уже не имеют значения конечных, совершенно самостоятельно определенных величин, а являются *исчезающими величинами*, получающими свое значение только в их *предельном соотношении* (letzten Verhältnisse), в их *границе*, т. е. только в соотношении.

§ 108

Дифференциальное исчисление отыскивает для формулы выражение предельного соотношения ее переменных, конечных величин. *Интегральное исчисление*, наоборот, ищет конечное выражение для формул, содержащих предельные соотношения.

§ 109

Прикладная математика применяет чистую математику к отношениям величин природы, которые берутся ею из опыта.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Физика

I. Механика

§ 110

Чистое созерцание, перешедшее из своей непосредственности к в-себе-и-для-себя-бытию, иначе говоря,

наполненное пространство и время есть *материя*. Внеположенность пространства и внутри-себя-бытие времени, положенные абсолютно в одно, дают понятие материи вообще.

§ 111

Соответственно моменту внутри-себя-бытия материя была бы отдельной *точкой*; соответственно моменту вне-себя-бытия она была бы множеством исключаящих друг друга *атомов*. Но так как последние, исключая друг друга, тем самым относятся друг к другу, то атом не имеет действительности, и атомистичность, так же как и абсолютная непрерывность, или бесконечная делимость, представляют собой в материи лишь возможность.

§ 112

Материя, взятая как существующая для-себя-бытие, обладает моментом разобщенности (*Vereinziehung*), присущей, однако, столь же и материи как в-себе-бытию, и является лишь некоторой существенной непрерывностью, *тяжестью*, образующей всеобщий предикат тела, которое и представляет собой материю в форме субъекта.

§ 113

В теле имеется связь (*Beziehung*) идеальных моментов пространства и времени. Эта связь проявляется как *движение*, а тяжесть — как основание последнего.

§ 114

Свободное движение присуще телам, имеющим внутри себя свой *собственный центр* тяжести. Благодаря связи таких центров возникает свободная система *кругового* движения небесных тел. Другие же тела, не имея собственного центра, лишены центробежной силы и подчиняются центростремительной силе, вследствие чего они *падают*.

§ 115

Кроме пространства и времени моментом величины движения является *масса*. Пространство и время переходят в силу и подобно массе являются моментами силы.

II. Физика неорганического мира

§ 116

Тяжесть, индивидуализируемая и разлагаемая на качественные различия *светом*, есть конкретная или, лучше сказать, физическая природа и предмет физики вообще.

§ 117

Тяжесть — это противоположность вне-себя-бытия, лишь *стремящегося* к внутри-себя-бытию. Материя и есть это наличное бытие стремления, причем противоположность последнего выражается только в моментах пространства и времени, в некотором чисто идеальном центре. Указанное становление вне-себя-бытия внутри-себя-бытием, простое интенсивное единство тяжести есть некоторое противостоящее ей наличное бытие, свободно существующая самость материи, *свет*. Как себе самому равное внутри-себя-бытие свет есть принцип индивидуализации и обособления (*Besonderung*) материи. Его соотношение с его чистым отрицанием, с темнотой, образует *цвет* ¹⁵.

§ 118

Первым моментом особенного наличного бытия физической природы является *магнетизм*, раздвоение пункта индивидуального единства на противоположность, которая, однако, еще остается заключенной в понятии.

§ 119

Вторым моментом является реализация, а именно освобождение и особое конституирование сторон противоположности 1) в качестве *электричества*, каковое

представляет собой еще неовеществленное, мимолетное проявление этой противоположности, состоящее в абсолютной напряженности ее сторон по отношению друг к другу; 2) в качестве *элементарных химических веществ*. Они суть качественные различия телесности и существуют в виде особых материй, которые, однако, еще абстрактны и не имеют действительной индивидуальности; 3) в качестве *физических тел*, в каких качественных определениях существуют внутри конкретной телесности; такие тела хотя и содержат внутри себя все моменты телесности, но под определением какого-либо одного из этих моментов, или качеств, и принимают по отношению друг к другу форму безразличного, устойчивого существования: а) как *физические элементы*, б) как абсолютные или *небесные тела* и с) как перешедшие в дальнейшее разделение и разобщение *земные тела*.

§ 120

Третьим моментом является *химический процесс*. Разобщенность и собственное безразличное обособленное существование тел есть вместе с тем и отношение этих тел друг к другу, не только взаимное напряжение, но и взаимное противоположение и побуждение к деятельности и воздействию, благодаря чему их безразличное пребывание снимается и снова приводится к единству тотальности. Этот возвратный процесс в живой природе совпадает, однако, с процессом конструирования, вследствие чего соединение, с другой стороны, становится здесь вместе с тем выделением и оседанием (Niederschlag) какого-нибудь безразличного существования.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Физика органического мира

§ 121

Геология рассматривает строение земли как результат угасшего процесса образования земного индивида.

Геогнозия рассматривает это строение с точки зрения общности его горных пород по их свойствам, условиям залегания и вместе с *ориктогнозией*, которая рассматривает преимущественно отдельные образования как части общего строения земли, составляет *минералогию*.

§ 122

Растительная природа представляет собой начало становящегося индивидуальным, иначе говоря, становящегося субъективным процесса самосохранения, подлинно органического процесса. Этот процесс, однако, не обладает еще полной силой индивидуального единства, так как растение, будучи одним индивидом, имеет только такие части, которые тоже можно считать самостоятельными индивидами. В силу этой недостаточности внутреннего единства растение и не достигает способности чувствовать. *Физиология растений* рассматривает их всеобщую природу, а *ботаника* — их систему, в которой подразделение растений основано главным образом на различиях органов оплодотворения. Оплодотворение и есть то наивысшее проявление растительной жизни, благодаря которому растения граничат с более высокой степенью организма.

§ 123

Животная природа обладает тем субъективным единством, благодаря которому все органические части подчинены целому, представляющему собой нечто единое (Eins). *Физиология* животного организма рассматривает *функции* этих частей, которые не только содействуют постоянному порождению целого, но столь же порождаются и сохраняются благодаря этому процессу. *Сравнительная анатомия* изучает всеобщий тип животного в различных образованиях всеобщего рода; с одной стороны, она исследует, как этот тип начинает проявляться в животных простейшей организации и постепенно выступает все более и более развитым, с другой стороны, как он модифицируется соответственно различным стихиям, в которых предстают перед

нами животные виды. Зоология классифицирует виды животных по их главным общим признакам и берет в качестве определения для этого главные ступени развития животного типа, стихию, а также оружие по отношению к другим, причем, однако, те определенные границы, которые здесь поначалу получаются, природа стирает благодаря переходам, объединяющим один принцип с другим¹⁶.

§ 124

Организм вследствие момента своей раздражимости в общем и целом связан со своей неорганической природой. Разрыв этой связи существует поначалу субъективно внутри самого организма как чувство недостатка, как *потребность*. Этот субъективный разрыв рефлектирует себя наружу в противоположность между органической и неорганической природой. Неорганические потенции действуют на организм как *возбуждающие*, и его деятельность — это постоянная борьба за то, чтобы в меру своей восприимчивости вобрать их в себя, а там преодолеть их и тем самым восстановить внутри себя единство, которое как раз и является таким движением противоположности внутренних систем и их восстановлением.

§ 125

Организм оказывается в состоянии *болезни*, если какая-нибудь заложенная в нем потенция, перестав подчиняться ему превращается в систему, которая благодаря этому замыкается в себе, упорно держится своей собственной деятельности и не переходит уже в плавную деятельность целого, чем вообще прерывает органический процесс. Наукой о болезнях и их лечении является *медицина*.

§ 126

Животное обладает *чувством*, поскольку его органические моменты сохраняют свое назначение и свой смысл только в единстве жизни, но вместе с тем они имеют еще и внешнее внеположное бытие. Последняя

рефлексия этой внешности в абстрактный элемент простоты, который один только и образует полноту существования моментов, есть возвышение к духу.

Третья часть **НАУКА О ДУХЕ**

§ 127

Дух только начинает с внешнего, определяет его, а в дальнейшем относится лишь к себе самому и к своим собственным определениям.

§ 128

Философия духа содержит три раздела. Она рассматривает 1) дух в его понятии, психологию вообще; 2) реализацию духа и 3) завершение духа в искусстве, религии и науке.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Дух в его понятии

§ 129

Дух, рассматриваемый сам по себе, 1) должен быть понят в своем *естественном наличном бытии*, в своей непосредственной связи с органическим телом и в своей проистекающей отсюда зависимости от аффекций и состояний тела; занимается этим *антропология*; 2) как являющийся, а именно, поскольку он в качестве субъекта относится ко всему другому как объекту, дух есть *сознание* и представляет собой предмет *феноменологии духа*; 3) как дух, взятый соответственно определениям его деятельности внутри себя самого, он является предметом *психологии*.

⟨Так как определения, помещенные под пунктами 1 и 2, в ходе наших занятий уже нашли свое освещение в другом месте, то здесь будет изложена только психология.⟩

§ 130

Интеллект начинает с внешнего мира как со своего *условия*, а не как со своего принципа; принципом для него является, собственно говоря, он сам. Он 1) непосредственен в качестве *чувства*, содержание коего он 2) возвышает внутри себя до *представления*, а 3) в качестве *мышления* очищает это содержание от случайности до необходимости и от особенности до всеобщности его определений.

I. Чувство

§ 131

Чувство представляет собой простую, но все же определенную аффекцию единичного субъекта, в котором еще не установилось различие субъекта и содержания. Иными словами, чувство есть определение, вызванное в субъекте, который еще как бы не отделился от объекта.

§ 132

Чувство бывает как внутренним, так и внешним и непосредственно, еще до рефлексии, как настроение бывает приятным либо неприятным.

II. Представление

§ 133

Чувство есть тот первоначальный, еще скрытый внутри себя материал, который интеллигенция возвышает до представления тем, что она устраняет присущую чувству форму простоты и разъединяет чувство на нечто объективное и нечто субъективное, отделяющееся от этого объективного, превращает чувство в нечто *почувствованное*.

Сначала в представлении имеют *предмет*. Ступени представления состоят в том, что интеллигенция 1) *вспоминает*, поскольку она вообще отделяет себя от содержания чувства; 2) *воображает* себе это содержание, удерживает его без его объекта, по собственному желанию свободно вызывает его и соединяет; 3) что она лишает его непосредственного значения и дает ему в *памяти* другое значение и другое соединение.

А. Воспоминание

§ 135

1) *Созерцание* есть непосредственное представление, в коем определения чувства превращены в отделенный от субъекта предмет, который независим от единичного субъекта и вместе с тем зависит от него (*für dasselbe ist*). Однако столь же он зависит не от него как единичного субъекта, а от *всех* [единичных субъектов].

§ 136

Объект положен вне субъекта и в себе самом является внеположностью, т. е. отчасти спокойной рядомположностью пространства, отчасти беспокойным становлением в последовательности времени. *Пространство* и *время* суть абстрактные созерцания, всеобщие формы созерцания.

§ 137

В этих всеобщих объективных элементах объект, кроме того, что он обладает содержанием определений чувства, является вместе с тем единичным, вполне определенным в пространстве и времени и связанным с другими предметами *до* него, *наряду* с ним и *после* него.

Этой определенностью во времени и пространстве и взаимосвязанностью по своим определениям вещи пойманы и заключены во всеобщей темнице.

2) *Представление*. Чувство становится объективным в созерцании. Субъект, погруженный в созерцание, находится в непосредственной связи с ним, так что в созерцании, собственно говоря, он не имеет еще никакого другого бытия, кроме указанного объективного, пространственного и временного бытия. Свободная деятельность интеллигенции состоит здесь во *внимании* к многообразному наличному бытию *непосредственно данного* и в том, чтобы по *собственному усмотрению* останавливаться на каком-то содержании или переходить к другому — *способность постигать* (Fassungskraft).

Но созерцание как объект в то же время зависит от *субъекта*. Этот последний, как в себе и для себя сущий, возвращает себя из своего вне-себя-бытия, рефлексивирует себя внутрь себя и отделяет себя от объективности тем, что он субъективно превращает созерцание в *образ*.

Созерцание, перенесенное внутрь *Я*, уже не просто образ, оно становится *представлением вообще*. При этом не бывает, чтобы созерцание, воспринятое во внутренний мир, осталось полностью соответствующим непосредственному созерцанию; напротив, оно освобождается от своей пространственной и временной взаимосвязи и изымается из нее. Теперь оно представляет собой *снятое*, т. е. столь же *не существующее*, сколь и сохраняемое, наличное бытие.

В качестве представления созерцание есть *собственное время* и *собственное пространство* субъекта, перенесенное в пространство и время как во *всеобщие формы*. Благодаря снятию особенного времени созер-

пания это созерцание становится *постоянным*, а благодаря снятию его особенного пространства существует *везде*.

§ 142

В дальнейшем конкретное созерцание сохраняется в своих многообразных определениях, другими словами, сохраняется в своем единстве, но точно так же и освобождается от пут своей единичности. Оно распадается на составляющие его определения, в результате чего последние становятся абстракциями, которые можно представлять себе как *существующие сами по себе* без той чувственной взаимосвязи, в какой они впервые явились субъекту.

§ 143

3) *Воспоминание*. Представление как *вспоминаемое* созерцание, как созерцание, сделанное *всеобщим*, относится к непосредственному созерцанию точно так же, как все постоянное и всеобщее к единичному. Воспоминание не столько есть сравнение двух единичных созерцаний, сколько состоит в том, что единичное созерцание, существующее сейчас, подводится под созерцание, уже сделанное всеобщим, т. е. под представление. *Тождественность* (Dieselbigkeit), которую я замечаю при этом, является, с одной стороны, тождеством (Identität) их *содержания*; с другой же стороны, в созерцании, существующем сейчас, я замечаю тождество *меня* с самим собой, т. е. в этом созерцании я вспоминаю *себя*.

§ 144

Образ, или представление, превращается в нечто всеобщее не вследствие того, что одно и то же созерцание *повторяется часто* и эти многие созерцания либо как-то сознательнее, либо так, что при каждом единичном созерцании вспоминается предыдущее, сливаются в один более или менее абстрактный образ. Созерцание получает форму всеобщности непосредственно вследствие того, что его воспринимает *Я*. Созерцание есть

поэтому *подведение*. Благодаря существующему сейчас созерцанию или представлению в памяти возникает образ *такого же* прошлого созерцания. Это предшествующее созерцание есть нечто постоянное и всеобщее; под него я и подвожу единичное созерцание, существующее сейчас.

В. Воображение

§ 145

При воспоминании представление прежнего созерцания и созерцание, существующее сейчас, непосредственно совпадают друг с другом. Вспоминая, я имею перед собой не разного рода созерцание и представление, а вижу только, что я уже имел это созерцание, что я уже *обладаю* им. Если же я имею перед собой представление, *расходящееся* с созерцанием, то это и есть воображение. Именно благодаря ему созерцание и представление могут совершенно несходствовать друг с другом.

§ 146

1) *Воспроизведение* представления вообще. Воображение как воспроизведение представления вообще вызывает образы и представления, *когда уже нет* соответствующего им созерцания, и дает им *самим по себе* входить в сознание.

§ 147

2) Будучи *дейтельной* силой, воображение многообразно связывает друг с другом сохраняемые образы и представления, причем эта связь отличается от той, какой они обладали как созерцания.

§ 148

Связывание представлений может совершаться соответственно самым разнообразным определениям, содержащимся в этих представлениях. Различные способы связывания *очень неточно* были названы *законами* ассоциации идей.

Определением связывания может служить более или менее поверхностная или глубокая взаимосвязь: простая *одновременность* либо *смежность* двух представлений; либо какое-нибудь *сходство*, даже *контраст* между ними; отношение друг к другу как *целого* и *частей*, *причины* и *действия*, *основания* и *следствия* и т. д., вообще любой вид чувственного и духовного взаимоотношения. Взаимосвязь представлений зависит главным образом от какого-нибудь интереса души (*des Gemüts*), от какой-нибудь страсти, другими словами, вообще от духовного своеобразия каждого человека.

§ 150

Отличие образов от созерцаний изложено нами выше. Обычно сознание во время бодрствования и в здоровом состоянии отличает их друг от друга непосредственно. Но во сне, в необычных состояниях, во время болезни различие между ними перестает для него существовать, и воображение властвует над ним вопреки созерцанию и вопреки более высоким духовным способностям.

§ 151

а) *Сновидения*. Когда во время сна мы видим сновидения, перед нами проходят вереницы представлений, которые мы принимаем за созерцания, вызванные воспоминаниями или даже ощущениями, причем эти представления перемешиваются и соединяются друг с другом самым случайным и произвольным образом. — В основе *предчувствий*, *видений*, *иступленной религиозности* и т. д. лежат, правда, интересы или способности, более глубокие, чем простое воображение, но они сопряжены с таким необыкновенным усилением его, которое превращает внутренние, смутные чувства в образы и придает им *яркость созерцаний*.

<Сродство с природой. Так называемое предвидение. В настоящем дремлет будущее. Действительность есть вместе с тем и возможность последующего.

Оракулы, предсказывание по полету птиц, по внутренностям животных. Общее настроение в природе, когда животные предчувствуют землетрясение. Народы, которые еще живут в единстве с природой, связаны с ней сильнее, чем мы, оторвавшие себя от природы. Внутренний свет; сношения с высшими духами; колдовская мазь из белены; ведьмы одурманивали себя и предавались ужасающей фантазии, которая становилась эпидемической. Их сжигали тысячами. Призраки; часто внешние явления как бы повод, который использует фантазия. Нечистая совесть, истерзанная мукой преступления, благодаря призрачным образам делается объективной. Уговор в загробной жизни явиться друг другу. Фанатизм, ставящий религиозные представления выше всего нравственного в жизни и выше связи понятий. Беспутство впадает в другую крайность: формы, не имеющие образа, оно ценит ниже осязаемых вещей внешнего мира. Оно считает, что чувственное стоит выше духовного, что внешний мир и есть абсолютное. В вещи хотят увидеть бога, не прибегая к искусству, другими словами, абсолютное существо хотят внутренне созерцать при помощи фантазии, *бога хотят втиснуть во временное, чувственное*. Истинное превосходство представления над созерцанием благодаря *воле*, например Муций Сцевола¹⁷.)

§ 152

б) Более высокая ступень жизни, заключающей себя в фантазии, — *сомнамбулизм*, в буквальном смысле слова хождение во сне, или другие состояния этого рода, в которых дух, слабее или сильнее воспринимая внешний мир, обладает каким-то скорее внутренним созерцанием внешнего, собственно говоря, действует *внутри себя* и приступает к целым сериям внешних отправлений, какие производятся и наяву.

<Сомнамбулизм — это а) обычный сомнамбулизм *во сне*: слушать музыку, читать, писать письма, разговаривать, идти в опасные места. Ванны перед сном, сильные потрясения; б) *эпилептический* (вызываемый движениями пальцев, чтением на переполненный же-

лудок и т. д.); с) *магнетический*, когда больной отвечает только тому, кто вызвал в нем и поддерживает это состояние.>

§ 153

с) *Сумасшествие* имеет помимо того, что и бредить в лихорадочном жару есть такое же вызванное болезнью состояние, весьма различные модификации, такие, как мания, безумие, буйное помешательство и т. д., и сводится, собственно говоря, к господству фантастических представлений над созерцаниями и над разумными представлениями в бодрственном состоянии. Для *мании* характерно какое-нибудь одно навязчивое неправильное представление при правильности остальных представлений внутри этого навязчивого представления. *Безумие* же есть общее расстройство духовной природы. В форме *буйного помешательства*, или бешенства, безумие сочетается со злобным коварством и приступами буйства.

<Возомнить себя королем, кардиналом, одним из лиц божества. Меланхолия от представления себе морально недостойных вещей. Один думает, что если он попишет, то затопит весь город; другой — будто он ячменное зерно и его склюют куры; третий — что у него ноги из стекла, в теле колокольчик и т. д. — Причины сумасшествия бывают а) *телесные*; часто природное, наследственное предрасположение; сдавливания во время беременности; излишества; ядовитые травы; собачье бешенство — болезнетворное начало, поражающее нервы, мозг и т. д.; б) *духовные*; очень пылкое воображение, например от радости люди не только умирали, но и сходили с ума; расстройство, вызванное потрясениями страстей, любви, гордости, надежды, тщеславия, обмана; подозрительность разрывает связь с внешним миром; зарыть свою жизнь внутри себя, внутри своей единичности и т. д. — Способы лечения душевных болезней делятся поэтому тоже на телесные и духовные.>

§ 154

3. *Продуктивное воображение*. Высшая способность воображения, *поэтическая фантазия*, состоит на службе

не случайных состояний и определений чувства, а на службе *идей* и истины духа вообще. Она отбрасывает случайные и произвольные обстоятельства наличного бытия, сосредоточивает внимание на его внутренней и существенной стороне, формирует это существенное и выражает его в образах. — Эта форма являющегося бытия, которую она придает ему, поддерживается, управляется, пронизана и связана в единство только этим существенным. — *Символизация*, осуществляемая воображением, состоит в том, что в чувственные явления, в образы оно вкладывает смысл, *отличный* от их непосредственного смысла, но находящийся с ним в отношении *аналогии*, и использует эти образы как выражение этого иного смысла.

<Поэтическое творчество не копирование природы. Поэзия истинна в более высоком смысле, чем обычная действительность. Поэт — это глубокий дух, понимающий субстанцию, которая есть и в других, но не ясна им. Остается справедливым и здесь, что для камердинера нет героя¹⁸. Говорят: я этого человека тоже знал, и ничего такого в нем не видел; или: я тоже знал любовь, и не нашел в ней ничего похожего на то, что говорит о ней поэт. Но оттого-то поэта и называют пророком. Великолепие природы поэт соединяет в некоторое целое, воспринимает его как атрибут кого-то более высокого: синева небес — его одежда; цветы — его вестники и т. д. — Церера и Прозерпина. Базис идеи. Лето: незабудка. Восход солнца: «So quoll die Sonn' hervor, wie Ruh' aus Tugend quillt» [«Солнце свой свет разливало, как добродетель покой»]. Заход солнца: «так умирает герой». Символика хлеба и вина в элевсинских мистериях и в христианстве¹⁹. Глубоко чувствующая душа всегда символизирует; склонность немцев к поэтическому мышлению о природе и т. д.>

С. Память

§ 155

1) *Знак* вообще. Поскольку представление освободилось от внешнего наличного бытия и сделалось субъективным, наличное бытие и внутреннее представле-

ние противостоят друг другу как различные. *Произвольное соединение* какого-нибудь внешнего существования с некоторым не соответствующим ему и по содержанию отличным от него представлением, выражающееся в том, что это внешнее существование отождествляют с данным представлением или, лучше сказать, с его *значением*, превращает это существование в *знак*.

§ 156

Продуктивная память производит, следовательно, соединение созерцания с представлением, и притом *свободное* соединение, в котором прежнее отношение, когда в основе представления лежало созерцание, *перевернуто*. В этом соединении, осуществляемом продуктивной памятью, чувственное наличное бытие не имеет само по себе никакого значения; оно имеет здесь только то значение, каким его наделяет дух.

§ 157

Всякое чувственное наличное бытие связано через свои определения, собственно говоря, с другим наличным бытием. Но как только продуктивной памятью некоторое представление сделано определением какого-нибудь наличного бытия, последнее становится в этой связи по сути дела в *отношение представлений с другими представляющими существами*, с чего и начинается *теоретическое общение* этих существ друг с другом.

§ 158

2) *Язык*. Высшим созданием продуктивной памяти является язык. Он бывает не только звуковым, но и письменным. Поскольку его источником является продуктивная память, или *Мнемозина*²⁰, то о каком-то другом его источнике речь может идти лишь в отношении изобретения определенных знаков.

§ 159

Звук есть мимолетное явление внутренней сущности, которая в этом своем проявлении вовне не

остается чем-то внешним, а выражает себя как нечто субъективное, внутреннее, реально о чем-то извещающее. Особенно важно, что с помощью *членораздельного произношения звуков* могут быть обозначены не только образы в своих определениях, но и *абстрактные представления*. Конкретное представление по сути дела превращается словом-знаком в нечто *безобразное*, отождествимое со знаком.

Образ умерщвляют, и слово заменяет собой образ. Это — лев; имя становится *равнозначным сути дела*. Логос; и сказал бог... и т. д. Язык — величайшая сила в человеческом обществе. Адам, говорят, дал всем вещам (животным) их имена. Язык — это умерщвление чувственного мира в том виде, каков он непосредственно, и преобразование его в некоторое наличное бытие, представляющее собой такое звучание голоса, которое находит отклик во всех представляющих существах²¹.)

§ 160

Что касается изобретения определенных знаков, то, естественно, что в *звуковые знаки* звучащих явлений (шума, свиста, звона, жужжания и т. д.) превращают *непосредственные подражания* им. Знаки других чувственных предметов или изменений являются, собственно говоря, *произвольными*. За обозначение абстрактных отношений и определений отвечает главным образом *способность символизировать*, дальнейшее же постепенное развитие языка принадлежит силе всеобщности — рассудку.

§ 161

Письменность бывает иероглифической или буквенной. *Иероглифическая* письменность — это такое обозначение предметов, которое никак не связано с их звучащими знаками. Созданию всеобщего философского письменного языка, мыслью о котором задавались многие, препятствует неисчислимое множество знаков, которые пришлось бы специально изобретать и заучивать. *Буквенная* письменность разлагает знаки-слова на их простые звуки и обозначает последние.

3) *Репродуктивная память*. Репродуктивная память состоит в запоминании единичных знаков в связи с тем, что они обозначают, и прежде всего — в удержании их безобразных рядов, которые не соединены друг с другом ни образной, ни рассудочной взаимосвязью, а существуют в совершенно произвольной, случайной последовательности и удерживаются вместе только внутренней, независимой от них силой.

III. Мышление

§ 163

Мышление — это деятельность духа в его независимой, себе самой равной простоте, *самопроизвольно* вносящей в себя самое определения, обладающие характером равенства самим себе и характером всеобщности.

1. Рассудок

§ 164

Рассудок есть способность мысленно определять вообще и фиксировать в мысленных определениях. Его содержание как *объективного* рассудка составляют категории — мысленные определения бытия, образующие внутреннее единство многообразия созерцаний и представлений. Он отличает существенное от несущественного и познает необходимость и законы вещей.

2. Суждение

§ 165

Судить о чем-нибудь — значит *соотнести* некоторый единичный предмет с понятием. Суждение, собственно говоря, определяет единичный предмет всеобщим образом, т. е. *подводит* его под всеобщее. Оно имеет следующие ступени:

§ 166

а) Всеобщее, под которое подводится единичный предмет, само является здесь лишь одним из *качеств* этого предмета.

§ 167

б) *Рефлектирование* есть выход за пределы единичного определения, его сравнение с другими и соединение их в одно определенное определение. Всеобщее здесь составляет внутреннюю природу и сущность предмета. Эта всеобщность не является просто общностью, а представляет собой всеобщность, присущую этому предмету, как таковому, наряду с присущими ему определениями особенности и единичности.

§ 168

с) В строгом смысле слова судить о каком-либо предмете — значит *сравнить* его природу — его истинную всеобщность с его единичностью, с характером его наличного бытия; сравнить то, что он есть, с тем, чем он должен быть.

<В этих суждениях скрывается та диалектика, что нечто дурное, нечто не соответствующее своему понятию, *вместе с тем* и соответствует ему. *Плохой* дом обладает наличным бытием, которое не соответствует понятию дома. Но если бы он только не соответствовал понятию дома, он не был бы *домом*. Нужно, чтобы понятие могло быть познано еще в наличном бытии. Так, если о каком-нибудь поступке судят, что он дурной, то у его неразумия есть еще и сторона соответствия с разумом, и т. д.>

§ 169

Здесь можно упомянуть также и *остроумие*, которое, однако, скорее относится к характеру суждения, нежели является его действительной ступенью. Оно состоит главным образом в том, чтобы схватить различия, которые не лежат на поверхности, и посредством

рефлексии заметить более тонкие и более глубокие связи. *Острота* соединяет представления, внешне совершенно чуждые друг другу, с той стороны, с какой они обнаруживают неожиданное сходство. *Остроумное* является аналогом разумного и выражает преимущественно какое-нибудь определение или отношение в том виде, в каком они противоположны либо непосредственному представлению о них, либо внутри самих себя.

<Во время восхода солнца небо превращается из черного в красное, как рак. *Le misérable, qu'il est heureux! Il a faim. Exul mentisque domusque.* Под этим камнем лежит моя жена; здесь она покойтся, покоен и я. На своих постелях мечтают жирные судьи усыпить свой кашель и свою совесть²² и т. д.>

3. Разумное мышление

§ 170

а) Разум называется *негативным* или *диалектическим*, так как он показывает переход всякого рассудочного определения бытия в противоположное. Обычно это диалектическое проявляется таким образом, что об одном субъекте утверждаются два противоположных предиката. Более чистая диалектика состоит в том, что относительно какого-нибудь рассудочного определения-предиката показывается, как *в нем самом* оно столь же есть и *противоположность себя самого*, что оно, следовательно, упраздняет себя внутри себя.

§ 171

б) *Рассуждающий* разум старается найти *основания* вещей, т. е. их положенность другим и внутри другого. Это другое и является пребывающей внутри себя сущностью этих вещей, но вместе с тем оно представляет собой лишь нечто *относительно безусловное*, так как обоснованное, или следствие, имеет содержание, отличное от содержания основания.

с) *Умозаключающий* разум совершает опосредствование содержания, выступающего соответственно определениям понятия в виде единичного, особенного и всеобщего. Особенное по отношению к единичному есть нечто всеобщее, а по отношению к всеобщему — нечто определенное; оно представляет собой средний термин, содержащий в себе крайние термины единичности и всеобщности и потому связывающий их. Умозаключающий разум — это:

а) *формальный* разум, если умозаключение субъективно. То, что кажется в этом случае опосредствованным, или следствием, само по себе есть нечто непосредственное. Как опосредствованное оно выступает только для познания.

б) *Телеологический* разум рассматривает и устанавливает цели, т. е. такое отношение, в котором нечто опосредствованное, произведенное имеет то же самое содержание, что и предполагаемое им понятие, представляющее собой нечто непосредственное; причем это опосредствованное, следствие, служит здесь также и основанием.

с) *Разумная идея* — это такое понятие, внешнее выражение (*Äußerlichkeit*) или, лучше сказать, реальность которого целиком определена им самим и существует только внутри своего понятия, другими словами, это такое сущее, которое обладает своим собственным понятием и является средством самого себя, причем средство есть здесь в равной мере и цель:

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Практический дух

Практический дух не только *имеет* идеи, он *есть* сама живая идея. Практический дух — это дух, самопроизвольно определяющий себя и сообщающий своим определениям внешнюю реальность. От *Я*, которое пре-

вращается в предметы, в объективность лишь теоретически, идеально, следует отличать *Я*, которое делает это практически, реально.

§ 174

Практический дух называют преимущественно *свободной волей*, ибо *Я* может абстрагироваться от всякой определенности, в какой оно находится, и во всякой определенности остается неопределенным и равным самому себе.

§ 175

Воля как внутренне определяющее себя понятие — это прежде всего *деятельность* и *поступок*. Она переносит свои внутренние определения во внешнее наличное бытие и тем выражает себя как идею.

§ 176

К деянию относится *вся совокупность* определений, непосредственно связанных с произведенным им изменением наличного бытия. К *поступку* же относится прежде всего только то из этого деяния, что входило в *намерение*, иначе говоря, только то, что было в сознании. Только это воля признает как свое и как свою *вину*, которую ей действительно можно приписывать. Но в широком смысле под виной нужно понимать и те из определений деяния, которые не сознавались, но *могли* быть сознаваемы.

§ 177

а) *Практическое чувство* хотя и содержит в себе практические правовые и практические моральные определения и законы, но в непосредственном, а следовательно, неразвитом и непродуманном и, самое главное, в *нечистом* виде из-за примеси субъективной единичности. Необходимо заметить, что у практического чувства нет никакого иного истинного содержания, кроме определенным образом знаемых прав, обязан-

ностей и законов, что, с одной стороны, практическое чувство смутно и определено единичностью, а с другой — может быть поставлено выше определенного сознания этих прав, обязанностей и законов *лишь постольку*, поскольку соблюдаются они *по отдельности* и практическое чувство по отношению к ним можно считать тотальностью.

§ 178

б) Чувствовать какое-нибудь практическое определение и в то же время чувствовать то противоречие, что это внутреннее определение не реализовано, хотя реализовать его крайне важно, и значит иметь [*природное*] побуждение. Такое побуждение свойственно субъективной природе и направлено только на свою определенность. Вожделение есть *единичное* определение [*природного*] побуждения. В зависимости от того, соответствует или не соответствует ему внешнее наличное бытие, чувство становится *приятным* либо *неприятным*. При [*природных*] побуждениях и вожделениях практический дух остается в естественности и является существом зависимым, несвободным.

§ 179

с) Необходимо, чтобы дух избавился от погруженности в [*природные*] побуждения и поднялся до такой *всеобщности*, когда каждое отдельное побуждение не расценивается как абсолютное, а ставится на свое место и получает должную оценку только в качестве *момента тотальности*, чем и очищается от субъективной случайности.

§ 180

Определения духа — это и есть его законы. Но они не являются его внешними, природными детерминациями; его *единственное* определение, в котором и содержатся *все остальные*, — это его *свобода*. Она служит и формой, и содержанием его закона. Последний может быть *правовым, моральным или политическим*.

I. Право

§ 181

Дух как свободное, сознающее себя существо есть то равное самому себе *Я*, которое в своем абсолютно отрицательном отношении является прежде всего исключаящим *Я*, единичным свободным существом, или *лицом*.

§ 182

Право — это отношение людей друг к другу, поскольку они являются абстрактными лицами. *Противоречащим праву* является поступок, которым человек не признается как лицо, иначе говоря, поступок, нарушающий сферу свободы человека. Таким образом, правовое отношение друг к другу, согласно своему основному определению, носит негативный характер и не требует, собственно, оказывать другому что-либо позитивное, а требует только признавать его как лицо.

§ 183

Внешнюю сферу права и свободы составляет *собственность*, подведение ничьей вещи под мою власть и волю. *Владение* является стороной произвольного присвоения. Стороной же собственности, как таковой, является та всеобщая сторона, что владение есть проявление моей воли, которая другим должна рассматриваться как нечто абсолютное.

§ 184

Я могу *отчуждать* от себя свою собственность, а именно то, что действительно является собственностью, т. е., с одной стороны, есть мое, а с другой — обладает моментом *внешнего наличного бытия*. *Неотчуждаемы*, следовательно, мой разум, моя свобода, моя личность и вообще *все то*, что составляет необходимое содержание моей свободы.

§ 185

Я могу продать (*veräußern*) свою собственность другому и *приобрести* себе *чужую* собственность. Это приобретение происходит только по *договору*, по взаимному согласию со стороны одного лица отказаться от некоторой собственности и передать ее другому, а со стороны другого — принять ее.

§ 186

Сфера моей свободы включает мою личность и отношение вещи к ней; когда другие эту сферу нарушают, то это может иметь или только тот смысл, что мне не принадлежит лишь данная вещь, причем личность мою признают, или же тот, что не признают самое мою личность, что и бывает в случае насильственного причинения ущерба моему телу и жизни.

§ 187

В моей личности другой непосредственно оскорбляет свою собственную. Оскорбляя мою личность, он совершает по отношению ко мне не нечто единичное, а нечто всеобщее. То, что он совершил по отношению к самому себе в плане понятия, необходимо совершить по отношению к нему в действительности. Если это осуществляется самим оскорбленным лицом, то это *месть*; если же месть совершается некоторой всеобщей волей и во имя всеобщей воли, то месть называется *наказанием*.

§ 188

Право, касающееся собственности, является предметом *гражданского* права; право, касающееся личности, является предметом *уголовного* права. Науку об основных понятиях права называли *естественным правом*, как будто существует какое-то право, принадлежащее людям от природы, и какое-то отличное от него право, возникающее в обществе в той связи, что там естественным правом как истинным правом приходится *частично пожертвовать*. На самом же деле благодаря об-

ществу возникают всего лишь особенные права, отсутствующие в том праве, основой которого служит только единичная личность. Но вместе с тем они-то и представляют собой ликвидацию односторонности указанного принципа и его истинную реализацию.

II. Моральность

§ 189

Суть моральности выражает принцип: *рассматривай себя в своей практической деятельности как свободное существо*; иными словами, моральность дополняет [практическую] деятельность моментом субъективности, а именно требованием, чтобы 1) субъективное как образ мыслей и как намерение соответствовало тому, что, собственно, является заповедью, и чтобы то, что является долгом, выполнялось не по склонности, не по какой-то неприятной обязанности и не ради щегольства тем, какой ты хороший, а по убеждению, потому что *это долг*; 2) моральность, таким образом, касается человека в силу его особенности и в отличие от права не является чисто негативной. Свободному существу ничего не предпишешь, отдельному человеку — можно.

§ 190

Добро — это краткое обозначение сути обязанностей, а именно сути тех основных определений, содержанием которых являются необходимые человеческие отношения; другими словами, оно есть разумное в них. *Зло* — это то, что умышленно направлено на разрушение такого отношения. *Дурное* же — это когда свои обязанности нарушают хотя и непреднамеренно, но сознательно, уступая какому-нибудь побуждению чувственности или из любви к кому-нибудь.

§ 191

1. Необходимые человеческие отношения каждого человека к *самому себе* состоят: а) в *самосохранении*, в том, чтобы индивид подчинял себе внешнюю физи-

ческую природу и делал ее соответствующей ему; б) *своей* духовной природе он должен создать *независимость* от него как его собственной физической природы; с) он должен подчинить себя своей всеобщей духовной сущности и сделать себя соответствующим ей; *образование* вообще.

§ 192

2. *Семейные отношения* суть природное объединение индивидов. Связью этого природного общества служат любовь и доверие, знание об этом первоначальном объединении и об образе действий в духе этого знания. Индивидам, составляющим это общество, принадлежат в соответствии с их особенными определениями особые права; но если бы эти права утверждались в форме прав, то моральная связь этого общества, где каждый главным образом именно в силу принципа любви и получает то, что полагается ему, как таковому, была бы разорвана.

§ 193

3. Моральное отношение к *другим вообще* основывается на первоначальном тождестве человеческой природы. Долг всеобщего человеколюбия состоит в благожелательности и в оказании при соответствующих обстоятельствах всеобщих существенных услуг. Моральный долг оказывать более частые и длительные услуги вытекает из основывающихся на свободной воле отношений знакомства и дружбы.

〈Здесь крайние пределы конечности. Все зависит от момента.〉

III. Государство (реальный дух)

§ 194

Природное общество семьи расширяется до всеобщего *государственного общества*, которое представляет собой связь, возникшую столь же благодаря природе, сколь и благодаря свободной воле, и основывается столь же на праве, сколь и на морали, но выступает

в общем и целом не столько как общество, состоящее из индивидов, сколько как внутри себя единый, индивидуальный *народный дух*.

§ 195

Наука о государстве есть представление той *организации*, какой обладает народ как внутри себя живое органическое целое.

§ 196

Государство как нечто всеобщее представляет собой противоположность индивидам. Оно тем совершеннее, чем больше всеобщее соответствует разуму и чем больше индивиды согласны с духом целого. Необходимый образ мыслей и действий *граждан* по отношению к государству и правительству заключается *не в слепом повиновении* их приказам и не в требовании, чтобы *каждый* давал свое индивидуальное согласие на учреждения и мероприятия государства, а в доверии к нему и в благоразумном повиновении ему.

§ 197

В состав государства входят различные *власти*, представляющие собой моменты его организации. Законодательная, судебная и исполнительная власть, как таковые, являются ее *абстрактными* моментами. *Реальные* же власти — это власти, конституирующие целое, — судебная и полицейская, финансовая и административная, военная и политическая, в каждой из которых, собственно говоря, и выступают указанные абстрактные моменты. Высшим управляющим центром всех властей является *правительство*.

§ 198

Различные *сословия* в государстве — это в сущности те конкретные различия, соответственно коим индивиды и делятся на классы. Классы покоятся

преимущественно на *неравенстве* богатства, доходов и образования, покоящихся в свою очередь отчасти на неравенстве по рождению, отчего индивиды и получают к одному роду деятельности, полезной для государства, ббльшую пригодность, чем к другому.

§ 199

Конституция устанавливает разделение и отношение друг к другу различных государственных властей и сферу действия каждой, главным же образом права индивидов по отношению к государству и то содействие, какое каждый из них обязан оказывать государству не только в выборе правительства, но и поскольку он вообще является гражданином.

§ 200

Правы, законы и конституция составляют внутреннюю организованную жизнь народного духа. В них-то и выражен принцип его сущности, иначе говоря, ее характер и назначение. Помимо того, у народного духа есть внешние связи и внешние судьбы.

§ 201

Эта, так сказать, *историческая история* рассматривает существование народного духа, развитие его принципа в его конституции и законах, а также в его судьбах внешним образом, соответственно восприятию событий и соответственно непосредственным причинам, какие кажутся заключающимися в случайных обстоятельствах и в индивидуальных характерах.

§ 202

Философская история не только схватывает принцип народа исходя из его учреждений и судеб, и затем излагает события исходя из этого принципа, но рассматривает главным образом *всеобщий мировой дух*, то, как он во внутренней связи через историю раздель-

но проявляющихся наций и через их судьбы прошел различные ступени своего образования. Она изображает всеобщий дух как субстанцию, проявляющуюся в его акциденциях, так что этот его облик или, лучше сказать, внешний вид образован несоответственно его сущности. Более высокое выражение (*Darstellung*) его — это изображение (*Gestaltung*) его в простой духовной форме.

〈Не все народы идут в счет в мировой истории. Каждый соответственно своему принципу выступает в свой момент. Затем он исчезает со сцены, по-видимому, навсегда. Не случайно приходит его очередь.〉

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Дух в его чистом выражении

I. Искусство

§ 203

Искусство выражает дух в индивидуальном своеобразии и в то же время очищенным как от случайного наличного бытия и его изменений, так и от внешних условий, и притом выражает *объективно* для созерцания и представления. Целью искусства является прекрасное само по себе, а не копирование природы, которая сама лишь временная и несвободная копия идеи. *Эстетика* рассматривает особенные формы этого прекрасного выражения.

〈Искусство зависит от того, каково субстанциальное сознание духа. Мы изучаем греческие произведения, но не становимся от этого греками. Не *представлению*, а внутренней продуктивной жизни мы обязаны тем, что мы *не греки*. Фантазия этого народа не какое-то суеверие, а присущий ему дух; так называемое чудесное — это ребяческая машинерия; ошибка Клопштока с его ангелами, северными богами²³. Живая мифология народа составляет, следовательно, основу и содержание его искусства.〉

Следует различать две главные формы, два *стиля* искусства: *античный* и *современный*. Характер первой *пластичен*, объективен; характер второй *романтичен*, субъективен. Античный стиль изображает индивидуальность одновременно и как всеобщий, существенный характер, не превращая его при этом ни в абстракцию, ни в аллегория, а оставляя его живой тотальностью. В объективной ясности и в объективной направленности он гасит все случайное и произвольное субъективного.

§ 205

Искусства различаются по родам благодаря тому *элементу*, в каком они выражают прекрасное и каким более детально определяются предмет и дух этого выражения. Для *внешнего* созерцания *живопись* дает изображение в красках на плоскости, *ваяние* — бесцветное изображение в телесной форме. Для *внутреннего* созерцания *музыка* выражает прекрасное в лишенных представления тонах, *поэзия* — посредством языка.

⟨Ораторское искусство, строительное искусство, искусство садовника и т. д. не являются чистыми изящными искусствами, ибо в основе их кроме выражения прекрасного лежит еще и другая цель.⟩

§ 206

Основными родами поэзии являются *эпический*, *лирический* и *драматический*. Первый изображает предмет в виде внешнего события; второй — единичное чувство, иначе говоря, происходящее в душе субъективное движение; третий — в строгом смысле слова поступки как действие воли.

II. Религия

§ 207

Религия дает выражение (*Darstellung*) абсолютного духа не только для созерцания и представления, но и

для мысли и познания. Главное назначение религии состоит в том, чтобы возвысить индивида до мысли о боге, создать его единение с богом и уверить индивида в этом единении.

⟨Религия — это истина в том виде, в каком она существует для всех людей. Сущностью истинной религии является *любовь*. Как познание истины человеческой воли, любовь есть прежде всего *умонастроение*. Религиозная любовь не просто природная привязанность, не просто моральное благоволение и не какое-то неопределенно всеобщее расслабленное состояние души; она подтверждается, в частности, абсолютным самопожертвованием. «Да любите друг друга, как я возлюбил вас»²⁴. Религиозная любовь представляет собой *бесконечную власть* над всеми конечными проявлениями духа: над дурным, над злом, над преступлением, а также над положительными законами и т. д. Христос позволил в субботу своим ученикам выдергивать колосья и исцелил руку²⁵. Божественная любовь *прощает грех*, превращает *происшедшее в непроемливое* для духа. Марии Магдалине прощается много за то, что она возлюбила много. Любовь выше даже *соображений морали*: Мария умащает Христа, вместо того чтобы дать это масло нищим, и Христос одобряет это²⁶. Субстанциальное отношение человека к богу — это прощение грехов. Основу любви составляет *осознание бога и его сущности как любви*, вот почему любовь есть вместе с тем и высочайшее смирение. Не *Я* должен быть для себя *объективностью* в любви, а *бог*, но, познавая его, я должен *забыть о самом себе*. Прощение греха не есть нечто временное, не является следствием внешнего наказания, а представляет собой внутреннее, *вечное* прощение, существующее в духе и чувствах. В *уничтожении своей ничтожности* и заключается величие любви. Субстанциальное отношение человека к богу *кажется* в своей истине чем-то *потусторонним*, но любовь бога к человеку и человека к богу устраняет отделенность *посюстороннего* от представляемого как *потустороннее* и *означает вечную жизнь*.

Это тождество мы *созерцаем в Христе*. Сын человеческий, он есть и сын божий. Для богочеловека не

существует потустороннего. Он почитается не как вот этот *единичный*, а как всеобщий, как истинный человек. Внешнюю сторону его истории необходимо отличать от религиозной. Пройдя через действительность, через низменное, постыдное, он умер. Его *боль* была глубочайшим проявлением единства божественной и человеческой природы как в жизни, так и в страдании. *Блаженные боги* язычников представлялись как бы в потустороннем мире; Христом же *освящена сама* обычная действительность, это *низкое*, которое отнюдь не презренно. Его *воскресение* и *вознесение на небо* существуют только для веры: Стефану было *видение*, в котором он видел Христа одесную бога. Именно возвращение в себя и составляет вечную жизнь бога. Возбуждать же исходя из отдельных обстоятельств, из деталей сомнение в том, было ли это внешней действительностью, глупо и низко. Для веры не имеет значения *чувственно происходящее*, для нее важно, то, что *происходит* вечно. История бога.

Примирение бога с человеком как само по себе *свершившееся*, а не как случай, не как произвол бога осознается в *церкви*. Знание этого есть *святой дух* общины. *Царство божие* — это прежде всего та *незримая церковь*, которая охватывает все страны света и разные религии; затем — *внешняя церковь*. В *католической* церкви община разделена внутри себя на *священников* и *мирян*. Священники наделены полномочиями и властью. Примирение с богом производится отчасти внешним образом; вообще у католиков господствует менее духовная действительность религии. У *протестантов* же *священники* являются лишь *учителями*. Перед богом как *присутствующим* духом общины все в общине равны. Дела, как таковые, бессильны. Важна вера и образ мыслей. Зло создается как нечто само по себе ничтожное. Эта боль должна пронизать человека. Чтобы соединиться с богом вопреки злу, он должен, если он отказывается от зла и отходит от него, свободно принять милость бога. Только в душе достигается действительное единение с богом. В ней проясняется и чувственная форма таинств.)

III. Наука

§ 208

Наука есть постигающее познание абсолютного духа. Поскольку он схватывается ею в *форме понятия*, всякое чуждое абсолютному духу бытие снято в этом знании и знание достигло полного равенства с самим собой. Это понятие, которое имеет содержанием само себя и себя постигает.

ПИСЬМА

БЕРН И ЧУГГ, 1793—1796

1 (6). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

Берн, в ночь перед рождеством [1794 г.]

Мой дорогой!

У меня уже давно появилось желание хоть в какой-то степени восстановить дружеские узы, которые нас когда-то связывали. Это желание разгорелось у меня вновь совсем недавно, когда я (только на днях) в «*Memorabilien*» Паулюса прочитал объявление о твоей статье¹ и вновь мысленно увидел тебя идущим по прежнему пути выяснения важных теологических понятий и стремящимся постепенно убрать с дороги старую рухлядь. Могу лишь заверить тебя в своем участии, — я думаю, что уже настал час, когда следовало бы высказывать свои мысли свободнее и смелее, что отчасти уже и делается. Только удаленность моего местопребывания от арены литературной деятельности лишает меня возможности периодически получать сведения о вещах, которые меня так интересуют, и ты бы весьма меня обязал, если бы время от времени сообщал мне вести о них и, конечно, о твоих трудах. Я мечтаю о таком положении — не в Тюбингене, конечно! — когда я мог бы приобрести то, что я некогда упустил, и приступить, наконец, к работе! Разумеется, я не бездельничаю, но моя разнородная и часто прерываемая деятельность не дает мне взяться за что-либо как следует.

Несколько дней назад я здесь случайно познакомился с автором хорошо известных тебе писем², опубликованных в «*Минерве*» Архенгольца, которые были подписаны неким «О.», якобы англичанином. На самом же деле автор их — из Силезии и зовут его Эльснер. Он сообщил мне некоторые сведения о вюртембержцах,

проживающих в Париже, а также о Рейнгарде, занимающем важный пост в *Department des affaires etrangeres* [Министерстве иностранных дел]. Эльснер — еще молодой человек, и по всему видно, что он много работал. Эту зиму он дает здесь частные уроки.

Чем занимается Ренц? Не зарыл ли он свой талант? Я надеюсь, что нет. По-моему, вполне стоило бы посоветовать ему и как-то поощрить его к тому, чтобы он свел воедино свои бесспорно основательные исследования столь важных вопросов. Это, быть может, вознаградило бы его за неприятности, которые преследовали его столь долго. У меня в Саксонии есть друзья, которые могли бы помочь ему устроить свои дела в дальнейшем. Если он тебе не очень неприятен, то побуди его к каким-нибудь действиям, помоги ему превозмочь свою скромность. Во всяком случае передай ему от меня привет.

Что еще делается в Тюбингене? Пока там на кафедре не появится кто-нибудь вроде Фихте или Рейнгольда, там ничего путного не получится. Нигде старая система не насаждается столь непоколебимо, как там. И если она не может повлиять на отдельные светлые головы, то она все же застревает в головах, мыслящих механически, влияет на большинство. В этой связи очень важно то обстоятельство, какова система того или иного профессора, каково его умонастроение, ибо только благодаря этому система получает распространение или сохраняется в обиходе.

О других спорах, кроме полемики Шторра против религиозного учения Канта, я ничего не слышал, но этому учению предстоит испытать еще многое. Однако его влияние, которое еще невелико, проявится со временем.

Что Каррье³ гильотинирован, вы, наверное, уже знаете. Читаете ли вы еще французские газеты? Если мне не изменяет память, мне сказали, что в Вюртемберге они запрещены. Этот судебный процесс очень знаменателен и разоблачил всю гнусность сторонников Робеспьера.

Тысячи приветов Зюскинду и Капфу,
твой друг Гегель.

[На полях второй страницы:] Меглинг недавно мне сказал, что, как думает Зюскинд, все письма, направляемые в Швейцарию, вскрываются. Но я бы хотел тебя заверить, что на этот счет вы можете быть совершенно спокойны. [На полях третьей страницы] Еще одна просьба: не может ли Зюскинд переслать мне те страницы «*Oberdeutscher Zeitung*», на которых рецензируется «*Repetitorium*» Мошара? Здесь я не могу ее найти.

2 (7). ШЕЛЛИНГ — ГЕГЕЛЮ

Тюбинген, в крещенский сочельник, 1795 г.

Ты все еще помнишь старых друзей? Мы уже почти поверили, и я тоже, что все мы тобой позабыты. Вообще говоря, наши старые знакомые, кажется, забыли о нас. Ренц находится поблизости от нас, но мы его не видим и не имеем от него никаких вестей. А Гёльдерлин? То, что он о нас вообще не вспоминает, объясняется, по всей вероятности, только его капризным нравом. Вот тебе моя рука, мой старый товарищ, чтобы никогда больше не чуждаться друг друга! Я даже думаю, что мы немножко подзабыли друг друга, и это хорошо, чтобы начать заново!

Ты хочешь знать, как у нас тут дела? Здесь наступила такая засуха, которая может только благоприятствовать появлению старых сорняков. Как же их вырвать? Мы все ждали, что это сделает философия, и верили, что тот подъем, который коснулся также и тюбингенских умов, не пойдет столь быстро на убыль. Но к сожалению, дело обстоит именно так! Дух философии уже достиг здесь своего апогея и, возможно, еще некоторое время пребудет в этой выси, с тем чтобы потом погибнуть в ускоренном падении. Правда, сейчас много кантIANцев — философия заслужила похвалы из уст детей и грудных младенцев, но наши философы после многочисленных усилий уяснили наконец себе, каков предел компетенции этой науки (раз уж без этой злосчастной философии нельзя сделать и шагу вперед!). Найдя этот пункт, они укрепились в нем, засели здесь и построили себе жилье, в котором они могут спокойно прожить, за что они возносят хвалу господу богу! И нет такой силы, которая могла бы выбить их оттуда еще в этом столетии! Если уж они уселись, то чërта с два их выгонишь оттуда. Собственно говоря, они заимствовали некоторые элементы Кантовой системы (лежащие, разумеется, только на поверхности), из которых теперь — *tamquam ex machina* [как из машины] — стряпают столь густые похлебки, когда речь идет о *quemcumque locum theologicum* [каких-либо теологических положениях], что зачавшая было теология теперь обрела силу и здоровье как никогда. Всевозможные догмы

штампуются в наше время как постулаты практического разума, и там, где отсутствуют теоретические и исторические аргументы, узел разрубает практический (разумеется, тюрингенский) разум. Любоваться триумфом этих философских героев — одно удовольствие! Времена смут в философии, о которых писали, канули в Лету!

Ты пишешь о моей статье в «Memorabilien» Паулюса. Она уже изрядно устарела, была написана на скорую руку, но, быть может, не напрасно. Мне немного придется сообщить тебе и о моих работах в области теологии. С тех пор они стали для меня занятием второстепенным. Единственное, что меня еще интересует, — это исторические исследования относительно Ветхого и Нового завета и духа первых веков христианства. Именно в этой области должны быть приложены основные усилия. Но с некоторых пор и эти мои занятия прервались. Кто в состоянии погружаться в дебри древних эпох, если все его время отнимают события *его собственной эпохи*?! Вся моя жизнь и мои труды посвящены в настоящее время философии. Философия еще не завершила свой путь! Кант дал только результаты. Предпосылки же еще отсутствуют. Но кто в состоянии понять результаты без предпосылок? Сам Кант — может быть. Но что делать толпе? *Фихте*, когда он был здесь в последний раз, сказал, что надо обладать гением Сократа, чтобы проникнуть в тайны философии Канта. И с каждым днем я все больше убеждаюсь в правильности сказанного им. В философии мы должны идти дальше. Кант убрал с ее пути все препятствия. Но разве наши философы в состоянии заметить это? Эти препятствия должны быть разрушены вдребезги непременно на их глазах, чтобы они могли их потрогать! О эти великие кантианцы, которые появились теперь всюду! Они не пошли далее буквы [философии Канта] и при этом еще радуются, что видят такое богатство! Я твердо убежден, что в головах многих кантианцев старый предрассудок не только положительной, но и так называемой естественной религии комбинируется с буквой философии Канта. Забавно видеть, как здорово они умеют нанизывать на нитку моральные доказательства! И прежде чем ты успеешь опомниться, перед тобой появляется *deus ex machina* — личное, индивидуальное существо, восседающее высоко в небесах!

Фихте вознесет философию на такую высоту, о которой всем современным кантианцам даже не снилось...

Теперь я получил начальный текст труда самого *Фихте* под названием «Основание всеобщего наукоучения» (об этом труде ты можешь прочитать в приложении к «Allgemeine Literaturzeitung» [«Всеобщей литературной газете»]). Но книга *Фихте* не поступит в продажу, она издается лишь на правах рукописи для его слушателей). Я прочитал его и подумал, что мои пророчества тоже имели некоторые основания. Теперь я работаю над трудом по этике à la Спиноза¹. В ней должны быть даны все высшие начала философии, в которых могли бы быть объединены теоретический и практический разум. Если

у меня хватит мужества и времени, то к следующей ярмарке или по крайней мере к следующему лету она будет готова. Я достаточно счастлив от одной лишь мысли, что я один из первых, приветствующих Фихте — нового героя в стране Истины. Бог да благословит великого мужа! Он завершит великое начинание! Между прочим, читал ли ты «Свободу, возвращения которой требуют от государей Европы»? Если нет, то я распоряжусь, чтобы тебе его переслали из Иены, там оно имеется в продаже. Кто бы не признал его автора?!»

3 (8). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

[конец января 1795 г.]

Мой дорогой!

Нет надобности многословно рассказывать тебе о том, сколько радости принесло мне твое письмо. Больше, чем твоя верность друзьям, меня мог заинтересовать лишь путь, на который вступил твой ум и по которому он все еще движется. Мы как друзья никогда не были чужими друг другу, а в еще меньшей степени в отношении того, что представляет величайший интерес для любого разумного человека и в поощрение и распространение чего он должен вносить посильную лепту.

С некоторых пор я вновь начал изучение философии Канта, с тем чтобы применить его основные выводы к разным привычным идеям и разработать их в соответствии с этими выводами. Какие-нибудь новые попытки проникнуть в сокровенные глубины [философии Канта] мне известны так же мало, как и попытка Рейнгольда сделать это¹, ибо, как мне кажется, эти спекуляции скорее применимы к теоретическому разуму в более узком смысле, нежели к общеупотребительным понятиям. По этой причине я не знаю более конкретно об этих усилиях с точки зрения их целей, я лишь смутно догадываюсь о таковых. Но ты мне не прислал уже отпечатанные листы, опасаясь трудностей, связанных с пересылкой по почте, — тут тебя беспокойство об оплате не должно было бы останавливать. Сдай их прямо в почтовую карету, а не на почте. Они будут для меня крайне ценны.

Я несколько не удивляюсь тому, что ты написал мне о теологическо-кантианском (*si diis placet* [если угодно богам]) направлении философии в Тюбингене. Ортодоксию невозможно поколебать до тех пор, пока ее проповедь связана с земными выгодами и вплетена в целостный государственный организм. Этот интерес слишком могуч, чтобы так просто от него отказаться, и он укоренился настолько прочно, что люди не замечают его в целом. Пока все это так, ортодоксальные учения будут иметь на своей стороне внушительные армии, состоящие из лиц, повторяющих все подобно попугаям, и писак, лишенных высоких интересов и способности мыслить. Если они читают что-нибудь противоположное их убеждениям (если можно назвать убеждением болтовню, которую они разводят) и притом смутно улавливают в нем некоторую истину, то они изрекают: «Да, это, пожалуй, действительно так!», — затем ложатся спать, а утром спокойно попивают свой кофе и угощают им других как ни в чем не бывало. Кроме того, они с большим удовольствием принимают все, что им предлагают и что позволяет им оставаться в рамках созданной рутинной системы. И все же мне кажется, что было бы интересно тем теологам, которые возводят критические леса для укрепления своего готического собора, как можно больше мешать в их муравьиной возне, во всем чинить им препятствия, вышвыривать их из всех убежищ так, чтобы они больше ни одного не находили и были вынуждены выставить на свет божий свою наготу. Следует, однако, признать, что вместе со строительным материалом, который они извлекают из кантовского костра, с тем чтобы воспрепятствовать пожару, пожирающему догматизм, они тащат к себе домой и горящие уголья — вместе с этим материалом они подготавливают общую почву для появления философских идей.

Бесспорно, однако, то, что именно Фихте своим трудом «Критика откровения» положил начало тому скандалу, о котором ты пишешь, — и логику которого я могу вполне себе представить. Сам Фихте, правда, использовал эти [свои принципы] весьма умеренно; однако если твердо придерживаться его принципов, то теологиче-

ской логике уже не поставить цели и предела. Он рассуждает исходя из святости бога, о том, что он должен совершать в силу своей чисто моральной природы и т. д., и поэтому он снова ввел в оборот старую манеру догматического доказательства; может быть, стоило бы осветить этот вопрос более детально. Если бы я располагал временем, то попытался бы более точно определить, насколько мы — после утверждения нравственной веры — теперь вновь нуждаемся в узаконенной идее бога, например в объяснении отношений цели и т. п., насколько мы можем пользоваться этой идеей, заимствуя ее у этикотеологии и перенося в физикотеологию² и в каких пределах мы можем пользоваться ею. Таким именно мне вообще представляется тот путь, по которому идут с идеей провидения (вообще, а также с идеей чуда и, как у Фихте, откровения). Если я решусь изложить свое мнение более пространно, то я представляю его на твой суд, заранее, однако, попросив о снисхождении. То обстоятельство, что я не располагаю некоторыми книгами, а также ограниченность моего времени не позволяют мне излагать многие идеи, с которыми я ношусь. Все же я постараюсь хотя бы сделать ненамного меньше того, что я в состоянии делать. Но мне кажется, что лишь непрерывные побуждения и встряски со всех сторон могут дать надежду на весомый результат — тогда так или иначе что-нибудь останется; все, что способствует этому, благо, если даже не содержит ничего нового, — обмен мыслями, совместная работа внутренне обновляют и укрепляют. Будем повторять твой девиз: «Не отставать!»

Как поживает Ренц? У него, кажется, несколько недоверчивый характер и он не очень склонен к общительности; работает только для себя, полагая, что другие недостойны того, чтобы делать что-нибудь и для них, или же принимая зло за нечто слишком неизлечимое. Достаточно ли крепка твоя дружба с ним, чтобы ты смог побудить его к деятельности, к полемике с ожившей теперь теологией? Необходимость такой полемики и того, что она была бы не лишней, вытекает из самого факта существования такой теологии.

Гёльдерлин время от времени пишет мне из Иены; я его упрекну за тебя. Он слушает Фихте, отзывается о нем восторженно, как о титане, борющемся за человечество, и считает, что сила его воздействия, несомненно, не ограничится стенами аудиторий. Оттого, что Гёльдерлин тебе не пишет, ты не должен делать вывода об охлаждении его дружеских к тебе чувств, ибо эти чувства ничуть у него не убавились, а его интерес к космополитическим идеям, как мне кажется, все время растет.

Да наступит царство божие и да не останутся наши руки без дела!

В твоем письме я не совсем понял одно выражение относительно морального доказательства, которым, по твоим словам, «они оперируют так искусно, что выпирает индивидуальное личное существо». Неужели ты думаешь, что мы не способны на это?

Всего хорошего! Нашим лозунгом да останутся разум и свобода, основой же нашего объединения — незримая церковь.

Г.

[На полях:] Ответь, пожалуйста, как можно скорее! Передай привет моим друзьям.

4 (10). ШЕЛЛИНГ — ГЕГЕЛЮ

Тюбинген, 4 февраля [17]95 г.

Нет, мой друг, мы не стали чужими друг другу, мы находимся на старом пути, и если этот путь претерпел некоторые изменения, о чем мы с тобой не догадывались, то эти изменения наступили у нас обоих. Мы оба стремимся вперед, мы оба стремимся к тому, чтобы рожденное нашим временем великое дело не слилось вновь с прокисшим тестом былых времен. Это дело должно оставаться чистым у нас, как оно было создано гением своего создателя, и, быть может, будет передано нами грядущему не с искажениями и не с низведением к старой унаследованной форме, но во всем его совершенстве, во всем его возвышенном облике и с открытым объявлением войны не на жизнь, а на смерть всему прежнему устройству мира и наук.

Твое предчувствие не обмануло тебя, когда ты полагал, что попытка Рейнгольда свести философию к ее конечным

принципам не продвигает вперед революцию, начатую «Критикой чистого разума». Между тем также и *это* было ступенью, через которую наука должна была перешагнуть, и я не уверен, что мы не обязаны именно Рейнгольду тем, что ныне мы так быстро, как это должно произойти, по моим самым верным ожиданиям, окажемся на высшей точке. От этого последнего шага философии я также ожидаю, что он наконец полностью сорвет последнее покрывало, последний философски-предрассудочный покров с *привилегированных* философов. С Канта занялась утренняя заря — что же с того, что тут или там, где-нибудь на болотистой поляне остался еще небольшой туман, когда высочайшие горы уже освещены солнечным светом!..

Великолепна мысль, которую ты хочешь осуществить! Я клянусь тебе как можно скорее тоже взяться за дело. Уж если ты принял решение не сидеть сложа руки, то здесь перед тобой — широкое поле, с которого ты снимешь богатый урожай и трудясь на котором будешь иметь великие заслуги. Тогда ты закроешь и последние лазейки всяких предрассудков. Ты ведь сам пишешь, что философской глупости не будет конца до тех пор, пока будут считать реальным тот метод, который применяет Фихте в своей «Критике всякого откровения», возможно, из стремления приспособиться, или потешиться над предрассудками, или иронически добиться одобрения теологов. Часто, когда меня раздражали бесчинства теологов, у меня возникало желание взяться за сатиру и свести всю догматику — со всеми привесками самых мрачных столетий — к практическим основаниям веры. Но у меня не хватило на это времени, и, кто знает, *если бы я написал* эту сатиру, она могла бы быть принята большинством всерьез, и тогда я уже в юношеские годы имел бы удовольствие блистать как философское светило церкви. Но за это дело надо взяться более серьезно, и я жду, друг мой, что начало этому положат твои руки. И еще ответ на твой вопрос о том, не придем ли мы тоже, применяя моральное доказательство, к понятию личного существа? Признаюсь, вопрос меня поразил; я не ожидал его от близкого ученика Лессинга. Но ты, верно, только хотел узнать, решен ли этот вопрос *у меня* окончательно. Для себя ты его, разумеется, уже давно решил. У нас уже также нет ортодоксальных понятий бога. Мой ответ таков: мы пойдем *далее* понятия личной сущности. За это время я стал Спинозистом — не удивляйся! Ты спросишь, каким образом? Ведь для Спинозы мир (собственно, объект в противоположность субъекту) был *всем*. Для меня же он есть *Я*. Мне кажется, что действительная разница между критической и догматической философией заключается в том, что первая исходит из абсолютного (никаким объектом еще не обусловленного) *Я*, а вторая — из абсолютного объекта или *не-Я*. Догматическая философия в своих конечных выводах ведет к системе Спинозы, критическая — к системе Канта. Философия должна исходить из *безусловного*.

Теперь возникает вопрос: в чем состоит это безусловное — в *Я* или в *не-Я*? Если этот вопрос будет решен, будет решено *все*. Для меня высший принцип всякой философии есть чистое, абсолютное *Я*, то есть *Я*, поскольку оно есть только *Я*, еще ни в коей мере не обусловлено объектом, но дано посредством *свободы*. Альфой и омегой всякой философии является свобода.

Абсолютное *Я* охватывает бесконечную сферу абсолютного бытия; в ней образуются *конечные* сферы, которые возникают посредством *ограничения* абсолютной сферы через объект (через сферы *существования* — теоретическая философия). В этих последних царствует обусловленность, а безусловное здесь ведет к противоречию. Но мы *обязаны* прорваться через эти границы — это значит, мы должны выйти за пределы конечной сферы и вступить в бесконечную (*практическая философия*). Бесконечная сфера, таким образом, *требует* разрушения конечности и тем самым ведет нас в сверхчувственный мир. «То, что было невозможно для теоретического разума, тем более что его сделал бессильным объект, совершит практический разум». Но в практическом разуме мы не находим ничего, кроме нашего абсолютного *Я*, ибо только оно позволяет описать бесконечную сферу. Для нас не существует никакого сверхчувственного мира, кроме того, который дает нам абсолютное *Я*. *Бог* есть не что иное, как абсолютное *Я*, которое уничтожило все теоретическое, поэтому в *теоретической философии* абсолютное *Я* равняется нулю. Личность возникает через единство сознания. Но сознание без объекта невозможно. Однако для бога, то есть для абсолютного *Я*, не существует *никакого* объекта, ибо тогда оно перестало бы быть абсолютным; следовательно, нет никакого личного бога, и нашим высшим стремлением является разрушение нашей личности, переход в абсолютную сферу бытия, который, однако, невозможно осуществить в целую вечность. Потому возможно только *практическое* приближение к абсолюту, и потому — *бессмертие*.

Я кончаю. Прощай! Не задерживайся с ответом.

Твой III.

P. S. Посылаю тебе листы, о которых ты просил меня, и жду твоего беспристрастного и *строгого* суда¹. Что касается Ренца, то я до сих пор в полном отчаянии. Вскоре напишу больше. Не хочешь ли ты написать ему? Я передал бы ему письмо, но оно должно быть написано *осторожно*, так как его прочитает его дядя.

5 (11). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

Дорогой мой!

Задержка моего ответа была вызвана отчасти разнообразными делами, отчасти тем, что меня отвлекли проведенные здесь политические празднества. Каждый

10 лет здесь conseil souverain [Государственный совет] пополняется членами по числу ушедших за этот срок, то есть примерно на девяносто человек. Сколь человечески все это происходит, в какой степени все интриги княжеских дворов, устраиваемые руками теток и кузенов, ничто по сравнению с комбинациями и махинациями, которые здесь делаются, я не в состоянии тебе описать. Отец выдвигает кандидатуру сына или наиболее богатого зятя. Для того чтобы знать, что такое аристократическое общественное устройство, необходимо провести здесь целую зиму, предшествующую пасхе, когда происходит такое пополнение.

Но еще больше задержало ответ мое желание дать основательный разбор твоего сочинения, которое ты мне прислал, за что я тебе очень признателен. Поменьшей мере я хотел показать тебе, что хорошо понял твои идеи. Однако у меня не было времени, чтобы основательно проштудировать твое сочинение. В той степени, в какой я постиг основную его идею, я вижу в нем завершение науки, которая даст нам плодотворнейшие результаты; я вижу в нем также работу ума, дружбой с которым я могу гордиться и который внесет крупный вклад в важнейшую революцию в системе идей во всей Германии. Попытаться пожелать тебе мужества в завершении твоей системы было бы для тебя оскорбительно, ибо человек, который взялся за такой предмет, не нуждается в поощрении. От Кантовой системы и ее высшего завершения я ожидаю в Германии такой революции, которая будет исходить из принципов, уже наличествующих и лишь нуждающихся в том, чтобы они были всесторонне разработаны и применены ко всему имеющемуся знанию. Конечно, какая-либо эзотерическая философия всегда останется, и в ней всегда будет присутствовать идея бога как абсолютного Я. При повторном исследовании постулатов практического разума у меня были догадки о том, что ты так ясно изложил в своем последнем письме, что я нашел в твоем сочинении и что мне окончательно раскроют «Основы наукоучения» Фихте. Выводы, которые отсюда вытекают, приведут в смятение некоторых господ. Конечно, иные будут ощущать головокружение на

столь далекой вершине философии, которая так вознесла человека; однако почему столь поздно встал вопрос о том, чтобы поднять выше достоинство человека, признать его способность быть свободным, способность, которая ставит его в один ряд со всем духовным. Мне кажется, нет лучшего знамения времени, чем то, что человечество изображается как нечто достойное такого уважения. Это залог того, что исчезнет ореол, окружающий головы земных угнетателей и богов. Философы доказывают это достоинство, народы научатся его ощущать и тогда уже не станут требовать свое растоптанное в грязь право, а просто возьмут его обратно, присвоят его. Религия и политика всегда работали *сообща*, религия проповедовала то, что хотел деспотизм, — презрение к роду человеческому, неспособность его к какому-либо добру, неспособность стать чем-либо с помощью собственных сил. С распространением идей того, каким что-либо *должно* быть, исчезнет безразличие серьезных людей, побуждавшее их без колебаний принимать то, что есть, таким, каким оно есть. Эта живительная сила идей — хотя бы они и содержали в себе некоторое ограничение — идей отечества, его конституции и т. д. — возвысит человеческие души, и тогда эти души научатся приносить себя в жертву ради них, ибо в настоящее время дух конституций, заключив союз со своекорыстием, утвердил на нем свое царство. Я постоянно вспоминаю слова из «*Lebensläufer*»: «Стремитесь к солнцу, друзья, чтобы скорее наступило спасение человеческого рода! Что из того, что нам мешают листья! Или ветви! Пробивайтесь к солнцу, а если устанете, тоже хорошо! Тем приятней будет сон!»¹

Я припоминаю, что ты в этом году проводишь свое последнее лето в Тюбингене. Если ты соберешься писать работу для диспута, то, прошу тебя, немедленно пришли ее мне (только сдай ее прямо в почтовую карету и напиши сверху, что конверт и дальше следует передавать таким же образом); если ты еще что-нибудь опубликуешь, то попроси книготорговца Котту прислать мне. Я интересуюсь еще и продукцией пасхальной мессы. «Наукоучение» Фихте я намерен штудировать летом, когда у меня вообще будет больше досуга обсто-

ательно излагать некоторые идеи, которые я давно уже ношу в голове, причем я не могу пользоваться библиотекой, что мне было бы очень кстати. Шиллеровские «Оры» (первые две части) доставили мне огромное удовольствие. Статья об эстетическом воспитании человеческого рода — шедевр². Нитхаммер объявлял, что к началу года начнет выходить новый философский журнал: получилось ли что-нибудь из этого? Гёльдерлин мне часто пишет из Иены; он в восторге от Фихте, в котором предполагает великие цели. Как должно быть приятно Канту видеть плоды своего труда в столь достойных последователях! Жатва когда-нибудь будет на славу. Я благодарю Зюскинда за его дружеские усилия, которые он предпринимает ради меня. Что делает Ренц? По тому, что ты пишешь, мне не совсем понятны его отношения со своим дядей, и это удерживает меня от того, чтобы писать ему. Какой путь избрал себе Хаубер?

До свидания, мой друг! Я бы очень хотел как-нибудь с тобой повидаться, чтобы мы могли сообщить друг другу кое-что, выслушать друг друга, что утвердило бы нас в наших надеждах.

Берн, 16 апреля [17]95.

Твой Г.

[Под этим рукой Шеллинга написано:] соответственно 16 июля. [На полях написано Гегелем:] Пожалуйста, не франкируй больше своих писем: так они дойдут вернее. Я поступаю так же, начиная с этого.

6 (13). ШЕЛЛИНГ — ГЕГЕЛЮ

Тюбинген, 21 июля [17]95 г.

Наконец я собрался ответить на твое последнее письмо, дорогой мой. Сначала я хотел подождать, пока не напишу свою работу для диспута, с тем чтобы послать ее тебе согласно твоему желанию. Когда же я ее завершил, я заболел и был вынужден поехать домой отдохнуть, так что всего лишь дней шесть как я вернулся сюда. Теперь мне крайне необходимо несколько прийти в себя, беседуя с таким другом, как ты. Моя монотонная жизнь, которая мне нравится все меньше

и меньше, и которая по причинам тебе хорошо известным мешает мне совершенно свободно выражать мои мысли, вынуждает меня искать друзей в тиши и вместе с ними радоваться надеждам, появлением которых я большей частью обязан также их отношению ко мне.

Наше сегодняшнее положение намного улучшают надежды, которые нам внушают деятельность и просвещенное умонстроение нового герцога. Деспотизм наших философских ничтожеств, я надеюсь, окажется под сильным ударом благодаря этим изменениям. Трудно себе представить, как много вреда принес этот *моральный* деспотизм: если бы он просуществовал еще несколько лет, то он подавил бы свободу мысли в нашей стране сильнее, чем это была бы в состоянии сделать любая форма *политического* деспотизма. Невежество, суеверие и фанатизм постепенно принимали обличье нравственности и, что еще более опасно, обличье просвещения. И конечно, скоро наступило бы время, когда каждый пожелал бы возвращения времен самой мрачной тьмы; ибо пределы, которые начертаны этим мраком, значительно *шире* границ, которые установило вокруг нас упомянутое *полу*просвещение. Речь никогда не шла о знании, об уме, вере, речь шла о *моральности*: обсуждения знаний, талантов никогда не было, рассуждали только о характере. Никто не хотел ученых, хотели лишь морально верующих теологов, философов, которые могут делать неразумное разумным и издеваться над историей. Но ты когда-нибудь услышишь характеристику этого периода устно. Мне кажется, что я знаю дух его так же хорошо, как и другие. Ручаюсь, что тебе еще придется изумляться.

Вместе с письмом ты получишь мою работу для диспута. Я был вынужден написать ее быстро и потому вправе ожидать твоего снисхождения. Я с удовольствием избрал бы себе, будь я волен, другую тему, к тому же заниматься первой темой, которую я собирался разработать (*de praecipuis orthodoxorum antiquorum adversus hereticos armis*)¹ и которая — без всяких стараний с моей стороны — была бы острейшей сатирой, мне отсоветовали в самом начале *privatim* [частным образом].

Но еще больше я прошу твоего снисхождения к другому моему сочинению, которое ты получишь одновременно с первым. Как устыдило меня твое суждение в предыдущем письме! Я не лицемерю, говоря об этом чувстве; но я очень ясно ощущаю, чего недостает этому сочинению, так же как и предыдущему, и готов простить любому, у кого будет то же ощущение и кто сообщит мне о нем. Лишь в будущем я, быть может, сделаю как следует то, что теперь испортил. Основная моя ошибка была в том, что я не знал людей, может быть, в том, что я слишком многое ожидал от их доброй воли и, быть может, слишком много даже от их способности предвидеть. Судя по твоему последнему письму, и у тебя были совершенно иные понятия. Конечно, друг мой, революция, которую должна вызвать философия, еще далека. Большинство

из тех, кто, казалось, хотели ей способствовать, теперь со страхом отступают. Этого они не ждали!

Деятельность Фихте, кажется, по крайней мере в последнее время, совершенно прервана. Его мужественные выступления против академических глупостей студентов Иены вкупе с тайным, наверное, подстрекательством завистливых коллег привело к вспышке ожесточенной и всеобщей ненависти тамошних студентов. Этим летом он был вынужден на некоторое время покинуть Иену². Теперь, говорят, он опять возвратился. Но боже мой, с какими перспективами? Публично — во многих журналах — над ним устроили морально-политическо-философский судебный процесс.

В «Философских анналах» Якоба его третируют так, как не третировали литературные отбросы. Все те, кого обидели его статьи и т. д., его новая философия, теперь ликуют. О Шиллере (вероятном авторе писем об эстетическом воспитании человечества в «Орах») говорят, будто для него должно быть позором, когда он солидаризуется с неким Фихте. Возмущены все слабоумные. Гёльдерлин, как я слышал, уже вернулся. Но мы здесь этого пока никак не заметили. Ренц стал викарием в Маульбронне, положение его, насколько я знаю, стало лучшим, более обеспеченным. Теперь он начал понемногу писать. Если бы ты прислал мне письмо для него, я знаю, что это бы его чрезвычайно обрадовало. Хаубер, который со временем, несомненно, станет великим математиком, встал на путь, который от такого ума вполне можно бы было ожидать. Философский журнал Нитхаммера³ вышел: в нем отчасти содержатся отличные статьи. Он просил статьи и у меня. В пятой части, если ты сможешь достать журнал, ты найдешь «Философские письма», написанные мной.

Тебе и Мёглингу (кстати, почему он ничего о себе не сообщает? Здесь говорят, что он вскоре вернется) тысячи приветов от всех знакомых.

Надеюсь, ты не отплатишь мне за то, что я так долго тянул с ответом на твое письмо. Будь здоров, дорогой друг.

Твой Ш.

7 (14). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

Чугг близ Эрлаха, через Берн,
30 августа [17]95 г.

Подарок, который ты мне прислал, мой друг, и твое письмо очень меня обрадовали, доставили мне величайшее удовольствие, и я в высшей степени обязан тебе. Просто не могу описать тебе все, что я при этом думал и чувствовал.

Твое первое сочинение, которое представляет собой попытку проследить основания философии Фихте, и отчасти мои собственные догадки позволили мне проникнуть в твою мысль и следить за ее ходом в значительно большей мере, чем я это был в состоянии сделать, когда получил твоё первое сочинение, содержание которого стало мне более ясным благодаря твоему второму сочинению¹. Когда-то у меня было намерение в какой-нибудь статье выяснить себе, что может значить приближение к богу, и мне представлялось, что в такой статье удастся найти удовлетворительное объяснение постулата, согласно которому практический разум управляет миром явлений, и других постулатов. И то, что носилось передо мной в неясном и неразвитом виде, блестяще прояснилось теперь лишь благодаря твоему труду и предстало во всем своем великолепии. И если не теперь, то со временем все поблагодарят тебя — я же благодарен тебе уже теперь — все, кому дороги науки и преуспевание мира. Но вот что будет мешать тебе быть понятым, а твоим рассуждениям проложить себе путь: люди ни в коем случае не пожелают расстаться со своим *не-Я*. В моральном отношении люди боятся ясности и борьбы, которая может затронуть приятную им систему удобств. Они, правда, усвоили у Канта, что прежние доказательства бессмертия, доказательства онтологическое и т. д., не выдерживают критики (они сочли это раскрытием какого-то искусственного заблуждения, см. стр. 17 твоего [первого] сочинения), но они еще не поняли, что неудачи этих приключений разума и выхода его за пределы *Я* коренятся в его собственной природе. Поэтому у них ничего не изменилось даже в их трактовках того, что свойственно богу; только иначе закладывается основа, и эти свойства бога все еще являются (как говорится где-то у автора «Жизненных путей») той отмычкой, с помощью которой эти господа отпирают все замки. Если они не уразумеют этого благодаря странице 103 твоего сочинения (они слишком ленивы, чтобы самим сделать соответствующие выводы, им необходимо все разъяснять *totidem verbis*²), то они — *capita insanabilia* [неизлечимые умы].

Рецензент твоего первого сочинения в «Tübinger

gelehrte Zeitung» — по всей вероятности это Абель — по многих других отношениях человек весьма уважаемый, но у него все же не хватило достаточной глубины мысли, если он решил, что нашел в этом сочинении объективный тезис как главный. А с бесстыжим рецензентом из «Философских анналов» Якоба ты разделался, как он того заслуживает. Якоб, верно, захочет выйти в дворяне через философию Фихте, как Эберхард вышел через философию Канта, и тогда их с помпой разрекламированные журналы постигнет одна судьба.

Мрачные перспективы, которые ты предсказываешь для философии в своем письме, нагнали на меня грусть. [На этом месте полторы строчки почти не поддаются прочтению из-за вписываний Шеллинга. Начало этих строк примерно такое: «Ты говоришь, что у тебя много сомнений и что ты вновь должен был бы...» Далее следует:]

Ты не смотришь на последствия, которые могут быть вызваны непониманием твоих основных принципов. Ты молча бросил свое творение в бесконечность времени: я знаю, что ты презираешь гримасы, с которыми встретят тебя здесь и там. Но если речь идет о других, тех, кто дрожит от страха перед твоими выводами, то для таких твоё сочинение все равно что не написано. У твоей системы будет судьба систем всех тех мыслителей, ум которых опередил веру и предрассудки своего времени. На них клеветали и их опровергали исходя из своей системы; тем временем научная культура спокойно шла своим путем, и толпа, которая лишь плывет по течению, с изумлением обнаруживала, что труды, которые она на основании споров понаслышке считала давным-давно опровергнутыми заблуждениями, если они вообще попадались ей на глаза, вдруг оказываются господствующими системами времени. Мне вспоминается мысль, высказанная одним репетитором о тебе прошлым летом: что ты слишком просвещен для нашего столетия и что твои принципы будут кстати только в следующем столетии. Это суждение в отношении тебя мне кажется вздорным, но оно характерно для человека, которому это пришло в голову, а также для большой группы тех людей, которые считают неприличным воз-

выситься над господствующим уровнем образованности своего века, своего круга или своего государства, над общим уровнем и тешат себя приятной надеждой на то, что все придет со временем и что у них будет еще достаточно времени сделать шаг вперед; или — еще лучше того — они надеются, что общее течение захватит и их. Нет, сами поднимайте ноги, господа!

Тот дух, который желало ввести предыдущее правительство, я сразу узнал в твоём описании; он коренится в лицемерии и трусости (как следствиях деспотизма) и сам порождает лицемерие. Это дух, который не может не царить при любой форме государственного устройства, которой взбредет в голову мысль проверять сердца и почки своих граждан, а добродетельность и набожность сделать масштабом оценки заслуг и распределения чинов и должностей. Я глубоко чувствую всю плачевность такого состояния, когда государство проникает в сокровенные глубины нравственности с намерением направлять ее; состояние это остается плачевным и в случае, когда государство руководствуется добрыми намерениями, но оно бесконечно печальнее, когда у кормила власти стоят лицемеры; последнее неизбежно *должно* произойти, если даже в начале намерения были добрыми. Этот дух, по всей вероятности, повлиял и на коллегия репетиторов, которая, если бы она состояла из хорошо устроенных умов, могла бы принести некоторую пользу.

Ты напрасно стал бы ждать моих замечаний по поводу твоей работы. Здесь я — только ученик; я пытаюсь проштудировать «Основания» Фихте. Я позволю себе только одно замечание, пришедшее мне на ум, чтобы ты увидел мою добрую волю в том, что касается твоей просьбы о замечаниях. В § 12 своего сочинения ты наделяешь *Я* атрибутом как единственную субстанцию. Если субстанция и акциденция — парные понятия, то, как мне кажется, понятие субстанции не может быть применено к абсолютному *Я*, но может быть, по-видимому, применено к эмпирическому *Я*, как бывает в самосознании. Но что ты действительно говоришь не об этом *Я* (соединяющем высший тезис и антитезис), в том меня убедил предыдущий параграф, в котором ты

приписываешь *Я* неделимость — предикат, который можно приписать только абсолютному *Я*, но не *Я*, имеющему место в самосознании, в котором *Я* утверждает себя лишь как часть своей реальности.

О твоей диссертационной работе³ я мог бы написать тебе, что я радуюсь тому более свободному духу высшей критики, которая царит в ней, тому духу, который, как я и ожидал, невзирая на почтенность имен, охватывает своим взором целое и не считает священными какие-либо слова. Кроме того, могу еще сделать комплименты твоему остроумию и учености. В твоей диссертационной работе я нашел подтверждение одному своему давнему подозрению, а именно, что и для нас, и для человечества была бы большая честь, если бы официальной системой веры стала какая-нибудь — любая — ересь, проклятая собором и символами веры, нежели ортодоксальная система.

Мне жаль Фихте; на его пути встали пивные кружки и шпаги членов студенческих корпораций. Он бы, пожалуй, добился большего, если бы оставил им их невежество и грубость и привлек к себе тихую, но избранную горстку. Вообще же просто позор, как обращаются с ним и с Шиллером мнимые философы. Боже мой, что за буквоеды и рабы они к тому же!

Каждый день я жду, что получу журнал Нитхаммера и порадуюсь особенно твоим статьям. Твой пример и твои усилия вновь ободряют меня в попытках насколько возможно идти в ногу с образованностью, достигнутой нашим временем.

Гёльдерлин, по слухам, был в Тюбингене. Наверное, вы проводили вместе приятные часы; как бы я хотел быть третьим!

О моих работах не стоит даже говорить. Может быть, через некоторое время я пришлю тебе план одной вещи, которую я намерен разработать⁴, причем со временем, между прочим, буду просить о дружеской помощи и по части истории церкви, в чем я очень слаб и относительно чего я лучшие советы смогу получить у тебя.

Так как ты скоро покинешь Тюбинген, то напиши, пожалуйста, о том, что ты намерен делать, о своем

будущем местопребывании и вообще о всех своих делах. Прежде всего, ради себя и твоих друзей, береги свое здоровье; не скупись на время, необходимое для отдыха. Сердечный привет моим друзьям. В следующий раз приложу письмо для Ренца, сейчас же оно задержало бы отправление этого письма. Передай ему от моего имени привет, если будешь писать! До свидания, пиши скорее! Ты не можешь себе представить, какая для меня радость время от времени получать весточку от тебя и моих друзей в моем одиночестве.

Твой Гегель

8 (16). ШЕЛЛИНГ — ГЕГЕЛЮ

[Штутгарт, январь 1796 г.]

[...] Конечно, друг мой, ты это время не сидел без дела. Не реализовал ли ты что-нибудь из намеченного тобой плана? Я все ждал, что где-то встречу что-нибудь из результатов твоих исследований. Или, быть может, ты создаешь что-нибудь крупное, требующее много времени, чем ты хочешь сразу ошарашить своих друзей? В самом деле, я считаю себя вправе от тебя *требовать*, чтобы ты *публично* присоединился к благому делу. Все-таки у благого дела больше сторонников, чем я смел надеяться в своем последнем письме. Теперь задача состоит в том, чтобы молодые люди, готовые дерзать и ни перед чем не останавливаться, наконец объединились и принялись с разных сторон за один и тот же труд, идя к цели не одним, а различными путями, всегда и всюду действуя вместе и согласованно, — и тогда победа будет достигнута. Мне все тесно в этой стране попов и писак. Как буду я рад, если однажды смогу вдохнуть вольный воздух! Я могу думать о планах широкой деятельности только в том случае, если я в состоянии их *осуществить*, и скажи мне, мой друг, могу ли я при этом рассчитывать на тебя? [...]

9 (17). ШЕЛЛИНГ — ГЕГЕЛЮ

Лейпциг, 20 июня 1796 г.

[...] Позволь сказать тебе еще несколько слов. Ты, как кажется, находишься сейчас в состоянии нерешительности и, если судить по твоему последнему письму, упадка духа, что совершенно недостойно тебя. Позор какой! Человек твоих сил и способностей никоим образом не должен допускать такой нерешительности. Бросай скорее все! Если ты думаешь, что во Франкфурте и Веймаре ничего не получится, то давай договоримся с тобой о плане, как выволить тебя из твоего тепе-

решного положения. Для тебя всегда должно найтись достаточно средств. Ты видишь, я высоко ценю нашу дружбу и только поэтому говорю все так прямо. У друзей есть на это право. Еще раз повторяю, твое теперешнее положение недостоинство твоих сил и целей!

Тысячу раз благодарю за твои суждения о моих письмах. Мне было очень интересно знать, выдержат ли они *твоей* экзамен. Скоро ты, наверное, прочитаешь «Путевые заметки» Николаи (новейшую часть) и его жалкую писанину обо мне¹. В скором времени пришлю тебе мой ответ на это. Вскоре напишу еще. Неизменно твой.

Шеллинг.

10 (20). ГЕГЕЛЬ — ГЕЛЬДЕРЛИНУ

[Чугг, близ Эрлаха, через
Берн, ноябрь, 1796 г.]

Дорогой Гёльдерлин!

Ко мне вновь пришла радость — я слышу о тебе. Из каждой строки твоего письма говорит твоя неизменная дружба. Я просто не могу тебе сказать, сколь много радости оно мне принесло, и еще больше надежды — скоро увидеть и обнять тебя.

Не задерживаясь долго на этом приятном представлении, перейду сразу к главному. Уже твое желание увидеть меня в положении, о котором ты мне пишешь¹, достаточная для меня гарантия того, что это положение будет для меня только благоприятным: итак, я без всяких рассуждений и сомнений следую твоему зову и отказываюсь от других перспектив, которые открывались мне. С удовольствием я вступлю в почтенную семью, где я могу надеяться, что участие, которое я буду принимать в образовании моих будущих воспитанников, принесет счастливые плоды; наполнять их головы словами и понятиями — дело нетрудное, однако влиять на более существенные стороны формирования характера домашнему учителю вряд ли удастся, если сознание родителей не гармонирует с его усилиями. Что касается экономической и других сторон, *чаще всего разумно* заранее все это обсудить. Но в данном случае, думаю, такая предосторожность излишня, предоставляю тебе заботу о моих интересах, так как ты лучше

знаешь, что принято во Франкфурте и в каком отношении находятся тут жизненные потребности и деньги.

На услуги и чистое белье я, несомненно, смогу рассчитывать.

Я воздержусь от того, чтобы просить у тебя разъяснений относительно пожеланий г-на Гогеля об уроках и о специальном присмотре за его детьми; обучение в этом возрасте еще будет, вероятно, заключаться в сообщении таких знаний, которые приличествуют всякому образованному человеку. Что касается правил хорошего тона, то на месте я смогу лучше узнать, какими пределами желает ограничить г-н Гогель юношеские порывы своих детей. Тогда я смогу лучше договориться с ним обо всем, чем путем переписки.

Что касается поездки, то я заранее могу сказать, что расходов будет не больше 10 каролин, и я бы хотел, чтобы ты заранее поговорил об этом с господином Гогелем. Если найдешь удобным, попроси его, чтобы он мне переслал через тебя вексель или, когда я приеду, возместил мне расходы.

Как бы ни хотел я прямо сейчас отправиться в путь, все же я не смогу покинуть дом, где теперь нахожусь, раньше чем в конце года и прибыть во Франкфурт раньше середины января. Раз уже ты начал проявлять интерес к этому моему делу, то я хочу еще просить, чтобы ты передал господину Гогелю главное из содержания моего письма и заверил его в моем глубоком к нему уважении. Сам он, правда, увидит, что добрая часть того, что ты ему обо мне, вероятно, говорил, чтобы внушить ему доверие, которое он сообразовал иметь ко мне, в большей степени следует приписать твоему дружескому расположению ко мне или тому, что человек не может правильно судить о своем друге.

Все же ты заверь его, что я сделаю все, чтобы оправдать твою рекомендацию.

Насколько мое стремление увидеть тебя объясняет мою поспешную решимость, как образ нашей новой встречи, радостного времени, когда я буду рядом с тобой, будет витать передо мной все это время, об этом молчу. До свидания!

Твой Гегель

ФРАНКФУРТ, 1797—1800

11 (25). ГЕГЕЛЬ — НАНЕТТЕ ЭНДЕЛЬ

Франкфурт, 13 ноября [17]97 г.

Достойнейший друг!

На моей конторке уже давно лежит альманах, предназначенный для Вас, и я его наконец Вам пересылаю. Только я бы хотел, чтобы он не утратил своей новизны из-за того, что я несколько замешкался с его отправлением. Этот рассказ можно, однако, перечитывать вновь и вновь. Кроме того, лишь удовольствие при неоднократном созерцании решает вопрос о красоте произведения искусства, если возвращаясь к нему снова и снова. Любопытно было бы знать, как Вы его воспримете. Там есть много мест и характерных черт, мимо которых не пройдет чувство такого человека, который, как Вы, отличает естественное от жеманного и сочувствует природе.

Я очень признателен Вам за Ваше любезное письмо, присланное из Франкена и Обершвабена. Я даже позабывал тому, что Вы наслаждаетесь деревенской жизнью и живете в окружении людей, которые не только не мешают Вам наслаждаться, но к которым можно присоединиться. Нездоровая настроенность душ своим контрастом природной тишине оскорбляет в деревне больше, чем в городе, где нас окружает в той или иной степени неестественность, где даже сосредоточиваться можно значительно реже, и потому мы меньше предъявляем претензий к другим, чтобы нас оставляли в покое. Я хожу здесь в театр чаще, чем в Штутгарте. Музыка и некоторые актеры великолепны. Не знаю, были ли известны Вам еще в Штутгарте певец Ланг? Он теперь в здешнем театре, но первые его выступления не принесли ему большого успеха; среди актрис не-

сколько прелестных девиц, которые изображают прекрасные характеры своего пола настолько хорошо и естественно, насколько они, наверное, чужды им вне театра. Я говорю «наверное», так как не знаю этого по собственному опыту, а выставляемую людьми напоказ приверженность к справедливости и строгую неотступность от добродетели и совершенства в суждениях скорее склонен рассматривать как чувство собственной слабости, ничтожества и неспособности признавать что-либо чистое и прекрасное за пределами собственной персоны.

Не знаю, как это у меня получается, что меня все время тянет к общим рассуждениям; но Вы, надеюсь, простите человека, который некогда был магистром и вместе с этим титулом тащит за собой и весь его реквизит, словно ангела сатаны, все время бьющего его кулаками. Вы еще, должно быть, помните наши манеры по Штутгарту; у меня все основания считать, что длительное общение с Вами сделало меня более свободным и способным к веселой игре духа ¹.

До свидания, храните Ваше дружеское расположение ко мне.

Ваш искренний друг
Гегель

12 (27). ГЕГЕЛЬ — НАНЕТТЕ ЭНДЕЛЬ

Франкфурт-на-Майне, 25 мая 1798 г.

[...] Бабочка порхает от цветка к цветку, но души их она не познает; ее наслаждение — мимолетный сбор нектара, но она не созерцает непреходящее. У низшей души воспоминание есть лишенный души отпечаток в мозге, образ, запечатленный в некоем веществе, которое всегда отличается от этого образа и никогда не составляет с ним единства [...].

13 (29). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

Франкфурт-на-Майне, 2 ноября 1800 г.

Думаю, дорогой Шеллинг, что наша разобщенность в течение нескольких лет не может служить препятст-

вием к тому, чтобы просить тебя о любезности в связи с одним моим частным пожеланием. Моя просьба касается нескольких адресов в Бамберге, где я намерен провести некоторое время. Так как я наконец вижу, что в состоянии изменить свое прежнее положение, то я решил некоторое время быть в независимом положении, с тем чтобы посвятить его некоторым уже начатым работам и исследованиям. Прежде чем я решусь погрузиться в литературную суету Иены, я хочу укрепить себя, пожив в третьем месте. Бамберг я заметил потому, что надеялся встретить там тебя; ты, по слухам, опять возвращаешься в Иену, а я никого в Бамберге не знаю и не представляю, каким образом я мог бы получить рекомендацию; позволь мне обратиться к тебе за добрым советом. Мне были бы весьма полезны указания относительно расходов, квартиры и т. п. Чем определеннее будут сведения, которые ты мне сообщишь, тем больше я буду тебе обязан, тем больше сэкономлю времени и тем меньше будет ненужных расходов. Точно так же мне бы очень хотелось, чтобы ты помог мне установить некоторые литературные связи. Если для этой цели ты считаешь более предпочтительными другие города, как Эрфурт, Айзенах и пр., то, пожалуйста, посоветуй. Мне необходимо иметь недорогие продукты питания, хорошее пиво, которое мне нужно по соображениям здоровья, и немногие связи. В остальном же я бы предпочел католический город протестантскому; хотел бы каждую религию увидеть вблизи. Моя просьба простительна из-за немногочисленности знакомых, к которым я мог бы обратиться с большей уверенностью, обстоятельство же мое, когда дело идет о такой пустячной просьбе, ты простишь мне ради нашей старой дружбы.

Твои большие публичные успехи я наблюдаю с восхищением и радостью¹. Ты уж избавь меня от необходимости говорить об этом смиренным тоном или рисовать перед тобой. Я изберу лучше средний путь и скажу, что надеюсь, что мы вновь встретимся друзьями. В моем научном формировании, которое началось со второстепенных потребностей человека, я дошел до науки, и идеал моих юношеских лет не мог не превра-

таться в форму рефлексии, в некоторую систему; теперь, когда я все еще занят этой проблемой, я ставлю перед собой вопрос: какой я могу найти обратный путь для проникновения в сущность человека? Из всех людей, которых я вижу вокруг себя, лишь в тебе нахожу я того, кого я мог бы рассматривать как своего друга также в смысле его самовыражения и влияния на мир, ибо я вижу, что ты понял человека в его чистом виде, то есть во всей полноте его души и вне всякой суеты. Что касается меня, то я питаю к тебе так много доверия, что, надеюсь, ты признаешь мое бескорыстное стремление — если бы даже его сфера была низкой — и найдешь в нем какой-то смысл. Желая и надеясь увидеть тебя, как бы далеко ни было до этого, я должен благодарить судьбу и ждать, когда мы по ее милости встретимся.

До свидания, прошу тебя ответить незамедлительно.

Твой друг Вильг. Гегель

[на этой странице написано рукой Шеллинга:

Абс. тождество —

— Субъект и объект = тождество]

ИЕНА, 1801—1807

14 (31). ГЕГЕЛЬ — МЕМЕЛЮ

Иена, 26 августа 1801 г.

С настоящим письмом, уважаемый господин профессор, посылаю Вам рецензию на Боут[ервека]¹; хотел бы, чтобы она удовлетворила Вас. Основное, чем Боутервек так усердно оперирует, это его скептический метод, и я пытаюсь рассматривать его как *отговорку* в связи с тем недостатком философии, который господствует в спекулятивной философии. Рейнгольд, Боут[ервек], Круг и другие — люди одного сорта; каждый называет свою совершенно случайную и незначительную форму [мышления] оригинальным открытием и ведет себя как философ. *Cardo* [осью], вокруг которой мы должны вращаться, является утверждение, что эти господа не имеют вообще никакой философии. К Кругу и Вернебургу я вернусь в скором времени. Мне сначала необходимо достать гердеровского «Бога»², так как моего экземпляра здесь нет, чтобы сравнить с ним новое [издание]; насколько вижу, он опустил то, о чем говорит Якоби в «Письмах»; если бы он это понял, он должен бы был опустить *все*.

Шеллинг передает Вам сердечный привет. Он очень сердит на по поводу, как он говорит, более двадцати опечаток в своей рецензии³.

Извините, что вынужден отказаться от удовольствия беседовать с Вами дольше; у меня завтра диспут⁴, и в этой связи я должен еще кое-что сделать.

Имею честь быть

[Вашим] покорным слугой
Доктор Гегель

Иена, 30 декабря 1801 г.

[...] Я уже давно отложил для Вас экземпляры моей брошюры, а также диссертации и в ближайшее время пришлю их Вам¹. Скоро выйдет в свет еще нечто, а именно первый номер нового критического философского журнала², который я издаю вместе с Шеллингом (я живу вместе с ним, и он сердечно Вам кланяется); мы ставим перед собой задачу отчасти увеличить число журналов, отчасти же положить предел псевдофилософскому безобразию. Оружие, которым журнал намерен пользоваться, крайне разнообразно: можно назвать его дубинкой, бичом, колотушкой. Для доброго дела и ради gloriae Dei [славы божией] может пригодиться что угодно. Конечно, многие будут на это жаловаться, но ведь «прижигание» и в самом деле стало необходимостью [...].

Иена, 1802, 26 марта

Уважаемый господин профессор!

Использую первую же выдавшуюся мне свободную минуту, чтобы вернуть мой долг, и посылаю Вам в приложении — помимо рецензии на Вернебурга и заметки о Круге (в последней затронуты мотивы, в силу которых она оказалась лишь заметкой — две критические статьи: одна о «Принципах права» Герштекера, которые как названием своим, так и фактом появления в интеллектуальном журнале предьявляют много претензий, другая — о Фишхабере¹. То, что говорится в начале упомянутой рецензии, касается одной крикливой рецензии в здешней газете; Вы видите, что я не забыл Вас и Ваше интересное дело и думал о том, где я мог бы раздобыть что-нибудь полезное для него. Через несколько дней я наконец получу первое издание Гердера. Думаю, что и этот долг быстро погашу. Если Вы мне предоставите работу на предстоящие каникулы, то я постараюсь быстро ее выполнить. Мне доставляет

удовольствие вносить свой вклад в дело, интересы которого Вы расширяете с каждым днем, в то время как у других, особенно по части философии, как, например, здесь, дела день ото дня идут все хуже и хуже.

Меня очень интересует критика последнего номера нашего журнала (второй номер которого, вероятно, получили также и вы)², о которой Вы мне сообщили; меня обрадовало Ваше сообщение о том, что вы одобряете мое сочинение «О различии» и т. д., так как Вы один из немногих, чье одобрение можно пожелать.

Прилагаю расписку в полученной мною сумме и остаюсь глубоко Вас уважающий,

преданнейший

д-р Гегель

Проф. Шеллинг кланяется Вам и надеется получить от Вас письмо.

17 (40). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

Иена, 16 августа 1803 г.

Прежде всего я поздравляю тебя с женитьбой¹. По справедливости я должен был бы послать тебе сонет, но дело в том, что ты больше любишь мою прозу, и это не позволяет мне быть особенно пространным в таких вещах и вынуждает ограничиться рукопожатием и объятием.

Прилагаемый мной пакет прислал мне д-р Ассаль, а письмо я получил по почте. Надеюсь, что оба их ты получишь еще в Швабии. Если бы мы заранее не получили твои положительные заверения относительно меня и Шельвера, то мы подумали бы, согласно дошедшим до нас из Франкена слухам, что ты осенью скорее будешь в Вюрцбурге, чем в Италии².

Благодарю тебя за напоминания о Швабии. Для меня были неожиданностью различные художественные достопримечательности, которые ты открыл в Штутгарте. Но все же в качестве противовеса для всех прочих плоских и неинтересных вещей, что гнездятся там, этого мало. Еще большей неожиданностью для меня

было появление в Швабии Гёльдерлина, да еще в таком виде! Ты, конечно, прав, что тут он вряд ли исцелится. Но теперь ему не поможет и Иена; он старше того возраста, когда она еще может помочь. И весь вопрос теперь в том, достаточно ли в его состоянии одного лишь покоя для того, чтобы поправиться. Я надеюсь, что он все еще питает ко мне доверие, которое он ко мне имел, и это даст мне возможность что-нибудь для него сделать здесь, если он тут появится.

С некоторых пор здесь стало крайне трудно следить за всем тем новым, что происходит. Последняя новость — это то, что «*Literaturzeitung*»³, пробыв несколько дней в Вюрцбурге, по возвращении совершенно определенно заверила, что переезжает туда на великолепных условиях, и вдруг уже совершенно точно со всем своим скарбом едет в Галле. Лодер несколько дней назад привез уже утвержденное соглашение из Потсдама, куда он ездил к королю, которого он там, вероятно, не видел.

Тибо имел много приглашений, но остался здесь с прибавлением в 300 талеров. *Хуфеланд* получил в Вюрцбурге очень выгодные предложения; из Веймара прислали прибавку — 200 талеров. Все же, мне кажется, что если он, как и Паулюс, получит официальное приглашение в Вюрцбург, то он его примет. *Меро* станет главным начальником края в Кобурге, а на его место пригласили Мартенса из Гёттингена. *Зёммеринг* не принял предложения. Его первым условием было то, что к нему не должны приходить студенты. Он порекомендовал на свое место Эбеля, написавшего сочинение о горных народах Швейцарии (если ты увидишь Гёльдерлина, то прошу тебя сообщить ему об этом). Скоро сюда прибудет *Фернов*.

Я бы написал тебе о научных делах здесь и о себе, но только об этом сказать можно немного. Меня бы очень обрадовала весть от тебя о Якоби. Фромманн ждет от тебя остальные рукописи. *Шад* занят изготовлением какого-то физического прибора для зимнего курса экспериментальной физики; другие думают, что он находится на пути к сумасшествию. Еще одно. Обертюр написал из Вюрцбурга Бёттигеру, что ты, несмотря

на заметку в «Deutsche Merkur» приедешь туда. Все эти вюрцбургцы — Лодер, Бёттигер, Шютц — сходны друг с другом до мелочей.

Шельвер сообщил мне о предстоящем ученом путешествии Карла⁴. Скажи ему, что я очень за него рад. Если он следующее лето будет в Вене, то я его там, может быть, увижу. Но еще больше вероятности, что увижу тебя в Италии. Однако это лишь далекая перспектива, и об этом не стоит говорить больше.

Наилучшие пожелания твоей супруге. Надеюсь и прошу тебя, чтобы ты мне писал время от времени о своих делах. Если тебе интересно, то я обещаю писать тебе о здешних, обо мне и о твоих знакомых. Будь здоров, сохрани дружеские воспоминания о

твоим Гегеле.

18 (42). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

Иена, 16 ноября 1803 г.

Я пишу тебе, так как услышал, что ты наконец прибыл на постоянное свое местопребывание. И уведомляю тебя в первую очередь о получении письма, написанного тобой мне непосредственно перед твоим отъездом из Штутгарта в Мюнхен.

Излишне говорить тебе, как меня обрадовало твое назначение, которое во всех отношениях весьма почетно¹. Прежде всего Иена — *tantis viris orba* — [вдова такого мужа] — потеряла тебя, причем даже простой народ эту потерю считал самой значительной, а люди, которые вовсе не считают себя простыми, кажется, также хотели бы твоего возвращения.

Ты еще должен написать мне обо всем том примечательном, что видел во время своего путешествия. Я особенно надеюсь, что ты не станешь от меня скрывать не только то, как ты расцениваешь весь этот необаварский дух и деятельность, но, в частности, и то, как там поживают наши друзья в Зальцбурге, а в особенности мои — в Мюнхене, а также, как дела у всей компании. Как можно видеть по некоторым признакам, тон последней по отношению к тебе несколько смяг-

чился, и эти люди, по-видимому, подготавливают переход к противоположному.

Что касается здешних дел, то о них ты получишь достаточно сведений от направляющихся в Зальцбург иенцев. Без сомнения, участь этих переселенцев из Иены так же малоприятна, как и их направление. Лодер во всяком случае рассказывал, что он потерял в этом году 1000 талеров гонорара. В Галле только 35 медиков, которые слушают [лекции] неохотно, так как они должны будут заново прослушать весь этот курс в Берлине. Сплошные трудности, о которых можно было бы знать и заранее. В отношении всего остального также нельзя предвидеть ничего приличного. Старая «Literatur-Zeitung» получила 10 000 талеров при условии, что она будет выплачивать 1000 талеров ежегодно, если выедет из Галле раньше, чем через десять лет. Случись с ней беда, и она потерпит двойные убытки.

На какие ручейки разделился здесь созданный тобой философский поток, ты, наверное, уже слышал. Я тоже снова начал читать, и теперь это у меня получается лучше, чем прежде.

Новая «Literatur-Zeitung», которая должна будет выходить, станет такой же обыкновенной затеей, как предыдущая и всякая другая. Гёте ничего другого и не хотел. Так как Айхштедт предлагал себя и деньги, то все было улажено без разговоров, чтобы у Иены была литературная газета².

Среди новых событий нужно отметить то, что здешние студенты потребовали, чтобы Риттер начал курс лекций по гальванизму. Он обошел философский факультет и ждет решения от двора. Фернов не смог найти аудиторию, достаточно вместительную для всех тех, кто выразил желание его слушать. Говорят, он читает им о Кантовых определениях.

Из литературных новостей ничего не попало мне на глаза, кроме дрянной книги Коцебу «Expectorationen», — поток грязи, выпущенный им в Германии; это — старая песня о Гёте и Шлегеле³. В книге приводится и анекдот о том, что Гёте, когда Фридрих [Шлегель] нехорошо обошелся с «Орами» в журнале «Deutschland»,

во время обеда у Лодера поклялся, что эти люди никогда не найдут почвы в Иене. Гёте интенсивно взялся за реальное, за приборы, и велел Шельверу устроить ботанический кабинет, кроме того, строится и физиологический, а у Риттера он потребовал план гальванического аппарата⁴.

Веймарский театр не объявил еще ничего нового. Шиллер, говорят, работает над «Вильгельмом Теллем».

Итак, я написал тебе письмо, полное новостей и частностей. Весь кризис этого времени представляется мне сейчас периодически повторяющейся шумихой, хотя главные элементы уже определились, и поэтому каждый воображает, что он занят освоением того, что свойственно ему при крушении всеобщего — с точки зрения его природы. И когда эта операция будет завершена, то даже те, кто лишен зрения и не очень хотел бы его иметь, должны ясно увидеть ущерб и быть в высшей степени поражены. До свидания и сохрани свою дружбу к
твоему Гегелю.

Кланяйся твоей супруге. Здорова ли она после многократных путешествий?

[На полях:]

Получил ли ты экземпляр «Annot. ad proll.» Винтерля, который, как мне сообщил Лэнц, перед осенью Винтерль переслал тебе к осенней ярмарке?

19 (49). ГЕГЕЛЬ — ГЕТЕ

Ваше Превосходительство!

Позволяю себе вольность с искренним доверием обратиться к Вам с просьбой, продиктованной как желанием быть наиболее полезным в сфере собственной деятельности, так и убеждением, что все, что относится к интересам здешнего университета, связано с вниманием к нему Вашего Превосходительства. Узнав, что некоторые из моих коллег ожидают милостивейшего назначения их профессорами философии и в связи с этим вспомнив, что я — старший из здешних приват-доцентов, осмелюсь вынести на Ваш суд вопрос, не сле-

дует ли опасаться мне, что возможности моей деятельности в университете будут ограничены ввиду предположения, оказанного высшими инстанциями другим лицам.

Так как мы в связи со всем, что может быть полезным для университета и его членов, обращаем свой взор к Вашему Превосходительству, то я осмелился попросить Вас при случае рекомендовать меня вниманию светлейших попечителей, если они решат присудить кому-либо звание профессора философии. Будучи уже три года приват-доцентом, я думаю, что по крайней мере в предстоящем зимнем семестре прочитаю курс внимающим мне, как я полагаю, не без удовольствия многочисленным слушателям, число каковых зимой будет еще больше, к чему не премину стремиться¹. Созданные мной до сих пор литературные труды еще слишком незначительны, чтобы я позволил себе представить их Вашему Превосходительству. Цель одной из моих работ, которую я намерен завершить зимой для курса моих лекций, — чисто научная разработка философии — даст мне основание представить ее Вашему Превосходительству, если Ваше Превосходительство позволит мне это.

Я очень хорошо знаю, что в этих обстоятельствах мне необходима поддержка в виде благосклонного мнения Вашего Превосходительства, чтобы я мог надеяться, что в своей профессии буду полезен для университета, и чтобы мне не приходилось мои желания и надежды целиком оставлять на милостивое благоусмотрение Вашего Превосходительства. Отчасти я говорю об этом также и потому, что мои стремления получили бы большое поощрение, если бы светлейшие попечители обратили на меня свое милостивое внимание, не ставя меня в невыгодное по сравнению с другими положение.

Позвольте, Ваше Превосходительство, выразить уважение в моей полной глубочайшего уважения преданности, в чем я и остаюсь Вашего Превосходительства покорнейшим слугой,

д-р Гегель,
приват-доцент философии в Иене.

Иена, 29 сентября 1804 г.

[май, 1805 г.]

[...] Когда я выбирал себе место, где мог бы остановиться, меня привлекла Иена, и поскольку я посвятил себя науке, то это место должно было способствовать моему совершенствованию ввиду современного состояния науки, там разрабатываемой. Ведь если только в городе есть общество, где искусство и наука действуют усердно и по собственной инициативе, то такого рода деятельность всегда господствует над исполненным устремлений духом, показывая ему с большей правдивостью более высокое понятие его деятельности. Что Иена уже не может привлекать к себе такой интерес, Вы знаете это лучше других, тем более, что Вы сами способствовали этому, покинув ее. В Гейдельберге расцветает теперь то, что здесь уже утрачено, и мое горячее желание — быть в кругу таких людей, которые там собрались. Моя наука — философия, а именно новая философия — не встретит там неблагоприятного приема. Люди, возвышающиеся над отдельными науками, несомненно, убеждены в том, что философия — душа всех наук, что она возвышает их и побуждает к дальнейшему развитию, что науки без такого движения угаснут, а жизненность свою они приобретают в понятии, понятие же в конечном счете исходит от философии. Наука применяет философию в собственной области так же, как сама философия получает в науке свою пищу, свой материал, свое богатство, реальность которого философия не может игнорировать, и, таким образом, испытывает побуждение к тому, чтобы распространиться шире. Философия побуждает науки к тому, чтобы они приобрели недостающее им понятие точно так же, как она побуждается ими к устранению недостатка своей полноты [...].

Вы сами отлично знаете, что Иена, которая благодаря прогрессу науки и солидарности ученых некогда представляла интерес, теперь утратила его для человека, который пытался черпать там вдохновение в делах науки и жизненные силы для самого себя.

То, что исчезло здесь, расцвело теперь в Гейдельбер-

ге, и надо сказать, еще краше. Я питаю поэтому надежду, что моя наука — философия найдет там благоприятный прием и заботу о себе; ведь ясно, что науки сами по себе должны цвести и развиваться, в то время как не находясь в движении они увядают. Философия ведь действительно царица наук благодаря как своим собственным свойствам, так и взаимодействию с другими науками, а также тому, что от нее как от науки, сущность которой — понятие, исходит подвижность, общающаяся другим наукам; благодаря всему этому философия получает от других наук полноту своего содержания и со своей стороны побуждает их компенсировать отсутствие у них понятия. Но при этом сама философия испытывает от них побуждение к тому, чтобы избавиться от недостатков абстрактного мышления.

Если говорить о том, на что я способен в этой науке, то должен сказать, что после первых своих публикаций, которые справедливый судья оценит исходя не только из того, что это лишь первые опыты, но и из того, заключен ли в них какой-то зародыш, из которого выйдет что-либо целое, я три года хранил молчание перед публикой и читал лишь лекции о философской науке в целом — о спекулятивной философии, философии природы, философии духа, естественном праве — и при этом очень хотел бы вести курс еще по одной из специальных философских дисциплин, который в Гейдельберге никто, кажется, не ведет, — по эстетике в виде *cours de littérature* [истории литературы] — мечта, которую я давно лелею и которую я осуществил бы с еще большей охотой, если имел основание надеяться, что Вы поддержите меня в этом моем начинании. Этот труд я изложу в виде системы философии этой осенью. Я надеюсь, что из него можно будет сделать вывод, что я не нахожусь в плену формалистической неразберихи и несправедливости, которую в настоящее время творит невежество особенно с помощью терминологии, за которой оно скрывается [...].

Лютер перевел на немецкий язык Библию, Вы же — Гомера¹; это величайший дар, который может быть преподнесен народу. Ведь народ до тех пор остается варварским и не может рассматривать как свою дейст-

вительную собственность те превосходные вещи, которые он познает, пока он не познакомится с ними на своем собственном языке. Если Вам угодно забыть эти два примера, скажу Вам о своем намерении заставить философию заговорить по-немецки. Если это мне удастся, станет бесконечно более трудным придавать плоским суждениям видимость глубоких мыслей.

Это приводит меня к другому предмету, тесно связанному с предыдущим.

Мне кажется, в Германии уже наступило время для того, чтобы то, что является истиной, стало явным и чтобы в Гейдельберге занялась новая заря на благо наук, а Вы, почтеннейший господин надворный советник, являетесь тем лицом, которое внушает мне такую надежду. Основным пороком мне представляется недостаток гласности в науке при всей внешней свободе, и этот недостаток [поддерживается] как тем, что идет по государственным каналам, так и деятельностью незадачливых болтунов, распространяющих всякую чепуху; очень усердно поддерживают его и ученые касты.

Позвольте мне также высказать свою надежду на эффективную, влияющую на всеобщее образование деятельность искусства и науки, надежду, которая тесно связана с моим выраженным выше желанием, так как я надеюсь на ее осуществление в Гейдельберге, в особенности благодаря Вам, и излагаю Вам свой общий взгляд на этот предмет, надеясь, что Вы оцените его по достоинству.

Общее положение дел в наше время, по-видимому, оправдывает такую надежду. Иенская школа распалась. Но науки и совокупности знаний, которые по своей природе должны составлять часть всеобщей образованности, являются еще школами, замкнутыми в себе, доступны лишь привилегированному кругу людей, внешне представительны, однако увековечивают свою сущность и избегают публичности.

Общезначимое... [текст прерывается]

Ваша [нынешняя] деятельность на поприще всеобщего образования² имеет и такую интересную особенность, что Вы, в чем я не сомневаюсь, не только

не прекращаете своей прежней деятельности на этом поприще в Гейдельберге, но и придаете ей еще больший размах; этим Вы стремитесь дискредитировать здешние привилегированные круги — авторитеты и манеры, вокруг которых создают такую дымовую завесу, скрывающую их от взора профанов, стремящихся усвоить относящиеся ко всеобщей образованности науки и знания, как если бы помимо того, чего можно достигнуть честным усилием, существовало еще и некоторое скрытое знание вроде недоступного тайнства каст. Ибо из одного того, что истинно и, как правило, признано, еще не становится понятным образ действия этих привилегированных лиц, которые и сами хорошо знают, что означают их дела в действительности, и друг другу признаются в этом, однако напоказ выставляют нечто иное; простой человек, прежде чем поймет, что все это беспорядочное словопрение есть не гениальность, а лишь бессмысленность, произвольность и кичливость, теряет мужество и не доходит до этой мысли, так как то, что он считал до сих пор истинным, на его глазах третируется как нечто низшее и достойное презрения, как общезвестное, хотя, если ближе присмотреться, становится ясным, что те, кто рассуждает о более высоких вещах, или не знают этого, или в своих занятиях высшим проявляют невежественность по отношению к известному, но истинному, осуществление и познание которого есть первое условие для продвижения вперед. Уничтожение этого дерзкого образа действия непосредственно повлечет за собой выяснение и выдвижение на первый план простого дела истины, которая, вычленившись, станет понятной для всех. Я бы хотел, чтобы Вы решились сделать девизом Вашей деятельности этот дух, который я черпал в Ваших трудах... [далее два неразборчивых слова, после чего текст обрывается].

21 (64). ГЕТЕ — ГЕГЕЛЮ

Я бы просил Вас, милый доктор, рассматривать приложенное¹ по меньшей мере как доказательство того, что я не перестаю в тишине содействовать Вам. Правда, я хотел бы предложить большее; но мне кажется, что в таких случаях, когда

положено начало, уже многое сделано для будущего. Желая благополучия и хотел бы вновь увидеть Вас здоровым и радостным.

Гёте

Иена,
27 июня, 1806 г.

22 (65). ГЕГЕЛЬ — ГЁТЕ

Ваше Превосходительство,
так как Вы сооблаговолили определить мне годичное жалованье и так как я уже высказал Вам первые слова благодарности, позвольте мне выразить признательность, которую я чувствую к Вашему Превосходительству.

Одновременно осмелюсь просить Ваше Превосходительство выразить Его Сиятельству¹ мою покорнейшую и признательнейшую благодарность за эту поддержку и поощрение моего стремления быть полезным в своей сфере деятельности в университете, за благодеяние, которое тем более ценно, что благодетель — благородный, выдающийся князь, в лице которого искусства и науки Германии чтят своего величайшего знатока и благороднейшего защитника. Поскольку я на собственном опыте убедился в том, какое участие Ваше Превосходительство принимает в поощрении этих благородных намерений, и знаю, сколь обязан я новому проявлению Вашей благосклонности, прошу Ваше Превосходительство милостиво принять мою почтительнейшую благодарность. Со своей стороны я постараюсь приложить все свои силы к тому, чтобы заслужить столь ценное доказательство Вашей доброты. С величайшим доверием поручаю себя Вашей дальнейшей благосклонности и защите, оставаясь

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугой.

Г. В. Ф. Гегель, доктор и проф[ессор] философии.

Иена,
30 июня,
1806 г.

Иена, 5 сентября 1806 г.

Дорогой друг, я очень обязан Вам за Ваше письмо и за содержащиеся в нем указания об отношениях к Гебхардту¹. Я согласен со всеми Вашими требованиями...

Я Вам уже говорил, как важно для меня поскорее уладить это дело по экономическим соображениям. Если бы все получилось так, как ожидается, то я нашел бы время посетить Вас, если Вы мне позволите, чтобы или в сопровождении Вашей супруги, или вместе с Вами — что было бы очень желательно — направиться к нему. Таким образом, обо всем в целом я смог бы сам поговорить с Гебхардтом, однако частичное соглашение могло бы быть достигнуто и Вами, ибо без этого мне здесь придется много путешествовать. Это мое желание несколько дней провести у Вас в Бамберге я, разумеется, связываю с тем, что посоветуете мне Вы, а именно, будет ли это полезным для меня, и с другими соображениями, а именно, выяснится ли что-нибудь с реорганизацией Альторфского университета и какое значение имело бы представление графу фон Тюрхайму в этой связи². Но мне давно пора шевелиться. Эту зиму я уж проведу здесь. Но если я положусь на Гебхардта и надеюсь, что все удастся сделать мне самому, я все же должен буду этой осенью и зимой принять решение о каких-нибудь других условиях, чем те, которыми я здесь располагаю и буду располагать. Так как политические события столь тревожны (в Мюнстере уже заказывают корпию, разбивают палатки и т. п.) и военные действия, если они вспыхнут, будут связаны по крайней мере с расквартированием здесь солдат, то я должен подумать о том, чтобы в скором времени найти себе убежище, так как я не смогу перенести бремени, связанного с расквартированием французских солдат, которые никого не щадят³. Из этих соображений я тем более должен заключить какое-то соглашение с Гебхардтом, чтобы в это трудное время быть в безопасности и перебраться куда-нибудь в другое место — если у вас тогда будет спокойно, то в Бамберг. Ибо мой труд не

связан с каким-то определенным местом, а с лекциями, которые до сих пор ничего полезного для моих занятий мне пока еще не принесли, было бы покончено...

24 (70). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Иена, 17 сентября 1806 г.

Получил Ваше дружеское письмо от 12-го с приложением и из них узнал, с каким доброжелательным интересом Вы принимаете участие в моих делах с Гебхардтом.

Так как госпожа Нитхаммер нашла для себя хороший случай отправиться в путешествие, то мое желание, пожалуй, останется желанием и мне придется лишиться себя удовольствия побыть несколько дней у Вас, за исключением случая, если — не дай бог — вспыхнет война, что, по всем признакам, вероятно, и произойдет¹. То, что забота об этом поглощает все остальное, как у Вас, так и у всех других, затрагивает нас, ученых, больше всего. Счастливый исход переговоров с Гебхардтом означал бы для меня получение некоторой суммы про запас, и там уж надо посмотреть, как пойдут дела дальше. Я уже давно ношусь с планами создания какого-нибудь литературного журнала — вроде французских, ведь в южной Германии нет ни одного такого². Если бы Вы располагали за пределами своих служебных обязанностей некоторым свободным временем, то, признаться, я бы и представить себе не мог лучшего, чем Вы, сотрудника — других бы не было или было бы очень мало; это не журнал для рецензий, публикующий лишь суждения о книгах и авторах и мало касающийся существа дела или гоняющийся за модной полнотой охвата, но журнал, касающийся лишь существенного, схватывающий суть наук и являющийся средством общей образованности и, кроме того, выступающий против беспринципности современной философии и не в меньшей степени теологии, физики, а также эстетики, однако без собственно полемичности, то есть простого отбрасывания и отрицания...

Иена, понедельник, 6 октября
1806 г.

Отвечаю Вам, дорогой друг, немногими строками и хочу выразить ими свою благодарность Вам в связи с завершением дела, так как мне кажется, что оно близко. К тому же Ваше письмо я получил только сегодня. Хотя письма, которые отправлены сегодня, будут в Бамберге не ранее чем в среду и даже в четверг, я все же хочу не прозевать эту почту, ведь возможно, что на этот раз выпадет случай более благоприятный, чем тот, который представился Вам.

Главное же то, что вся рукопись моя непременно будет отправлена на этой неделе¹...

Что же касается моей поездки в Бамберг, то мне этого не позволяют условия времени, как мне ни приятно Ваше приглашение, ведь мои лекции должны начаться 13 или 20 октября. Из этого, пожалуй, ничего не получится. Однако независимо от этого я рисковал бы не попасть обратно в Иену и не доехать до Вас. Почтовая карета может быть возвращена или задержана скорее, чем эстафета, поэтому если бы я отправил рукопись с почтовой каретой, то ее доставка, пожалуй, скорее бы задержалась, чем если бы я ее отправил с эстафетой. И все же война еще не началась, и теперешний момент кажется решающим. В течение нескольких дней могут подуть и мирные ветры, и тогда я не стану пренебрегать октябрьским зефиром и отправлюсь к Вам...

Иена, понедельник, 13 октября,
в день, когда Иена была занята
французами и император Наполеон
въехал в ее стены.

Какие заботы мне доставило отправление моих рукописей по почте в последнюю среду и пятницу, Вы можете угадать из даты отправления. Вчера вечером, перед заходом солнца, я услышал выстрелы француз-

ских патрулей одновременно со стороны Гемпенбахтеля и Винцерлы. Из последней пруссаки были выдворены в прошлую ночь. Стрельба продолжалась далеко за полночь, а сегодня между восьмью и девятью часами [в город] вошли сначала стрелки, а потом регулярные части. Это был час, полный страха, особенно из-за того, что люди здесь не знакомы с правом, которое по повелению самого французского императора имеет каждый: не подчиняться приказам французских солдат, но предоставлять им все необходимое. Вследствие неразумного поведения и утраты осторожности многие оказались в трудном положении, однако Ваша свояченица¹, как и весь додерлейнский дом не поддались чувству страха и не понесли никакого ущерба. Госпожа свояченица просила меня, когда я сказал ей об отправке сегодняшней почты, сообщить Вам и госпоже Нитхаммер, что у нее на квартире 12 офицеров. Самого императора — эту мировую душу — я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне охватывает весь мир и властвует над ним. Вчера здесь говорили, что прусский король перенес свою ставку в Капеллендорф, в нескольких часах езды отсюда. Где он сегодня, мы не знаем, но, несомненно, на значительно большем расстоянии, чем вчера. Герцогиня и принцесса приняли решение остаться в Веймаре. Пруссакам нельзя было, конечно, предсказать ничего хорошего, однако иметь такие успехи от четверга до понедельника мыслимо только для этого исключительного человека и не изумляться ему просто невозможно.

[...] Но вполне возможно, что я пострадал столько же или даже больше, чем другие, хотя сегодня у меня все сложилось вроде неплохо. По всем внешним признакам я не могу не сомневаться в том, что рукопись, которую я отправил в среду и пятницу, доставлена по назначению². Моя утрата была бы слишком велика — другие же мои знакомые ни в чем не пострадали. Неужели я буду единственным пострадавшим среди них? Как бы я хотел, чтобы мне уже выплатили причитающуюся часть чистой суммы и не столь строго придерживались

заранее намеченного срока! Но поскольку все же почта отправлялась отсюда, мне пришлось рискнуть с отсылкой [рукописи]. Один бог знает, с каким тяжелым чувством я пошел на этот риск, но я не сомневаюсь в том, что в тылу армии почта теперь функционирует свободно. Как я говорил и раньше, теперь все приветствуют французскую армию и желают ей счастья, что и должно быть при той громадной разнице, которая существует между ее предводителями и простыми солдатами и их врагами. Таким образом, наша местность в скором времени будет избавлена от этого потопа.

Жена надворного советника Фойгта говорила мне, что она отправит почтальона только завтра рано утром, и я сказал ей, что хочу попросить в генеральном штабе, который размещен в ее доме, надежный конвой, в чем, надеюсь, не откажут. Таким образом, с божьей помощью, я надеюсь, моя писанина все же дойдет до Вас в срок. Как только Вам станет известно, что мне уже можно переслать немного денег, очень прошу Вас сделать это: в скором времени я буду в них весьма нуждаться.

[P. S.] [Пишу] в 11 часов ночи (в доме комиссара Хелльфельда, где я квартируюсь и откуда видны ряды костров, которые сложены французскими батальонами из мясных прилавков и будок старьевщиков по всему рынку).

Ваш Гегель,
профессор в Иене.

27 (76). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Иена, 18 октября [18]06 г.

[...] Что касается всей этой моей истории (с рукописью)¹, то я спросил Асверуса о юридической стороне, и он сказал совершенно определенно, что такие условия выходят за рамки всякой законности. Начиная с понедельника будет работать почта: как карета, так и эстафета; с ней я и пришлю последние листы, которые я с тех пор таскаю в кармане вместе с письмом, написанным в страшную ночь перед пожаром. Так вот,

если почтовое отправление, сделанное мной восемь дней назад — в среду и пятницу, точно доставлено по назначению, то теперь не может быть задержано печатание, а Гебхардт из-за этих немногих задержанных листов и сложившихся обстоятельств не может уже создавать никаких трудностей. Так как я здесь лишился всего, а эта зима, принимая во внимание дела с Академией, готовит только неприятности, нет смысла оставаться здесь ввиду неизбежно предстоящей дороговизны и бандитизма. А так как мое пребывание в Бамберге было бы весьма кстати для чтения корректуры, для ускоренного внесения в текст тех пропусков, которые неизбежно оказались в рукописи, и, наконец, из-за приятнейшего обстоятельства, что я увижу там Вас и Вашу семью, я рассчитываю по крайней мере часть зимы провести в Бамберге [...].

Ваш Гегель,
профессор философии.

28 (77). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Иена, 22 октября 1806 г.

При всеобщем бедствии какое утешение и какая для меня поддержка — Ваша дружба! В каком бы я был положении без этой поддержки¹⁾!

...Мы все больше обретаем спокойствие, и при этом, разумеется, каждый начинает по-настоящему осознавать свои потери. О том, что пострадала и Венигениена, я слышал от Асверуса. Ворота ее сожжены, а сад превращен в бивуак для лошадей. Нигде не видно больших следов пребывания армии, чем здесь. Сенат издал сегодня большую прокламацию, опубликованную в газетах. Хотят все устроить так, чтобы с третьего ноября начались занятия. Как только я получу деньги, и (NB), поскольку почтовые кареты вновь начали ездить, я, пожалуй, воспользуюсь Вашим приглашением и приеду к Вам. Думаю, что хорошая погода еще должна продолжаться. Какое счастье составляет эта прекрасная погода для французов и для нас! Ветреная погода превратила бы весь город в пепел!..

Бамберг, 17 ноября 1806 г.

[...] Здесь в Бамберге я снял комнату недалеко от дома Нитхаммеров, у которых не оказалось места, но столуюсь я в их доме. Я застал их в добром здравии; уже завязал несколько знакомств, сыграл с дамами в ломбер, из чего видно, как далеко шагнула здесь культура, ибо даже иенские дамы не достигли еще таких высот! А вообще я уже сдвинул с места мои дела и нахожусь, что здесь все значительно лучше, чем я полагал. Надеюсь, что в будущем меня ожидает в большинстве случаев противоположное тому, что мне приходилось претерпевать [...].

Иена, 3 января 1807 г.

По моем возвращении из Бамберга, где я пробыл несколько недель, я обнаружил дней 14 назад твое сочинение, касающееся отношения натурфилософии ко вновь исправленной философии природы Фихте¹. Я должен в первую очередь поблагодарить тебя за этот подарок, а затем сказать тебе, что меня очень обрадовала дружеская и почтительная форма, в которой ты упоминаешь мою статью о философии Фихте в «Критическом журнале»². Кроме всего прочего это для меня хороший предлог просить тебя сообщить мне о себе и рассказать тебе о своих делах. Я прошу у тебя извинения за то, что некоторые из твоих писем оставил без ответа, в частности то, в котором ты предлагал мне принять участие в журнале «*Annalen der Medizin*», причина этого в том, что я хотел свое согласие написать статьи (насколько можно ждать их здесь от меня) подкрепить одновременно делами, однако у меня не было возможности приняться за них, и, таким образом, я не исполнил даже того, что должен был бы уж во всяком случае сделать — ответить тебе.

Мне нет надобности рассказывать тебе о том, как утешила меня твоя полемика против нового фихтеанского

синкретизма, против «старой жесткости вкупе с ново-явленной любовью», против его упрямой оригинальности вкупе с молчаливым подбором новых идей. Меня также порадовало, что твое твердое, но умеренное поведение свело на нет все его личные выпады против тебя. У нас достаточно много примеров того, что он ведет себя неумно, когда переходит к выпадам, но я думаю, что это первый случай, когда он дошел до низостей, которые, кстати, плоски и неоригинальны. Причина того, что ты с недавним выступлением Фихте³ обошелся довольно снисходительно, заключается в цели его сочинения, которая помимо необходимого разъяснения последних страниц ограничивается собственно философским предметом. Ведь лишь одна из этих популярных вещей — «дух времени»⁴ — содержит достаточно смехотворных моментов, которые сами позволяют такое же вольное с ними обращение и даже подстрекают к такому обращению. То, что он выдает такую штуку, да еще с таким апломбом (а без высокомерия это немыслимо), можно понять только, если иметь в виду его публику, которая обычно состояла из людей, вообще еще ни в чем не ориентировавшихся, а теперь состоит из людей, совершенно дезориентированных и утративших всякую почву под ногами, как это совсем недавно вполне отчетливо выяснилось в другой области.

Я был очень рад узнать, что ты чувствуешь себя хорошо в условиях, в которых ты оказался, и что ты именно эти условия предпочитаешь всем другим⁵. Что касается нас, то мы не сумели еще рассеять славу, которую обрела Иена. Однако мы уже ранее продвинулись достаточно далеко, чтобы суметь выдержать все удары. Губить оставалось не так уж много. С некоторых пор я начал обращать свой взор и надежды в разные стороны, но здесь еще циркулирует убеждение, что философскую кафедру может, собственно, занимать любой с большим или меньшим успехом или даже более того, так как известно, что без философии не может существовать ни одна наука или факультет, и вместе с тем чувствуют, что наука не содержит ничего философского и без этого продвинулась столь далеко, то кажется, что философия, собственно, и состоит в этом ничто.

Шельвер уехал в Гейдельберг, правда по вызову, но без определенного назначения. У меня там мало перспектив. Мне остается Бавария, и я надеялся в Бамберге узнать, происходит ли там что-нибудь новое. Пока я слышу, что — ничего. Так как ты находишься ближе к источнику, то ты мог бы более точно узнать, какие там возникли новые намерения и могут ли открыться для меня какие-нибудь перспективы. В этой связи я позволю себе просить дружески о сведениях, о совете и даже о помощи. Мне бы очень хотелось обрести какое-то внешнее прочное положение. Наш мирный договор⁶ восстановил *status quo*, а все в целом, возможно, отбросил назад еще дальше, чем это было прежде. Все же от умственного развития Северной Германии многого теперь ожидать не приходится, хотя там еще существуют условия, которых нет в Южной Германии. На ее долю выпала лишь формальная культура, и ей суждено совершить лишь этот подвиг, плоды которого предстоит вкушать лучшему гению.

Я давно надеялся — еще в прошлую пасху, что сумею переслать тебе что-нибудь из моих трудов, и это обстоятельство тоже было причиной, что мое молчание продлилось. Но теперь я уже вижу, наконец, что приближается завершение печатания⁷ и что я сумею послать тебе издание на эту пасху. Но это только начало, и как начало оно достаточно объемисто. Я буду особенно заинтересован в том, чтобы ты не отверг моих мыслей и моего стиля.

Точно так же я буду рад, если ты простишь мне мое длительное молчание и в скором времени дашь о себе знать, о чем я тебя очень прошу. Надеюсь, что госпожа Шеллинг чувствует себя в Мюнхене достаточно хорошо, и прошу тебя передать ей мой сердечный привет. До свидания!

Твой Гегель.

31 (84). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Иена, 16 января 1807 г.

Дорогой друг! На Ваше последнее письмо, которое я получил (как заказное) только утром в субботу, я

откликнулся тем, что в тот же день отправил Гебхардту рукопись предисловия¹.

[Далее идет речь о корректуре и об указателе опечаток]. Вскоре, но все еще не теперь я смогу пожелать моему дитяти счастливого пути. При последнем чтении (с целью найти опечатки) у меня часто появлялось желание почистить верстку во многих местах от балласта и сделать текст более гладким; при втором издании, которое будет *скоро* — *si diis placet!*? [если будет угодно богам], все должно стать лучше, и этим я утешаю себя, этим должен утешать и других [...].

32 (85). ГЕГЕЛЬ — ЦЕЛЛЬМАННУ

Иена, 23 января 1807 г.

Ваше милое послание от 18 ноября я получил только в конце декабря в Бамберге, куда я тогда направился на несколько недель. Возвращение и другие дела несколько задержали мой ответ, за что прошу Вас меня извинить.

Меня очень обрадовало то, что Вы сохранили память обо мне во время Вашего отсутствия, а еще больше то, что Вы во время Вашего одиночества посвятили себя изучению философии. Впрочем, эти две вещи — едины. Философия есть нечто уединенное. Она, конечно, не дело улиц или рынков; она также далека от тех дел людей, в которые они вкладывают свои [практические] интересы, и от такого знания, в котором заключена их суетность. Но Вы, кажется, внимательно следите и за тем, что относится к злобе дня. И действительно, не может быть ничего убедительнее того, что образованность одержит победу над грубостью, дух — над бездушным рассудком и мудрствованием. Наука есть теодицея. Она оградит нас от того, чтобы смотреть на события с животным изумлением или более благоразумно приписывать их случайности мгновения или причудам таланта, чтобы считать, что судьба империй зависит от того, занята или не занята данная возвышенность, чтобы рассуждать о победе неправого или низвержении правого дела. Люди думают, что они были обладателями

блага или божественного права, когда теряют что-то, в то же время полагая, что тем, что приобретут, будут обладать с нечистой совестью. Насколько ложны их представления о праве, настолько же ложно мнение о средствах или о том, что составляет субстанцию или силу духа. Они ищут их в таких вещах, которые совершенно смехотворны, и не видят того, что лежит к ним ближе, совсем рядом; они считают превосходной опорой то, что тянет их в пропасть. Не только французская нация благодаря горнилу своей революции избавилась от множества учреждений, из которых человеческий дух вырос, как из детской обуви, и которые уже мешали ей и другим, как бездушные цепи, но и индивид стряхнул с себя страх смерти и заведенный образ жизни, который, при изменении кулис, уже не имеет внутренней опоры. Это придает французской нации большую силу, помогающую ей бороться с другими. Эта сила давит на замкнутость и косность тех, кто, будучи вынужден отречься от своей инертности перед лицом действительности, усваивает наконец эту последнюю и кто, быть может, превзойдет своих учителей, поскольку внутреннее сохраняется во внешнем.

Католицизм не представляет для Северной Германии ничего опасного. Было бы очень интересно, если бы встал вопрос о религии, и в конце концов так оно, наверное, и будет. Отечество, князья, государственное устройство, все это не то, что могло бы поднять на ноги Германию. Вопрос в том, что получится, если будет затронута религия. Без сомнения, ничего не следует так страшиться, как этого. Вожди оторваны от народа, обе стороны не знают друг друга. Что должны делать вожди, этому время научило, а как должен себя вести народ, когда очередь дойдет до него, то Вы лучше всего узнаете от своих соседей.

Будьте здоровы, передайте привет Вашему другу Кёлеру. Я буду рад видеть Вас здесь в скором времени. С Вашим долгом поступайте, как Вам удобно. С уважением

Ваш преданный друг
Гегель,
д-р и проф. философии.

20 февраля 1807 г.

Дорогой друг!

С очередной почтой я посылаю ответ на Ваше письмо, продиктованное Вашей дружеской благосклонностью и полученное мной сегодня. В первую очередь я очень признателен за предложение, которое идет от Вашей благосклонности и которое я решил принять¹. При этом нет никакой необходимости входить в подробности того, как я смотрю на это дело и как я его принимаю, поскольку я целиком согласен с тем, чем была движима Ваша благосклонность ко мне. Именно я не могу рассматривать эту договоренность как нечто окончательное, и так как денежные условия оказались ниже, чем мы с Вами предполагали и надеялись, то и с этой точки зрения я должен смотреть несколько вперед. Ведь на сумму в 540 гульденов, как я точно рассчитал, я не сумею свести концы с концами. Будьте так добры сообщить мне также, какие у Вас перспективы на будущее, чтобы я учел их при составлении и принятии договора, не говоря уж о том, что я желаю их успешного осуществления в первую очередь Вам, затем Баварии и всем Вашим друзьям.

Сами эти дела меня интересуют, поскольку я, как Вы сами знаете, с любопытством слежу за мировыми событиями, и с этой точки зрения я должен был бы скорее опасаться такого своего качества и воздерживаться от проявления его. Я, однако, надеюсь, что быстро во всем сориентируюсь. Какой тон и характер следует придать газете, это следует решить, когда я уже буду на месте. В целом наши газеты, пожалуй, хуже, чем французские, и было бы интересно создать газету по образцу последних или близкую им, не утратив, однако, того, что преимущественно желательно немцу: определенной педантичности и беспристрастности сообщений. Крайне благоприятным будет то обстоятельство, что я буду иметь дело с господином тайным советником Р. фон Байярдом.

Против одной вещи я должен, однако, возразить, а

именно против того, чтобы вступить на пост редактора в марте месяце. Для этой цели я должен был бы уже в феврале быть у Вас, а более точно — уже завтра сесть в почтовую карету. Вы приставляете мне прямо нож к горлу своим сообщением, что господин фон Байярд в настоящее время сам ведет газету, с тем чтобы оставить незанятой должность редактора. Любое промедление с моей стороны вынудит его дальше нести его бремя, и если мне все же придется несколько промедлить, то лучше, чтобы господин Байярд ничего не знал о том, что это обстоятельство мне известно. Однако в начале марта быть в Бамберге для меня просто невозможно. Я все же сделаю все от меня зависящее.

Как я уже говорил, я должен поставить одно условие, а именно, чтобы в договоре о моей службе не было сказано ничего твердого относительно сроков моего пребывания на этом посту. Это обстоятельство совсем недавно затронули и Вы сами. Я не могу жить совсем без всяких надежд на то, что меня официально пригласят в Гейдельберг или что там появится журнал, редактором которого я хотел бы стать, потому что при этом я бы добился, несомненно, большего, чем при редактировании бамбергской газеты, не говоря уже о том, в каких я окажусь отношениях с университетом. Я говорю об этом Вам откровенно, так как к этому меня обязывает Ваше дружеское расположение ко мне, сам же владелец газеты, с которым я заключаю договор, не должен бы иметь ничего против существования моего условия, если произойдет то, о чем я пишу, то есть если при другом предложении я вскоре оставляю это место. Поэтому нет никакой надобности говорить ему об этом заранее, тем более что это лишь возможность.

Насколько мне известно, из Веймара поступило распоряжение о жалованье Шельвера. Его преемником сделали доктора Фойгта. Генри же получает лишь часть жалованья. Но другие здесь не должны об этом ничего знать, и поэтому я прошу Вас ничего не говорить по этому поводу мадам Фойгт, если она сама Вам не напишет².

Точно так же, уезжая отсюда, я буду говорить, что я не заключил еще в Бамберге твердого договора, но что

у меня там вообще есть дела, и прошу Вас не писать сюда кому-либо обо мне ничего другого. Ведь мне необходимо избежать до пасхи придиорок, о которых я не могу не думать в этот период затруднений с денежными средствами.

Что бы Вы могли сделать для меня доброе и в чем могли бы мне содействовать, об этом поговорим позднее более определенно. Пока же я очень рад тому, что существует возможность Вашего переезда в Мюнхен, рад независимо от моих интересов. Вы даже не представляете себе, какое я принимаю в этом участие. Теперь, когда это учебное бюро распалось³, я могу вновь обрести доверие к научным учреждениям Баварии. Негативная, а затем и позитивная сторона Вашей там службы в свою очередь придаст уважение к Баварии в научном отношении. Недоразумение, возникшее в связи с ликвидацией Баварской Академии в Мюнхене, дало немцам из остальных частей Германии повод еще больше важничать.

То, что Вы вернули в типографию корректуру предисловия [к «Феноменологии духа»], меня нисколько не удивило, ибо просто отвратительно иметь дело с этой типографией.

Сегодня вечером вместе с Вашим письмом я получил также превосходное письмо от Юлиуса⁴. Поблагодарите его за приглашение, о котором он пишет. Кланяйтесь госпоже Нитхаммер. В следующий понедельник я Вам напишу еще раз, ибо вижу, что есть еще много побочных обстоятельств, о которых мне нужно поговорить с Вами. Пока же я согласен на сделанное мне предложение и благодарю за сердечную дружбу.

Гегель

34 (90). ГЕГЕЛЬ — ШЕЛЛИНГУ

Иена, 23 февраля 1807 г.

Я искренне тебе обязан, дорогой Шеллинг, за твой дружеский ответ от 11 числа прошлого месяца. Меня искренне обрадовало то, что ты не изменил твоего душевного отношения ко мне. Я узнал это из той откровен-

ности, с какой ты изображаешь свое положение в Мюнхене, в то время как я тебе писал о моих поисках места. Ты хотел бы, чтобы я приехал в Мюнхен, бросив север, который уже давно пережил свой период расцвета и блеск которого, созданный пришельцами, также позади. Пока же я намерен вернуться в Бамберг. Там мне сделали предложение заняться делами, которые мне принесут больше, чем пребывание здесь. Сейчас это первое, чем я занят. Хотя эти дела и не совсем мне подходят и даже могут выглядеть не совсем приличными перед светом, они по крайней мере не постыдны. Речь идет о редактировании политической «Бамбергской газеты». Кроме того, что непосредственно связано с этой работой, я вижу и то, что иногда смогу приезжать в Баварию и если не становиться твердой ногой на ее почву, то по крайней мере ступать на нее. Так как моя договоренность не связывает меня на точно определенное время, то я могу в Бамберге давать частные уроки и таким образом заботиться о себе. И все же я прошу тебя пока ни с кем не говорить об этом, так как мой договор еще не вступил в силу, а здешние мои дела — жалованье в 100 талеров — еще не кончены. Есть у меня план, который мне больше по душе: это издание критического журнала немецкой литературы, обо всем наиболее значительном и примечательном в ней¹. Возможно, что мне предложат место в Гейдельберге, и я переберусь туда и смогу осуществить свой замысел. Я одержим этой идеей и полагаю, что при определенной помощи мог бы пустить в ход нечто полезное. Немецкая литература подобна цветущей поляне, о которой кто-то сказал, что у него есть желание быть коровой, чтобы полакомиться на ней. Мне кажется вполне назревшей и благородной задачей лишить эту поляну ее дикого вида, выполоть весь сорняк, освободить полезные злаки и вновь придать ей вид полезного для человека земельного участка.

Если бы Баварская Академия хотела иметь такое же положение в обществе, какое имеет, например, Французская Академия, и держать в узде поверхностную болтовню и помпезное невежество, поддерживать лучшее и направлять на него внимание, то было бы, особенно

для Баварии, целесообразно, если бы Баварская Академия взялась издавать такой журнал. Не обязательно, чтобы журнал выходил с ее грифом, ее члены должны были бы его поддержать. Отсталость и разнородность составных частей Баварии нуждаются прежде всего в том, чтобы была упразднена анархия в области научных занятий, был создан какой-то центр и внимание публики было обращено на приобретение знаний, в которых ощущается столь заметный недостаток[...].

С большим интересом я прочитал твои сообщения относительно новой, более высокой стороны физических наук². Между прочим, я сумел подытожить — по меньшей мере в общем виде — больше, пожалуй, свои мысли, чем опыты. Что касается последних, то я не чувствовал нужной для данного случая твердости в руках, и если один какой-нибудь эксперимент мне, казалось, удавался, то тут же возникали другие, которые противоречили ему при аналогичности условий, частично же обнаруживалось колебание и за пределами условий эксперимента, так что это относило удачные опыты за счет нетвердости рук (и ставило их под сомнение). Я должен был, пожалуй, учиться у одного из приобретших у вас опыт экспериментаторов, если вообще, как надеюсь, у меня есть способности к этому, с тем чтобы обрести уверенность в том, что я исключил случайное и механическое, что, как я полагаю, выступает в эксперименте с водяным молотом. Кроме того, насколько я помню, я видел у одного французского эмигранта, лет двенадцать назад, общеизвестный эксперимент, касающийся колебания, с одним, однако, нововведением, которое делало опыт более эффективным. Он повесил золотое кольцо на волоске в стакане, частично наполненном водой, при этом не было заметно никаких вспомогательных движений держащих волос пальцев. Кольцо начало колебаться, и колебания стали столь сильными, что оно ударялось о стенки стакана, и последний стал похож на колокольчик. Если бы этот опыт был обоснован, какая обнаружилась бы связь между слепым инстинктом деления времени — разделения, казалось бы, произвольного — и природой! Что могло бы быть более приятным для Риттера, изучавшего периоды времени? Его опыты,

однако, становятся часто трансцендентными, и за ними трудно следить. Ему будет нелегко убедить других физиков в правильности и целесообразности применения своей магнитной иглы, изготовленной из двух металлов, о которой ты пишешь в сочинении против Фихте³. По меньшей мере это, судя по тому, что я слышу, вызывает еще много возражений. Что касается сидерических опытов⁴, то об этом, как я с удовольствием услышал, он пишет, будто создал прибор, с помощью которого устраняется элемент случайности, который может оказаться в этом эксперименте. Без такого прибора я не смею думать, что мне удался опыт, к тому же, конечно, я применяю свинцовые отвесы, монеты и т. п., но не золотые и серебряные отвесы.

У Гёте я пробудил любопытство к этому, раньше же он шутил по этому поводу. Он трудится дальше над своей историей учений о цвете и печатает сразу две ее части: одну теоретическую, т. е. эмпирическую, и другую — историческую. В каждой части готово уже по двадцать печатных листов⁵. Я видел одну из частей. Она целиком построена — по причине ненависти к идее, из-за которой другие погубили дело, — на эмпирическом, вместо того чтобы выйти за его пределы к другой его стороне — понятию, которое только и может пролить свет на сущность дела. Одновременно Гёте печатает еще и книгу по морфологии⁶. Он вообще хочет все дела привести в порядок и свести счеты с земным. Начало этого — новый выпуск его «Метаморфоз растений» без изменений. Что касается его исследований о животном организме, к которому он намерен перейти после предыдущего труда, то это тебе уже известно лучше. Вот все, что я мог бы противопоставить богатству сделанных тобой научных сообщений[...].

БАМБЕРГ, 1807—1808

85 (92). ГЕГЕЛЬ — ГЕТЕ

(Бамберг, март 1807 г.).

Ваше Превосходительство, нет необходимости в пространных объяснениях того, что содержание, которое назначила мне милость Его сиятельства герцога, и жалованье, которое дает мне исполнение моих обязанностей преподавателя, при сложившихся обстоятельствах не составляют достаточных для меня средств существования. Поскольку во время моего пребывания в Бамберге, связанного с литературными делами, мне представилась возможность принять предложение участвовать в одном частном деле, которое является временным и может помочь достигнуть цели материального обеспечения, то я позволил себе обратиться к его превосходительству тайному советнику фон Фойгту с покорнейшей просьбой о том, чтобы Его сиятельство герцог этим летом предоставил мне отпуск, с тем, чтобы я мог вести здесь частные дела и заработать достаточно средств в ожидании счастливого времени, когда я при помощи и поддержке Вашей милости вновь обрету возможность выполнять свои служебные обязанности в университете и добиться этой цели посредством более приятных занятий. Осмелюсь покорнейше обратиться с той же просьбой к благосклонности и доброжелательности Вашего Превосходительства, прося о милостивейшей поддержке Вашего Превосходительства.

Позвольте мне приложить к письму экземпляр моего труда¹, вышедшего на прошедшую пасху, выставить его на Ваш суд и засвидетельствовать тем самым мое благоговейное к Вам почтение, с чем я имею честь пребывать

Вашего Превосходительства покорным слугой.
Г. В. Ф. Гегель, д-р и проф. философии в Иене.

Бамберг, вторник, 7 апреля 1807 г.

Пишу Вам, любезнейший мой друг, из двух соображений.

Прежде всего я не сказал Вам ничего о том, как распоряжаться с экземплярами [«Феноменологии духа»], эти рассуждения я и досылаю в настоящем письме. Из трех сброшюрованных экземпляров один на веленовой бумаге — для Гёте, другой на писчей бумаге — для тайного советника фон Фойгта, третий на веленовой бумаге — для Вас. Из трех несброшюрованных экземпляров пошлите, пожалуйста, один Фромманну. Как Вы знаете, время не позволяло брошюровать или переплести. Далее, прошу Вас вернуть мне два других непереплетенных экземпляра. Взамен я оставляю здесь распоряжение о том, чтобы Фромманну отправили два экземпляра, которые мне пришлет сегодня Гебхардт. Следите, пожалуйста, за тем, чтобы один из них был передан майору фон Кнебелю, а другой — Зеебеку[...].

Бамберг, 1 мая 1807 г.

[...]Ты предоставил мне новые разъяснения о сидеризме¹, которые заставили меня сойти с той позиции, которую я занимал во время эксперимента с маятником — его я воспринял вполне объективно. Что сидеризм уже ближе к психическому или целиком включен в него, я теперь понимаю, особенно после того, как ты мне рекомендовал прекрасную работу Карла в «Медицинских анналах» (она мне доставила удовольствие вновь вспомнить о нем. Интересно, где он теперь?). То, что имеется в животном магнетизме с его поразительной силой, это единение лиц, причем одно из них доходит до того, что становится акциденцией другого в естественной сфере: ведь в духовной сфере это явление достаточно хорошо известно, причем в сидеризме это низводится до так называемого неорганического и детализируется в магическом единении и симпатии низших и высших

натур. Это приблизительно и есть сформировавшееся у меня общее представление о предмете. Можешь быть уверен, что я с нетерпением жду дальнейших опытов и ожидаю от тебя, от Риттера или от вас обоих дальнейших, более развернутых сообщений в печати.

Мое сочинение наконец готово². Но даже когда я дарил экземпляры моим друзьям, произошла та же самая безотрадная путаница, которая царилa во всем процессе печатания и распродажи, а отчасти сказалась и на композиции книги. Из-за этого ты не получил еще в руки экземпляра, однако я постараюсь устроить все так, чтобы ты вскоре получил его. Мне интересно, что ты скажешь об этой первой части, которая по существу является введением, так как я не вступил еще за пределы этого введения *in mediam rem* [в самую суть дела]. Включение частных, как я чувствую, повредило усмотрению целого. Однако это целое по самой своей природе представляет собой такое переплетение переходов, что, даже если бы все это было четче выявлено, более ясное и цельное изложение заняло бы у меня еще очень много времени. Что отдельные части еще нуждаются в многократной переработке, чтобы привести их в надлежащий вид, мне не приходится говорить — таких мест ты сам найдешь достаточно много. Что касается нарушения формы в последних частях, то ты должен быть снисходителен к этому по той причине, что я редактировал их вообще в ночь перед сражением при Иене. В предисловии ты не обнаружишь, что я слишком иду навстречу плоскому стилю, который особенно употребляю во зло твои формы и сводит твою науку к простому формализму. В остальном же мне нет необходимости говорить тебе, что для меня ценнее, чтобы ты одобрил хотя бы несколько строк всего целого, чем если другие останутся довольны или недовольны всем в целом. Я не знаю никого, кто бы лучше тебя мог рекомендовать это сочинение и высказать мне самому суждение о нем.

Будь здоров, передай привет Нитхаммерам, которые, как я надеюсь, благополучно добрались до вас, и особый привет госпоже Шеллинг.

Твой Гегель.

[На полях:]

Не объявлено ли еще об организации Академии Наук? Или, быть может, об этом вообще еще ничего не известно? ³

38 (98). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 30 мая 1807 г.

[...]Теперь поговорим о перспективах, которые мне более близки и о которых я говорю Вам потому, что это позволяет мне и даже требует от меня Ваше дружеское расположение ко мне. Господин Шнайдербангер, узнав, что я не могу купить его дело, сделал мне благородное предложение взять на себя руководство всем в целом, чистую же прибыль делить поровну¹. Я ознакомился с книгами, и, после того как мы прикинули расходы — скорее с некоторым излишком, а прибыль — точно, половина суммы получилась 1348 гульденов. Таким образом, это предложение, которым я не могу пренебречь. Прежде всего следует заметить в данной связи, что работа моя вряд ли увеличится[...].

Кроме того, договор, который я хочу заключить, лишь временный. Я могу определить срок в два, три года. Я могу сделать условием ликвидации договора предложение мне значительного места в каком-нибудь учреждении. При этом у меня появится возможность осуществить мои идеи относительно литературного журнала, о которых я Вам часто говорил. Итак, это возможность, удобнее которой вряд ли что может быть, и здесь я рассчитываю получить поддержку Вашу и Паулюса, который носился с такими же идеями, когда ему грозил «Альторф».

Вот что я могу сказать в пользу своего согласия редактировать газету. Я могу добавить, что эта работа оставляет мне время для продолжения моей научной работы, в то время как какая-нибудь другая служба, например преподавательская, меня бы в этом значительно больше ограничивала. В противовес [указанным аргументам] можно сказать, что эта работа не может рассматриваться как солидное предприятие, в особенности же, что, какой бы соблазнительной ни была изоли-

рованная независимость, каждый должен находиться в связи с государством и работать для него, удовлетворение же, которое мы, как нам кажется, получаем в частной жизни, призрачно и недостаточно! Впрочем, я не стану вести частную жизнь, так как нет жизни более публичной, чем жизнь журналиста, да и литературная работа тоже представляет собой нечто общественное. То и другое, конечно, не служба.

Но по этому поводу я ничего более не хотел бы Вам писать, так как я жду Вашего решения...

Если у Вас нет ничего определенного, для чего Вы бы хотели меня использовать и для чего я необходим, то позвольте мне принять упомянутое предложение [...].

39 (101). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 8 июля 1807 г.

[...]В одном из своих писем Вы пишете о своем намерении устроить мне заказ на логику для лицеев. Я надеюсь, что Вы не очень скоро сделаете мне это предложение и не станете требовать быстрого завершения работы¹. Я полностью поглощен разработкой общей логики и не очень скоро ее закончу. Чувствую, что мне будет стоять гораздо больших усилий справиться с задачей создания элементарной логики. Ведь Вы знаете, что писать нечто непонятное в возвышенном стиле значительно легче, чем писать о понятном в доступном изложении, а обучение молодежи и подготовка для этой цели материала — пробный камень ясности стиля. К тому же, поскольку мои взгляды новы, то тут еще одна беда — преподаватели должны будут изучать предмет глубже, чем наши юноши. Все же, как только я получу от Вас окончательное предложение, я подумаю, как выйти из положения, Вам же предстоит обдумать, какую пользу Вы можете извлечь из моей работы.

Я уже приступил к своим делам. Сами по себе они не трудны, в смысле же времени работы не больше, чем было раньше... И все же я намерен расширить дело, и особенно со временем поднять книготорговлю. Я имею

бесплатную квартиру, и если дело и впредь пойдет так же, как до сих пор, то и 1 300 гульденов дохода. Каких же еще благ ждать мне в этом мире? Только это проклятое перемирие! Заключение мирного договора, конечно, уже на носу², только ведь год длинный, и я надеюсь особенно на Вашу поддержку, и тогда дела мирного времени как в действительности, так и на словах будут заполнять листы, а Вы в столь важной их части принимаете значительное участие. В Мюнхене, однако, публичность не в милости, и в ней не очень, видимо, нуждаются. Там еще не слышно ни единого слова об Академии, о ее целях и предписаниях³. И все же публичность — это божественное могущество: в напечатанном виде вещь выглядит совершенно иначе, чем на словах и в рукописи; все заблуждения так же выходят наружу, как и преимущества впервые выступают во всем их блеске. Я уже приложил свои усилия к тому, чтобы способствовать сохранению ясности этого чистого и беспристрастного зеркала, для каковой цели я велел, чтобы бумага для моей газеты была несколько белее [...].

40 (102). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 8 августа 1807 г.

Надеюсь, дорогой друг, что Вы прибыли с вод в Мюнхен здоровым и накопившим новые силы... Несомненно, воды эти — железистые. В таком случае Ваши уважаемые коллеги, быть может, поступили бы более мудро, если бы воспрепятствовали *Вашему* отъезду туда! Ведь они должны были опасаться, как бы Вы там не набрались новой энергии! Меня искренне обрадовало данное Вами объяснение Ваших действий и Ваше отношение к союзу нерешительности с безрассудством, стоящему на Вашем пути. Как мне, однако, кажется, Вам с Вашей деятельностью удалось удовлетворить их желание — оставаться в неподвижности. С любопытством и надеждой жду я Ваших планов относительно гимназий. В высшей степени интересно уже одно то, что Вы начинаете с гимназии — этого средоточия научного образования. Надеюсь, что Вы сообщите мне не-

которые соображения по этому поводу заранее, и Вы можете быть вполне уверены в том, что я умею хранить молчание о доверенных мне сведениях такого рода. Я полагаю, Вы не станете держать их за семью печатями, как сведения об Академии, хотя, впрочем, я был очень обрадован, узнав, что Вы находитесь в тесных отношениях с ее президентом¹. Уставный документ Академии я уже прочитал. Особенных, поразивших меня институций в нем, конечно, не оказалось, и на деле я, стало быть, ничего особенного не узнал. Мне не приходится упоминать о тех сомнениях, с помощью которых можно было бы вывести на чистую воду преамбулу этого документа, которую в такого рода сочинениях составляют с особым блеском. «Опыт показал...», опыт, эмпирия! Понимаете?! И как Вы думаете, что же он показал?! Что картофель, хрен, самовары, хорошая печь в настоящее время преуспевают там, где расцветают науки, — понимаете?! Следовательно, давайте разовьем науки! В добрый путь! *Prosit! Proficiat!*² Раз правительство сделало свое дело, то и Академия не замедлит сделать свое! Среди членов ее можно различить людей двоякого рода: одна часть должна сама создать славу Академии, другой же части Академия должна создать славу. Дальнейшие замечания, именно лучшие и наиболее яркие (среди них — благодарное признание *Epsomii philosophiae* [Похвала философии], содержащееся в этом документе), я сохраняю для своей газеты, если найду для них место. Но что натворила судьба с одним из членов Академии — нашим другом Брайером?! Жених христовой невесты — Академии, он возжелал невесты земной и опустился до нее! Какая потеря! Целых 80 000 гульденов да плюс еще жена! Я не знаю, кого следует больше жалеть: его или Вас, ведь у Вас все же есть еще утешение! Вы и госпожа Нитхаммер должны сделать все от вас зависящее, чтобы подыскать ему другое сокровище. На днях я с этой целью искал госпожу Паулюс, чтобы побудить ее к состраданию и деятельной помощи, и она вряд ли откажется [...].

Из речи Якоби³ я сначала прочитал некоторые выдержки в «*Münchener Zeitung*», в ней, как это водится и у Фихте, не знаю по какой причине, сильно достается

эпохе. Однако я надеюсь, что это лишь темная сторона и что все неизбежно обернется к лучшему, такой поворот уже намечается в Академии и на него есть основание надеяться. Убедительно прошу Вас, будьте добры, пришлите мне почтой пару экземпляров упомянутой речи...

В Мюнхене все еще — даже после наступления мира — неясно, каковы же виды на будущее, и то, сколько там можно получить. Будьте любезны, узнайте, какие есть виды на жалованье? Я приношу Вам всяческую благодарность. Но почему же это жалованье должно быть худосочным? Худосочность ведь не является необходимым предикатом жалованья! Жалованье может ведь быть и жирным! Я непременно найду способ в моей будущей логике обсудить этот интересный вопрос.

[...] Что касается всего прочего, то о Ваших здешних знакомых я могу написать немного. При теперешней жаре я почти ни с кем не вижусь, помимо этого Вы от большинства из них получаете письма. Я хорошо вижу, что здесь постепенно определились отношения вновь появившихся и старожилов. Паулюсы через Маркуса и коммерческую советницу стали вхожи в дом президента. У отца юной Фукс замечательная оранжерея и сад в Байройте, и ее теплично-теплое чувство не находит в Бамберге у ее знакомых столь же горячего ответного чувства. У Либескинд я недавно играл в ломбер с графиней фон Зоден. За другим столом был обергофмаршал фон Шроттенберг. Короче говоря, философия вряд ли может привязываться к этим бранным вещам. По этой причине я ограничиваюсь тем, что после ужина иногда выпиваю стакан вина у надворного советника Риттера, который передает Вам сердечный привет.

Между прочим, в последние восемь дней здесь развивается бурная правительственная деятельность по управлению страной. Шестипфенниговые монеты и грёши в один день понизились в цене, в другой день повысились, в третий день наполовину повысились и наполовину понизились, к полудню четвертого дня на три четверти повысились, пополудни понизились, вече-

ром того же дня на две трети повысились и понизились, и я не знаю, как пошло дальше. Многие дни и ночи в городе свирепствовали патрули. В такое время я не хотел бы налететь на фон Байярда. Я слышал, однако, что у него — якобы — тихое помешательство. Мне почему-то кажется, что он отказался от управления. Если бы кто-то вопреки мнению бамбержцев — а Вы хорошо знаете, что это за люди! — утверждал, что областное управление показало отличное знание дела в этих операциях, которые каждый час менялись и друг другу противоречили, то такой человек приобрел бы у этих людей славу личности, имеющей склонность к парадоксам.

Однако письмо не газета, и я хочу прервать свое повествование об этих вещах. Остаются только мои дружеские приветы милой госпоже Нитхаммер и дорогому Юлиусу; я говорил и говорю: как было бы хорошо, если бы Вы оставались здесь или мы все вместе, по крайней мере я переехал бы вместе с Вами. До свидания. дайте мне вновь услышать о Вас.

Ваш Гегель.

41 (103). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 29 августа 1807 г.

[...] Я не смог лично встретиться с господином директором Шлихтегроллем и господином тайным советником Фейербахом¹, которые проехали через Бамберг. Я слышал, что эти господа ничего не знают об одном крупном университете, о котором здесь шли разговоры совсем недавно, причем говорили, будто он будет находиться в Регенсбурге. Как я слышал, король выделил для учебных заведений 300 000 гульденов, из которых 45 000 — для провинции Бамберг. Я посоветовал Паулюсу постараться выхлопотать небольшую сумму и для меня, ведь я тоже отношусь к просвещению. Вопрос только в том, достаточно ли властен он над *эмпирией*, разумеется, насколько это будет зависеть от него. Однако я должен признать, что я как-то не вижу пока никакой связи между теми деньгами и мной, которая

могла бы уместиться в пределах *разумного*. Вашей дружественной проницательности, однако, наверное, удастся установить путем научных поисков такую связь, к тому же я убежден, что применение, которое Вы найдете для моей особы, будет больше иметь отношение к разуму, чем к эмпирии [...].

42 (104). ГЕГЕЛЬ — КНЕБЕЛЮ

Бамберг, 30 августа 1807 г.

[...] Основная цель этого письма — попросить Вас прислать мне вести о Вас и о том, какой образ жизни Вы ведете. Что я делаю, и почему я это делаю, Вы уже знаете. Вы знаете также, что я всегда имел склонность к политике, однако эта склонность в ходе моей деятельности в газете ослабла, хотя, казалось, должно было быть наоборот, так как я получаю для этого здесь больше пищи. Ведь в газете я рассматриваю политические новости с несколько иной точки зрения, чем читатель: для него главное — содержание, для меня же новость — статья, которой нужно заполнить страницу. Уменьшение удовольствия, которое приносит удовлетворение политического любопытства, компенсируется чем-то другим, и одно из воплощений этого другого есть денежная выручка. Я на собственном опыте убедился в истинности библейского изречения, которое я сделал своей путеводной звездой: заботьтесь в первую очередь о пище и одежде, а царствие небесное придет само¹. Другое же [утешение] состоит в том, что журналист сам является предметом любопытства, а часто и зависти, поскольку каждый стремится знать то, что журналист знает только *in petto* [про себя] и что, как уверяют, должно быть самым интересным. Между нами говоря, я знаю ничуть не больше, чем написано в моей газете, а иногда и того меньше. Но я не могу оставить Вас совершенно не осведомленным по части тайных политических новостей и, таким образом, могу Вам *sub rosa* [по секрету] сообщить, что Люсьен Бонапарт становится королем Португалии и Испании, а

Бертье — королем Швейцарии. Война между Баварией и Австрией и без того дело совершенно очевидное².

Пожалуйста, не оставляйте это мое сообщение без ответа; Вы как человек, посвященный в высокую политику, были бы вполне в состоянии поднять на высоту узкую политику скромного журналиста. Поддержите своего друга [хотя бы] умеренным вкладом; ведь кроме интересов дела такие статьи имеют еще и побочное значение, именно то, что ими я был бы обязан любезности друга, который для меня ценнее, чем содержание этих статей даже в том случае, если бы содержанием их были император и короли, а также раздаривание империй и принцесс. В это печальное мирное время, которое для журналиста то же, что лунный свет и хорошая полиция для воров и., я нуждаюсь во всяческой помощи, чтобы давать пищу любопытной публике. Ваша земля, правда, не очень богата политическими событиями, исключая великую битву под Иеной, подобные которой случаются однажды в сто или тысячу лет, но великие политические события и газетные сообщения не одно и то же, а в последних нет недостатка. Например, путешествует ли какой-нибудь маршал или посланник Рейнгарт, отъезжает ли какая-нибудь герцогская семья (преимущественно Иенского княжества) — все это дает стоящую статью. Я, конечно, хорошо знаю, что писать газетную статью — это все равно что жевать солому по сравнению с наслаждением, испытываемым при чеканке и шлифовке гексаметров Лукреция, полного глубокой философии³. Но поскольку в философии Эпикура пищеварение не оставлено без внимания и, желая способствовать этому процессу, на помощь призывают чтение газетной статьи, то я считаю себя вправе думать, что четверть часика, выделенные на написание газетной статьи, будут стимулировать превращение газетного дела из пассивного в активное. Однако я вижу более целесообразный способ оказать эту любезность, о чем и хочу Вас просить. Нельзя ли предложить *Карлу*⁴, которому я прошу передать сердечный привет, какое-нибудь упражнение в *объективном* стиле, который называется газетным и который больше всего способен уравнивать склонность молодежи

к фантазии и к остроумничанью. Кроме этой пользы для образования у Карла будет еще и та выгода, что за каждую статью мы отпустим ему в кредит кружку бамбергского пива, если он его любит, а когда образуется какая-нибудь сумма, мы ему аккуратно переведем ее.

Подумайте, пожалуйста, о моей просьбе. Мне было бы очень приятно получить корреспондента в Вашей земле. Однажды кто-то без указания имени и учреждения отправителя прислал мне официальное сообщение о событиях, происходивших в веймарском войске под Кольбергом, за которое я очень признателен, хотя и не знаю кому. Я подумал теперь о том, чтобы в этой связи обратиться к Фальку или к господину д-ру Мюллеру. Вы с обоими знакомы, и я бы просил Вас либо поговорить с кем-то из них об этом предмете, либо посоветовать мне, к кому бы из них я мог обратиться. О гонораре мы договоримся [...].

Еще несколько слов о других моих делах. Вы знаете, что я в Веймаре хлопотал об отпуске на это полугодие. Теперь я оказался более тесно связан с газетным делом, и мне, по-видимому, придется отказаться от предоставляемой герцогом пенсии, что, быть может, и излишне, так как мне ее в квартале май — июль не выплатили, хотя я полагал, что получу ее. В остальном же я буду считать для себя честью носить звание профессора Иены и называться таковым. Однако я не смогу вернуться на место, где был прежде; если же экономическая сторона там изменится, то я не поколеблюсь поменять редакцию газеты на философскую кафедру. Более того, я даже мечтаю о такой перемене. Эта перспектива, однако, ничуть не уменьшает моего желания сделать более тесными наши дружеские отношения. Я с удовольствием отказался бы от своих широких связей, в которых ежедневно нахожусь со всем миром ради нескольких часов еженедельных бесед с Вами. Здесь неплохое пиво, но как бы было хорошо, если бы Вы приехали сюда и мы пили его прямо на месте — в находящемся под скалой погребе, да к тому же Вы бы могли сделать его вкус более пряным. В связи с последним обстоятельством очень прошу Вас немного

перца — в строчках. Я позволю себе попросить Вас передать искреннейшие приветы госпоже Кнебель и другим моим друзьям.

Ваш друг и покорный слуга Гегель.

43 (105). КНЕБЕЛЬ — ГЕГЕЛЮ

Иена, 11 сентября 1807 г.

[...] То, что Вы, может быть только в шутку, требует от меня, не является моей профессией [...].

[...] И действительно, дорогой друг, обратитесь Вы лучше по поводу того, что Вас интересует, к господину Фальку, который живет в окружении множества разных людей и с удовольствием взял бы на себя выполнение Вашего задания. Мне кажется, что *под Вашим руководством* он стал бы человеком, которого Вы могли бы использовать.

С удовольствием поговорил бы с Вами о Вашей *новейшей философии*, если бы прочитал [Вашу книгу]. Предисловие дал мне Зеебек, и я был поражен глубиной Вашего ума. Что остается пожелать мне и, насколько могу судить, некоторым друзьям, это чтобы Вы сделали тонкую ткань Ваших мыслей несколько более наглядной и понятной для наших непросвещенных голов. В самом деле, мы Вас считаем одним из первых мыслителей нашего времени, однако мы хотим, чтобы Вы придали могуществу Вашего ума более осязательные формы. То, что я здесь говорю, быть может, очень смело и недостаточно обоснованно, но Вы должны простить поэтическому воображению, если я скажу, что хотел бы видеть серьезное перешедшим в область прекрасного; хотя и не в дидактическую поэму Лукреция. Ваши сравнения так же великолепны, как и Ваши мысли.

44 (106). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 13 октября 1807 г.

[...] Кажется, решающие указания из Парижа все еще не посланы; они, судя по некоторым признакам, не только коснутся внешнего разделения областей, но на благо народов также повлияют на внутреннюю структуру, и тогда существующее состояние неопределенности наконец как-то разрешится. И все же Ваши труды, по крайней мере работа в гимназии, ими не будут затронуты. Ваши труды есть нечто независимо-по-

стоянное, они останутся одинаково необходимыми при любом государственном устройстве и при любых обстоятельствах. С большим интересом мы ждем новостей относительно этих решений.

Что касается моей работы, то, если она Вас интересует, ее можно назвать работой лишь с натяжкой. Работа в газете идет своим чередом, беспрепятственно, не принося, правда, никакого удовольствия, но и без особых неприятностей. Я нахожу, что должен вкладывать в свой труд больше души, и в этой связи обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне. Для этого мне кажется очень подходящим кофейная мельница Румфорда, и поскольку ее изготовляют в Мюнхене, я хотел бы попросить Вас или милейшую госпожу о любезности заказать мне одну и переслать вместе со счетом. Это сооружение значительно повысит мой жизненный тонус и украсит мое существование, я же буду очень Вам обязан за заботу обо мне.

О наших здешних знакомых и друзьях я немного могу сообщить, по крайней мере ничего нового, и это, пожалуй, к счастью, ибо если и бывает что-нибудь новое, то это скорее плохое, чем хорошее... Из провинции вообще не приходится писать много в столицу, но тем больше следует писать из столицы, куда направлены взоры всех, в провинцию. Однако, как я слышал, кое-кто не остановился на том, чтобы направлять лишь свой взор на столицу, а направил туда и свои стопы, притом не в желаниях, а на самом деле, и Вы, вероятно, наслаждаетесь обществом некоторых из этих людей. Что делает сейчас Шеллинг? Я давно уже ничего от него не получал.

В настоящее время здесь что-то интенсивно занялись пивоварами, которые оказались весьма строптивыми. Если от этого пострадает сие благородное питье — бамбергское пиво, то это в конце концов нанесет большой ущерб Бамбергу. Но кто знает, может быть, это несколько уменьшит телесность этого города и обратит его в сторону духовного. Пока же тяжба решается, я хочу пользоваться кофейной мельницей.

Кланяюсь тысячу раз Вашей любезнейшей жене...

Ваш искренний друг Гегель.

Мюнхен, 2 ноября 1807 г.

Посылаю тебе текст моей речи, которую я произнес недавно¹. Ты будешь судить о ней, как нужно судить о речах на случай, рассчитанных на большую публику.

Я давно тебе не писал. В своем последнем письме ты обещал мне свою книгу. Но после того, как я ее получил, я должен был прочесть ее, прежде чем писать тебе. Однако всякого рода препятствия и отвлекающие обстоятельства этим летом не оставили мне ни достаточного времени, ни покоя, необходимых для чтения такого произведения. По этой причине я до сих пор прочитал только предисловие. Поскольку ты сам обратил мое внимание на его полемическую сторону, то я должен был думать о себе слишком скромно, чтобы отнести эту критику за свой счет, хотя я и так умеренного мнения о самом себе. Твоя полемика поэтому, возможно, направлена против злоупотреблений и болтунов, насколько я могу судить по твоему письму. Тебе нетрудно представить, как был бы я рад когда-нибудь избавиться от них. То, в чем мы действительно придерживаемся различных убеждений и точек зрения, следовало бы нам выявить и разрешить без всякого примирения. Ведь примирить можно, конечно, все, кроме одного. Так, я признаюсь, что я не понимаю смысла того, почему ты противопоставляешь *понятие* интуиции (*Anschauung*). Не можешь ведь ты подразумевать под *понятием* нечто иное, чем то, что мы с тобой называем идеей, которая, с одной стороны, является *понятием*, а с другой — *интуицией*.

Будь добр дать почитать экземпляр моей речи Либескиндам. Из-за того, что ее издали в очень небольшом количестве, у меня у самого один экземпляр. Если мне удастся достать другой, я им пришло.

До свидания, сохрани свое доброе расположение и пиши своему

искреннему другу Шеллингу.

46 (108). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, ноябрь 1807 г.

[...] От Вас я узнал, что у Фромманна или даже, быть может, у меня должна выйти в свет «Логика». Преподавать одновременно теологию, да еще преподавать «воробьям», через каковые это преподавание должно дойти до народа, и писать «Логiku», Вы ведь хорошо знаете: это ведь то же, что быть одновременно белильщиком и трубочистом, это все равно что венский отвар запивать бургундским вином. Я человек, который

многие годы находил свое убежище на скалах у орлов и привык дышать чистым горным воздухом, должен теперь научиться питаться мыслями усопших или мертворожденными мыслями современников и вести растительный образ жизни в затхлой атмосфере пустопорожней болтовни! Да, теологию я хотел бы преподавать в каком-нибудь университете, и я сделал бы это через несколько лет чтения последовательных философских лекционных курсов, но а) [это было бы] *просвещенное* учение о религии, б) для *школ*, с) в Бамберге, d) при учете того, что это породит много претензий здешней христианской протестантской церкви ко мне. Мысль о таком соприкосновении с ней порождает во мне нервную дрожь, как если бы христианская церковь была заряженной гальванической батареей, и далее e), f) и т. д. Господи! сотвори же так, чтобы сия чаша меня миновала! [...]

Еще больше мы, как и все другие, горим желанием узнать что-нибудь относительно широких и всеобщих организационных мероприятий¹. Я хочу по этому поводу заметить, что аллегории, столь трудные для понимания, которые якобы распространены в связи с этими мероприятиями, гораздо хуже, чем полное молчание, ибо красочное изображение кушаний разжигает аппетит, который не удовлетворяется. И поскольку Вы связываете с этими организационными переменами также и образование, то дело, очевидно, должно развиваться еще более успешно. Я, однако, слышал, что здесь также и некоторые высокопоставленные господа — господин президент, например, и другие — еще ничего об этом не знают и искренне признаются в этом, точно так же как и короли очень мало осведомлены в решениях, принимаемых императором. У меня вызывает не простое любопытство, а истинный интерес то, каким образом это важное, быть может важнейшее, дело будет осуществляться. В подражаниях французам до сих пор мы видели только восприятие одной половины и отбрасывание второй, а именно эта вторая половина — самая благородная, содержащая свободу народа, его участие в выборах, в решениях или по меньшей мере изложение перед общественным мнением на-

рода оснований всех правительственных мероприятий. Вследствие отбрасывания важнейшей половины другая половина становится своей противоположностью: произволом, грубостью, жестокостью, преимущественно замалчиванием, ненавистью к гласности, высасыванием крови, расточительностью, с другой же стороны, все это ведет к тупости, недовольству и безразличию ко всему общественному; к низкопоклонству и низости. Есть великий, глубокий смысл в том, чтобы создать конституцию, тем более великий и глубокий, чем в большей степени в современной Германии правят и действуют безо всякой конституции, и это считают не только возможным, но даже более предпочтительным! В Германии никакой правительственный орган не имеет ясно установленного круга своих обязанностей, а высшие инстанции считают даже своим долгом делать то, что является обязанностью более низших инстанций. Здесь не существует и даже не известен основной момент свободы: такое самоограничение, которое оставляет какие-то дела и для низших по власти — доверие государства к самому себе, допускающее самостоятельность частей. Все же Германия научилась у Франции уже достаточно многому, и медлительная натура немцев со временем извлечет из этого какую-нибудь пользу. Нельзя требовать сразу всего [...].

47 (109). ГЕГЕЛЬ — КНЕБЕЛЮ

Бамберг, 21 ноября 1807 г.

[...] Вы были столь добры, что высказали в своем письме несколько лестных слов о предисловии к моей книге (которое Вы, как я вижу, брали у кого-то — непостижимо, каким образом посланный мной Вам экземпляр не дошел до Вас; я могу лишь высказать догадку, что он был неполным и потому не был отдан Вам). Я бы с удовольствием выполнил Ваше пожелание о большей понятности и ясности, однако, понимая, что именно это и есть признак завершенности, должен признаться, что этого очень трудно добиться,

разумеется если помимо прочего само содержание основательно. Ведь есть содержание, которое уже в самом себе несет ясность, наподобие того, с чем я сейчас имею дело, например: сегодня здесь проездом был принц Н. Н.; Его высочество охотились на кабанов и т. п. Конечно, способ изложения политических новостей очень ясен, только вот, несмотря на эту ясность, в наше время тут и там мы сталкиваемся с фактами, когда и писатель, и читатель именно в силу такой ясности ничего в этом не смыслят. Я мог бы поэтому, *per contrarium* [от противного], сделать вывод, что при моем неясном стиле изложения можно понять больше: на это я хотел бы надеяться, однако не верю в это. Но если уж говорить серьезно, то если какая-нибудь абстрактная материя не допускает той наглядности, с помощью которой уже при первом приближении к предмету все становится ясно и понятно (что вполне достижимо при более конкретной материи), то я нахожу Ваш упрек справедливым и могу противопоставить ему лишь жалобу (если мне позволительно жаловаться), что сама так называемая судьба препятствует мне создавать своим пером нечто такое, что могло бы в сфере моей науки приносить больше удовлетворения людям такого проникновенного ума и вкуса, каким являетесь Вы, друг мой, и приносить удовольствие мне самому, так чтобы я мог сказать: ради этого стоило мне жить! [...]

48 (111). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 23 декабря 1807 г.

[...] Вышеуказанные «Здесьшний» и «Католик», как я заметил, еще раз подчеркнуто напомнили мне посредством брошюры о критике Ротманнером речи Якоби¹. Я Вам должен сказать, что если эта критика меня и поразила, то не потому, что я уже заранее принадлежал к партии Якоби. Это сочинение, как я слышал, доставило большое удовольствие многим не только в Мюнхене, но и здесь (у нас оно ходило по рукам и, говорят, выдержало три издания). Господин Байярд, име-

ющий широкие связи в Мюнхене, еще раньше говорил мне о замечательных молодых баварцах, которые уже теперь начнут создавать затруднения (чужой) Академии, а в ближайшие годы будут делать это в еще большей мере. Упомянутый господин Ротманнер является одним из них, как можно предположить. Он усвоил все баварские вульгарные воззрения и сделал выражение их долгом философии. Он не дитя времени, а дитя Баварии, и сочинение его именно этим и примечательно². Все, чему он научился, сводится к тому, что он в состоянии создавать периоды, — искусство, которое только недавно было пересажено на баварскую почву. Все, что он может высказать против философии Якоби, это всего лишь пять строчек банальнейшей болтовни (стр. 6). Якоби называет разум способностью первоначальных целей, Якоби, *следовательно*, понимает разум не в его тотальности, и *поэтому* его представление о разуме есть лишь рассудочное понятие, *стало быть* оно недостаточно и нефилософично. Критиковать кого-либо таким образом — типичная манера чванливого невежества. Забавно, — я хочу показать Вам ту манеру критики и те взгляды, с которыми я имел дело и которые я в соответствии с журналистской тенденцией не могу ни печатать, ни не печатать, — забавно, повторяю я, выдвигать на первый план разницу между южными и северными немцами и тем самым досаждают иностранцам и гладить по головке своих, ибо эти благоглупости сочинены в Северной Германии, там они появились на свет божий, и этот истинно южногерманский оригинал не нашел ничего лучшего, как подхватить их и собезьянничать, точно так же как южные немцы бессовестнейшим образом перепечатывали северных, обкрадывали их и обкрадывают. Точно так же и этот юнец повторяет, как обезьяна, мысли о превосходстве католического средневековья, что, как известно, было изобретено именно в Северной Германии, и нигде более³.

Конечно, это плохо, но мы не поступали с Якоби так зло, чтобы рекомендовать ему школу Аста. Хуже однако, и уж совсем непривычна недостойная свистопляска католика вокруг Реформации, ее значения и влияния, и ни один лицемерный поп не стал бы вести

себя иначе. Худшим же во всем этом является дурная инсинуация, будто Якоби желает скрыть и держит в тайне то, что он думает, хотя тонкий и не чуждый философии наблюдатель это легко замечает, а именно, что он говорит только о протестантской церкви, а если он и выступает против чего-то, то лишь потому, что это нечто имеет отношение к католицизму. Тем самым этот господин выразил свои собственные мысли и мысли всех такого рода господ. Когда Вы говорите о невежестве того или иного человека либо о негодности того или иного сочинения, то Вы, собственно, обращаетесь к чурбанам, от которых как от стенки горох отлетает всякая критика. Ты не развратишь, не обманешь, не перехитришь нас, ты можешь нападать как тебе заблагорассудится, твердят они постоянно в душе, — мы ведь все равно знаем, что ты подразумеваешь католического осла, а то, по чему ты усердно колотишь, — это мешок. Они крепко цепляются за эту мысль, они ею крестятся и повторяют перед всеми, как «изыди, сатана», внушают ее себе до одурения и делают вид, что ничего не слышат, когда им говорят. [...] И этот патриот со своей бестолковой серьезностью возлагает свои цветочки на алтарь Отечества и как верховный жрец этого алтаря приносит в жертву и собственноручно закалывает Якоби — «чужого» президента столь ценной для отечества Академии как жертву очищения на радость богу и народу. Другие стороны критики, касающиеся приводимых Якоби цитат, его стиля и т. д., не стоят того, чтобы о них говорить. Эти вещи мог бы видеть и слепой и написать об этом гораздо лучше. Но юный господин лучше бы молчал о проповедническом тоне Якоби, ибо он сам часто впадает в такие описания, что если бы изменить два-три имени существительных, то создалось бы полное впечатление, что это кусок от скучной проповеди. Можно сделать предметом пародии и то, как он совершает обратный ход от тайной мысли — *agière-pensée* протестантизма, именно, что мы не имеем никаких возражений против норм веры, мы их *даже* чтим, как подобает всем образованным людям и философам, однако задача философии — раскрывать природу этих норм. Это больше, чем тон про-

поведника, это скорее похоже на лицемерие Залата и старой хрычовки. Я уже не говорю об этом раздувании [факта] отстранения Фихте от должности, об этом бахвальстве в связи с тем, что в Южной Германии для философии открылось свободное место, т. е. предстоит и проектируется отстранение Шеллинга и уже осуществлено отстранение Циммера, а в Ландсхуте состряпан паштет из господ Залата, Кёппена, Таммера и Фингерлоза: вот, конечно, *место, свободное* от философии (à propos [кстати], не могли бы Вы достать мне речи и программы Кёппена и Залата, о которых я недавно читал?). Ведь Фихте смещен не по философским мотивам, а Шеллинг и Циммер должны были быть смещены и действительно смещены по философским мотивам! ⁴ Из такого сравнения многое можно извлечь!! Теперь я жалею о том, что мне не удалось [осуществить] свой план создания литературной (а также и патриотической) газеты. Мне кажется, что если бы Вы тогда сумели как-то организовать дело с участием моим и Паулюса, то что-то из этого получилось бы [...].

49 (112). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 22 января 1808 г.

[...] Я напряг все свои силы, чтобы, воспроизведя в памяти свое последнее письмо, как-то представить себе, было ли оно достаточно недвусмысленно в том, что касается Якоби, чтобы можно было его показать ему. Я рад, что мое письмо имело хорошие последствия. Вы пишете, что из Мюнхена не последовало никакого ответа на тот патриотический порыв ¹. У них не было, по-видимому, средств отвечать. Якоби, пожалуй, не может или не мог сам ответить, он не мог также написать об этом брошюру, рецензия же в какой-нибудь рядовой литературной газете — дело приватное, и упомянутый молодой человек сможет опять ответить на это вовсе по-мужички. У Вас отсутствует нужное средство отвечать субъекту, у которого чешется спина, так как у Вас нет «Moniteur» ². Французский «Moniteur» по той

причине, что публикуемые в нем рецензии (содержание которых не имеет официального характера) выдержаны в обстоятельном, учитывающем и уважающем общественное положение писателя тоне, имеет то преимущество, что заставляет уважать себя невежественных грубиянов, которым грозит опасность попасть на ее страницы, и своим авторитетом обуздывает хамов, закрывая им грязные уста. Эта сторона такой рецензии могла бы дать повод крикам о подавлении свободы мысли и печати, о том, что в области науки не должно быть никаких авторитетов, и т. д. Но в данном случае, как и во всех аналогичных случаях, в которых эти слова рассматриваются как авторитетные, нет ни мысли, ни науки. Эти последние не имеют никакого отношения к желторотому юнцу, которому подходят только такие слова и которому можно внушить уважение к другим только с помощью авторитета того или иного рода. Кроме того, мы должны исходить из авторитета, т. е. из убеждения, что Платон и Аристотель благодаря их славе, другие же благодаря их известности в государстве заслуживают больше доверия, чем наши собственные мысли, даже если мы не понимаем [указанных лиц], т. е. рассматриваем как нечто негодное то, что они говорили, и наши мысли противоположны их мыслям. Литературную сторону газеты «Moniteur» можно вообще-то рассматривать как нечто второстепенное, главным же должна оставаться внутренняя и внешняя политика, что и создает видимость авторитета. Но у Вас нет и политического «Moniteur» [...]. У Вас есть свобода печати (чуть было не сказал пожрати) ³, но нет гласности, т. е. того, чтобы государство доводило до сведения своего народа состояние государства, докладывало народу о том, как применяются государственные финансы, в каком состоянии образование, организация государственного аппарата и т. д. Эта беседа правительства с народом об их обоюдных интересах — один из могущественных элементов силы французского и английского народов. Для такой беседы с народом требуется многое, но прежде всего — мужество. При предстоящей реорганизации многое из этого, несомненно, осуществится. Здесь известно, или по крайней мере гово-

рят; о двенадцати префектах. Может быть, будет создан и государственный совет? И народное представительство? [...]

50 (117). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 11 февраля 1808 г.

[...] Однако Вы пишете и о другой книге, о «Кодексе» Наполеона, — это, конечно, приглашение, содержащее в себе угрозу. Судя по Вашему письму, приглашение это оказалось неожиданным. При загадочности многих вещей и лиц это вполне понятно. Полгода назад я подтрунивал над господином фон Вельденом в связи с введением «Кодекса» Наполеона, которого он имел основания бояться как землевладелец. Я говорил ему, что немецкие князья вряд ли найдут в себе достаточно чувства приличия, чтобы признать и воспринять произведение, над которым работал сам император, и оказать ему тем самым любезность, особенно после того как этот «Кодекс» был так великолепно и подробно разъяснен в преамбуле. Но немцы еще слепы так же, как двадцать лет тому назад. Заслуга, гресе [милость], которую можно было бы себе приписать, теперь совершенно отпадает. Однако важность «Кодекса» не идет ни в какое сравнение с важностью надежды на то, что будут введены в действие хотя бы некоторые незначительные части французской или вестфальской конституций. Добровольно это вряд ли случится; из собственных побуждений и соображений тоже, ибо откуда же они возьмутся? Это произойдет лишь в том случае, если на то будет воля неба, т. е. французского императора, и если исчезнут прежние характерные *разновидности централизации* и организации, в которых нет ни справедливости, ни гарантии, ни популярности, но лишь произвол и мудрствование отдельного лица. Я не знаю, захотите ли Вы рассматривать это как особый пункт при ответе на данные вопросы. Но я очень прошу Вас — спрашивая Вас с надеждой, не ждате ли нам еще чего-то, чему надо будет подражать, — рассматривать все это как небольшой пункт, с которым

связаны все мои убеждения. В моей газете один сведущий человек уже опубликовал сообщение, в котором говорилось о чем-то в этом роде¹ [...].

51 (119). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 28 марта 1808 г.

[...] Без тревог и осложнений, спокойно движется моя жизнь в газете, в которой я прозябаю. Беспокойство, вызванное инсинуированным вчера рескриптом или генералами, господин фон Байард вновь уладил; доброжелательность его всегда помогает выпутываться из трудных отношений газет с властями. О если бы он занимал такую же позицию в науке! Но тут, пожалуй, он нетерпим.

Между прочим, не совпадает ли новая форма организации французских императорских университетов¹ с Вашим проектом? Зайдет ли столь далеко подражание? Господин фон Байард, человек политически достаточно прозорливый, убежден в том, что мы получим больше, чем «Кодекс» Наполеона [...].

52 (122). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 20 мая 1808 г.

[...] Я мог бы охотно согласиться с Вашей дружеской и почетной для меня мыслью — поручить мне написать учебное пособие по логике. Но... должен признаться, что я бы крайне неохотно упустил эту единственную возможность внести философские суждения в обучение и отдать их на общий суд. Разумеется, не может быть ничего более желанного, чем таким образом сделать свою философию господствующей в какой-либо области ([это желанно] также и в экономическом отношении с точки зрения и самой такой книги и — косвенно — других сочинений). Но даже такой испытанный метод не может ни к чему привести, если это не заложено в самой сути дела. Появившаяся таким образом философия Вайллера не станет господствующей

и не является таковой¹. В самом деле, я не совсем понимаю смысл задачи. Основное значение какого-либо учебного пособия заключается в том, что оно содержит то, что в области данной науки общепризнано, особенно и по преимуществу это касается учебного пособия для гимназий. Какую-то специфику можно придать учебному пособию для университета, ибо оно предназначено для использования профессорами. Общепризнанная в наше время логика, однако, есть нечто такое, о чем написано достаточно много учебников. Вместе с тем положение в логике таково, что оно не может оставаться прежним. Ни один человек не может начать ничего нового, руководствуясь этой старой логикой. Ее волочат с собой как старое наследие только потому, что еще не появилась замена, необходимость которой все ощущают. Если собрать в логике все те определения, которые еще сохранили какую-либо ценность, то не напишешь и двух страниц, а то, что выйдет за пределы этих двух страниц, какая-нибудь частность, является только бесплодным и схоластическим изобретательством. Или для того, чтобы сделать эту логику более весомой, разбавляют ее психологическими глупостями (см. Штайнбарт, Кизеветтер, Мемель). В учебном пособии для гимназий не может быть изложена никакая новая наука. Нельзя вручать преподавателям книгу, которая была бы им чужда не в меньшей степени, чем учащимся, и которая бы не содержала, как компендиум, необходимые, совершенствующие ум, знания. Нечто среднее — старая логика, которая в то же время содержала бы как начальные элементы, так и указание на дальнейшее продвижение в науке, а также на некоторые вещи, выходящие за эти пределы, конечно, как говорится, учила бы мыслить, и с первого взгляда, кажется, что именно она и есть то, что необходимо. Один только Фихте мог читать лекции по Платнеру², т. е. в связи с каждым параграфом говорить нечто совершенно другое, чем в нем значится, отбросив содержащееся в нем. Но хотел бы я видеть пособие, написанное именно для таких лекций. Я бы мог прочитать подобные же лекции, имея под рукой любой компендиум по логике. Однако как смог бы я переход к новому,

т. е. отрицательное старого, и новое, положительное, связать друг с другом таким образом, чтобы получилось нечто общепризнанное, излагаемое в учебном пособии, я не представляю себе, и, пожалуй, я не смог бы этого сделать. Если бы еще несколько лет назад я прочитал курс моей логики в том виде, в каком она у меня теперь уже вырисовывается, логики, только основы которой я сформировал в Иене, не прочитав, однако, детального ее курса, то я, может быть, и сумел бы справиться с такой задачей. Если бы Вы могли установить для этого какой-то конкретный срок, а не поручать мне написать ее к греческим календам, то это уже было бы что-то, о чем я бы мог просить Вас. За это время я завершил бы свою полную и обширную логику, а затем сделал бы популярное и краткое изложение наиболее важных ее частей, так как краткое изложение предполагает завершенность целого, — вот тогда бы я смог одновременно издать и нечто похожее на учебное пособие, и более развернутое изложение. Если бы Вам, мой друг, удалось добиться одобрения этих планов в Мюнхене или Эрлангене, то в сложившихся обстоятельствах создание такого учебного пособия стало бы чем-то само собой разумеющимся, как основная цель занятий, и вопрос мог бы даже стоять так: быть может, без таких занятий это и невозможно? Есть ли необходимость в том, чтобы связь между этими двумя вещами выдвигать перед вышестоящими чинами как основание? Однако если этим чинам покажется неспостижимой сущность упомянутой связи между учебным пособием и обширным курсом логики, то это по крайней мере склонит их к тому, чтобы рассматривать данное предложение как внешнее вспомогательное средство к работе.

Таково мое мнение о Ваших планах, и я высказываю его по Вашей просьбе. Вкратце оно сводится к следующему: если Вы распорядитесь мной и найдете мне применение таким образом, как Вы считаете нужным и как Вам подсказывает Ваше дружеское расположение ко мне, то я окажусь в положении, когда смогу, располагая внутренними и внешними условиями, заняться научной деятельностью [...].

Бамберг, 28 июня 1808 г.

Я получил очень любезное письмо Вашего Высокоблагородия от 29 мая и вижу по дате, что должен принести Вам свои извинения по поводу того, что задержался с ответом. Я с удовольствием принимаю Ваше приглашение принимать участие в «*Heidelberger Jahrbücher der Literatur*». Я читал уже вышедшие номера этих ежегодников и ценю их очень высоко, они, как полагаю, еще больше обещают в будущем. Мне будет очень приятно примкнуть к уважаемому Обществу и заслужить его признание своим участием в его работе¹.

Вы хотите, чтобы я более подробно обрисовал контуры моей научной деятельности. Мне было бы, вообще говоря, интересно работать над философскими произведениями, которые имеют скорее спекулятивный, метафизический характер, над произведениями по логике, метафизике, так называемой натурфилософии, естественному праву, пожалуй, также по теории нравственности и эстетике. Есть произведения, родственные с ними по содержанию, хотя и не научного характера, которые я охотно взялся бы рецензировать. Чтобы сделать более ясным, что я подразумеваю под этими последними, я могу сослаться, например, на речи Якоби и Шеллинга в мюнхенской Академии наук² вместе с двумя направленными против них брошюрами, которые вызвали сенсацию в Баварии и могли бы представлять всеобщий интерес для знакомства с баварской манерой воспринимать высокие создания не-баварской образованности. Вы, вероятно, будете рецензировать такие книги, как «О Федре» А. В. Шлегеля³, что доставило бы удовольствие читающей публике; таковы и «Речи к немецкой нации» Фихте. Однако я слышал, что Фридрих Шлегель уже отрецензировал подобные сочинения Фихте. Но я еще не видел номера, в котором опубликована эта критика. Что касается произведений, о которых я упомянул в первую очередь, то я бы предложил в качестве рецензируемых книг «Натурфилософию» Стеффенса, Шуберта⁴, если бы знал, насколько все это соответствует Вашим планам, отчасти

же распределение такого рода работы вообще входит в компетенцию редакционной коллегии.

Благодарю Вас за сообщение о материальных условиях, которые меня вполне удовлетворяют. Правда, я не знаю, как будет обстоять дело с рецензируемыми книгами: будут ли они оставлены рецензентам с известной скидкой или совершенно бесплатно, либо их следует возвратить⁵. Думаю, что это станет ясно впоследствии и будет указано книготорговцем.

В заключение я позволю себе просить Вас засвидетельствовать мое почтение Обществу, которое пригласило меня сотрудничать с ним, и остаюсь

Вашего Высокоблагородия
преданнейшим слугой
проф. Гегель.

54 (127). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 16 сентября 1808 г.

[...] Теперь я еще больше мечтаю о том времени, когда наконец избавлюсь от этой газетной каторги, так как я совсем недавно опять имел расследование, напомнившее мне о моем положении, притом более чувствительно. Заведение, издающее газету, поглощает значительную часть состояния одной семьи, мое содержание целиком зависит от этого, равно как и содержание двух имеющих семью рабочих и некоторых других лиц. И все это ставится на карту из-за одной лишь статьи, которую сочли предосудительной¹. Я пропустил такую статью, но при этом более чем неясно, что могло навлечь неприятности. Журналист двигается в этих потемках как слепой. О цензуре вообще не заходит речь, как это было в последнем случае. Министерство видит только газету, как таковую, запрещает некую газету, а то, что от нее зависит пропитание многих семей, его абсолютно не трогает; к этому относятся так же, как в случае с каждой фабрикой или отраслью промышленности, успех же усилий и попыток обратить внимание на данную сторону дела в тех случаях, когда это важно, — ведь в некоторых случаях это может и не иметь

значения — зависит исключительно от случая. И если даже добиться понимания, все равно газете наносится больший ущерб, чем это происходит в какой-либо другой отрасли.

Я пишу Вам о последнем деле, с которым я столкнулся, на случай, если бы Вам пришлось узнавать, будут ли сделаны далеко идущие выводы после донесения в Мюнхен. Речь, собственно, идет о том, что я в своей газете поместил сообщение о трех военных лагерях в Баварии, причем, заметьте, сообщение это появилось у меня лишь тогда, когда об этом уже было сказано в других баварских газетах, когда были опубликованы уже основные сведения. Речь идет об одном оборванном куске копии королевского декрета (обрывок содержит лишь часть королевского декрета), который я использовал в том смысле, что изменил с учетом его соответствующее место в статье. Мастер моей типографии, принеший мне этот обрывок, сказал, что он его нашел, то же самое сказано им для протокола во время расследования. Из Мюнхена (из Министерства иностранных дел) под угрозой лишения привилегий было выдвинуто требование, чтобы редакция выдала имя того военного, у которого она сумела раздобыть королевский декрет, текст которого приводится в газетной статье. Я не мог указать никого, кроме лица, который принес мне обрывок декрета после того, как статья уже была готова. Я, правда, не думаю, чтобы министерство в Мюнхене дало дальнейший ход делу, поскольку все с необходимым засвидетельствованием запротоколировано. Но если таковое случится или последует временное прекращение выхода в свет газеты (если министерство не удовлетворится имеющимся объяснением), то у меня возникнут большие затруднения, а поскольку в таких случаях необходима срочная помощь, то мне не останется ничего более, как приехать в Мюнхен и вымаливать милость, присутствуя при этом лично. Поскольку при сложившихся теперь неясных обстоятельствах многое может решить случай или прихоть, то я не берусь судить, дойдет ли дело до крайностей и будет ли вообще дальнейшее расследование или нет. Да и угадать здесь ничего нельзя. Если бы Вы могли дать мне

дельный совет, *узнав* что-нибудь об этом деле, то Вы сами должны понять по характеру этого дела, как Вы меня обязали бы. Я бы очень хотел, чтобы Вы освободили меня от страха, сказав, что более важные политические отношения, которые теперь становятся с каждым днем все более напряженными, не оставляют господам времени для того, чтобы заняться такого рода делом обстоятельно [...].

55 (130). КНЕБЕЛЬ — ГЕГЕЛЮ

Иена, 7 окт[ября] 1808 г.

[...] Я бы хотел сообщить Вам еще кое-что, разумеется, не для статьи в газете: речь идет о том, что Вас, пожалуй, больше заинтересует. Великий Наполеон завоевал сердца всех людей, особенно рассудительных, и любовь эта совершенно не зависит от величия и власти, она должна быть отнесена скорее к человеку, чем к императору. В его облике находят выражение некоторой меланхолии, что, согласно Аристотелю, является главной чертой всякого великого человека и характера, и не только черты великого ума, но и истинную доброту душевную, которую ничуть не уменьшают силы его великих стремлений и деяний. Короче говоря, он наполняет людей энтузиазмом. Он уже два раза довольно долго беседовал с нашим Гёте и тем самым дал нашим монархам хороший пример того, что им не следует избегать возможности познавать и уважать своих замечательных мужей.

Сегодня император посетит поле сражения под Иеной, позавтракает на горе Наполеона, на которой он в ночь с 13 на 14 октября разбил свой лагерь, и оттуда пойдет на охоту на зайцев вблизи Апольды. Небо благоприятствует этим намерениям, так как вчера и сегодня стоит хорошая погода, чего у нас давно уже не было.

Будьте здоровы!

К.

56 (131). ГЕГЕЛЬ — КНЕБЕЛЮ

Бамберг, 14 октября 1808 г.

Меня искренне обрадовали доброта и готовность, с которыми Вы выполнили просьбу, переданную мной Вам через Фромманна, и мне это показалось доказательством Вашего все еще продолжающегося дружеского расположения ко мне. Конечно, не с такой прось-

бой должен был бы я обращаться к Вам, чтобы Вы, взявшись за перо, сообщали мне политические глупости газетных писак; с каким удовольствием я обратился бы к Вам с просьбой прислать мне стихи Лукреция, элегии Тибулла или творения Вашей собственной Музы! Но я боюсь, что тем самым кое-чем обязал бы себя или дал бы Вам основание ожидать от меня что-нибудь равноценное. А такими возможностями я не располагаю ни в коей мере и весьма от них далек. Здесь нет лавровых роц, здесь только леса, где можно найти плоды, которые способны вдохновить и вознаградить лишь брызгу! Здешняя Гиппокрена — пивная кружка. Таможня, полиция, организации — материал для элегий не Проперциева искусства! Если наш век действительно век железа, то железо это с примесью таких далеко не благородных металлов, как свинец и никель и др. Правда, все время стремятся примешать к нему немного золота, но ведь золото имеет свойство увеличиваться в объеме весьма медленно, да и одним лишь искусством плавки и возней с плавильной печью это дело не наладишь! Хорошо Вам, которому позволено оставаться наедине с самим собой в тиши и иметь дело с сокровищами, которым не грозит порча. Каково же мне, если то, что я откапываю сегодня, завтра уже нигде не годится или же забывается! И все же дружеское слово, написанное — правда не очень часто! — Вами, извлекает звуки из старых струн, превращаясь в милую и непрерывную мелодию, которая вызывает воспоминание о лучших временах, порождая если не надежду, то хотя бы желание [...]

Возвращаясь к политике, хотел бы спросить, были ли Вы на охоте на зайцев в Апольде? Присутствовали ли Вы на завтраке в павильоне на плато? О чем говорил Наполеон в своей беседе с Виландом и Гёте на балу? Видели ли Вы там также и Тальма? Все это я спрашиваю не для газеты, а для моего собственного образования. Расскажите мне обо всем этом, если у Вас будет настроение и если это доставит Вам удовольствие или окажет честь — ну, скажем, не немцам, а тем многим весьма почтенным людям, которых Вы там встретили [...]

С тех пор как я не слышал пения Вашей супруги, я не слышал вообще никакого приличного пения. Передайте ей мой сердечный привет и не менее сердечный Карлу.

Ваш
Гегель

57 (133). НИТХАММЕР — ГЕГЕЛЮ

Мюнхен, 26 октября 1808 г.

Ваше дело разрешилось быстрее, чем я считал возможным. Мне поручено сообщить Вам, что Вам присвоено звание профессора философской пропедевтики и Вы одновременно назначены ректором гимназии в Нюрнберге. Было бы желательно, чтобы Вы устроили свой приезд таким образом, чтобы прибыть в начале или по крайней мере в середине будущей недели в Нюрнберг, где Ваше присутствие будет крайне необходимо для того, чтобы под руководством окружного школьного советника господина Паулюса начать осуществление новой организации обучения, поскольку это будет касаться гимназии. Я желаю успеха и поздравляю себя, Вас и это дело и выражаю к Вам свое глубокое, давно известное Вам уважение и преданность.

Нитхаммер,
Старший школьный советник королевства Бавария.

58 (135). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Бамберг, 28 октября 1808 г.

[...] Вы сообщаете мне, что мое вступление в должность может вдруг оказаться безотлагательным. Я должен, правда, сказать, что вступил в этом году в четвертый квартал моей деятельности в газете. Уход с этой работы до октября или после декабря облегчил бы мое устройство. Однако эта трудность, поскольку речь идет о другом заведении, бесспорно, не может быть принята во внимание, равно как и то, что вступить в должность в середине учебного курса не очень прилично. Мне кажется более существенной трудность найти нового редактора вместо меня, так как я работаю здесь в силу договора и связан долгом приличия. Надеюсь, что случай, ибо только на нем я и могу строить свои планы, поможет мне уладить это дело, которое никоим образом не позволяет прибегнуть к посредничеству. На новой

службе мои занятия будут связаны с моей литературной деятельностью, по крайней мере если они и будут отличаться друг от друга по форме, по существу они будут близки. При этом Вы сами вновь совершенно ясно заметили, что мои перспективы в Альторфе сохраняются. Вообще-то создание этого заведения представляет для Вас большой интерес в том смысле, что для протестантов наконец будет создан университет, в котором они так остро нуждаются, чтобы не чувствовать себя все время пасынками и в отношении научного образования. Однако еще лучше то, что Вы намерены связать с этим заведением Ваши личные интересы. Перспектива, которую Вы для меня здесь сохраняете, имеет для меня величайшую ценность, но Ваша личная заинтересованность ставит такую перспективу превыше всего, так как она вселяет в меня надежду вести преподавательскую работу и другую деятельность совместно с Вами и жить с Вами вместе. При этом я надеюсь, зная Вас и с этой стороны, что у меня нет оснований приписывать такие планы кратковременному упадку духа. К тому же я уверен в том, что существует определенный, достойный Вашей профессии и Вашего образа мыслей статус служебных отношений, что именно он, а не какое-то недоверие, породил Вашу мысль относительно этого заведения и что этот план имеет поэтому более солидную основу. Вы впервые наладили работу машины собственного изобретения и приводите ее в движение, которое в силу ее собственной природы сохранится само по себе. В дальнейшем нужно будет только вытирать оседающую пыль, смазывать [машину] маслом, т. е. останутся такие работы, которые Вы без всякого опасения сможете предоставлять другим, не испытывая особой озабоченности в связи с мелкими неполадками, которые могли бы иметь место и в Вашем присутствии. Если Вы после завершения своего дела возвратитесь в лоно науки, то Ваша последующая работа будет тесно связана с предшествующей, поскольку наука является истинным обоснованием и закреплением упомянутого дела. Какое бы я мог предсказать себе будущее, если бы этот план осуществился! Я каждый день убеждаюсь все больше, что теоретиче-

ская работа осуществляет в этом мире гораздо большее, чем практическая. И если царство представлений уже революционизировано, то действительности не устоять! Практическое действие не замедлит появиться. Вы строили себе дом, закладывали сад, а когда Вы справитесь со своими делами, то помогите мне в моих! [...]

*59 (137). ГЕГЕЛЬ — БАМБЕРГСКОМУ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРИАТУ*

Бамберг, 9 ноября 1808 г.

(Чужой рукой надписано:) представлено 10.11.08
Объяснение редактора газеты,
профессора Гегеля по поводу
статьи в № 300 в «Бамбергской газете».

В Королевский Генеральный комиссариат

В соответствии с Вашим всемилостивейшим приказом от 7-го числа представить свое оправдание, предъявив официальный источник, из которого была почерпнута статья из Эрфурта, помещенная в № 300 «Бамбергской газеты», нижеподписавшийся редактор «Бамбергской газеты» всепокорнейше признает, что материал для вышеупомянутой статьи был слово в слово взят из выходящей в Эрфурте «Allgemeine Deutsche Staatsboten» и из поступающей из Готы «Nationalzeitung der Deutschen». Первая из газет прилагается к настоящему докладу. Что касается второй, то речь идет о номере 42-ом от 20 октября, который не может быть приложен, так как он уже 26 октября был вручен королевскому почтмейстеру Балиганду, а последний передал его дальше по инстанции, как явствует из прилагаемого свидетельства; к сожалению, мы не получаем более никаких экземпляров этой газеты. Поскольку эрфуртская газета издается в государстве, подчиняющемся Его Величеству Императору Франции, а готская

в государстве, входящем в Рейнский Союз, и обе находятся под гласной цензурой, то нижеподписавшийся редактор газеты не имел никаких сомнений в возможности перепечатать из этих газет статьи, которые в них самих были квалифицированы только как *слухи*.

Вскоре, однако, редакция с беспокойством узнала, что опубликованные в статье слухи породили недоразумения, которые она решила немедленно устранить. Поэтому редакция при первой же возможности, в приложении к «Бамбергской газете» от 21 октября (№ 301), сделала следующее замечание по поводу подобных слухов, а также по поводу тех, которые позднее были признаны ложными, как, например, слухи, опубликованные в парижском «Публицисте» от 18 октября. Замечание это таково:

«Время покажет, являются ли эти слухи более обоснованными, чем циркулирующие в Германии разговоры (некоторые из них, опубликованные в одной публичной немецкой газете, мы вчера привели в нашей) о том, что Эрфурт останется свободным городом, что следует ожидать изменения в устройстве современной почтовой службы и т. п., — слухи, которые являются *совершенно необоснованными, не подтвержденными никакими властями разговорами*». Мы надеялись, что этим своим замечанием пресекли всякие ложные толкования и указали публике, как должны быть расценены эти слухи.

Я полагаю, что изложил причины, на основании которых можно считать выполненным распоряжение Королевского Генерального комиссариата дать объяснение и тем самым показать невиновность газеты, и заверяю, что буду неукоснительно выполнять приказы, адресованные редакции газеты, с тем чтобы впредь не вызывать высочайшего неудовольствия по отношению ко мне, и с тем пребываю в глубочайшем почтении.

Вашего Королевского Генерального комиссариата
всепокорнейший слуга
Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Бамберг, 22 ноября 1808 г.

Уж если Вы меня называете маловерным другом, то полагаю, Вы не считаете меня маловерным по отношению к Вам, и надеюсь, Вы не вините меня в том, что я настроен несколько скептически по отношению к случаю, в котором Вы не ведете себя, пожалуй, как эти паучьи головы, спинозисты, и рассматриваете человека не как небольшую порцию морской воды, закупоренную в бутылке и пущенную в пучину Океана, но, наоборот, как движущегося в этом Океане как в некоей стихии, которая отступает перед Вами, когда Вы на нее наступаете, но затем вновь сливается и в отдельные моменты может брать верх. Я бы не хотел льстить себя мыслью, будто я был таким отдельным моментом для Вас, как Вы это пишете, моментом, из-за которого пришлось отложить выполнение декрета: ведь такое тщеславие, пожалуй, ни к чему. С другой же стороны, я желал бы не быть таковым, так как именно я к Вашим заботам, причиненным мной, прибавил еще и новые.

Паулюс пишет мне сегодня в письме, датированном вчерашним днем, что я вскоре буду иметь на руках официальный документ из Нюрнберга¹; но этого документа у меня пока что нет. Через восемь дней сюда придет Штутцманн, и тогда уж я смогу направиться в Нюрнберг без задержки. До его приезда от меня вряд ли могут потребовать, чтобы я приступил к выполнению своих служебных обязанностей, к тому же эта деятельность заключалась бы, собственно, в том, чтобы в течение нескольких дней частями принимать состоящую из пяти или шести учеников школу бывшего ректора. Даже после того как будет получен учебный план, понадобится несколько дней, чтобы ознакомиться с полугодовым курсом уроков, а это для преподавателей философской пропедевтики необходимо больше, чем для других, у которых в отношении какого-нибудь автора уже имеется план и направление, хотя и для этих последних такой срок также необходим. К тому же я пока не имею представления ни о

философских предметах или науках, которые преподаются в гимназии, ни о книгах, которые должны быть положены в основу преподавания в качестве руководства; я не знаю также и о том, должны ли быть мои уроки различными в разных классах, как это следует из моих наблюдений здешней гимназии Клейна, чего я весьма побаиваюсь [...].

Но чего бы я пожелал превыше всего, так это чтобы Вы прибыли в Нюрнберг для устройства этого нового заведения. Если Вы нашли возможным посетить Аугсбург и Ульм, отчего же Вы рассматриваете нас как пасынков!? Как бы я был рад увидеть Вас и выразить Вам всю свою благодарность! И как бы мне было желательно посоветоваться и поговорить с Вашей уважаемой супругой! [...]

НЮРНБЕРГ, 1808—1816

61 (144). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 14 декабря 1808 г.

Позавчера начались уроки в нашей гимназии. Из этого можете заключить, как многое я мог бы Вам рассказать. Итак, уже осуществлено Ваше дружеское предначертание для моей персоны, и прежде всего стало осуществляться Ваше публичное начинание как в отношении моего назначения, так и в отношении всего здешнего заведения. О том, что я во многих отношениях удовлетворен положением, в которое Вы меня поставили, я должен бы написать более подробно, чтобы выразить всю мою признательность Вам. Однако в связи с этим я хотел бы напомнить еще и о том, что Вы сделали для общественности и что заслуживает значительно большей благодарности. Каковы были здесь обстоятельства, Вы знаете лучше меня; Вы также хорошо знаете о том, чем Вы намерены заменить эти обстоятельства; поэтому остановлюсь лишь на некоторых сторонах всего того, что уже сделано для осуществления Ваших планов.

Девять дней назад Паулюс в присутствии господина Генерального комиссара [фон Тюрхайма] и других высших чинов произнес вступительную речь и открыл новую [гимназию], после чего последовала моя присяга и я приступил к предварительному экзамену. Этот экзамен прошел по всем классам гимназии и начальных народных школ и длился целую неделю. После этого приступили к распределению по классам учеников (в гимназии их тридцать, из них восемь — в старшем классе), и преподавание в гимназии на этой неделе тем самым уже началось. Однако прогимназия откроется только на следующей неделе, поскольку еще

не подготовлено помещение и общественность не была в достаточной степени о ней информирована. План структуры гимназии мы, преподаватели, получили только совсем недавно¹. Дополнением к нему явится речь Паулюса, которая скоро будет опубликована. Эту неделю мы выделили для подачи заявлений тех, кто желает поступить в гимназию. Вы видите, что то, что нам казалось основным, уже проделано. Все же я не смог приступить к выполнению всего учебного плана потому, что был занят текущими делами.[...]

Я выражаю Вам свою благодарность не только за все в целом, но и за выдвижение на видное место изучения греческого языка. Возношу Вам за это троекратную, семикратную и девятикратную похвалу. Возношу Вам похвалу и за негативное — за искоренение чепухи вроде технологии, экономики, ловли бабочек и т. п., за мудрое разделение классов и т. д., за то, что Вы не перенесли эти вещи в реальное отделение, но ввели основательное изучение истинных, т. е. реальных научных, знаний в этом самом отделении. Если кое-кому и покажется, будто реальное образование поставлено столь широко, что вызывает озабоченность судьба самой гимназии, то во всяком случае моя вера в превосходство классического образования столь велика, что надежду на его реализацию я связываю с той особой формой, в какой будет осуществляться это образование. Если позволительно выразить пожелание, то хотелось бы иметь еще несколько часов для физики, однако таким образом, чтобы не отнимать часы у других предметов. Но возможно, этого лучше было бы добиваться для физико-технического заведения, вообще же еще рано говорить об этом. Моя цель в данном отношении заключается в том, чтобы обеспечить гимназию хорошей аппаратурой, дабы молодые люди в том возрасте, в котором нетеоретическое наблюдение этих явлений и их применение в некоторых играх еще приемлемо, их быстро усваивали; для университетского же образования такая аппаратура непозволительна, ибо научные и математически исследуемые теории почти не нуждаются в ней и единственно подходят для университета.

Однако больше, чем все это, меня интересует мой собственный учебный план, и я должен был, собственно говоря, направить свое внимание исключительно на него и отчитываться Вам в том, что я конкретно сделал именно в связи с ним. Я должен признаться, что у меня ещё нет ясности в том, каковы истинные нужды здешней гимназии и каково Ваше отношение ко всему этому, по той причине, что условия, в которых я оказался, для меня новы. Прежде всего учебный план и приложение к нему оставляют некоторую свободу действий. Это приложение, которое касается возможности производить некоторые видоизменения на месте, позволило мне снять с преподавания алгебры в старших классах профессора Бюхнера, который в ней ничего не смыслит, и оставить ему преподавание закона божьего и морали в младших классах, с тем чтобы учащиеся старших классов перед своим поступлением в университет были в как можно большей мере снабжены необходимыми знаниями по математике. В старших классах я связываю с философской энциклопедией еще и трансцендентальную и субъективную логику, тем более что эти классы не обладают равным счетом никакими знаниями в этом предмете, а обладать такими знаниями им в высшей степени необходимо; это я могу легко осуществить, следуя моей схеме энциклопедии. В средних классах я думаю вести курс психологии больше в качестве учения о духе, чем в качестве учения о душе в его прежнем почти естественноисторическом, совершенно спекулятивном и не связанном с понятием виде. Я полагаю, таким образом, осуществить цель нашего учебного плана как по форме, так и по содержанию, цель, заключающуюся в том, чтобы приобщить учащихся к спекулятивному мышлению и сделать, таким образом, то, что согласуется с Вашим намерением, когда Вы указываете на Каруса и на «Критику [чистого разума]» Канта. Вы как-то оказали мне честь, поручив написать компендиум по логике для гимназий. Определив меня в гимназию, Вы тем самым предоставили мне арену для опыта и учения. Все это, равно как и широта возможностей, предоставленных

учебным планом, могут отчасти оправдать, отчасти компенсировать мой труд.

Остальные потребности и пожелания будут изложены Вам отчасти Паулюсом, отчасти подготавливаемым мной для Вас сообщением. Паулюс поместил меня в передней части дома — в квартире священника над классными помещениями, не нарушив при этом удобства при перемене квартиры старого доброго Шенка. Сохраните мне, пожалуйста, квартиру, в которую я вселился. Не считаете ли Вы более целесообразным с точки зрения надзора перевести и прогимназию в это здание, а реальное заведение в какое-нибудь другое место?

Господин Йолли имеет свою гарнизонную квартиру здесь, в Нюрнберге. Его супруга в ближайшие дни также переедет сюда, она передает Вам и Вашей уважаемой супруге сердечные приветы. Я еще не увидел госпожу Зибайн. Передайте мои наилучшие дружеские приветы Вашей милейшей супруге и не в меньшей мере Юлиусу, который, наверное, уже в прогимназии.

Преданнейший Вам
Гегель.

Проф. Хеллер просил меня передать Вам при возможности его привет. В его лице Вы нашли нам отличного посредника как самого по себе, так и в качестве противовеса обнаруженной мной нюрнбергской медлительности.

Если бы Вы смогли сделать так, чтобы сюда поступило некоторое количество экземпляров учебного плана для продажи, то это было бы крайне важно для популяризации нового курса обучения среди здешней публики, имеющей о нем еще весьма смутное представление.

62 (146). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 20 февраля 1809 г.

Я писал Вам примерно восемь дней тому назад, однако у меня есть повод еще раз побеспокоить Вас своим письмом и спросить Вас, что мне делать; я не боюсь этого потому, что Паулюс сообщил мне Ваше

требование, чтобы я незамедлительно писал Вам, не считаясь с Вашим молчанием и Вашей занятостью. Поводом для моего письма послужило высочайшее распоряжение о запрещении «Бамбергской газеты» и опечатании типографии, что стало известно мне из сообщения Штутцманна, который не пишет о причинах этой акции. Этот инцидент имеет много аспектов, которые отчасти затрагивают лично меня. Прежде всего Штутцманн, наверное, сам к Вам обратится, и мне к этому нечего добавить, кроме одного, если для Вас это представит интерес, а именно, что я посоветовал ему немедленно отказаться от эрлангенских дел, как только поступит распоряжение о продолжении издания эрлангенской газеты; главным образом потому, что существует опасность закрытия любой газеты, которая в этом городе может оказаться в распоряжении правительства, действующего не на основании законов военного времени¹, а на правовом основании. Однако с тех пор как один французский офицер из Байрейта потребовал выдать ему бамбергскую корреспонденцию газеты из-за одной статьи, у меня появилось беспокойство по поводу того, не является ли эта старая история, о которой я писал Вам осенью, непосредственной или побочной причиной столь категоричного распоряжения правительства. Инцидент, вызвавший тогда расследование, произошел почти полгода назад, но расследование длилось до рождества². Последнее сообщение об этом инциденте могло поступить в Мюнхен, вероятно, семь или восемь недель тому назад. Это срок, наводящий на размышление о том, мог ли по прошествии такого промежутка времени последовать такой удар? Эта история с расследованием для меня столь неприятна, что я очень волнуюсь и не знаю, как долго должен бояться того, что она еще не исчерпана и может начаться заново. Если она — причина приостановки или закрытия газеты, то в таком случае она, без сомнения, должна быть снова рассмотрена. В этой связи я очень прошу Вас узнать, если Вы сможете это сделать, что послужило причиной этой меры — требование ли французского министерства или нечто другое (а именно, та самая история). Сама история такова, что юридически

из нее ничего не может последовать. Но часто, чем проще дело, тем труднее угадать или просто заключить, что может за ним последовать, и всегда можно подозревать, что результат будет тем более плачевным. Я обращаюсь к Вам с такой просьбой просто, чтобы обрести покой, а для этого необходимо, чтобы та история не стала вновь предметом расследования, что не очень-то вероятно в том случае, если причина запрещения газеты какая-либо другая. Теперь мне это успокоение необходимо более чем что-либо другое. При хорошей информации по этому вопросу я бы мог иметь ясное представление об определенном направлении в этом деле и мог бы советовать владельцу газеты известный способ поведения, чтобы спасти его собственность. Я этому человеку многим обязан, но и без этого я бы сделал для него все, что в состоянии сделать, ввиду его честности и порядочности. Он в высшей степени заслуживает того, чтобы для него что-то предпринимали, я же вдвойне обязан это сделать независимо от того, является ли причиной запрещения та самая статья или статья, написанная другим, которую я поместил в газете позднее³. Штутцманн, которому теперь уже предписано судьбой быть неудачливым в газетном деле, не может не бояться всего этого. Он в величайшем смятении, а человек он не бесполезный. Нельзя ли было бы использовать его для проведения семинарских занятий, ведь он себя, кажется, специально посвятил школьному преподаванию. Все остальное, что я мог бы сообщить Вам по этому поводу, для Вас просто излишнее. И все же я очень прошу Вас вновь, доставьте мне успокоение. Если то, что Вы могли бы сделать, не вселит в меня этого спокойствия, то я должен буду решить, что предпринять дальше, и тогда посоветуюсь с Вами [...].

63 (147). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 7 мая 1809 г.

[...] Недавно Вы задали мне вопрос о том, когда я смогу завершить пособие для философских лекций

в гимназиях¹. Если мне будет сделано предложение, то я не могу обещать такую книгу раньше ближайшей пасхи. Если же говорить о дальнейшем и думать заранее, когда я смогу приступить к ней, то я могу прислать Вам предварительно план этого пособия для ознакомления и оценки [...].

64 (151). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 4 октября 1809 г.

Наконец, дорогой друг, наши экзамены и распределение наград уже позади; в этом отношении мы — последние в королевстве. В скором времени Вы получите список учащихся вместе с моей речью¹. Эта последняя содержит похвалу изучению древней литературы, разумеется в общих выражениях не только потому, что публичная речь по необходимости и по праву содержит некоторые общие места, но еще и потому, что отвлекающие и неумолимые служебные обязанности этого времени года не оставляют времени для того, чтобы собраться с мыслями и привести их в связь друг с другом. Хотя теперь уже начались каникулы, я должен большую их часть возиться с такими делами. Теперь я уже полностью испытал все неприятные стороны того, когда приходится связывать служебные дела с ученой деятельностью. Хорошо если ты просто служащий, тогда приходится обращаться к ученым занятиям лишь урывками и заниматься ими *horis subseciris* [в часы досуга] для удовольствия. Но когда преподавательская деятельность связана еще и с административной службой, то одно не дает покоя другому. Перед твоим взором все время контрасты между научными занятиями и не очень приятными формальностями. Во Франции во всех лицеях и гимназиях есть провизор, который хотя и является ученым, но занимается только внешними, административными делами преподавания, сами же учителя от этого избавлены. И у этого провизора всегда достаточно много и времени и досуга, чтобы продвигать административную чертовщину сквозь весь этот кордон формальностей и начальства. И поскольку мое последнее письмо было скорее похоже

на письмо жалобщика, я не хотел бы опять начать все это. Наши строительные планы не были выполнены². С тех пор как стало холодно, я страдал ревматизмом и читал свои лекции с зубной болью и опухшими щеками, так как сквозняк в моей комнате такой сильный, что может извлекать приятные звуки из ооловой арфы, но мне доставляет только страдания. Другие школьные помещения нуждаются в немедленном ремонте, чтобы мы были в состоянии вновь начать уроки. Но эти вещи еще не поручены администрации нашего заведения, и никто поэтому за дело еще не принимался.

Значит, с Альторфом покончено³. Здесь совсем недавно говорили, что Вы сторонник создания специальной теологической школы и что будто министру уже представлены как план этой школы, так и, напротив, предложение о создании протестантско-теологического факультета в Ландсхуте, на что уже дал свое согласие господин тайный советник фон Ц[ентнер]. Речь Вайллера и его визит к Вам вызвали здесь много толков среди низших чинов, которые говорят о предстоящем разделении школ без Вашего ведома и о скором принятии нового учебного плана. Если вы бросите это дело, я уеду в *Голландию*, откуда мне недавно подали надежду. На днях я напишу туда ответ и, разумеется, не отвергну это дружеское предложение, однако все это будет зависеть от Вас. Говорят, будто Кёппен уже приехал в Мюнхен и будет у нас проездом. Есть ли доля истины в этих баснях? Вообще-то было бы лучше поехать в Голландию, чем в Ландсхут. В рескрипте по Альторфу я заметил, что теологам оставили только две возможности: или университет, где уже есть теологический факультет, или другой, где такой факультет можно было бы легко создать. Вопрос о создании специальной теологической школы тем самым как будто снимается. Если даст бог, то в скором времени, может быть, даже теперь, будет заключен мир⁴, и тогда осуществится первое, и скорее всего в Эрлангене.

Правда, уже начались каникулы, и у меня есть Ваше дружеское приглашение приехать в Мюнхен. Однако помимо всего прочего у меня нет для этого денег. Мы еще не получили жалованья за последние

два месяца. Я бы хотел начать и завершить еще одно дело: взять себе жену или, лучше сказать, найти ее!! Что Вы на это скажете? Если бы здесь была Ваша супруга, я бы попросил ее подыскать мне жену, ибо ни к кому другому я не питаю в этом отношении никакого доверия, и меньше всего я его питаю к самому себе. Ведь мне скоро исполнится сорок лет, и я шваб и, собственно, не знаю, нужно ли совершить этот шаг поскорее, пока мне совсем уж не исполнится сорок, так как после этого жениться будет недозволительно, или, может быть, у меня появятся симптомы швабского сорокалетия...

Целую тысячу раз руки Вашей уважаемой супруги. Бог да сохранит ее по ее заслугам в десять раз дольше, чем ту, о смерти которой мы недавно здесь узнали и о которой здесь выдвигают гипотезу, что ее унес дьявол⁵.

До свидания. Да рассеются все тучи на горизонте политики школ и да превратятся они в Эмпирей, забывайте меня, иногда бросайте на мгновение взор в мою сторону, чтобы направлять мои дела, как и мои надежды и заботы, и сохраните себя для нас всех.

Ваш Гегель.

65 (152). ГЕГЕЛЬ — ВАН ГЕРТУ

Высокопочтимый господин и друг!

Дружеское письмо от 4 августа сего года, столь любезно написанное Вами мне, вселило в меня приятную уверенность в том, что Вы продолжаете помнить меня, доказательство же Вашей участливой дружбы, содержащейся в Вашем письме, меня очень тронуло. Из письма я с удовольствием заключаю, что Вы вступили на почетную стезю в Вашей родине и желаю Вам всяческих успехов на этой стезе, с тем чтобы Вы могли не только нести свою службу, но и быть активным в области науки¹. Ваша доброта сказывается в Вашем желании помочь своему бывшему учителю. Я узнал об этом Вашем намерении с благодарностью и несколько задержался с ответом лишь для того, чтобы написать

Вам, когда внешние обстоятельства помогут мне воспользоваться Вашим предложением. Но хотя пока я не могу сообщить ни о каком окончательном решении относительно моих дальнейших занятий, я все же считаю нужным выразить Вам свою искреннюю благодарность за то доброе, что Вы намерены для меня сделать, и сообщить Вам о тех моих делах, в которых Вы хотите принять дружеское участие. Я вынужден поэтому приступить к рассказу о моих теперешних делах.

Катастрофа под Иеной положила конец всем моим делам в тамошнем университете и принудила меня взяться за такое дело, которое дало бы мне возможность ждать лучших времен. Теперь я — вот уже почти год — ректор и профессор философской пропедевтики в здешней гимназии с жалованьем в 1100 гульденов, что обеспечивает удовлетворение самых первых материальных потребностей. У меня была надежда получить кафедру в каком-нибудь университете вследствие происходящих политических перемен. Все же до сих пор в этом отношении не произошло ничего утешительного. Принимая участие в моей судьбе, Вы легко увидите, что она была не так уж страшна, как Вы опасались; она была вполне сносной. Моя служба, хотя она имеет и чуждую мне сторону, весьма близка моему личному интересу к философии в ее строгом смысле и отчасти действительно связана с ней.

Впрочем, я не мог бы поступить иначе, как предпочесть теперешнему моему положению то, на что, по Вашему утверждению, есть перспективы и в чем Вы хотите мне помочь. Что касается языка, на котором принято читать лекции в голландских университетах, то по крайней мере в начале их можно было бы вести на латинском языке. Если условия позволят мне начать таким образом, то я мог бы попытаться в скором времени читать на голландском языке. Ибо я считаю одним из важнейших условий усвоения какой-нибудь науки то, что ею овладевают на родном языке. Вы упомянули об одном важном обстоятельстве — о господствующем в Голландии безразличии или отвращении к философии, особенно немецкой. Мне хотелось бы лучше знать, считают ли в Голландии философию

хотя бы общенеобходимым компонентом образованности и изучения и рассматривают ли ее в качестве введения к другим наукам и их абстрактной основы, видят ли пропедевтическую ценность ее изучения и рекомендуют ли ее в этом качестве. Что касается претензий философии на самостоятельный и даже высочайший интерес, то преподаватель должен помимо всего прочего безоговорочно признать, что философия имеет такое значение только для немногих. Чем объективнее форма, которую вообще принимает философская наука, тем более прост и тем менее притязателен ее облик, и тем самым появляется большая возможность оставлять на суд слушателя решение вопроса о том, следует ли рассматривать философию как науку, являющуюся лишь средством и вступлением или понимать ее в полном ее значении, что также и в Германии доступно только немногим. Однако прежде всего я уверен в том, что в Вашем лице найду горячего и верного друга философии, и потому мне было бы очень приятно быть вблизи от Вас. Меня ввергла бы в нерешительность лишь надежда получить место преподавателя в каком-нибудь немецком университете.

Что касается продолжения моих трудов в области философии, о чем Вы так участливо спрашиваете, то я мог работать лишь нерегулярно. Я очень признателен Вам за Ваше любезное предложение относительно поисков издательства в Амстердаме, я буду это иметь в виду и сохраняю за собой право обратиться к Вам по этому поводу и воспользоваться этим, если возникнет необходимость.

Заканчиваю письмо, вновь свидетельствую свою радость по поводу Ваших успехов и Вашей памяти обо мне. Я желаю, чтобы первое постоянно сопровождало Вас и чтобы Вы были столь же любезны продолжать второе и пребываю в глубоком к Вам уважении.

Остаюсь Вашим, почтеннейший господин и дорогой друг,
преданнейшим слугой и другом,
ректор и профессор Гегель.

Нюрнберг,
16 декабря 1809 года.

Ашаффенбург, 27 апреля 1810 г.

[...] Изучение Вашей системы наук убедило меня, что этот труд когда-нибудь, когда наступит время и люди его поймут, будет считаться основным пособием для освобождения человека, ключом к новому Евангелию, предсказанному Лессингом. Вы, конечно, понимаете, что я хочу этим сказать, но признайте, что представляет собой этот труд (именно *труд*, а не текст), и сколь немногие постигли его глубину [...]

67 (158). ГЕГЕЛЬ — ВИНДИШМАННУ

Достойнейший друг!

Мне было очень приятно узнать из Вашего письма о Вашем дружеском ко мне расположении и тем самым иметь повод сказать Вам, как я его ценю и как я Вам благодарен также и за прежние проявления Вашей дружбы ко мне. Вы были столь добры ко мне, что занялись основательным изучением моих изданных трудов и написали столь обстоятельную рецензию в «Jenaer [Allgemeine] Literatur Zeitung»¹. Известно, что при появлении философских трудов трудно ожидать — и в наше время для этого меньше всего оснований, — чтобы они нашли не то что понимающую публику, но хотя бы несколько индивидуумов, которые бы ими интересовались и уделяли бы им внимание; для меня было тем более ценно то, что моя работа небезразлична Вам. Шуберт мне уже сообщил то, что Вы хотели мне передать, а именно, что Ваши замечания к предисловию не были напечатаны, но, как мне кажется, он забыл мою просьбу сказать Вам об этом. При том произволе и тенденциозности, которые царят в руководстве этого журнала по отношению как к писателям, так и к сотрудникам, мне все же было странно узнать, что из рецензии убрано несколько моментов. Я посылаю Вам обратно переданную мне часть рецензии, в которой говорится о предисловии, и благодарю Вас за нее; она представляется мне весьма ценной и содержательной, и как хорошо было бы сказать об этом общественности.

Сочинение о магии², которым Вы сейчас заняты, меня очень заинтересовало. Признаться, у меня не хва-

тило бы смелости обратиться к этой темной стороне и смутной форме проявления духовной природы или природного духа, поэтому я тем более рад, что Вы отчасти освещаете для нас этот вопрос, отчасти же снова беретесь за этот игнорируемый всеми и презираемый предмет, пытаясь вызвать уважение к нему. Но для такой работы, как ни для какой другой, требуется здоровье и ясное, пожалуй, даже постоянно ясное расположение духа. Поверьте мне, что в душевном состоянии, о котором Вы мне пишете, ненеповинна эта работа — это погружение в темные области, где ничто не оказывается достоверным, твердым и определенным, где всюду встречаются яркие вспышки света, которые, однако, на краю пропасти благодаря своему яркому сиянию становятся тем более мутными, обманчивыми из-за своего окружения и порождают ложные отношения, кажущиеся истинным светом; начало каждой тропы здесь обрывается, растворяется в чем-то неопределенном, увлекая нас в сторону от нашей цели и направления. Я по своему собственному опыту знаю это состояние души и даже разума, когда он со своими интересами и предчувствиями проникает в хаос явлений и, обладая ясным сознанием цели, все же еще не достиг сердцевины, деталей и ясности целого. Я страдал такой ипохондрией пару лет, и притом в такой мере, что дошел до истощения. Такой переломный момент вообще бывает в жизни каждого человека — мрачный период подавленности, через теснины которого он пробивается к уверенности в себе, к укреплению и утверждению самого себя, к уверенности в повседневной жизни; и если человек уже дошел до того, что утратил способность вновь обрести уверенность в привычной повседневной жизни, то он приходит хотя бы к утверждению уверенности в благородном внутреннем существовании. Идите уверенно вперед. Только наука, которая завела Вас в этот душевный лабиринт, способна вывести из него и исцелить Вас. Если можете, стряхните с себя на время все эти заботы: Если бы Вам удалось держаться от них на расстоянии, то Вы бы вернулись к ним с новыми силами и с большей властью над ними.

При моем теперешнем служебном положении мои работы продвигаются медленно. Мои служебные дела лишь отчасти соприкасаются с ними, однако я не бросаю их совсем. Как Вы должны быть счастливы, что Вам в Вашей деятельности не приходится отвлекаться от подлинных интересов из-за таких внешних обязанностей!

Я рад, что меня еще помнят в доме Эрманнов во Франкфурте. Я благодарю Вас за переданные мне Вами от них приветы и прошу Вас при возможности передать им мои ответные приветствия.

Сердечно желаю Вам благополучия,
преданный Вам Гегель.

Нюрнберг,
27 мая 1810 г.

68 (166). ГЕГЕЛЬ — ВАН ГЕРТУ

Нюрнберг, 15 октября 1810 г.

Милостивый государь и дорогой друг!

Я непременно должен принести Вам свои извинения за то, что отвечаю на Ваше первое письмо так поздно, да и на второе не ответил раньше, тем более что оба они содержат так много ценного и дружеского! В первом письме Вы просили сообщить Вам мое мнение относительно животного магнетизма. Движимый желанием ответить Вам таким образом, чтобы Вы были удовлетворены, я решил подождать до тех пор, когда у меня будет свободное время, которым я пока что не располагаю. Но я уже не могу больше задерживать ответа, не могу не написать Вам о том, сколько радости доставляет мне то, что Вы помните обо мне, и как многим я Вам за это обязан.

Происходящие в Вашей стране политические перемены, без сомнения, окажут влияние на организацию и состояние университетов, в которых вообще-то дело налажено неплохо¹. Эти вызывающие почтение и получающие хорошие дотации средоточия ученой образованности, которые длительное время сохраняют свою славу, разделят, к сожалению, политическую судьбу

страны в целом. Такого рода организмы, которые составляют пребывающее само по себе свободное целое, со временем, естественно, впадают в состояние некоторого рода стагнации, однако сохраняют определенную основательность, которой всегда будет не хватать нашим современным немецким академиям, и тем более, чем больше они будут наподобие французских заведений ориентироваться на внешнюю полезность и государственные цели и переставать быть чем-то, что должно существовать само по себе, быть колыбелью ученой образованности, как таковой. Та ветвь философии, которая не пустила глубоких корней в голландских институтах, еще меньше выиграет от этого. В сложившихся условиях нам следует думать о том, чтобы философия продолжала существовать в отдельных индивидах до тех пор, пока правительства и публика будущего, движимые собственными внешними нуждами и необходимостью, не поднимут свой взор выше и не пожелают увидеть вещи более возвышенные. Вы опасаетесь, что Ваша карьера встретит препятствия вследствие последних перемен в Вашем отечестве. Но мне приятно было услышать, что у Вас есть шансы вновь продолжить ее.

Меня очень заинтересовало то, что Вы занимаетесь вопросами магнетизма. Эта довольно темная область существования организмов заслуживает большего внимания также и потому, что обычные физиологические воззрения здесь как бы исчезают. Наиболее примечательным я считаю здесь простоту, так как именно простое всегда пытаются представлять как нечто темное. Также и тот случай, в котором Вы применили магнетизм, является приостановкой жизненных процессов в высших системах. Вкратце мое мнение сводится к следующему: как мне кажется, в таких случаях вообще очень действенно то, что наступает болезненная изоляция в сфере чувствительности, например в случае ревматизма, и действие этой изоляции состоит в симпатии — сочувственном отношении, в которое может вступить какой-нибудь животный индивид с другим, поскольку его сочувственное отношение с самим собой — его текучесть — прервано и заторможено. Упо-

мянутое объединение вновь направляет жизнь в свое всепроникающее общее русло. Моя общая идея об этом заключается в том, что магнетизм присущ единой и всеобщей жизни, которая есть нечто вроде эфира жизни вообще, без подразделения на изолированные системы, органы и их особые виды действия, с которыми связан сомнамбулизм, и вообще такие внешние формы выражения, которые, будучи связанными с определенными органами, здесь могут осуществляться другими органами почти что promiscue [сообща]. Мне кажется, именно Вам следовало бы проверить и уточнить эти мысли, поскольку право на их испытание дает Вам знание дела [...].

69 (167). ГЕГЕЛЬ — СИНКЛЕРУ
(набросок)

(середина октября 1810 г.)

Я все время ругаю себя за нерадивость, проявленную мной в отношении твоего предложения, которое было получено мной несколько лет назад в Бамберге и на которое я не ответил раньше¹. Тем более приятно было мне узнать из твоего нового письма, что мое молчание не обидело тебя и ты настроен ко мне так же хорошо, как и раньше; сверх того, меня обрадовало, что ты остаешься верен философии, занимаешься ею серьезно и намерен продолжать в том же духе.

Я сердечно признателен тебе за мотивы, побудившие написать последнее письмо, в котором ты сообщал об открывающихся перспективах получить место поблизости от тебя. Я работаю в здешней гимназии преподавателем философской пропедевтики и ректором. Кроме надежды со временем найти работу в университете в этой гимназии у меня есть (что лично для меня предпочтительнее) твердое место, ставка и по крайней мере служба, которая в значительной степени связана с моими исследованиями. Если бы я отказался от этих преимуществ в пользу больших, то я бы нарушил внешний ход моей жизни, что на некоторое время

отбросило бы меня назад. Конечно, было бы великолепно жить неподалеку друг от друга, вспоминать и анализировать прошлое и вместе обсуждать новое. Приезжай как-нибудь навестить наш милый Нюрнберг. Твое положение скорее позволяет тебе сделать такую вылазку, чем мое. Я не знаю, видел ли ты вблизи нашу местность, Франконию, и наше баварское житье-бытье. У этого последнего есть свои примечательности. Пока же, до того как я увижу тебя лично, я жду от тебя философского сочинения. Ты начал замечательно — по драматической линии, написав три трагедии, и по философской, написав сочинение в трех томах². Я жду его с большой надеждой. Интересно, по-прежнему ли ты остался преданным фихтеанцем, и какую в этом роль играет прогресс в бесконечное. Я бы хотел решительно отсоветовать тебе издавать свои сочинения за собственный счет, если еще не поздно и если я вообще могу позволить себе давать тебе советы. Ты потерпишь в этом лишь значительные убытки.

Наконец я смог послать тебе экземпляр моего начала, написанного мной несколько лет назад³. Решай сам, что с ним можно делать. В нем речь идет о конкретной стороне духа. Сама же наука последует только после этого. Интересно, как воспримет твоя вольная, если не сказать анархическая, натура попытку в виде «испанских сапог», чем является мой метод, с помощью которого я заставляю дух двигаться?

Однако я вижу, что ты в болтовне, претендующей на то, чтобы быть философией, — а это в наше время очень модно, но постепенно, кажется, идет на убыль — осуждаешь также и отсутствие всякого метода. Я школьный работник, который обязан учить философии и, может быть, еще и поэтому придерживаюсь того мнения, что философия в такой же степени, как и геометрия, должна быть закономерным построением, которому можно обучать так же, как геометрии. Но все же одно дело знание математики и философии, другое — математически изобретательный творческий талант, каким является философское дарование. Моя сфера деятельности — найти эту научную форму или попытаться ее разработать [...].

Нюрнберг, лето 1811 г.

Я в мыслях своих писал тебе почти всю ночь напролет. Предметом моих размышлений были не те или иные отдельные обстоятельства наших взаимоотношений, а одна всеохватывающая мысль, как таковая: не делаем ли мы себя несчастливymi? Но какой-то голос из глубины моей души говорит мне: этого не может быть, этого не должно быть, это недопустимо! И этого не будет!

Однако то, что я тебе уже говорил прежде, предстает передо мной теперь как вывод: брак — это по существу религиозный союз. Любовь же для своей полноты нуждается в чем-то более высоком, чем рассмотрение ее самой по себе, ради нее самой. То, что составляет полное удовлетворение или счастье, завершают только религия и чувство долга, ибо только в них отступают в сторону индивидуальные черты бренного существа, которые могут быть лишь помехой действительности, остающейся несовершенной и незавершенной, однако в ней то, что называется счастьем земным [...].

(Нюрнберг, 29 июля 1811 г.)

Милостивый государь и дорогой друг!

Наконец Ваше доброе пожелание сбылось, и я получил сочинения Якоба Бёме вместе с приложениями¹. Приношу Вам свою сердечную благодарность за этот чудесный подарок, который считаю проявлением дружбы и признаком того, что Вы меня не забываете. Мне это принесло много радости. Как издание, так и сам экземпляр великолепны. Теперь я смогу штудировать Якоба Бёме более тщательно, чем раньше, так как у меня не было его сочинений. Его теософия — один из замечательнейших опытов глубокого, но необразованного ума постигнуть сокровеннейшую природу абсолютной сущности. Для Германии он представляет особенно большой интерес, так как он по существу —

первый немецкий философ. При невысоких способностях его эпохи и при его собственной недостаточной образованности для того, чтобы мыслить абстрактно, его стремление было жестокой борьбой ради того, чтобы ввести в представление момент глубокой спекуляции, имеющейся в его созерцании, и одновременно преобразовать элемент представления таким образом, чтобы в нем был выражен элемент спекулятивного. В его созерцании остается столь мало постоянного и твердого потому, что он постоянно чувствует неприменимость представления к тому, чего он хочет, и наоборот. И благодаря тому, что это обращение абсолютной рефлексий совершается без определенного сознания и не в форме понятия, оно кажется грандиозным беспорядком. Было бы очень трудно и, как мне кажется, просто невозможно, не только признать в общем виде глубину его основных принципов, но и выудить из его учения то, что имеет отношение к частностям и к определенности.

*72 (193). ГОРОДСКОЙ КОМИССАРИАТ
НЮРНБЕРГА — ГЕГЕЛЮ*

Нюрнберг, 14 августа 1811 г.

Именем Его Величества короля Баварии, высочайшим повелением от 8 августа сего года ректору и профессору Гегелю дается разрешение совершить обручение с Марией Еленой Сузанной Тухер согласно его прошению от 1 числа сего месяца.

Королевский комиссариат города Нюрнберга,
Кракер.

73 (196). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 10 октября 1811 г.

Прежде всего, дорогой друг, я хотел бы своим ответом засвидетельствовать Вам, как я тронут Вашим участием в счастливом изменении моего положения. Я должен благодарить Вас не только за это участие, ведь Вы — создатель также и этой части моего счастья¹. Тем самым я в целом, за исключением

немногого, достиг своей земной цели, ибо служба и любимая жена — это все, что нужно на этом свете. Это две главные вещи, к которым можно стремиться ради собственной личности. Другие вещи уже не самостоятельные статьи, а, пожалуй, лишь параграфы или примечания. О прошедших неделях моей супружеской жизни не могу, собственно, написать ничего пространного. Вы назначили мне срок ответа, который должен последовать в конце медового месяца, но признайтесь сами, что в течение медового месяца не думают о его конце [...]. Как бы то ни было, поскольку Вы не присутствовали лично на нашей свадьбе, хотя и были представлены и присутствовали в наших сердцах, то я очень бы просил Вас навестить нас с Вашей супругой. Пожалуйста, не откладывайте это надолго, так как я бы хотел надеяться, что наконец я буду иметь удовольствие принять Вас в своем доме [...].

Гейдельберг, однако, напоминает мне о Фризе и о его «Логике». Книжный магазин Штейна, который ничего не знал о заказанном для Вас экземпляре, дал мне, однако, знать, что получит один экземпляр в течение трех недель; с тех пор я достал себе экземпляр в другом магазине, и книга произвела на меня удручающее впечатление². Не знаю, стану ли я как человек женатый относиться более снисходительно к тому, что такой неглубокий человек, как он, достиг именем философии такого почета в этом мире и что ему позволительно задавать тон, как если бы его писанина имела хоть какое-нибудь значение?! В таких случаях можно сердиться и считать, что нет честного общественного мнения, ибо есть такие круги и люди, для которых его философия была бы полезна. Я давно знаю Фриза: он вышел за пределы философии Канта, усвоив самое что ни на есть поверхностное в ней, да и то разбавил водой и сделал плоским. Параграфы его логики и замечания к ним отпечатаны по отдельности. Первые, т. е. параграфы, бездушны, совершенно поверхностны, куцы, тривиальны, в них нет и намека на научную связь; пояснительные примечания также совершенно поверхностны, это дрянная, исполненная пояснений бессвязная болтовня с кафедры, которую может выдавать

только тупая голова в часы пищеварения. Я бы ничего не хотел приводить из его жалких мыслей. Его главное открытие, ради которого он сколотил свою систему, сводится к тому, что логика покоится на антропологических основах и полностью зависит от них, что Кант, так же как и Аристотель, завяз в предрассудке, будто логика самостоятельна, но он, пожалуй, прав-де в том, что логика не покоится на эмпирической психологии, ибо на основе опыта ничего нельзя доказать. Но логика будто бы покоится на антропологических основах и между доказательством и дедукцией существует разница. Дедуцировать нам позволяет логика, и именно исходя из антропологических, покоящихся на опыте предпосылок. Такова болтовня этого человека о своих основных понятиях. Его чистая всеобщая «Логика» начинается (в «Системе») таким образом: «Первыми *вспомогательными средствами* рассудка в *мышлении* являются понятия», как если бы жевание пищи и глотание были *вспомогательными средствами* еды, как если бы рассудок кроме того, что мыслит, делал еще и многое другое. Этот субъект болтает всю эту дребедень — употребляя целых два алфавита!! — без малейшего уточнения даже общеизвестных вещей, таких, как определения способности воображения, памяти и др. Я слышал, что его лекции мало посещают потому, что, пока успеваешь услышать от него одно слово, он успевает за это время выпалить уже двенадцать новых. Я его хорошо понимаю, ведь легковесность заставляет его соединять каждое слово с двенадцатью другими, чтобы заглушить сначала в себе ощущение своих жалких мыслей и затем залить словами слушателей так, чтобы они ничего не заметили и ни на чем не остановились. Здесь говорили, что вышеупомянутый Фриз приглашен в Эрланген, чтобы фабриковать учебники — так будто бы говорят в высших кругах. Если не обращать внимания на то, что я мог бы пожелать ему в этом только успеха, ибо в таком случае в Гейдельберге образовалась бы «дыра», может быть, и для меня просто любопытно представить себе университет, куда рядом с Фризом приглашают: его друга Халлера — для преподавания философии и эстетики, далее, как нас заве-

рили, Гразера — для философской педагогики, нашего здешнего секретаря Кифхабера — для дипломатики, господина фон Аретина, прежнего библиотекаря — для гуманитарных дисциплин, а также Хауля — для преподавания финансовых и полицейских наук.

Мою работу по логике я надеюсь опубликовать в ближайшую пасху³. За ней последует моя «Психология». Не мешало бы подождать выхода в свет также и многих других разработок логики, прежде чем вышшими инстанциями будет санкционирована и введена для преподавания старая, ставшая уже пустой и бессодержательной логическая трескотня, которую, однако, разжевал, как промокашку, Фриз. Ведь не может же быть в Баварском королевстве столь жалкого преподавателя гимназии или реальной школы, который держался бы на таком пустозвонстве!

К осени и мои работы, составленные для лекций, будут иметь более популярную и доступную форму и будут приведены в некоторое соответствие с общеобязательными учебными пособиями и с гимназическим преподаванием, ибо я чувствую, что в последнее время, особенно после моей женитьбы, я становлюсь все более снисходительным. Вместе с тем я с каждым годом все больше убеждаюсь в том, что объем преподавания философии в гимназии чересчур велик: кое-что теперь изменилось, поскольку из-за религии отпадает один час. Между тем хорошего здесь, пожалуй, все еще немножко больше, чем следовало бы. Я, конечно, знаю, что преподавание частично будет вестись, согласно высочайшему распоряжению, в виде практических занятий. Но у меня нет ясного представления о том, каким образом можно «практиковать» спекулятивное мышление. В высшей степени трудно проводить практические занятия уже по абстрактному мышлению, а эмпирическое мышление ввиду его разнообразия в большинстве случаев вообще рассредоточивает мысли. Это аналогично тому, как учатся читать. Нельзя начинать с того, чтобы читать целые слова, как того хотят сверхмудрые педагоги, а следует начинать с абстрактного, с отдельных палочек. Точно так же дело обстоит с мышлением в логике, где самым абстрактным яв-

ляется самое легкое, ибо оно совершенно едино, чисто и беспримесно. Лишь постепенно можно, упражняя ум, продвигаться к чувственному или конкретному, когда те простые буквы как следует закреплены в их различии. В связи с этим я вспоминаю, что несколько дней назад я прочитал замечательно написанный третий раздел какого-то учебного плана для народных школ, который является третьим по счету в том же смысле, в каком господь Иисус Христос был третьим относительно купцов и продавцов во храме. Столь же замечательны объяснения, которые я воистину мог бы назвать классическими. Слава богу, что простой человеческий разум и серьезное стремление действительно учиться чему-нибудь в конце концов берут верх! Как видно из газет, господин Центнер вернулся⁴. Вскоре, стало быть, можно ожидать решения относительно Эрлангена в том смысле, что это дело опять откладывается.

Ваш Гегель

74 (198). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 5 февраля 1812 г.

[...] Уже отпечатано девять листов моей «Логики». Перед пасхой отпечатают, наверное, еще двадцать. Предварительно могу сказать лишь то, что эти 25—30 листов составляют лишь *первую* часть, что они не содержат пока ничего из обычной так называемой логики и что они представляют собой метафизическую или онтологическую логику. Первая книга — о бытии, вторая — о сущности (если вторая вообще войдет в первую часть). Я по уши погряз в этом деле. Ведь нелегко в первый семестр брачной жизни написать книгу в тридцать печатных листов сложнейшего содержания. Однако — *injuria temporum!* [несправедливость времени]. Я ведь не академик. Для того чтобы придать моему труду нужный вид, я должен был бы работать еще год, но мне нужны деньги на жизнь! [...]

Ваш Гегель

Нюрнберг, 24 марта 1812 г.

Надежда не дает погибнуть, говорится в Библии. Я бы прибавил: она часто заставляет очень долго ждать. Опять наступила пасха, а дела обстоят все так же, как и прежде...

На предстоящую пасхальную ярмарку выходит в свет первая часть моей «Логики». Она содержит первую книгу — о *бытии*, часть онтологии. Вторая книга содержит учение о *сущности*, третья — учение о *понятии*. Что касается разработки моей «Логики» для гимназий, то я колеблюсь между этим и разработкой для университетов. Я просто не представляю себе, как мне сделать ее подготовительной или вводной, точно так же как не представляю, как можно написать введение в геометрию, не изложив самое геометрию. В официальных разъяснениях нормативов составления планов школьного обучения, изданных осенью 1810 года, ясно указывается: проводить не систематическое преподавание целого, но лишь практические упражнения в спекулятивном мышлении. Но именно это кажется мне наиболее трудным. Какой-нибудь конкретный предмет или какое-нибудь отношение действительности обсуждать в спекулятивном плане — это то же, что судить о какой-нибудь музыкальной пьесе по генерал-басу. Под практическим упражнением в спекулятивном мышлении я не способен понимать что-либо иное, кроме обсуждения действительных, чистых понятий в их спекулятивной форме, а именно это и есть сама истинная логика. Спекулятивному мышлению может или должно предшествовать *абстрактное* мышление, рассудочное абстрактное понятие в его определенности. Однако ряд таких понятий опять-таки представляет собой систематическое целое. В гимназическом обучении можно было бы ограничиться этим. И так уж в гимназии философия занимает слишком много места, в низших классах можно было бы обойтись без нее. Я преподаю ученикам абстрактные понятия права, затем понятия морали, а ученики, усваивая их в их определенности, упражняются тем самым в абстрактном

мышлении — в формальном смысле слова, но я не могу это еще назвать спекулятивным мышлением. В средних классах я преподаю — в течение целого года — психологию, а на следующий год — логику (согласно вышеупомянутому делению на бытие и сущность), но в психологии я даю лишь учение о сознании. Мне кажется вполне достаточным преподавать в средних классах один год право и мораль, другой — психологию, а в старшем классе — энциклопедию, которая начинается с логики. Только об абсолютном, о безразличии, интеллектуальной интуиции и других упомянутых выше высоких материях еще не должна идти речь (здесь ведь не может быть целью вообще сообщать учащимся абсолютную точку зрения философии). Сущность дела и без того уже содержится в том, что им дается. Как сказано, по этой же причине не может быть никаких упражнений, не относящихся к существу дела и содержанию. Нельзя мыслить, не имея мысли, нельзя понять, не располагая понятиями. Научиться мыслить можно лишь в том случае, если в голове есть мысли, а понимать лишь тогда, когда в голове есть понятия. Мыслям и понятиям нужно точно так же *учить*, как учат единственному и множественному числу, трем лицам, частям речи, как учат символу веры и катехизису. В этом смысле я мог бы взяться за такую работу. Дialeктическое здесь порождает себя само, и в нем именно и заключено спекулятивное, поскольку уже понято позитивное в диалектическом. Дialeктическое можно было бы преподносить учащимся только эпизодически, причем скорее в виде недостаточности какого-нибудь определения мысли, чем в соответствии с его собственной природой, так как юношество воспринимает вначале позитивное содержание. Если бы Вы сообщили мне о Ваших соображениях на этот счет, я бы смог лучше ориентироваться в своих занятиях. У меня уже давно возникла мысль изложить основные принципы *теоретического* преподавания геометрии и арифметики, как его следовало бы вести в гимназиях, ибо в ходе преподавания в Иене и здесь я обнаружил, что эта наука без примеси философии, не имеющей к ней никакого отношения, может излагаться бо-

лее понятно и систематически, чем обычно, когда не видно, откуда все берется и к чему идет, так как не дано никакой руководящей теоретической нити [...].

76 (211). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 23 октября 1812 г.

Вы поручили мне изложить на бумаге и представить Вам мои мысли относительно преподавания философии в гимназии. Некоторое время тому назад я уже сделал на бумаге первый набросок, но у меня не оказалось достаточно времени, чтобы привести их в надлежащий порядок¹. Но чтобы не откладывать дело в долгий ящик и послать Вам, согласно Вашему желанию, хоть что-нибудь по данному поводу, я перепису их и перешлю Вам незамедлительно в том виде, в котором это у меня получилось после некоторой доработки. Поскольку текст изложения не имеет никакой иной цели, кроме приватной, надеюсь, он удовлетворит Вас и в таком виде. Разрывы в цепи мыслей, а в еще большей степени то полемическое, что есть тут, я прошу Вас отнести к несовершенной форме изложения, которую я сделал бы более гладкой, если бы поставил перед собой иную цель, чем простое изложение моих мыслей для Вас. Может быть, моя полемика иногда ведется в непринятой форме, поскольку текст я направляю Вам и он никому более не станет доступным из тех, с кем я полемизирую. Но Вы сами сможете увидеть, что это можно расценить как мимолетную горячность, которая овладевала мной при упоминании того или иного взгляда или манеры изложения.

Помимо этого здесь отсутствует заключительное суждение, так как я сам еще не совсем выяснил себе собственное отношение к предмету, а именно, что, возможно, всякое преподавание философии в гимназиях может показаться излишним, что изучение древних есть то, что больше всего подходит гимназической молодежи и *по своей субстанции* является действительным введением в философию. Только я не представляю себе, как я, преподаватель философской пропедевтики,

могу сражаться со своей собственной специальностью и лишать самого себя куска хлеба? С другой стороны, я как педагог по философии, каковым я должен быть, и как ректор, занимающий официальный пост, должен бы сделать и следующий шаг, объявив всех преподавателей философской пропедевтики в гимназиях ненужными и предоставить им другие уроки или устроить их в другом месте. Но одно обстоятельство тянет меня назад, а именно филология, которая становится целиком ученой и стремится к словесной мудрости. Отцы церкви, Лютер и древние проповедники цитировали текст Библии, интерпретировали его и вообще пользовались им в свободной манере, причем им ни на грош не было дела до его исторической учености, и, видимо, именно вследствие этого они вкладывали в свои труды много учений и наставлений. Вместо эстетической болтовни о *pulcre, quam venuste* [О прекрасное, как прелестно!], заметные отклики чего мы слышим и до сих пор, теперь в моде ученость, касающаяся критики слов и метрики. Я не знаю, повлияло ли все это на подчиненный Вам персонал; так или иначе это с ним все равно случится, причем в том и в другом случае с пустыми карманами окажется философия [...]. Передайте, пожалуйста, мои поздравления президенту Якоби в связи с выходом на пенсию. Покой — лучшее благо на свете, и, если бы я его имел, я вдвойне охотно пригласил бы его приехать в наш город тишины.

Шеллинг дружески навестил меня. При встрече мы не касались философских материй [...].

77 (215). ГЕГЕЛЬ — ВАН ГЕРТУ

Нюрнберг, 18 декабря 1812 г.

Я не стану рассказывать Вам подробно об обстоятельствах, преимущественно повинных в том, что я столь долго не отвечал Вам. К ним отчасти относятся мои горькие семейные судьбы — рождение ребенка и последовавшая через несколько недель смерть его. Если я всегда мог выбрать время написать Вам,

то я нуждался еще в том спокойствии духа и свободе, которые являются для меня условием, чтобы на бумаге выразить, что я помню своих друзей, и чтобы беседовать с ними в письмах.

Поздравляю Вас с полученной Вами должностью, которая оставляет Вам свободное время для занятий философией¹. Я очень интересуюсь Вашими работами в области магнетизма. Вы, наверное, знаете издававшийся Нордхофом в Вестфалии журнал, который был посвящен этому предмету, — я его не видел и слышал, что он не был продолжен. Быть может, Вы вступили в контакт с издателем. В Берлине этот предмет вновь обратил на себя внимание. Вы сможете прочитать в публичной печати заявление о слухах, будто прусское правительство послало депутата к Месмеру.

Только что закончено печатание второго раздела первого тома моей «Логики», в котором содержится вторая книга — учение о сущности. Из даты прилагаемой расписки Вы узнаете, что я еще при появлении первого раздела думал о Вас и предназначал Вам некоторые из авторских экземпляров, но не знаю, как скоро книготорговец пришлет Вам второй раздел. Вторым том, который является завершением и содержит обычную так называемую логику, должен выйти в свет до пасхи.

Я обязан преимущественно Вам тем, что в Голландии обратили внимание на мои книги. Мне очень горестно было узнать, что там жалуются на трудность изложения. Сама природа таких абстрактных предметов такова, что их разработке невозможно придать легкость обычной книги для чтения. Истинно спекулятивная философия не может иметь обличья и стиля локковской или обычной французской философии. Спекулятивная философия по своему содержанию может показаться непосвященным, сверх того, еще и вывернутым наизнанку миром, противоречащим всем их привычным понятиям, всему тому, что действительно согласно с их так называемым здравым рассудком. С другой стороны, я должен высказать свою удовлетворенность тем, что заложил начало. Сложившиеся обстоятельства привели меня к заключению, что я не могу еще десять лет носиться с этими своими трудами,

непрерывно улучшая их, с тем, чтобы преподнести их публике в совершенном во всех отношениях виде. Что касается этих моих работ или по крайней мере их основных идей, то я убежден, что они получают распространение.

В отношении моей диссертации я бы с удовольствием выполнил Вашу просьбу, но у меня нет ни одного экземпляра. К тому же Вы потеряете немного. Для изучения астрономии безразлично, какое введение Вы возьмете. Учебники Боде отличаются большой популярностью². Но чтобы проникнуть в глубины, требуется знание дифференциального и интегрального исчисления, особенно по последним французским изложениям [...].

78 (216). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 20 декабря 1812 г.

[...] Что касается другого пункта, а именно моей полемики в моих разрозненных мыслях о преподавании философии в гимназиях, то, по-видимому, форма изложения, в которой я выразил свои мысли по этому вопросу, дала повод для недоразумений. Я хотел сделать именно так, чтобы Вы не сочли написанное мной направленным против Ваших взглядов и принципов, и — надо же! — именно этим объяснением дал Вам, кажется, повод воспринять дело не так, как следовало бы. Мое объяснение было вызвано только тем, что я при перечитывании текста нашел в нем полемику с теми или иными приемами [философствования]. И поскольку текст статьи предназначен только Вам, то мне показалось, что здесь меньше всего уместна подобная полемика, поскольку в этом письме я оспариваю требования, которые предъявляли мне третьи лица, не Вы. По этой причине я хотел отвести от себя подобное недоразумение относительно того, к чему вел меня сам предмет, вообще отстаивать иные взгляды. Вы, наверное, заметили из содержания текста, что я даже не нахожу нужным проводить разницу между Вами и автором нормативов, ибо Вы сами найдете, что я с ним во всем согласен, за исключением одного пункта — рекомендации спекулятивного, которое в строгом смысле мне ка-

жется слишком трудным для гимназии; я хотел в отличие от него предложить как нечто более реальное преподавание *абстрактного* мышления. Ибо этот пункт — как нож в моем сердце во время уроков. Без спекулятивного я не в состоянии ни с чем справиться и чувствую трудность всего этого. Однако я нахожу, что кое-где оно уже пролагает себе путь, и я утешаю себя мыслью, что если кому-то оно бесполезно, то, там с самого начала овчинка не стоила выделки.

По-моему, идеалом гимназического философствования было бы философствование в *духе Цицерона*. Но моя природа иная, как у Платона, у которого Сократ, беседуя с молодыми людьми, остается по преимуществу диалектичным и спекулятивным. Собственно говоря, этот пункт объяснения, направленный против спекулятивного, направлен больше всего против меня самого, ибо я не могу обходиться ни с помощью спекулятивного (из-за слушателей), ни без него (из-за меня самого).

Второй раздел первой книги моей «Логики» вышел на днях из печати. Как только у меня будет авторский экземпляр, я пришлю его Вам с просьбой милостиво его принять [...].

79 (218). ГЕГЕЛЬ — СИНКЛЕРУ
(черновик)

(Начало 1813 г.)

Мне ясно, что мое положение трудное — по сравнению с тобой, поскольку в твоём лице я имею дело не только с философом, но еще и с юристом, который ведет меня по пути судопроизводства с его кассациями, оговорками и *vitia* [ошибками по форме]; и вот мне приходится быть начеку, чтобы добиться своего. Тем временем я радуюсь прежде всего тому, что возражения мои дружески приняты тобой; мне хотелось по крайней мере приступить к выполнению твоего пожелания, и, как бы неполно ни было все то, что я сказал, одно я вижу — в итоге ты сформулировал весьма интересные и идущие к цели соображения, разбор которых

потребовал бы, правда, более развернутого изложения; но ведь ты и сам разрешаешь, чтобы объяснение моей точки зрения в письме было фрагментарным, не придерживающимся строгой последовательности, на манер разговора, только касающегося темы, однако более интенсивного, и это мне тем приятнее, что ты не считаешь излишней (восполнимой) устную беседу и вообще отнюдь не утрачиваешь стремления к личной встрече, а я желаю тебе, чтобы оно еще более возросло..

Мы начали, что и весьма разумно, с начала, а тем самым поступили достаточно методично. Но я, вообще-то говоря, за то, чтобы, с другой стороны, не слишком раздували роль начала, какие бы муки не доставляло оно (и с полным правом) в философии. Нелепо, что как раз нефилософы требуют некоего абсолютного начала, некоего неопровержимого *primum* [первоначала], против которого они не сразу могли бы разразиться своими речами, — это не столько несуразица, сколько хитро задумано; ибо нужно быть совсем дураком, чтобы не понимать заранее, что нет ничего такого, против чего они не могли бы протестовать, применив к этому всю мудрость своего здравого — или рассудительного — смысла; философ выкажет мало ума, если позволит обмануть себя или соблазнить так, чтобы искренне искать это начало. Ибо начало, именно потому, что оно — начало, неполно; Пифагор требовал от своих учеников, чтобы они молчали четыре года; у философа есть по меньшей мере право требовать от читателя, чтобы он не высказывал свои мысли до тех пор, пока не будет пройдено до конца все целое; философ наперед может заверить читателя, что знает давно уже и лучше других все те недочеты, которые обнаружит читатель; что все недостающее появится в книге в свое время и на нужном месте; и что вся его философия не что иное, как критика, опровержение и уничтожение своего начала.

Правда, я с тобой совершенно согласен в том, что нельзя начинать с чего попало, но что начало — это по сущности своей начало философии: нельзя, да и не требуется скрывать того, что за ним последует философское рассуждение; и потому, что касается на-

чала, я требую для него еще большего, чем ты, а именно — чтобы оно уже само по себе было философией по самой сути дела, чтобы оно открывало свою принадлежность философии и, значит, было чем-то большим, чем просто потребностью философии, но я не требую от него *больше того*, чем оно может быть как начало философии. Те же, кто в самом начале имеет уже идею философии, абсолютное и господа бога во всем его величии, те, конечно, не знают толка в деле. Сомнение — это великое и достойное начало; тут я согласен с тобой. Но нельзя ли обвинить его в *vitium subreptionis* [грехе обмана], именно в том, что оно выдает себя за потребность философии, но уже само является философией, в том, что сомнение есть анализ сомнения в его *premiers éléments* [первоэлементах], благодаря чему в нем сказываются противоречия, причем такой анализ, с невинным видом, будто он еще не философствование, пытается очернить философию; но клевета запрещена императорскими декретами, и любая судебская коллегия в подобной разыгранной наивности должна была бы усмотреть уже *metaphysique* или *ideologie* и должна была бы осудить соответствующего претендента на роль философа за клевету и за *vitium subreptionis* — и это в полном соответствии с законом.

В ином отношении ты признаешь, что сначала берешь сомнение как факт; и я тоже склонен считать, что начало может иметь только форму факта или, лучше сказать, *непосредственного*, ибо потому это и начало, что оно еще не развито; только развитие приводит к чему-то такому, что уже не есть непосредственное, но что опосредовано иным. Однако по своему *содержанию* сомнение есть скорее противоположность всякому факту или непосредственному, есть уже нечто гораздо большее, чем начало, — *media res* [середина], то, что между началом и концом; не знаю, не *vitium* ли это — одновременно *sub-et obreptionis*.

Но здесь я прервусь, чтобы поблагодарить тебя за дружеские чувства, выраженные в конце письма; если говорить о моих желаниях, то у меня нет большего, чем высказанная тобой мысль; моя единственная и конечная цель — быть преподавателем в университете.

У меня были надежды на Эрланген, тамошний сенат предлагал мне, но у нас ничего не доводится до конца; здесь у меня жалованье 1200 гульденов и даже немного больше, и мне пришлось бы указать мотивы для перемен, в том числе и для повышения. Гиссен был бы весьма приятен для меня ввиду большей близости к тебе. Здесь мы из-за бесконечных реорганизаций и формализма ни до чего не дошли, и если...

Но в этих нынешних условиях времени, при этом шуме и гаме можно ли надеяться, если все деньги идут на другие нужды, что много средств будет затрачиваться на спокойную науку, тем более на философию и *metaphysique*? И если даже какое-нибудь министерство заинтересовано в хороших юристах, медиках или хороших теологах, по той причине, что ему в его делах таким препятствием бывает всякая посредственность, сколь немногие знают, что изучение философии — это подлинная основа всякого теоретического и практического образования! Место в Гиссене занято; философия и без того, как считается, отжила свой век. Считают подходящим, для того чтобы стать профессором философии, человека, который ничего путному не учился и негоден ни на что лучшее; обычно на такие места ставят домашних учителей министров¹; впрочем, я знаю почву в Д[армштадте], хотелось бы, что бы ты нашел что-нибудь получше или такую почву, которую ты мог бы обрабатывать первым, и я бы стал...

80 (219). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 21 мая 1813 г.

Я дал поручение книгопродавцу переслать Вам, любезнейший друг, экземпляр 2-й части моей «Логики» (2-й раздел I тома). Долгая задержка моего ответа объясняется этой работой. Это для меня хорошая отговорка. На самом же деле книга была отпечатана уже в декабре...

Задержанное жалованье за два года мы наконец получили. Это был уже съеденный хлеб, ибо столько же мне, конечно, пришлось занимать в долг. Немало

сил пришлось затратить, чтобы выколотить эти деньги. Но и в помощь нам была немалая сила — приближались несколько сот тысяч казаков, башкир, прусских патриотов¹ и т. д., и дело пошло. Самое лучшее во всем этом, что мы получили эти деньги без казаков, башкир и прочих превосходных освободителей. Три года назад не было еще нужды в подобной затрате энергии. Тогда было достаточно сотни австрийских ополченцев, чтобы мы получили все задержанное. Нам живется неплохо только тогда, когда враг близок.

Тесть мой болен с начала декабря. Теперь он ослаб настолько, что всякие надежды оставлены, сознание его почти уже бессвязно. Можете представить, как тяжело приходится моей теще и жене в ее положении. У него еще нет состояния отчасти потому, что отец его еще жив, отчасти потому, что основные доходы приходятся на семейный фонд и лично на него, так что они отпадают вместе с ним.

Иена и на этот раз, как видно, много выстрадала.

Прощайте.
Ваш Гегель

81 (225). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 23 дек[абря] 1813 г.

[...] Я был бы склонен считать, что освобождение должно было бы освободить от тягот прежней системы; но лучшие времена настанут только потом. То же положительное, что уже произошло, слишком далеко от круга моих интересов, например то, что прежде свободная республика Голландия получила теперь *prince souverain* [князя-государя] вместо *roi* [короля]¹.

Я думаю только о себе, и, если мы получим и *добьемся* того, чего нам хочется *добиться*, я буду рассматривать это как сверх меры богатые плоды угнетения, от которого мы избавились, тем больше, если здешний пирог засияет былым великолепием. Невзирая на благородный плод новой свободы — право заполнять газеты, равно как письма и сообщения до отказа одной только ложью, одно точно: господин фон Гюндероде,

нынешний «шеф» (и прежний «шёф») [Schöff — заседатель]) во Франкфурте, написал кому-то поблизости, что он за 8 дней виделся и разговаривал с 3 императорами и многими королями и князьями: подобно Франкфурту (чем теперь положено начало); Гамбургу и т. д. теперь получают особую конституцию Лейпциг, Нюрнберг, Аугсбург, при этом с особыми привилегиями и гарантиями для англичан.

В таких обстоятельствах я присоединился к решению магистрата, здраво обдумавшего всю серьезность нынешних событий, — именно подождать еще 8 дней, а затем пустить все своим чередом. Пока же воспоследуют несколько — в прежнем и неизменном виде сохранившихся в течение всех революций — нюрнбергских пряников, в полную параллель к каковым смею ставить Вашу дружбу.

Прощайте.
Ваш Гегель

82 (227). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 6 января 1814 г.

[...] Не могу не отметить, что у меня последнее время бывают весьма причудливые видения. Поскольку я только что встал после такого сна, то он не дает мне ни о чем толком подумать; придется рассказать вам этот сон, чтобы отделаться от него. Мне представилось, совсем как в жизни, что я нахожусь в большом обществе на диспуте, где два физиолога (мне кажется теперь, что весь сон оттого, что один медик принес мне Ваше письмо) выступали друг против друга, обсуждая преимущества обезьян или свиней. Один объявил себя сторонником филантропизма, рядом с собой имел велеречивого и могучего телом патрона по имени Пиппель и высказал известный физиологический тезис о том, что из всех животных у свиней наибольшее сходство с людьми со стороны органов пищеварения и прочих внутренностей. Другой провозгласил себя сторонником гуманизма, всячески принижал сходство со стороны органов пищеварения и, напротив того, возвышал обезьян ввиду их ужимок, человеческого обли-

ка, манер, способности к подражанию и т. д. Патрон Пиппель все хотел пустить в ход и совсем другие вещи, даже юридические — о правах человека, конституции и т. п. Но председательствующий, который на сем торжественном акте как бы играл роль судьбы, на все такое смотрел как на *emballage* [пустую оболочку] и отклонение, не давал по-настоящему говорить о них и все время держался того, что речь идет исключительно о преимуществе обоих названных видов. Один свержумник, сидевший в углу и больше бормотавший себе под нос, спросил председательствующего и тут, как мне показалось, попал в точку: не хочет ли он сказать так, что когда этого самого Пиппеля затронут и он загорится — он готов, как известно, постоять своими штанами и камзолом, — что аристократы этим воспользуются и Пиппелю при этом достанется роль шута, что да и совершится, черт возьми, ныне и присно. Всем им перебежал тут дорогу историк Цшопке¹ с воплем, что бернцам все же ответили из Цюриха, по крайней мере на словах, но что имеется еще много других соображений — и часть их еще выйдет в скором времени наружу, — на которые пока нет ответа; испанская инквизиция, португальская, монахи и бесконечно много всего испанского и португальского поднимет оружие в его защиту и т. п. Тут я проснулся, и тяжело было мне при мысли, что пора идти в аудиторию читать свой курс права [...].

83 (229). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, на пасху
[10 апреля] 1814 г.

[...] Развязка еще не наступила. Вчера опять пришла весть о победе 25 числа, что и должно быть развязкой. Но так часто лгали о победе, притом о все более блистательной, чем хуже шли дела, что еще нельзя сказать, не имеет ли эта победа то значение, что союзники только что избегли своей гибели¹.

Наше правительство воспользовалось теперь своей обретенной свободой и явило всему миру и своим под-

данным свою оскорбленную французским игом суверенность. Французский император не терпел, чтобы у небольших держав был свой фельдмаршал (даже «свой» голландский король вынужден был отказаться от такового). Но теперь после такого полного переворота в ходе вещей, после таких блистательных побед, тяжелых испытаний и пролитой крови у нас есть фельдмаршал². Спокойно подождем, будут ли еще какие последствия освобождения и плоды тягостей [...].

84 (230). ГЕГЕЛЬ — ПАУЛЮСУ

Нюрнберг, 18 апр[еля] 1814 г.

[...] Что скажете Вы о великом Наполеоне, я не стану спрашивать; можно было бы многое другое спросить о нашем долженствующем свершиться освобождении¹.

Но что Вы скажете, если мне придется довести до конца труд, столь достойно начатый здесь Вами — организацию народного образования? Кто бы мог надеяться на это или мечтать об этом? Разумеется, добрые жители Нюрнберга освобождение рассматривают и как освобождение от подобных школьных повинностей. Незаслуженно и, как надеюсь, ненадолго я шесть месяцев назад получил в свои руки реферирование здешних школьных и учебных дел — в дополнение к ректорству [...]

85 (233). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 29 апр[еля] 1814 г.

Не будет неожиданностью для Вас, дорогой друг, что сообщение Ваше о грозящей опасности не оставило меня равнодушным и что жена моя испытала действительный страх. Нам было бы тяжело лишиться тех 300 гульденов, которыми мы обязаны Вам и которые столь благотворны для нас как дополнение, все завершающее до целого (подобно тому как в каком-нибудь своде больше всего ценят его ключ, — камень не более нужный, чем прочие, — потому что все остальное он обращает в целое)...

[...] Я уже заметил, что публика надеется, а плебе уверен, что город снова станет имперским вольным. Они все надеются на возвращение старого доброго времени; тогда, как выразился один, снова можно будет давать оплеуху за 16 грошей (такова была такса при прежнем правительстве) и получать ее (думает другой). Полицейский комиссар (ибо господин директор полиции слишком важное лицо, чтобы заниматься школьными делами) несколько дней назад ответил Вольфу и Бюхнеру (которые подгоняют себя и его, когда я подгоняю их), что через три недели мы все равно уже не будем подчиняться Баварии, так что пусть они подождут с делами. И на самом деле, отчеты о местной школьной комиссии, порученные им еще в декабре, до сих пор не поступали, а у меня была надежда, что школы для бедных откроются в марте!! Если есть какая-то правда в этих слухах (что мне кажется маловероятным), то из глубины души я воскликну: *trahe me post te, trahe me post te!* [сначала ты, затем я!]. Правда, *rector gymnasii* и учителя и тогда будут нужны, но нам снизят наполовину жалованье, а во всем остальном утешат обедами и грошами, которые будут всовывать нам в руку. Если бы мы стали получать втрое больше, чем наш нынешний оклад, благодаря угодливости и благодушию, как духовенство, то такие *revenue* [доходы] были бы для нас менее завидны, чем меньший заработок, но независимый и получаемый без всяких ухищрений. *Trahe me post te* — так буду я восклицать снова и снова.

Великие дела свершились вокруг нас. Чудовищная драма — видеть, как гибнет небывалый гений. Это самое *tragicotaton* [трагическое], что только бывает. Вся масса посредственности своей абсолютной свинцовой тяжестью давит тупо и неумолимо, пока все высокое не окажется на одном уровне с этой массой или ниже ее. И поворотный момент целого, причина могущества этой массы, в силу которой она, как хор, остается на сцене последней, на поверхности, в том, что великая индивидуальность сама должна предоставить ей право на это, обречь себя на гибель.

Весь этот поворот в событиях я, между прочим, предсказал, чем могу гордиться. В моем сочинении (завершенном в ночь битвы при Иене) я пишу на стр. 547: «Абсолютная свобода (она описана раньше; это чисто абстрактная, формальная свобода французской республики, вышедшая, как я показал, из Просвещения) выходит из своей саморазрушительной действительности в *иную землю* (я разумел при этом одну *страну*) сознающего себя духа, где она, при такой своей недействительности, считается самой истиной, мыслью о чем утешает себя дух, коль скоро он *является и остается мыслью*, и это бытие, заключенное внутри самосознания, сознает как совершенное и полное существо. Наличествует новый облик *морального духа*».

Из тех благодатных потоков, которые должны следовать за великими событиями, как ливень за грозой, уже течет для нас из кофейника крепкий и вкусный коричневый ручеек кофе, поскольку мы не обязаны уже тянуть суррогатное пойло и на референтские доходы можем приобретать себе настоящий яванский кофе, пусть бог и добрые друзья подольше сохраняют его для нас...

...Хотелось бы, чтобы возможным выходом из похмелья в великих и малых делах современности был бы для меня Эрланген.

Ваш Г.

86 (235). ГЕГЕЛЬ — ПАУЛЮСУ

Нюрнберг, 30 июля 1814 г.

[...] Уже ряд лет сенат в Эрлангене предлагает меня на тамошнее профессорское место¹. В настоящих условиях мы смеем, правда, надеяться, что многие планы, до сих пор отодвигавшиеся, получают свое завершение. Но эта надежда отчасти еще колеблется, отчасти же она вынуждена будет уступить другой перспективе, если таковая откроется передо мной. Вновь быть вместе с Вами — пока только желание. Но в Берлине еще не занято место Фихте. Судя по официальным га-

зетам, этот университет будет сохранен, что раньше считалось неопределенным ввиду восстановления университета в Галле. Не будете ли Вы так добры, если представится случай, узнать что-нибудь о намерениях, связанных с этим местом и упомянуть обо мне? Вы знаете, что я слишком много занимался не только древней литературой, но и математикой, в последнее время высшим анализом, дифференциальным исчислением, физикой, естественной историей, химией, чтобы увлечься натурфилософскими бреднями — философией без знаний и воображения, когда всякое пустое наитие, даже абсурдное, считается мыслью. Хотя бы чисто негативно это могло бы послужить мне рекомендацией [...].

87 (241). ГЕГЕЛЬ — ПАУЛЮСУ

Нюрнберг, 9 окт[ября] 1814 г.

Не могу больше откладывать ответ на Ваше письмо от 16 августа. Ваше дружеское расположение, мой дорогой советчик и руководитель, указало мне несколько нитей, с помощью которых можно было бы вновь приняться за дело, ради которого я и на этот раз прибег к Вашему участию. Если я не спешил идти прямым и широким путем, а для других, менее прямых, слишком находился, как казалось мне, на периферии, это отсюда все-таки вышло указание на нечто аналогичное, что теперь надлежит предоставить воле господней.

Насколько плохо поставлена у Вас философия, а именно, что она *хромает* на обе ноги, я с изумлением и огорчением узнал из Вашего письма. Только половина официального учебного плана преподавателя относится к философии, другая — к физике! О первой половине мне нечего добавить к тому, что я весьма подробно описал в часто цитируемом примечании на стр. XVII¹. Только с точки зрения субъективной я хотел бы, если этого еще не произошло, упомянуть, что представление черновика этого примечания даст возможность сопоставить его с корректурой и выяснить, каким он был, что не может не снискать мне заслугу ввиду усилившейся осмотрительности и умеренности.

Но я скорее стану придерживаться предчувствий и пожеланий моей жены, чем терпимого изложения этого при всех его заслугах незаслуженно терпимого примечания. Известно, что в отличие от нашего эксплицитного рассудка бог заранее даровал женам рассудок более глубокий и более имплицитный, ясновидение предчувствий, снов и т. д. Это было известно издавна, но вот теперь приходит философия и доказывает нам, что вера и предчувствия и есть настоящая философия и само истинное значение². А посему с полной готовностью ассирio [принимаю] изъявленное женой омен [предзнаменование] нашей констелляции в Иене, Бамберге, Нюрнберге, относящееся к прекраснейшему и наилучшему схождению наших путей в южном Эльдorado на берегах Некара³. Будет ли одно примечание непреодолимым препятствием? Недавно мы видели, как рухнула вера в неодолимое, а конгрессы разрушат ее еще больше? Разве физике не нужен весь ее фризový редингот⁴, чтобы прикрыть наготу свою, а для философии не нужен особый сюртук, чтобы греть свое тело в эти холодные времена? Вопросы, справедливое решение каковых я передаю в руки дружбы, с одной стороны, с другой же стороны — великого конгресса! Кажется, проявляются все больше виды на Рейнпфальц?⁵ Что, если для начала мы снова сделаемся земляками? Как на этот раз повел себя ночной колпак у Вас на голове? Не снова ли...

От этого великого конгресса весь мир, стало быть и я тоже, ждет очень многого. Еще большего я бы ждал, будь тот человек, который рассортировал в «Ежегодниках» бумажный предконгресс⁶, одним и тем же лицом, puissance [властью] или чем-то подобным, что направит на путь истинный и венский постконгресс⁷. Из названных «Ежегодников» я, между прочим, узнал, что на том первом [конгрессе] среди всех полномочных и полумочных владетелей вещал и сам господь бог, разверзший уста свои, и притом о наиважнейших вещах, именно о платье — чуть было не сказал немецких дам и мамзелей, то есть, точнее, немецких жен и девиц. Как некогда он снизошел до своего любимого народа, чтобы сказать ему, где нужно вшивать шелк желтый,

а где коричневый, так же возлюбил теперь он и нас. Бог даст, мы не будем таким упрямым народом, как тот, его избранный, чтобы в наказание за неблагодарность к подобным благодеяниям нам не пришлось носиться со столькими вшами или даже быть рассеянными на все четыре стороны из обетованной страны немечества. В скором времени выйдет того же высокого автора дальнейшее изъяснение слов Второзакония или Чисел: «И яму вам рыть надлежит снаружи» и т. д. под заглавием: «Искусство домостроения в целом, или же Отхожее место, каким оно должно быть».

О дальнейшем ходе конгресса некоторые утверждают, будто бумажный предконгресс будет скоро объявлен закрытым и все опоздавшие и лающие вдогонку будут использоваться как крепостные инвалиды или в тому подобных местах. Что касается Венского конгресса, то уверяют по слухам, помимо всего политического, что нас не касается, о существовании одной интересной художественно-литературной идеи, именно о воздвижении великого памятного национального столпа вкупе со всеобъемлющим национальным архивом для хранения старонемецких памятников и отечественных древностей всяческого рода, как-то: «Песнь о нибелунгах», имперские сокровища, башмаки короля Рогера, выборные капитулы, конституционные грамоты, гравюры Альбрехта Дюрера, Norica и т. п.⁶ Все это должно быть сооружено в тихом месте, с тем чтобы наслаждению не мешал всякий шум, издаваемый реальностью. Уже указывают, что у Кифхабера большие надежды получить там должность. Весь же конгресс будет завершен, как говорят, великим празднеством, процессией и факельным шествием, со звоном колоколов и залпами орудий *ultimarum rationum regum* [властителей последних аргументов], во время каковой процессии немецкий Пиппель будет проведен по всякому дерьму. Позади же Пиппеля в виде камердинеров и спутников его последуют домашние кошки, как-то: инквизиция, орден иезуитов и за ними все армии с маршалами и генералами при орденах и графски-княжеских титулах. Ну кошки стали ручными, зачем же они нужны? — так возражали против этого

сопровождения. Именно затем им и всунут репейник под хвост, было отвечено, чтобы возбудить в них охоту царапать Пиппеля, ежели бы ему пожелалось, учуяв запах бумажных горшков с мясом Аегурти, сделать «кру-гом!».

Но из-за шума, поднятого вокруг всего того, что должно было произойти, из-за всех этих торжеств и пустопорожней болтовни нельзя подступиться к самому себе и к главному. Поэтому я не могу уже говорить больше о верности Вашей, столь редкой среди теологов, свободному философскому разысканию вопреки всем «предчувствиям»; о перенесенных искушениях, о которых я и без того не читаю, не могу говорить даже о происшедших шесть недель назад родах моей жены, произведшей на свет сына, причем оба здоровы и на нем исполнились слова Писания: «И наречется Иммануил», и оба искренне и сердечно кланяются Вам, как и

Ваш Г.

88 (246). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 21 февр[аля] 1815 г.

Не могу противостоять искушению ознакомить Вас, высокочтимый друг, с тем или другим обстоятельством моих служебных дел (если, быть может, что-нибудь дойдет до Вас и покажется странным), чтобы Вы могли в случае необходимости сделать что-либо, помочь мне или способствовать тому, чтобы я в чем-то мог помочь.

Бюджет здешних учебных заведений на годы 1814—15, согласно предписаниям, должен совместно вырабатываться административным и школьным советом. Он не был доведен до моего сведения и без моей подписи был отправлен в Мюнхен. Поскольку я впервые предполагал здесь оказать на него свое влияние (ибо год назад я только что, всего несколько дней, как вступил в реферативную должность, когда дело дошло до бюджета, и мало еще разбирался, в чем суть), то я, коль скоро у меня отнят бюджет, обманут в своих ожиданиях и точно так же вынужден рассматривать

этот стратегический ход как гнусный. Я передал администрации свой ректорский реферат касательно бюджета, и, быть может, это и было предлогом для того, чтобы всякое дальнейшее мое высказывание о нем считать излишним, тогда как в качестве референта я предполагал доложить о совершенно иных вещах, чем те, которые я затронул как ректор. Между тем об отзыве администрации я услышал, что его вообще невозможно предать гласности ввиду непристойных нападок на меня. С тех пор как я стал референтом, администратор не пропускает случая, чтобы доносить в комиссариат всякие жалобы, инсинуации и клевету на меня. Это грубый, неотесанный человек; один из моих нюрнбергских коллег правильнее всего охарактеризовал его как *грязного пачкуна*. Его доклад, может быть, и не ушел в Мюнхен. Но его отчет, куда я заглянул, тоже, как показалось мне, наполнен намеками и косвенными обвинениями против ректората, и по крайней мере здесь за ним осталось последнее слово. Не знаю также, в какой мере отправленный с этой стороны доклад был написан в соответствии с его мнением. Может быть, так случилось отчасти из деликатности по отношению ко мне, чтобы избавить меня от неприятностей, но скорее так случилось, чтобы вообще обойтись без неприятностей и устранить последствия, так как мне иначе пришлось бы дать ход делу, стало быть, в конечном счете для того, чтобы пощадить администратора. Этот администратор такой добрый нюрнбергский патриот, что полагает (такова его совесть), будто делает нечто полезное, когда по возможности лишает средств Кор[олевские] баварские школы и предпочитает скорее ссужать нюрнбергские средства служебной, центральной и фондовой кассе, рассматривая как грабеж все то, что получают Кор[олевские] баварские учителя...

Доклад об организации школ для бедных я передал, наконец, четыре дня назад. Тут речь шла о главном, о 19 строениях, относящихся к учебным заведениям, — администрация попросту обращает их в собственность культа. Я включил в доклад рассуждение об

этом, которое господин шеф потребовал убрать, с чем я согласился, так как он показал мне доклад от 3 числа этого месяца, где рекомендуется размежевание школьных и культовых строений...

Что же скажете Вы о моей служебной деятельности? Прошел год и даже больше — и только теперь наконец доклад о школах для бедных, даже не вообще о народных школах! Еще нет годового отчета о народном образовании, и нет об учительском семинаре! Эти два последних еще и не поступали; так поддерживают нас низшие инстанции. В этих отчетах можно будет привести, наверное, и другие хорошие примеры!..

Среди всех этих неурядиц ректор Гёсс из Ульма предложил мне меняться местами. Поскольку он не знал о моем повышении на должность референта, что явствует из его расчетов экономической стороны, он видит тут выгоду для меня. Знай он об этом моем повышении и о пожинаемых мной почестях, он бы увидел еще бóльшую выгоду для меня. И на самом деле, если бы честь требовала отказаться совсем от такой чести, то для меня не нашлось бы ничего лучшего, чем такой обмен, если бы оба правительства разрешили его. Но пока я хочу подождать окончания конгресса. О нем мы слышим теперь разговоры: *parturiunt...* [рождают... горы мышь]¹ Единственный результат, который до сих пор появился на свет, — Лаузиц с прилегающей местностью. *Deus avertat omen* [господь да отвратит этот знак], чтобы остальное не было таким же глупым. Вчера я читал в «*Moniteur*», что герцог Брауншвейгский потребовал со своих вновь собравшихся сословий некую сумму денег и, когда те отказали ему, велел арестовать их: хорошее зеркало грядущего. Ландсхут тут заставляют маршировать раком — задом-наперед в Ингольштадт. Когда наконец эти величайшие горы закончат свой роды, тогда очередь дойдет и до Вас. Желаю счастья! Пока же цветет *partus* [рожденный] Иммануил, которого Вы крестили (однако сегодня вечером он кричит страшно) [...].

Нюрнберг, 16 авг[уста] 1815 г.

[...] Вам нужно оставлять иногда на четверть часика всю эту дрянь, иезуитов и прочее, и дать нам крупницу беседы, если мы просим об этом, как дети ¹.

Но что помимо иезуитов и «Исидоровых установлений» — бог пусть простит обманщику, сварганившему их, все причиненные им беды, — и я с моей бедной невинной «Логикой» тоже так выставлен на позор в этих «Ежегодниках», это, скажете Вы, справедливая месть ². Я же как лицо, подвергшееся оскорблению, не могу не считать все это тупым и глупым, тем более что невежество, которое лезет тут из всех щелей, таково, что его можно в назидание побить его же оружием. Дай бог, чтобы этот недостаток света светил ему до самого дома. Может быть, будет кстати: *pedes eorum, qui efferent te, jam ante januam* ³. И как широко разливается этот человек и его господа Боутервек, Шульце и К°! Если такое делается на засохшем дереве, что же будет на зеленом? ⁴ [...]

90 (251). ФОН ТАДЕН — ГЕГЕЛЮ

Синдрушхофф близ Фленсбурга, 27 авг[уста] 1815 г.

Прежде всего дружеские и сердечные приветы.

Ваша «Логика» — это книга из книг, совершенный шедевр человеческого духа, и, однако, она, как кажется, мало распространена и не оценена по достоинству ни одним писателем. Три известные рецензии ¹ отчасти простоваты, отчасти же низки, а поскольку и Виндишмани, этот высокообразованный человек, сам судил себя судом господним ², то и «*Jenaer Zeitung*» не явит на свет ничего сколько-нибудь ценного. Ближайшим следствием всего этого будет то, что книгу узнают и поймут лишь тогда, когда дети наши будут в нашем возрасте.

Меж тем люди умные и дураки, великие и сильные идут своей свободной дорогой. Все подобное безобразие было бы, однако, существенно ограничено, если бы Ваше учение получило еще большее распространение. Пока же дело обстоит так, как теперь, Вам, наверное, грозит опасность, что продолжение уже не будет напечатано, поскольку издатель не сможет вернуть даже расходы на печатание.

Поэтому мне кажется полезным и необходимым, чтобы Вы выпустили практическую часть «Логики» в иной форме. Я предлагаю издавать журнал под заглавием «*Zeitschrift für die Prac-*

tische Philosophie» и в нем продолжать так, как было начато. В каждом номере будет глава, и когда практическая часть «Логики» вся выйдет, то целое надо будет снабдить титульным листом. Так же точно, если дух времени не исправится, нужно будет поступать и с двумя реальными науками философии [...].

91 (255). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 23 ноября 1815 г.

Дорогой друг!

Прибытие Юлиуса в здешние края и соседство его, раз большее невозможно, сердечно порадовало нас... Наиновейшая мюнхенская организация почти уже слишком стара, чтобы еще что-нибудь говорить о ней. Самое существенное — это Ваша вера, что не дойдет до такого, чего уже нельзя вынести. Это довольно-таки сходится и с моим убеждением, что нельзя нам ждать чего-то такого, что заслуживало бы особой радости. Так уж получается, что бесцветная и безвкусная посредственность правит нашим миром, не допуская ничего ни слишком хорошего, ни слишком дурного. Поэтому я все же хвалю науки, раз невозможно быть министром: в науках, если делаешь свое дело, пусть получается нечто среднее, все-таки сам так сделал, тогда как во всех других случаях, может быть к несчастью и у господина министра, другие добавляют свою долю посредственного и дурного. Но во всех прочих случаях, относящихся к практической жизни, чисто положительный момент — хорошее жалование, пока, слава богу, сюда не добавляют бумажек. Поэтому инстинкт здравого человеческого рассудка прямоком идет в этом направлении и забирает в свои руки все прочие интересы дела и чести — вбирает он их и в свой ум, но не очень-то принимает к сердцу. Жалование — это такой клад, который не сожрет ни моль, ни ржавчина, не пронюхают и не расхитят дельцы.

Вы знаете все то дурное, что теоретические философы говорят об *опыте*, особенно, что им можно пользоваться для противоположных утверждений и взглядов. Один пример у меня есть в отношении наиновейшей организации. Я высказал свою уверенность в том, что

на основании неоднократно полученного опыта теперь уже известно, где и чего недостает, и что отсюда, по-видимому, уже понятно, что лучше и что хуже. Что же, Вы бы думали, вывел отсюда другой? Что опыт только доказал — организаторы не понимают ничего в организации!

[...] С нетерпением жду вторую часть сочинений моего дорогого и несравненного Якоби¹ — жду, чтобы опять вспомнить о философии и зажечься ею. Прошу передать привет оберфинанцрату Роту и его жене и такой же сердечный — Якоби и его сестрам...

Сейчас барабанный бой созывает всех в округе. Через полчаса кронпринц с супругой проедут в Ансбах [...].

92 (258). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 28 дек[абря] 1815 г.

[...] Моя жена и я сердечно благодарим Якоби за дружеский подарок, вторую часть его сочинений, ее мы получили незадолго до болезни моей жены. Я прочитал книгу на первый раз, то есть пока ради любопытства, и нашел много справедливого и нового в прекрасном «Дополнении». Это «Дополнение» на всю идею проливает новый свет, все проясняющий своим теплом. Не могу воздержаться и не пожелать любезному старцу, чтобы вся мучительность полемической стороны навсегда пропала для него и сохранилось бы только наслаждение благородством его духа и прекрасной души — ничем не замутненное и доведенное до полноты целое [...].

93 (262). ГЕГЕЛЬ — ФРОММАННУ

Нюрнберг, 14 апр[еля] 1816 г.

[...] Как кажется, у правительства в Веймаре вновь далеко идущие планы в отношении Иены. Как мне рассказывали, Гёте очень занят устройством, соединением и расширением тамошних коллекций¹. С другой стороны, я слышу, что туда приглашен Шеллинг,

который, однако, отказался. Это доказывает, что готовы были что-то сделать, поскольку ведь нельзя же пригласить его на обычный оклад профессора философии. Но ему слишком хорошо в Мюнхене, жалование значительное и дел почти никаких. Неужели не подумали обо мне после его отказа? Мой тамошний первый опыт чтения лекций оставил после себя некое предубеждение против меня, как мне приходится слышать. Правда, тогда я только начинал, еще не добился ясности и в устной речи привязан был к своей тетради. Теперь же, после почти восьмилетней практики в гимназии, где находишься в постоянной беседе со слушателями и где ясность и точность само собой становятся первой необходимостью, чтобы тебя понимали, я обрел полную свободу. Должен сказать, мысль о том, что в Иене для меня открываются какие-то перспективы, произвела на меня большое впечатление.

Я слышал, некий господин Вейссе в Наумбурге или Вейсенфельсе надеется на это место; но разве нельзя его отстранить? Что Вы более конкретно знаете обо всем деле? Гёте, по-видимому, по свойственной ему привычке не занимается этим делом.

На обычное жалование профессора философии я, правда, тоже не смог бы пойти туда. Могу я просить Вас более конкретно известить меня о всех замыслах и о том, каким путем можно было бы тут пойти? Господин фон Кнебель, может быть, тоже оказал бы помощь. Прошу Вас передать ему мой привет [...].

94 (263). ГЕГЕЛЬ — ПАУЛЮСУ

Нюрнберг, 2 мая 1816 г.

Только что мне пишут из Иены, что по буквальному выражению министра (фон Герсдорффа) Фриз ангажирован в Иену (куда несколько месяцев назад пытались переманить Шеллинга). Слишком уж удобный случай, чтобы я мог пересилить себя и не справиться у Вас, достойнейший друг, как же дела с Гейдельбергом, не испросить у Вас совета, нужно ли предпринять какие-то шаги, а главное — помощи и поддержки. Это известие имеет положительный смысл.

Вам слишком хорошо известны мои желания, чтобы нужно было что-нибудь добавлять. Пожалуй, только одно: в Иене после первых моих опытов в чтении лекций осталось в отношении меня предубеждение в том, что касается свободы и ясности изложения. И верно, тогда я был еще очень привязан к своим записям, но восьмилетняя практика преподавания в гимназии способствовала по меньшей мере обретению свободы речи, для чего, наверное, нет условий лучше, чем здесь; для ясности это столь же подходящее средство, — надеюсь, что и здесь могу положиться на себя. О других сторонах мне еще менее пристало говорить самому, и упомянутые два момента я затронул только потому, что о них легко могут вспомнить в ущерб мне. Больше всего я, вообще говоря, хотел, чтобы с моей стороны не требовалось никаких шагов. В противном случае, если без этого не обойтись, может быть, будет достаточно особого моего письма, обращенного к Вам. Но кто, кроме Вас, может дать надлежащий ход всему делу, в ком могу предполагать я более дружеское расположение к себе?

[...] Передайте, пожалуйста, мои комплименты господину проф. *Фризу* в ответ на те, которые он передал мне через Зеебека. Надеюсь, он воспримет их так же хорошо, как и я его приветствие [...].

95 (268). ГЕГЕЛЬ — ПАУЛЮСУ

3 июня 1816 г.

[...]

Мои твердые доходы здесь:

	1050 гульденов — как профес-
Как референт по	сор и ректор
учебным делам:	300 гульденов
Бесплатная	
квартира:	150 гульденов — по условиям
Из бюджета комис-	Гейдельберга, как говорят, было
сии по проверке	бы дороже
учителей:	60 гульденов
<hr/>	
1560 гульденов	

Коль скоро твердый оклад в Гейдельберге будет, по-видимому, более низким, все дело заключается в студенческой плате за лекции — непостоянное, как думаю, и, как Вы пишете, не очень щедрое поступление [...]

96 (269). ГЕГЕЛЬ — ПАУЛЮСУ

Нюрнберг, 13 июня 1816 г.

Дорогой друг!

Многочисленные блага и любовь, которыми Вы одарили меня во времена наших деловых и дружеских отношений, позволяют мне обратиться к Вам с одной мыслью, которая связана так же с приятной надеждой на возобновление нашей личной близости. Поскольку я узнал, что господин профессор Фриз покинул Гейдельберг и преподавательское место, украшением которого он до сих пор являлся, освободилось, моя никогда не ослабевавшая склонность к академической карьере, которую я начал в Иене, побуждает меня просить Вас известить меня обо всех обстоятельствах, касающихся этого места. Господин Фриз объединял в своем лице кафедры философии и физики; последней я довольно многосторонне занимался и охотно снова включил бы натурфилософию в свои философские лекции; но для того, чтобы читать лекции по экспериментальной физике, я еще не достаточно набил руку. Если предполагают упразднить существующее до сих пор необычное соединение обоих преподавательских мест и отделить их друг от друга, то смею выразить Вам свое желание и готовность вернуться к академическому преподаванию той науки, которой я посвящал по сей день свою жизнь, что нигде не было бы для меня так приятно, как в Гейдельберге. Вокруг нас, как говорят, кое-что делается в области обучения. Функции советника школы, которые я выполняю наряду со своими обычными обязанностями, открывают передо мной перспективы для дальнейшего продвижения на этом поприще. Я не имею в виду, однако, при возвращении в университет увеличе-

ния моего содержания и был бы доволен, если бы сохранил то, которое имею в настоящее время.

Надеюсь, Ваше старое дружеское расположение побудит Вас извинить мне то, что я докучаю Вам своими мыслями и соображениями, предвижу приятные известия от Вас и Вашей семьи и остаюсь полный глубокого уважения

Ваш
преданнейший друг
Гегель.

97 (271). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Нюрнберг, 5 июля 1816 г.

...Так много всего, что глубоко заинтересовало меня и побуждает к более пространному излиянию. Но слишком много материала, чтобы я мог на сей раз основательнее заняться всем этим, и все слишком важное, чтобы отделяться немногими словами. А потому оставляю все это на другой раз. Всемирные события и надежды, равно как и то, что происходит в более узком кругу, все это склоняет меня к общим размышлениям, которые отодвигают на задний план частные происшествия, как бы ни занимали они мои чувства. Я считаю, что мировой дух скомандовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевая и сметая на своем пути. Бесчисленные легко вооруженные отряды бьются где-то на флангах, выступая за и против, большая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и только получает удары по голове как бы незримой дланью. И ничто не поможет им: ни пускание пыли в глаза, ни хитроумные выходы и выкрутасы. Можно достать до ремней на башмаках этого колосса, немного замарать их дегтем или грязью, но не развязать их, тем более стащить с него сандалии бога

с подвижными, согласно Фоссу (см. «Мифологические письма» и др.), подошвами, или семимильные сапоги, которые тот наденет. И внутренне, и внешне самая безопасная роль — это, наверное, не упускать из виду идущего вперед; тогда можно даже стоять на месте и во утешение всей многотрудной и ревностной честной компании помогать мазать дегтем — чтобы удержать исподина — для забавы души своей даже способствовать такому серьезному занятию.

Реакцию, о которой все так много говорят теперь, я ожидал¹. Она настаивает на своих правах. *La vérité en la geroussant, on l'embrasse*² — это глубокомысленный девиз Якоби. Реакция еще далеко отстает от сопротивления, ибо она сама уже целиком находится внутри той сферы, к которой второе, сопротивление, относится еще как нечто внешнее. Желания реакции главным образом сводятся, хотя она и полагает как раз обратное, к тщеславному интересу, к тому, чтобы запечатлеть свой облик на всем происшедшем, на всем, к чему, как ей думается, она питает величайшую ненависть, чтобы затем на печати этой можно было прочесть: это сделали мы. Суть остается все той же, пара цветочков, ленточек и т. п. так же мало прибавляют, как действительный вред, который при этом вносится; ведь и вред этот, если бы он находился даже в иной пропорции к массе по сравнению с тем, что возможно для него, преходящ. Самая чудовищная реакция, которую мы только видели, реакция против Бонапарта, так ли уж много переменяла она в самом существе, в добре и зле, особенно если пройти мимо ужимок и крошечных успехов муравьиных, клопных и блошиных личностей? И всех этих клопных личностей можно допускать до себя лишь для шуток, сарказмов и злорадства, для чего их и определил господь бог, и никак иначе. Все, что мы можем сделать при таких добрых намерениях его, — это даже и в беде способствовать их совершенствованию.

Но пока достаточно...

Ваш Г.

Нюрнберг, 12 июля 1816 г.

Я еще не ответил Вам, любезнейший друг, на значительнейшую часть Ваших сообщений. В своем последнем письме я хотел рассмотреть только самые общие соображения, которые могут тут возникнуть, а все остальное, что мне, собственно говоря, ближе к сердцу, оставить до удобного случая. Это остальное касается Вас и действий против Вас. Мне не приходится говорить, как болезненно перенес я те обиды, которые нанесли Вам. И самое неприятное во всем, что против подобных вещей не видно правовой поддержки ни с точки зрения самого дела, ни с точки зрения личности. А народец, с которым Вы здесь столкнулись, поскольку не может защитить свое дело на путях права и разума, не случайно прибегает к насилию властей и здесь ищет помощи для себя...¹

Я не могу взять в толк, как вообще *содержание* Вашей прежней докладной записки министерству может быть оставлено без рассмотрения. Если в наших гимназиях, где нет соответствующего лица, упразднить два старших класса, то нужен какой-то суррогат. Приехавший сюда недавно из другого города студент привез слух, что в Нюрнберге будет учрежден лицей. Пока что существующие лицеи излишни, что доказывают они сами ввиду малого числа слушателей, и Вы давно могли бы отменить их. Но если их сохранять, то правильным следствием будет упразднение двух старших гимназических классов. Тогда речь будет идти просто о названии — называть ли два последних класса гимназическими или лицейскими. Но как же все-таки это делается у нас? Какие силы тут действуют? Есть ли что в этом слухе? Или учащиеся наших гимназий должны переходить в существующие теперь лицеи, чтобы получить подготовку за два последних года, прежде чем поступить в университет, или же они прямо со средней степени должны идти в университет? Вот три возможных случая. О котором из них думают? Или вообще не думают о нас? Все три вызовут всеобщий шум о вечном изменении учреждений — главный источник

неудовольствий. Последний вариант таков, что не лезет ни в какие ворота. Второй очень возмутит и, несомненно, вызовет протесты. Первый еще и потому маловероятен, что не запрашивались никакие доклады о фондах, площади и пр.; или же все это должно рассматриваться как нечто всеобщее и расходы погашаться из школьной дотации? Последнее едва ли возможно, с моей точки зрения.

Слишком раннее поступление в прогимназию — это тоже не лезет ни в какие ворота. Возраст и без того не есть положительный масштаб. Важны знания, и такие вещи на практике *должны* сами собой соразмеряться и уравниваться с самой *природой дела*. Возможны тут только два варианта: один — что тщеславие удовлетворится, что-то переделав, тем именно, что эти делатели *сами* сделали, тогда как прежде их тщеславие пребывало в угнетении; а дело при этом устроится независимо от них, то есть в рамках прежнего. Но другим вариантом может быть хаос, в котором очутятся эти деятели с самими собой и с делом. Чем больше беспорядок, тем большее удовлетворение и, так сказать, можно испытывать чувство злорадства. Тут в игру входит нечто такое, о чем я упомянул недавно, говоря о реакциях: эти замечательные лица, выпущенные из своего пленения, являются с чудовищным шумом, с таким мнением, будто теперь все должно стать иначе. Когда же они берутся за дела, все у них постепенно ускользает из рук и, если не считать тщеславия, которое всюду приклеивает свою вывеску, дело сохраняется только благодаря силе инерции. Если Вы видели мой доклад об отделении начальных школ, то Вы, по-видимому, заметили, что я воспользовался этим отдаленным поводом, чтобы говорить о духе, которым проникнуто устройство наших гимназий². Обычно возражают против того, что так много времени уходит на латынь. Тут имеется различие между католиками и протестантами. У нас нет непосвященных; протестантизм не доверен иерархической организации церкви, но заключен единственно во всеобщем уразумении и образованности. Этой точкой зрения я хотел бы дополнить другую — о необходимости более высокой духовной культуры протес-

стантских священников; дополнение это кажется мне даже самым существенным. Воспользуюсь удобным случаем, чтобы где-нибудь изложить и развить его. Наши университеты и школы — вот наша церковь. А не священники и богослужение, как в католической церкви. Однако этого вполне пока довольно.

Вы спрашиваете о моей «Логике» — на днях рукопись последнего листа отправится в типографию. У Вас и у Якоби сразу же будет свой экземпляр [...].

99 (286). ГЕГЕЛЬ — ДАУБУ

[Чужим почерком: около 24 августа]

[...] Что касается моих лекций¹, то, поскольку Вы считаете нежелательным на ближайшее полугодие чтение логики и естественного права, я буду читать энциклопедию философских наук и историю философии. Думаю, что с энциклопедии наиболее удобно начать мои лекции, поскольку здесь можно дать общий обзор философии и обрисовать те особые дисциплины, отдельные курсы которых я намечаю объявить в дальнейшем. Более подробно я буду распространяться о натурфилософии как *части* целого и не буду уже читать о ней особого курса. Третьего курса, учения о духе, обычно именуемого психологией, и для публики, и для меня будет слишком много для начала. С энциклопедией будет целесообразно сочетать собеседование.

[...]

Мне пришлось заставить себя не посвящать все это ответное письмо исключительно выражению благодарности, которую я чувствую, видя интерес, проявляемый Вами к моему делу, и сочувствие Ваше к состоянию философии в Германии и в наших университетах. Столь же поощряет меня доброта, с которой Вы смотрите на мои прежние работы, еще большего ожидая от моей деятельности в университете. И на деле ни в какой науке человек не одинок так, как в философии; и я искренне стремлюсь к живому кругу деятельности. Могу сказать, что это величайшее желание всей моей жизни. И я слишком хорошо чувствую, как неблаго-

приятен был для моих прежних работ недостаток живого обмена мыслями.

Ну а как обстоит дело с теологией? Разве не такое же или еще более резкое противоречие между Вашим глубоким философским взглядом на теологию и тем, что часто считается таковой? Мои труды дадут мне еще и то удовлетворение, что я смогу рассматривать их как пропедевтику для Вашей науки.

Надеюсь, что мой в любом случае официальный ответ не встретит трудностей. Я не знаю только одной формальности: могут ли мои курсы быть объявлены раньше, чем я получу отставку от своего правительства? С безграничным уважением и любовью целиком Ваш

Г.

[...]

*100 (297). ГЕГЕЛЬ — НЮРНБЕРГСКОМУ
ГОРОДСКОМУ КОМИССАРИАТУ*

Нюрнберг, 7 сентября 1816 г.

Королевский комиссариат города Нюрнберга!

Верноподданнейшее объяснение
профессора Гегеля, касательно
его приглашения в Гейдельберг.

В соответствии с полученным 6 числа сего месяца милостивейшим указанием дать письменное объяснение относительно того, предпочту ли я место профессора филологии в Эрлангене, каковым Его королевское величество благосклоннейше соизволили назначить меня 25 числа прошлого месяца, ныне полученному приглашению в Гейдельберг, осмелюсь сначала нижайше заметить, со сколь глубоким почтением я отношусь к величайшей милости Его королевского величества. Позволю себе, однако, указать на то, что лишь глубочайшее желание сменить гимназическое преподавание подготовительных философских дисциплин на преподавание философии в университете могло сделать желательным для меня философскую должность в Эрлангене и склонить меня к тому, чтобы объявить о своей готовности читать наряду с преподаванием науки, со-

ставляющей мою профессию, также и филологические курсы до тех пор, пока Его королевское величество не заместят филологическую профессию, тогда как я, приняв философскую или филологическую должность в Эрлангене, буду вынужден, с одной стороны, потерпеть уменьшение денежного содержания по сравнению с моим здешним положением, с другой же стороны, взяв на себя чтение филологических дисциплин, возложить на себя труд изучения заново и разработки другого предмета по сравнению с тем, который является моей профессией. Ввиду открытой передо мной правительством Великого герцога Баденского¹ перспективы получения места в университете, где мне предоставляется значительное, при отсутствии у меня собственного состояния вдвойне желательное умножение содержания по сравнению с определенным мне ранее и где, кроме того, на меня будет возложена обязанность разрабатывать лишь предмет моих профессиональных занятий, я не мог поступить иначе нежели изъявив готовность принять такое предложение.

В силу сделанного мной в этой связи заявления я был вынужден ответить на полученное мной 24 числа прошлого месяца благосклонное письмо Королевского Прусского министерства внутренних дел от 15 числа того же месяца касательно моего приглашения на видное место профессора философии в знаменитый Берлинский университет, что я дал твердое слово правительству Великого герцога Баденского и потому уже не волен в своих действиях. По той же причине, поскольку меня связывают нижайше изложенные обстоятельства, я, как это ни огорчительно, не могу равным образом соответствовать всемилостивейшему намерению перевода моего в Эрланген и, до конца дней своих ценя прежние и новые милости и щедроты, оказанные мне на службе у Его величества короля, и будучи навеки исполнен благодарных чувств, позволю себе верноподданнейше просить Королевский комиссариат положить к ногам Его королевского величества вместе с собственным ходатайством как эти мои почтительнейшие чувства благодарности, так и всеверноподданнейше связанное с таковыми возобновление моего прошения

об отставке, продиктованного как перспективой посвятить себя в будущем исключительно своей профессии, так и существенным улучшением моего экономического положения, равно как вступлением моим в новую должность.

Остаюсь с глубочайшим почтением

верноподданнейший
Королевского комиссариата
Георг Вильгельм Фридрих Гегель,
бывший ректор и профессор
Королевской гимназии.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГ, 1816—1818

101 (312). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Гейдельберг, 29. 10. 1816.

...Вчера начал свои лекции, но, правда, с числом слушателей дело обстоит не так блестяще, как я это представлял и рисовал себе¹. Встретив не то, что я ожидал, я был если не обескуражен и растерян, то все же удивлен. На *одном* курсе у меня всего 4 слушателя. Паулюс меня утешил, однако, сказав, что он тоже читал и для четырех, и для пяти... В первом полугодии при своем первом появлении нужно довольствоваться этим, если вообще есть возможность читать. Студенты сначала должны привыкнуть...

102 (318). ГЕГЕЛЬ — ДЕДЕРЛЕЙНУ

Гейдельберг, 29 апр[еля] 1817 г.

[...] Меня весьма радует, что Вы по-прежнему занимаетесь Фукидидом и подтверждаете мою высокую оценку Перикла; особенно радует меня то, что Ваши занятия направлены на великое, созданное великими древними народами. Филология теперь так запуталась в паутине учености и трудоемкой и неживой старательности, так прочно засела в приемах и внешних средствах и их измысливании, что для несчастного, попавшего в ее тенета, суть дела все больше ускользает из виду; наука эта вскоре дойдет до той ступени ценности, на которой стоит и такая благородная дисциплина, как геральдика. Поскольку Вы общаетесь с живым юношеством, у Вас есть дополнительное внешнее побуждение к тому, чтобы оставаться в пределах жизненного и по крайней мере отводить ему место

наряду с толкованием слов, грамматикой, лексикой, критикой и т. д. и т. п., и это для юношества всегда будет самым любезным.

Перикл — это фигура столь весомая, столь богатая духом и всем, что Вы подобные занятия низвели до уровня дела важного, но второстепенного. Противоположные же мнения, что он, как и всякий великий человек, был результатом своего времени и, наоборот, что он есть некое личное начало для себя, вероятно, разрешаются, если различать личность и обособленность, причем личность нельзя смешивать с обособленностью, поскольку первая будет тем более великой, чем свободнее она от всякого частного обособления и чем более сумеет выразить, понять и развить подлинную сущность своей эпохи.

Платон, от которого Вы ждете ключа ко всему, несомненно, даст его Вам; но также важен и Аристотель, которым мало занимаются, но «Политику» которого все же более справедливо оценили.

Уж если Вы так погружены в Фукидида и Афины, то я основываю на этом свое предложение, чтобы Вы, поскольку среди отделов¹ моей редакции «*Heidelberger Jahrbücher*» есть еще и филологический отдел, взяли на себя труд оценить для таковых *observations critiques in Thucydidem* Поппо² — насколько я знаю, предварение нового издания Фукидида [...]

103 (321). ГЕТЕ — ГЕГЕЛЮ

Ваше благородие,

столь желательные, сколь и решительные высказывания Ваши в пользу древнейшего и лишь новоизложенного мной учения о цвете¹ вдвойне и втройне вызывают мою искреннейшую благодарность, ибо решение мое вновь высказаться об этих предметах всюду ищет для себя друзей и сочувствующих. Прилагаю часть выпуска, который вскоре выйдет целиком². Вскоре последует целое, всячески рекомендуя себя Вам.

Удовольствия и поучения для себя жду от Вашего труда, который в самое ближайшее время будет в моих руках.

С особенным уважением

покорнейше
Гёте.

Иена, 8 июля 1817 г.

Гейдельберг, 20 июля 1817 г.

Ваше Превосходительство

уже чрезвычайно обрадовали меня своим одобрением и поручением г-ну Буассере выразить мне таковое — моих слов, не высказать которые я не мог, о слепом поведении школы при том свете, который Вы зажгли для духа, после того как природа зажгла его для чувства. Теперь Ваше Превосходительство еще добавляют к этому нечто большее и столь добры, что не просто сообщают мне об этом, но и необычайно радуют меня совершенно новым подарком¹. После того как я, как, впрочем, и все, только еще не толпа, уже был обязан Вам правильным пониманием природы света и широкого многообразия его явлений, я, признаюсь, был прямо поражен разрешением новой загадки, которая в течение ряда лет в столь многих обликах носилась пред моим взором во все более простом и во все более сложно-составленном виде, все удаляясь от истока, какой можно было получить; я тщетно пытался почерпнуть надежду на решение — удаление от истока может лишь усилить жажду, но не утолить ее.

Ваше Превосходительство желают называть свой метод наблюдения природных явлений *наивным*; смею идти на уступки своему факультету настолько, чтобы распознать в таком методе *абстракцию* и изумиться тому, как Вы, твердо придерживаясь простой исходной истины, исследовали только условия в том виде, как они складываются в этом новооткрытом своем хитросплетении, и вскоре обнаружили их и очень просто вычленили их из целого.

В первых открытых Малю явлениях исчезновения и возникновения света в зависимости от разного положения зеркал по отношению друг к другу я, как и все, не мог противиться тому, чтобы именно в положении зеркал *видеть* причину ослабления или исчезновения света². Но это простое и видимое глазами соотношение только Ваше Превосходительство обратили в суть дела, а тем самым возвысили до мысли и прочно установили. Благодаря этому Вы сразу же получили различие

светлого и темного, а тем самым требуемое и для всего остального, где такое различие появляется ввиду различия того, что происходит на плоскости отражения и за ее пределами, и получили столь простым способом, что удовлетворительность такого решения должна быть сразу же очевидной для всякого непредвзятого наблюдателя, точно так же как объяснение это по сравнению с многообразными, отчасти теоретическими затеями вроде поляризации, четырехугольности лучей и т. д. и т. п., отчасти же экспериментаторскими, не только, как и следовало бы желать, не огорчительно, но, хочется сказать даже, веселит.

Первая статья, помещенная на благосклонно присланном листе, так объясняет *характер отражений* столь интересного двойного феномена шпата и происходящих при этом цветовых явлений³, что это равным образом помогает нам преодолеть боязливость перед лицом все новых и новых цветовых призраков, как боязливость ученика, забывшего слово мастера, при виде потока духов, которого он уже не может одолеть.

После данного объяснения этого феномена Вы упоминаете на стр. 24, что феномен известкового шпата можно разобрать и механически. Когда-то произведенное Малю, так сказать, ромбоидальное противопоставление зеркал (когда они образуют крест) давало мне робкую надежду, что оно будет способствовать *отраженному наружу* изображению этого феномена. Сточки зрения философской я спокойно могу остановиться на той мысли, что феномен преломления, когда отражения удваиваются, своей причиной имеет ромбоидальную природу одновременно прозрачного и потому только обычным путем преломляющего свет шпата, причем то и другое качества позволяют выступить *одновременно*, что в аппарате Малю происходит как феномен зеркального отражения, но только одно за другим благодаря противоположным положениям зеркал. Ваше Превосходительство упоминают об *отражениях* в тонких нитях прекрасного экземпляра шпата, которым Вы обладаете, объясняя их, если я правильно понял Вас, как *побочные отражения*, помимо того, что оптические

явления будут относиться тогда к проходам как *существующим* расщелинам.

Думаю поэтому, что правильно понимаю Вас, относя основной удвоенный образ все еще за счет преломления; причем и здесь я останавливаюсь только на том, что в совершенно прозрачном, как вода, шпате происходит то же самое, что и в энтоптических фигурах⁴ (меня радует, что Вы сохраняете это название, которое я сочинил по образцу греческого «энтоптическое») ячеистого стекла, эту ячеистость я называю *точечностью* его природы, здесь невозможно распознать ни малейших царапин или точек (как и равным образом, например, и в густом, в узле линий и т. п.), и в физике именно потому нельзя признать пор и атомов, что их нельзя видеть (а с ними как мыслительными вещами, каковыми они и являются, справляется метафизика).

Под механическим, или *обращенным* наружу, изображением феномена преломления двойного шпата я поэтому имел бы в виду такое соединение параллельных и других, перекрестных, зеркал, при котором с помощью первых можно было бы показать в отражении так называемый ординарный образ, а с помощью вторых — *одновременно* — и экстраординарный, а при изменении угла возникло бы усиление одного и ослабление второго изображения, равно как исчезновение одного (у известкового шпата, если я верно вспоминаю, в главном разрезе).

Если отклонить сомнения в осуществимости такого механического устройства, то всегда оставался бы скачок от подобного способа преломления к способу отражения, равно как скачок от существующей механической раздельности к различию, которое заключено только во внутренней природе вещи.

Но еще более резкий скачок представляется мне сейчас, когда я замечаю, что на ясный и прекрасный образ, нарисованный Вашим Превосходительством, я отвечаю случайной мыслью, как бы тенью побочного образа. Но я смею просить Вас отнести это за счет того интереса, который пробудил во мне Ваш прекрасный показ феномена, приведший меня к такому излиянию. Поэтому пусть Вам будет угодно не замечать

этой кислой виноградины среди плодов, которые уже принесли Ваши столь же богатые далеко идущими последствиями, сколь и простые взгляды, и без того оставляющие другим только скудные остатки; рассматривайте как мой единственный ответ столь радостное обогащение моих знаний благодаря упомянутым статьям, равно как и минералогической статье, которая в то же время к такому моему удовольствию вызвала в памяти наглядную картину, которую Ваше Превосходительство были столь добры показать мне однажды на примере Вашей иенской коллекции⁵. Помимо наслаждения, вызываемого строками, сколь глубокими столь и просветленными, которыми Вы, как виньетки, украсили начало этого естественнонаучного собрания, это последнее обещает нам еще так много иного, отчасти нового, отчасти же возобновленного, что (еще так мало признаваемое по букве и по имени) благодаря живущему в нем духу так глубоко проникло во весь метод естествоиспытания.

Если Ваше Превосходительство пожелают почтить своим вниманием мои новейшие разыскания, то мне хотелось бы, чтобы Вы не сочли недостигнутой главную мою цель, именно идти вперед твердой стопой (хотя широта [рассмотрения] этим весьма ограничивается), отказываясь от общих аналогий, фантастических комбинаций и от простого нанизывания — манеры, почти уже отнявшей всякое доверие к лучшей основе философской тенденции в естествознании.

С глубочайшим и неизменным почтением

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
проф. Гегель

105 (329). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Гейдельберг, 31 янв[аря] 1818 г.

[...] Самое ужасное, однако, — это ущерб, который нанесли всему доброму в Германии эти наши любезные земляки¹. С тех пор как мы швабы, мы так много ви-

дели всяких швабских выходов, но не видели еще ничего подобного. Если Вы и здесь заступитесь за нас, то я постараюсь добиться, чтобы Вы получили все номера протоколов вместе со всеми брошюрами адвоката этой земли Паулюса, который уже трудится над опровержением моей [рецензии], вместе со всеми подписанными кем-либо и анонимными апологиями — в награду и одновременно с обязательством прочитать их все от начала до конца². Из них Вам станет ясна и степень вероятности, насколько эти отцы народа были действительно близки к завершению дел, когда их разогнали в последний раз. Я еще не изучал этот второй период их деятельности и едва ли возьмусь за это, но уж из первого мне стало ясным, что характер таких филистеров в том и состоит, чтобы никогда не приходить к завершению. Но довольно о таком объекте, когда речь надо вести о столь многом, что более близко нам [...].

106 (330). ГЕГЕЛЬ — ВИНТЕРУ

Гейдельберг, 1 февр[аля] 1818 г.

На прилагаемых листках пересылаю:

- 1) что я выделил на почтовые расходы;
- 2) проф. Дёдерлейн в Берне напоминает мне, что заказанный у Вас Benedictus de Thucydide еще не поступал; этим я повторяю заказ;
- 3) посылаю назад Савиньи «О рим. праве и т. д.»¹, поскольку я неправильно понял цель этой работы и имел в виду совсем другое;
- 4) вместо этого прошу «Историю права» Гуго²;
- 5) оставляю у себя «Эскизы» Бугнера;
- 6) равным образом за мой счет прошу вернуть «О сознании» Фихте³, лекции, вышедшие несколько месяцев назад, которые я по недосмотру вернул;
- 7) то же самое книги «Всемирной истории» Иог. Мюллера.

Проф. Гегель.

К этому прилагаю экземпляр протоколов Вюртембергского собрания сословных представителей⁴ [...].

Королевское министерство духовных,
учебных и медицинских учреждений!

Милостивый указ Королевского министерства от 16 числа сего месяца (полученный 26 числа), каковой ставит меня в известность о том, что Его королевское величество соизволили одобрить назначение мое ординарным профессором философии в Берлинском университете с окладом в две тысячи талеров и обеспечением суммы в одну тысячу талеров на возмещение расходов, связанных с переездом, перевозкой и устройством, возлагает на меня приятную обязанность официально уведомить о своей готовности принять на себя исполнение высочайшего поручения и выразить при этом Королевскому министерству, сколь высоко ценю я то, что министерство благосклоннейше сообразовало ходатайствовать о высочайшем одобрении выраженных мною пожеланий.

Равным образом я ценю милостивое согласие Королевского министерства на возмещение из иных средств убытков в сумме расходов на переезд, равно как и согласие на бесплатный ввоз моего имущества, а также переданное мне уведомление о существовании вдовьей кассы для профессоров университета, за что всеподданнейше благодарю. В этих доказательствах благосклонного расположения я вижу как бы умноженную возможность, некое возросшее поощрение к тому, чтобы безраздельно посвятить все силы своему предназначению в столь замечательном средоточии науки, к каковому пожелало призвать меня благосклонное доверие Королевского министерства.

Что же касается милостивейше востребованного указания возможного времени моего вступления в должность, Королевское министерство само решит, что предстоящее в самом скором времени начало летнего курса в здешнем университете, а также ранее объявленные мои лекции делают нецелесообразным мое увольнение со службы Великого герцога Баденского уже перед этим наступающим семестром. Будучи бла-

годаря рескрипту Королевского министерства в состоянии предпринять необходимые для расторжения моих прежних отношений шаги, незамедлительно готов предпринять таковые, подготовив все, что нужно, к тому, чтобы в течение будущего сентября прибыть на место моего нового назначения.

Королевского министерства
верноподданнейший
профессор Гегель.
Гейдельберг, 31 марта 1818 г.

108 (344). ГЕГЕЛЬ — КУЗЕНУ

Гейдельберг, 5 августа 1818 г.

Месье,

я был счастлив получить от Вас известия и прежде всего удостовериться, что Вы помните меня и сохраняете те дружеские чувства, которые я так ценил и всегда буду ценить. Сюда прибавляется еще удовольствие принимать Вас у себя в ближайшее время. Вы просите у меня адреса мюнхенских друзей. Прилагаю письмо г-ну Роту, советнику в министерстве финансов, финансисту, но прежде всего историку и политику; он живет в том же доме, что и г-н Якоби, которому я буду просить г-на Рота представить Вас и которому Вы и без того нанесете свой визит; прошу Вас заверить его в том уважении и любви, которые я продолжаю питать к нему, и сказать ему, что я не забыл, что именно он дал первый толчок к приглашению моему в Берлин. Далее прошу Вас передать мой привет г-ну Нитхаммеру, советнику по школьным делам; помню, что Вы провели вечер со мной в компании его сына, который учится здесь. Что касается способа мышления этих господ, то Вы найдете его весьма либеральным, вообще же говоря с оттенком, который Вы легко поймете и который, быть может, идет несколько в направлении известного тевтонского и антифранцузского патриотизма. Что до г-на Шеллинга, я прошу Вас передать ему мой привет; Вы, несомненно, найдете у него открытый прием и манеру мыслить политически без антифран-

цузских предубеждений. Вот и все мои связи в Мюнхене; возможно, излишне добавлять, что г-жи Шеллинг и Нитхаммер любят бывать вместе, но г-жа Шеллинг и г-жа Якоби в таких отношениях, что неуместно упоминать о знакомстве с одной из них в разговоре с другой. В Штутгарте, моем родном городе, где я этой весной провел несколько дней впервые за двадцать лет, у меня осталось несколько добрых старых друзей, в первую очередь г-н Шеллинг, брат мюнхенского философа, врач, правда очень занятый в течение всего дня; если Вы увидите его, прошу Вас передать ему мои сердечные пожелания. Что же касается философов, то тут есть г-н Фйшхабер, профессор гимназии, только что опубликовавший первый номер философского журнала¹, где есть несколько статей г-на советника Шваба, философа докантовского и антикантовского, который, как мне кажется, тридцать лет назад получил вместе с г-ном Риваролем премию Берлинской академии за работу о причинах универсальности французского языка; но ни одного из них я не знаю лично. Я написал письмо для Вас в Тюбинген — г-ну Эшенмейеру, философу, к тому же стороннику животного магнетизма; но чтобы не перегружать этот конверт, я направил письмо прямо ему, хотя оно начинается с того, что Вы лично вручите ему это письмо. Вы не пишете мне более точно, когда Вы думаете приехать сюда; Гейдельберг, который Вы называете своей второй родиной, я в эту осень сменю на Берлин, куда я приглашен; я предполагаю пуститься в путь в середине сентября; сообщаю Вам об этом, чтобы просить Вас, если это только не нарушит ход Ваших философских чтений, поспешить с отъездом, чтобы удовольствие видеть Вас еще этой осенью не минуло меня.

Моя жена, которую Вы помните, настоятельно просит меня передать Вам свой привет, а я заранее радуюсь тому, что буду рассуждать с Вами и о политике, приветствую Вас сердечно.

Гегель.

Суежные занятия задержали отправление этого письма, это меня огорчает; Вы, наверное, давно уже в

Мюнхене; надеюсь, что оно еще будет полезно Вам. Г-н А. В. Шлегель, который живет здесь несколько недель, отпраздновал свою помолвку с м-ль Паулюс, хорошо знакомой г-жам Рот и Нитхаммер, которым будет приятно услышать от Вас эту новость.

109 (347). ГЕГЕЛЬ — КРИСТИАНЕ ГЕГЕЛЬ

Гейдельберг, 12 сент[ября] 1818 г.

Дорогая сестра!

Поскольку время моего отъезда из здешних мест теперь определено, хочу сообщить тебе, что я уезжаю в конце будущей недели, примерно 18-го. Это, конечно, прекрасная местность, я оставляю ее, но нельзя приносить в жертву местности другие обстоятельства, важные для предназначения человека. Берлин — это большой центр сам по себе, а в философии в северной Германии испокон веков была большая потребность, чем в южной; там философия — у себя дома; я буду получать оклад 2000 пр[усских] талеров (примерно 3500 гульденов), но в Берлине, конечно, жить дороже, и эта сумма по обычному счету ненамного больше, чем 2000 гульденов в здешних местах. Однако министр подает мне надежду на дальнейшие перспективы; а от курсов, которые я буду читать, у меня будет дальнейшая прибавка.

Квартиру в 300 талеров для меня уже некоторое время назад наняла сестра нашего господина министра фон Альтенштейна (министра духовных и учебных дел)¹, и по всем описаниям тех, кто её видел (друзья, бывшие здесь проездом), квартира подходит для меня и не так дорога по тамошним ценам. Я поеду через Франкфурт, Иену, Лейпциг, надеюсь быть в Берлине 30 сентября. Моей жене поначалу тяжело было думать об отъезде; но теперь она с бодростью и надеждой смотрит на этот переезд[...].

БЕРЛИН, 1818—1831

110 (351). ГЕГЕЛЬ — ФРОММАННУ

Берлин, 7 октября 1818 г.

Поскольку моя жена только что снабдила меня письменными принадлежностями и бутылкой чернил, первым делом употреблю их на то, чтобы сообщить Вам о нашем благополучном прибытии сюда и поблагодарить за прием, который мы нашли у Вас, дорогой друг¹. Этот сердечный и радостный момент отдыха по преимуществу и вселил в нас силы на оставшийся путь. После Вас мы ночевали в Вейсенфельсе, отсюда приехали в Лейпциг, выехали на другой день в 10 часов и успели добраться еще до Виттенберга, откуда сумели уехать только в 8 часов и по прекрасному всюду шоссе успели добраться до Берлина еще в непоздний час. Ваш добрый совет относительно найма лошадей помог нам на всем пути обойтись двумя лошадьми. С позавчерашнего дня мы в своей квартире, правда еще не устроились совсем, но так, что можно уже существовать. Расстояния в Берлине, правда, велики для женщины, которая повсюду разыскивает мебель и домашнюю утварь. Из-за усталости ей пришлось сегодня устроить день отдыха. Дети хорошо перенесли путешествие [...].

111 (355). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Берлин, 26 марта 1819 г.

[...] Что касается нас здесь, то, слава богу, все идет своим чередом. Моя жена приехала сюда с вод все еще больная, а тут новые беды — устраивать в незнакомом месте дом, без особой помощи и без друзей, теперь она избавилась от этих тягот.

Вообще же здесь во всем своеобразие. Вновь при-

бывшего человека такой образ жизни не увлечет: люди разобщены, хотя ведут весьма светский образ жизни, то есть устраивают много пирушек, причем в заранее установленные дни недели, так что за неделю можно быть во многих местах, если кому-нибудь это нужно. Но кроме этих пиршеств, у каждого с трудом наберется еще время, чтобы сделать нужные дела.

Мы живем в домашнем кругу, и я с давних пор не наслаждался таким тихим покоем при сносном достатке. Как профессор я только что успел начать; но остается еще многое сделать и для самого себя, и для занятий. Вчера я закончил [курс], и первые мои строки обращены к Вам. Для Лейпцигской ярмарки мне нужно еще написать книгу — мое «Естественное право» по параграфам¹.

Смерть Якоби² помимо личной боли еще и потому пала тяжелым камнем на душу, что, как Вы пишете, он не раз спрашивал известий обо мне, а от меня из Берлина не получил ничего. Всегда чувствуешь себя одиноким, чем больше гибнет этих старых великанов, на которые привык с почтением смотреть с юности. Он был одним из тех, кто определил поворотный пункт в духовном образовании эпохи и индивидов; для мира, в котором мы мыслим свое существование, он служил твердой опорой. Будьте столь любезны напомнить обо мне мадмуазель Якоби; Вы будете лучшим толкователем моих чувств к нему как к человеку и моего переживания его утраты. Для Вас и для семьи Ротов эта утрата будет невосполнимой потерей. Ротам и Меркелю, если он еще в Мюнхене, прошу Вас передать самые дружеские наши поклоны и заверить их, что, хотя я так долго и не писал им (что, впрочем, я сделаю в ближайшее время), их дружба и доброта ко мне остаются самым живым моим воспоминанием. [...]

112 (357). ГЕГЕЛЬ — ХИНРИКСУ
(фрагмент черновика)

[Лето 1819]

... И вместо «непосредственно» сочли нужным читать «опосредованно»: однако опосредованность заключена

в выражении «определенность», что и есть не что иное, как опосредованность.

Что касается другого, будто создается представление, что абсолютное впервые постигает себя в моей философии, то об этом следовало бы сказать многое; но коротко: когда речь идет о философии вообще, речь не может идти [лишь] о *моей* философии, всякая философия есть постижение абсолютного, а тем самым не чего-то чужого, и, стало быть, постижение абсолютного есть его самопостижение, равным образом и теология — в те времена, когда она, правда, была больше теологией, чем теперь, — испокон веков говорила об абсолютном. Но конечно, невозможно предотвратить недоразумения у тех, кто, читая о подобных идеях, не может выбить из головы мысль об определенной личности — своей собственной и других.

Надеюсь, что лекции Ваши в Гейдельберге хорошо идут в это лето, я буду рад услышать, что Вы довольны успехом Вашего решения¹. И здесь я равным образом замечая, что философия обретает почву под ногами и пробуждает интерес к себе [...]

*113 (358). ГЕГЕЛЬ — ПРУССКОМУ
МИНИСТЕРСТВУ ПОЛИЦИИ*

Высокое королевское министерство полиции!

Советник юстиции Великого герцога Саксонского д-р Асверус в Иене переслал мне как давнему своему знакомому прилагаемое покорнейшее прошение с поручением передать таковое в соответствующее отделение Королевской полиции. Полагаю, что наилучшим образом выполню это поручение, вручая настоящее прошение высокому Королевскому министерству полиции. Смею прибавить к содержащейся в записке просьбе следующее предлагаемое благосклоннейшему вниманию свидетельство: учащегося Асверуса я узнал в течение его пребывания в Гейдельберге, где он был один год, и в течение его столь же длительного теперь пребывания в Берлине как молодого человека, душа которого правдива и при этом никоим образом не отяго-

щена погруженным в себя самомнением и мечтательством, но открыта и скромна; как человека, который все больше отходил от распространившегося среди части молодежи брожения и в здешнем университете показал себя студентом, поставившим изучение наук серьезной целью своего духа и своего усердия; также мне известно, что он ввиду такого своего намерения отстранился от студенческого союза, известного под названием «буршеншафт», и во все время своего пребывания здесь не принимал никакого участия в деятельности такового. Осмеливаясь также просить о том, чтобы милостивейшее решение было направлено мне, пребываю в глубочайшем почтении

Высокого королевского министерства
подданнейший

Георг Вильгельм Фридрих Гегель,
профессор философии здешнего
Королевского университета.
Берлин, 27 июля 1819 г.

114 (359). ГЕГЕЛЬ — КРЕЙЦЕРУ

Берлин, 30 окт[ября] 1819 г.

Два прекрасных подарка, присланных Вами, тем более побуждают меня дать наконец знать о себе, что меня давно влекло желание сказать Вам, что я не забыл Вашу дружбу и общение с Вами, каковые в столь малой мере возмещены здесь.

Итак, для начала, огромное спасибо за две прекрасные работы, чрезвычайно важные для меня¹: из них я многому уже научился. Ваше новое изложение, равно как и Ваш способ обращения с мифологией вообще для меня и для всего мира бесконечно интересен. Ваши взгляды находят все большее распространение даже там, где делают вид, будто ничем не обязаны Вам и пытаются выступать против Вас².

В работах Риттера, с «Географией» которого я познакомился только здесь и которая пришлась мне весьма кстати, я вижу важный фундамент для Ваших

работ³, а с более высокой точки зрения — плод и следствие последних: он сам признает Ваши заслуги. Передо мной 16 корректурных листов его «Преддверия истории европейских народов до времен Геродота, на Кавказе и на берегах Понта» (первый трактат, который, по-видимому, составит переход от азиатской части «Географии» к европейской): индусы в Колхиде, Колия, Корос, Апатурия и т. д. и т. п., тогдашняя Геродотова география, столпы Сесостриса и т. д., связь тамошних мифов с Азией и Грецией и пр.; жажду услышать Ваше суждение обо всем этом, об его методах и взглядах. Он занят здесь в Военной школе и, кажется, в университете, только не в качестве ординарного профессора. Хотел бы, чтобы Вы нашли в нем ценного сотрудника, правда в этой дисциплине каждый может только следовать за Вами.

Что касается меня и моей жизни, то здесь я нашел в юности интерес и восприимчивость к философии, здесь случается иметь между слушателями майоров, полковников, тайных советников⁴. Я слышал, что у Вас в последнее лето было 200 слушателей. Наш университет во всех своих начинаниях пользуется финансовой поддержкой правительства. Все его учреждения поставлены на широкую ногу и хорошо оборудованы. Коллекции, ботанический сад, клиника — все это в таких условиях, как редко где. Об ученом мире не приходится говорить, так как Вы его знаете. Политические махинации буршеншафта, фризианство де Ветте, конечно, создали недобрую славу университету. Правда, университет не сам взрастил такие семена, они по большей части прибыли из других краев — и откуда? — по преимуществу из Гейдельберга; вполне серьезно, большая часть арестованных, это те, кто был в Гейдельберге до меня, в эпоху Фриза и Мартина. Де Ветте, как говорят, отправляется в Веймар, его жена и дети — в Гейдельберг. Студенты преподнесли ему серебряную чашу с библейскими словами: «Не бойтесь убивающих тело, души не могущих убить» и т. д. О его пенсии пока ничего не слышно; но поспешное объявление об отъезде, прощальное письмо королю — все это содержит в себе нечто дерзкое и парализует какую бы то ни было склон-

ность помочь⁵. Прочие наши политические и цензурные распоряжения Вы знаете из газет, и отчасти они распространяются на весь союз. Асверус передан теперь в уголовный суд. Меня крайне удивит, если в Гейдельберге не арестованы еще и другие, которые бывали в Дармштадте и принимали участие в тамошних сходках, — это, по крайней мере вначале, г-н ф. Кампц назвал мне как отягчающее обстоятельство, когда я ходил к нему заступаться за Асверуса⁶. Если Ваши люди раньше были менее ревностны в преследовании этих происков, то теперь Майнцкая комиссия придаст им прыти⁷. Само собой разумеется, что это, вообще говоря, не способствует радужному настроению. Мне скоро будет 50 лет, из них 30 я прожил в эти вечно беспокойные времена страхов и надежд и надеялся, что хоть теперь придет конец всем этим страхам и надеждам. Но теперь я вижу, что всему этому не будет конца, и в мрачные минуты кажется, что все идет хуже и хуже.

Климат здесь, видимо, не так хорошо действует на меня, как в Гейдельберге. Но поездка на Рюген этой осенью была очень благотворной для меня⁸. Позавчера я проводил в последний путь Зольгера, он похоронен недалеко от Фихте; там, значит, и мое место, рядом с коллегами; судя по ним, философы здесь живут недолго. В жизни общества здесь, конечно, много всякой суеты; но в итоге все опять разваливается. Дружеского круга, как в Гейдельберге, я еще не нашел здесь. Приветствуйте сердечно моих друзей, особенно сердечно Дауба, Тибо, Эшенмейера, Генриха Фосса. Одна из самых дорогих для меня мыслей — надежда, что Вы вспоминаете меня; Ваши подарки доказали мне, что это так. Я еще потому заставил ждать своего ответа, чтобы сделать Вам подарок, правда слишком ничтожный — несколько листов своей «Философии права»; не всякий в своих работах так усидчив и бодр, как Вы. Я только что хотел начать печатание, как пришли решения бундестага. Поскольку теперь нам известно, как обстоят дела со свободой от цензуры, я вскоре отдам их в печать. Всего хорошего, дайте вскоре знать о себе.

Ваш Гегель

Чтобы не забыть за делами, достойнейший господин коллега, представитель дома Гессе в Бордо — Ребшток, он живет на Александерплатц, № 4.

Вообще-то я должен быть, собственно, весьма обязан Вам за то, что Вы тотчас же ответили на мои бестактные слова, которые на днях вырвались у меня, ибо этим Вы по крайней мере смягчили жало, оставленное в моей душе овладевшей мной реакцией. Поэтому я хотел бы, чтобы мы могли продолжить нашу дискуссию на том месте, где она прервалась, прежде чем произнесены были эти неподобающие слова. Ибо я слишком уважаю Вас, чтобы не желать договориться с Вами о предмете, столь важном для нас в настоящем положении¹.

Шлейермахер
16. 11. 1819.

116 (362). ГЕГЕЛЬ — ШЛЕЙЕРМАХЕРУ
(черновик)

Благодарю, достойнейший господин коллега, первым делом за сообщенный во вчерашней записке адрес виноторговца, затем за Ваши слова, которые, устраняя недавний неприятный инцидент, случившийся между нами, одновременно сглаживают и мой ответ, продиктованный взволнованностью, так что все оставляет во мне лишь чувство решительно возросшего моего уважения к Вам. Именно, как заметили Вы, важность предмета для настоящего времени склонила меня начать в обществе разговор о предмете, продолжить который вместе с Вами, приведя к согласию наши мнения, не может не быть интересным для меня.

[17 ноября 1819 г.]

117 (363). ГЕГЕЛЬ — ХИРИКСУ
(черновик)

[Берлин, ноябрь 1819]

Дорогой господин доктор!

Мне доставило большое удовольствие Ваше письмо от 19 сентября, полученное мной через г-на доктора фон К[ейзерлинга]; я вижу, что у Вашего замысла читать

лекции — хорошее продолжение¹. Меня очень радует, что Вы имели сразу же такой успех, — мне не так везло. Только нужно терпеливо выдержать несколько лет, но это, впрочем, зависит от экономической стороны дела. Между тем при такой значительной аудитории, которая в эту зиму, как я надеюсь, еще вырастет, у Вас будет денежная прибавка. Теперь большой недостаток и большая потребность в дельных университетских преподавателях, особенно философии. Наконец-то пришли к тому, что в дисциплине этой видят некую потребность, и причем именно в дельности этой науки. И вполне серьезно начинают выходить из моды ввиду внутренней своей бессодержательности и внешней политической тенденции фризские и всякие прочие безобразия². Поэтому я не сомневаюсь, что и внешне такая карьера весьма выгодна. Вы ведь знаете, что я никому не советую выбирать этот путь, скорее готов отсоветовать, но поскольку Вы пошли по нему и при этом столь успешно, то, надеюсь, теперь я могу вполне серьезно советовать Вам идти по нему и в дальнейшем. Только необходимо при этом, чтобы Вы некоторое время спокойно выжидали и не сразу рассчитывали на жалованье и место. Ведь правительству непременно нужно сначала посмотреть, как в действительности идут лекции приват-доцента. А что философский факультет в Гейдельберге (во главе с г-ном Мунке) не очень покровительствует философским занятиям, это к делу не относится и на правительство не оказывает никакого или почти никакого влияния... Другое, что существенно для Ваших занятий и для самого чтения лекций, — это то, чтобы Вы в глубине души своей не требовали ничего сверх этого. Вы и сами увидите на опыте, как много выиграете за несколько лет практики и для того и для другого, и для собственных занятий (что касается определенности понятий и развития Вашей науки), и в изложении. Я каждый день замечаю это на себе — прошедший год был наиболее плодотворным для меня — по форме и содержанию моих лекций в сравнении с первым университетским годом в Гейдельберге. Другой путь ведет через печатные работы, но со стороны экономической он дает весьма мало, а хуже всего в области философии,

и прежде всего вначале, но для назначений впоследствии он весьма важен и существен, а потому я очень серьезно призываю Вас к этому.

118 (373). ГЕТЕ — ГЕГЕЛЮ

Ваше благородие,

Пусть прилагаемый выпуск застанет Вас в добрый час и особенно благотворно подействует на Вас энтоптическая статья!! В Нюрнберге Вы присутствовали при появлении этого прекрасного открытия, были его крестным отцом и впоследствии проникательно оценивали все сделанное мною для сведения этого феномена к его первичным элементам². Прилагаемая статья содержит в возможно более кратком виде все, что с самого начала, а особенно в последние годы наблюдал я, пробовал, повторял в разных обстоятельствах, думал и заключал, все, в чем я отчасти держался в кругу, а отчасти выходил за его пределы, где привлекал с разных сторон аналогии, пока все наконец не построил в известном порядке, какой был для меня наиболее привычен и наиболее нагляден, если нужно было представить взору все добытые поучения и сообщить все опыты по порядку.

Пусть все это удостоится Вашего одобрения, потому что нелегко выражать словами то, что следует представлять взору. Продолжайте же принимать участие в моих способах рассматривать предметы природы, как поступали Вы доньше. Здесь речь идет не о мнении, каковое надлежит распространять, но о методе, каковой надлежит сообщать, чтобы каждый мог пользоваться им как орудием по своему разумению.

С радостью слышу я из многих мест, что наилучшие плоды приносят Ваши усилия в завершении образования молодых людей; воистину есть нужда в это странное время, чтобы из какого-нибудь центра распространялось учение, пользуясь которым можно было бы теоретически и практически способствовать жизни. Конечно, нельзя воспрепятствовать тому, чтобы пустые головы не увлекались неясными представлениями и звонкими потоками слов; но и умные головы страдают, ибо, замечая ложные методы, которыми оплели их с юности, они замыкаются в себе, делаются темными или трансцендентными.

Пусть всегда вознаграждены будут прекраснейшими плодами ваши заслуги ради мира настоящего и грядущего.

Верный Вам
Гёте

Иена, 7 окт. 1820 г.

[Берлин, 10 октября 1820]

В согласии с соизволением Вашего Высокопревосходительства нижайше передаю Вам прилагаемый экземпляр только что изданного сочинения¹... Существенное предназначение этого издания заключается в употреблении его для моих лекций, которые я читаю в здешнем университете по этому разделу философии... Я не только должен прежде всего преподнести это сочинение Вашему Высокопревосходительству, но и настоятельно желать, чтобы Ваше Высокопревосходительство соизволили удостоить таковое своего внимания и благосклонного приема как доказательство моей служебной деятельности и как попытку возвести излагаемое к познанию идеи. Печатание такого сочинения приводит одновременно и к тому, что я таким путем сообщаю о границах тех принципов, которые я излагаю в связи с настоящим предметом, это отчет, который я, как официально назначенный преподаватель Королевского университета, считаю себя обязанным дать Вашему Высокопревосходительству при той истинной свободе философской мысли, которая под высоким руководством Вашего Высокопревосходительства может пользоваться в королевских землях столь справедливой защитой и вызывающим такое изумление покровительством.

Да будет Вашему Высокопревосходительству угодно посмотреть на этот приносимый мной дар с той благосклонностью, каковую Ваше Высокопревосходительство привыкли проявлять к научным начинаниям, и с тем снисхождением, на каковое при несовершенстве исполнения может смиренно рассчитывать цель составления этого труда и желание выразить Вашему Высокопревосходительству глубокие чувства уважения, с каковыми имею честь быть...

[Берлин, середина октября 1820]

Ваше сиятельство, имею честь верноподданнейше преподнести Вам экземпляр учебника естественного права и науки о государстве, вышедшего под заглавием «Философия права».

Представление взору Вашего сиятельства философского трактата, притом подобного содержания, могло бы в глазах моих создавать видимость даже нескромности или же мнения, что взгляда Вашего сиятельства может быть достойно нечто имеющее предназначение исключительно для школы; но в то же время я обязан был вспомнить о благосклонной и беспредельной заботе Вашего сиятельства, каковой пользуются все научные начинания независимо от их объекта. Я знал, что в моем изложении предмета, рассмотрение которого требуют от меня мои служебные обязанности, главной целью является научный разбор и теоретическая форма, что научные устремления мои направлены на удаление из философии всего того, что незаконно узурпировало это наименование, и, далее, на доказательство полного взаимосогласия философии с теми основоположениями, в которых испытывает нужду природа государства вообще, наиболее же непосредственно на доказательство полного взаимосогласия философии со всем тем, что отчасти обрело, отчасти же столь счастливо обретет в дальнейшем при просвещенном правлении Его величества короля и под мудрым руководством Вашего сиятельства Прусское государство, принадлежность каковому именно посему не может не быть поводом для особенного удовлетворения.

В соответствии со сказанным трактат мой — попытка постигнуть в главных чертах то, что находится пред нами в столь великой действенности, то, плодами чего мы наслаждаемся; и я думаю, что не возьму на себя многое, если стану предполагать, что философия, строго держась положения и места этого специфического для нее занятия, тем самым оправдывает и защиту свою, и те привилегии, каковыми пользуется она со стороны

государства, что, оставаясь в своем кругу деятельности, ограниченном, но проникающем в душу человека, она может споспешествовать благодетельным намерениям правительства.

С мыслью такой я надеюсь извинить, что преподношением сочинения, затрагивающего предмет, составляющий существеннейший элемент гения и многообразной деятельности Вашего сиятельства, я засвидетельствовал свое глубочайше чувствуемое мной почтение, смея просить Ваше сиятельство о милости уделения книге сей места в библиотеке Вашего сиятельства.

Вашего сиятельства верноподданный
Г. В. Ф. Гегель,
профессор философии здешнего
Королевского университета

121 (381). ГЕГЕЛЬ — ГЕТЕ

Берлин, 24 февр[аля] 1821 г.

Вызывающий радость подарок Вашего Превосходительства публике — новый естественнонаучный выпуск [Вашего труда]¹, а мне, кроме того, экземпляр такового и столь доброе письмо я оставил на свободное время праздников, чтобы еще раз и вполне насладиться им, ответив на дар этот некоторыми, быть может случайными, мыслями, которые будут по крайней мере свидетельствовать о проявляемом мной интересе к нему. Я полагал тогда, что могу до этого времени отложить выражение своей благодарности Вашему Превосходительству, будучи уверен, что Ваше Превосходительство убеждены в том, насколько дорога для меня эта Ваша память обо мне, это новое обогащение моих взглядов, и сколь живительны для меня все просветленно-строгие проявления Вашего гения. Но на каникулах я чувствовал себя не так хорошо, и теперь не могу уже откладывать долее выражение своей признательности.

Из всего столь разнообразного содержания выпуска мне прежде всего надлежит благодарить Ваше Превосходительство за то, что Вы пожелали открыть нам глаза на антоптические цвета; весь ход рассуждения и его

завершенность, равно как содержание его, не могли не вызвать у меня чувства величайшего удовлетворения и признания. Несмотря на такое обилие аппаратов, хитроумных приспособлений и опытов, касавшихся этого предмета, и, быть может, как раз ввиду всего этого и даже вопреки всему отцовству и крестному родству, начиная с первых явлений, наблюдавшихся Малю², и кончая дальнейшими, которые вызваны первыми, мы *ничего не понимали*; но по крайней мере для меня понимание превыше всего, и всякий интерес, представляемый чистым феноменом, не что иное, как пробуждающееся желание понять его.

Чтобы сразу же покончить с этим только что названным крестным родством, ибо Ваше Превосходительство пожелали вспомнить об одном давнем замечании моем, касавшемся моего содействия в некоторых мелочах, Ваше Превосходительство прекрасно знает, как мало значит теперь быть крестным отцом ребенка; но это воспоминание вынуждает меня, однако, пуститься в подробные объяснения того, что напоминание это о содействии отнюдь не имело с моей стороны в виду какую-либо честь для себя или хотя бы признание заслуги, оно должно было исключительно представить некую притчу, в каковой использованное событие, как известно, само по себе лишено какой-либо исторической ценности, но должно только означать нечто вообще случающееся — *fabula docet* [басня учит], и именно таким образом, что отдельный, взятый для примера случай может быть совершенно незначительным и тем более, если общее положение истолковывается в применении к другому случаю, может быть, что первый по сравнению с этим последним не идет ни в какое сравнение по своему смыслу и о нем нельзя уже даже и думать. Поскольку же теперь речь идет о свете и цвете, то само собой напрашивается включение в изложение такого незначительного обстоятельства, как, скажем, вклад в ту или иную букву и запятую, по той причине, что оно отдаленно и, словно притча, напоминает о часто происходящем явлении, когда люди, которые взяли исключительно у Вашего Превосходительства все, чем владеют и что знают (причем тут уже речь идет не о той или

иной букве или запятой), теперь ведут себя так, словно все это они извлекли из своих собственных рудников, а когда они наталкиваются на какую-нибудь новую деталь, то сейчас же доказывают, сколь мало они усвоили хотя бы эти воспринятые ими знания, тем, что такую дальнейшую частность не способны уразуметь на основании прежних принципов и вынуждены предоставить Вашему Превосходительству воссоздать образ из бесформенного куска и благодаря такому подлинному крестному родству вдохнуть в него внутреннее духовное содержание. Вот это веяние духа — а о нем и собирался я говорить, и оно, собственно, единственно достойно обсуждения — это веяние духа так сильно обрадовало меня в изложении Вашим Превосходительством феноменов энтоптических цветов. Вы ставите во главу угла простое и абстрактное, что так удачно называете прафеноменом, затем раскрываете конкретные явления в возникновении их благодаря привхождению дальнейших сфер воздействия и новых обстоятельств и так управляете всем процессом, чтобы последовательный ряд шел от простых условий к более сложно составленным, располагаясь в определенном порядке, так что все запутанное является в полной ясности только благодаря такой своей декомпозиции. Выискивать своим чутьем этот прафеномен, освобождать его от всяческих прочих, случайных для него самого сопутствующих моментов, постигать его, как говорим мы, абстрактно — это я считаю делом великого духовного чувства природы, равно как метод такой вообще считаю поистине научным для познания в этой области. Напротив, я вижу, как Ньютон и весь сонм физиков после него хватаются за какое-нибудь сложное явление, упираются в него как в стену и начинают взнуздывать клячу с хвоста, если воспользоваться таким оборотом речи. И при этом часто бывало с ними, что какие-нибудь неважные для изначального состояния вещи обстоятельства — даже если таковыми оказывались только их неприятности при взнуздывании с хвоста — они выдают за условия явления и всякими хитростями, выдумками и ложью вдавливают, просовывают и вгоняют в явление все то, что лежит перед ним и за ним. При этом у них не обходится

без «изначальности»; они привносят метафизический абстракт, будучи сотворенными духами, они вкладывают в явления некое рукотворное, достойное их самих нутро и, находясь в таком «септро», столь же ликуют о мудрости и величии, оказываются столь же серьезными тружениками, что и каменщики в храме Соломоновом.

Эти изначальные феномены напоминают мне прибавленный Вашим Превосходительством к «Учению о цвете» рассказ о происшествии, когда Вы смотрели на белую стену, вооружившись [ступенчатыми] призмами Бюттнера, и не видели *ничего*, кроме белой стены³. Рассказ этот очень облегчил мне доступ к «Учению о цвете», и всякий раз, когда я занимаюсь этой материей, я вижу пред собой этот прафеномен, вижу, как Вы, Ваше Превосходительство, наблюдаете белую стену с помощью бюттнеровских призм и не видите ничего, кроме белого цвета. Но пусть Ваше Превосходительство позволит еще говорить мне об особом интересе, который представляет для нас, философов, подобный особо вычлененный изначальный прафеномен, о том именно, что такой препарат мы можем непосредственно использовать — с разрешения Вашего Превосходительства — для философии! А именно, когда наше поначалу аморфное, серое или совсем черное — как Вам угодно — абсолютное мы доводим до воздуха и света, до того, чтобы оно возжаждало таковых, тогда нам нужны проемы, чтобы совсем вывести его на белый свет. Наши схемы рассеялись бы как дым, если бы мы просто захотели поместить их в пестрое и запутанное общество неподатливого (*widerhältigen*) мира. Здесь нам превосходную службу сослужат прафеномены Вашего Превосходительства. В этом двойном свете — духовном и постижимом — благодаря своей простоте, зримом и осязаемом — благодаря своей чувственности — приветствуют друг друга оба мира — наш темный мир и являющееся бытие. Так Ваше Превосходительство препарирует для нас и минералы и даже кое-что из руд, превращая их в граненый камень⁴, который мы в триединстве его можем легко взять и перенести к себе, — это намного легче, чем попытаться вернуть в лоно его многочисленных его детей, отбившихся от рук. Нам давно следовало при-

знать с благодарностью, что Вы вернули растительный мир к его простоте и к простоте нашей. Кости, облака — короче говоря, все Вы возвышаете. Если я и нахожу, что Ваше Превосходительство относит область непостижимого и неисследованного примерно туда, где обитаем мы (вместе с Нозе, которому не требовалось, однако, отделяться от таких высоких материй в одних приложениях к генезису базальта, как, вижу я на стр. 221, поступил он⁵), именно туда, исходя из чего мы оправдываем и постигаем Ваши взгляды и прафеномены и даже, как говорится, доказываем, выводим, конструируем их и т. д., — то в то же самое время я сознаю, что Ваше Превосходительство ни в чем не чувствует себя обязанным нам, поскольку Ваши взгляды могли бы удостоиться от этого даже колкого наименования «натурфилософии» и, однако, столь терпимо допускают, чтобы мы в такой невинной манере обращались с предметом Вашего внимания, — все же это не самое худшее, что довелось Вам пережить, и я могу положить на то, что Ваше Превосходительство узнают тут человеческую природу, — в том, что, когда кто-нибудь добивается весомых результатов, все сбегается и каждый претендует на то, что и он сделал свою часть. Но и помимо прочего у нас, философов, общий с Вашим Превосходительством враг, а именно метафизика. Уже Ньютон вывесил огромный щит с предупреждением: «Физика, бойся метафизики!» Но несчастье в том, что, хотя он и оставил друзьям своим такое евангелие и эти друзья правомерно возвещают его, он и они ничего не добились, кроме бессчетных воспроизведений состояния того англичанина, который не знал о том, что всю жизнь говорил прозой⁶. Однако англичанин этот в конце концов все же узнал о том, а эти пока не понимают даже, что говорят на языке чертовски скверной метафизики. Но я ни слова не скажу больше об этой нужде — о необходимости разрушить до основания эту метафизику физиков. Возвращаясь к одному из уроков, преподаваемых Вашим Превосходительством, не могу удержаться и не засвидетельствовать Вам мою сердечную радость и признательность в связи с выраженным Вами взглядом на природу тел с двойной рефракцией. Одна из ве-

личайших находок, какие только могли быть осуществлены, — это отраженные образы одного и того же, в первом случае представляемые внешними механическими средствами, во втором — внутренней тончайшей тканью природы.

И вот эта ручной работы тончайшая ткань темного и светлого не может не повести еще и дальше. Живое в прекрасном — это в то же время и плодотворное в нем. Но поскольку во всем содержится нечто, о чем можно сожалеть, то мне надлежит оплакивать только одно, что я не мог увидеть этот поучительный ряд феноменов своими глазами и лучше всего будучи направляем Вашим Превосходительством. Но быть может, я могу еще лелеять мечту о такой милости — а такая надежда заставляет забыть о сожалении — и, чтобы не испытывать более терпения Вашего Превосходительства, позволю себе только повторить свою многодовольную благодарность за добрую память Вашего Превосходительства и за уделенные мне поучительные наставления.

Гегель

122 (383). ГЕГЕЛЬ — ХИНРИКСУ

Берлин, 7 апреля 1821 г.

С истинным удовольствием пробежал я, достойнейший друг, присланную Вами рукопись¹ — у меня не было времени, чтобы проштудировать ее слово за словом, — и не хочу больше задерживать отправку обратно, чтобы этим не затягивать дальнейшую работу над ней и определение ее.

Я с великой радостью выполняю Ваше пожелание о том, чтобы сочинение Ваше сопровождалось на своем пути к публике моим предисловием; но для этого еще есть время, пока рукопись будет печататься. Этим летом я читаю философию религии, а потому у меня и без того есть повод обращать мысли свои в эту сторону.

Вы просите, чтобы в предисловии я высказал свои мысли о тенденции Вашего труда; но позвольте мне уже здесь высказать Вам мое суждение, а главное пожелания в отношении того, что я считаю полезным, чтобы Вы сделали для этого солидного трактата в плане его направленности к публике и в плане его состава.

Как сказано, пожелания мои относятся не к содержанию и не к сути дела или его изложению. Суждение мое таково, что Вы вполне справились с делом, и с настоящим удовлетворением я увидел Ваше глубокое спекулятивное проникновение в существо дела. Эта Ваша работа — достаточное доказательство Вашей способности и умения свободно и определенно двигаться в высочайших сферах спекулятивной мысли, последовательно получая и развивая предмет из мыслящего понятия. Я не стану приводить отдельных мест, вызвавших мое удовлетворение, — как сказано, я не все мог проработать в частности, — но меня весьма заинтересовало, например, Ваше изложение доказательств бытия божьего, того, что такое откровение, вопроса об истине и несомненности и т. д., изложение шеллинговской философии и предшествовавших ей систем и т. д., диалектической необходимости движения вперед и т. д.

Мои пожелания касаются внешних доделок, чтобы скорее ввести сюда читателя, то есть не просто такого, который уже привык к спекулятивным рассуждениям. Вы идете путем углубления в содержание, который преобладает во всей своей основательности, но Вы не даете читателю моментов покоя рефлексии; такие моменты, так сказать, исторические (имеется в виду не внешняя история, но предварительный рассказ о том, за что Вы собираетесь взяться теперь по ходу своей мысли), необычайно способствовали бы так называемой необходимой понятности; ведь при издании Вашего сочинения Вам важно иметь читателей, равным образом как важно, чтобы можно было усмотреть, читая его, Ваш *donum docendi* [дар преподавания].

Попытаюсь указать Вам на некоторые ближайшие обстоятельства: 1) уже будет внесено облегчение, если Вы сделаете больше цезур и разделов внутри Ваших абзацев; пять первых страниц совершенно лишены подразделений, как и 6 следующих, и т. д. Страницы 223—238 — это один абзац, как и 241—251 и т. д. Если различать далее цифрами 1, 2, 3 такие красные строки (*a linea*), это тоже существенно будет способствовать ясному обзору целого; 2) дальнейшим должны были бы стать те самые исторические цезуры в рефлексии, то

есть что, например, у того и у этого, у такой-то ступени, фазы и т. д. такая-то цель, но что ближайшее рассмотрение показывает переход, разделение такой позиции и т. д., это объясняется в последующем; или — теперь надлежит доказать, или — доказано и т. д.; особенно следовало бы различать и выделять то, в чем заключается согласно логическому выводу и где начинается диалектический разбор; вообще [полезно] всякое субъективное указание для читателя, что вот теперь надлежит изложить это, объяснить, доказать то, важно здесь следующее и т. д. И вот таким образом предмет, сам по себе круглый, обращается лицом к читателю, иначе читатель скажет, что не знает, как за него приняться и с чего начать. Такой обзор нужен не только в деталях, но и во всем целом, — подразделение, осуществляющее такой обзор, выгодно и необходимо. Я хотел бы, чтобы уже в начале первого раздела было предпослано такое указание, ориентирующее читателя, о том, что сначала нужно рассмотреть природу чувства и т. п. Такого рода введение в целое и в отдельные части, даже в абзацы и фразы, несомненно, обеспечит Вашему трактату совсем иной прием, чем он получил бы в противном случае. В содержании не пришлось бы ничего менять, но из-за таких вводных дополнений оно увеличится на четверть или треть. Сочинение это в своем теперешнем виде слишком забито материалом и содержанием, и такая вторая сторона требуется, чтобы обратить внимание читателя на путь рассуждения и его результаты; 3) коснусь еще одного различия, на которое следовало бы обратить внимание или же, вернее, указать, что оно вообще осознается: именно, что принимается как предпосылка, а что утверждается на основании предпосылок. Так, уже в самом начале то, что Вы говорите о чувстве, не должно считаться чем-то дедуктированным, но Вы предпосылаете представление (или дедукцию) чувства и здесь только указываете, что оно содержит; такие вещи я стал бы *настоятельно* различать (в том же месте мне хотелось бы, чтобы указано было конкретное определение того, в какой мере и в каком отношении чувство одновременно есть нечто *неопределенное*, то есть какого вида определенности

ему недостает); было бы уместно здесь, где Вы говорите на основе предпосылаемого, объяснение с помощью примеров.

Я не стал бы так распространяться обо всем этом и, может быть, не сказал бы ничего об этой стороне дела, если бы Вы писали только для меня и немногих друзей простой спекулятивной мысли (впрочем, и для последних, и для себя я хотел бы чего-нибудь из этих добавлений; мне стоило бы немалых усилий пробиться через все детали), но Вы ведь пишете и для читающей и учащейся публики и еще больше для публики только читающей, для которой такие выделения и рассуждения, безусловно, необходимы, она их требует и по праву и по преимуществу именно в них видит *преподавание*, как таковое. Если с такой ясностью изложить всего десятую — или двадцатую, тридцатую — долю материала, содержащегося в Вашем трактате, то этого будет достаточно для того, чтобы произвести впечатление и даже научить большему по сравнению с тем, как рекомендует Вас публике эта насыщенность изложения в его замкнутом виде, а ведь именно к публике должны мы направлять по преимуществу свои пожелания. Вы правильно поймете мое намерение, с которым я излагаю эти свои мнимые порицания, и, с другой стороны, оцените их так, что их нужно истолковать скорее как *похвалу*.

Теперь кратко об остальном, о том, что Вы хотите приняться за логику в ее теперешнем построении — с полемическим намерением; этот труд будет весьма целесообразен и явится Вашей заслугой; в конце концов излагать сам предмет — это еще не все, по крайней мере одного этого мало. Следует перенести действие в стан врага. Это скорее вынудит его осмотреться, перестать игнорировать и, устыдившись, перейти к обороне.

Ваше мнение о возможности приписать мне редактирование журнала, называющегося новым берлинским ежемесячником², тем более заставляет меня предполагать, что в этом упрекнул меня другие, кто знает меня меньше. Правда, там много говорится обо мне, но тем менее следовало бы предполагать, что я причастен к этому. Из моих мыслей и случайных высказываний

кое-что тоже попадаете там; но по крайней мере я высказал их не для такого употребления. Впрочем, каждая мысль хороша сама по себе. Нужно, чтобы дело снова и снова, самыми различными способами доводилось до сведения публики.

Я не думаю, чтобы статьи из Гейдельберга особо исключались. Во всяком случае присылайте их. Главное, журналу нужен более разнообразный тон при единстве тенденции. Я говорил о Вашем намерении с главным распорядителем — д-ром Фёрстером; пошлите ему то, что захотите опубликовать таким образом.

Продолжайте свою писательскую и лекционную деятельность; будьте уверены в моем постоянном искреннем участии.

Ваш Гегель

123 (384). ГЕТЕ — ГЕГЕЛЮ

Ваше благородие,

чувствую в себе потребность выразить Вам, как порадовало меня Ваше послание.

Что Вы так глубоко проникаете в задуманное мной и сделанное, чем бы все это ни было, и удостоиваете полного и мотивированного своего одобрения, служит мне великим поощрением и ободрением. В добрый час пришли Ваши листки, когда, под впечатлением новейшего разбора энтоптических цветов, я вновь просматриваю записи о своих старых хроматических исследованиях и не могу удержаться от того, чтобы, тщательно отредактировав некоторые, не приблизить время появления их перед публикой.

Ваши ценные замечания всегда будут у меня пред глазами, укрепляя меня в вере в те минуты, когда безрадостная разработка той же темы, в чем повинны бывают современники, если не заставляет меня поколебаться, то близка к тому, чтобы заставить меня отступить. Примите вновь мою благодарность и позвольте время от времени посылать Вам новые мои труды. Поскольку Вы столь дружески расположены к прафеноменам и признаете за мной даже некое родство с этими демоническими существами, осмелюсь доставить философу несколько экземпляров таковых в уверенности, что тот обойдется с ними так же благосклонно, как и с собратьями их.

Верный Вам
И. В. Гёте

Веймар, 13 апреля 1821 г.

Абсолюту
покорнейше
препоручает себя
в дружеские руки
графеномен

Веймар, начало лета 1821 г.

124 (387): ГЕГЕЛЬ — ДАУБУ

Берлин, 9 мая 1821 г.

Только в конце марта сюда прибыл г-н д-р Хьорт (как он сказал, болезнь на всю зиму задержала его в Мюнхене) и привез Ваше дружеское письмо от сентября. Это ближайшая причина такого позднего ответа на него. Но хотя ближайшим поводом для строк, которые я пишу сейчас, является Ваше письмо, смотрите на них, пожалуйста, как на проистекающие из внутренней потребности дать самому себе, с помощью такой письменной беседы, ощущение Вашей близости. Поскольку такая беседа превратится в путешествие и визит, для наслаждения которыми нужно завершить сначала прочие дела, происходит то, что бывает обычно с давно задуманными поездками, а именно позже всего наступает время для того, что хотел бы видеть раньше всего и чаще всего. Не могу выразить Вам, как дорого мне и как безоблачно во мне воспоминание о Вас, как дороги мне и как целительны для меня дружба Ваша и любовь, некогда подаренная мне Вами и столь верно Вами хранимая. Когда я решил оставить Гейдельберг, я хорошо знал, что потеряю с этим отъездом, и до сих пор чувствую эту утрату. Ваша душевная память смягчает горечь принесенной жертвы¹.

Проявленный Вами интерес к моим философским работам не может не доставлять мне чувства особенного удовлетворения, я рассматриваю это как редкий дар для меня, ведь Вы сами знаете лучше меня, как смотрят у нас на все спекулятивное наши начетчики, фарисеи и словоблуды. Моя «Философия права», наверное, давным-давно в Ваших руках. Хотел бы, чтобы по меньшей мере основное снискало Ваше одобрение. Я не мог распространить изучение частных, которых так

много в этом предмете, на все стороны. Такие вещи мне пришлось приберечь на будущее и, главное, следить только за тем, чтобы вышло целое. Так, изучение Вашего «Иуды Искарота» я отложил на будущее до разработки моральной позиции. Не оставляйте слишком долго неисполненной надежду на выход в свет Вашей догматики и морали². Первой я жду с тем большим нетерпением, что в это лето я принялся за философию религии, говорят, Шлейермахер тоже печатает сейчас догматику³. Приходит на ум ксения: «Долго можно платить разменной монетой, но вот пора вытаскивать и кошель⁴!» Но будет ли в кошельке этом что-нибудь, кроме тех же грошей, увидим. Трактат его о предопределении (в его богословском журнале) показался мне крайне скудным⁵.

Только что мне сказали, что рецензия на мое «Естественное право» опубликована в «Heidelberger Jahrbücher» — с их теперешним грязным нарядом, который я видел⁶. Я слышал только одно это и очень хочу, если Вы или Хинрикс не предложат мне узнать большее, чтобы все напечатанное там относилось только к предисловию. Тогда я заключаю, что писал мой земляк Паулюс! Впрочем, предисловием моим и соответствующими высказываниями я хотел, как Вы, верно, заметили, попасть не в бровь, а в глаз этой пустопорожней и заносчивой секте — теленку в глаз, как говорят швабы. Они привыкли, что за ними всегда последнее слово и отчасти были весьма поражены, что с научной стороны на них махнули рукой и даже смеют публично выступать против них. Здесь, где партия эта особенно привыкла, что слово всегда за ней, и считала и считает себя некоей puissance [силой], я вижу разные кислые мины или по крайней мере косые взгляды в мою сторону. На так называемое шмальцевское товарищество⁷ они не могли тут сваливать то, что говорил я, и потому тем более были в замешательстве, по какой статье пустить дело.

Если Вас интересует Каровэ⁸, то вот самое целесообразное, что могли бы Вы сделать, — дать ему совет серьезно подумать о Бонне и для этого получить отпущение грехов — за связи его с бывшим буршеншафтом — от здешней министерской комиссии. Если он не

добьется тут своего оправдания, то всякая дальнейшая, особенно академическая, карьера для него закрыта, и не только у нас, но, как показывает опыт, и в других местах! В Бонне он и помимо всего этого будет на своем месте, тогда как в Гейдельберге у него конкурент — Хинрикс.

Прощайте, дорогой и уважаемый человек, и сохраните Ваше столь доброжелательное дружеское отношение ко мне.

Преданный Вам
Гегель

125 (389). ГЕГЕЛЬ — КРЕЙЦЕРУ
(Черновик)

Могу ли я, любезный, дорогой друг, отблагодарить Вас за все столь ценные подарки, которыми я обязан Вашей дружбе, а остальной мир — Вашему неутомимому рвению. Оно столь же поражает меня, сколь радует доброта Ваша. Сначала о том, что я получил последним: вчера приходят 6 первых листов «Теологии» Прокла¹, сегодня еще 2 с курьером — настолько, вижу я, торопили Вы книгопродавца со спешной доставкой мне, в самом деле, подарок этот, на который Вы издавна подавали мне надежду, доставил мне огромную радость. К тому же перевод и примечания, которыми снабдили Вы то, что напечатали, — и восполнение, и улучшение текста; этот трактат Прокла самое ценное и дорогое для меня из всего, что видел я у неоплатоников; платоновская диалектика — и в то же время более высокая, чем у Платона, степень систематизации, организации идеи в ней самой — это небывалый шаг в философии — по преимуществу заслуга Прокла, из которого черпали последующие. Этим изданием Вы способствовали устранению значительного пробела, и в своих лекциях по истории философии я не премину обратить внимание на Прокла и специально на это сочинение, которое представляется мне подлинным поворотным моментом, переходом древности в новое время, древней философии в христианство, моментом, подчеркивать который вновь является сейчас настоящим делом. Нет

ничего более своевременного, чем это новое издание Прокла.

Но что же сказать мне об этом еще более грандиозном, совершенно своеобразном труде, о новой мифологии и символической? Эта работа и на сей раз кажется, если быть искренним, книгой, полностью исчерпывающей столь далеко простирающуюся, обширную и великую материю, но исчерпывающей ее не только одной предельно широкой ученостью, но и идеей, философией, духом; это труд, с которым мы можем вновь показаться перед иностранцами. Не могу описать Вам, какая поддержка, особенно для моей эстетики, держать в руках такую книгу. Я предполагаю читать эстетику этой зимой, и теперь работа Ваша позволяет мне пойти глубже и со временем, быть может, выпустить что-нибудь об этом предмете². Мне не нужно говорить Вам, — Вы знаете об этом лучше других, — насколько совершеннее стала книга благодаря дополнению ученого аппарата, размеренности в разработке разных мифологических тем, ясности членения, отбрасыванию... Я бы сказал, что особенно по душе мне смягчение противоположности между *определенностью*, с которой *осознается* некий тезис, выделенным, сознаваемым *значением* символа и чувством сути, инстинктивным порождением и, далее, необходимой ролью разума в мифологических и символических религиях.

Но что сказать мне об этой мучительной роже, выпиленной из полена нашим добрым стариком Фоссом и противопоставленной Вашему каррарскому мрамору, — он заставляет ее корчить всевозможные тупые гримасы и делать всякие ужимки³. Он никакого представления не имеет об отличии чисто внешней явной, исторической взаимосвязи от преемственности традиции, которая скрывается в глубине, где представление само не ведает о себе как о традиции, о своей давности — о традиции, *единый* исток которой распознается только благодаря сравнению, по знакам ее и плодам наряду с отрывочными и темными историческими указаниями и намеками, и (это третье) от совершенно внутренней взаимосвязи *единого* разума и разумного мирозерцания.

Ваших «Фоссиан»⁴ я еще не видел, но позавчера слышал, что они есть здесь. Из письма советнику Партею вижу, что все это было забавой для Вас, — это единственное, что можно с ним поделаться: несчастная, ипохондрическая, раздраженная душа, при своей ипохондричности вполне благодетельная. Из того письма мне было очень приятно видеть, что Вы проявляете заботу о Хинрикссе, он, безусловно, заслуживает этого. С такой поддержкой, как Вы и Дауб, он, конечно, будет держаться на ногах, но вот добывание хлеба насущного — для этого нет средства хуже, чем философия, и философия абстрактная и спекулятивная. Ведь издатели в лучшем случае находят для себя философские курсы или совершенно популярные философские сочинения типа назидательных книг. Я еще не говорил с Партеем — книгопродавцем, который печатает все. Но в отношении темы, которую разрабатывает Хинрикс, появилось одно новое обстоятельство: несколько недель назад, когда один чужак, д-р Феннер, жалкий тип, которого отверг наш факультет, собрался читать лекции для дам о натурфилософии Окена, король наложил на них запрет, поскольку философия эта ведет к атеизму, и возложил на министра ответственность за то, чтобы впредь в королевских университетах не преподавалась такая натурфилософия и ей подобная, ведущая к атеизму (спекулятивное философствование о религии)⁵. («Отношение религии к философии» — такой заголовок может вызвать подозрения, лучше: «Опыты спекулятивного обоснования теологии».)

Нашему уполномоченному я сказал об этом: всякое спекулятивное философствование о религии можно свести к атеизму, важно только, кто это делает; своеобразное благочестие наших дней и злая воля этих и других демагогов, у которых, как известно, благочестие пышно цветет, без труда позаботятся о таких вождях и снова введут в моду полузабытый лозунг «атеизма», после того как слово это опять произнесено. Хинрикс всегда должен иметь в виду прусские университеты. Но и помимо этого, если в каком-нибудь городе — все равно где — [на него] наложат печать, например демагогии или, того хуже, атеизма, то этот человек будет уже везде

в немецкой империи — в пределах Священного союза — носить такую печать — *cauto* [берегись] — на лбу. Я сам напишу Хинриксу об этой стороне дела. Я не просмотрел внимательнее его рукописи, когда она была у меня, с этой точки зрения — насколько она может дать повод для недоразумений в выражениях.

Но теперь еще одно, и притом главное. Прошлой осенью я был в Дрездене⁶, и когда увидел его, то пожалел, что не бывал тут 30 лет, но прежде всего я заметил в нем одно особое удобство — для встреч добрых и ученых друзей. Мне кажется, что Вы, да и Дауб никогда не были там. Что могло бы быть прекраснее, чем иногда съезжаться туда на осенние каникулы. Побывайте там однажды, и Вам захочется бывать там чаще. Я так уговариваю Вас, потому что знаю, что Вам там понравится. Вы скажете, что я выигрываю, так как Дрезден мне ближе, чем Вам. Но между нами нет никакого города — даже и влево, и вправо от пути, — который сам по себе был бы таким приветливым, столь богатым развлечениями — как раз сообразными с каникулами — для совместного *otium*'а [досуга] друзей...

126 (390). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Берлин, 9.6.1821.

[...] Вы хотите, наверное, услышать и о моих делах. Вы знаете, что я приехал сюда, чтобы быть в центре, а не в провинции. И в этом центре мое положение, как я чувствую, вполне удовлетворительно, даже успокоительно, в связи с моей служебной деятельностью, а также и одобрительными настроениями в верхах. В последнем отношении мою должность можно пояснить сравнением с одной баварской. У вас, если я правильно помню, есть так называемые *expositos*¹; такая должность есть и здесь. Кроме того, Вы знаете, что профессор философии — это прирожденный *expositus*. Демагогические беды² я перенес без потерь, правда

не без опасений перед очернителями, клеветниками и т. д., пока не прочитал письма де Ветте³ и не познакомился ближе с некоторыми индивидами, отчасти демагогически настроенными, отчасти же с теми, кто вел дела против них, и, таким образом, увидел, с одной стороны, все ничтожество и вполне заслуженную судьбу одних, с другой же — справедливость властей, проявившуюся, правда, при столь туманных обстоятельствах не с самого начала, а в конечном счете; я увидел и еще больше (так, с прошлого года для моих лекций держат *репетитора*; дело его — слушать мои курсы и по четыре часа в неделю консультировать по ним — с 400 талерами годового содержания; он был арестован по подозрению в демагогии, и десять недель днем и ночью при нем в заключении находился жандарм⁴). Вновь возникшая опасность, надеюсь, не коснется меня. Несколько недель назад (причиной был один ничтожный тип) король своим кабинетным указом возложил на министра ответственность за то, чтобы впредь в прусских университетах не читалась натурфилософия Окена или подобные учения, *ведущие к атеизму* и совращающие молодежь⁵. Вы сами можете рассказать о таких бедах. Я в это лето читаю философию религии, и совесть моя при этом чиста. Вы ведь знаете, я, во-первых, боязливый человек, во-вторых, люблю покой, и мне совсем не доставляет удовольствия наблюдать из года в год, как надвигается гроза, хотя бы я и был убежден, что на меня упадет самое большое несколько капель из этой дождевой тучи. Но Вы ведь знаете и то, что, находясь в центре, можно в виде преимущества иметь более правильные сведения обо всем, что *готовится*, и быть более уверенным в своем деле и в своем положении; и в конце концов — но о конце мне нечего еще сказать Вам, даже и Вам, поскольку нет еще и начала!

Вот Вам подробный и как будто верный очерк моего положения. О дальнейших моих занятиях Вы будете узнавать из печатных трудов. Но и с этим я не тороплюсь чрезмерно [...].

Берлин, 2 авг[уста] 1821 г.

Ваше Превосходительство, столь великую благодарность и одновременно извинения в таком запоздании надлежит мне выразить Вам, что не знаю, с чего начать. Хорошо упакованный прекрасный подарок пришел в целости и сохранности, и я не успевал восхищаться то неисчерпаемостью феномена, то глубоким смыслом представленного, то изяществом исполнения, то плодотворностью вытекающих отсюда следствий, и именно многогранность радости, соединяющаяся в целое в восхищении дружеской добротой Вашего Превосходительства, не допускала меня прежде приступить к подобающим словам благодарности. Но поскольку в абстрактном феномене цвета главную роль играет стекло, то уже сам по себе стеклянный бокал — намного более затейливый прибор, чем треугольная призма в роли кола, коим, держа его в лапах, ангел сатаны побивает физиков. По крайней мере пьющих среди них подобный изящный аппарат должен был бы соблазнить на то, чтобы вытащить из плоти своей кол и, напротив, заглядывать в бокал, а вместе с тем заглянуть и на объективное порождение цвета, каковое можно видеть здесь во всей его наивности. И феномены вторичных цветов столь приятно выступают наружу, когда мы, переходя к следующему этапу, даем стеклу выполнять его более специфическую функцию, наполняя его вином разного цвета¹.

Каким бы поучительным испокон веков ни был бокал вина, он бесконечно выиграл благодаря ходу мысли Вашего Превосходительства. Если вино уже бывало мощной опорой натурфилософии, каковая силится показать, что в природе есть дух, именно в бокале обладая ближайшим и сильнейшим подтверждением такого учения, если уже древними Вахх был признаваем и почитаем по сущности своей как мистический Дионис, — как бы ни шумел и ни злобил, возмущаясь против этого, старый добряк Фосс², то мне представляется, что только теперь, благодаря подаренному Вашим Превосходительством бокалу, для меня раскры-

лось верное понимание мистического мирового бокала друга моего Крейцера³. Чем иным может он быть, если не прозрачной всеобъемлющей оболочкой с желтым, проросшим двенадцатью златыми знаками Зодиака поясом, являющим пестрый мир красок, будучи обращаем как к блестящему Ормузду, так и к мрачному Ариману⁴? Но чтобы не оставался он миром схемы, о том заботятся эти золотые кроны листьев и плоды, наполняющие бокал кровью, той, из которой черпают силы и бодрость разноцветные тени, как тени Элизимуа из бараньей крови, которую дал им выпить Одиссей. Но каждый раз экспериментируя с этим многозначительным кубком, пью за бодрость и здоровье Вашего Превосходительства, и в памяти о Вас еще более, нежели в символической прайстории, черпаю свежесть и новые силы и праздную торжество подтвержденной веры своей в пресуществление всего внутреннего и внешнего, мысли в феномен и феномена в мысль, равно как благодарность к подтверждающему эту веру.

За этими виватами нередко бывает, однако, что вырвется какой-нибудь *regeat* [да погибнет] филистерам. Мне кажется, я вспоминаю, что Ваше Превосходительство еще лет двадцать тому назад проронили слово о желании своем пригвоздить к столу ослиные уши физиков. Если позднейшее мягкосердечие и удержало Вас от того, чтобы дать ход справедливому делу, то все же история того, как принимали Ваше учение о цвете, составила бы интересную картину — в параллель к принятию «Вертера», а детальное изложение и опровержение предъявленных Вам возражений произвело бы значительное впечатление, даже показалось бы неизбежным для того, чтобы наступил период обсуждения аргументов и контраргументов. Умалчивать, не замечать — вот излюбленное средство спеси, лености, а по отношению к публике самое действенное средство сохранения своего авторитета. Счастье еще, что некоторые все же говорили; но ремесленникам это опять-таки дает довод, будто бы на Ваши так называемые «сомнения» уже дан ответ, и на этом они будут стоять, что якобы никаких возражений не поступало. И я бы хотел, чтобы этим важным людям испортили их утехы: жела-

ние такое снова пробуждается во мне, поскольку только что один молодой человек принес мне «Всеобщие принципы науки» (2-ю часть) моего коллеги из Киля, фон Бергера, где о «критике опытов за и против и выводов из них» говорится *simpliciter* и *par parenthesim* [попросту и в скобках]: «(в каковом отношении *отсылаем* читателя к ясному изложению и оценке спорного вопроса у нашего друга К. Г. Пфаффа в сочинении и т. д.)⁵». Если я правильно помню это так называемое сочинение «и т. д.» Пфаффа, то он основывается там главным образом на опыте с линзами; Вы в «Учении о цвете» и так остались у нас в долгу в том, что касается этой стороны отражения прафеномена, и обстоятельство это снимет всю. полемичность даже в устранении Пфаффа, если Вы возьметесь за таковое не в прозе (ибо Вы, наверное, в стихах обратитесь к этому вопросу). Но такие простецкие ссылки на самом деле слишком уже благостны и самодовольны, чтобы Ваше Превосходительство могло допустить подобные манеры; да и возможны они лишь до тех пор, пока за этим «нашим другом» остается последнее слово⁶.

Тот молодой человек, г-н д-р фон Хеннинг, который, насколько я знаю, имеет честь быть известным Вашему Превосходительству, открыл мне сегодня свое намерение сделать обзор всех официальных обсуждений «Учения о цвете»; у него есть усердие, понимание и достаточные знания самого дела, у меня есть надежды на него; но вообще он очень занят и не может, как следовало бы, посвятить полгода исключительно этой работе; я не премину поощрять его к этой работе и буду помогать ему, в чем только могу. Мне, по-видимому, не следовало бы говорить об этом в том же тексте, где я выражаю пожелание, чтобы подобный замысел был исполнен Вашим Превосходительством; но, не оставляя надежды на это, по крайней мере на рассмотрение некоторых, особо интересных моментов Вашим Превосходительством, надеюсь, что работа моего друга может быть полезной в своем роде. Если она успешно пойдет, я извещу об этом, и тогда Вы, быть может, позволите при удобном случае спрашивать у Вас совета⁷.

А в заключение Ваше Превосходительство позволят мне сердечно и благодарно выпить за Ваше здоровье из бокала не только веры, но и видения в честь этого дня и на будущее, в честь 28 числа — *nam de se-
tera sumi*⁸.

Вашего Превосходительства
покорнейший
Гегель

128 (406). ГЕГЕЛЬ — ФОН ИСКЮЛЮ

[Берлин, 28 ноября 1821]

...Ваше счастье, что отечество Ваше занимает такое значительное место во всемирной истории, без сомнения имея перед собой еще более великое предназначение. Остальные современные государства, как может показаться, уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, у многих кульминационная точка уже оставлена позади и положение их стало статическим. Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди всех прочих, в лоне своем скрывает небывалые возможности развития своей интенсивной природы. Ваше личное счастье, что благодаря своему рождению, состоянию, талантам и знаниям, уже оказанным услугам Вы можете в самое ближайшее время занять не просто подчиненное место в этом колоссальном здании...

129 (409). ГЕГЕЛЬ — ХИНРИКС

Берлин, 4 апр[еля] 1822 г.

Посылаю Вам рукопись¹, она еще не совсем закончена, недостает только 1—2 листов; но мне не хотелось задерживать Вас еще больше, чтобы в конце концов не опоздать совсем.

а) Время не позволило привести рукопись в лучший вид; вынужденный прерывать работу, я часто терял связь; значит, в редакции это может обнаружить себя не иначе, чем...

б) Вы печатаете у себя в городе, значит, позаботитесь о качестве оттисков; все места, где абзацы и дополнения на полях, правильно отмечены. Но нужен внимательный наборщик, и даже скорее внимательный руководитель, и этим последним будете Вы; где Вы увидите недостатки, исправляйте.

с) Велите отпечатать для меня особо дюжину или примерно столько экземпляров. Пошлите один экземпляр нашему господину министру.

д) Я же с нетерпением жду Вашей работы; поскольку она уже отпечатана, не мог бы я получить уже один экземпляр?

Простите мне общий характер содержания, частично повторяющего уже сказанное в других местах; связанная с моим существованием необходимость отвлекаться не допускала ничего иного; к нашей нынешней теологии здесь есть местами прямые подходы, что Вы и Дауб не можете не заметить. А от Дауба я жду открытого объяснения — догматика ли это объединенной евангелической церкви, когда предлагают нам в качестве таковой бесстыдство и поверхностность, правда только в виде первой части, быть может, потому, что не осмеливаются на большее в эту эпоху угнетения, как принято говорить [...].

130 (410). ГЕГЕЛЬ — ХИНРИКСУ

Берлин, на пасху 1822 г.

Отправлено 9 апреля.

С этим письмом следуют, уважаемый друг, последние листы моего предисловия; начало отправлено отсюда с почтой 4 апреля. Заключение составляет одно место из Вашего письма относительно субъективного развития и направленности сочинения; место это тронуло и порадовало меня, столь же приятно мне опубликовать его теперь. Там с четкой определенностью говорится о тенденции Вашего трактата, и если бы Вы сами должны были высказаться в печати о Вашей внутренней потребности, то Вы не могли бы сделать

этого столь же просто и бесхитростно. Некоторые строки я поначалу выпустил, поскольку лишь сегодня я нашел кусочек бумаги с вырванной печатью, содержащий пропущенные слова. Слова в Вашем тексте, характеризующие более конкретно мою философию, я вычеркнул. Одно слово, которое я поставил для ясности, заменив им местоимение, дает, вероятно, тот смысл, который предполагали Вы, но это не было вполне мне ясно. Чтобы устранить неясность, я поставил существительное, так как теперь по крайней мере хорошо и так и должно оставаться. А теперь лучшие пожелания в связи с настоящим вступлением в мир. Какого приема следует Вам ожидать, я сказал в предисловии. Многое там написано специально для *Дауба*, которого прошу сердечно приветствовать и от которого надеюсь вскоре тоже получить что-нибудь печатное. Есть необходимость в том, чтобы все мы постепенно возвышали голос. Скажите *Даубу* совершенно по секрету, что министр думает пригласить сюда его и *Шварца*, чтобы обсуждать дела церкви и теологии. Скажите ему, что нет ничего, чего бы я желал больше, но что у нас проходят дни и годы, пока исполнится задуманное. Если министр будет говорить со мной об этом, то я скажу ему, что ему стоит только просить обоих господ о 1) присылке статей их церковного союза; 2) критике догматики евангелической церкви (автор которой¹, по-видимому, не осмелился показаться на людях со своей второй частью, которая должна была выйти к рождеству), и тогда он увидит, что думают они о теологии и о такой берлинской теологии [...].

131 (413). ГЕГЕЛЬ — АЛЬТЕНШТЕЙНУ

Ваше Превосходительство
оказали мне милость, подав мне приглашением в здешний университет надежду, что исполнение планов Вашего Превосходительства в отношении научных заведений предоставит Вам случай открыть предо мной новое поле деятельности и в дальнейшем повысить мои доходы¹.

Осуществление этих милостивых заверений я мог рассматривать исключительно в связи с высокими намерениями Вашего Превосходительства в деле поощрения наук и образования юношества и в этой связи считать лишь второстепенными мои личные пожелания улучшения моего экономического положения. Поскольку, однако, прошло четыре с половиной года с моего вступления в должность и разного рода домашние беды сделали мое положение тягостным для меня, то последнее не могло не напомнить мне о прежних милостивых словах Вашего Превосходительства, и благорасположение Вашего Превосходительства позволяет мне говорить с Вами о моих пожеланиях, возникших ввиду упомянутых обстоятельств. Не без благодарности я, со стороны экономической, оценил некоторое повышение моих доходов в связи с благосклонной передачей мне функции при здешней Королевской научной экзаменационной комиссии. Эта прибавка почти поглощается, однако, тем, что ввиду близящейся старости я тем более обязан думать об обеспечении будущего жены моей и детей, что все собственные средства, которые я имел, я принес в жертву своему образованию, каковое посвящаю теперь Королевской службе. Уже вступление во всеобщую вдовью кассу для ежегодного получения моими наследниками суммы в 300 талеров вместе с тем, что должен вносить я в университетскую вдовью кассу, вводит меня в ежегодный расход в 170 талеров, и при столь значительном годовом пожертвовании мне не могут не представляться два обстоятельства: что в случае, если я скончаюсь не в качестве профессора Королевского университета, все взносы мои в университетскую вдовью кассу будут совершенно потеряны и что ввиду вступления моего во всеобщую вдовью кассу вдова моя и дети тем менее смогут ждать милостивой поддержки Его королевского величества.

Помимо этих значительных затрат на обеспечение моей семьи болезнью, случившиеся в ней, столь высокая в этом городе стоимость воспитания подрастающих детей, ухудшение с недавних пор моего здоровья воз-

лагают на меня такие расходы, которые я не могу погасить своими прежними доходами. Откровенно смею добавить к этому, что научный предмет, которому я посвящаю свои силы на Королевской службе, такого рода, что основательная и добросовестная разработка его требует большего времени и совсем иных усилий, нежели предметы многих других профессоров, а потому оставляет мне мало времени для восполнения моих доходов с помощью писательских трудов, помимо того что философские работы для публики обычно влекут за собой лишь незначительное вознаграждение.

Я полагал, что обстоятельства эти позволяют мне проявить смелость и почтительнейше обратиться к милостивой благосклонности Вашего Превосходительства, каковую проявить Ваше Превосходительство изволили еще в прошлую осень по случаю путешествия, ставшего необходимым для восстановления моего здоровья и пригодности моей к выполнению служебных обязанностей, и верноподданнейше препоручить высокому вниманию Вашего Превосходительства обстоятельства мои и питаемые мной надежды².

Вашего Превосходительства
верноподданный
Гегель, профессор
здесь Королевского университета.
Берлин, 6 июня 1822 г.

131a (418). ГЕГЕЛЬ — АЛТЕНШТЕЙНУ

Ваше Превосходительство соизволили столь благосклонно рассмотреть мое верноподданнейшее представление от 6 числа прошлого месяца, что я чувствую себя обязанным выразить самую искреннюю мою благодарность. Чрезвычайное вознаграждение, милостиво дарованное мне 26 числа того же месяца, освобождает мое экономическое положение от многообразных и не терпящих отлагательства забот, коими оно было отягощено, и это вспомо-

пешествование приобретает для меня еще более высокое значение благодаря тому деликатному способу, коим таковое было предложено мне, и благодаря тем милостивым словам, коими Ваше Превосходительство сооблаговолили сопроводить таковое. Дозвольте, Ваше Превосходительство, принести Вам мою особую благодарность за эти слова, тем более сердечную, чем более укрепляет и вдохновляет меня в моем тяжелом призвании благосклонное удовлетворение Вашего Превосходительства моей публичной деятельностью.

Дальнейшее совершенствование внешних условий моей жизни я имею смиреннейше предоставить мудрому усмотрению Вашего Превосходительства с тем безусловным доверием, с которым я последовал почетному приглашению Вашего Превосходительства поступить на Королевскую государственную службу. При том объеме занятий, который присущ профессии, избранной делом моей жизни, я не могу думать о каком-либо ином расширении таковых, нежели то, какое ближайшем образом само собой примыкает к ним, а именно о завершении начатых мною научных трудов и придании моим научным устремлениям большей действительности и направленности в сторону более широкой публики. Отныне я могу не опасаться, что заботы внешнего характера внесут смуту или расстройство в мою работу, для счастливого успеха каковой потребны свобода и светлая ясность духа, ибо своими милостивыми обещаниями Ваше Превосходительство совершенно успокоили меня в этом отношении, тогда как неоднократные и недвусмысленные доказательства создали у меня служащее дальнейшим ободрением убеждение в том, что возможные опасения высших государственных инстанций в отношении философии, опасения, повод к каковым легко мог быть подан извращенными устремлениями внутри таковой, отнюдь не коснулись моей публичной деятельности как преподавателя и что я не без признания и безуспешно трудился на своей ниве, способствуя обретению учащимся юношеством правильных понятий и стремясь быть достойным доверия Вашего Превосходительства и Королевского правительства.

С чувством почтительнейшей благодарности пре-
бываю

Вашего Превосходительства
покорнейший

Гегель, профессор
здесь Королевского университета

Берлин, 3 июля 1822 г.

132 (421). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Берлин, 18 июля 1822 г.

[...] Я, правда, надеюсь получить наилучшие вести о здоровье Вашем и Вашей жены и узнать, что с этой точки зрения Вам не требуется путешествие. Но для укрепления здоровья таковое всегда полезно; а Ваша бывшая подвижность, наверное, не покинула Вас еще настолько, чтобы я не мог надеяться, что однажды Вы отправитесь в Мекленбург и при этом посетите и нас. Маленькую поездку совершу этой осенью и я хотя бы потому, что я получил на нее деньги от министра, не говоря уж о том, что я приглашен в Петербург в обществе г-на Франца фон Баадера¹; в противном случае я остался бы здесь, чтобы работать. Зимой я буду читать философию всемирной истории; для этого мне надо еще многое обозреть.

Прилагаю несколько листков, написанных как предисловие². Эти слова, касаясь философии, теологии, христианства, по преимуществу посвящены предметам Ваших интересов, и я хотел бы, чтобы Вы одобрили их принципы. В таких материях вообще можно ожидать согласия лишь немногих. Но хуже всего приходится с разумными понятиями о материях государственных; однако я в печати засвидетельствовал, что и не хотел лучшего приема со стороны этого разглагольствующего о свободе сброда³. Но и не следует беспокоиться об этих посторонних вещах.

Прошу вручить экземпляр оберфинанцрату Роту. Передайте привет мой и моей жены ему и мадам фон Рот. Хотел бы особенно поблагодарить за подаренные сочинения Гамана, столь интересные для меня⁴ [...].

Берлин, 30 июля 1822 г.

Мне надлежит принести Вам, глубокоуважаемый господин, свои извинения за задержку ответа на благосклонное письмо, каковым Вы пожелали почтить меня. Первое Ваше письмо обрадовало меня возможностью познакомиться с искренним другом истины, а второе теперь и со знатоком форм, в каковые стремится философия облечь истину, равно как с человеком, зрелым благодаря опыту внешней и внутренней жизни, деятельным в практическом призвании, удовлетворенным как своими трудами, так и семейной жизнью. Эти сведения, сообщенные Вами о себе, облегчают мне ответ, не только предоставляя мне более конкретные исходные моменты для изложения мыслей, но и являя мне душу, единую с самой собой и своим положением, внутреннее здоровье духа, каковое, верно, создает для индивида основу подлинного познания, тогда как в противном случае раздумья легко могут приводить к болезненному копанию в своей душе, не знающему ни начала, ни конца прежде всего потому, что она и не желает знать их.

Что касается объяснения мыслей моих об истине, о чем Вы просите меня, то вы сами знаете, что подобные мысли, дабы быть оправданными, требуют исчерпывающего истолкования и письмо может ограничиться лишь общими указаниями; равным образом Вы желаете, чтобы я указал то из моих сочинений, где Вы могли бы обнаружить требуемое. Постараюсь соединить ответ на оба вопроса.

Мне не надо говорить о том, что вообще истина ближайшим образом открыта для человека в религии, что она оживлена и оплодотворена опытом его жизни и его души; ибо постигать в форме *мысли* есть уже дальнейшая потребность — то есть потребность в том, чтобы, пользуясь употребленным Вами выражением, не просто обладать ею в вере, но и видеть ее — именно глазами духа, ибо телесными глазами это невозможно — *ведать* истину. А интересы Вашего духа давно уже привели Вас к точке зрения такой потребности.

[Итак, мне не приходится указывать на первую форму, равно как говорить о переходе ее во вторую, то есть веры в знание. Только одно позвольте мне заметить, что сразу же составляет важное различие, берутся ли вера и знание как различные по своему содержанию или же как разные формы одного и того же содержания. И в этом отношении мой взгляд состоит в том (причем это для меня один из важнейших пунктов), что религия, конечно, могла обманывать индивидов, но не народы и не поколения и что философия до тех пор не завершена, по крайней мере в изложении своем, пока ей не удастся осуществить примирение и гармонию веры и знания.]¹ О соотношении этих форм я рассуждал недавно на нескольких страницах, экземпляр которых осмелюсь приложить теперь к письму (прошу сначала внимательно исправить указанные опечатки) и которые являются предисловием к сочинению одного из моих учеников, д-ра Хинрикса, «О религии в отношении к науке».

Но мысль о понимании, постижении истины в мышлении сейчас же встречается с кантовским взглядом о простой субъективности мышления — взгляд этот известен Вам и Вы поднялись над ним. Поскольку Вы, как вижу я из Вашего письма, француз по рождению и, кроме того, человек, занятый здоровой деятельностью, Вы не могли остановиться на таком немецком ипохондрическом взгляде, который обратил в тщету все объективное и только наслаждается этой тщетой в своей душе. [Говоря так, я отнюдь не забываю о заслугах кантовской философии — на ней я сам воспитан — для прогресса, и даже в особенности для революции в философском образе мысли.] Но и отвлекаясь от прочих заслуг кантовской философии, приведу в пример только одно — насколько интересно и поучительно не только видеть у Канта, в его так называемых постулатах, потребность в идее, но и ближайшее определение таковой. Все сказанное в его «Критике способности суждения» о мысли *созерцающего рассудка, цели в самом себе*, которая в то же время существует и *естественным образом* — в органических вещах, все

это может послужить введением для дальнейшего развития взглядов. Правда, нужно отвлечься от высказанной там точки зрения, что подобные идеи берутся только как субъективный принцип рассмотрения. Скажу здесь о том, что приводите Вы в своем письме, — о том, что идею я понимаю как *становление*, как единство бытия и ничто. Отмечу здесь два момента. Во-первых, бытие и ничто суть наиабстрактнейшие, наибодейнейшие, а потому первоначальные формы противоречия; другие такие формы, из которых ни одной нельзя, однако, придерживаться в отдельности, — бытие и сущность, бытие и мышление, идеальность и реальность, понятие и объективность, подобно изменчивому и неизменному у Рейнгольда — соединение и различение и т. д. Напротив, научным способом представления идеи я считаю такое, при котором раскрывается процесс, причем начиная с абстрактного, ибо всякое начало абстрактно, и кончая конкретным, как процесс движущийся сам по себе и саморазвивающийся. Вообще идея по существу своему конкретна как единство различного, а высшее единство есть единство понятия с его объективностью, почему и истина, но уже в связи с представлениями, определяется как совпадение таковых с предметами. Но затем я беру истину еще и в том более определенном смысле, что она присуща или не присуща предметам в них самих. Неистинный предмет вполне может существовать, а у нас может быть правильное о нем представление, но такой предмет не то, чем он *должен быть*, то есть он несообразен со своим понятием (это мы называем также дурным). Дурное действие не истинно, понятие разумной воли в нем необъективно, а понятие такое есть то, чем должно быть действие, то есть присущее ему предназначение. Поэтому только идея в высшем ее значении, бог, есть истинно истинное, то, где у свободного понятия в его объективности нет уже неразрешенных противоречий, то есть то, что никоим образом больше не сковано конечным. Во-вторых, замечу, что следует выставлять такие определения, как: *идея* есть *единство* бытия и ничто, понятия и объективности, изменчивого и неиз-

менного и т. д. — и такие тезисы, как: бытие *есть* ничто, понятие *есть* объективность, идеальное *есть* реальное, и наоборот. Но одновременно нужно знать, что все подобные определения и тезисы односторонни, а посему оппозиция им правомерна. Присущий им недостаток и состоит как раз в том, что они выражают по преимуществу только *одну* сторону, *единство*, существование (*das Ist*) и, следовательно, не выражают наличного различия (бытие и ничто и т. д.) и того негативного, что заключено в сопряжении таких определенностей. Поэтому вполне обоснована манера Рейнгольда выражаться — *различающее соединение* и т. д. В этом отношении взгляд мой состоит в том, что идея может быть выражена и постигнута только как процесс в ней самой (пример — *становление*) и как движение. Ибо истинное не есть нечто только покоящееся, сущее, но есть только нечто самодвижущееся и живое; вечное различие и существующее в Едином сведение всякого различия к тому, чтобы оно уже не было различием; что также, будучи понято как некий способ восприятия, может быть названо вечной любовью. Идея, жизнь, дух — они существуют только как движение в самом себе, как такое движение, которое равным образом есть абсолютный покой.

Однако время кончать и поэтому прибавлю только одно: я склонен думать, что содержание это наличествует во всяком подлинном сознании, во всех религиях и философских системах, но что наша нынешняя позиция состоит в том, чтобы познавать это содержание в его развернутом виде, что не может происходить иначе нежели научным путем, единственным, каким может быть оно подтверждено. Я при моем положении взял на себя труд способствовать возвышению философии до уровня науки, и только эту цель преследуют все мои прежние работы, отчасти несовершенные, отчасти еще не законченные. Обзор проблем я пытался дать в своей «Энциклопедии», которая весьма нуждается, однако, в переработке. В соответствии с этой целью рассматривайте и Вы мои прежние и будущие сочинения; моя «Логика» и затем моя «Философия

права» (бельмо в глазу у демагогического народца) призваны стать такой научной разработкой — первая всеобщего, вторая — одной из частей идеи, открывающейся в действительности, идеи, которая во всем *едина*. Здесь Вы сможете лучше рассмотреть мой метод, который стремится только развить процесс, необходимо следующий из понятия, а в остальном не должен заботиться ни о каких основаниях и мнениях и не оглядываться в поисках таковых.

Остается только пожелать, чтобы эти немногие слова помогли Вам познакомиться в общих чертах с моими взглядами и способом философского рассуждения, как Вы того просили. Из этого моего опыта Вы по крайней мере увидите, что я был весьма обрадован узнать в Вашем лице друга философии (друзей невежественного самомнения множество). С глубоким уважением

покорнейше
проф. Гегель

134 (425). ГЕГЕЛЬ — ХИНРИКСУ

Берлин, 13 августа 1822 г.

[...] Пока я знаю только, что Ваше сочинение¹ произвело хорошее впечатление; именно спекулятивный тон и глубина хорошо рекомендуют его у нас, то есть в известных, притом весьма высоких, сферах, отчасти как таковые, отчасти же потому, что такая манера не задевает и не выказывает тех слабостей, которые легко могут вести к недоразумениям, проистекающим из популярных изложений. Правда, у плоского и незначительного философствования тоже есть это преимущество — отсутствие чего-либо опасного и повода быть скомпрометированным; но подобное философствование не предпочитают у нас другим формам.

Господин министр выразил мне весьма благосклонное отношение к Вам, когда я воспользовался случаем, чтобы заговорить о моем предисловии к Вашей книге и о ее авторе [...].

Магдебург, 15 сент[ября]
1822 г.

Ваше Превосходительство, мне надлежит выразить свою учтивейшую благодарность за благосклонно присланный четвертый естественнонаучный выпуск¹; читая его, я не только имел случай насладиться множеством пробуждающих мысль идей и аналогий, поучительных замечаний и пр. и Вашим постоянно дружески участливым духом, созерцающим и охватывающим целое, но кроме этого обнаружил, что Вам было угодно не только дружески принять мое письмо, но и опубликовать его, снабдив заглавием «Поощрение»². Если нас одаривают столь многообразными и изобильными радостями и одолжениями, мы обязаны отвечать по крайней мере благодарной признательностью и к этому можем что-либо прибавить, лишь приглашая и других к участию в наслаждении и дорабатывая внешние стороны, выводы и т. п.

Меня не может не радовать, что я побудил г-на д-ра фон Хеннинга углубиться в «Учение о цвете»³, тем более что ко всему уже достигнутому им Вы присовокупляете еще свое доверие, поручая ему редактировать дальнейшие специальные заметки, разработки, разъяснения и т. п., предоставляя нам это завершение труда к нашему поучению. Поскольку он вскоре будет у Вас или уже теперь у Вас, он сможет рассказать Вам о дальнейшем; вероятно, он сможет также более понятно изложить мой новый взгляд на способ действия призмы. Но в дальнейшем я сам дам себе труд яснее выразить свой *арегси* [взгляд] и такую точку зрения, исходя из которой это может представить интерес, формулируя такую точку зрения для более конкретного назначения в будущем, ибо только об этом и может идти речь. Он [Хеннинг] сможет также сообщить Вам, что серый цвет почти совершенно пропал у меня.

Поскольку Вы и тайный советник Шульц все время пересылаете друг другу схему цветов, он показал мне, что написали Вы ему в последнее время об этом предмете, и я хочу коротко отметить то, что более подробно

изъяснит г-н фон Хеннинг; один философский момент привходит сюда. Для начала мне ничего неизвестно, кроме Вашей, обычно применяемой схемы на стр. 241 4-й тетради:

	Красное	
Желтое		Голубое
	Зеленое	

Фиолетовое и желто-красное оставим пока в стороне как *обычные количественные смеси*.

Для начала противоположность *желтого и голубого* не представляет никакой трудности, соответственно светлый и темный фон — и мутное или затемнение и просветление мутного, которое по сравнению с первым есть темное, по сравнению со вторым светлое помутнение.

Но во-вторых, *красное и зеленое* — это две крайности, определяемые совершенно иначе, вторая противоположность другой природы. Существенным я здесь считаю в первую очередь, что уже желтое и голубое являются *качественными* крайностями и нам не обойтись здесь одними *количественными* различиями, которые, вообще говоря, относятся только к пирамиде цветов и, напротив, лишены всякого интереса для теории и созерцания. Далее, красное и зеленое нужно равным образом понять как качественно различные — в противоположность друг другу, равно как эту вторую противоположность — в противоположность первой. Все это сказано уже у Вас, и я никогда не понимал Вас иначе, хотя Вы воздерживаетесь от пользования такими формальными обозначениями, как качественное и количественное.

Во-первых, вторую противоположность в отличие от первой я позволил себе и должен был понять как *равномерную*, исходя из Вашего толкования, разумея ее как равновесие синтеза — безразличное проникновение фона и мутной среды, так что, собственно, различие фона и среды уже не имеет значения. Мне не нужно приводить Вам документальные подтверждения из Вашего труда. Если мы возьмем это за основу, то теперь это синтетическое единство надлежит подчинить

различию; в первом случае это будет простая *нейтральность*, растворимость и, может быть, даже смешение — вроде механического — голубого и желтого порошка; но и химическое равновесие есть *нейтральность*. Красное, напротив того, было бы *индивидуальным* единством, — обратившись внутрь, оно стало *субъективным*, — чтобы коротко выразить сущность этого единства термином; а форму единства как *индивидуальности* менее всего приходится объяснять Вам. Вы поэтому провозгласили красное *королевским* цветом среди цветов, мы же — *милой проникновенностью* розы — то и другое с легким изменением оттенка.

Я хотел бы, чтобы в этом повороте дела Вы увидели Ваш смысл за нашими формами; тогда я счел бы свое истолкование оправданным.

Наконец, замечу, что я осмелился переписать на белом несколько статей в том виде, в каком они были, и прилагаю их к письму⁴. Своим возникновением они исключительно обязаны беседам с г-ном Шульцом и фон Хеннингом в прошлую зиму, касаются они частных обстоятельств; первая, возможно, представляет более широкий интерес для удаления *близкого и далекого*, приводящего в случае двойного зрения. Третью я никак не успел отредактировать; она равным образом касается Пфаффового эксперимента, которым тот особенно кичится и на который Вы буквально указали ему на стр. 454 и след. «К учению о цвете» — о 2-м и 8-м опытах Ньютона; здесь есть одно обстоятельство, заслуживающее особого внимания.

Однако мне нужно кончать; в Берлине я уже не успел написать это письмо и потому вынужден просить прощения за скверные гостиничные чернила. С искреннейшим уважением имею честь называть себя

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугой,
проф. Гегель.

P. S. Прошу Вас быть снисходительным к чертежам; часть их тоже нарисована здешними бледными чернилами; вино же было не так насыщено водой,

Воскресенье утром, 15. 9. 1822.

Доброе утро, дорогая Мария, привет тебе от солнечных лучей Мариенбурга, ибо это Магдебург, а дева — святая Мария, которой храм посвящен или раньше был посвящен¹.

Прежде всего тебе надо было бы сказать после «доброе утра», что мы прибыли благополучно, и это отчасти следует само собой; общество состояло из порядочных людей; ночью было холодно, но 4 шерстяные оболочки, сиречь сюртука, вполне сохраняли меня, так что, с трудом стянув с себя эту оболочку, я оказался в целости и сохранности. Мы приехали вчера днем в час, но из Магдебурга труднее выехать, чем в него въехать. Энергичность господина почтового президента и прусский разум еще не бросили взгляд на здешние почтовые кареты, по крайней мере в том, что составляет мой интерес сейчас. Только во вторник днем карета отправляется в Кассель. Ежедневная карета, с которой я прибыл сюда, не стоит ни в какой связи с расписанием. Оставаться здесь до вторника — это долго. Так что пока я решил, поскольку рано утром карета едет в Эрфурт, пуститься туда; как замечательно лично привезти Гёте пакет, который я хотел отправить отсюда почтой, а оттуда двинуться по большому тракту! Засим я посмотрел на почтовую карету — что за телега! И в ней надо было бы 44 мили катить в Кассель — итак, решено, ехать курьерской, однако слышу, что на такой-то карете, кибитке под открытым небом, довезут дальше. Итак, решение принято — возвращаюсь, недолго думая, в Берлин, забираю свою карету и в полной готовности весело продолжу свое оздоровительное путешествие. И с этими радостными мыслями о скорой встрече с вами уснул и спал вполне прекрасно, но, как видишь, не так, как Петер с мыслью остаться дома, а, напротив, с мыслью хорошенько поездить. Да и в первом не было бы никакого чуда, потому что на самом деле я отправился в путь с величайшим нежеланием, с большим, чем смел сказать; и, не получи я денег, меня не так-то легко

было бы побудить к этому, как бы то ни было нужно.

Между прочим, все, что можно видеть здесь, я увидел вчера вечером: знаменитый собор — может быть, он и замечателен сам по себе, но вся архитектура его не такой хороший замысел, как у нюрнбергских готических церквей, а все художественные произведения, которые есть внутри, — множество резьбы и литья, живописи и гипса — все это из рук вон плохо. Апостолов, литых Фишером, нюрнбержцем, не сравнить с нюрнбергскими². Все предметы — просто ремесленные поделки! Самое милое, что я видел, — генерал Карно, приятный старец и француз, тот самый, знаменитый; он дружески воспринял мой приход к нему. Потом я гулял по Эльбе, проплыла флотилия из 13 гамбургских кораблей с надутыми парусами (каждый с двумя, но только на одной мачте), прекрасная река, прекрасные бескрайние плодородные равнины (здесь, а вообще между Потсдамом и Бургом, как я видел днем, запустение), еще красивее совершенно ясное небо...

Только что пришел кучер, который привез англичанина, который, по всей видимости, не англичанин, а немец, — его он должен за три дня доставить в Кассель; к нему я присоединюсь...

137 (433). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Кассель, 18 сент[ября] 1822 г.

Итак, в Кассель я прибыл сегодня в 11 утра благополучно и, много побродив утром и вечером, хочу сейчас в сумерках побеседовать с тобой, дорогая, и приступить к отчету о своей жизни и путешествии... Не так быстро идет оно, как я поначалу предполагал. До сих пор мне довольно-таки везло: для людей, у которых имеются деньги и которые не сворачивают с широкой дороги, мир устроен хорошо; но нужно еще, чтобы они получали вести от своих родных; я уехал спокойно, но не могу быть совсем беззаботным, и вообще я отправился в дорогу с большим нежеланием и еду сейчас

дальше только потому, что уж нахожусь в пути и так должно быть.

Но теперь к делу. Стало быть, из договоренности с англичанином, чтобы взять сюда платного кучера, ничего не вышло, так что в Магдебурге мы в понедельник днем сели на дилижанс — и в Брауншвейг. Этот маршрут в Кассель самый обычный, на одну или две мили длиннее, чем тот, который я имел в виду как самый прямой, и тут всюду превосходные дороги и хорошие почтовые кареты, так что должен просить прощения у прусского почтового ведомства, на которое сердился в прошлом письме из-за других маршрутов; карета мягко выстлана, обита зеленым сафьяном и т. п. Около пяти утра во вторник прибыли в Брауншвейг. Когда предложили ехать через Брауншвейг, мне сразу же вспомнилось, что г-н уполномоченный правительства Шульц говорил мне об одной картине, которая находится здесь и сама стоит целой поездки. Поэтому мы осмотрели тамошний музей, особенно картинную галерею, и видели очень хорошие и замечательные работы. Та картина, о которой говорил Шульц, отличается совершенно своеобразным великолепием.

Проспав вторую половину дня, но сперва осмотрев прекрасные сады, железный обелиск — в 70 пядей высоты — в память полководцев, павших в последнюю войну с французами, вечером еще скверную комедию, после десяти снова сели в дилижанс. [...] Ночь была прекрасная, ярко сияли звезды, особенно красиво возшла утренняя звезда. Теперь днем мы увидели уже другой лик природы, не тот, что раньше, не было уже бесплодных или плодородных низменностей, а дубовые рощи, горы, холмы, пологие склоны заняты полями, низины — лугами — словом, родная природа, родная для меня, потому что для тебя Берлин — родная стихия, хотя, может быть, в несколько увеличенной дозе. Стало быть, вот по такой прекрасной земле мы и ехали. Со своим англичанином, который говорит по-французски, немножко и по-немецки, я вполне сошелся; это молодой человек лет 25—26, красивый, похож на актера Блюма, но держится лучше, добродушный, хорошо обо

всем осведомленный, едет из Италии и путь держит в Париж, чтобы оттуда через Милан отправиться в Константинополь, лицо частное, не слишком толст, богат, короче, таких спутников я бы желал себе наперед. В Нортхейме, куда мы прибыли вчера днем в 3 часа (вчера в среду) и где карета должна была ждать другую до 8—9 вечера, я решил, что мне трудно будет проводить третью ночь без постели и без настоящего сна; я взял курьерских — сначала дорога повела меня в Гёттинген, в ученый Гёттинген; скажи только милому Шульцу, что я как ординарный берлинский профессор не нашел ничего странного в том, чтобы собраться и уехать в пять минут, и, правда, не отряхнул прах с ног своих, выбравшись за город, но только лишь потому, что не успел набрать его. Итак, я отправился в Мюнден, куда приехал в 10, и до сегодняшнего утра, до 6, спокойно проспал в постели и наконец прибыл сюда. Очень приятная дорога. Кассель превосходно расположен на широкой равнине — Геркулеса на Вильгельмсхёэ можно видеть уже за несколько часов как вершину посреди горной цепи. И сам Кассель очень красив; улицы — одна часть — в берлинском стиле; «Луг» — это поле, похожее на Новый сад в Потсдаме, красивый зеленый газон с крепкими деревьями разных видов, в разных местах, совсем без кустарника, — так что все просматривается; очень приятно гулять здесь — в конце красивая водная гладь, с плакучими ивами на берегу, тут и там скамейки, есть и дом, где можно на вольном воздухе пить кофе, то есть цикорную бурду; уже много дней я пил ее, а не кофе — вся брауншвейгская земля залита потоками этого суррогата. Завтра пойду на Вильгельмсхёэ и в галерею; сегодня англичанин оставил меня одного...

В пятницу вечером 19. 9. 22.

Когда сегодня после обеда я снова отправился на почту, где записался на завтрашний дилижанс в Тиссен — дальше дорога отклоняется от Франкфуртского шоссе, сворачивая на Кобленц, — я получил твоё письмо, моя дорогая, и не могу выразить тебе, какую радость оно мне доставило...

Еще немного о сегодняшнем дне; коротко обо всем сразу, иначе описание, чтобы быть достаточным, будет слишком обширным; до обеда я был в библиотеке и видел картинную галерею, самые прекрасные экспонаты которой, вместо того, чтобы вернуться сюда, отправились из Парижа в Петербург, но и осталось много превосходного¹. Во второй половине дня я вместе с англичанином, которого опять встретил здесь, поехал на Вильгельмсхёз, прекрасная точка! После того как мы поднялись по 500—600 ступеням, нам стало скучно забираться еще и на Геркулеса. Это прекрасный летний дворец, где живет курфюрст, с восхитительными аллеями и прекрасным видом на Кассель и на плодородную долину в обрамлении дальних холмов. Мы пришли кстати, на обратном пути полил дождь — как раз 19 сентября — осеннее равноденствие, три года назад мы были на Рюгене, дай бог, чтобы и теперь наступила такая же хорошая погода, как тогда. Тогда день свадьбы мы отпраздновали вместе, на море, на сей раз ты, верно, вспомнила об этом с детьми, а я молча, про себя...

Утром в субботу 20. 9. 22.

Я готов к отъезду; погода проясняется; в Кобленце или Кёльне надеюсь получить письмо от тебя, в Кёльне я прибуду дней через 5—6. Наконец кончу. Всем вам всего доброго!

138 (434). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Кобленц, 24 сент.

Да здравствует Иммануил!

Тут сижу я, дорогая, во исполнение своего предназначения, а именно быть в Кобленце, сидеть у окна — под окном этим течет Рейн, мой любимец, рядом мост и Эренбрейтштейн, — есть виноград — но какой! — самые сладкие и самые вкусные гроздья, — думать обо всех вас и писать тебе. Рано утром я был на почте, но не нашел письма от тебя; зато надеюсь на письмо в Кёльне, если сюда ты уже не адресовала его и оно не найдет меня. В честь дня рождения Иммануила сего-

дня днем специально выпью стакан вина в то время, как Вы будете пить за мое здоровье, значит, нужно чокнуться по всем правилам! Но для фейерверка сегодня неподходящая погода; ты же вообще будь внимательна к себе. Главное я еще не знаю, но едва ли могу сомневаться, что и наша дорогая мама будет среди празднующих и чокающихся; поэтому и она будет заключена в том образе стола, с которым я чокаюсь. Итак, всеобщий салют, всеобщий виват!

Теперь примусь за описание путешествия. Итак, из Касселя я отбыл вечером в субботу — англичанин мой еще остался там — и вскоре оказался в компании одних земляков-немцев, было вполне уютно, но тем более ощущал отсутствие своего англичанина. Нас было шестеро (по трое на каждом сиденье), я сидел спиной [по ходу движения], один студент из Геттингена владел местом № 1 напротив меня в глубине и не стронулся с места, мы сидели в тесноте, не самым лучшим образом. Вскоре подъехали к Лану и теперь все время едем по течению этой реки; прекрасная плодородная местность! Днем в воскресенье мы были в Марбурге, горбатый университетский городок с плохенькими домами; но земля кругом и холмы очень милы. Я видел тут церковь Елизаветы в чисто готическом вкусе; на хорах католическая служба, в нефе — реформированная; эта церковь совсем иное, чем Магдебургский собор, на который король наш, как говорят магдебуржцы, дал для ремонта 40 000 талеров. Гробница Елизаветы вроде той, что в Магдебурге, двенадцать апостолов такой же величины, как и нюрнбергские, но сидящие — серебряные и позолоченные, кованая работа не очень хорошая, они богато украшены драгоценностями, но самые дорогие выломаны.

Потом дорога пошла в Гиссен, приятный город и приятные окрестности с двумя неплохими замками по соседству. Здесь я оказался в компании с тремя братьями — гиссенским профессором философии Снеллем, марбургским Крейцером, родственником гейдельбергского, и экстраординарным профессором теологии, человеком образованным, умным и честолюбивым. Но какие кислые ягоды — те два первых, ближайших ко

мне, этого мне не пришлось заметить, поскольку гиссенец сразу же повел нас к вину и угощал весьма хорошим сортом. В Гиссене была пора сворачивать в сторону тем, кто отправился во Франкфурт, среди которых не было меня, как договорено было с самого начала, тем более что в противном случае пришлось бы дольше пробыть в прежнем обществе. Но мой коллега — учитель юношества, израелит, остался со мной; мы следовали по течению Лана. У Вейльбурга романтическое положение, прекрасная узкая долина, богатая растительностью, и красивые дома, потому что это бывшая княжеская резиденция.

К утру мы прибыли туда, а к 11 в Лимбург; из этого проклятого местечка имперская почта князей Таксис только в пять часов увезла нас прочь, несколько пассажиров присоединилось к нам, только в 2 часа мы приехали сюда. Под дождем, в кромешной тьме мы бежали между дюжиной гостиниц, пока не нашли приют, и я в эту третью ночь еще успел хорошенько выспаться, но только утром я нашел себе гостиницу, где нахожусь и теперь, — «Трех швейцарцев». Перед этим я встретил по дороге Гассе из Бонна и поговорил с ним. Все время получается много писанины, хотя и кажется, что нечего рассказывать; сообщу это для воодушевления другу гиссенского студента, который проехал с нами несколько станций. «Прощай, — крикнул этот первому, — и сразу же напиши мне». Друг в ответ: «Что писать, мне ведь нечего тебе писать!» И засим в сапогах со шпорами прыгнул в почтовую карету; это сын суперинтенданта.

Я вернулся с прогулки в крепость Эренбрейтштейн; прекрасный вид, превосходные прочные укрепления! Я отправился в каземат, где ведет хозяйство жена каменщика, швабка, изъяснявшая мне все вещи на швабском наречии; очень неплохие помещения, сухие и безопасные для выстрелов. Но я-то промок, приходится в третий раз менять рубашку; как видишь, у меня нет недостатка в движении, даже и в ходьбе, и все эти лишения укрепляют мои силы. Пора садиться за стол, и, хотя я и сыт виноградом, все же буду есть с аппетитом. Завтра я попаду, наверное, в Бонн; во второй

половине дня нынче идет непрекращающийся дождь, я тем временем выпался; послезавтра — в Кёльн. Куда адресовать мне письма теперь, не могу тебе сказать; ответ на это письмо я не смогу получить раньше, чем через 12 дней, а тогда я давно уже проеду через Брюссель; в Амстердам через Эмден, потом Гамбург... Передай привет г-ну тайному советнику Шульце, в этот вечер я в гостях у г-на правительственного советника Ланге...

139 (436). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Кёльн, 28 сент[ября] 1822 г.

Вот так я и прибыл в бывший имперский город, в старинный Кёльн. В Кобленце, на котором обрывается мое последнее письмо, я пробыл еще вечер и следующее утро, по большей части отдыхая у себя дома, — консисториальный советник Ланге, к которому адресовал меня Шульце, отсутствовал — и в нерешительности ввиду погоды я пропустил все скорые почтовые кареты, все речные дилижансы и все прочие оказии; но вечером в среду прояснело, я взял лодку и поплыл в Нейвид на прекрасном Рейне, видел гернгутский сестринский дом; было слишком темно, чтобы осматривать бразильскую коллекцию принца. Самым прекрасным был вечер — прекрасный лунный блеск на Рейне, протекавшем перед моим окном; совы, бормотания которых я никогда еще в жизни не слышал, музицировали при шуме реки; утром в 8 — на родной дилижанс, улучшенное грузовое судно. Сначала можно еще было находиться на палубе, потом подул ветер, стало холодно, пошел дождь, потом уже без перерывов дул резкий, холодный ветер. Общество, стало быть, заперлось в каюте, среди других и студенты, которые совершали свое путешествие по Рейну, значит, с ранцами, обтянутыми зеленой клеенкой, и с каждой стороны свисал сапог, широкие новые ремни — все в полном порядке, также и белые или скорее желтые соломенные шляпы. Так и я в свое время путешествовал по

Рейну, только с меньшим грузом, чем они, но от того не видел больше их и отставал от них в том, что не мог усвоить гордого сознания того, что путешествую по Рейну. Уже дождливая погода в Кобленце и, наконец, все эти рейнские странствия — все это отбило у меня всякий вкус к путешествиям, и если бы я не был так далеко от вас и к тому же не боялся так почтовых карет, то я живо очутился бы у вас. Ведь в конце концов я езжу по долгу и необходимости и в тысячу раз большее удовлетворение и наслаждение испытал бы, если бы мог делить свое время между занятиями и вами. Если когда-нибудь мы вместе окажемся на Рейне, я повезу тебя иначе; на воде не видно ни Рейна, ни местности Рейна потому, что не видно, как течет он среди лугов и холмов, нет его перед тобой как части картины, не видно, в чем подлинная красота его положения или течения, — местности потому, что видно только берега, границы, и в лучшем случае можно заметить, что за ними что-то красивое. В Линце мы сошли, там я посмотрел картину, рекомендованную моим другом тайным советником Шульце, расположенную в высокой церкви, откуда далекий вид на Рейн и на прекрасную местность вокруг. При ужасной погоде мы сошли на берег в Бонне. Здесь я разыскал Виндшманна и его зятя Вальтера, знакомого тебе через Тибо; с первым я очень быстро нашел общий язык, и мы для начала весьма устроили друг друга: он, соединив свои молитвы с князем Гогенлоэ, за год вылечился от болезни глаз шестилетней давности, похожей на болезнь Якоби, только в более сильной форме. Точно так же порадовал меня и Вальтер, который с искренней сердечностью вспоминает тебя и велит передать тебе дружеский привет. Встреча эта очень ободрила меня¹. К этому добавилось еще и улучшение погоды, и поэтому вчера вечером я уехал в самом добром расположении духа... Бонн — горбатый, с очень узкими улочками, но окрестности, виды, ботанический сад — все это прекрасно, необычайно прекрасно; однако мне лучше быть в Берлине.

Кёльн — весьма просторный город, я сразу же отправился в собор; торжественное и изящное в нем,

то есть в том, что от него осталось², — стройные пропорции, вытянутые, как если бы нужно было бы не подниматься вверх, а взлететь к небу; все это заслуживает внимания и изумления, тем более как замысел *одного* человека и начинание одного города; тут встречаешь иное состояние духа, другой мир, других людей, равно как в любом смысле пред глазами живо встают иные времена. Тут нет какой-либо пользы, какого-нибудь наслаждения и удовольствия или удовлетворенной потребности, но только бескрайние разгуливания по высоким залам, каждый из которых — сам по себе; залам этим нет дела до того, используют ли их люди и в каких целях; пустой оперный театр и пустая церковь — это нечто дурное, а здесь высоченный лес, и притом лес духовный, искусный, который вырос сам для себя и таким существует; ползают ли у подножия его люди, ходят или нет, ему это безразлично, он сам по себе есть то, что есть, он возник сам по себе: все, что бродит по нему, и все, что молится в нем, и все, что — с зеленым клеенчатым ранцем и трубкой во рту, только что не зажженной — лазают по нему, все это вместе с пономарем теряется в нем; все это — стоит ли, ходит ли — бесследно исчезает в нем. Вдова Хирн (виноторговля), весьма живая, бодрая, настоящая кельнская женщина, с которой я познакомился у Виндишманна, пригласила меня сегодня на обед; после обеда сын ее показал мне свое собрание витражей — самое богатое, которое только есть на свете, — до ста больших окон, 400—500 маленьких частей. И какие прекрасные витражи в большом соборе и в других церквях. По рекомендации мадам Хирн я мог осмотреть и Ливерсберговское собрание, прекрасные работы, одна из них — по видимости Леонардо. Потом, пользуясь ее рекомендацией, я побывал и у проф. Валльрафа — энергичный, милый человек 75 лет! — [осмотрел] его картины — прекрасна «Умиряющая Мария», меньше, чем у Буассере³, он показал мне ее еще ночью, потом он полчаса и даже дольше — он ходит с большим трудом — водил меня по городу, по всем древнеримским *campus*, то есть военным лагерям; по отношению ко мне он держался очень

дружески и любезно, это такой превосходный, чудесный человек!

Вот что сделал я за день — разумеется, я видел и Рейн, бесконечный ряд больших двухмачтовиков и еще несколько церквей. Завтра, в воскресенье, по-видимому в обществе молодых графов Штольберг и декана Келлермана, долголетнего их учителя, который присутствовал при смерти [старого графа] Штольберга, я осмотрю еще собор, где будет месса с музыкой, посмотрю и на другое, а завтра во второй половине дня отправлюсь в Аахен.

До сих пор, слава богу, все идет хорошо... если бы только не так далеко от вас и милых мальчиков; поцелуй их за меня...

140 (437). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Брюссель, 3 окт. Четверг утром.

Видишь, дорогая, я нахожусь у цели своего путешествия, то есть примерно на самой отдаленной точке его, примерно потому, что будет еще небольшая экскурсия по соседству, но главное мое направление теперь — домой, к вам; но до сих пор у меня нет иных известий от вас, кроме письма, полученного в Касселе; вчера вечером я сразу же по прибытии отправился на почту, но бюро уже было закрыто; теперь через час выяснится, есть ли письма от тебя... Пока же скажу тебе только, что я устроился у г-на ван Герта, который никуда меня не отпустил, провел эту ночь у него и сейчас чувствую себя превосходно. Из Кёльна я писал тебе. В воскресенье утром я попросил показать мне еще картины Валльрафа при дневном свете; среди них главной была «Смерть Марии», несомненно того же мастера Схореля, которому принадлежит картина, подобная картине Буассере, всегда нравившаяся тебе; у Валльрафа она меньше, высотой 2¹/₂ пяди, но шире; донатор в одной части, как и женщина в другой, — это те же портреты и мои давние знакомые, впрочем, расположение фигур, положение ложа и т. п. иное. Посетив богослужение в Кёльнском соборе и по-

прощавшись с милыми людьми, которые так дружески принимали меня, я после обеда поехал в Аахен в хорошем обществе пожилого англичанина, выходца из немцев, и адвоката из Кёльна, который всегда носит на своем теле, словно Библию, «Фауста» Гёте, при этом очень простодушно нравится сам себе. Мы приехали вечером, в 10 часов. В Аахене я сначала осмотрел собор и посидел на троне императора Карла; это две мраморные плиты с двух сторон, равно как и спинка, гладкие, в полтора дюйма толщиной; они были, однако, покрыты раньше золотой пластиной с рельефными изображениями, несколько таких кусков еще сохранились. На этом троне через 300 лет после смерти императора нашел его сидящим в императорских одеждах, с короной на голове, со скипетром в одной руке, державой в другой, кажется, император Фридрих, перенес все эти вещи в имперскую казну, а останки захоронил. Я сел на этот трон, на котором короновались 32 императора, как уверял пономарь и другие, но все удовольствие было, что сам посидел на нем. Главное же, что я видел коллекцию г-на Беттендорфа — три часа до обеда и три после; она распродается теперь по отдельности; он сам был столь добр, что составил мне общество. В отношении всего старонемецкого — это прямая противоположность собранию Буассере; если бы соединить их, как предполагали оба, чтобы король купил ту и другую, они составили бы самое блестящее в этой сфере искусства. У г-на Беттендорфа нет таких больших и прекрасных ван-дейков, как у Буассере, но его хемлинги такие же превосходные, по крайней мере одна картина. Некоторые фигуры на этих хемлингах у Буассере [не новы], особенно еврей, подбирающий манну небесную, тот же, что режет пасхального агнца на картине у Беттендорфа. Но одна картина — художника Рогира — величайшее, что можно видеть; всякая частность, — некоторая сухость, от которой хочется отделаться на самых лучших картинах Ван-Дейка, здесь без следа исчезла; это прекрасная в равной мере итальянская живопись, как и нидерландская. Жемчужина и другая картина — «Снятие со креста» со многими фигурами, нарисованная Рафаэлем и написанная

в красках Альб. Дюрером, какая прелесть, какая красота! Женщина с ребенком — некоторые приписывают ее Микеланджело — бесконечно великая живопись. Но в довершение всего еще и «Ночь» Корреджо! Как дрезденскую работу я назвал «Днем» Корреджо, так эта работа — настоящая ночь. Какая картина! Свет точно так же исходит от дитяти — Мария здесь нравится больше, чем на дрезденской картине, и она улыбается здесь, как окружение ее — на той; все здесь светло, но и суровее, а темнота, как на картинах Корреджо в Сансуси, в позднейшей манере этого художника — величайшее совершенство¹. Ближе к вечеру я отправился еще на прогулку в сторону Буршейда, где в Аахене знаменитый источник, здесь я и выкупался — горячо и сильный запах серы! Во вторник утром в семь с половиной мы отправились из Аахена и к 5 часам прибыли в Льеж; дорога идет по холмам — вверх и вниз, обычно по самому верху — по бокам низины, все покрыто зеленью с бесчисленными живыми изгородями и группами деревьев. Ближе к Льежу можно увидеть прекрасную долину Мааса; меня очень соблазняло проехать вверх по долине Мааса до самого Намюра, но тогда из-за расписания карет я пробыл бы в пути почти на два дня больше и часть дороги пришлось бы проехать ночью, когда никто ничего не увидит. В Льеже я с одним из путешествующих заночевал; карета, в которой мы прибыли сюда, сразу же отправилась дальше; среди общества в пути опять был этаким плоский и болтливый немец из Вюрцбурга, который тоже хочет быть англичанином, надоедливый человек, такие до сих пор были в любом обществе во время путешествия. Моего попутчика я сначала принял за пугливого портного, хотя рот у него не настолько свернут набок, как у нашего берлинского мастера, или за отупевшего игрока или крупье из Аахена, или за англичанина; и вот оказалось, он все-таки англичанин. Мы хорошо поладили друг с другом, он потихонечку трубит или дымит по всему миру, был в Италии, во Франции везде, на будущий год он попытит в Париж, а на лето — в Вену. С этим попутчиком мы вчера ехали сюда одни в целой карете; в Лувене подсели еще

трое; дорога — исключительно зерновые по всему пути, плодородная земля, как в шведской Померании, а начиная с Лувена — прекрасное разнообразие полей, по обеим сторонам — прекрасная плодородная земля. Тирлемон — чудесный маленький городок, Лувен — большой город с прекрасными домами, готической ратушей, залом, которого я не видел, где одновременно можно танцевать 80 кадрилей, и т. д.

В Нидерландах ехать — одно удовольствие, от Льежа до Брюсселя — 24 часа, по мощеной дороге (вымощено, как новая мостовая на Кёнигштрассе в Берлине) можно проехать их за 12 часов — за 10 франков. Богата эта земля...

В Брюсселе я гулял с ван Гертом — прекрасный город, на многих улицах нижний этаж — просто ряд больших окон с прекраснейшими товарами, элегантно выставленными, с гораздо бóльшим вкусом и роскошнее, чем в Берлине. Хлеб — тоже за такими же красивыми стеклами. Сегодня во второй половине дня мы отправимся на прогулку в замок Лакен, а завтра утром — на поле битвы при Ватерлоо...

Я, наверное, останусь здесь до воскресенья...

141 (438). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Антверпен, вторник 8 окт.

...За много дней сегодня выдалась первая спокойная минутка, когда я один и могу продолжить сообщение о путешествии моем, дорогая... В пятницу мы в кабриолете осмотрели поле битвы при Ватерлоо — и я увидел эти навеки достопамятные поля, холмы и ориентиры, особенно запомнилась мне крутая, поросшая лесом высотка, откуда можно видеть на много миль вокруг; здесь поставил свой трон Наполеон, князь битв, и здесь потерял его. В полуденную духоту мы побегали часа два-три по окрестным дорогам, где под каждым клочком земли лежат доблестные воины. В субботу мы видели картинную галерею, гуляли в парке, посетили церковь св. Гудулы, осмотрели ее прекрасные витражи — самые прекрасные, какие я только видел, ее

картины, мраморные статуи и т. д. Потом вечером мы отправились во дворец Лакен — прогулка приятная и красивый уголок. Воскресное утро ушло еще на дела, посещение церкви, покупки для тебя, дорогая, упаковывание всего, и в половине третьего мы поехали вместе — г-н ван Герт был столь добр, а поправляясь от своей болезни, имел еще и досуг — сопровождать меня в Гент. Здесь мы увидели прекрасный кафедральный собор, некоторые другие церкви и присутствовали при акте передачи ректорства в университете, что продолжалось до часу дня, потом быстро пообедали и в половине третьего поехали в кабриолете сюда, куда прибыли после 10, как раз напротив, на другой берег Шельды...

Но здесь я должен прерваться — сейчас 8 часов вечера, в 9 отходит дилижанс, должен упаковать вещи — через 19 часов дилижанс прибывает в Амстердам.

Бреда, 9 окт.

Вместо того, чтобы ехать прямо, не мог противостоять желанию выйти здесь, чтобы увидеть памятник работы Микеланджело — *Микеланджело*! Где можно в Германии увидеть работу Микеланджело? Но продолжая свой рассказ, мы заночевали во Фламмандш Хоофт (верхняя точка Фландрии). Как сказал я, ездить в этой стране — одно удовольствие; все дороги вымощены, как Кёнигсштрассе в Берлине, рядом с дорогой одни поля, сады или луга, а по обочинам шоссе — деревья. От Аахена до Льежа полно нищих, здесь же до сих пор мы не встретили ни одного; взрослые и дети в деревнях все одеты хорошо и весело играют, ни одного ребенка в лохмотьях, ни одного босого (много деревянных башмаков) и без чулок — мы проехали через одну деревню, где 15 тысяч жителей.

Вчера вечером мы пересекли прекрасную, широкую, гордую Шельду и въехали в Антверпен, тут снова 60—70 тысяч жителей; сколько же в Генте. В этих городах нужно только видеть церкви! В Антверпене знаменитый на весь мир кафедральный собор — в нефе его, как в незаконченном кёльнском соборе, три ряда колонн с каждой стороны; как широко и вольно можно

раскаживать тут! Залы не загорожены стульями и скамьями, нет ни одной скамьи, везде просторно, но есть гора из сотни стульев, из которых каждый входящий берет себе стул и переносит от алтаря к алтарю; тут группа людей, там побольше, одни приходят, другие уходят...

Гаага, 9 окт. Вечером.

Быстро едем вперед, прекрасные дороги, прекрасные города, морские корабли в необычайном множестве, широкие зеленые луга, все так мило, так живо, хорошая погода — и все дальше, все дальше — и все становится шире и просторнее. Но вот это крайняя точка, и теперь все пойдет назад. Сегодня я приехал сюда в 8 вечера, завтра нужно увидеть еще Северное море, этому соблазну я не могу противостоять...

Гаага, 10 окт. В 11 часов ночи.

Мои писания становятся весьма беспорядочными, и я не знаю, как привести их опять в порядок, если попытаюсь навестать все, что еще не успел описать.

Итак, речь шла о церквях. Церкви, как сказано, в Генте, Антверпене, нужно видеть их, если хочешь увидеть возвышенные, богатые католические церкви — огромные, просторные, готические, величественные — с витражными стеклами (самые великолепные, которые я когда-либо видел, находятся в Брюсселе), у колонн мраморные статуи в человеческий рост, поставленные на некоторой высоте от пола, а другие в сидячем или лежащем положении — их дюжины; картины Рубенса, Ван-Дейка и их учеников, большого размера, великолепные, причем по две-три дюжины в *одной* церкви; мраморные колонны, барельефы, решетки, исповедальни, полдюжины или даже целая дюжина в антверпенской церкви — каждая украшена вырезанными из дерева превосходными изображениями в человеческий рост [...]; ратуши — тоже своеобразный готический стиль. Мы утром ходили по Антверпену целых четыре часа — за восемь дней мне пришлось сильно попотеть, при посещении Ватерлоо, думаю, не меньше, чем французам и союзным армиям. В Антверпене я расстался со своим милым другом — ван Гертом, он поехал

обратно в Брюссель с заданием посмотреть, нет ли писем от тебя, и прислать их мне в Амстердам.

Итак, вечером, после того как я написал тебе, в карете — в Бреду; там я увидел превосходное творение Микеланджело — мавзолей. Шесть алебастровых фигур в человеческий рост, белого цвета, граф и его жена на смертном ложе и четыре фигуры — Юлий Цезарь, Ганнибал, Регул и воин — стоят склонившись по четырем углам из черного камня, на котором лежат те первые, и несут на плечах своих такой же черный камень — великолепное, одухотворенное произведение величайшего мастера¹.

Из Бреды я выехал наутро с дилижансом, которых каждый день ходит три из Антверпена в Амстердам, все через Гаагу, и точно так же назад; из Парижа в Брюссель тоже ежедневно ходят дилижансы, через 36 часов ты уже в Париже — за 25 франков, какое искушение! Не будь такое позднее время года и, кроме того, будь у меня известия от тебя, мог ли бы я противостать такому искушению? Точно так же и в Роттердаме, отсюда раз в неделю ходит пароход в Лондон — точно и безошибочно, за 24 часа, если не слишком сильный ветер. От Бреды ехали без передышки до Мурдика — плодородная земля, но дороги выложены кирпичом, как Бюргерштейг в Берлине, потом на пароходе переплыли морскую бухту, Голландсдип, на полчаса пути, мой друг, юго-западный ветер, который так долго нес мне прекрасную погоду, помог переправиться; тут вдали показались корабли, гордый, как султан, трехмачтовик: величественный белый тюрбан, такое же раздувшееся белое платье, ниже еще одно, тоже белое, и потом плащ — как вот на рисунке. Отсюда — в Доордрехт, большой город у моря, сорок или бог знает сколько тысяч жителей; отсюда — в собственно Голландию, все дома из кирпича красного цвета, обведены белыми линиями как по линейке, ни одного отбитого или обтершегося уголка, прекрасные каналы, обсаженные деревьями, проходят через весь город, везде прямые красивые набережные; через три часа снова переехали через широкий Маас; в пять — в Роттердам; и опять — какой прекрасный город! Потом через Дельфт

и через полчаса — в прекрасной Гааге. Гаага на самом деле — деревня, повсюду прекрасные зеленые пастбища; начиная с Доордрехта самые чистенькие огороды, какие только могут быть у мадам Фосс, они пересекаются и отделяются рядами деревьев друг от друга и рвами с водой — от шоссе, рядом с которым всегда идет канал, повсюду тут гуляет скот — только черного цвета и с белыми пятнами, и ночью скот оставляют на лугах, вечером можно видеть людей, доящих коров; едешь среди сплошных Поттеров и Бергемов. Сегодня утром — за ворота в лес, вроде берлинского Тиргартена, аллеи из буков и дубов, только красивее, кустарника нет, только высокие лиственные деревья; через час — Схевенинген, здесь я увидел бескрайнее Северное море — Немецкое море, резко дул мой приятель, юго-западный ветер, и волны были очень красивые. Потом видел галерею, после обеда гулял в прекрасном bois [лесу], красивее, чем «Луг» в Касселе, чудесные пруды, как в Шарлоттенбурге; потом еще был во французской комедии и видел сразу три комедии в один вечер; нужно было отдохнуть, потому что находился и настоялся за день; в галерее один хранитель — из Вюртемберга, вещи красивые, очень красивые. Сегодня перед зеркалом завязывал галстук и заметил, что похудел, потому что было много *fatigues* [утомительного], но вообще я здоров, бодр и в полном порядке; и денег еще достаточно — пока я еще, кажется, ничего не потерял и почти досаду на это, потому что надо же иметь в чем-то несчастье; но я считаю, что терплю за это, не получая от вас писем...

142 (439). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Амстердам, 12 окт. вечером.

Первое — с несказанной радостью получил сегодня на почте письмо от тебя, от дорогой мамы и от милого Карла¹. Не могу высказать, насколько тронут этими счастливыми и успокоительными вестями. Наконец-то,

слава богу, такое облегчение!.. Теперь более радостно приступлю и к своему отчету. Итак, сегодня утром в семь часов на дилижанс — и через Гаарлем сюда; какая прекрасная земля! Прямо создана для прогулок, повсюду зеленые луга с сытым скотом без гонящих его подпасков; без конца леса, парки — дубовые, буковые; сельские домики — Голландия самая густонаселенная страна в мире, но на равнине расположено мало сел, Брабант — это плодородная земля, где их много, Гаарлем — чистенький большой город, красивый, как и другие, рядом Гаарлемское море. Так много прекрасного я видел, так много не видел, но все же самое прекрасное и лучшее — главное — я видел. Все города богаты, чисты, уютны. Куда девают нищих и простых людей, особенно в Гааге, не могу до сих пор понять, нет ни одной развалины, подагрической крыши, прогнившей двери или разбитого окна. В Гааге и вообще здесь все улицы заняты прекраснейшими лавками, особенно по вечерам все улицы освещены их светом, бесчисленные запасы — золото, серебро, фарфор, табак, хлеб, обувь — все это самым красивым образом расставлено в лавках.

Итак, прибыл в Амстердам в 12 с половиной, сразу же к г-ну д-ру Бесселингу, которому рекомендовал меня г-н ван Герт — очень приятный человек, потом в картинную галерею — здесь работы Рембрандта от 15 до 20 пядей в ширину, 12 в высоту, я не успел еще увидеть всего. Затем обедал у д-ра Бесселинга — постная пища, потому что он католик, потом осмотрел с ним город и гавань и вечером побывал в двух еврейских синагогах. Этот город был когда-то королем морей, а на суше он и до сих пор остался таким. Я представлял себе старый, пропитанный дымом город, а он так же красив, как и другие: нет числа каналам, кораблям — суета, беготня, все в делах; когда в три часа звонят на бирже, такой наплыв, как в Берлине после театра. Теперь думаю об обратном пути. Днем и ночью буду спешить в Гамбург. Через Эмден, куда ты собираешься мне писать, я не поеду.

Гарбург, напротив Гамбурга, от которого меня отделяет одна Эльба, в 10 часов вечера, в момент прибытия сюда.

Итак, пока все успешно; мое последнее письмо из Амстердама ты уже получишь, дорогая! Я его отослал в субботу утром, когда осмотрел еще вторую, самую богатую часть музея живописи — есть среди всего этого замечательные вещи, потом бывшую ратушу, которую Наполеон велел переделать в императорский дворец. Если отвлечься от назначения комнат, мебелировки и т. п., то здание это (в нем и теперь живет королевское семейство, когда бывает в Амстердаме) — самый замечательный замысел ратуши, который могло создать бюргерство вольное, богатое, с его любовью к искусству. После осмотра церкви, прославленной своими витражами, и после обеда у г-на д-ра Бесселинга, где оба раза мне подавали рыбу (но рыбу превосходную), потому что Бесселинг более строгий католик, чем мой ван Герт, после всего этого я вечером в пять часов (в субботу) сел в дилижанс.

Один француз написал работу о компенсации, где показал, что всякое счастье в жизни уравнивается бедами; мое путешествие до сих пор протекало весьма счастливо, но было омрачено недостатком известий от вас; теперь же, когда я получил ваши письма в Амстердаме, несчастья перенесены на саму поездку. Итак, вместо того чтобы отправиться отсюда прямым маршрутом, я был посажен швейцарами в дилижанс, отправлявшийся в Утрехт; все произошло слишком быстро, чтобы я мог получить более точные сведения, здесь я и переночевал. Отсюда в половине девятого утра — в Девентер. Начиная с Утрехта, тоже очень красивого города с университетом и милыми окрестностями — прощай прекрасная Голландия и Брабант! — равнины, покрытые только травой и кустарником. В Девентере я опять переночевал и сел в самую настоящую немецкую почтовую карету... Хорошо, что не с самого конечного ее пункта я ехал в этой карете, иначе и предыдущую

ночь я не мог бы провести в постели. И вот пошло — день и ночь через запустение полей, прерывающееся оазисами. Бентхейм мило лежит на скалистом холме с прекрасным обзором, в плодородном месте: в голландских кухнях мы пили хороший кофе — если бы я стал строить дом, то велел бы сделать себе такую кухню, — но для настоящего обеда времени не нашлось; медленно тащились по песку, но еще хуже было ехать по более хорошей каменистой дороге. В этой камере пыток мы провели время до утра среды, когда я приехал в Оснабрюк — около пяти часов. С благодарностью вспоминаю своего попутчика, одного господина из Хильдесхайма, г-на Клудиуса; если не ошибаюсь, с которым я разговаривал спокойно и доверительно по сравнению с прежними молчаливыми голландцами — каждый из них образчик ездока: со мной они не могли говорить, а между собой не желали пускаться в длинные речи. В Оснабрюке я крепко проспал несколько часов, а потом разыскал своего бывшего слушателя (из Иены), проф. Абекена, брата берлинца, которого ты часто встречала у Партеев, я был рад вновь встретить его, и он самым дружеским образом составил мне компанию. Очень приятны окрестности Оснабрюка; я видел и зал, где заключен был Вестфальский мир; около трех сел на бременский дилижанс, в Дипхольде простился с господином из Хильдесхайма, который ехал в Ганновер. Всю дорогу ярко светило солнце: жалко было, что ему приходится освещать такие голые степи, однако ближе к Бремену зеленые голландские луга; туда мы прибыли вчера (четверг) в сумерках, я проспал до утра и на почтовых приехал сюда. В это утро небо промочило весь бременский патриотизм (18 октября); но вечером ясно можно было видеть все гамбургские ракеты и фейерверк.

Гамбург, 19 окт., 10 часов.

Только что прибыл сюда, велел отвезти свои вещи с корабля на почту, чтобы сесть на курьерскую карету и в понедельник быть у вас; но вот нет ни одного свободного места, даже на среду, зато в виде компенсации два милых письма от вас; как успокоили и обрадовали

меня эти добрые вести от тебя... Сижу в «Короле Ганноверском» — вид передо мной самый прекрасный... Но теперь я смогу уехать отсюда только в понедельник на почтовых, которых теперь боюсь, буду у вас только в четверг...

144 (450). ГЕГЕЛЬ — ДЮБОКУ

Берлин, 29 апреля 1823 г.

Прежде всего, дорогой друг, я приношу Вам свои извинения в связи с тем, что из-за своей медлительности задержался с ответом на Ваши письма, и прошу быть ко мне снисходительным. Надо мной прямо-таки висит какой-то рок: какое бы я ни писал письмо, приходится начинать его с извинения. Теперь же, окончательно решив ответить Вам, я убедился, что не могу найти Ваших писем. Чтобы не терять время и настроение, придется писать по памяти. Вы говорите о потребностях и о проблемах философии, что свидетельствует об основательности Ваших интересов и усилий в занятии философией. Среди причин, задержавших мой ответ, можно указать и на возникшее у меня ощущение, что я не смогу, пожалуй, достаточно хорошо разобраться в предмете, о котором идет речь в одном из Ваших писем. Попытаюсь разрешить возникшие у Вас сомнения, впрочем только восстановив их по памяти. Если не ошибаюсь, один из пунктов, относительно которого у Вас возникло сомнение, касается результата того изложения причинной связи, которое дано мной. То, что бросилось Вам в глаза, касается, как мне кажется, не столько природы самого этого понятия, сколько выводов, которые могли иметь значение для последующих знаний, если бы понятие причинной связи оказалось несостоятельным. Прежде всего я должен заметить, что в логике неизбежно приходится рассматривать понятия без всякой связи со способами их применения и с вытекающими из них выводами, так, чтобы они сражались и погибали только ради самих себя. Далее, я напому Вам о результате кантовской философии, с которой Вы хорошо знакомы. Как

известно, в ней рассудочные понятия ограничиваются тем, что с их помощью познают одни лишь явления, однако они не могут постигнуть истинное. В таком исследовании речь идет только о том, чтобы установить, каковы мыслительные определения, способные к познанию истинного. Поэтому если оказывается, что то или иное понятие не может дать такого знания, то это по сути ничего не значит. Родная стихия таких определений — мир конечных вещей, или, иными словами, в подобных определениях следует искать только конечное. Идея же должна иметь иную, отличающуюся от этой форму единства с самой собой — концепция, до которой философия Канта не поднялась. Для познания истинного в конечном следует искать другое определение и другую форму, чем форма его категорий.

Теперь, в связи с изложенным здесь, я хотел сказать несколько слов о содержании второго Вашего письма от 3-го марта, которое я после повторных поисков все же нашел. Оно опять обращается ко всеобщему в метафизических воззрениях и к отношению познания к истине. Прежде всего должен прибавить к сказанному, что если в духе, в душе, особенно в религиозном восприятии (о котором Вы прочувствованно и дружески доверительно писали мне в своем первом письме, связывая это с Вашим жизненным путем, с его перипетиями, как глава и отец семейства) — одним словом, в человеке уже утвердилась вера, уверенность, убежденность — или как Вы там еще назовете — в истине, в боге, то речь в таком случае идет в первую очередь не о том, чтобы приобретать такое убеждение посредством познания, хотя, правда, часто случается и так, что человек приходит к нему на пути философского углубления в предмет познания, а о том, чтобы эти твердо установленные для души основоположения познавать и понимать. В этой позиции дух, так сказать, чувствует себя застрахованным в отношении познания. Если познание посредством понятий окажется неудовлетворительным, то это не нанесет никакого ущерба упомянутой уверенности. Она остается непоколебленной, если мы припишем эту неудачу в познании особому пути, который мы ему предначертали, или

даже вообще самой природе познания. Познание при таком подходе к нему можно рассматривать больше, пожалуй, как роскошь духа, чем как его потребность.

К этому примыкает еще и то, что Вы пишете в своем втором письме об отношении, существующем между истиной и представлением согласно мнению шотландской школы и Рейнгольда (добросовестного исследователя, который, как я на днях узнал из газет, недавно скончался, и по ком Вы, вероятно, особенно скорбите). Речь идет о том, что истинное бытие истинно само по себе и не нуждается в представлении как в своем предварительном условии. Человеческое же представление, наоборот, предполагает независимый предмет и знает истину только в качестве относительного совпадения с собой. Истинность же бытия самого по себе, наоборот, есть абсолютное совпадение бытия с самим собой.

Так как мы подошли к этому вопросу, то я хотел бы сделать следующее замечание: когда о бытии говорят, что оно есть совпадение с самим собой, а затем, что оно есть нечто непознанное и непознаваемое, то при этом высказывается противоположное тому, что ранее говорилось. Ибо когда мы определяем бытие как совпадение с самим собой, то мы даем ему мыслительное определение, а это значит, что тем самым бытие мыслится и постольку познается. Вообще же я полностью признаю приведенные положения, поскольку они относятся именно к природе представления. Однако представление есть познание, стоящее в отношении к чему-то, т. е. связанное с каким-нибудь предварительным условием. По этой же причине я воздерживаюсь от такого, например, выражения, как: абсолютное есть единство *представления* и бытия. У представления — другая почва, а не познание абсолютного.

Отсюда перехожу к Вашему изложению моих мыслей, о котором Вы хотите узнать мое суждение. Я был очень рад увидеть, как глубоко Вы проникли в предмет, особенно в том пункте, где он рассматривается наиболее спекулятивно. В первую очередь я бы хотел

повторить уже сказанное выше, а именно, что я не иду вразрез с философией Рейнгольда и шотландской школы, но просто нахожусь за пределами их воззрений и потому оказываюсь в противоречии лишь с их мнением, будто точка зрения представления высшая и последняя. Что же касается Вашего изложения моего намерения, которое я нахожу постигнутым точно и основательно, то по этому поводу я бы хотел лишь заметить следующее: если Вы, в качестве результата, говорите о различии, которое в *одном* отношении не различие, что это кажущееся различие есть одна только видимость различия, *абсолютная же истина* духа есть абсолютная неразличимость, тождество, единство, то в таком случае слово «абсолютное» легко может приобрести смысл «*абстрактного*» (как, например, *абсолютное*, т. е. абстрактное, пространство), и, таким образом, истина окажется лишь абстрактной неразличимостью, тождеством и единством, точно так же как выше бытие было определено как только совпадение с самим собой. Однако с точки зрения философски абсолютного я определяю истинное как само по себе *конкретное*, т. е. (как и Вы об этом пишете) как единство *противоположных* определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено, или же: я определяю истинность не как нечто застывшее, застойное (т. е. как абстрактную идентичность, как абстрактное бытие), но как движение, как самое жизнь, как неразличимость, понятую только как *кажущуюся в себе* неразличимость или неразличимость, заключающую в себе некоторое различие, которое как существующее *в ней* в единстве в то же время не есть различие — как различие *снятое*, т. е. уничтоженное и вместе с тем сохраненное; каковое потому, что оно — лишь кажущееся, вообще — не есть.

Я бы хотел, чтобы эти мои замечания укрепили Вас в сознании правильности Вашего изложения моих понятий, и тем самым они бы выполнили свое назначение. Осталось немного места, и я хотел бы сказать Вам, что теперь чувствую себя лучше, чем на исходе зимы, когда на мне сильно сказались усилия, связанные с чтением курсов. Надеюсь, что Вы и Ваша семья без

ущерба перенесли эту суровую зиму. У нас опять плохая погода, что наверное и Вас удерживает от переезда на дачу. С сердечным поклоном, дружески

Ваш Гегель.

145 (470). ГЕГЕЛЬ — ВИНДИШМАННУ

Берлин, 11 апреля 1824 г.

[...] Переходя к книге, экземпляр которой Вы мне любезно прислали, я должен сказать, что она меня очень обрадовала¹. Это одна из немногих книг, которая мне доставила удовольствие и вселила в меня надежду на будущее. Вы задели прямо корень зла, и если те, кто в нем уже увяз, утратили способность слушать, то Ваши наделенные силой и могучим духом слова окажутся плодотворными для тех, убежденность которых перед лицом общего настроения ослабла, и внушат им мужество идти по пути познания. Вы сначала обращаетесь к медицине, и изложение оказывается наиболее убедительным именно там, где оно касается нужд и потребностей этой специальности. Было бы полезно, если бы Вы уделили столько же внимания и другим областям, особенно теологии, от которой должна исходить твердая уверенность и глубина во всем другом. Однако именно положение этой науки почти что оправдывает положение других, ибо последним святость не дана, и если священники (к которым я причисляю и философов, а в известном смысле и правительства) позволили народу впасть в такую поверхностность, то и медицина вынуждена нести свою долю вины в этой порче, ведь и она уже не в состоянии найти точку опоры, которая дала бы ей возможность развернуть духовную деятельность, идущую внутрь и действующую изнутри. Однако по меньшей мере крайне необходимо, чтобы были известны такие вещи, как, например, случай с исцелением Ваших глаз, чтобы магнетизм вновь занял надлежащее место как факт для нашего времени, отчасти, чтобы подтвердить то, что было сделано ранее, отчасти же, чтобы эта сфера

исследований твердо встала на ноги, пусть даже в качестве *частного*, но живого и процветающего авторитета, существующего *рядом* с другими внешними и безжизненными проявлениями внутреннего. Было бы столь же важно оправдать существование этой сферы средствами познания, что явилось бы наибольшей неожиданностью для надменности поверхностного знания, мнящего, что оно может справляться с любой задачей и сохранить при этом свои сокровища в безопасности и, несомненно, в бесплодности! Ваше введение меня особенно заинтересовало в личном плане, поскольку я нахожу в нем удовлетворение, ибо Вы идете по избранному мной пути спекулятивного познания и даже обещаете пользоваться этим способом философствования и впредь и дарить нам результаты Ваших размышлений. Вдвойне интересным мне показался кульминационный пункт, до которого Вы доводите свое изложение. Хотя этот пункт сам по себе наиболее интересен, все же вполне может статься, что именно в нем выявится то, что Вы называете расхождением между нами. Но поскольку путь, по которому мы до сих пор шли вместе, был очень долгий и на нем у нас было очень много общего и с точки зрения духа, и с точки зрения содержания, то упомянутое Вами расхождение — дело далекого будущего. Теперь же я чувствую лишь Вашу дружбу, нахожу в ней глубокое удовлетворение и прошу в заключение сохранить ее, как это от всего сердца делает

Ваш Гегель.

146 (471). ГЕТЕ — ГЕГЕЛЮ

Ваше благородие!

Память о Вас, которую я всегда храню свежей и живой, превратилась во вполне реальный Ваш образ, когда известная Вам дама¹ в светлом расположении духа вернулась из Берлина, так что я не могу не представиться Вам многими сторонами. Еще я должен благодарить Вас за присланные мне важные книги²; к сожалению, сейчас я отвлекся в сторону от соответствующих глав, так что использование книг мне еще предстоит.

Так как Ваше Высокоблагородие одобряет основное направление моего образа мыслей, то это еще больше укрепляет меня в нем, и надеюсь, что для меня есть в этом польза сразу с не-

скольких сторон, и если не для всего целого, то по крайней мере для моей души. Все, что я еще способен совершить, да примыкает к тому, что Вы уже основали и теперь строите.

Сохраните любезную и давнюю благосклонность ко мне и поверьте, что она постоянно доставляет мне радость как один из прекрасных цветов все еще расцветающей весны моей души.

Преданный Вам
И. В. Гёте

Веймар,
3 мая 1824 г.

147 (479). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Вена, 21 сентября (1824 г.)

Доброе утро, любовь моя! Я в Вене, да, да, в Вене. Как жаль, что тебя здесь нет рядом со мной [...] До тех пор пока у меня будут деньги на итальянскую оперу и на обратный путь, я останусь в Вене! После того как я послушал оперу и посмотрел па-де-де в исполнении двух парижан (у них все так же хорошо, как и у берлинцев, за исключением того, что берлинские балерины делают только прямой, а парижанки тупой угол), я отправился домой, где застал, к нашему обоюдному удовольствию, Лилли и Клейн (молодая жена Партея была нездорова и не вышла). Это мне очень приятно, они еще будут здесь целую неделю, и мы условились ездить вместе. Они крайне удивились, узнав, что я иду из итальянской оперы. Сами они последние три дня проводили вечера в кукольном театре и на немецких спектаклях и еще не видели итальянскую оперу! И не слышали! Завтра утром схожу в Бельведер (Императорская картинная галерея) и на почту за твоим письмом, а там — на таможенную, уладить дела, связанные с паспортом для отъезда.

(в полдень)

Сегодня утром был в церкви св. Стефана, затем пошел в Императорскую картинную галерею. Какое богатство, какие сокровища! Сегодня я едва успел сделать беглый обзор. Для того чтобы как следует смотреть, нужно посвятить целый день! Вечером пойду в итальянскую оперу, а сейчас — обедать...

... Теперь расскажу тебе, какой образ жизни я веду в Вене. В нем пока лишь три раздела: картинная галерея, итальянская опера и попутно внешний вид Вены. Что касается картинной галереи, я был там позавчера утром, вчера утром и вечером и снова сегодня. Однако специально о ней говорить еще не могу, это предмет длинного разговора; я только что стал ориентироваться и видел великолепные вещи. А итальянская опера! В понедельник я слушал «Дораличе» Меркаданте, позавчера — «Отелло» Россини, а вчера — его же «Зельмиру»! Правда, первая сцена «Зельмиры» нас несколько разочаровала. Певцы и певицы были такой школы, силы и чистоты голоса и мастерства, что ты можешь иметь о них представление лишь в том случае, если я назову тебе Каталани и мадам Мильдер. Позавчера выступила мадам Фодор. Какая школа, возвышенность исполнения, нежность, выразительность, вкус! Это — великолепная артистка! Хотя у нее и превосходный голос, все же иногда заметно, что он несколько ослаб; но поет она так, что это подчеркивание нежного и тонкого кажется намеренным и на своем месте. Моему любимцу Рубини и Донцелли — отличный баритон — пришлось в тот вечер петь столько, сколько Бадеру в «Олимпии»¹. Позавчера и вчера выступал вызвавший больше всех восхищение и больше всех приветствуемый Давид, ведущий тенор, обладающий великолепным, сильным и могучим голосом — на высоких тонах фальцет, но брал он их с такой легкостью, с таким переходом, что казалось, что ему это ничего не стоит. Затем великолепный бас Лаблаш, потом Боттичелли, Чинтимарра, два замечательных басиста и синьора Дарданелли, выступавшая вчера. По сравнению с металлическим звучанием этих голосов, особенно мужских, звучание всех голосов в Берлине, как всегда за исключением Мильдер, конечно, имеет в себе что-то грубое, шероховатое, нечистое, какую-то слабость, как пиво по сравнению с прозрачным, золотистым, искристым вином — *искристым*, повторяю, вином, — никако-

го изъяна в пении и передаче тонов, и это не выученный урок, в исполнение вложена вся личность исполнителя. Певцы, и госпожа Фодор в особенности, сами создают и воспроизводят выразительность и колоратуру. Это художники, настоящие композиторы, такие же, как тот, кто написал музыку оперы. Синьора Эккерлин (чей красивый и великолепный голос мне напомнил в первую очередь голос мадам Мильдер) как немка не смогла переложить свою душу на крылья песни и искренне отдаться мелодии; она уже теперь достигла бы большего, если бы обладала волевой энергией. Однако мысленно перехожу к Мильдер и категорически велю тебе передать ей от меня привет и мою горячую признательность за ее наказ поехать в Вену, чтобы послушать итальянскую оперу и увидеть Фольксгартен. Последнее относится к внешней стороне Вены.

Вообще же эти итальянцы приехали сюда только на лето. Арендатор театра заключил договор с венецианским и неаполитанским оперными театрами лишь на зимний сезон. Ты только представь себе, что здесь находится вся итальянская оперная элита, Клейн и Партей вряд ли могут слушать что-нибудь лучше, а последний и в Италии не слышал ничего подобного.

О внешнем виде Вены не могу пока ничего сказать, так как еще не огляделся. До сих пор я оставался в центре, т. е. в Вене без пригородов. Улица, на которой я живу, Кернтнерштрассе, похожа на Кёнигштрассе, но ее вряд ли можно назвать прямой. Громадные дворцы, но узкие улочки, и если бы венские улицы росли так, как наши Линденштрассе, Лейпцигерштрассе и Вильгельмштрассе, то они, конечно, стали бы красивыми. Вообще же я не обнаружил красивой архитектуры. Венский бург похож на Дрезденский замок — трудно понять, где фасад; год назад построены новые ворота и храм Тесея — в стиле нашей Гауптвахты. Далее Фольксгартен, куда я пошел вместе с Лилли по совету госпожи Мильдер. В остальном же можно сказать, что между городом и пригородами (которые не связаны и не составляют одного единого города, как Берлин) очень милые аллеи для прогулок, зеленые,

свежие, а не осеннего вида, как в Берлине. В Пратере и Аугартене еще не был. В первую очередь нужно заняться искусством.

148 (480). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Вена, суббота 25 сентября (1824 г.)

...За это время я вновь слушал и видел многое и продолжаю, как и прежде, подробно рассказывать тебе обо всем...

В письме, написанном утром в четверг, я остановился на том, что видел зоологическое собрание, хорошо размещенное и богатое. Все надзиратели поддерживают связь с берлинскими профессорами, и, когда я заявил, что принадлежу к их числу, меня приняли очень дружески, как коллегу. Вообще все здешние надзиратели — народ очень приятный и обязательный, поистине порядочные и знающие люди. Около середины дня я был на маневрах, на которые пошел потому, что там присутствовал император со всей своей семьей, только нельзя было подойти близко. Было неисчислимое количество народу. Однако вскоре император кончил маневры, и единственным моим «приобретением» оказалась усталость от многочасовой ходьбы: ведь я и без того целый день на ногах — или хожу, или стою — и сижу лишь по утрам, когда пишу тебе письма, и вечером в театре. Так как позавчера не было итальянского театра, а был лишь балет-пантомима, я пошел смотреть всемирно известный театр кукол, т. е. был в Леопольдштатском театре. Итак, теперь я увидел также и это мировое чудо. Вообще нетрудно дать тебе общее представление о нем. Главное лицо теперь — господин Игнац Шустер; пьесы, в которых он играет, следующие: «Фальшивая примадонна», «Театральные шляпы», я же видел «Злую Лизу». Таким образом, нет никаких исключительных, своеобразных, нет и грубо комических вещей. Шустер не обычный низкий комик, как Карл, которого ты видела в Мюнхене, он скорее напоминает Герна, с такой же силой, как он, маленький, горбатый человек, как Кёстер. Сама пьеса была сентиментальной, морально хилой. Остальные актеры и

актрисы были гораздо менее подвижными и более скучными, чем заурядные артисты и актрисы в Берлине. Пьеса длилась около часа, затем последовала пантомима с музыкой: вечная история Арлекина и Коломбины. Тут я увидел, наконец, всю эту историю со всеми ее деталями. Это целое переплетение забавных дурачеств: уличные песенки, танцевальная музыка, все это шумит и неистовствует в течение трех четвертей часа без остановки и без отдыха. Это представление очень меня развлекло — больше, чем первая драма. У меня просто не было времени смеяться, потому что непрерывно и быстро появляется что-то новое, и все выглядит очень потешно и умело. Были и балетные номера, но не вытягивание ног, а одни прыжки — короче говоря, я добрался домой только в 11 часов в веселом настроении.

Лишь вчера до полудня мне удалось побывать в нескольких церквях, затем я посмотрел собранные эрцгерцогом Карлом рисунки и эстампы. Директор почти все время сопровождал меня. Мне, естественно, пришлось осмотреть лишь некоторые экспонаты (одних только гравюр — свыше 150 000). Я пробежал папку с рисунками Микеланджело, шествие Мантеньи (ты его видела однажды у тайного советника Шульца). То, что у нас собирают с трудом, что у нас неполно, о чем пишут большие сочинения, все это здесь находится в изобилии. Я посмотрел также папки с рисунками Мартина Шёна и некоторых других.

Потом я посмотрел Императорский парк и оранжереи около Бурга, вошел и вышел через своего рода подземный ход, через который ежедневно проходит император, проводящий несколько часов пополудни в своем парке. Что касается цветов (я видел там только георгины и алтеи), то они довольно незначительные: на Пфаленинзель все это совсем иначе¹.

Пополудни я снова провел несколько часов в Бельведере, а потом посмотрел «Фигаро» Россини. Какой великолепный Фигаро этот Лаблаш, госпожа Фодор — какая Розина! Это превосходнейшая певица! Какая красота, задушевность, мастерство, свободное владение голосом и вкус в пении. А этот превосходный

Лаблаш — какой бас! И какой жизнерадостный и свободный в своем комизме, всегда и всюду — ничего низкопробного, ничего вульгарного. Когда поет весь хор и оркестр играет во всю свою мощь, то его все равно слышно так, как если бы он пел соло, и все это — безо всякого напряжения, без крика и крикливых тонов. Амброджи и в роли доктора Бартоло очень хорош, появился какой-то новый певец — да Франко и еще целая куча других — частью отличнейших, частью безукоризненных, частью просто хороших. Но какое участие принимали во всем этом мы — публика! Трех или четырех артистам аплодировали уже при первом выходе, потом аплодировали после каждого пассажа или кричали: браво, браво! И после каждой сцены аплодировали без конца. Певец кланяется и уходит, но аплодисменты продолжают с неослабевающей силой, так что артистам аплодируют до изнеможения. Однако после окончания спектакля уже не вызывают и не выкрикивают. Партей и другие говорят, что такой постановки «Фигаро» и в самой Италии не увидишь. Я прочитал сегодня в одной венской театральной газете, что самые осведомленные люди сходятся на том, что на их памяти за последние пятьдесят лет такой итальянской труппы в Вене еще не бывало и, по всей вероятности, не будет в ближайшие пятьдесят лет. Семейство Партеев, после того как я затащил их туда, не пропустили ни одного спектакля и все в восторге, хотя и ругают музыку Россини, которая как музыка и на меня часто наводит скуку.

Сегодня в первой половине дня был 1) в Императорской библиотеке: 300 000 томов в одном зале! 2) в Императорском казначействе — хранилище драгоценностей. Первый алмаз ценится в один миллион и т. п.; 3) антикварные вещи: видел блюдо с монетами, весом в 2055 дукатов! Словом, чтобы представить себе все это, надо побывать в Вене!

Сегодня вечером я с удовольствием пойду к своему любимому Арлекину и к его дорогой — трогательно любимой и верной Коломбине. Завтра — постановка «Свадьбы Фигаро» Моцарта с участием Лаблаша, Фодор и Донцелли: что ты на это скажешь?..

В понедельник утром, 27 сентября
(1824 г.)

...Хорошая погода уже кончилась, но прекрасные дни в Аранхуэсе еще не совсем кончились, так как я здесь буду еще несколько дней. Но для того чтобы осмыслить все это и то, что я уже знаю, понадобится больше чем несколько недель. Сегодня утром уезжают Клейны. Хотя и было мало возможности быть мне с ними вместе, мы все же довольно часто встречались за столом, и такое соседство было приятно.

Возвращаясь к описанию моих дел, я должен сказать, что, наконец, в субботу пополудни был в Пратере, где необходимо бывать каждому, кто желает увидеть Вену. Это лес наподобие нашего Тиргартена, прорезанный аллеями, вообще же там нет никаких сооружений. Разница в том, что здесь земля больше покрыта травой, много больших и свободных зеленых пространств, а аллеи шире. Кругом разбросано несчетное количество «генгеток»¹, но не так, как наши беседки или садовые сторожки, а в стиле Моабита или Панкова²...

После Пратера я пошел в Леопольдштатский театр. Здесь сначала показали небольшую пьеску, в которой принимал участие Шустер в своей обычной манере купца не первой молодости вместе с молодой женщиной, как прежде. Потом посмотрел еще раз «Волшебную грушу». Если бы со мной могли быть мальчики, да и ты была бы достаточно молодой, чтобы позволить себе такое развлечение дважды, как я.

Но вот ночью начался страшный дождь, он шел все воскресенье и сегодня всю первую половину дня. Что же будет дальше? Я все же не теряю надежду. В воскресенье утром мне было приятно, что идет такой дождь: должен же я был хоть раз отдохнуть! Но после обеда, несмотря на плохую погоду, я направился в увеселительный сад и в Нусдорф. По дороге туда я увидел грушевое дерево — такое большое, каким только такое дерево может быть: после того как плоды уже были собраны, оно вновь расцвело. Я вкладываю в письмо лепестки — один для тебя, другой для тех, кто родом

отсюда: тем самым я хочу сказать им, что я ценю великолепие этого края. Что собой представляют увеселительный сад и Нусдорф, я теперь увидел и нашел их прелестными...

Чтобы закончить письмо — где же был я вечером? Слушал «Свадьбу Фигаро» Моцарта. Клейны ради этого задержались здесь на воскресенье. И я должен признаться, что итальянские голоса имели немного возможностей развернуться при сдержанной музыке Моцарта, показать свои блистательные переходы, но вообще-то с каким совершенством они исполняют арии, дуэты, особенно речитативы! Последние, пожалуй, — совершенно естественное творчество только самих исполнителей! Какой Фигаро в исполнении Лаблаша! Фодор — отличная Сюзанна, однако для этой роли она могла бы быть чуть побольше и покрасивее. Синьора Дарданелли играла графиню. На этот раз я сидел ближе к сцене, чем тогда, когда увидел ее впервые. Какая она красивая женщина, милая итальянская головка, какое спокойствие у нее, благородство в манере держаться и в игре, с очень красивой и милой осанкой: чуть не повторилась история с тобой, и я чуть не влюбился в эту женщину! Право, она и на самом деле очень мила. Донцелли в роли графа очень уступал ей: такие ситуации для него невыгодны.

(Вторник, 28-го сентября)

Теперь я тебе коротко расскажу, что делал вчера. В первой половине дня смотрел собрание князя Лихтенштейна — великолепный дворец и чудеснейшие сокровища! Чего там только не было! Пополудни посмотрел собрание Черни, и в нем тоже есть некоторые великолепные вещи. Вечером я был в городском театре на более изысканном спектакле. Огромное здание было почти полно. На сцене я видел Аншютца, которого знал еще 25 лет назад. Он стал зрелым, отличным артистом. Остальные отчасти тоже хороши, но оставляют желать лучшего.

Беру еще лист бумаги и напишу еще, хотя устал и измучился, писать же я хочу о том, как целый день ходил и стоял в галерее Эстергази в Шенбрунне, где

и обедал. Так как через полчаса предстоит итальянская опера, то не хочу больше пускаться в рассказы, скажу лишь, что вчера пополудни немного посветлело и сегодня здесь лучшая в мире погода, не слишком жарко и по всему видно, что такая погода удержится. В пятницу 1-го октября во мне шла внутренняя борьба между плотью и волей, мне хотелось отправиться к тебе. Но ведь ты мне разрешаешь оставаться тут подольше, все увидеть. Я в каком-то круговороте все посмотрел, все попробовал, проводил на ногах целые дни, и все же остается еще увидеть многое. Чтобы удержать в голове самое ценное и создать сокровищницу воспоминаний, я должен все увидеть еще раз. Итальянскую оперу я слушал, конечно, не только дважды. Но здешней прекрасной, бесконечно разнообразной и милой душе местностью я впервые наслаждался сегодня — и при каком чудесном солнечном свете...

Среда, 29 сентября.

Я, стало быть, начинаю там, где остановился вчера, чтобы не отстать: ведь в этом столь богатом мире материал растет сам собой. О том, как много нужно описывать, ты можешь догадаться по тому, что такая, например, картинная галерея, как те две, о которых я говорил — галереи князя Лихтенштейна и князя Эстергази, вполне могла бы прославить целый город, и ради нее вполне можно было бы предпринять путешествие в сто миль. Обе эти галереи расположены в великолепных дворцах, окруженных уютным садом, с отличнейшим внешним видом. За мраморную лестницу во дворце князя Лихтенштейна император Франц готов был заплатить, кажется, 180 000 гульденов. Тут — ценнейшие памятники живописи, для обозрения которых публика имеет совершенно свободный доступ. Каждый из князей содержит при галерее по одному директору и по одному служителю, которому, правда, не надо платить чаевых, но я даю, так как от меня этим людям достается больше хлопот, чем от других: я ведь прихожу в галерею и днем, когда она закрыта, до обеда и после него, до 6 часов. Во всех других отношениях галереи устроены также весьма удобно. Надоб-

но 3—4 часа для беглого обхода в том случае, конечно, если не просто пробежать, но последовательно осмотреть наиболее ценные картины. Если же смотреть с передышкой, сидеть и глазеть на качающиеся головы фарфоровых идиолов, то потребуются дни.

Но я должен описать тебе еще и Шенбрунн — замок и за ним парк. Он расположен на постепенно возвышающейся местности. Место свободное на всю ширину замка до самой высокой точки, увенчанной беседкой. Кругом — свободный обзор, великолепнейшая панорама, частично ограниченная холмами, отчасти виднеющимися вдали хребтами Штирии и Богемии, отчасти же безграничным горизонтом. Кругом — плодородные поля, деревни, замки, аллеи, тянущиеся в бесконечную даль. Такое расположение, собственно, и составляет всю красу Вены, так что лента Дуная добавляет лишь немного. Вокруг города в первую очередь бросаются в глаза высокие валы — бастионы. Стоя на них, можно видеть гласис, т. е. ровную местность, видеть эти бастионы, места — прямо для игр детей. Зеленая поляна изрезана вдоль и поперек аллеями, а за ними видны пригороды — причудливая смена садов, дворцов, церквей, больших и маленьких строений, за чертой же города и окружающих его бастионов — картина сельской жизни.

Но я спешу дальше. Во вторник утром я смотрел собрание Эстергази, в обед был в Шенбрунне, где еще не успел посмотреть ни зверинец, ни ботанический сад, который, по рассказам, великолепен в своей пышности. После обеда опять смотрел собрание Эстергази, затем был в итальянском оперном театре — «Коррадино». Миловидная синьора Дарданелли и Давид, о, как они пели! Второе действие начинается секстетом и заканчивается дуэтом между ними — какой дуэт! Теперь я вполне понимаю, почему в Германии, особенно в Берлине, так поносят оперы Россини, ибо атлас — только для женщин, папшет из гусяной печени — только для ученых, а оперы Россини — только для итальянских голосов. Это не музыка, как таковая, а пение само по себе, которому должно быть подчинено все. Музыку, которая задумана просто как музыка, можно играть

на скрипке, на рояле и т. п., но музыку Россини можно исполнять только голосом, и лишь тогда она имеет смысл. Когда Давид и очаровательная Дарданелли поют вот так, вместе, тогда пусть кто-нибудь придет и начнет делать замечания по композиции! Я бы эту вещицу послушал еще раз. Здесь выступал новый бас, в комическом амплуа, из этой же породы был новый и в «Севильском цирюльнике», но большинство дам — немки. Я стараюсь сидеть по возможности на передних рядах и здесь оказался однажды рядом с каким-то не то турком, не то персом. Он приходит сюда каждый вечер и сидит всегда на одном и том же месте. Швейцар сказал мне, что это принц Ипсиланти, такого я не знаю. Я поздоровался с ним, он поблагодарил меня, приложив руку ко лбу и груди. Потом мы с ним вместе усердно аплодировали.

Вчера до обеда немного походил по делам, затем был в Королевской библиотеке, где хотел ознакомиться с эстампами. Это собрание (некоторые вещи из него принадлежат эрцгерцогу Карлу) включает в себя 300 000 гравюр!!! Допустим, кто-то решил все это пересмотреть. Если он ознакомится за один день с тремястами, то для осмотра всего собрания потребуется три года! После обеда был в Бельведере, затем у г-на Русса, с которым мы ходили в обсерваторию, а потом уже пошел в итальянский театр слушать «Севильского цирюльника» вторично. У меня настолько уже испортился вкус, что «Фигаро» Россини доставляет бесконечно большее удовольствие, чем «Nozze» Моцарта, да и перцы в «Фигаро» играли и пели бесконечно более *con amore* [страстно]. Все это так великолепно, захватывающе, что просто не хочется уезжать из Вены!

Пятница, 1 октября (1824 г.).

Сегодня мои кости все еще напоминают мне овчарашием дне, ибо это был день непрерывной ходьбы. После часа, проведенного мной за письменным столом, в течение которого я общался с тобой (не побеседовав с тобой таким образом, я не могу выйти из дому!), я направился сначала в картинную галерею князя Лихтенштейна. Если бы я там побывал даже десять раз,

и то не успел бы посмотреть все имеющиеся там сокровища. Я провел во дворце время до 12 часов, после чего был на Веринге: эта галерея находится от лихтенштейнской на расстоянии получаса ходьбы. Оттуда направился на поиски моего коллеги профессора здешней кафедры философии. Его зовут Рембольд. Он не так стар, как я, мой хороший земляк, кажется, знаком с моими трудами. Люди здесь, можно сказать, «застоявшиеся»: они не так легко меняют место, не пускаются в путешествия, как мы. Оттуда я направился в Аугартен обедать, по пути перейдя через один из рукавов Дуная. Обед очень вкусный и подешевле, чем в моей гостинице с ее обедом по меню, обедал с аппетитом и потом осмотрелся в Аугартене. Парк расплазирован примерно как в Шенбрунне: широкие, красивые аллеи, деревья и кусты подрезаны и подстрижены под стенку, некоторые деревья подстрижены под веер, т. е. так, что кроны образуют диск, толщина которого не превышает толщину ствола, и люди гуляют не под деревьями, а между ними, над головами же у них всегда небо, сегодня такое голубое и красивое! Солнце уже стоит низко, от стен падают тени. В конце Аугартена открывается прекраснейший вид на равнину, кончающуюся холмами, до которых примерно час ходьбы. Она окаймлена Леопольдбергом и Каленбергом, и все это составляет красивейший ландшафт в чудном освещении. За такие виды можно нам тут позавидовать. Затем пошел в Пратер — лес такой, какой я очень люблю, с зеленой травой, без кустарников и зарослей между деревьями. Помимо бесчисленных столиков, кегельбанов, каруселей, помещений для отдыха я обнаружил несколько очень элегантно построенных павильонов-кафе (тут так и пишут — Kaffeh) и, наконец, после долгой ходьбы, чтобы немного отдохнуть, пошел в Леопольдштатский театр, где Шустер отлично играл роль магистра и вдобавок говорил на литературном немецком. После этого показали «Волшебную грушу», по окончании я смертельно усталый побрел домой, к ужину при великолепном лунном свете и отличной погоде, которая, впрочем, так все время и держится...

Вена, 2 октября, в субботу вечером.
[1824 г.]

Главное, что занимает сейчас все мои мысли, — это желание вновь быть вместе с тобой, моя дорогая. Все, что я должен был здесь делать — обозрение здешних сокровищ и слушание оперной музыки, я уже сделал в той мере, в какой располагал для этого временем. Если я займусь ими дальше, это уже будет не познание чего-либо нового, но лишь повторное удовольствие. В самом деле, разве можно добровольно перестать смотреть здешние произведения живописи или слушать эти голоса — Давида, Лаблаш, Фодор или Дарданелли (а последнюю еще и видеть!), Амброджи, Басси?! Конечно, если все это повторить, то можно было бы во все вникнуть глубже и внимательнее. Но теперь моя голова уже целиком занята проблемой возвращения, я объят тоской и желал бы вынести скуку обратного путешествия!

Прежде всего поговорим о том, на чем остановились в предыдущем письме. Я сейчас вряд ли смогу достаточно подробно воспроизвести прошедший день; позже мне придется просить тебя рассказывать мне, как я проводил тут время. Итак, вчера я осмотрел собрание Амбрази. Что я там увидел, расскажу потом; если тебе это действительно интересно, попроси, чтобы тебе рассказали твои друзья или подруги, которые хорошо знают Вену. Потом я был в Бельведере, а затем зашел к своему другу Руссу, который живет неподалеку. Его жена и дочь показали мне некоторые гравюры Дюрера и другие, пока Русса не было дома. Затем мы с ним совершили прогулку и зашли в театр «Андер Вин», где я еще не был, — самый красивый из здешних театров. Он тоже пятиярусный (здесь ярусы называют этажами), но не имеет бенуара. В программу входили две небольшие пьески, содержание их — одно. В первой некий король инкогнито оказывается в одной бедной семье, во второй явно показали Фридриха II, именованного, правда, герцогом, но во всем остальном — прусские имена, мундиры и пр. В пьесу вплели

известный анекдот о нем. Фридрих II, кажется, становится постоянным персонажем в театральных постановках: сутулый, старый, с палкой, все время достает из жилетного кармана нюхательный табак; каково-то было нам, и рядом со мной, как нарочно, сидел прусский офицер. Вообще же все довольно посредственно, сам же зал со всей его громадной высотой был наполовину пуст...

Сегодня утром я в третий раз был в собрании Эстергази. Какие все-таки сокровища! Ими просто невозможно не восхищаться вновь и вновь! Ими просто нельзя насытиться! Наиболее ценные произведения находятся в комнате самого князя — в павильоне в саду, около дворца, в котором находится большая галерея. Сам князь был там и, когда услышал над собой шаги, спросил, кто там, так как это не был официальный день для осмотра. Он с удовольствием услышал, что посетитель — профессор из Берлина, который здесь уже третий раз, и велел камердинеру показать мне все, так как он сам вскоре уехал, я имел возможность еще раз увидеть великолепные полотна, находящиеся в его кабинете. Что за кабинет! Если бы ты его только видела! Этот князь имеет столь обширные владения, что он с расстояния почти двух миль от Вены может проехать по ним почти до самой турецкой границы. Я пробыл там от 9 до 11, затем, зайдя на полчаса домой, чтобы переодеться, пошел в кабинет древностей, куда меня пригласил его директор профессор Зоннлейтнер. Он холост. С ним и с одним профессором из Падуи, весьма ученым и милым человеком, мы пообедали в одной из гостиниц. Мы, ученые, сразу же держимся друг с другом совсем иначе, чем, например, с банкирами. После обеда я походил в городе, а в заключение был в итальянской опере, где я уже давно хотел слушать оперу *«Corradino il cuor di ferro»* [«Коррадино — железное сердце»], которое милая Дарданелли расплавила и растопила. О, как она очаровательно пела, и как пел с ней Давид! И когда вчера за обедом какой-то человек стал говорить мне, что музыка Россини создана для сердца, я не стал ему возражать...

Воскресенье, полдень (3 X. 1824).

Наконец всякая неопределенность уже позади и билет на экспресс у меня в кармане. Вчера мне ответили, что все места на вторник и пятницу уже заняты, но что можно записаться на дополнительный экипаж. При сегодняшнем дополнительном запросе ко мне присоединились три пражанина, но вместо вторника нам дали билеты на среду. Таким образом, мне пришлось против воли уступить день, но зато выеду точно. Через 36 часов буду в Праге, и разделяющее нас расстояние вдвое сократится — пусть вторая половина тоже пройдет как можно быстрее, чтобы я вновь оказался около тебя, дорогая, и мог отдохнуть у тебя и [все] рассказать тебе, хотя я почти обо всем уже написал и рассказывать осталось немного. Но зато ты расскажешь мне о себе гораздо больше, и наконец я приступлю к работе!

Сегодня утром я отдыхал и уладил дело с билетом на экспресс. Затем проделал пешую прогулку на несколько бастионов; затем был в капелле на территории замка, где слушал проповедь, но стоял я не так близко, чтобы все понять: воспринял я лишь красивую речь, осанку проповедника и звуки органа; затем слушал мессу: музыка очень красива, особенно детские голоса. Главное же, я хорошо видел императора и императрицу. У него действительно достойная и красивая внешность. Я увидел также его сына, «маленького Наполеона», как его здесь называли мне люди, у которых я спросил о маленьком принце; у него красивая детская головка, темно-русые волосы, он спокоен, серьезен и держится естественно.

Возвращался я по набережной и надеялся, что мне представится возможность описать тебе элегантность здешних светских дам, но здесь были, увы, только простые горожане. Высший свет сейчас можно увидеть только в Пратере — в экипажах. Что я здесь увидел, включая и публику в опере, не дает мне определенного представления, и я не заметил ничего примечательного. Мне кажется, по крайней мере на основании того,

что я видел, элегантности здесь не больше, чем в Берлине. Широкая и неуклюжая обувь здесь распространена больше. Модных магазинов здесь довольно много, мясные и колбасные лавки приютились рядом с магазинами дамских шляп, ювелирные — рядом с москательными магазинами и т. д. Кабаков, питейных домов и заведений, где торгуют шнапсом, которые в Берлине гнездятся на каждом шагу, здесь не видно.

Ну а теперь — обедать! Это письмо я пока не заканчиваю, оно у меня будет последним, написанным здесь в Вене, затем — в путь, и я хотел бы лететь быстрее письма. Сегодня вечером я посмотрю первый акт «Зельмиры» с Дарданелли, и поскольку завтра именины Франца, то во всех театрах будут исполнять «Боже, храни нашего доброго императора Франца!».

Понедельник, в полдень.

В воскресенье во второй половине дня была плохая погода. Я, к сожалению, просмотрел на билете в театр отметку: «Сегодня в порядке исключения начало в половине седьмого», пришел к семи и прозевал самое главное: хор «Да здравствует наш добрый император Франц». Начался первый акт «Зельмиры». Превосходно пела Дарданелли и не хуже — Донцелли, исполнивший речитатив, ставший его триумфом. В *opera seria* он непревзойденный мастер. Он и Лаблаш были с бородой, с черными локонами — какие античные головы! Донцелли как начинающий, Лаблаш как зрелый мастер: и того и другого можно было принять за античные статуи! В 9 часов кончился первый акт, после него начался балет «Амур и Психея». Что я могу тебе рассказать об этой феерии фигур, пантомим, ног, декораций, превращений, спен? Хор из 16 статисток, затем — 16 детей как амурчики вместе со статистками или отдельно. Амурчики появились лишь один раз, причем каждый из них нес бумажную лампу на длинном древке, а над лампой — букет цветов. Затем 16 статистов взяли каждый по одному из амурчиков себе на плечо, 16 статисток взяли статистов за руки и так танцевали, делая различные движения. Помимо всего прочего было не меньше шести занавесей, на которых

были изображены туман, ночь и в ночи Психея, Луна со звездным небосводом, утренняя заря, восход солнца, само Солнце, наконец, блестящий дворец, полный ваз с цветами и серебряными листьями. Амура и Психею играли синьора Торелли и синьора Бруньоли. У них — римские головы, чернейшие глаза, горбатые носы, они огненные, живые, изящные, их пантомимы выразительны — и во всем они более живые, подвижные, более чарующие, чем у нас. И все же, когда в 11 начали новый акт, многим это показалось утомительным и кое-кто стал покидать театр. Но я и некоторые верные опере зрители высидели до конца, и я сел ужинать только в половине двенадцатого. Сегодня с утра я был занят сборами, готовясь в путь, нанес несколько визитов, затем пошел под дождем в Императорскую библиотеку, осмотрел ее сокровища. После обеда займусь таможенными и почтовыми хлопотами, хотя завтра и не еду: все же лишний день, но я надеюсь еще раз попасть в итальянскую оперу — сегодня немецкий мюзик-театр — в переводе с французской стужи: *снег...*

Вена, 4 октября 1824 г.

Я все еще в Вене! Свой багаж я уже сдал на станции, здесь цены несколько повышены, понижены лишь цены на билеты; ну да ладно, это не такие уже громадные суммы, к тому же я ведь выдаю их христианам и они в конце концов тратят их и на меня — тоже хорошего христианина. Куда же мне идти, когда я сделаю все дела? Конечно, в итальянский театр. Но сначала надо было послушать народные песни, которые сегодня исполнялись по случаю дня святого Франциска. Жаль только, что погода дождливая и будут отменены фейерверки — гвоздь празднеств этого дня. Однако я еще не знаю, дано ли по этому поводу официальное распоряжение или нет. И я отметил этот день тем, что слушал эти песни в исполнении, с одной стороны, синьоры Фодор *à la tête* [во главе], затем Дарданелли и т. д., всего 13 человек, и, с другой стороны, синьора Давида *à la tête*, Донцелли, а также Рубини, Лаблаша, Амброджи, Басси, да Франко и т. д., всего 16 человек; они пели хотя и одногласно, но без соло и вариаций — по

такому случаю можно было бы ожидать и большего; мужчины были одеты в черное, дамы — в белый атлас! Зал был на этот раз переполнен, может быть и из-за дня Франциска, но вообще-то из-за *немецкой* оперы, которую ставят сегодня впервые: французская музыка в исполнении немцев и немок. Может быть, потому, что зал был полон, я впервые имел возможность увидеть множество красивых женщин. Я мог также более внимательно рассмотреть венок, так как на сцене не было слышно и видно ни итальянцев, ни итальянок!

...Отсюда я перехожу к немецкой опере, т. е. к изящной французской музыке Обера в немецком исполнении. В последнем действии благодаря французскому порыву в музыке в голосах появляется страстность, и здесь они несколько развернулись, однако до этого дух пения проявлялся лишь в пиццании, в тоскливой страстности и в низком звучании. У итальянцев же лишенное всякой тоскливости звучание, естественно-металлический характер их голосов захватывает прямо с первых мгновений и держит в своей власти все время. С первого же звука — в голосе свобода и страстность, с первой же ноты — свободное дыхание и душа. Божественный фюрор по природе своей — мелодический поток, он воодушевляет, пронизывает и разрешает всякую ситуацию. Спроси у Мильдер — не так ли все это?! Ведь это же так и в музыке Глюка и Россини, ибо их тон, их звучание и движение от природы — страсть и душевная проникновенность. Да и мы сами чувствуем это, когда воспроизводим или даже вспоминаем их музыку и когда полнота ее продолжает звучать в нас далее, жить в нас и воздействовать на нас.

Стоит, пожалуй, упомянуть еще и то, что сегодня повторили первое действие вчерашнего балета. Эберле — немка — танцевала превосходно, но не совсем так, как, например, Торелли с ее итальянским турнюром, которая своими изумительными манерами и римской внешностью создала в моем воображении представление об итальянском танце. А теперь от этих светских тем и забав...

Сегодня пополудни погода вновь прояснилась. Нет сомнений, что это предсказал берлинец Диттмар, ибо только здесь, в здешних газетах увидел я, сколь огромен вес этого пророка — нет пророка в своем отечестве. Собственно, по этим мотивам я и не стал жить в Швабии, но поехал в Берлин через Нюрнберг. Теперь вернемся к моему сухому историческому отчету. Сегодня в первой половине дня я сбегал в Императорскую библиотеку, был у Рафаэля и Марка Антония. Какое проникновенное изящество, какие уникальные вещи! К этому я бы хотел присовокупить одно прозаическое замечание: в определенные дни (а в Императорской библиотеке — ежедневно) можно осмотреть все сокровища, созданные художественным гением, *gratis* [бесплатно], обслуживающему же персоналу обычно дают чаевые, и я их всегда даю, если в этом даже нет необходимости — чтобы поддержать достоинство королевской прусской профессуры. К сожалению, здесь, как и во всем мире, на всех перекрестках кричат о прусско-потсдамской нечистоплотности. Посему я, королевский профессор, ординарный профессор Королевского Берлинского университета (и притом профессор-специалист, а именно профессор философии, которая является специальностью всех специальностей!), всюду, будь то в Берлине, Потсдаме, Сансуси, если у меня появлялось желание что-нибудь смотреть, платил целый дукат или должен был платить! Так вот я бы хотел посоветовать всем тем моим знакомым, которые имеют желание осмотреть памятники и произведения искусства, не тратить дукат или талер для того, чтобы увидеть гробницу Фридриха Великого или просто гробницу его собак, а собрать все эти деньги, потратить их на дорогу в Вену, приехать сюда и посмотреть великолепнейшие произведения искусства, где они увидят их действительно больше, чем в Берлине. Прочитай эти строки моему другу, тайному советнику Шульце, которого я так люблю и высоко ценю, чтобы он именно в этом усмотрел мою признательность за тот искренний и благожелательный интерес, который он проявлял ко мне и

благодаря которому я мог наслаждаться всем тем, что так мило и приятно мне; заверь его к тому же в следующем: несмотря на все то, что пишу, я всегда давал понять здешним профессорам, что мне не в чем завидовать им, и внушал им, что, наоборот, они должны завидовать мне. Тут, сделав над собой немалое усилие, я возвращаюсь к моему отчету и сообщаю тебе кратко, что сегодня после обеда я вновь посетил прекрасный Шенбрун и любовался видами, которые оттуда открываются взору, посетил также зверинец, но из животных посмотрел только «царских» — слона и страуса, так как вся мелкота в это время уже погрузилась в сон. Так же обстоит дело и с растениями, и так как цветы нельзя смотреть при свете лампы, я оставил это на будущее. И в заключение — сегодня не выступают ни Фодор, ни Дарданелли, ни Лаблаш или кто-либо другой. Конец скверный — и все скверно! Я имею в виду, что сегодня смотрел пьеску в Леопольдштатском театре и билет еще у меня в кармане. Завтра ранним утром — в скорый экипаж, и да сохранит бог кучера! Этим пока ограничиваются все пожелания души моей...

Четверг, в 7 часов вечера.

Покойной ночи и до свидания, Вена! Эти строки я пишу в Праге, куда только что прибыл после удачно завершившегося путешествия, хотя начало выглядело скверно, так как я вчера утром опоздал к отходу скорого экипажа и лишь потом его догнал. И дальше экипаж чуть не опоздал, так как на последней станции одна из осей дала трещину, в силу чего мы не могли продолжать рейс с этим экипажем, и все же мы точно по расписанию прибыли на место. Я послал за письмами к дядюшке и теперь сижу в ожидании их.

Смотри-ка! Лакей несет мне твое милое питье, точно доставленное сюда; оно обрадовало меня сообщением о том, что у тебя все благополучно. Если тебе так хорошо — ведь это мое искреннейшее желание! — то, я думаю, это потому, что, во-первых, ты здорова, во-вторых, и у меня все шло так хорошо и благополучно. Мое благополучное путешествие и наслаждение духовной пищей породили бы во мне угрызение совести,

если бы я узнал, что в это время тебе было плохо. Мне все время не давала покоя мысль, что я наслаждаюсь всем прекрасным и вместе с тем живу лишь догадками о том, что и моей Мари хорошо, и я все время думал, что если тебе хорошо, то и совесть моя спокойна. И все же ты была лишена многих удовольствий, которые я получал один, без тебя. О если бы я мог привезти с собой все то прекрасное, что я видел и слышал! Но это невозможно, и я доставлю тебе по меньшей мере себя самого, а ты, моя дорогая, должна это предпочесть. Ведь именно это — самое главное, не так ли? Так я задаю себе вопрос и пытаюсь представить твой ответ... Здесь, в Праге, я уже вдвое ближе к тебе...

*152 (486). ГЕГЕЛЬ — ПРУССКОМУ
МИНИСТЕРСТВУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
(Черновик)*

Берлин, 4 ноября 1824 г.
Действительному тайному
Королевскому Министру внутренних дел и полиции
Его Превосходительству
Господину фон Шукманну

Ваше Превосходительство! Осмелюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, о позволительности которой не берусь судить и повод к которой Вам одному смею покорнейше изложить.

В 1817 и в 1818 гг. господин профессор Кузен из Парижа, об аресте которого и доставке¹ сюда я лишь недавно узнал, во время двух путешествий, предпринятых им тогда в Германию, познакомился со многими немецкими профессорами, преподавателями философии в университетах, и в частности со мной в Гейдельберге².

В общении, которое мы поддерживали особенно в течение нескольких недель летом 1817 года, я узнал его с определенной стороны (и именно только с этой стороны, о чем считаю нужным напомнить), как человека, который проявлял глубокий интерес к науке, и

особенно к своей специальности; в частности, он выражал сильное стремление выработать точное представление о том, как преподается философия в университетах Германии. Такое стремление, особенно ценное у француза, старание и основательность попыток понять наши трудные методы преподавания философии, а также то, что явствовало из ознакомления с конспектами, на основе которых он читал свои лекции по философии в Парижском университете, равно как весь его характер, представлявший мне глубоко порядочным и сдержанным, — все это вызвало во мне, смею утверждать, живое, почтительное и искренне дружеское отношение к его научным устремлениям. Я позволяю себе прибавить, что такое отношение к нему в дальнейшем ничуть не изменилось, хотя в последующие 6 лет я не имел о нем никаких сведений. Правда, я слышал, что после того, как он потерял одно из занимаемых им в Париже мест (другие оставались за ним) из-за почти безнадежной болезни и вызванной этой болезнью слабости, он одновременно для обеспечения своего материального благосостояния осуществил много литературных работ и публикаций, о чем я хорошо осведомлен по его философским статьям в «*Journal des savans*» и в «*Archives littéraires*» (о последнем из этих журналов я не могу сказать, до какого года он издавался и продолжается ли его издание), частично же знаю по подготовленному им новому изданию сочинений Декарта, затем по начавшемуся французскому переводу сочинений Платона и особенно по новому изданию сочинений Прокла, основанному на сравнении находящихся в Париже рукописей, поскольку он оказал при его издании честь мне, посвятив четвертый том мне и Шеллингу³.

Эти многочисленные труды лишь увеличили мое уважение к научной и преподавательской деятельности господина профессора Кузена. С другой стороны, я не мог скрыть своего сожаления и одновременно изумления, узнав, что такие усилия ввергли его в длительную болезнь и подорвали его силы (на такой подвиг, должен признаться, сам я вряд ли был бы способен).

Несколько недель назад я встретил его в Дрездене, где был проездом. При этой встрече я получил различного рода свидетельства его продолжающегося искреннего и, полагаю, делающего мне честь дружеского расположения, поэтому я был весьма изумлен тем обстоятельством, что из его ареста, как я слышал, явно следует, что против него существуют показания, весьма усугубляющие тяжесть его положения.

Поскольку он еще находится под следствием и его виновность не доказана, считаю возможным доложить Вам, что продолжаю испытывать к нему глубокое уважение, которое испытывал к нему и прежде (при обстоятельствах, которые я покорнейше изложил Вам), и даже если бы мое сложившееся ранее представление о нем было сомнительным, все же на основании изложенных выше Вашему Превосходительству прежних обстоятельств, его дружеского... его достоинства, литературных заслуг... я испытываю потребность засвидетельствовать ему мое в нем участие в сложившихся условиях или, быть может... доставить ему удовольствие (исходя из того, что совсем недавно он высказал мне свои дружеские чувства и уважение); а также не имею никаких оснований опасаться высказать Вашему Превосходительству это свое желание открыто и представить его на благосклонный суд Вашего Превосходительства, так как... мне неизвестны детали и причины происшедшего, то я не считаю необходимым приводить или излагать дальнейшие мотивы моей к Вам просьбы. Позволю лишь добавить к сказанному, что не премину покорнейше рассматривать все формальности, каковы Ваше Превосходительство сочтет необходимыми в полицейских интересах в случае, если мне будет милостивейше дозволен визит, как такие меры, осуществление которых дает возможность заслужить то, чтобы этот шаг (допущение визита) был сделан в отношении меня.

[Нижеследующий текст адресован фон Кампцу:]
Ваше Превосходительство,
согласно Вашему благосклонному соизволению, я осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство передать приложенное к настоящей записке письмо в руки Его

Превосходительства Государственного министра господина фон Шукманна. Доверительнейше и покорнейше прошу также представить на благоусмотрение Вашего Высокоблагородия уместность и позволительность передачи этого письма Его Превосходительству.

153 (489). ГЕГЕЛЬ — ГЕТЕ

Берлин, 24 апреля 1825 г.

Несколько задержавшийся отъезд моего друга г-на профессора Кузена из Парижа, который, кроме того, ставит себе целью представиться Вашему Превосходительству в Веймаре, послужил мне непосредственным поводом напомнить Вам о себе¹. Прошел год с тех пор, как Вы в одном из писем ко мне подтвердили, что помните обо мне, и Ваше дружеское послание увеличило, если это вообще мыслимо, мое уважение и любовь к Вам и глубоко меня тронуло.

Я приношу свои извинения за то, что ответ задержал до сих пор. Однако я не рассматриваю эту задержку как перерыв в общении с Вами. Ибо мы не только получали в различной связи случайные сведения о Вас от многочисленных друзей, которых Вы здесь имеете, не только получали постоянно сообщения, радовавшие нас тем, что они говорили о Вашем добром здоровье в эту зиму. Нам постоянно говорили о Вас Ваши вышедшие из печати труды, на которых мы учились, которые побуждали нас к деятельности и доставляли наслаждение². Если к этому прибавить еще и бодрость, которую Вы нам внушаете, то я могу сказать, что отношения с Вами вылились в одностороннее общение, всю тяжесть которого Вы несете один. Но это создает необходимость, так сказать, затаить дыхание, чтобы не нарушить наслаждение благоуханием, которое излучает Ваш гений, и не докучать Вам своими письмами.

Но поскольку Вы говорили о моей симпатии, которую Вы, как я мог судить, исходя из Ваших слов, считаете достойной Вашего внимания, это дает мне основание говорить о более глубоких мотивах моей привязанно-

сти к Вам и моего благоговения перед Вами. Ибо, когда я оглядываюсь назад, на путь, который пройден мной в духовном развитии, я вижу, что Вы вплетены в каждый шаг этого пути, и я мог бы позволить себе назвать себя одним из Ваших сыновей. Мое мышление получило от Вас силы противостоять абстракции, а Ваши создания были теми маяками, по которым я направлял свое движение.

Когда такие воздействия относятся к побуждениям внутренней природы, то сознание, должно быть, менее подвержено заблуждению, чем в том случае, когда оно соотносит свойство и ценность *результатов* и совершенных действий с подлежащими разработке началами, полагая, что может позволить себе соизмерять первые с последними, и точно так же, когда сознание превращает эти побуждения в преследуемые им цели, полагая, что по этим целям оно и должно определять создания своей природы и своего таланта или судить о них. К последней мысли меня побудило в первую очередь то интересное, что опубликовано Вами из писем Шиллера, что дает право надеяться на большее³. Противоречия, которые можно в них обнаружить и которые относятся помимо всего другого и к затронутому мной вопросу, особенно привлекли меня соответствием моему образу [мыслей] и еще яснее показали мне внутреннюю борьбу в сознании этого превосходного мужа.

Может быть, Вы позволите мне более детально высказаться по поводу этого предмета впоследствии, особенно после того, как Вы осчастливите нас новыми публикациями писем. Мой друг торопит меня закончить письмо. Как и во многом другом, и здесь он чувствует то же восхищение и любовь к Вам, что чувствует и к Вашему Превосходительству

преданнейший
Гегель.

154 (491). ГЕГЕЛЬ — ЦЕЛТЕРУ

Когда я вчера прочитал в любезно переданном Вами мне втором выпуске 5-го т[ома] «Искусства и

древности»¹ одно место на стр. 43, где написано следующее: «Одну молодую женщину замуровали, чтобы построить крепость Скутари, и этот обычай кажется тем более диким, что на Востоке закладывают в тайники фундамента крепостей только освященные изображения или талисманы, чтобы подобного рода оборонительно-наступательные сооружения сделать неприступными», я вспомнил, что несколько дней тому назад увидел нечто относящееся сюда в «Transactions of the Royal Asiatic Society», vol. 1, Part 1, (London, 1824). Я нашел это место на стр. 78 в статье Малколма о бхиллах — одном презиравом индийском племени. Вот это место:

«Яджньядева, один из бывших раджей Дхара... У него было четыре брата, вместе с которыми он попытался построить крепость в Манду. Но все его попытки были безуспешны. Ибо как только они выстраивали какую-то часть, все рушилось наземь. Так повторялось несколько раз, пока богиня Халлака Деви в одну прекрасную ночь не явилась во сне Яджньядеве и не сказала, что до тех пор, пока один из братьев не принесет в жертву голову своего сына и его жену, сооружение не будет завершено. Проснувшись на следующее утро, Яджньядева рассказал о своем сне братьям, которых собрал для того, чтобы решить, как быть. Один из братьев сказал: «Пожалуй, у нас нет особой надобности строить эту крепость, для чего нам придется пожертвовать жизнью одного из наших сыновей и его жены». Яджньядева, услышав эти слова, сказал: «Я отдам голову своего сына и его жены» — и, сказав это, выполнил свое обещание в ту же ночь. Халлака Деви сказала им, что сооружение крепости будет завершено, прежде чем наступит утро следующего дня. И это точно было осуществлено. После какового удивительного происшествия только один из братьев согласился остаться с Яджньядевой» и т. д.

Здесь, правда, речь идет не о замуровании, но все же о человеческом жертвоприношении. Есть сходство и в некоторых других обстоятельствах — братьях, Халлака...

Я выписал это место для того, чтобы Вы переслали его господину фон Гёте, и при этом очень прошу Вас поблагодарить его за пересылку мне морфологического журнала². Я хотел бы также добавить, что еще больше, чем заметка о бхиллах, его заинтересует последняя статья капитана Тода³, которая наряду с другим содержит упоминание об одной индийской поэме совершенно иного рода, чем те, которые нам были известны до настоящего времени, — о поэме, в которой больше гомеровского колебания между богами и людьми, чем в обычном для Индии фантастическом смешении, где все, от чего можно ожидать оформленности, сразу же становится бескрайне обширным и, напротив, сейчас же ослабевает от полной обыденности.

Благодарю, вскоре верну Вам присланное.

Гегель, 1/5—25.

155 (494). КУЗЕН — ГЕГЕЛЮ

Париж, 21 августа 1825 г.

Я пишу Вам, дорогой друг, с сердцем, раздираемым горем, После месяца, полного горестных сомнений и неясности, я получил наконец достоверное известие, что С[анта] Р[озу] уже нет в живых. Он погиб, пытаюсь подать пример малодушным, которые так и не пошли по его стопам. Вы знаете, как я любил С[анта] Р[озу]¹. О Гегель, я потерял то, чего никогда уже не найду в своей жизни: интимное и глубинное соединение двух качеств, которые я так ценю, — нежности и силы. Извините, что я не продолжаю, но если я начну говорить о нем, то уже не смогу рассказать Вам о других вещах, а я ведь хочу написать Вам обо всем, что произошло с тех пор, как мы с Вами расстались.

Проезжая через Лейпциг, я отдал распоряжение представителю моего издателя переслать Вам экземпляр изданных мной сочинений Декарта. Выполнил ли он мое поручение? Я также велел ему переслать другой экземпляр того же издания господину фон Хеннингу, которому я написал из Фульды письмо с тысячами благодарностей за то, что он сделал для меня в Берлине, и с просьбой передать от меня привет его милой супруге, господину и госпоже Форстер² и господину Мишле. Я очень боюсь, что госпожа Хесс не сохранила моей записки, и очень Вас прошу быть посредником между мной, господином фон Хеннингом и его друзьями.

В Веймаре я один раз встречался с Гёте, который принял меня благодаря Вам, хотя и был болен. Я был очень тронут

и признателен Вам за это. Во Франкфурте я попытался найти Каровэ, который очень привязан к Вам, хотя немного и расходится с Вами в связи с Вашим философским методом. Можно обладать более широким и более твердым интеллектом, но вряд ли можно быть более честным и иметь более чистую душу, чем он. Я его искренне люблю. Во Франкфурте я встретил господина фон Рейнхардта, который окружил меня заботой, как и Хумани в Страсбурге, который сообщил мне сведения такого рода, что я направился в Париж с уже принятым решением и твердым планом и всему этому следовал неукоснительно.

В Париже определенная часть публики приготовила мне восторженную встречу, от которой я отказался в основном вот из-за какого соображения. Дело в том, что всюду здесь я застал всеобщее возмущение против Пруссии. Высказывали пожелание, чтобы я разразился памфлетом против Пруссии и ее полиции. Несомненно, я не испытываю любви к этой полиции; но поскольку мой гнев был несколько смягчен уже в Берлине, я решил не подогревать страсти в Париже, находясь за триста миль от опасности. Я оставался невозмутимым, свободным в своих решениях, принимая их согласно моим принципам и привычкам, но без всякой поспешности. Я даже отважился как-то утверждать, что жизнь в Берлине была вполне сносной, и это вызвало громкие голоса, особенно одного пруссака, человека не без таланта, пожалуй, но сварливого и злобного, который был бы восхищен, если бы я поднял на смех весь Берлин. В заключение всего этого я в течение пятнадцати дней изумлял своим поведением здешних любителей скандалов и вызывал у них недовольство. Потом все это прошло, как все, впрочем, проходит в Париже.

Теперь Вы уже понимаете, что мои истинные друзья — Юмани и Руайе Коллар одобрили мое поведение, а вместе с ними небольшое число людей, находящихся в оппозиции; публика поняла мое поведение в целом, если не считать интриганов и сплетников, а также некоторых незадачливых друзей, тех, что с некоторых пор ищут повод для осуждения меня и для предательства, — это публика, которая не останавливается ни перед чем. Все это доказало две вещи, именно, что я неизменно придерживался принципа свободы в своем поведении и что никому не удалось вовлечь меня в какие-либо сумасбродные действия. Те, кто своими доносами вызвал эти преследования, и те, кто надеялся спекулировать на моих неприятностях, были обескуражены моей твердостью и умеренностью моего отношения ко всему этому. Вообще же мое положение почти близко к такому, какое Вы бы пожелали для меня в моей стране, и, надеюсь, Вы одобрите, мой мудрый друг, мои принципы, хотя они и гораздо менее зрелые, чем Ваши.

Что касается правительственных кругов, то я должен сказать Вам, что они были довольны линией моего поведения как там, так и здесь. Господин де Дамэ меня правильно понял и одобрил. Он дошел даже до того, что стал хлопотать перед

одним из своих коллег, чтобы в ближайшее время, когда возобновятся занятия (теперь ведь у нас каникулы), я смог приступить к работе на факультете, что, как Вы знаете, является моей мечтой. Если бы это осуществилось, что, по всей видимости, и произойдет, я бы работал, как прежде. И это все, что мне нужно в данный момент. Но можете ли Вы поверить, что господин де Дамá до сих пор не смог заполучить копии моего допроса? Ему писали много приятных слов относительно меня, но протокола допроса все не присылают. Я на этом настаиваю и буду настаивать. Но я подозреваю, что обычная неповоротливость вашего министра пропорциональна моему терпению. Как Вы знаете, французское правительство сделало решительное заявление относительно меня в «Moniteur», что вернуло мне мое прежнее положение, и это пока все. Между нами, я должен добавить, что господин де Дамá предложил мне свои услуги, от которых я отказался, но это показывает его доброжелательность по отношению ко мне. Подождем, что будет дальше, не будем забегать вперед.

До свидания, мой дорогой друг, мне остается еще просить Вас передать приветы любезной госпоже Гегель и нашему мечтательному другу Блоху.

В. К.

156 (508), ГЕГЕЛЬ — КУЗЕНУ

Берлин, 5/4—26

Дорогой друг, не могу начать это письмо, к которому я наконец приступил, без чувства горькой укоризны, которую я заслужил тем, что столь долго откладывал ответ на Ваши многократно повторенные заверения в том, что Вы хранили и всегда будете хранить свое дружеское расположение ко мне. Я бы очень хотел, чтобы Вы приписали эту медлительность идиосинкразии¹, которой я подвержен в данном отношении и которой никто не недоволен более, чем я сам. Что касается этого моего скверного качества, то тут есть лишь одно утешение, которое, к несчастью, еще больше способствовало упрочению моей нерадивости, — это моя уверенность в том, что Вы не примете мое молчание за мое охлаждение к Вам и что, несмотря на справедливость гнева, который я наверняка вызвал у Вас своим молчанием, основа Вашей ко мне дружбы не поколеблена. И еще я мог бы сказать, что в течение всего довольно длительного времени с тех пор, как Вы отсюда уехали, я всегда чувствовал себя как бы в по-

стояннoй бесeдe с Вами при посредстве наших общих друзей, которые имели счастье пребывать в Париже достаточно длительное время, в частности, в Вашем обществе. С тех пор как все вошло в свою колею, несомненно, следовало бы все эти формы непрямого общения заменить живыми формами. Мою вину отягощает то, что Вы меня очень обязали, преподнеся мне весьма ценные подарки, которые для меня столь же дороги, сколь и полезны в приобретении знаний. В Вашем проспекте² (экземпляры его, посланные Вами, я роздал, причем недавно вручил один Вашему другу господину барону Фуке, и от всех я должен передавать Вам благодарность и приветы) я не мог не оценить глубину метода и взглядов, столь же верных, сколь и утонченных, равно как и силу и изящество изложения. Этот энергичный и выразительный стиль принадлежит только Вам.

Обратимся теперь к сочинениям Декарта и Прокла³ — это подарок, имеющий наибольшую для меня ценность, за него я весьма признателен Вам. Имея перед своими глазами свидетельства Ваших значительных трудов, я хочу поздравить Вас с тем усердием, на которое способны только Вы, а также поздравляю Францию с тем, что там могла быть предпринята такая грандиозная работа, связанная с изданием философских сочинений. Сравнивая себя с Вами, я вижу в себе только лентяя, а сравнивая наши издательства, испытывающие отвращение к изданию философской литературы, с вашими, я должен признать, что французская публика проявляет гораздо больше вкуса к абстрактной философии, чем публика немецкая. Ваше издание сочинений Декарта представляет нам не только начало современной философии, но и во всем объеме картину трудов ученых того времени. Меня радует прежде всего Ваше изложение философии Декарта и Ваша критика этой философии — прекрасная тема сама по себе, к тому же весьма плодотворная для нашего времени с точки зрения метода рассмотрения философии.

Помимо той благодарности, которую я счел своим долгом принести Вам, очень прошу Вас любезно пере-

дать мою благодарность господину Гиньо, который любезно прислал мне свою превосходную работу, проделанную им над книгой господина Крейцера⁴. Разумеется, только Вашей ко мне дружбе я обязан тому, что господин Гиньо проявил ко мне эту любезность, которая меня очень тронула. Господин Гиньо подготовил один том из сочинения господина Крейцера, и помимо сокращения он обогатил этот труд своей эрудицией и развитием содержащихся в нем идей до такой степени, что я, например, не знаю никакого другого труда, в котором была бы рассмотрена какая-нибудь идея более утонченно и в то же время был дан столь развернутый анализ религий, как это делает г. Гиньо, и прежде всего нет никакого другого труда, который был бы так же удобен для моих собственных исследований, почему я и готов признать, что весьма обязан ему и это мое чувство серьезно и вместе с тем доставляет мне удовольствие. Я прошу Вас сообщить господину Гиньо мою признательность и уверения в моей высокой оценке его работы, которую я не могу не дать после неоднократного чтения книги. Но вернемся к Вам. Я не мог не заметить мрачные нотки в одном из Ваших писем и не был этим удивлен. Если сделать сравнение с моим душевным покоем, то сознаюсь, что обладаю им в несколько большей степени, чем Вы. Но не забывайте, что Вы моложе меня, к тому же Вы не так закалены в атмосфере непризнания, как я, и если я обладаю этим преимуществом, то это вполне компенсируется ослаблением деятельности, что в моем возрасте уже дает о себе знать. Из-за этого у меня и были неприятности, выразившиеся в отсрочке нового издания моей «Энциклопедии», а также задержке ответов на Ваши письма. «Энциклопедия» должна была выйти в свет в течение зимы, после пасхи. Я посвятил этому новому изданию пятнадцать дней отпуска, которые у меня оставались неиспользованными, а рукопись еще далека от того, чтобы быть готовой. Очень завидую Вам в том, что Вы так деятельны. Впрочем, то же самое не без удовольствия заметил у молодежи, у которой Ваша мысль получает поддержку и духовную пищу. Собственно говоря, отдельные лица — вот

кому достается дело сохранения и поддержания прогресса духа и философии.

Публичный ход Вашего дела принял явно однообразное направление, так что я был даже удивлен умеренностью господствующей партии. Если последняя потерпела поражение в частных вопросах касательно свободы печати, то она не только взяла реванш в первой палате парламента, но и добилась этого в манере, вызвавшей мое изумление: ведь она удовлетворилась столь ничтожной компенсацией! Что касается нас, то мы идем нашим обычным путем, который Вам хорошо известен. Здесь циркулирует в рукописи письмо, написанное нашим королем — и притом собственноручно — своей сестре герцогине фон Анхальт-Кётен по поводу ее обращения в католическую религию вместе с мужем-герцогом. Письмо очень большое и написано в резких тонах. Если оно будет опубликовано, то станет, пожалуй, единственным контрастом юбилейным праздникам, которые открываются в Париже⁵. Король был очень огорчен, узнав, что эта его сестра своим поступком соблазнила еще и его брата графа фон Ингенхайма, однако этот его шаг не сопровождался словесной шумихой, как здесь говорят: король просто изгнал его из двора и отказал ему в праве проживать во всех тех городах королевства, где у него есть резиденция.

Надо, однако, ускорить окончание письма, прибавив, однако, еще новости о Ваших друзьях, находящихся здесь [...].

157 (515). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

25 июля (1826 г.).

В воскресенье у меня, до обеда, шла конференция при участии 15 господ — была подана подсахаренная вода, но ни у кого не оказалось времени, чтобы выпить стакан. Наше великое литературное начинание наконец учреждено и оформлено¹. В следующее воскресенье тоже будем заседать. После того как я проговорил три с половиной часа, обед у Боппов показался мне очень вкусным. Для Блюма, который послезавтра уезжает, это было последней трапезой.

Гегель

17/8—[1826]

...Мои работы для печатания Энциклопедии» — вчера после неисчислимого количества упаковок, проставления адресов переслана наконец в типографию первая партия рукописи¹, и все это существенные, необходимые и неотвратимые вещи, и сколько это еще продлится, я не могу сказать определенно.

Я живу в полном покое, часто вижу только Ганса, моего верного друга и компаньона. Вчера вечером мы, т. е. факультет, экзаменовали дорогого Гото, и он наконец сбросил все это с плеч, а он очень боялся и мучился до экзамена². Вечером они с Гансом были у меня, и я был рад от души. Что же — через восемь дней Гото уже доктор.

159 (531). ГЕГЕЛЬ — ДАУБУ

Берлин, 19 декабря 1826 г.

Достойнейший друг!

Сегодня я получил тринадцатый отпечатанный лист «Энциклопедии» и, собственно говоря, каждодневно должен благодарить Вас за кропотливую работу, которую Вы взяли на себя. Я только хочу, чтобы Вас в какой-то степени поддерживала мысль о том, как я заинтересован в этой новой переработке. Мне это стоит во всяком случае больших усилий. Мое стремление, как бы некая скупость — чтобы, где только можно, все оставалось по-прежнему, — ведет к тому, что мне приходится искать слова и обороты, которые бы требовали наименьших перемен в тексте. Вскоре Вы получите на руки несколько листов той части, в которой изложена натурфилософия. Мне пришлось внести в нее существенные изменения, но вместе с тем я не мог помещать себе войти в детали во множестве мест, что в свою очередь не очень соответствует тому целому, которое я имел в виду.

Подозреваю, что типография переложит на Ваши плечи чтение всей корректуры вместо простого

контрольного чтения, что значительно увеличит Вашу нагрузку. К настоящему письму я прилагаю записку для господина Освальда, от которого я вчера тоже получил записку, где он передает мне Ваш дружеский привет. Сейчас я занят философией духа и уже сделал больше половины. Вторую половину мне, конечно, придется целиком переработать.

Один из многих перерывов, которые задержали подготовку этой работы, был вызван тем, что мне пришлось написать статью для нашего критического журнала (о статье господина В. фон Гумбольдта о «Бхагавад-гите»¹⁾), вторую статью о том же предмете я оставил на будущее. И от Вас мы с нетерпением ждем работ. Некоторое время назад Мархейнеке сообщил мне приятную весть о том, что Вы намерены написать рецензию на второе издание «Энциклопедии»². Ничто не было бы мне столь приятно и ценно, чем это; к тому же Вы легко могли бы справиться с этой задачей при той работе с «Энциклопедией», которую Вы сейчас ведете, и я надеюсь на это как на нечто такое, чего вполне можно ожидать. Но у меня есть еще одна просьба к Вам, а именно — написать рецензию также и на второе издание «Догматики» Мархейнеке³. Не говоря уж о большом интересе, который эта книга представляет, особенно для Вас, я должен напомнить о том, что, собственно, не знаю другого человека, кроме Вас, кто мог бы говорить об этой книге по существу. Неизбежно также, чтобы об этой книге по-настоящему писали не только в нашем журнале, но и вообще всюду, ибо оценки, которые даются в общедоступных изданиях, одно издевательство, а люди, которые за это берутся, совершенно некомпетентны. Поэтому я надеюсь, что Вы благосклонно согласитесь и к тому же скоро напишете статью. В ней можно не вдаваться в детали или в анализ отдельных положений — это как угодно, главное же — высказаться о точке зрения в целом.

В одном письме от Нитча из Бонна (который совместно с Люкке и Ульманном издает критический теологический журнал⁴⁾) Мархейнеке предлагается принимать участие в этом журнале (или все их издание

принять в состав нашего) «с тем, чтобы придать общее направление признанию всей *истинно новой* теологии». Здесь, собственно, надо показать, что Мархейнке в своей «Догматике» (кстати, в достаточной мере уже в первом издании) *указал* свое направление, а попутно и то, как обстоит дело с этой самой «истинно новой» теологией и с признанием ее в «Догматике» Мархейнке. Надеюсь, что Вы сделаете также и это.

От нашего друга Крейцера мы тоже ожидаем, что он подаст признаки жизни в виде критической статьи. Я прошу Вас передать ему мой привет и сказать, что мне поручили не просто спросить у него, но, более того, предложить ему, чтобы он занялся «Идеями мифологии искусства» Бёттигера и одновременно, может быть, посмотрел «Пеласгов» Цейснера⁵ (если я не перевираю фамилию) на предмет того, достаточно ли интересна эта книга, чтобы рецензировать ее или, быть может, написать просто статью в связи с выходом в свет этой книги о предмете, в ней рассматриваемом, ибо этот последний лежит целиком в сфере его интересов. Если он пожелает написать о чем-нибудь другом, пусть он даст мне знать, чтобы я мог проверить, не пишет ли о том же кто-нибудь другой.

Наш журнал⁶ не просто ожидает от обоих вас статей, но еще больше я хочу, чтобы Вы выражали свои мысли на бумаге и заявляли тем самым о своих интересах.

С сердечными пожеланиями, мой высокочтимый, дорогой друг,

Ваш Гегель.

[...]

160 (535). ГЕГЕЛЬ И ВАРНХАГЕН — ГЕТЕ

Ваше Превосходительство!

По всей вероятности, из опубликованных сообщений, а затем и первых номеров новой литературной газеты, для издания которой здесь образовано общество ученых под названием «Общество научной критики», Вы уже достаточно хорошо знаете о целях и направлении этого начинания; поэтому мы можем

позволить себе воздержаться от более детальных пояснений и специального обоснования существа нашего дела. Уже при учреждении этого научного общества учредители его и участники с полным сознанием поставленных ими высоких целей и значительных задач, стремясь привлечь путем тщательного отбора сторонников своего дела и коллег, думали в первую очередь о муже, который является первым и прекраснейшим украшением нашей литературы, освещающим всю ее своим немеркнущим светом. Каким бы сильным и настоятельным ни было наше желание добиться в этом новом начинании одобрения и участия Вашего Превосходительства, все же обстоятельства нам подсказывали — и это соответствовало также нашим желаниям — несколько подождать с нашим предложением и приглашением Вашего Превосходительства сотрудничать в издании, которое существовало только в далеких мечтах и лишь ожидалось. Теперь же, когда наше начинание, пусть еще юное и несовершенно, но полное сил и твердого намерения идти по пути прогресса, рядом вышедших работ с большей определенностью выразило присущий ему смысл и дух, у нас нет уже препятствий нашему заветному желанию, и наше «Общество» намерено осуществить его, ожидая его счастливейшего исполнения. Искреннейшее единодушие по этому поводу заставило нас оставить в стороне общепринятые формы взвешивания доводов и само собой привело к столь необычной форме обращения к Вам. Нижеподписавшимся было дано почетнейшее поручение от имени «Общества» покорнейше пригласить Ваше Превосходительство принять в нем участие. По определенным соображениям мы далеки от мысли включать в это свое приглашение предложения о конкретной деятельности, и все наши желания мы заведомо готовы подчинить вещам более высоким. Однако для нас было бы великой честью, если бы Ваше Превосходительство высказали в связи с нашим начинанием слова своего одобрения, подавая нашему изданию надежду на то, что номера его в удобном для Вас случае будут украшаться Вашими произведениями. Надеемся, что Вы не откажете нам в этом и тем самым да-

дите возможность включить Ваше высокочтимое имя в список наших авторов, с тем чтобы и мы не вызывали упреков со стороны нации в том, что не оказали самым очевидным образом должного уважения.

Нижеподписавшиеся, исполняя возложенное на них поручение, радуясь исключительному данному им преимуществу и от имени «Общества» принося дань восхищения Вашему Превосходительству, не могут не присоединить и выражение своих личных почтительнейших и признательнейших чувств, в каковых имеем честь пребывать

Вашего Превосходительства покорнейшие и преданнейшие слуги

Гегель,
К. А. Варнхаген фон Энзе.

Берлин, 6 марта 1827 г.

161 (536). ГЕТЕ — ГЕГЕЛЮ И ВАРНХАГЕНУ

Уважаемые господа, ваше дружеское письмо от 6 марта вызвало у меня приятные воспоминания. Прошло сорок три года с тех пор, как Шиллер пригласил меня принимать участие в «Орах»¹, и меня в высшей степени радует, что доверие ко мне со стороны моих земляков с тех пор не уменьшилось и что, более того, общество достойнейших ученых² оказывает мне честь своим предложением участвовать в его живой и целостной деятельности. Я буду особенно признателен вам, если вы примете меня в свои ряды и публично назовете мое имя среди ваших. Я говорю это не колеблясь, тем более что члены Общества, сочувствуя моему теперешнему положению, не будут ожидать от меня регулярного участия в их работах.

Поэтому прошу вас дать мне возможность в течение некоторого времени более близко и в деталях ознакомиться с вашими целями, намерениями, мыслями, которые в целом мне известны, дабы тем самым иметь возможность, смотря по обстоятельствам, сообщать нечто достойное о том, что наиболее мне близко.

Передайте мою сердечную благодарность всему «Обществу» и будьте уверены в моем негласном или открытом участии.

С почтением, доверием и неизменными пожеланиями лучшего.

Веймар, 15 марта 1827 г.
И. В. фон Гёте

Как только я увидел Вашу дорогую подпись под обращенным ко мне письмом, было мгновение, когда я хотел тут же написать Вам несколько строк, да и само письмо звало к тому, чтобы ответить немедленно, и я отложил ответ лишь из-за множества неотложных дел.

Теперь я позволю себе переслать Вам письмо, где, как я полагаю, достаточно ясно изложены желания просителя. Будьте столь любезны ответить мне на вопрос: могут ли эти пожелания быть выслушаны при господствующим ныне в Прусском королевстве учреждениях и представлениях?

Во мне возбудили интерес к упомянутому молодому человеку усилия, которые он первоначально посвятил моему «Фаусту», а позднее — исследованию греческой литературы; когда же я ближе познакомился с его жизнью и занятиями, этот интерес еще более углубился. К сожалению, его надежды найти какое-нибудь место в Берлине оказались тщетными, и я на время оставил свои попытки помочь ему.

Я не мог дать хода его просьбе, которую он мне представил. Зная положение дел, я все же не отваживался связаться с теми, кто решают такие дела, так как не хотел ни просителю, ни тем, к кому можно было направить его просьбу, доставить неприятность, которую обычно несет с собой отрицательный ответ. Поэтому я принял решение направить это дело к Вам. Будьте так добры сообщите мне, пожалуйста, Ваши соображения по этому поводу. Конечно, я хорошо знаю, что речь здесь может идти скорее о милости, чем о надежде на исключение из правила, и все же я не хотел бы остаться совершенно безучастным к этому молодому человеку и отправляю это письмо в надежде, что Вы примете его благосклонно.

Я очень рад и премного Вам благодарен за то, что Вы вспомнили обо мне в связи с Вашим замечательным литературным начинанием. Вы хорошо знаете круг моих литературных друзей в Веймаре, поэтому укажите мне, пожалуйста, о чем Вы хотели бы получить от меня сообщение. Правда, издание моих трудов доставляет мне много не всегда приятных хлопот, и все же дружеский голос всегда может призвать нас к выполнению в перерыве между делами какой-нибудь работы, к которой мы никогда не приступили бы по собственному почину. Сохраните ко мне Вашу благосклонность, кланяйтесь господину Варнгагену фон Энзе и позвольте принести Вам заверения в моей искренней к Вам привязанности.

С глубоким уважением и доверием

покорнейше
Ваш И. В. фон Гёте.

Веймар, 9 мая 1827 г.

Ваше Превосходительство, теперь я уже в состоянии ответить на Ваше письмо от 9 числа сего месяца, в котором Вы просите сообщить Вам, каковы результаты переговоров о более конкретных желаниях и интересах господина д-ра Шубарта и как я представляю себе соответствующие обстоятельства. Могу сообщить Вам, сначала в общих чертах, следующее: намерения этого молодого человека не могут вызывать сомнений, но существующие условия и шаги, которые могли бы быть в этой связи предприняты, особенно те, которые связаны с государственными учреждениями, как и повсюду, допускают более или менее справедливый подход, но не дают возможности совершенно отвлекаться от них. Распоряжение самого короля об осмотрительности при приеме на службу молодых людей само по себе есть ограничение и при условии, что способности рекомендуемого подтверждены соответствующим образом. Прежние надежды господина д-ра Шубарта¹, которые изложены в его (возвращаемом здесь) письме, были связаны с тем неверным соображением, что он придавал слишком большое значение личному посредничеству. Этому молодому человеку необходимо теперь сделать то, чего он до сих пор, насколько я знаю, не делал, а именно — написать на имя господина министра заявление с изложением своих намерений посвятить себя преподавательской деятельности, а также необходимое в таком случае прошение, подкрепив его должными свидетельствами, и прежде всего указанием своих литературных трудов; полученная им за границей докторская степень вместе с его сочинениями может, по всей видимости, повести лишь к тому, что ему не будет предложено сдать требуемый по форме государственный экзамен, но этот экзамен будет заменен таким, который будет связан с меньшими трудностями и будет рассматриваться как достаточный. Он должен лишь руководствоваться убеждением и доверием и, опираясь на них, без промедления приступить к тем действиям, которые необходимы в любом случае, тем более что они будут приняты не

с предубеждением против него, но с доброжелательностью, а Ваше дружеское участие в благополучном исходе дела внесет свой вклад в прохождение всех необходимых инстанций и будет деятельно способствовать осуществлению его конечных желаний.

Хотя и этот случай был приятным основанием для получения от Вас письма, в последнее время наши соприкосновения и сами по себе стали столь многообразными и непрерывными, что мне кажется, будто я ежедневно беседую с Вами. Как один из фактов такого непосредственного соприкосновения должен с благодарностью упомянуть о даровании мне медали, сам повод к изготовлению которой стал здесь общим праздником и которой княжеская чета пожелала явить и увековечить благородный союз дружбы; эту медаль Вам было угодно дать мне в знак доброй памяти².

Нездоровье задержало на несколько недель окончание этого письма. Я хотел подробно написать еще о пожелании, которое Вы высказываете, благожелательно выслушав просьбу нашего «Общества», а именно о пожелании указать тему сообщения, которое мы хотели бы получить от Вас; мы представляем себе такую тему целиком зависящей от того, с чем Вы встретитесь, что заинтересует Вас и о чем Вы пожелали бы написать подробнее, чем в «Искусстве и древности»³ и в естественнонаучных записках. Но если все же называть что-либо, то нам вспомнилось выходящее сейчас собрание сочинений Ленца⁴, эпоха и литературный характер которого ни у кого не стоит перед глазами с такой живостью, как у Вас, о чем Вы и сами не можете не вспоминать при подготовке к печати Ваших сочинений⁵. Если же Вы желаете высказаться по вопросам оптики, то в Вашем распоряжении любой компендиум по физике или что-нибудь в этом роде, что вышло в последнее время. Я не думаю, чтобы Вас заинтересовали туманные рассуждения Пуркиньи⁶, однако материалов, годных для приложения к «Учению о цвете», — предизбыток. Мы не можем не желать и даже не требовать действительно такого дополнения; в таком случае я бы предложил для наших «Ежегодников» форму статьи, которая при издании той части

Ваших сочинений, где будет помещено «Учение о цвете», может быть опубликована как приложение или как часть приложения. Но я повторяю, что предложения эти делаю только по Вашей настоятельной просьбе.

Через несколько недель я позволю себе переслать Вам второе издание моей «Энциклопедии философских наук» в связи с тем, что в ней я предпринял попытку внести порядок и последовательность в явление так называемого преломления вплоть до получения постоянного цвета, причем я преломление рассматриваю как первую дифференциацию в прозрачном, дифференциацию, которая продолжается затем как затемнение в жестком теле и т. д.⁷ Господин фон Хеннинг в этот летний семестр вновь читает перед большой аудиторией учение о цвете. В прошлом году, когда он ездил в Готу, я помимо моих рекомендаций велел ему передать Вам, чтобы Вы отругали его за то, что он не подготовил к печати тот конспект, по которому он читал лекции, хотя он сам этого хотел и обещал⁸. Он, видно, не решился на то, чтобы не передать мою просьбу, но не решался и передать ее, несмотря на мягкость Вашего характера, и ему удалось избежать того и другого только тем, что он не пошел к Вам; но все равно ему придется это сделать.

Теперь позвольте выразить Вам пожелания доброго здоровья и бодрости, прося Вас сохранить благосклонность ко мне, одно из благотворнейших чувств, с которыми я сталкивался в моей жизни.

С прежним безграничным почтением
преданнейший Вам

Проф. Гегель.

Берлин

29 июня 1827 г.

164 (547). ГЕГЕЛЬ — КУЗЕНУ

Берлин, 1 июля 1827 г.

Милый друг, наконец, я пишу Вам письмо по истечении столь долгого времени — его я должен был написать Вам в любом случае. У меня сейчас крах во

всех отношениях, как в моей литературной деятельности, так и в моей корреспонденции. Я, собственно, и не представляю себе, как выйду из этого положения. Я рассматриваю свое обязательство перед Вами как преимущественное и хочу выполнить его раньше всех других.

Второе издание моей «Энциклопедии» отняло у меня всю зиму. Печатание, которое происходило в Гейдельберге, закончено только на днях, и я распорядился, чтобы издатель переслал Вам экземпляр в первую очередь. Поскольку эта книга представляет собой не что иное, как последовательное изложение тезисов, развитие и разъяснение которых я оставляю для чтения курса, я смог лишь несколько смягчить формализм в изложении и насыщенность материалом, которые в книге преобладают. Я только добавил примечания, которые помогут читателю лучше понять книгу.

Но особенно я опоздал с благодарностью, которую должен принести Вам в связи с той многочисленной продукцией, которая является плодом Вашего усердия, и с посвящением, которым Вы оказали мне честь, посвящением, являющимся свидетельством Ваших дружеских ко мне чувств и вместе с тем проявлением Вашего протеста против нашей полиции, из-за всеведения которой даже в «Платоне» есть темное место, в которое, однако, она, вероятно, не углублялась¹.

Интерес, который у меня вызвали Ваши «Фрагменты»², привел меня к решению написать о них статью в наш критический журнал. Я от этой мысли еще не отказался, но выполнить ее, пожалуй, будет уже поздно. Впрочем, не сдерживать своих обещаний — одно из качеств немцев. Вы мне сделали великолепный подарок — Ваше полное издание сочинений Декарта. Наивность хода его мыслей и способа изложения просто восхитительна! Можно только сожалеть о том, что сам не одарен этой способностью заставлять других понять первостепенное значение философии с помощью трудов, написанных столь просто и ясно, но для полноты издания еще недостает самого интересного — Вашей работы о картезианской философии.

Здесь находится молодой Ампер, и он несколько раз любезно посетил меня. Чтобы погрузиться с головой в самый центр романтического мира, он рассчитывает посетить также Швецию и Данию³. Я, признаюсь, не очень сведущ в этом весьма туманном направлении мысли и не в состоянии внести какой-нибудь вклад в прогресс его идей. Недавно несколько новостей о Вас сообщил мне господин Панофка, любезно согласившийся доставить Вам это письмо, как и тетради господина Гото.

Панофка сообщил мне, что Вы отказались от своего намерения предпринять путешествие на Рейн, о чем Вы мне недавно писали. Я длительное время размышлял о возможности провести несколько дней в Вашем обществе. Я даже имел смелость разработать проект: или сопровождать Вас при Вашем возвращении отсюда в Париж, или привезти Вас сюда из Парижа. Во всяком случае я очень прошу Вас поставить меня в известность, если Вы еще задержитесь. Не исключена возможность, что я удивлю Вас своим появлением в Париже этой осенью, чтобы оттуда направиться в Нидерланды, но в любом случае я не хотел бы приехать в Париж в Ваше отсутствие. Вообще же, поскольку Вы — человек независимый, а я — человек, подчиненный приказам высших и низших инстанций, я вынужден согласовывать свои планы с ними; я отлично понимаю, что Вы будете стеснены, связывая свои планы со мной. В сущности все это с моей стороны не более чем воздушные замки, о которых я здесь еще не говорю, чтобы не давать повода для насмешек, когда изo всего этого ничего не получится. Господин А. фон Шлегель закончил курс лекции по изящным искусствам, которые он читал здешним дамам и господам. Он не вызвал особого восторга ни своими лекциями, ни своей манерой держаться в обществе; впрочем, мы в хороших отношениях.

До свидания, мой друг! Надеюсь получить от Вас весточку еще в этом месяце, будьте здоровы, не засиживайтесь подолгу в своем кабинете и не лишайте меня своей любви.

Гегель

Госпожа Мильдер просила меня передать Вам, что в августе Вы можете ее найти в Висбадене, а в сентябре — в Эмсе. Она продолжает быть Вашим добрым другом.

165 (552). ГЕГЕЛЬ — НИТХАММЕРУ

Берлин, 9 августа 1827 г.

Не могу упустить возможности, предоставленной мне профессором Герхардом, переслать с ним несколько строк для Вас, мой дорогой старый друг, причем для меня это не просто возможность переправить Вам письмо — ведь она всегда есть, но и случай, который побуждает меня писать, он может побудить и Вас писать ответ. Время от времени я слышал приятные вести о Вас, Вашей жене и детях, также и к Вам приезжали отсюда знакомые, которые могли рассказать о нас. Из газет я могу заключить, что Вы, должно быть, только что вернулись с франкского генерального синода. В этой связи я помню, что Вы обещали статью для наших критических ежегодников о предметах, связанных с этим синодом¹. Мы ждем ее с нетерпением. Довольны ли Вы заседаниями? Мне они скоро показались слишком учеными по сравнению с намерениями первоначального плана. Однако мы, немецкие ученые (философы, к счастью, не относятся к ученым), тяжелы на подъем и нас трудно вывести из состояния учености, основательности и копания в своем предмете. Я хотел приняться за Гамана, но жду появления восьмой части с необходимыми комментариями². Передайте мои лучшие пожелания оберфинанцрату Роту и мою признательность ему за любезную присылку продолжения³.

Мы большей частью без зависти, а я прямо-таки с удовольствием следим за тем, что у Вас в Мюнхене в области наук и искусств становится более оживленно. Признаться, я не лыщу себя ожиданиями чего-то высокого, так как в моей памяти еще живы тамошние обстоятельства, которые я когда-то хорошо знал; но, разумеется, все это не останется впоследствии без значительных результатов. Передайте привет господину

фон Баадеру (его «Философии религии» я в данный момент еще не имею в своем распоряжении, но думаю, что вскоре раздобуду). Чем занят Лихтенталер? Вы, по всей вероятности, уже получили или вскоре получите экземпляр второго издания моей «Энциклопедии». Из Гейдельберга Вам должны были переслать его 12-го числа прошлого месяца.

Этой осенью Вы встретите в Мюнхене некоторых из берлинских естествоиспытателей⁴. Мы им очень досадили одной статьей в нашем «Ежегоднике» — как Мархейнеке теологов, так и я обидел тут сразу все четыре факультета⁵. Их раздражает начинающееся брожение дрожжей, которые я во многих случаях внес в их доморощенный рассудок и в образовавшиеся там затвердения.

Будьте здоровы! Тысячи и тысячи приветов любезной Вашей супруге, столь же сердечный привет Юлиусу.

Преданный Вам Гегель

Примерно через 8 дней я попытаюсь предпринять путешествие в Париж и Нидерланды.

166 (555). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Кассель, воскресенье утром 19 августа 1827 г.

Доброе утро, дорогая! Вчера вечером, когда я ждал, пока мне подадут суп, и размышлял о том, не начать ли писать тебе (было около 10 часов), ко мне пришел, как ты думаешь, кто? Господин Генрих Беер с женой. Можешь себе представить, как мы все были рады столь неожиданной встрече. Так как он отсюда возвращается прямо в Берлин, он тебе расскажет, что встретил меня целым и невредимым.

Путешествие до Касселя было, признаться, не без неприятностей. Самым скверным была первая ночь, в кабриолете было очень тесно, я устроился на прицепе, где нас было четверо, причем на каждой станции нам давали прицеп еще хуже, чем предыдущий. Но

начиная от Виттемберга стало несколько лучше. В полдень мы прибыли в Халле, пассажиров стало меньше. Я разыскал Генриха, пообедал с ним и после обеда хорошенько поспал. В 6 часов мы отъехали в Нордхаузен. Со мной был еще один студент, а скорый экипаж был отличным. Каждый из нас занимал целую лавку, сиденье было прямо как софа, я устроился на ней и заснул — ведь тебе хорошо известно, что я привык спать на диване, — и так проспал почти всю ночь. Вчера, как и позавчера, была отличная погода. Но в эту ночь начиная с полночи пошел сильный дождь. От Нордхаузена до Касселя, т. е. с 6 утра вчерашнего дня, весь путь я проделал в обществе студентов.

Вот все, что я увидел с тех пор, как мы с тобой расстались. Теперь одно поручение тебе: передай, пожалуйста, от моего имени экземпляр «Энциклопедии» господину Бееру, которому я потом напишу посвящение. Я забыл это сделать сам перед своим отъездом. Когда вчера я сошел с экспресса, меня ожидал молодой человек — один из моих слушателей и от имени своего отца, конректора Маттиаса, пригласил меня остановиться у них; я, разумеется, не мог принять это приглашение. Кончается бумага, исчерпана и тема. Утром я отправляюсь — наверное в наемной карете. Привет мальчикам.

Г.

167 (559). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Париж! 3 сентября 1827 г.

Теперь, моя дорогая, пишу тебе из столицы цивилизованного мира, в кабинете моего друга Кузена, вручившего мне — скажу об этом сразу — твое письмо от 20-го числа прошлого месяца, из которого я узнал, как идут дела у тебя и у мальчиков, письмо которых меня также очень обрадовало...

Если все делать по порядку, то я должен описать тебе свое путешествие от Меца в Париж. Но лучше всего было бы забыть о самой езде. Мы выехали в 5 часов утра в четверг, сначала перевалили через очень высокую гору, затем проехали Верден, затем

ехали по широким равнинам, потом увидели Ste Menehould les Islettes в Арденнах — знаменитые места в первую революционную войну, увидели, в частности, и знаменитую [по сражению] 20 сентября 1792 года ветряную мельницу у Вальми, Лунные горы, и в моей голове столпились воспоминания моей юности, переживавшей все эти события. Видно было и Шалон-на-Марне. При этих названиях и этих равнинах напомним мальчикам о Campi Catalaunici.

Марна уже не покидала нас до Парижа. Долина Марны, где растет шампанский виноград, очень красива, богата и прелестна и тянется на много часов пути. Виноград этот мы впервые попробовали в Шалоне-на-Марне, а потом в Жюиньи; затем мы проехали через знаменитый Эперне. Это — как рейнвейн, который лучше всего не пить в самих рейнских областях. Ночью мы снова ехали на некотором отдалении от Марны через Монтре, до этого — Шато Тьерри, а затем уже оказались под Парижем. На расстоянии нескольких часов от Парижа — поля и равнины, покрытые кустарником, не очень красивые, но плодородные. Равнины Мозеля и Марны особенно плодородны, обработаны, там много деревень. Деревни застроены лучше, чем наши немецкие, особенно маленькие города. Наконец, мы направились к Парижу через Бонди и Пантен. За несколько часов до этого была жуткая пыль, такая же или еще хуже, чем у нас в Берлине...

Сюда прибыли между 10 и 11 часами в воскресенье, вчера, я остановился в «Отель де Пренс» и тут же разыскал Кузена. Но здесь меня подавляет множество великих вещей и памятников, которые я видел, разумеется, только снаружи или мимо которых проезжал. Бульвары, Пале-Рояль, Лувр, Тюильри, Люксембургский сад и дворец и т. д., вчера вечером видел Елисейские поля, где расположены карусели, кафе, а именно кафе «Амбассадор», «Аврора» — нечто вроде шатров, только за столами людей раз в десять больше. Буржуа со своими женами и детьми и т. д. Проходя по улицам, я вижу, что люди выглядят, как и в Берлине, все одеты так же и лица примерно такие же, тот же вид, но толпа больше.

Сегодня утром я выехал из «Отель де Пренс», временно оставив вещи у Кузена: этот отель очень дорогой. Сегодня утром разыщем какую-нибудь *chambre garnie* [меблированные комнаты]. Что мы с Кузеном вместе и всегда в сердечном согласии — разумеется само собой. За завтраком долго не сидели (т. е. съели в 11 часов котлеты, выпили бутылку вина), потом — *il a à veiller aux intérêts de Mde Hegel* [надо заняться интересами мадам Гегель], — чтобы письмо это поспело к сегодняшней почте, которая отправляется в 2 часа...

168 (560). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Париж, 9 сентября (1827 г.)

...Я окружен библиотекой, в которой глубже могу проштудировать и познать интересы и точки зрения, присущие [французскому] духу. Конечно, у меня мало для этого времени. До сих пор непрерывно стояла хорошая погода, и я бы не хотел, чтобы наступили дождливые дни...

Главное, как я устроился — моя квартира: *chambre garnie* на Rue Турнон, гостиница «Император Иосиф II». Если план Ганна еще у вас, найдите на нем это место. Вблизи от него Люксембургский сад, сама улица Турнон заканчивается Пале де Пари. Я живу в последнем доме, упирающемся в улицу Вожирар. Таким образом, вы можете точно установить мое местопребывание. Вообще же мое время проходит в том, что я хожу по городу и смотрю достопримечательности, ем и болтаю с Кузеном, который при своей доверительной дружбе заботится об мне во всех отношениях. Если я кашляю — он тут же и заботится обо мне так же, как о госпоже Эгель. Я, к сожалению, не могу тебе описать здешние достопримечательности, так как это займет чересчур много места. Париж — это город древнего богатства, накопленного здесь за долгие века благодаря усилиям королей, любивших искусство и роскошь, и, наконец, императором Наполеоном, богачами и самим деятельным и искусным народом. Это дворцы, общественные учреждения и сооружения (например, каждый факультет университета располагает дворцом, напо-

минающим своими размерами здание нашего университета) — их здесь множество. *Halle au vin* [винные погреба] — целое здание, состоящее из одних подвальных помещений, огромное сооружение. Неподалеку *Jardin des plantes* [ботанический сад], великолепнейшее заведение: множество зданий с коллекциями по естественной истории, затем — строения и заграждения для всякого рода животных и зверей, зверинец, аллеи, оранжереи, грядки. Конечно, все они в три, четыре, десять раз шире, длиннее и удобнее, чем у нас; все сделано так, чтобы публика могла это непосредственно видеть, но все защищено так, что всякая порча или повреждение исключены. Особенно я хотел бы, чтобы ты увидела Пале-Рояль, этот Париж в Париже. Бесконечное множество лавок и богатейший ассортимент товаров, лавки великолепных ювелирных изделий и украшений просто поражают. Но надо сказать, что каждая улица украшена здесь всеми видами изобилия и великолепия. На каждой улице можно достать все. Например, всюду есть комната для чтения (в каждом кафе, ресторане можно найти все газеты), много их в Люксембургском саду, где за одно су можно прочесть свежую газету. Много также *cabinets d'aisance inodores* [уборных], и вообще здесь все, что нужно человеку, причем это сделано просто, понятно и с соблюдением приличий. Только не следует здесь теряться. Церкви, Пантеон или Сент-Женевьев — новая церковь и старый Собор парижской богоматери — грандиозные архитектурные сооружения...

Картинная галерея находится в Лувре. Это прямой длинный зал со сводами, увешанный по обеим сторонам картинами, почти необозримой длины, пятнадцать минут ходьбы. Вместе с Кузеном я быстро прошел его несколько дней назад. Вчера я хотел начать более основательное изучение картин или их просмотр, и тут оказалось, что время на это было только вчера и сегодня: начиная с завтрашнего дня музей (собрание живописи и древности) закрывается для подготовки выставки картин современных мастеров. Здесь накоплено огромное богатство, прославленные вещи тончайших мастеров, которые мы сотни раз видели

в гравюрах: картины Рафаэля, Корреджо, Леонардо да Винчи, Тициана и других. Через полчаса опять направляюсь туда, чтобы встретить там Раумера и Панофку, которых я видел там вчера, и договориться с ними относительно сегодняшней нашей встречи после обеда: сегодня воскресенье и храмовый праздник в Сен-Клу (как в Штралау). Кузен советует не идти туда, а посмотреть вместо этого скачки на Марсовом поле. Раумер сегодня добился приема у мадемуазель Марс, он решил побывать у всех артисток! Кузен находит смешным идти к ней и говорит, что он мог бы меня представить Тальмá или госпоже Паста, будь они здесь. Кстати, относительно мадемуазель Марс: я, разумеется, уже был в театре, дважды во французском, смотрел там «Alzire» Вольтера и «L'école de maris» («Школа мужей») Мольера, значит, кое-что из числа самых знаменитых пьес, а другой раз «Эмилию», трагедию по В. Скотту. В «Эмилии» играли мадемуазель Марс и мадемуазель Левер (королева Елизавета); особенно хороша и благородна была Марс, разумеется со своими характерными чертами. У них можно понять каждое слово. Они, как и мужчины, вообще играют сдержаннее, со значительно меньшим патетическим неистовством, чем наши актеры и актрисы. Мужчины посредственные, Лафон, например, самый знаменитый после Тальмá, [играет] почти как мясник. Французы вообще спокойнее и четче в выражении своих чувств, чем мы, особенно ты. Сколько раз я напоминал тебе, что ты должна говорить и вести себя без экзальтации?! Но должен сказать, что твоя живость тебе очень идет.

Людей я здесь видел мало и пока мало с кем говорил. В такое время в Париже нет никого. Кузен хотел идти со мной к герцогине Монтебелло, но мы отказались от этой мысли — она больна. Все на даче. Глупое немецкое чувство — честь видеть того и другого и поговорить с ними — здесь совершенно неуместно...

Дети наши молодцы, они мне пишут хорошие письма, но они должны помнить, что надо писать часто. Тогда я всех вас вместе повезу с собой в Париж.

Из-за еды мы с Кузеном спорим или советуемся. Если мы обедаем вместе, он распоряжается всем, но

как только я оказываюсь один, то я просто не могу разобраться в том, что означают все эти бесконечные листы меню. Но теперь я уже знаю общий стол, на котором все стоит перед тобой и видно, чего хочется, а чего — нет.

169 (561). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Париж, 13 сентября (1827 г.)

...Моя парижская жизнь в эту неделю однообразна, и писать не о чем, но именно об этом однообразии я и хочу тебе написать, с тем чтобы ты узнала о моей уже прошедшей болезни из моих собственных уст и нечаянно не испытала бы ненужные тревоги. Насколько я помню, я уже писал тебе, что хотел в последний раз посетить музей, и, кажется, это должно было быть в воскресенье. После того как мы пообедали вместе с Кузеном и предприняли длительную прогулку по Елисейским полям до знаменитого Марсова поля, меня ночью схватили боли в желудке. Таким образом, я заплатил свою дань здешней воде из Сены и здешнему образу жизни, как, впрочем, почти все гости Парижа, о чем мне рассказывали уже в пути. Хотя мне и говорили, что для выздоровления врача не требуется, все же Кузен, который нашел меня в этом состоянии на следующий день, настоял на вызове врача и после долгих поисков привел ко мне своего. Этот последний, молодой и очень вдумчивый, начал меня лечить и лечил промываниями, примочками и отварами из трав на французский манер. Хотя я и чувствую себя теперь хорошо, все же не могу освободиться от мысли, что немецкие лекарства меня быстрее подняли бы на ноги... И поскольку я тем самым здесь уже акклиматизировался, то у меня уже есть гарантия, обладая которой я могу остаться в Париже сколько захочу и пока мне хорошо... То, что пришлось за эту неделю упустить, — это открывшийся здесь несколько дней назад английский театр, где позавчера (и сегодня — повторно) ставили «Гамлета» с участием знаменитого Кембла. Раумер, который особенно углубился в изучение театра, там был...

Париж, 19 сентября [1827 г.]

...Пожалуй, никогда нельзя беззаботно полагать или быть совершенно уверенным в том, что письма доходят до места вовремя, для меня же это двойная забота оттого, что мне хорошо известна твоя щепетильность и беспокойный характер в этом отношении. Но эти вещи, как и мое нездоровье, относятся к тому множеству случайностей, которым мы подвержены и с которыми приходится считаться...

С тех пор я опять много ходил, ездил, смотрел, но решительно оберегал себя от всякого перенапряжения. Расстояния здесь очень велики. Когда ближе знакомишься с парижскими улицами, то суматоха на них начинает надоедать. Всюду одинаковые толпы людей, множество набитых товарами магазинов и т. п. Та же однообразность, что и в Берлине, только несколько иного рода. Я познакомился с некоторыми учеными и посетил библиотеку рукописей. Она, несомненно, богатейшая в Европе. В пятницу я должен присутствовать на одном заседании института, на которое меня пригласил Абель Ремюза (*Académie des inscriptions* [Академия надписей])¹... Я много читал и штудировал совершенно независимо от моей болезни. Я намеревался что-нибудь написать в Париже; чтобы целесообразно использовать мое пребывание здесь, однако вскоре оставил эту мысль. В остальном же чтение книг с целью ознакомления с состоянием умов во Франции не прошло бесследно. Много мест здесь я осмотрел ради их достопримечательности, например площадь Бастилии, Гревскую площадь, на которой был казнен Людовик XVI, и т. д. Я прочитал одну книгу по истории Французской революции² (пожалуй, лучшую из существующих); все это приобретает более зримые черты, когда видишь собственными глазами эти площади, улицы, дома. Театр я вообще оставил на несколько дней, и, признаться, к нему меня не очень тянет. Вчера я смотрел «Отелло» в исполнении английской труппы. Мисс Смитсон исполняла роль Дезде-

моны. Это — исполнение совершенно особого рода, полностью расходящееся с принятой у нас манерой исполнения. Пение имеет все же некое всеобщее мерило, и всякое отклонение, конечно, тоже относится к манере, однако главное — большее или меньшее совершенство. А в театре бросается в глаза прежде всего момент национального, и к этому надо сначала привыкнуть, это надо прежде признать, чтобы затем иметь основание утверждать, нравится это или нет. Такая страстность, такая дикция и декламация не пришли бы в голову ни одному немецкому актеру, ни немецкой публике. Это, разумеется, трудно описать. То, что чаще всего бросается в глаза, — это как бы сдерживаемое в глубине медлительное, торжественное, похожее на рычание (как рычание львов или тигров) звучание голосов и речи, а потом вновь извержение слогов наподобие треска. Это в какой-то мере коренится в природе английского языка, но и здесь часто говорят очень быстро, кричат до боли и т. д. Я понимал почти все, так как читал пьесу слово за словом в книжечке, которую держал в руках.

Что особенно бросается в глаза — это чрезмерная разработанность мышц губ и щек — кривлянье и гримасничанье, которые выглядят отвратительно. Но все в целом представляет собой новое, примечательное зрелище, во всяком случае это высокое и основательное развитие искусства, смелость, свобода и углубление, к которым мы не привыкли и которые у нас являются лишь поводом для карикатур. Я, наверное, посмотрю все это еще несколько раз.

Четверг, 20 сентября.

Предыдущий текст я написал вчера до обеда. В 10 часов я поехал в Сен-Дени и Монморанси вместе с Раумером и его компанией. Там знаменитый собор, усыпальница французских королей. Внутри он был обит черной материей в знак траура, так как вчера здесь кого-то отпевали. В Монморанси есть поместье, называемое Эрмитажем, где одно время жил Руссо. Здесь много мелких реликвий, оставшихся от него, в том числе куст розы, посаженный им. Из-за этого

место посещается многими как бы паломниками, причем едут на ослax, что проделал и я сам. Монморанси расположен на высоком месте, но за ним еще бoльшие возвышения. Отсюда до Парижа два часа пути, виден Монмартр и большие, богатые, усыпанные деревьями и домами равнины. Вокруг Парижа красиво, плодородный, разнообразный ландшафт, не удивительно, что парижане проводят за городом так много времени... Сегодня вечером я иду в итальянскую оперу слушать знаменитую Пезарони. До обеда пойду посмотреть картинную галерею в Лувре.

Ничего не написал еще тебе о том, как здесь одеваются женщины. Одежда их, должен сказать, очень простая, и я не заметил ничего такого, что ее отличало бы от одежды берлинских женщин. Конечно, я не видел еще *haute société* [высшего света], но в театрах достаточно много людей с положением. Шляпы, которые я вижу всюду, соломенные, почти все они с белой лентой, длинной, накрахмаленной и выступающей в сторону. Поля, разумеется, круглые, однако на более роскошных шляпах водружают цветы и вообще все что можно... Теперь несколько слов относительно того, что ты мне написала. В день рождения Иммануила он, видно, вспомнил о моей любви к нему и о моих напоминаниях и пожеланиях, чтобы он и впредь был молодцом и прилежным мальчиком. Письмо от Гёте я получил³.

...Постепенно наступает время думать о сроке и способе моего отъезда из Парижа. Длительное путешествие в дилижансах и скорых экипажах далось мне тяжело, и я думаю о них неохотно. Мне в высшей степени приятно, что Кузен поедет со мной через Брюссель, он едет со мной до Кёльна, *chose convenue* [мы уже твердо договорились]. Оттуда рукой подать до Касселя, а из Касселя — прямо в Берлин... Когда я вернусь, мы будем говорить только по-французски.

21 сентября.

Вчера я смотрел «Ромео и Джульетту» в постановке английской труппы. Джульетта была хороша, но не на самом высоком уровне, как, например, госпожа Кре-

лингер. Кэмпбл, игравший Ромео, в первых четырех действиях был совершеннейшей посредственностью, в последнем же действии — чудовищным и безумным. Теперь я увидел английское неистовство во всем его блеске. Просто диву даешься, как они извращают Шекспира. В последнем действии, когда Джульетта просыпается, а Ромео еще жив, хотя уже принял яд, разыгрывается сцена, в которой оба они выходят из себя от безумства и гнуснейшим образом неистовствуют. Точно так же они извратили сцену первой встречи Ромео с Джульеттой. Получается, будто он любит ее уже заранее, присаживается на кресло около нее, прежде чем заговорить с ней, а когда няня их прерывает, Меркуцио начинает с ней свои шуточки, чтобы те могли подольше поговорить друг с другом.

Я не мог бывать во Французском театре так часто, как первоначально намеревался. Маленькие пьесы очень милы, но я быстро ими пресытился. Это развлекательные вещицы, которые быстро улечиваются из головы. Мадемуазель Марс теперь играет только в «Эмилии», в которой я ее уже видел. Пезарони пела вчера, но мы предпочли англичан, которые играют поблизости (в Одеоне).

171 (563). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Париж, 26 сентября (18)27

...Мы решили выехать приблизительно в следующий понедельник, но это дело нельзя доверять Кузену. Если даже мы уже десять раз сказали друг другу — *convenu* [договорились], то все равно все начинается заново. С моим здоровьем все в полном порядке. Я аккуратно, как благоразумный немец, обедаю в час или в половине второго, но умеренно. Парижские порядки или, вернее, беспорядки идут еще со времен революции, которая в этом смысле еще в полном разгаре. Об английском театре я писал тебе в последний раз. На следующий день я был во французской опере, а еще через день — в итальянской и, наконец, в Большой французской опере и на балете. Но как мне все это описать! Голоса

описывать невозможно. Во французской опере или мелодраме (в Одеоне) поет госпожа Шютц, у которой сильный и превосходный голос (в роли Танкреда), она хорошо играет, у нее приятная внешность и держится она свободно. Если при силе ее голоса у нее еще будет гибкость, мягкость и школа, она станет первоклассной певицей. У госпожи Гарсия в итальянской опере чистый, не очень сильный, но хорошо поставленный глубокий голос. Но что мне сказать о госпоже Пезарони (Тебальдо)? Маленького роста, почти сутулая, лицом — точь-в-точь жена доктора Хейзе с той лишь разницей, что она не одноглазая. Зато в некоторых пассажах она отвратительно вытягивает рот набок, голос ее несколько скрипуч, но у него такая сила, такой металлический тембр как низких, так и высоких тонов, что нельзя ей не изумляться. Считают, что она своими данными наиболее близка из живущих сейчас певиц — Каталани. Но она, конечно, еще далека от нее. Во французской опере лучший бас — Дериви. Помимо названных нет ничего примечательного, но они не безнадёжны. Посредственны, но не плохи... Здешняя публика очень доброжелательна. Особенно когда на сцене разыгрываются моральные или душещипательные эпизоды, они приводят публику в волнение и она дарит много аплодисментов даже тогда, когда певицы или артисты больше ничем их не заслужили. Чистая музыка «Эдипа в Колоне» все еще нравится и так же чисто исполняется, сейчас ставят почти только эту оперу. Для приезжих — большое неудобство, так как многие недели подряд, особенно в такое время года, ставится одно и то же. В Большую оперу трудно попасть. Там начинаются спектакли в 8 и в 12 еще не кончаются. Сначала дают Эдипа в трех актах, затем — балет в трех актах. Зал набит битком.

Что мне сказать о балете? Здесь превратили в балет сюжет, который ни одному человеку и в голову не приходил, сюжет, связанный с сомнамбулой. В первом акте танцуют с различными выкрутасами, но тут есть и действие; грацию, жизнерадостность, подвижность можно видеть в игре кордебалета. Во втором акте че-

рез окно, по лестнице вступает в комнату некоего господина сомнамбула с лампой в руке и, помолившись на коленях, ложится. (Французы вокруг меня говорили, что она, наверное, протестантка, потому что она молится не в церкви; протестантские церкви здесь официально называют «храмами».) Господин из чувства благоговения выходит через то же окно и оставляет ее одну, а публика в это время сильно аплодирует, одобряя его добродетельное поведение. Третий акт начинается с негодования жениха сомнамбулы, который возмущен тем, что нашел ее спящую в апартаментах господина. Этот последний объясняет ему и всем, что она пришла в его комнату как сомнамбула. Но его не хотят ни слушать, ни понять. И вот она еще раз появляется на крыше с лампадой в руках и поднимается вверх по полуразрушенной, опасной стене. Все завершается примирением. В последних двух актах уже не танцуют, но с большой грацией и живостью исполняют пантомимы, не всегда, кстати, понятные.

Вчера я был в Сен-Клу. Это красивая местность, на берегу Сены, изгибы которой здесь образуют почти кольцо, окаймленное откосами, покрытыми виноградниками; перед глазами Париж со своими красивыми башнями, куполами и бесчисленными домами.

Почти все дни я провожу с Кузеном. Но режим дня, к которому я вернулся после болезни, мешает нам встречаться еще чаще. После болезни я придерживаюсь правил немецкой кухни и обедаю в час дня, а он — в пять часов...

Сегодня отвратительная погода, хотелось бы, чтобы в пути нас сопровождала хорошая, но при всем том я был бы искренне рад оказаться вновь у нас в настоящему теплой комнате (здесьние комнаты имеют большей частью кирпичные полы)...

172 (564). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Париж, 30 сентября (18) 27 г.

Дорогая моя, тщетно ждал я в четверг и в последующие дни письма от тебя. Но надеюсь, что ты не пи-

сала, думая, что письмо твое может не застать уже меня в Париже. Я не стану теряться в ненужных догадках и просто буду считать, что все вы в добром здравии... Наш (т. е. Кузена и мой) отъезд назначен на завтра или послезавтра. Наши паспорта уже готовы. Я бы хотел застать на почте в Брюсселе письмо от тебя.

Из здешних моих дел рассказывать можно только о театре. Не стану более подробно рассказывать тебе о том, как я присутствовал на одном заседании Академии наук, видел там физиономии знаменитых ученых, с некоторыми из них беседовал, других искал, но найти не мог, как я занимался в библиотеке, где сейчас начались отпуска и в связи с этим сделан перерыв в работе. Должен только сказать, что все эти успешные и безуспешные встречи, случаи, когда почти уже все сделано для той или иной цели, но последняя все же не достигается только из-за каких-то непредвиденных событий, отнимают очень много времени. В театре я с тех пор смотрел в основном два представления. Одно — «Семирамида» Россини в итальянском театре, где вновь пела Пезарони (Ниньяс) и синьора Блазис (Семирамиду). Опера превосходна во всех отношениях — великолепно исполнение, как великолепно и сама музыка. Весьма печально, что в Берлине считают руссиниевской только такую вещь, как «Итальянка в Алжире», или выдают ее за таковую. Я понимаю, что в Берлине немного поставишь. Был очень рад еще раз слушать синьору Пезарони. Она не только великолепно поет, но и играет очень тепло, живо и с пониманием. Однако французское драматическое искусство во всем его величии я увидел вчера в постановке «Тартюфа» и «Валерии» (у нас она называется «Слепая Эмилия»). В обеих вещах играла мадемуазель Марс. Ею можно только восхищаться. Спокойная осанка воспитанной женщины, которая, несмотря на свой возраст, выглядит еще, особенно en face, очень хорошо со своими подвижными красивыми глазами. Голос ее совершенно чистый, выражение всегда правильное, разумное, а где надо — полное чувства, особенно в «Эмилии», где едва ли у кого глаза были сухи. У нее взгляд открытый,

не такой неподвижный, как у Мюллер, она движет и веки, глазные же яблоки — лишь немного. Она очень трогательна и точно передает истинный смысл роли, ее внутреннюю осмысленность. Представление много раз мешали смотреть многочисленные «пст»! из-за того, что многие то кашляли, то чихали, то вздыхали. Только по игре Марс я сумел понять, что «Тартюф» — комедия и почему он — комедия. Роль Тартюфа отлично исполнил Мишло. Хорошо играли также Оргона, характер которого в основном должен быть комическим, во всяком случае не должен быть просто глупым. Служанка благодаря игре актрисы становится тут одним из ведущих персонажей. В «Валерии» все роли превосходны и артисты сделали все для того, чтобы пьеса глубоко запечатлелась. Как же наша критическая свора изрыгает вечно ругательства в адрес Скриба, автора «Валерии»?

Вчера я был в Версале и осматривал собранные там сокровища, а также большой и малый Трианон. Они меблированы, версальский же замок — нет. Поэтому можно увидеть только великолепие его дверей, стен, потолков и стенных росписей, причем последние совершенно новые и посредственные. Парки устроены в старо-французском стиле: широкие площадки, обсаженные стриженным кустарником, маленькие рощицы, различные боковые сооружения из фонтанов, статуй, колоннад и т. д. Число мраморных статуй в парке доходит до 130, оранжерея просто поразительна, самое старое дерево посажено в 1420 году. Около обоих Трианонов — английский парк, очень милый, но и здесь есть фокусы в виде искусственных скал и швейцарских домиков. Особенно увлекаются фонтанами, но мы их, правда, не видели, увидели же лишь множество нептун, тритонов, лягушек и т. д.

По возвращении с этой экскурсии Кузен вручает мне твое долгожданное письмо, где ты пишешь о моей болезни и своем беспокойстве... Иммануил спрашивает, из-за чего я заболел? Он ведь должен знать, что я уже не такой маленький сорви-голова, как он, но уже старый папа и хочу дожить до глубокой старости и быть здоровым для того в первую очередь, чтобы растить

его и его брата и внести в это свой вклад, и для того еще, чтобы как можно дольше делить с тобой, моя дорогая, удовлетворение исполнившимися надеждами, о которых мы недавно напомнили ему в день его рождения...

Ты замечаешь, что я пишу тебе из Парижа не так горячо и не с таким воодушевлением, как из Вены, и что ты об этом уже говорила моим друзьям. Очень может быть. Но ведь все то, что я пишу, — очень бегло, и чувствуется, что обо всем этом можно было бы писать гораздо больше. Ты должна учесть и то, что я потерял много времени из-за болезни и что всего так много и здесь такие расстояния, что нужно быть физически очень крепким, чтобы суметь все это охватить, и очень важно пребывать здесь значительно дольше, чтобы ознакомиться со всем этим и проникнуться им более основательно. Почва тут благодатная, но необходимо несколько недель только для того, чтобы выйти из оцепенения и привыкнуть ко всему этому блеску и разнообразию. Сегодня, например, мы ходили смотреть одну бойню. В каком городе мира я бы еще решился посетить бойню? Но эта — одна из тех достопримечательностей Парижа, которыми он обязан Наполеону, как и сотнями других великих творений... Затем мы были на Монмартре, откуда можно обозреть все богатство домов и плодородные, великолепные, полные жизни ландшафты, окружающие Париж. Был я и во дворце Палаты депутатов. До этого мы увидели Биржу, сооруженную Наполеоном. Прямо храм! В половине шестого я ужинал вместе с Кузеном и Форьелем (издателем греческих песен, которые переведены и на немецкий язык). Несколько дней назад я обедал вместе с Минье, Тьером, Мустоксидисом, Форьелем и другими. Короче говоря, в Париже надо провести полгода, чтобы как следует ознакомиться со всем тем, что вызывает истинный интерес, и, привыкнув, утратить интерес ко всему тому, что сразу бросается в глаза и кажется достойным вниманием. Кузен часто меня высмеивал за то, что я хотел что-нибудь посмотреть, руководствуясь совестью путешественника и книжкой «Manuel des Etrangers» [«Руководство для иностранцев»].

Брюссель, 7 октября 1827 г.

Итак, я в *Брюсселе*, в доме моего друга господина ван Герта, и держу в руках перо, только что очиненное за один миг, одним движением госпожой Герт. Ты видишь — мои слова о том, что я собираюсь покинуть Париж, были серьезны, а ты в письме, которое только что принесли из почты по моей просьбе, выражаешь сомнение в том, что это произойдет так скоро...

[...] В Брюгге я видел весьма ценные, великолепные оригинальные произведения Ван-Дейка и Хемлинга и не могу нарадоваться тому, что имел счастье их созерцать. Там я видел «Марию с младенцем» — мраморную скульптуру работы *Микеланджело*¹. Чего только нет в этих Нидерландах! Во всей Германии и Франции нет ни одного произведения Микеланджело, а в Нидерландах есть этот созданный им великолепный образ Марии, совершенно своеобразный в своей торжественной возвышенности и превосходно выполненный, и еще большая по размерам бессмертная скульптура, которую я видел в Бреде четыре года назад. [...]

Веймар, 17 октября [18]27 г.

[...] Вечером, при заходе солнца, я прибыл сюда. Переодевшись, я отправился к цели этого отклонения от пути — к старому почтенному другу. Дом был освещен. Великий герцог обещал прийти к чаю. Я все же велел сообщить о моем прибытии. Гёте принял меня весьма дружески и сердечно. Мне было что ему рассказать. Через полчаса вошел старый великий герцог. Но я должен добавить главное: когда я вошел к Гёте, там был уже — кроме Римера — и Цельтер. Гёте представил меня милостивому государю, и я сел около него на софу, кажется, с правой стороны. Он стал спрашивать о Париже — он несколько глуховат. ...Так прошел вечер, Ример и Цельтер благоразумно сидели в соседней комнате, так что мы разговаривали со старым господи-

ном, насколько можно было, до половины десятого вечера. Гёте все время находился около нас, и я постепенно понял по его поведению, что старый господин глуховат и что если разговор прерывается, то не нужно стараться начинать снова, а нужно ждать, пока ему самому не придет в голову какая-нибудь мысль. Вообще же все шло очень непринужденно и мне пришлось два часа провести на софе как пригвожденному. Великий герцог посоветовал мне осмотреть его ботанический сад в Бельведере. Сегодня утром я поехал туда в 10 часов вместе с Цельтером: Гёте заранее велел держать для этого готовым свой экипаж. Это действительно большой и обширный сад. Сам герцог — великий ботаник, и в саду можно видеть прекрасные экземпляры растений, но мы оба были не такими уж знатоками, чтобы все оценить по достоинству. В полдень мы опять пришли сюда. Я нанес визит господину и госпоже Швендлер, и они очень сожалели, что тебя не было со мной, что меня целиком захватил Гёте и т. д. Затем прогулка по знакомым дорожкам парка, по которым я ходил 25 лет назад, мы приветствовали берега Ильма и его тихие волны, которые слышали не одну бессмертную песню. В 2 часа — обед у Гёте, превосходный, и он был вознагражден нашим прекрасным аппетитом. Госпожи фон Гёте, ожидавшей вскорости родов, не было за столом, а была ее сестра, мадемуазель фон Погвиш, очень живая, гофрат Фогель, врач, некий д-р Эккерманн, секретарь Гёте, два внука, сын, Цельтер и я; я сидел рядом с Гёте, справа от меня сидела мадемуазель. Веймарские гости вели себя тихо, а мы были очень разговорчивы, веселы, хорошо ели и пили. Мне пришлось много рассказать Гёте о политических и литературных делах и направлениях во Франции, и это его интересовало прежде всего. Он очень крепок, здоров, старый, но все еще молодой, всегда тихий, и у него такая почтенная, добрая, благородная голова, что, смотря на него, забываешь, что перед тобой — гениальный муж с неукротимой энергией своего таланта. Мы с ним — старые и верные друзья, мы просто мыслим едино, и никто из нас не следит, кто и что сказал, да как сказал, мы хотим видеть и слу-

шать друг друга не ради славы или чести, что вот услышали то и это. После обеда его сын очень выразительно сказал мне, как Гёте был рад, надеясь, что на обратном пути из Парижа я навещу его. Он вообще очень подробно говорил о своих отношениях с отцом и чувствах к нему, и надо сказать, что Гёте в своем преклонном возрасте и при своем образе жизни весьма счастлив, будучи окружен такой любовью и заботой, и потому он должен любить и ценить сына. Сегодня вечером я снова был в театре, а теперь пишу тебе письмо. Я бы хотел еще прибавить о наших планах и решении поехать, наконец, домой. Гёте хочет оставить нас с Цельтером у себя на завтра, поэтому мы выедем послезавтра. [...]

175 (570). ГЕГЕЛЬ — ВАРНХАГЕНУ

Берлин, 24/11 [18]27

Многоуважаемый тайный советник, я возвращаю Вам рукописные заметки господина барона фон Гумбольдта, которые Вы сооблаговостили переслать мне по его любезному разрешению. Я несколько колебался, прежде чем воспользоваться этим дружеским предложением, причем испытываемое мной безграничное уважение к господину Гумбольдту делало излишним подобное подтверждение этих чувств. Но я не мог устоять перед искушением прочесть его замечания, которые для меня в любом отношении интересны и поучительны, ибо у меня не было приятной возможности присутствовать на его лекциях. Я бы испытал большое удовлетворение, если бы мои взгляды нашли подтверждение в воззрениях ученого, соединяющего богатство эмпирических знаний с обобщающими идеями, и такое удовлетворение я уже получил в устной беседе с ним. Мне хорошо известно, что в публичном выступлении невозможно предупреждать возникающие недоразумения и необоснованные толкования и наговоры; это мне слишком хорошо известно по своей преподавательской деятельности¹. В самом желании господина фон Гумбольдта, чтобы недоразумения и кривотолки, возникшие вокруг его лекций² и вовсе не инспирированные им, не

задели моего самолюбия, и в открытости и деликатности его позиции в этих лекциях я вижу лишь дружественные и весьма почетные для меня соображения, и это только существенно углубляет мое почтительное отношение к нему.

Поскольку я не могу не ответить господину фон Гумбольдту на его любезность тем же, то очень прошу Вас, почтеннейший господин тайный советник, быть добрым вестником моих изложенных выше мыслей и чувств, которые вызвало во мне поведение господина фон Гумбольдта.

С заверениями в своем неизменном к Вам почтении

преданный Вам
профессор Гегель.

176 (575). ГЕГЕЛЬ — КУЗЕНУ

(Берлин), 3 марта 1828 г.

[...] Прочитанный мной курс истории философии, записями которого Вы, наконец, располагаете, заставил меня обратиться в Вашему переводу Платона¹ и более внимательно изучить некоторые куски. Это образец перевода в моем духе. Вы сохранили точность, ясность и приятность оригинала, и перевод читается как оригинальное французское сочинение. Ваш дух вполне властвует над Вашим языком. То же я мог бы сказать и о Ваших статьях и даже об оригинальности и силе оборотов речи у Вас. В некоторых местах Ваших статей содержится такая точка зрения относительно заслуг Вашего протезе Платона, которую я не разделяю; возьмем, для примера, статью об «Евтидеме». Я пишу об этом потому, что Вы хотели услышать мою критику, и нахожу вполне естественным, что Вы, не будучи удовлетворены тем, что нашли в такого рода диалоге, добавляете нечто от себя, но при этом Вы не объясняете, каким же образом это можно мысленно проследить.

Но как обстоят дела с Вашей работой и с Вашим усердием? Всю зиму я не имел от Вас вестей, но я всегда хорошо себе представлял, что Вы не погрузитесь в уединение, как Вы это замыслили, в соседстве с

безграничными морскими просторами и предпочтете реву прибоя набат, возвещающий порыв либеральной энергии, который получил отзвук в Париже, во Франции и во всей Европе². Я живо представляю себе, как Вы радуется и сияете, узнав о тех победах, о которых почта каждый день приносит нам все новые сообщения. Мне доставляет особое удовольствие то, что во главе Палаты теперь стоит профессор философии, ибо эта Палата многих вводила в заблуждение при ее образовании. Но остается сделать еще многое и прежде всего восстановить Ваш курс, вот что необходимо. Мне кажется, противники не уступят поле битвы иначе как шаг за шагом, и на них следует оказывать медленное, но непрерывное давление. Возможно, что господин Ленэ имел свои основания отвергнуть министерский пост, как здесь говорят. В остальном же, как мне показалось, выиграно самое главное, а именно, в высших слоях общества создано убеждение, что тот способ действия, которым они руководствовались до сих пор, не может быть применен дальше и не может быть возобновлен, что налицо, к сожалению, серьезное отступление и что речь идет не о деталях, но о таких последствиях, перед которыми часто отступают. Я надеюсь, что отсрочка с восстановлением Вашего курса исходит скорее из соображений приличия, которое следует соблюдать по отношению к бывшему министру, чтобы не высказать категорического его осуждения, слишком резко отменяя множество его действий, так как это могут приписать существующему якобы решению дезавуировать всю систему в целом³. Но я должен закончить свое письмо. Это письмо передаст Вам господин д-р Розен, санскритолог, молодой ученый, очень талантливый и очень скромный. Господин д-р Мишле через месяц после него тоже придет в Париж, возможно вместе с другими ориенталистами. Один весьма известный китаист, т. е. господин министр фон Гумбольдт⁴, придет к вам через несколько недель. Вы слышали, наверное, о блестящем успехе курса господина Александра фон Гумбольдта⁵. На него ходили все принцессы, кроме того, моя жена, несколько же раз — даже сам король. [...]

Берлин, 10 мая 1829 г.

Я должен принести Вам свои извинения за то, что не ответил на письмо, которое Вы любезно написали мне еще пятого числа предыдущего месяца¹. Если бы я стал распространяться о причинах моего промедления и сказал бы, что с перепиской у меня иначе не получается, то это скорее усугубило бы мою вину, чем послужило бы извинением.

То, что я узнал из Вашего письма, а именно, что сделанное мной в области философии находит Ваше одобрение, не могло не вызвать у меня чувства удовлетворения. В той мере, в какой человек, в одиночестве предающийся размышлению, пожелал бы найти удовлетворение в том, как оно протекает, он получает духовное подкрепление и воодушевление, когда видит, что находит отклик в сознании других. То понимание, которое я обнаружил у Вас, я весьма ценю, тем более что глубокий интерес к великим предметам нашего сознания и серьезность мысленного исследования свойственны немногим. Это понимание является также существенной компенсацией за те порицания, о которых Вы упоминаете. Тут может помочь только одно: закаленность против всего этого, и этого нетрудно достичь, поскольку довольно быстро выясняется, что те, кто позволяет себе подобные порицания, не затрудняют себя элементарным требованием иметь хотя бы представление о том, что они порицают.

Что касается Вашего вопроса относительно одной из моих ранних работ «О различии философии Фихте и Шеллинга», то мне известно, что в книжных лавках ее давно уже нет, у меня самого нет экземпляра, и я не могу его достать.

Я не могу, к сожалению, удовлетворить Ваше желание и переслать Вам копию одной из тетрадей моих лекций о науке религии. Это Вы скорее могли бы осуществить, связавшись со студентами, среди которых циркулируют эти тетради, надо сказать, не всегда

вызывающие у меня восторг. В этой связи я обращаю Ваше внимание на одну вышедшую здесь несколько месяцев назад (у Э. Франклина) книгу под названием «Афоризмы о незнании и абсолютном знании; опыт понимания философии нашего времени». Автор — Г. Ф. Г...ль, насколько мне известно, это Гешель, советник высшего окружного суда в Наумбурге². Автор занимается разбором преимущественно моего изложения и толкования идей христианства и пытается последовательно их обосновать, причем отлично соединяет христианское благочестие с основательным спекулятивным мышлением.

Я также прошу Вас передать мой привет господину Д. Хюгелю, о дружеском расположении которого ко мне Вы пишете, и сообщить ему, что у меня вызывает глубокий интерес его единомыслие с моими философскими работами. Примите мое совершеннейшее почтение, с чем и пребываю

преданный Вам проф. Гегель.

178 (599). ГЕГЕЛЬ — АЛЬТЕНШТЕЙНУ

Берлин, 16 мая 1829 г.

То милостивое внимание, которое Ваше Превосходительство во всех случаях оказывали мне, придает мне смелость обратиться к Вашему Превосходительству с еще одной покорнейшей просьбой.

У меня была болезнь легких, которая длительное время, в течение всей прошедшей зимы, мешала мне читать лекции и осуществлять литературную работу, а в настоящее время еще не прошла настолько, чтобы я счел излишним лечение соответствующими средствами той физической ослабленности, которую она оставила после себя. Мой врач прописал мне воды. Не имею оснований скрывать от Вашего Превосходительства, что нахожусь в весьма затруднительном материальном положении и не в состоянии покрыть собственными средствами значительные расходы, связанные с путешествием на воды, тем более что я вследствие ослабленного здоровья и чтобы выкроить свободное время для

переработки моей «Науки логики» при новом ее издании в течение этого семестра прочитал только один частный курс лекций¹, ввиду чего в моих и без того скудных средствах образовалась довольно значительная брешь. В годы моего пребывания здесь в Берлине все наличное состояние моей жены мы целиком израсходовали, так как мое собственное жалованье было слишком малым для покрытия неизбежных расходов, хотя я ни разу не вышел за пределы действительной потребности и того, что требует приличие. Я до сих пор не получил повышения моего твердого жалованья и ни разу не осмеливался напоминать об этом, хотя имел основание надеяться на это, согласно данному Вашим Превосходительством милостивому обещанию при моем поступлении на государственную службу в Прусском королевстве.

При таких обстоятельствах, испытывая прежнее доверие к Вашему Превосходительству, направляю Вашему Превосходительству просьбу не отказать мне в благосклонности и дать согласие на выдачу мне средств для покрытия расходов, которые у меня, бесспорно, увеличатся в связи с поездкой на воды и с необходимым для меня отдыхом, что, быть может, продлит на некоторое время жизнь человека, имеющего основание быть уверенным в том, что он в течение своей почти одиннадцатилетней деятельности здесь в области науки, которой он призван учить, был предан делу со строгой серьезностью и по мере своих сил выполнял те строгие требования, которые Ваше Превосходительство по праву возлагают на публичного преподавателя философии в настоящее время.

С глубочайшим почтением, Вашего Превосходительства
преданнейший слуга Г. В. Ф. Гегель,
профессор здешнего Королевского университета

179 (607). ГЕГЕЛЬ — ЖЕНЕ

Карлсбад, четверг, 3 сентября [18]29

Дорогая моя! Меня крайне обрадовало то, что сразу после своего прибытия сюда я застал письмо от тебя и Иммануила, датированное днем моего рождения. Очень

вас благодарю за то, что вы так тепло обо мне вспоминаете. Меня весьма обрадовало письмо Иммануила. Добрый дух любви к отцу, в котором написано письмо, — о, как бы я хотел, чтобы он всегда оставался таким! Я также признателен Карлу за его поздравление. Из писем, которые я отправил из Теплица и Праги, ты уже должна знать о нашей трогательной и сердечной семейной встрече. Твоя мать и твоя тетя обеспечили меня кровом и пищей, то же сделали Мельникер. — в Теплице и твой дядя и его пражская тетя — в Праге, и я смею быть уверенным, что им принимать меня было так же приятно, как мне было приятно быть среди них. Я, по-видимому, пришелся по нраву дяде с его сердечностью и искренностью, и мы можем надеяться когда-нибудь принимать его у себя в Берлине. В качестве задатка я оставил у него карту, по которой можно проследить путь от Берлина до Теплица, за которую ты, надеюсь, уже поблагодарила от моего имени своего родственника Альдефельда или еще поблагодаришь его. Карта очень точная, очень удобно иметь ее при себе.

Итак, сегодня утром между 9 и 10 часами я прибыл сюда после того, как выехал вчера вечером из Праги; дядя лично доставил меня на почту, причем был весьма ласков со мной.

Пятница, 4 сентября

Сегодня я уезжаю отсюда и буду писать это письмо в течение нескольких дней. Мое письмо отправилось в путь из Праги, наверное, позавчера, и в нем содержатся все необходимые сведения о дальнейшем моем путешествии. Вчера я осматривал целебные источники, которые опишу тебе более подробно устно, после возвращения, а также другие источники и сооружения и забрался на Хиршшпрунг. Карлсбад стоит на Тёпеле, реке, ширина которой равна ширине Шпрее около нашего дома, но она более быстрая и живая. На обоих ее берегах проложены улицы — частью прямо по берегам, частью несколько дальше, где стоят ряды чистых, красивых, большей частью двухэтажных домов, за которыми (не так, как у нас) с обеих сторон возвышаются горы, заросшие лесом. Вообще-то долина прямая лишь на

небольшом расстоянии, а так она имеет изгибы по течению реки и по расположению гор, сама долина какая-то очень уютная, а проложенные дорожки делают горы легкодоступными и прогулки по ним очень приятными.

В ожидании дам, которые прибывают на днях: одна — сегодня поздно вечером, другая — в понедельник утром (с ней во вторник я должен ехать дальше), я встретил одного из своих старых знакомых — Шеллинга¹, о котором мне сообщил д-р Миттербахер. Он приехал сюда несколько дней назад, один, как и я, с тем чтобы в отличие от меня пройти лечебный курс. Вообще-то он весьма здоров и крепок. Принятие целебных ванн для него лишь профилактика. Мы оба были очень рады и встретились как старые и искренние друзья. Сегодня после обеда мы совершили совместную прогулку, а затем, в кафе, официально узнали о взятии Адрианополя в австрийской газете «*Veobachter*»². Мы провели вместе и вечер. Я завершу сегодняшний свой труд этими строками, вспоминая о тебе, если только госпожа фон Валь не развлечет меня, прибыв ночью.

Воскресенье. Вчера я был посвящен в питье воды из источников, обедал с Шеллингом, забрался на гору «Три креста», а вечером встретил госпожу фон Валь и поместил ее в моей гостинице средней руки, о чем пишу вкратце, так как госпожа фон Валь хотя и отменила в настоящее время ослов [для путешествия в горы], но все же собирается забираться пешком на гору «Три креста» и ждет меня. Поутру я продолжал свое водолечение — полечившись два-три дня, я уже не ощущаю никаких болей в груди. Сегодня утром была плохая погода, и все же мы совершили прогулку к «Графу Больца», т. е. пообедали в гостинице «У золотого щита». После обеда я заказал в своей гостинице вторую комнату для дамы, следующей со мной в Карлсбад. Завтра утром она придет, а послезавтра я начинаю путь, следуя по которому привезу ее к тебе.

Это письмо я хочу отнести на почту сегодня, с тем чтобы оно отправилось как можно скорее, а с ним вместе — мои приветы и поцелуи всем вам,

твой Гегель.

Ваше Превосходительство!

Я не хотел раньше беспокоить Вас настоящей просьбой после того, как Вы сообразовали, исходя из Вашего милостивого ко мне благорасположения, рекомендовать меня на следующий год на должность ректора Берлинского университета¹, а также на должность правительственного уполномоченного при этом же университете. И если теперь я осмеливаюсь обратиться к Вам, то лишь для того, чтобы сообщить Вам, что я жду милостивейшего приказа Вашего Превосходительства о сроке, когда я должен приступить к исполнению своих обязанностей.

В глубочайшем почтении
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
Гегель, профессор Берлинского
университета.
Берлин, 16 октября 1829 г.

181 (630). ГЕГЕЛЬ — КУЗЕНУ

Берлин, 26 февраля 1830 г.

Дорогой друг!

Мой коллега Раумер буквально силой заставил меня сесть за написание письма, и он сам доставит его Вам. Вы видите, что нет других средств, кроме такого, чтобы вывести меня из этого состояния летаргии. Ваши многочисленные письма и подарки не способны были пробудить меня. Я очень корю себя и не только перед Вами, но и перед своей собственной совестью. Вообще же основная причина того, что я не написал Вам несколько строк, — это мое доброе намерение обратиться к Вам с большим и публичным посланием, а именно: ожидалось — и об этом было публично оповещено, — что в нашем критическом журнале я опубликую критический анализ обоих томов изданных Вами «Фрагментов» и, кроме того, еще и Вашего курса лекций¹. Но провидению было, по-видимому, угодно, чтобы я не мог

выполнить ни решений, принятых по моей доброй воле, ни торжественно взятых на себя обязательств. Вот и получилось, что, желая говорить обо многом, я не сказал Вам ни слова. Должен, однако, признаться, что у меня было одно чувство, мешавшее мне приступить к делу, и это связано с вплетенными в Ваше изложение историческими данными, относящимися к развитию философии в настоящее время у нас и в других странах, в частности в Германии. Я хорошо представляю себе Ваше положение перед французской публикой, но все-таки не вижу необходимости входить в анализ исторических свидетельств и отношений. Если говорить коротко, то вот соображения, по которым я не имел оснований быть недовольным тем, что я сделал в философии. Ибо если уж мне кажется излишним то, что Вы говорите о положении в философии у нас вообще, то мне вполне может показаться еще менее необходимым распространить Ваш взгляд на более развитые эпохи. Таким образом, я не мог обойти молчанием и не говорить публично о том, что я предпочел бы, чтобы Вы не толковали обо всем том, что Вы говорите по части истории, в той манере, в какой Вы это делаете. Я должен был сказать, что философия Шеллинга, которую вы упоминаете, содержит в своих основоположениях гораздо больше того, что приписываете ей Вы, и Вы сами, должно быть, отлично это знаете. Я бы не посмел корить Вас за молчание, но все же я был несколько смущен и у меня создалось впечатление умалчивания: вот... [почему] я колебался, прежде чем взяться за перо для того, чтобы публично отдать дань уважения значительности Вашего труда, так же как и Вашему таланту и Вашим заслугам, к чему меня побуждало еще и мое дружеское расположение к Вам.

Я с сожалением узнал из газет, что Вы не начали чтение Вашего зимнего курса лекций из-за болезни. Меня уверяют, что истинная причина именно такова и под этим не скрываются другие, официальные причины. Однако прежде всего надо иметь хорошее здоровье, и я от всей души желаю, чтобы Ваше здоровье со временем восстановилось, с тем чтобы Вы вновь ока-

зались в состоянии — если по крайней мере этого захотят боги — продолжить свои великие дела, успеха которым я желаю, равно как и множества благ нашей науке и Вам.

Что касается меня, то я с трудом перенес эту мерзкую зиму.

До свидания.

Гегель

182 (644). ГАНС — ГЕГЕЛЮ

Только что получены следующие весьма важные сообщения:

- 1) В Париже восстановлено спокойствие;
 - 2) Вновь собрана национальная гвардия, и во главе ее стоит Лафайет;
 - 3) От национальной гвардии потребовали, чтобы она разъяснила, за или против она приказа, и если да, то чтобы она покинула Париж. Она уже оставила Париж;
 - 4) Неизвестно, где находятся король и Полиньяк;
 - 5) Вновь собрались Палата перов и Палата депутатов;
 - 6) Образовано Временное правительство;
- Спешу сообщить все это Вам.

Ганс

(Париж)

5 августа (18)30 г.

183 (673). ГЕГЕЛЬ — РАКОВУ
(набросок)

Берлин $\frac{30}{3}$ 31

[...] Если Ваша юридическая практика, как Вы утверждаете, часто уводит Вас далеко от философии и науки, то я должен Вам сказать, что уже довольно длительное время именно политика стала тем, что объединяет в себе почти все прочие интересы¹, хотя если присмотреться поближе, то важность понятий распознается в том, что позитивному как таковому придается весьма мало значения. Но как часто может кому-нибудь прийти в голову, что именно те, голоса которых звучат громче, гораздо больше оперируют понятиями [...].

Берлин, в замке в Кройцберге, 29 мая 1831 г.

В конце прошедшего января я сообщил Вам, уважаемый господин и друг, что я отправил в типографию рукопись «Логики», об издании которой мы договорились в устной беседе во время Вашего приятного пребывания здесь¹. Теперь же по прошествии четырех месяцев я не могу упустить возможности сообщить Вам, что печатание уже началось и, как я полагал, должно было быть продолжено; но несколько дней назад я получил от господина Штарка оповещение, согласно которому теперь Вы ему предоставили возможность приобрести у Вас для общего тиража и авторских экземпляров бумагу; которая оказалась на несколько талеров дороже, чем он прежде думал. Я терпеливо, каждую неделю, ждал, пока это дело будет улажено, и, разумеется, не предполагал, что это будет тянуться так долго. Неожданной для меня была и путаница, связанная с обстоятельствами, сложившимися вокруг критических ежегодников, убыток от которых возрос в связи с замедлением [поставок бумаги], что не имеет никакого отношения к изданию «Логики». В своем любезном [письме] от 21 февраля Вы говорите, что из-за того, что я несколько задержал свою работу — кстати, она не из легких — и не представил ее раньше, дело с ее печатанием пришлось на неблагоприятное время². Если это действительно способствовало задержке, то я бы хотел, чтобы с этим было все же покончено, с тем чтобы я мог рассчитывать, что скоро издание будет завершено. Если, как мне кажется, политический и меркантильный горизонты несколько прояснились, то одно замедление можно компенсировать другим.

Случайно и очень бесхитростно излагая обстоятельства издания ежегодников в моем письме, я вспомнил, что со мной случилось примерно то же, что и с одним саксонским майором, с которым я познакомился после сражения под Иеной, где он был вынужден остаться из-за полученных ран. Когда его спросили, каким образом он был ранен, он рассказал, что он со своим батальоном долгое время занимал позицию против француз-

ских постов и лишь однажды приказал стрелять, в ответ на что получил такую тучу пуль и картечи, что, если бы он это знал, ни за что бы не приказал открыть огонь первым. Точно так же я бы опустил это место в своем предыдущем письме, если бы знал, что оно послужит поводом для последующих излияний. Из последних некоторые детали я вообще не понял, как, например, упоминание о двойной оплате. Руководство финансовой части «Ежегодников» — в руках господина фон Хеннинга. Я нашел более целесообразным не сообщать ему частности, полагая при этом, что вопрос об упомянутом в письме авансе и двойной оплате уладится сам собой. Но в связи с упоминанием об авансах я четко вспоминаю, что Вы были столь любезны и разрешили мне поручить Вам выплату [некоторой суммы] моей сестре в Штутгарте при условии, что это будет рассматриваться как аванс, за который я потом уплачу своей работой в «Критических ежегодниках». Я ждал, что рассчитаюсь с моим долгом Вам, и полагал, что счет будет направлен в «Ежегодник», и так как я там в прошлом году ничего еще не получал, то мог бы целиком рассчитаться с этим долгом. Теперь все эти расчеты будут произведены и улажены вместе с гонораром за мой находящийся в печати труд.

Я упомянул в письме от 23 января нашу устную договоренность об этом гонораре за новое издание моей «Логик», не приводя частных относительно количества экземпляров всего издания и количества авторских экземпляров. В своем любезном ответе Вы, я надеюсь, письменно выскажетесь и об этом предмете.

Я слышал, что в настоящее время Вы находитесь в Мюнхене, где у Вас есть возможность ближе ознакомиться с сословными дебатами о таких важных предметах, как свобода печати, право обжаловать действия министров, трудности в католическом брачном законодательстве³. Кажется, в Мюнхене и еще кое-где, наконец, и немцы, точнее, немецкие князья своим подражанием французским попыткам учредить у себя свободу, если так можно выразиться, начинают казаться некоторым правительствам и министерствам чересчур обременительными и слишком решительными. Здесь же, у

нас, все спокойно. Несколько дней назад король, возвращаясь от вольтижеров на своем экипаже, едва сумел помешать тому, чтобы люди, которые в этот момент находились около него, или, говоря официально, народ, не распрягли его коней и сами не повезли его карету. Его напоминания, что нельзя уподобляться скоту, и его угрозы, что он будет вынужден пойти домой пешком, подействовали и привели к тому, что он в конце концов при криках «ура!» мог поехать домой. Вместо права жаловаться на министра у нас теперь три министра иностранных дел, а именно тот, который был и прежде — граф Бернсторф, Ансйон и барон Вертер в Париже, — так что все трое *одновременно* — и каждый понемногу — возглавляют этот департамент. Но дело еще находится в кабинете короля. Наш всемирно известный цензор Гранов несколько дней назад отправился на тот свет, но цензура, кажется, не отправилась вслед за ним. Его, согласно некрологу, оплакивают родственники, но, разумеется, не книги, не успевшие пройти через его цензуру⁴.

Целую руку милостивой государыни баронессы, написавшей мне несколько строк в письме. С большим сожалением я слышал у многих, что в ближайшее время мы вас обоих здесь не увидим. Мы в данный момент заняты в парке укреплении своего здоровья. Приветствуем Вас,

Ваш Гегель.

185 (681). ГЕГЕЛЬ — БЕЕРУ

Берлин, в замке в Кройцберге,
29 августа 1831 г.

Я искренне Вам благодарен, дорогой друг, за сердечные поздравления, которые Вы сообразовали прислать мне ко дню рождения и которые были мне вручены точно в этот день. Вы пишете об интересе, вызванном у Вас в особенности некоторыми разделами моих последних лекций¹. Мне это служит доказательством того, что я действительно затронул сердцевину истины и что Вы сами способны постичь эту глубокую

истину; к тому же Вы преподносите мне прекраснейший и блестящий подарок. Сопоставляя это со многими другими вещами, я нахожу, что такой способ выражения доброты и Вашего дружеского расположения ко мне более чем излишен. Но поскольку я уже видел его у Вас в руках, я мог принять его лишь с внутренним смущением. Но Вы можете обогатить меня самым великим подарком, которым я Вам обязан — убеждением, что взгляды, которые я разработал, занимают в Вашей душе и в Вашем характере все более твердое положение и приносят Вам богатые плоды.

Передайте, прошу Вас, мою благодарность Вашей почтеннейшей супруге и господину Тилениусу и Людвигу за добрую память обо мне. Здесь говорили, что Вы со своей семьей хотели поехать в Париж. Однако от господина тайного советника Шульце я узнал, что Вам, как и госпоже Беер, рекомендуют лечение и путешествие и что Вы намерены в начале сентября быть здесь. Ваше здоровье укрепилось, и против холеры, о вспышке которой здесь говорят день и ночь, превыше всякого здоровья и режима самое верное средство, если здесь вообще может идти речь о таковом, — это профилактические меры. Здесь почти все частным образом занимаются этой проблемой, вскоре займутся этим и официально. Я все еще верю, что нам удастся ее избежать. В пятницу я принял решение перебраться в мой небольшой замок и буду ждать, как пойдут дела дальше². Помимо всего прочего я убежден, что если мы не задержим ее здесь, то она пойдет по всей Германии. Поэтому, на случай если она появится, лучше я выдержу ее атаку здесь [...].

Ваш Гегель

186 (686). ГЕГЕЛЬ ВАРНХАГЕНУ
(набросок)

(Начало ноября 1831 г.)

Если рассматривать сообщения Гёте в Вашем понимании, то образование партий в Йенском университете — вот главное происшествие. Однако такое сведение

следовало бы подвергнуть сомнению, так как Гёте пишет об этом делении на партии как просто о слухе из Иены. Мне кажется, что в такой интерпретации есть доля демагогии. Точно так же нет никаких достоверных сведений о решении Веймарского правительства применять угрозы против курсаксонской реквизиции. Поэтому сообщение Гёте лишь его личное суждение, но не факт, ибо в нем нет ничего, что дало бы мне основание упрекнуть его в затушевывании [истины].

Следует ли принимать письмо [от Фихте] к министру официально или конфиденциально, об этом можно иметь разные мнения. Министр мог принять письмо [при незначительных обстоятельствах конфиденциально, а при важных — официально.] Я вижу, что наш господин министр принимает письма только официально.

Вполне может быть, что Фихте вовсе и не был намерен отправляться в Рудольштадт, который он рассматривал как убежище, как если бы его преследовали. Однако я вспоминаю его уединение за пределами Иены. Точно так же мне помнится скопление студентов, что они придумывали небывалые планы, и кажется также, что станция почты из Иены в Заальфельд — вблизи Рудольштадта¹...

187 (687). ГЕГЕЛЬ — ГАНСУ

[12 ноября 1831 г.]

Ухищрения, к которым Вы, господин почтеннейший профессор, прибегаете и которые я позволю себе назвать авантюристическими, в данном Вами объявлении о лекциях, которым Вы вносите в среду студентов дух конкуренции и позволяете при этом внушать им, что рекомендуете им мои лекции, заставляют меня сделать со своей стороны заявление, чтобы не оказаться в глупом положении перед моими коллегами и студентами вследствие того, что Ваше объявление может создавать впечатление, будто я дал повод и согласие на Вашу рекомендацию. Надежда, что те, кто меня знает, не отнесут эти места Вашего объявления на мой счет, и моя забота о том, чтобы не давать Вам повода для по-

вых нелепых шагов, заставляют меня не обращаться к Вам публично, а изложить Вам лишь в этих строках мое отношение к Вашему объявлению [...].

188 (688). ГЕГЕЛЬ — В ТИПОГРАФИЮ ШТАРКА

[13 ноября 1831 г.]

Я заметил, что у меня остался прилагаемый листочек¹, который я вчера хотел послать Вам. Написанные на нем слова — эпитафия, который следует поместить на оборотной стороне титульного листа. Пересылаю его Вам.

Гегель $\frac{13}{11}$ 31

[К письму сделана приписка рукой жены Гегеля:]
Последние записанные слова моего дорогого. Воскресенье, 13 ноября, до обеда, 1831 г.

*ПИСЬМО ГЕГЕЛЯ,
ХРАНЯЩЕЕСЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
АРХИВЕ ДРЕВНИХ АКТОВ (МОСКВА)*

Текст письма:

Ich glaube Ihnen, wertester Herr Geheimer Rat, beiliegendes Schreiben übersenden zu dürfen, und mir gelegentliche Anleitung zu einer Rückäusserung erbitten zu dürfen; — Sie werden noch ein Curiosum, Vitruv. betr., das Hirt interessieren wird, — darin finden; den Brief bitte ich bald mir zurückzuschicken für die Besorgung des Auftrags auf der Bibliothek.

Wie geht es mit Ihrer Gesundheit? — mit der meinigen ging es leidlich.

Guten Morgen

Ihr

Hgl. $\frac{14}{12}$ 30

Ich hielt es nicht für ganz geziemend, dem Hn Minister ein Exempl. der Medaille zu schicken; für seinen sehr freundlichen und verbindlichen Brief über das Ex. der Enzyklop. habe ich wohl auch Ihnen über Ihren Anteil daran Dank zu sagen.

АФОРИЗМЫ

ИЕНСКИЙ ПЕРИОД

1

Бетгер говорит о сказочнике Павсании, о том, что он распространяет молву трубным гласом. И то и другое относится к самому Бетгеру¹.

2

Партия существует тогда, когда внутри нее происходит дифференциация. Протестантизм, различные направления которого должны теперь слиться в попытках объединения, сам доказывает, что он уже больше партией не является. Ибо именно в распаде внутренняя дифференциация конституируется как реальность. В момент возникновения протестантизма прекратились все расколы внутри католицизма. Теперь все время доказывают истину христианской религии, неизвестно только для кого: ведь мы не имеем дела с турками.

3

«Всунуть курительную трубку в лицо или в физиономию». Разве это не поэзия? То совершенно индивидуальное, что держит трубку и на чем она появляется, употреблено здесь совершенно объективно, так, как будто бы в нем не было ничего субъективного. Я слышал это выражение от совершенно прозаических купцов.

4

Что теперь называется наукой: «Специалист по расположению террас, или Общее руководство по искусству расположения террас». Так делаются наукой разработка торфа, возведение дымовых труб, скотоводство и т. д.

«Бывший подчиненным мальчик». «Новеллы» Зоммера², стр. 391. Разве это не *participium aoristi*³ греков?

Опыт. Тень от предмета, *освещенного свечой*, если на нее утром падает *дневной свет*, делается *синей*. Если же на тень от предмета, освещенного дневным светом (чтобы такая тень появилась, нужно отодвинуться от света), падает дневной свет, она делается *красной*. Тень от предмета, находящегося поблизости от свечи, поблескивает зеленоватым светом⁴.

К исторической логике. «Золото желтое». Уверяют, будто это суждение. Может быть. Но с еще меньшей вероятностью можно назвать умозаключением — «Все люди смертны; Кай — человек, следовательно, он смертен». Я по крайней мере никогда не думал столь плоско. Это должно происходить где-то внутри, помимо нашего сознания. Правда, внутри происходит многое, например производится моча и кое-что похуже, но, когда это оказывается снаружи, мы зажимаем нос. То же самое и при подобных умозаключениях.

Старые немцы были в сущности веселым народом. Из достойного Улисса, жизнь которого — *сама* серьезность, они сделали нелепого Эуленшпигеля, из божественной Цирцеи, выступавшей в роли Немезиды, — свинью⁵. Новые немцы делают более или менее то же самое, но серьезнее. Раньше народ выступал как *ирония* по отношению к этим божественным существам, а теперь они стали иронией по отношению к серьезным излагателям и понимаателям.

Подобно тому как раньше был период бурных поэтических гениев, так теперь мы, по-видимому, переживаем *период бурных философских гениев*. Они думают

изобразить эмпирей; связав друг с другом углерод, кислород, азот и водород, сунув все это в бумагу, на которой другие написали про полярность и т. д., и запустив это в воздух как ракету при помощи деревянной косы тщеславия. Таковы Гёррес, Вагнер⁶ и др. Грубейшая эмпирия с формализмом веществ и полюсов, отороченная бессмысленными аналогиями и блестящими нетрезвых мыслей.

10

Круг жизни крестьянки очерчен ее коровами — Лизой, Чернушкой, Пеструшкой и т. д., сынишкой Мартеном и дочкой Уршелью и т. д. Философу так же интимно близки — бесконечность, познание, движение, чувственные законы и т. д. И что для крестьянки ее покойный брат и дядя, то для философа — Платон, Спиноза и т. д. Одно столь же действительно, как другое, но у последнего преимущество — вечность.

11

Изготавливая выжимки, люди уже занимаются наукой. Отсюда недалеко и до *pater peccavi*⁷.

12

Разве только немецкие женщины позволяют французкам диктовать себе законы? Скажите, мадам, что немецкие мужчины тоже, и сошлитесь при этом на историю об имперской депутации⁸. Как, вы ее не знаете? О, я вам расскажу. Французы заверили Германскую империю, что она ведет с ними войну. Правда, за оружие никто не брался, за исключением пары обывателей, которые не в счет. Но французы уверяли, что это так, и поэтому следовало дать себя ограбить. Затем Германская империя узнала из газет — мы читали их за столом, и вы можете себе представить, какую радость вызвало то, что это было сказано французами, — что она заключила мир. Но для того, чтобы она узнала, на каких условиях этот мир заключен, — французы люди вежливые — они послали специального посла в Германию. Чтобы не сомневались, он взял с собой еще одного. Немцы как честные люди — ведь то,

что говорят двое, безусловно, правда, — конечно, им поверили. Будучи тоже вежливыми, они надлежащим образом за это поблагодарили.

13

Когда абсолют, поскользнувшись, падает в воду с суши, по которой он прогуливается, он превращается в рыбу, в нечто органическое, живое. Когда же он, таким образом поскользнувшись, падает в *чистое мышление* — ибо чистое мышление тоже не должно быть его сущью, — то, неуклюже ковыляя, он превращается во что-то скверное, конечное, о чем и говорить-то стыдно, если только это делается не в порядке выполнения служебных обязанностей и потому, что невозможно отрицать, что в этом есть логика. Вода — такая холодная, дурная стихия, и все же в ней так хорошо жизни. Неужели же мышление надо считать еще гораздо худшей стихией? Неужели абсолют будет себя там чувствовать так уж плохо и так плохо себя вести?

14

В Германии постоянно защищают *здравый смысл* против так называемых *претензий философии*. Тщетные усилия, ибо, даже если философия отдаст этим людям все, это им не пойдет на пользу, потому что у них нет никакой философии. Настоящий здравый смысл — это не мужицкая грубость; в образованной сфере он находит свое свободное, мощное и правдивое выражение в определенностях образования, а затем и в парадоксах Руссо⁹, выступающего против этих определенностей, как и против самого образования. Он может быть и опытом, рассуждением и шуткой, как у Вольтера и Гельвеция. У немецкой аристократии, конечно, тоже есть здравый смысл, но именно потому она пользуется им, не доказывая, что им следует пользоваться. А они продолжают настаивать на последнем.

15

Виланд¹⁰, которого вообще в пристрастии к парадоксам не упрекают, высказал парадоксальное предло-

жение, что хорошо кое-что понимать в том, о чем пишешь. Было признано, что он прав.

16

Дураки на ошибках учатся, а люди неглупые вопреки всем своим ошибкам не умнеют.

17

Не будь соней, постоянно бодрствуй. Если ты соня, то ты слеп и нем; бодрствуя же, ты видишь все и говоришь всему, что оно такое. А это и есть разум и власть над миром.

18

На монетах Тита и Веспасиана надпись *theiotēs, aeternitas* (*Titi etc.*) [божественность, вечность (Тита и т. д.)] есть нечто обычное. Также и *aeternitas Augusti* [вечность Августа]. Императорский титул: *Aeternitas vesta* [Ваша вечность]. Выражение *aīōnios bíos* [вечная жизнь], относящееся к Птолемеям, встречается на Розеттском камне¹¹; в других случаях употребляется только *aīōnios* [вечный]. Этот *aīōn* как будто свойствен Новому завету.

19

Педантичному моралисту можно сказать, что совесть — это моральный светильник, озаряющий хороший путь; но когда сворачивают на плохой, то его разбивают.

20

In omnia alia abeunt [во всяком деле обходят] те, кто, отказавшись от своей субъективности, должны обдумать и принять нечто доказанное, истинное. Их субъективное беспокойство не способно стать спокойствием познания. Им никогда не приходилось подчинять себя какой-то дисциплине.

21

В Швабии говорят о чем-то давно прошедшем: это было так давно, что скоро будет неправдой. Христос так давно умер за наши грехи, что скоро это будет неправдой.

Балы, публичные места, спектакли теперь посещают довольно мало. On s'assemble en famille, on revient aux mœurs [собираются семейно, возвращаются к добродетельным нравам]. Эти mœurs [нравы] означают всеобщую скуку, охватывающую всех от публичности, они означают нравственность.

Для низости лишь мораль может играть роль связи с добродетелью. Так, Карл Моор¹², уже впав в отчаяние, утратив отца и возлюбленную, идет к своему наказанию через моральный поступок: «этому человеку можно помочь». Действительно, трагическое — это моральное. Для нас оно в то же время и сентиментально.

Истина науки — это спокойный, все освещающий и радующий свет, подобный теплу, в котором распускается все и который способствует раскрытию внутренних сокровищ на просторах жизни. *Молния мысли* — это Капаней¹³, расточительно и скверно подражающий небесному огню и неспособный прийти ни к какой устойчивой жизни.

Один, узнав принцип обучения у пифагорейцев, говорит: это не съешь и не выпьешь; другой: что мне от этого? дело в том, чтобы учение было применимо к жизни, в нем должна выражаться моя целостность; третий: это не находит никакого полезного применения и из этого нельзя извлечь никакой мудрости для практической жизни. По существу все эти высказывания сводятся к одному, но мы так высоко ценим выражение, что первое называем мужицкой бестолковостью, второе — здравым смыслом, третье — заботой о моральном интересе человечества.

«Que de choses dans un menuet! s'écriait Marcel, le plus fameux maître de danse de Paris, il y a quatorze

ans, dans l'enthousiasme de son art. Les danseurs d'aujourd'hui disent autrement: il faut savoir le moral de la dans, et ils disent cela très sérieusement» ¹⁴. В Германии это называется: поэзия.

27

«L'empire germanique est un être moral sans action par lui même, et il est un corps, mort par sa constitution» ¹⁵. Германия не монархия и т. д., не государство, а империя. Империя должна быть понятием, или, если она должна быть государством, она превращается в пустое представление.

28

«Allgemeine Zeitung» сообщает, что королева, обращаясь в Берлине к мадам де Сталь, сказала: «J'espère, Madame, que Vous nous croyez de trop bon gout, pour n'être pas flatté de Votre arrivée à Berlin. Il y a longtemps, que je Vous ai admirée, et que j'ai été impatiente, de faire Votre connoissance» ¹⁶. И здесь обращался дух к духу, а равный с равным, как говорит пословица, охотно сближается.

29

Содержание большей части трудов, где дается немецкая разработка научных дисциплин, сводится к тому, что я тоже знаю, что там-то и тогда-то было изобретено. Так, шестьсот авторов излагали то, что относится к коровьей оспе, и все повторяли одно и то же. Потом они затеяли друг с другом спор о плагиате, но дело в том, что все они списывали с одного и того же, подобно тому как евангелисты, по-видимому, не переписывали друг друга, а имели перед собой одно евангелие. В свободных науках, как, например, в философии, каждый переписывает общую банальность образования.

30

Робеспьер на все давал один ответ — независимо от того, думал ли кто-нибудь о чем-то, делал, хотел или говорил — la mort [смерть!] ¹⁷. Этот ответ скучен

из-за своей монотонности, но подходит ко всему. Вы хотите сюртук — вот он; рубашку — пожалуйста; вы даете пощечину — вот вам вторая щека. Вы хотите получить мизинец — отрубите его. Я могу убить все и абстрагировать от всего. Так непобедимо своеволие, и так оно может победить все. Но высшее, что следовало бы победить, — именно эта свобода, эта смерть.

31

Утреннее чтение газеты — своего рода реалистическая утренняя молитва. Свою позицию по отношению к миру ориентируют либо по богу, либо по тому, что представляет собой мир. И то и другое дает ту же уверенность: узнаешь, как обстоят там дела.

32

Ora et labora! [Молись и трудись] Молись и проклинай! *Проклятие* противоположно святым словам, но в религии эти вещи совпадают. Да будет проклята земля, и в поте лица ты будешь есть свой хлеб! Работать — значит уничтожать или проклинать мир.

33

Необходимость *полностью* изучить систему философии. *Принцип* содержит все в скрытом виде, но лишь в скрытом виде, латентно, пустое формальное понятие, но не сам предмет. Он подобен скупому, который держит в мешке все наслаждения как возможность, в действительности же избавляет себя от утомительности самого наслаждения.

34

Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены.

35

Геллерт, Хагедорн, Уц¹⁸ превратили *добродетель* в плоскую рифмовку: «Лишь тот, кто любит добродетель» и т. д.; «Хотя я нашел, что между добродетелью и рассудком» и т. д.; «Друг, добродетель не пустое слово» и т. д. Избави боже! Берлинский книготорговец

Николаи в ответ на это избрал *порядочность* или успешно продвинул ее в жизнь.

36

Прекрасная черта — то презрение, которое питают и демонстрируют в Германии к *деньгам*. Немцы приписывают им происхождение, ниже и презреннее которого не бывает ничего. Это наглядно изображается в фигурах, называемых «Деньгоиспр... ль». В основе этого лежит, очевидно, какая-то мифологическая связь. Такого низкого происхождения не приписывают ни сосискам, ни чему-либо еще.

37

Пошлом мышлением не конструирует: здесь липа, а здесь ива и т. д., внизу идет корова. Оно не доказывает, но принимает свое напряжение за доказательство, скуку — за глубину, а утомление — за результат.

38

То, что обладает глубоким *значением*, именно поэтому ни для чего не пригодно.

39

Наше потомство — ближайшая [книжная] ярмарка. Подобно тому как все сближается друг с другом в разуме, так, когда глядишь с горы, поток кажется ближе. *Pedes eorum, qui efferent te, sunt ante januam*¹⁹.

40

Наука. Вне зависимости от того, обладает ли человек знанием, он может заверять в этом и себя и других. Верно ли это, решает ближайшее окружение и современники, а когда они уже выразили свое одобрение — потомки. Но сознание выросло благодаря образованию, и варварская непроницаемость для понимания растопилась, так что уже через немногие годы можно услышать теперь суд *потомства*. Приговор философии Канта вынесен уже давно, а философия Вольфа держалась более пятидесяти лет. Еще быстрее приходит оценка исходных позиций философии Фихте, и вскоре

будет ясно, в чем суть философии Шеллинга. Приговор над ней будет произнесен совсем скоро, ибо многие уже ее поняли. Но ограниченность этих философий вскрыло не столько доказательство, сколько опыт. Слепую создавали они себе сонмы последователей, но ткань делалась все тоньше, и в конце концов они неожиданно обнаружили, что она прозрачна, как паутина. Она растаяла, как лед, и проскочила между пальцами, как ртуть, так что они даже не заметили, как это произошло. У них просто больше ее нет, и, если кто заглянет в руку, в которой должна находиться предлагаемая ими мудрость, он не увидит ничего, кроме самой руки, и с насмешкой пойдет прочь. В то время как одни, снедаемые холодом, пытаются еще вернуться в эту ткань, другие пытаются объяснить, в чем дело, исходя из ее нынешнего ничтожества, а не из того, чем она была. И те и другие обманываются. А правда в том, что их привело сюда уже исчезнувшее. Исполняется слово Писания: когда мы молчим, вопиют камни.

41

Важнейшее субъективное условие обучения наукам — *честность* по отношению к самому себе. Легко думать и говорить о сомнении во всем, но вопрос: верно ли это? Если только вся природа сущности от себя не отказывается, пустое слово — ложь, и ужасно подумать о том, как люди лгут себе и другим.

42

Изучая науку, не следует допускать, чтобы ее принципы отвращали от нее. Они носят общий характер и не так-то много значат. Лишь тот, кажется, может понять их смысл, кто ухватил особенное. И к тому же часто они плохи. Они представляют собой осознание вещи, а вещь часто лучше, чем осознание. Нужно изучать дальше. Сначала все осознается смутно. Между тем *ни в коем случае не желая, чтобы последующее было понято и доказано до предыдущего*, отбрасывают книгу, читают как бы в полусне, отчаиваются в своей способности понимать, т. е. в своей индивидуальности, а это тягостно. Так я изучал дифференциальное исчисление

и другие науки, а от других слышал, что так они изучали «Критику чистого разума» Канта.

43

Оригинальные и поразительные труды подобны ядру, взрывающемуся посреди сонного города, где все, сидя за пивными кружками, спокойно рассуждают и не чувствуют, что их плоское благополучие навлекло на них удар грома.

44

Вреднее всего *желание предохранить себя от ошибок*. Страх впасть в заблуждение из-за своей активности — удобство и спутник заблуждения, проистекающего от абсолютной пассивности. Так, не впадает в заблуждение из-за активности камень, кроме, например, извести под воздействием воды. Тогда она совершенно выходит из себя, взрывается, переходит в другое состояние, погибает. Не таков человек. Будучи субстанцией, он сохраняется. От этой каменности или каменности (немецкий язык с трудом делает определение из существительного, из вещи, из солидного человека и добропорядочного бюргера, у которого есть жена и дети), от этой твердости и неразмываемости надо отказаться. Истина состоит в *оформляемости*, а не в инстинктивном *non aridet* [не подходит]. Лишь поняв предмет (а это приходит после обучения), можно встать над ним.

45

Основное положение философской системы — это ее результат. Подобно тому как мы читаем последнюю сцену драмы и последнюю страницу романа или, как Санчо, считаем, что лучше заранее высказать решение загадки, так начало философии в то же время является и выводом из нее. Но никто, конечно, не удовлетворится этим концом или разгадкой, ибо самое существенное — путь, который сюда приводит. Противники философии отрицают, что в общем содержится особенное, и, претворяя это свое убеждение в действие, треплют свой принцип, ибо именно в нем содержится целое. Они владеют целым так же, как математикой, купив

экземпляр [книги] Эвклида или раба-математика. Но, обеспечив себе принцип или результат, нельзя ни купить самого предмета, ни получить его в подарок. Но если ограничиваться основным значит проявлять поверхностность, то ограничиваться созерцанием, подобным, например, созерцанию Якоба Бёме, значит впадать в варварство. Развитие познания, не будучи устранением ни такого созерцания, ни принципа, является выработкой их изнутри или извне. Созерцание Бёме глубже, чем это открывается вере Якоби²⁰. Ошибаются как те, кто принимает это за особое мнение и видит варварство в самом предмете, так и те, кто не считает принцип существенным. Первые принимают за сущность предмета форму варварского, вторые, напротив, крепость веры. (Якоби: мы рождены в вере; пожимание рук; *дорогой* Мендельсон²¹ и т. д.; так пустые пиетисты друг другужимают руки, склонив голову, отведя в сторону глаза и не зная, что сказать).

46

Варвар удивляется, когда слышит, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Он думает, что могло бы быть и иначе, страшится прежде всего рассудка и остается при созерцании. Разум без рассудка — это ничто, а рассудок и без разума — нечто. Рассудок нельзя получить в подарок.

47

Слова: *вечное, святое, абсолютное, бесконечное* поднимают человека, что-то при этом чувствующего, в высоту, согревают его, наполняют его жаром. Это силы, им управляющие, и знак их власти над ним — то, что он, слыша их, *чувствует* себя. Это зримые боги греков, которые доступны жителям северных стран лишь как абстракции, как слова, т. е. в идеальной форме. Лишь понимание убивает их как силу. Оно отделяется от них. Эта бесчувственная ясность, вместо того чтобы покоиться в их стихии, отходит от них и пронизывает их взором. Эти *слова* поднимают человека — еще больше познание их! Но их познание возвращает человеку его *Я*, его свободу, и возвышение становится по-

тушенным жаром или (потушенным) чувством индивидуума.

Бог, став природой, распространившись в изобилии и в немом круговороте творений, осознает эту экспансию как утраченную точечность и наполняется озлоблением. Озлобление — это форма, это концентрация в пустой точке. Бог находит себя, как таковой, а свое существо — расплеснутым в беспокойную бесконечность, где нет настоящего, а лишь дикий выход за пределы всех границ, остающихся всегда в том виде, в каком они были сняты. Это озлобление, будучи таким выходом, представляет собой разрушение природы. Выход за пределы образов — в той же мере абсолютный уход в себя самого, превращение в средоточие. Там озлобление пожирает свои образы. Все обширное царство природы должно пройти через это средоточие; при этом размалываются ее кости и разжижается плоть.

Гнев бога на себя самого в своем инобытии, фиксированный в образе павшего Люцифера, восстает против бога, и его красота делает его привлекательным. Осознавая свой облик, природа выставляет его напоказ; в нем она сама нравится себе. Но это ее бытие для себя самой или бытие как сознание не является ее бытием в постоянно спокойном представлении себя самой, при котором мысль была бы чем-то вторичным, пустым, бездеятельным пространством, воспринимающим свое содержание; это сознание непосредственно является абсолютной деятельностью — это сам гнев, воспламенение, разжигание озлобления, пожирающего себя и свою ослепительную роскошь. Уничтоженная природа возникает в новом идеальном образе как царство теней, утратившее ту первую жизнь, явление ее духа после смерти ее жизни. Но этот новый образ — преодоление зла; это остаток, который, пройдя через пламя боли в средоточии и оставив в тигле все тяжелое и твердое, является чистым ничто. Он поднимается как свободный дух, видящий в природе это свое просветление.

Такие мифы, такие воззрения являются воззрениями *варварства*. Их образ разрушает индивид, или

здесь скорее озлобление на абсолют, вновь образовавшийся и опять существующий. Ибо индивид здесь ничто. Он не погибает, он уже погиб, и это воззрение должно пройти еще через второй процесс, чтобы стать абсолютным. Это наука или познание того, что это самовоображение, это жизненный путь бога, из которого выходит само познание, что природа в своем существе не есть инобытие, на которое озлоблен дух из-за того, что он так себя утратил, но что дух это воззрение самой природы, это она *как* она. Индивид, как таковой, есть природа и созерцание божественной сущности естественно, независимо от того, сам ли дух составляет его содержание. Индивид сам проделывает этот путь либо в уничтожении себя самого, либо в знании, ибо в нем погибает естественная сущность субъекта. И здесь не только поднятие к этому индивида или его образование; это не просто взгляд со стороны индивида, отнесение к нему: это второе круговращение самого абсолюта, который, став духом, как таковой, как родившаяся целостность, как дух, как сознание идет на эту боль, так что дух как создание рождает свое становление для себя самого как уже созданного. Это воззрение религии — всеобщая религия, и она может быть таковой лишь как наука. Не проникновение сквозь и создание в себе самом того первого пути как созерцательного круговорота; нет, наука возвышается над верой и ее подходом, полагается на себя как дух и приходит к себе как дух. Образование и научное развитие этого воззрения таково, что она всегда остается духом, не теряет дух и в качестве такового не утратившего себя духа делается *для себя* другим и вновь себя обретает. Каждый момент созерцания, являющийся для себя определенным и непроницаемым образом, не раскрывающим своего внутреннего содержания, но выходящим, действующим и погибающим от руки другого, знание превращает в процесс в себе самом или в духовную природу.

Дурная рефлексия — это страх углубиться в предмет и стремление, выйдя за его пределы, возвратиться

в себя самого. Как говорит Лаплас²², аналитик целиком отдается вычислению и упускает из виду задачу, т. е. общий обзор и зависимость отдельных моментов расчета от целого. Существенно не только понимание зависимости единичного от целого, но и то, что каждый момент сам по себе, независимо от целого, является целым. Это и есть углубление в предмет.

50

Фауст, находя человеческие границы слишком тесными, со всей необузданной силой пытался поднять их над действительностью. Он видел, что благородный человек угнетен и забыт, а дурак и плут осыпаны почестями. Он хотел постигнуть причину зла в сфере морали, исследовать отношение человека к вечному и понять, действительно ли оно ведет человеческий род и откуда появляются мучающие человечество противоречия. Он хотел дойти до причины вещей, до тайных пружин, движущих явления физического и морального мира, и до того, кто все это установил.

Напрасно! Он спешит на сцену жизни, где порок переплетен с добродетелью и где из добра рождается зло, а из зла — добро. Все больше запутывается дух. Видя цепь необходимости, сковывающую свободные создания, он ропщет на то, что никто не властен над своими поступками, но не в силах изменить это. Ему приходится предоставить всему идти своим вечным путем, а та сила, которой он не видит и которая, кажется, смеется над ним, по-прежнему в глубокой темноте погружена в мрачное молчание. Все темно для человеческого духа, и он загадка для самого себя.

Теология дает то, в чем отказывает спекуляция: что сделал вашему богу я, стремившийся лишь к тому, чтобы исполнять законы человечества по велению сердца? Вашему богу, который, несмотря ни на какие жертвы, не исполнил ваших желаний, не утолил ваших страданий и к которому напрасно взывал страдавший среди вас? Необходимость — имя могучей и неизвестной силы. Это все, что ты понимаешь. Покорись и умри.

Вину за все несет не божество, а человечество, злоупотребляющее своими дарованиями, неправильно пользующееся своими способностями, малодушное и ленивое. Человек злоупотребляет тем, что дано ему для счастья, религией, правительством и наукой. *Самый счастливый* тот, кто проводит свои дни в тишине и спокойствии, вдали от шумной человеческой деятельности, не зная, как людьми управляют, и не стремясь постигнуть, почему на наших глазах бог терпит вещи, происходящие ежедневно. Но *может* ли так жить человек? От него ли зависят его дни и его *судьба*? Не будет ли он насильно втянут в водоворот жизни? Великое *Почему* возвращается.

Не жалующийся больше на бога, но сознающий свою зависимость человек хочет знать, для чего он здесь. И если он не может добиться ответа, он все же хотел бы знать, почему природа, остановившись с ним на полпути, заставляет его теряться в догадках там, где ему требуется уверенность. Человек — господин своей судьбы и своего назначения. Знание дает ему возможность и способствовать прогрессу морального мира, и задерживать его, и все человечество — от нищего до короля — есть демиург морального мира. Как и любая другая вещь в видимом мире, человек следует лишь тем стремлениям, которые в него заложены, с той только разницей, что он один благодаря своей свободной воле и благодаря сознанию, понимающему, что такое добро и зло, подлежит наказанию или награде. Я преодолел склонность к злу. Меня поднимает ввысь чистота моей воли, чувство, что я действовал по закону разума, и убеждение в том, что не погибнет тот, кто творил разумно. Неустанная, смелая, часто бесплодная борьба благородного человека с призраками, порожденными этими богами: раздвоение сердца и разума; возвышенные сны и животные, отвратительные грезы; чистый и высокий дух, геройство и преступление; ум и безумие; насилие и вздыхающая покорность; все человеческое общество с его чудесами и глупостями, гнусностями и преимуществами. Но не есть ли этот энтузиазм не более чем греза мечтателя? Поддерживает ли его холодный рассудок? Не охотимся

ли мы, подстегиваемые им, за пустыми тенями, утрачивая при этом самое существенное? И можно ли вообще реализовать эту мечту при том состоянии, в котором находится мир со всеми своими нынешними отношениями?

Дух природы: живите во мне, со мной! Я с вами и не могу стать для вас яснее, чем я есть! Цветение и увядание, успех и разрушение связаны друг с другом. Дружба со мной скрывает от вас следующее звено цепи. Я дал в подруги моим любимым детям иллюзию. Моя награда — ваше счастье. Источник его потоком течет в ваших сердцах. Ищите его только там! Бегите от безумия тех, кто ищет его вне меня!

51

Каждый хочет быть лучше окружающего мира и считает себя лучше его. Тот, кто *на самом деле* лучше, лишь выражает этот мир лучше других.

52

Обычный *царский* путь в философии состоит в том, чтобы при помощи чтения предисловий и рецензий получить приблизительное представление о предмете.

53

Последний царский путь при изучении состоит в самостоятельном продумывании.

54

Те, кто так много говорит против философской системы, *упускают из виду*, разбирая *определенную* систему, то обстоятельство, что это философия. Обстоятельство решающее, подобно тому, что дуб — это дерево.

55

Кизеветтер²³ нашел у *глухонемых* большую склонность к тому, чтобы говорить стихами, притом, что кажется почти невероятным, их стихи были основаны не на орфографии, а на звуке.

Один из высших факторов образования — говорить на *своем* языке. Народ принадлежит самому себе. Долой все чужое вплоть до латинских букв!

Кто-то выступает и делает нечто *посредственное*. Все приветствуют его как свою ровню, холят его и лелеют: ты из наших, ты не хочешь ничего особенного и т. д.

Слыша о философии, публика интересуется утраченной религией, а не наукой. Ею уже потом. Человек хочет знать, что с ним происходит, он хочет для себя успокоения, его волнуют нынешние интересы человечества.

Уже не говорят «*изящные науки*», но еще говорят: «*помысли себе дом с двумя деревьями рядом*» и т. д., вместо того чтобы «*представь себе*».

Дело уже не столько в *мыслях*. У нас их достаточно, хороших и плохих, прекрасных и смелых. Дело в *понятиях*. Но если мысли должны приобрести непосредственную значимость *благодаря самим себе*, то в качестве понятий, напротив, они должны быть сделаны понятными. Форма слога от этого меняется и начинает требовать напряжения, быть может мучительного, как, например, у Платона и Аристотеля.

Эффект, производимый на публику — абсолютный масштаб, способный привести субъекта в бешенство. Он сделал все, но его *усмотрению* противостоит бессознательный *инстинкт*.

К *морали*: высшее в ней добиться того, чтобы вина и страдания этого сердца были похоронены в нем самом, и сердце стало могилой сердца.

В *чудесах* Нового завета важно не *содержание*, а то, что это *чудо*. Какое значение имеет исцеление высохшей руки, засохшая смоковница или опьянение гостей на свадьбе?

«Заштопаный чулок лучше, чем разорванный»; не так с самосознанием.

Изучить — значит понять правильность того, что думали другие. Но нельзя познать вещи, если изначально исходить из их ложности.

Теперь, когда религия утрачена, от философии требуют, чтобы она *возвышала* [людей] и заменяла пастора.

Нужно еще пробить стену, отделяющую *терминологию* философии от обыденного сознания; нежелание *мыслить* известное. Успокаивает при этом то, что философию не следует принимать всерьез. Но приходится это делать, когда она обращается к повседневному.

Для философии не так уж хорошо иметь один *тезис*, чтобы говорить: это *есть* или же нет *ничего*.

С восхищением говорят о том, что Кант учит не *философии*, а *философствованию*; как будто можно учить столярному делу, но не тому, как сделать стол, стул, дверь, шкаф и т. п.

Нужно только организовать радость, возникающую от огней на иванову ночь. На всех вершинах зажигают множество огней. Это радость от первого огня, а что такое радость от такой живой стихии, как не нечто религиозное? Ибо это радость от него самого как стихии.

Эта радость должна уважать себя, она должна быть узаконена и упорядочена при помощи сознания. Эту радость нужно лишь принять всерьез, и она станет богослужением. Но к ней так не относятся. В религии страдания человек презирает свою радость и отбрасывает осознание ее. Иначе у греков, которые даже еду превращали в богослужение, т. е. вкушали с сознанием и с желанием. Скука у нас чувствует себя как дома. Общество стыдится еды. Нет более серьезных и более радостных людей, чем греки.

71

Раньше низший класс народа, превращая отдельных членов семьи в козлов отпущения и возлагая на них бремя воздержания, покаяния и отчуждения от себя самих вплоть до безумия, сам освобождался и выкупал себе прощение этой жертвой. Теперь же он сам взял на себя покаяние.

72

Лучше разрешить взять у себя силой десять миллионов, лучше разрешить плевать себе в лицо и топтать себя ногами, лучше разрешить себя высечь, чем добровольно отдать один миллион и сознательно взять на себя рану, когда это неизбежно: в этом *дух немецкой нации*. Потратив деньгами и натурой десятую часть того, что стоила немцам прошедшая война²⁴, в тысячу раз меньше пострадав и избавив себя от горы позора, они могли бы за 9/10 потерь избавиться от 999/1000 страданий и выйти из войны не с позором, а с честью. Но немцы хотят получить удовлетворение от своей нейтральности, т. е. не хотят примкнуть ни к одной из воюющих сторон, предпочитая, чтобы обе сдирали с них шкуру. Они удовлетворяются тем, что они остались сами по себе. Это нация квакеров Европы. Они разрешают взять у себя все, они дают сюртук и из добродушия, чтобы не подумали, что они сердятся, дают в придачу и куртку. Если они получают пощечину от одной стороны, от одной из воюющих держав, то они поворачиваются так, чтобы получить пощечину и от другой. Так описывает христиан Тертуллиан²⁵.

Когда говорят о том, *какова* определенная вещь, подразумевается ее *род*. Четыре деревянные ножки и доска на них — это «каков» стул, т. е. именно сам стул.

Необходимость закона против ростовщичества. Поскольку отдельный человек не знает, при каких обстоятельствах и у кого можно получить деньги, кажется, что это происходит реже, чем на самом деле. Государство, напротив, должно знать, много или мало денег находится в обращении. Его налоговый тариф как раз и может внушить эту неуверенность, создать мнение о недостаточном количестве денег и тем самым способствовать повышению ростовщического процента. Далее, с деньгами дело обстоит так же, как с ценами на зерно, которые колеблются в зависимости от слухов о войне и мире, от града и т. д. Эта нестабильность как раз и повышает цену, ибо надежда продать дороже или в крайнем случае не дешевле действует сильнее, чем страх перед противоположным, и она больше способствует созданию запасов, чем страх стремлению побыстрее все сбыть. Поэтому необходимы фиксированные цены на хлеб, мясо и т. п.

В Германии, как ни в одной другой стране, любая новая мысль сразу же делается всеобщим достоянием, идолом дня. Ее реклама доходит до шарлатанства, так что в конечном счете ее так же быстро забывают и пропадают те плоды, которые она бы принесла, если бы ее удерживали в соответствующих границах. Так было бы, если бы ее в должной мере признали, оценили и использовали, в то время как теперь, неумеренно раздувшись, она сразу же съеживается и, как отмечено, впадает в забвение.

Южные немцы наивно перепечатывают чужое. Северные немцы переписывают друг друга и повторяют

одно и то же; компендиум — главой раньше или позже; даже «модные газеты» ²⁶.

77

Я очень хорошо помню, как, изучая науки, я метался, честно полагая, что сказанное прямо — это еще не все. Из оборотов речи, из формы изложения я заключал, что сущность скрыта где-то за текстом, и все знают гораздо больше, чем говорят, а именно дух и основания, исходя из которых они и высказываются. Я долго и тщетно искал того, о чем всегда говорится так, как будто это нечто общеизвестное, правильное, такое, что вызывает к жизни обыкновенное. Но я так и не мог найти этого и наконец понял, что на самом деле ничего и нет, кроме того, что я уже прекрасно понял. Сверх того лишь самоуверенный тон, произвол и дерзость.

78

Друг истинного естествознания предлагает просить всем известного господина доктора Галля ²⁷, ко всеобщему величайшему восхищению уже закончившего чтение одного курса, прочитать еще один, ибо из его доклада явствует, что он неисчерпаем и будет в состоянии рассказывать нам все новые истории. Тот уже изъявил предварительное согласие и обещал новыми выступлениями еще яснее продемонстрировать пустоту своего черепа ^{27a}. А именно:

1. Для показа мозга он разгладит свои несуществующие морщины; он будет упражняться в остроумии на дамских шляпках, для дам — на паре штанов;

2. Он покажет происхождение нервной системы от копчика;

3. Покажет целый ряд новых чувств, у дам, кроме чувства танца, еще и чувство шитья и поварское чувство; у деревенских молодцов — молотильное чувство, а у остальных — чувство шарлатанства, и все без малейшей мысли;

4. Он привлечет парикмахершу из сиротского приюта Барбару Ширюцбайн, которая своим опытом и своим ловким манипулированием черепами окажет поддержку господину доктору Галлю.

Один просвещает *эпоху*, другой поднимает до себя ее чувства в сонетах, поднимает ее воспитанием, преклонением, рефлексией. Для каждого эпоха — это *truncus ficulnus* [ствол фигового дерева], из которого он хочет сделать Меркурия; но черт выхватывает у него из-под рук *truncus* [ствол] или, чтобы прибегнуть к другому сравнению, гранит Монблана и оставляет ему осколочек или зернышко, так что, когда он, глядя при свете на готовую работу, видит, что Меркурий получился совсем маленьким, он осыпает проклятиями негодное время и дьявола, оставившего ему такие крохи. Так получается, что кругом множество маленьких эпох, каждую из которых описывают по-разному: эпохочка Зальцмана, Кампе²⁸, коровьей оспы; — очистить ее, создав ясный эфир, из которого свободно возникают лики звезд в вечном солнечном свете посередине.

* * *

Многие локрийцы повесились из-за того, что не могли сблизиться с мальчиками, которых они любили. *Греческая любовь к мальчикам* еще мало понята. В ней есть благородное презрение к женщине, и она указывает на то, что должен был родиться новый бог.

Koynidie алошое [наложница] — чтобы эта женщина не была изнурена частыми родами — рабыни. Вообще разница между длительностью желаний и потенции мужчины по сравнению с привлекательностью, плодovitостью и здоровьем женщины создает при святости брака у европейцев несоответствие, способствующее подспудной борьбе и раздорам в семье, с одной стороны, разврату — с другой.

Натурфилософские идеи, т. е. нечто фантастичное и неразумное. Импульсы, получаемые от философии, создают лишь возбуждение, не приводящее ни к какой субстанциальности.

Совершенное, разумеется, везде *едино*, но в искусстве особенно важно: не стремиться к раскрашиванию статуй; не смешивать лиричность хора с драматич-

ностью действующих лиц. То же относится и к *философствованию* и *поэтическому творчеству*. Следует вообще решительно осуществлять необходимое разделение и твердо его придерживаться.

Становится действительно страшно. Когда они слышат о предмете или материи, то под этим имеют в виду только идеи. — Подобно тому как теперь никто вслед за Гомером не сравнил бы Аякса с ослом, так делается неприличным и само слово «*учиться*».

Заслуги Фихте и содержание того, что *имеется в виду в этих абстракциях*, можно будет выяснить лишь после того, как будет создана история сознания.

Платон долго и прилежно учился у многих философов и путешествовал. Он не был ни продуктивным гением, ни поэтом, а всего лишь тяжелодумом. Бог дает это гению во сне. А вам он во сне дает только сны.

Восточное: вода — отец жизни, отец туч; *мед* — отец победы; *сахар* — отец выздоровления; *мясо* — отец изобилия; *вино* — отец легкого пищеварения; *хлеб* — отец милости, отец человечества; *ложе* — отец желаний; *цифра* — отец игры; *хорошее общество* — отец совершенства; *сыр* — отец странствующих и т. д., поверхностное обозначение, которое, будучи столь общим описанием, должно быть известно подобно знаку по тому, что оно обозначает, но не должно быть ясно само по себе.

Рецензенты — могильщики. Но если они закапывают и живое, оно все же сохраняется. Им самим нужно учиться. Произносить суждение, характеризовать — значит убивать; изображать *индивид*, а не *предмет*, как если бы живым был именно он, а не *истинное*. Судьи тайного судилища, масоны, не опередили прочей публики, даже отстали от нее. Когда мистерия становится явной, им приходится иметь дело лишь с *подразуемаемым*.

Время как будто неблагоприятно для философии, ибо оно прилагает столь много усилий для того, чтобы возникла лишь мысль о *сверхчувственном*, первое, самое глубокое начало. Но его следует раскрыть в самом

общеизвестном, например во фруктах; нет религиозного чувства вообще.

В «Сиде» говорится:

Но какой же побежденный
Об обиде не твердит ²⁹.

Философия управляет представлениями, а они управляют миром. Дух господствует над миром при помощи сознания. Это его инструмент, а потом уже штыки, пушки и мускулы. Знамя и душа полководца — дух. Главенствуют не штыки и не золото, не интриги и хитрости. Они существуют подобно шестеренкам в часовом механизме, но его душа — дух, подчиняющий время и материю своему закону. Илиада не возникла случайно, ничто великое не создавалось штыками и пушками; композитор — всегда дух.

Единство и различие — это звучит бедно и жалко по сравнению, например, с великолепием солнца, с востоком и западом... Восток и запад присущи каждой вещи. Но бедным проповедуется Евангелие, и они увидят бога.

Натурфилософия. Пройдет много времени, прежде чем здесь перестанут пускать пыль в глаза. — Признание этого или дерзкое и упорное выступление против этого. — Абсолют: ночью все кошки серы. — Абсолютное познание — великая метла, qui fait la maison nette [все выметающая и очищающая дом].

Унтервальден: пастушеская жизнь. Никакого духовного прогресса. Культивирование склонности к лени. Вероучители зависимы от народа, избирающего их и распоряжающегося их жалованьем. Эта зависимость заставляет их заниматься интригами. Они льстят необразованной массе, выведывают семейные тайны, поддерживают определенные партии и добиваются господства над умами сельских общин. Но они не пользуются этим господством для того, чтобы рекомендовать невежественным и ограниченным людям нечто новое, отступающее от привычного; никаких полезных нововведений в области школьного дела, лишь грубость

и одичание. Поддерживать это одичание в интересах богатых семей, которые таким образом сохраняют свое влияние и должности. — *Свобода необразованной массы превращается в бедность и уныние.* В церквах — нищие, на улицах — паломники, у могил — коленопреклоненные. И при этом ухудшение нравов, злорадство по поводу утраты богатства теми, кому завидуют, клевета, клятвоотступничество и неблагодарность. Бесхозяйственность и отлынивание от работы при всей бедности; жалкий, нищенский эгоизм. Увеличение роскоши при недостатке пахотной земли, развитие лесного хозяйства и отсутствие прилежания в области искусств и ремесел.

«Сид»:

Тайна женщины от века —
Власть над нашими сердцами;
Эта тайна коренится
В них глубоко, и едва ли
Сам господь ее постигнет
В день суда, когда всевышний
Станет взвешивать проступки
И взглянется в души женщин.
Всех равно он без изъятия
Обвинит или оправдает —
Так неясны их сердца ³⁰.

В Люцерне круглые шляпы диаметром больше 18 дюймов запрещены как недопустимая роскошь!

В философствовании нет места для представлений. Повсюду образ. За него цепляются люди. *Tabula rasa* ³¹ — это выражение было употреблено Аристотелем случайно, но в силу возникшей потребности. В такой мере каждый знает Аристотеля: *Tabula rasa* не выражает существенное содержание его понятия о душе.

История *Люденса* Гуго Гроция, 231 ³²: тогда распространили слух, что король (Густав Адольф после битвы под Лютценом) еще жив; что у него были все основания покончить со своей смертью. Эти *homines acuti* [остроумные люди], говорит Гроций, *nos velut crassos, qui mortuum mortuum credimus, irrident. Hoc est Germaniae acumen*, [поднимают на смех нас

простаков, верящих в то, что мертвые мертвы. Таково германское остроумие]. Так обстоит дело и с философом: когда он говорит, что государство или что-либо подобное мертво, значит, оно еще живо; рейхстаг и т. д. Nos est Germaniae acumen [Таково германское остроумие].

Божество почитают в *произведении искусства*, в плохом так же, как в хорошем. Собрание верующих проникается ужасом перед божеством, перед уничтожением индивида. Но вскоре оно приходит в себя, оглядывается на живые существа и пробуждается к чувству жизни. Верующие ощущают себя живыми, сообщают об этом друг другу, берутся за руки и приходят в движение, — *танец*. Торжество должно превратиться в гармонию, в многообразие образов и мыслей. Благодаря такту мера служит сдерживанию субъективного, произвольного. Индивиды делаются членами объективного единства. Оно подобно Кибеле, великой матери богов, бьет в литавры; в других случаях оно превращается в бесшумную неосознанную силу. Так, божество вкушает само себя, и человек себя с ним отождествляет. Это вкушение переходит в *поедание божества*, но здесь уже глубокое выражение бесконечной боли, полного крушения самого священного. Бог приносит себя в жертву, отдает себя уничтожению. Сам бог мертв; глубочайшее отчаяние от чувства оставленности богом.

БЕРЛИНСКИЙ ПЕРИОД

1

Великий человек осуждает людей на то, чтобы они его объясняли.

2

Русские женщины жалуются, если мужья не бьют их, — значит, они их не любят. Это и есть мировая история. Народы так же хотят кнута³³.

3

Всю свою жизнь Гёте поэтизировал любовь, растратив свой гений на прозу — «Вертер». С поэзией любви он познакомился у восточных поэтов — «Диван»³⁴.

4

Оставлять (aufgeben), как и снимать [aufheben] имеет два смысла: 1) что-то считать потерянным, утраченным; 2) тем самым одновременно превращать это в проблему, содержание которой не только не утрачено, но должно быть спасено и трудности которой должны быть разрешены.

5

Когда человек приходит к убеждению, что он знает это не лучше, чем другие, т. е. когда для него становится безразлично, что другие это сделали плохо, и его интересует лишь, что они сделали хорошо, тогда в него вступили мир и утверждение.

6

Односторонность философии — любимая тема разговора; об этом слышишь чаще всего, и эта категория фигурирует как талисман, помогающий против любой философии и против любого ее требования; это

надежные латы, с которых соскальзывают претензии если не на знакомство с философией, то по крайней мере на внешнее почтение к ней. Философия односторонняя, потому что она особенная философия, а особенная она потому, что определенная, или, говоря вообще, потому, что есть еще другие, от нее отличающиеся. Так что же нужно сделать, чтобы не впасть в такую односторонность? Благоразумие сразу же отвечает, что нужно познакомиться не с одной, а с различными философиями; это единственный путь, чтобы обеспечить себе возможность *выбирать*, а следовательно, и сделаться самостоятельным и самодостаточным. Не умно ли это, и не доморощенный ли рассудок придумал этот осторожный выход и чувствует себя в нем, как дома?

Но и этот выход безупречен; ибо после того, как трезвое благоразумие решится на выбор, чтобы уберечься от односторонности, то, что оно выберет, снова будет определенной, особенной философией, ибо она непосредственно *отличается* от остальных, из которых она выбрана или в борьбе с которыми она создала из себя самой то, что она называет философией. Таким образом, этот доморощенный рассудок, стремясь избежать односторонности, сам в нее впадает, и его ум не только не помог ему, но и привел его к тому, от чего он хотел избавиться. Кант, знавший философию Вольфа и Юма, создал в борьбе с ними собственную философию, следовательно, философию одностороннюю и т. д.

Есть только *один* путь избежать этой устрашающей односторонности, а именно исходя из того, что каждая философия односторонняя, обходиться без всякой философии. Тогда рассудку не придется уже ни выбирать, ни решать. Ему уже не нужно будет иметь свою философию и не нужно будет даже знать, что ни одна философия ничего в себе не содержит. Такому отрицанию, *пустоте*, нельзя отказать в *свободе от односторонности*, а именно от односторонности какого-либо *содержания*. Но тем самым появляется сразу же опять-таки односторонность, ибо *незнание* представляет собой лишь одну сторону, нечто особенное, которому противостоит другое особенное, а именно знание и наука. Так, рас-

судок и его доморощенность, падая с вершины своей бессмысленности, низвергается в бездну своей глупости. О счастливый Санчо Панса — кто, читая «Дон Кихота», не наслаждался тобой?

7

Бывают люди, ненавидящие спекулятивное познание христианских мистерий потому, что утрачивают оттого преимущество неразумия. Истинная вера *не заботится о том*, соответствует ей разум или нет, и не соизмеряет себя с разумом, а *полемическая* вера хочет верить вопреки разуму.

8

Музыкальное сочинение Кариссими³⁵ на слова *hic, haec, hoc* [этот, эта, это] для пения считается превосходным. Признак бессмысленности музыки; пусть кто-нибудь попробовал бы изобразить это или написать на эту тему стихотворение!

9

Христос-человек — загадка, глубоко отличающаяся от египетской. Здесь из звериного тела вырывается человеческое лицо, а там человеческое тело, из которого вырывается бог.

10

В 1764 году в Данциге был подготовлен новый сборник церковных песнопений. Лишь две песни Геллерта³⁶ вошли туда, ибо, как выразилось Духовное управление, он был «еще и комедиографом».

11

Securi adversus Deos [равнодушны к богам] — эти слова Тацита о германцах направлены *против* суеверных римлян. Их богами были *Febris, Pestis, Cloacina* [Лихорадка, Чума, Очистительница]³⁷. Отсюда недалеко до дьявола. Стоит поднять эти физические чертовщины в духовное, как получится дьявол.

12

Жизнь и мнения раньше считалось хорошим заглавием, ибо у некоторых из людей есть *жизнь*, но нет мнений; у других лишь *мнения*, но никакой жизни;

и, наконец, бывают такие, у которых есть и то, и другое, и жизнь, и мнения. Последние — редчайшие; за ними идут первые; чаще всего встречаются, как всегда, те, что находятся в середине.

13

«Preussische Staatszeitung» № 52 от 29 июня 1819 г.: «Самые большие суммы на общественные расходы отпускаются у тех народов, которые дольше других и наиболее полным образом участвуют в утверждении налогов. Смелые планы предприимчивых правителей стареют и умирают вместе с ними; но национальная гордость, впитанная с молоком матери, уверенность в силе своего народа, прирожденная иллюзия, что сила дает право, — все это растет от предков к потомкам. Нельзя отрицать того огромного влияния, которое оказывает инициатива всех в отдельности на дух целого, на воспитание человеческого рода; народы живут своей верой: *но они ее и оплачивают*».

И даже *охотно*. Те же, кто живет своим неверием, должны оплачивать и его.

14

Раньше преподавание латинского языка в школе велось исходя из двух основных точек зрения: 1) смысл и содержание трудов писателей: Корнелия Непота, Курция³⁸, Юлия Цезаря, Цицерона, Тацита, Горация и т. д. Важно было то, чтобы *содержание подходило* для юношества; благородные, простые, твердые убеждения и действия, основы нравственности и государственной жизни, представленные в их наивной близости и всеобщности; 2) язык с более общими правилами грамматики. *Правило* состоит в подведении особенного под общее. У латинского языка здесь есть преимущество по сравнению с греческим: твердые правила, пластичность, лапидарность; простое строение предложений и периодов; значение повиновения, законопослушного поведения; твердое правило и соответствующее ему действие, без исключений, произвола, отговорок и т. д. Ученик должен был писать свои сочинения, исходя из этих правил, а не из того, что он на-

шел форму, флексию, конструкцию и т. п. Усовершенствование преподавания латыни, внесенное в основном голландцами и англичанами (Дракенборх и Рункениус³⁹ спорили о том, как сказать правильнее: *simulac ego* [одновременно и я] или *perinde ac ego* [точно так же и я], решив, наконец, что — *simul ac ego*), и еще масса всяких тонкостей (т. е. особенностей) полностью изменили природу преподавания латыни как средства воспитания *дисциплины*.

15

Нынешняя знать вышла, как правило, *не* из старых свободных *землевладельцев*, а из императорских, королевских, герцогских *вассалов*. Сами эти землевладельцы должны были становиться вассалами, если они хотели сохранить какое-то значение и не быть полностью подавленными.

16

По отношению к знати дворы были блистательны, они собирали знать вокруг себя и ее разоряли. Теперь по отношению к богатству банкиров дворы стали скромными, ибо богатство может поспорить с ними и в одежде, и в женских украшениях, и в жилище, и в празднествах. По отношению к этому же богатству дворы могут быть надутыми и церемонными. Их тогда высмеивают, а на придворных льстецов смотрят как на рабов, на украшения, *qui s'avilissent, en y mettant un prix* [которые унижают себя, придавая этому какую-то цену. — франц. яз.].

17

В мировой истории до сих пор пригодно прежнее греческое деление — на греков и варваров.

18

Канова⁴⁰ хотел посвятить *богу* церковь, которую он построил в своем родном городе. Это ему не разрешили. У Брахмы в Индии не было храмов. В католических странах протестантские церкви называются молитвенными домами. В Южной Германии их называют божьими домами.

Корпорации и коллегии в том, что касается всякого рода скидок, гораздо тверже и неуступчивее, чем индивиды: отличие между уставом коллегии и личной ответственностью. В той же мере, в какой личность может быть энергичнее, особенно вначале, притупляется ее сила в конце. Индивидуальность должна управлять как аристократ, как независимая и полагающаяся лишь на себя личность. Но индивидуальность как лишь особенное находится в многосторонней зависимости — тот или другой сможет сейчас или потом нанести ей вред. Скидка кажется личным, индивидуальным делом, и в самом деле, в ней много случайного.

Вальтер Скотт в «Жизни Наполеона» говорит о причинах и цели французской революции: «В наказание за грехи Франции и Европы и чтобы дать роду человеческому великий урок, небо передало власть в руки таких людей, которые были лишь орудиями его мести и его тайных планов». Как? Если грехи Франции и Европы были так велики, что *справедливый бог* наложил ужаснейшее наказание на целую часть света, то революция была *необходимостью*, не новым преступлением, а лишь справедливой карой за старые преступления; высокопарные фразы, которые вряд ли можно было бы простить даже капуцину, пытающемуся скрыть свое невежество. Кажется, что ему так же неизвестны основные моменты, характеризующие сущность революции, благодаря которым она приобретает почти неизмеримую власть над настроениями. «Остроумнейший народ Европы, — говорится в т. 1, стр. 47, — дал себя совратить при помощи грубейших обманов в самые гибельные принципы». Плоский ум.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА

«Философская пропедевтика» («Philosophische Propädeutik») написана Гегелем в 1808—1811 гг., в бытность его директором гимназии в Нюрнберге. Работа, задуманная как пособие для старших классов гимназии, не была издана при жизни Гегеля и вышла лишь в 1840 г. Текст рукописи, дополненный записями слушателей Гегеля, был подготовлен к изданию К. Розенкранцем и составил 18-й том посмертного собрания сочинений. Записи и наброски, не использованные Розенкранцем, были изданы Лассоном в 1912 г. в первом томе «Гегелевского архива». На русский язык эта работа Гегеля впервые была переведена С. Васильевым: *Гегель. Введение в философию (философская пропедевтика)*. М., 1927. В настоящем издании «Философская пропедевтика» публикуется в новом переводе, выполненном Б. А. Драгуном по изданию: *Hegel. Sämtliche Werke, Bd. 3. Hrsg. von H. Glockner. Stuttgart, 1927*, с учетом наиболее полной публикации Гоффмейстера в издании: *Hegel. Nürnberger Schriften. Hrsg. von J. Hoffmeister. Berlin, 1938*, и с частичным использованием перевода С. Васильева. Текст сверен А. В. Михайловым, Примечания составлены А. П. Огурцовым.

¹ См. Философия права, т. VII. М. — Л., 1934, § 118, стр. 137. — 27.

² В издании «Философской пропедевтики» Розенкранцем «§ 24» опущено, а последующий текст включен в предыдущий 23-й параграф, за которым непосредственно идет § 25. Исправлено по изданию Гоффмейстера. — 34.

³ См. оценку гегелевской трактовки правовых отношений и собственности в «Капитале» К. Маркса (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 23, стр. 100—101; т. 25, ч. II, стр. 165, примеч.). — 41.

⁴ Термин *Entäußerung* по своему смыслу означает буквально «экстериоризация». В данном контексте он переводится в соответствии с традицией как «отчуждение». Термин *Veräußerung*, означающий буквально «реализация», «продажа», акт передачи товара от одного лица к другому, также в некоторых случаях может переводиться как «отчуждение». Такое употребление этих терминов характерно и для К. Маркса в «Капитале» (см. *K. Marx. Kapital, Bd. I. Berlin, 1961, S. 113, 114, 121, 136*,

142 и т. д.). «Отчуждение» в собственном смысле слова передается термином *Entfremdung*. Перевод этих терминов см. по предметному указателю. — 41.

⁵ В издании Розенкранца (S. 67) и Гоффмейстера здесь «oder das». Очевидно, опечатка и следует читать «unter das» (примечание переводчика). — 46.

⁶ *Деций Мус* — герой одной из Самнитских войн, которые Рим вел с 340 по 290 г. до н. э. — 58.

⁷ Ср. оценку Г. В. Плехановым понимания Гегелем роли выдающихся личностей в истории (Г. В. Плеханов. От идеализма к материализму. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 650). — 67.

⁸ Различие между буржуа и гражданином заимствовано Гегелем у французских социальных мыслителей. См. об этом К. Маркс. К еврейскому вопросу (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 391—394). — 70.

⁹ *Писистрат* (ум. 527 г. до н. э.) — афинский тиран, младший современник Солона. *Солон* (около 638—558 гг. до н. э.) — знаменитый афинский реформатор и законодатель. Ср. оценку Писистрата в «Философии истории» Гегеля: «Господство Писистрата и его сыновей, по-видимому, было необходимо для того, чтобы приучить их к порядку и миру, а граждан — к законодательству Солона» (Сочинения, т. VIII, стр. 243). — 89.

¹⁰ *Intelligenz* (от латинского *intelligere* — постигать, схватывать) — философское понятие, которое характеризует духовную способность человека, заключающуюся в постижении существа дела, в нахождении решения в необычной ситуации, в практической направленности познания. Этот термин трудно переводим на русский язык, поскольку слово «интеллигенция» имеет у нас другое значение. Наиболее адекватный перевод — «интеллект». — 92.

¹¹ В издании Гоффмейстера (S. 66) это место интерпретируется следующим образом: «объективную логику в метафизике», в издании Розенкранца — «объективная логика или метафизика». В настоящем издании это место переводится по Гоффмейстеру. — 93.

¹² Это не цитата, а сводное изложение первого и третьего определений из «Этики» Спинозы (см. Б. Спиноза. Этика. Сочинения, т. 1. М., 1957, стр. 361). — 105.

¹³ См. И. Кант. Сочинения, т. 3. М., 1964, стр. 404—407, 410—413, 418—421, 424—427. — 108.

¹⁴ Термины «сопоставление» (*juxtaposition*) и «восприимчивость» (*intussusception*) заимствованы Гегелем из ботаники. Под первым понимается такой род органического тела, когда новые клетки возникают только в тех местах, где кончаются старые, а под вторым — рост, при котором новые клетки занимают место между старыми. — 169.

¹⁵ Гегель, как известно, стоял на точке зрения Гёте в понимании природы света и цвета. Ф. Энгельс писал о гегелевской теории света: «Гегель конструирует теорию света и цветов из чистой мысли и при этом впадает в грубейшую эмпи-

рию доморощенного филистерского опыта (хотя, впрочем, о известным основанием, так как этот пункт тогда еще не был выяснен)» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 603). — 177.

¹⁶ Концепция, излагаемая здесь, продиктована в известной мере исследованиями Гёте о метаморфозах организмов, поэтически представленными во 2-й части «Фауста» (действие 1, сцена 5). — 180.

¹⁷ *Муций Сцевола Гай* — герой римского предания, юноша, пытавшийся убийством этрусского царя Порсены, осаждавшего Рим в 508 г. до н. э., избавить родину от опасности. Схваченный, он положил правую руку на пылавший жертвенник, показав свое презрение к пыткам и смерти. Муций получил прозвание Сцевола (Левша). — 188.

¹⁸ «Для лакея нет героя» — известная французская поговорка (Il n'y a pas de héros pour le valet de chambre). Ср. с «Феноменологией духа»: «Для лакея нет героя; но не потому, что последний не герой, а потому, что тот — лакей, с которым герой имеет дело не как герой, а как человек, который ест, пьет, одевается, [т. е.] вообще имеет с ним дело со стороны единичности потребностей и представлений» (Гегель. Сочинения, т. IV. М., 1959, стр. 357). — 190.

¹⁹ *Церера* (греч. Деметра) — итальянская богиня плодородия и земледелия. *Прозерпина* (греч. Персефона) — в римской мифологии владычица преисподней, богиня произрастания злаков и земного плодородия. Элевсинские мистерии — в Древней Греции праздники в честь Деметры и Персефоны в городе Элевсине (близ Афин), связанные с сельскохозяйственными магическими обрядами.

Слова о солнце заимствованы Гегелем у Канта (см. *И. Кант*. Сочинения, т. 5. М., 1966, стр. 333), в свою очередь цитировавшего немецкого поэта Витгофа. — 190.

²⁰ *Мнемозина* — греческая богиня памяти и мать девяти муз, в иносказательном смысле — память. — 191.

²¹ Ср. «Иенская реальная философия», наст. изд., т. 1, стр. 291—292. — 192.

²² «Несчастный, как он счастлив — он голоден!» (фр.), «потерявший ум и родину» (Овидий). Далее французская эпиграмма поэта Жака дю Лорена, в переводе В. Жуковского звучит так:

Сей камень — над моей возлюбленной женой!
Ей там, мне здесь покой. — 195.

²³ *Клопшток*, *Фридрих Готлиб* (1724—1803) — немецкий поэт, один из создателей национальной литературы в Германии, автор эпической поэмы «Мессиада». Ср. оценку Гегелем Клопштока в «Лекциях по эстетике»: «...Клопшток, можно сказать, из национальной гордости пытался снова освежить старую мифологию Вотана, Герты и т. п.» (Гегель. Лекции по эстетике. Сочинения, т. XIV, стр. 327, а также стр. 258—260). — 205.

²⁴ См. Иоан, XV, 12. — 207.

²⁵ См. Матф., XII, 13; Марк, II, 23—28, III, 1—5; Лук., VI, 1—10. — 207.

²⁶ См. Лук., VII, 37—50. — 207.

ПИСЬМА

Публикация переписки Гегеля началась в посмертном собрании сочинений (в т. XVII). В 1887 г. Карл Гегель издал двухтомник писем отца. Перевод писем выполнен по наиболее полному изданию переписки: «Briefe von und an Hegel». Hrsg. von J. Hoffmeister. Bd. 1—4. Hamburg, 1952—1954, составляющему Bd. 235—238 «Philosophischen Bibliothek». В круглых скобках указан порядковый номер письма по изданию Гоффмейстера. Многоточия указывают на сокращения, имеющиеся в оригинале. Многоточия в квадратных скобках — сокращения редакции настоящего издания. На русском языке письма Гегеля публикуются впервые. Письма № 1—78, 144—188 переведены Ц. Г. Арзаканьяном, перевод сверен А. В. Михайловым. Письма № 79—95, 97—143 переведены А. В. Михайловым, перевод сверен В. И. Башиловым. Примечания А. В. Михайлова и А. В. Гулыги. К примечаниям приложен перечень адресатов и наиболее важных имен, встречающихся в переписке.

1 (6)

¹ Статья Шеллинга «Über Mythen, historische Sagen und Philosopheme der ältesten Welt» («О мифах, исторических сказаниях и философемах древнейшего мира»), помещенная в издаваемом Паулюсом журнале «Memorabilia» (№ 5 за 1795 г.).

² «Historische Briefe aus Paris über die Begebenheiten in Frankreich» («Исторические письма из Парижа о французских событиях»).

³ *Каррье, Жан-Батист* (1756—1794) — деятель французской революции, якобинец, известен репрессиями против роялистов (особенно при подавлении восстания в Вандее), после падения якобинской диктатуры казнен (16 ноября 1794 г.).

2 (7)

¹ Этот труд по этике не был написан Шеллингом; подготовительной ступенью к нему была работа «О Я как принципе философии».

² Работа Фихте «Zurückforderung der Denkfreiheit von den Fürsten Europas» («Требование к правителям Европы вернуть свободу мысли». Йена, 1794) была напечатана анонимно.

3 (8)

¹ Имеется в виду работа Рейнгольда «Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Vorstellungsvermögens» («Опыт новой теории человеческой способности представления»).

² *Физикотеология* — учение, пытающееся доказать бытие бога ссылкой на разумное устройство природы.

¹ Имеется в виду статья Шеллинга «Über die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt» («О возможности какой-либо формы философии вообще». Тюбинген, 1795).

¹ Из романа (анонимно изданного) кёнигсбергского бургомистра Гиппеля «Lebensläufe in aufsteigender Linie» («Жизненные пути по восходящей линии». Берлин, 1778—1781). Это произведение Гегель читал и конспектировал в студенческие годы.

² Работа Шиллера «Briefe über die ästhetische Erziehung des Menschen» («Письма об эстетическом воспитании человека») — в первых номерах его журнала «Оры» («Horen»), 1795.

¹ О средствах борьбы древних ортодоксов с еретиками (лат.).

² Вследствие конфликта Фихте со студентами (из-за предложения реформировать студенческие объединения). Окончательно Фихте оставил Йену в 1799 г. в результате так называемого спора об атеизме (ср. письмо 186).

³ В 1795 г. Нитхаммер основал журнал «Philosophisches Journal einer Gesellschaft Teutscher Gelehrten» («Философский журнал Общества немецких ученых»).

¹ Речь идет о работах Шеллинга «О Я как принципе философии» и «О возможности какой-либо формы философии вообще».

² Букв. «столь же многими словами» (лат.).

³ Работа Шеллинга о Марционе «De Marcione Paullinarum epistolarum emandatore» («О фальсификации Марционом писем ап. Павла»), которую Шеллинг защищал на диспуте в Тюбингене 27 июля 1795 г.

⁴ Гегель не завершил своих теологических сочинений, которые были опубликованы лишь в 1907 г. (см. том I наст. изд.).

¹ *Fr. Nicolai. Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz im Jahre 1781* (Николаи. Описание путешествия через Германию и Швейцарию в 1781 г.). В этой книге Николаи назвал Шеллинга «темнейшим философским мистиком».

Речь идет о месте учителя в доме франкфуртского купца Гогеля.

¹ Нанетта Эндель, которая одно время жила в доме отца Гегеля, — юношеская любовь философа. Письма Гегеля к ней были найдены в 1841 г. (Ф. Д. Штраусом) и впервые опубликованы в 1910 г.

¹ Шеллинг был в 1800 г. экстраординарным профессором в Йене и автором таких выдающихся работ, как «О мировой душе» (1798), «Первый очерк философии природы» (1797). Продуктивность молодого Шеллинга резко контрастировала с внешней медлительностью Гегеля, который с одобрением следил за успехами друга.

¹ В «Erlanger Literaturzeitung» («Эрлангенской литературной газете», 15 и 16 сент. 1801 г.) появилась статья Гегеля «Über die Philosophie Bouterweks» («О философии Боутервека») — рецензия на книгу Боутервека «Anfangsgründe der speculativen Philosophie» («Начальные основы спекулятивной философии». Геттинген, 1800).

² Диалог Гердера «Бог» — о системе Спинозы — вышел вторым изданием в 1800 г. (с приложением «Гимна к Природе» Шефтсбери).

³ Шеллинг рецензировал в «Erlanger Literaturzeitung» (№ 35 за 1801 г.) сатирическое сочинение романтика А. В. Шлегеля, направленное против мещанского драматурга и реакционного общественного деятеля А. фон Коцебу, — «Триумфальная арка для театрального президента Коцебу в надежде на возвращение его из России» (1800).

⁴ 27 августа 1801 г. Гегель защищал в Йене тезисы диссертации «Об орбитах планет» (см. том I наст. изд., стр. 265).

¹ Диссертация Гегеля «Об орбитах планет» (см. том I наст. изд., стр. 235—264) и статья «Differenz des Fichte'schen und Schelling'schen Systems der Philosophie in Beziehung auf Reinhold's Beiträge zur leichtern Übersicht des Zustandes der Philosophie zu Anfang des neunzehnten Jahrhunderts» («Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», Йена, 1801).

² Первый номер «Критического журнала философии» под ред. Шеллинга и Гегеля вышел в январе 1802 г.

¹ В «Erlanger Literaturzeitung» были напечатаны рецензии Гегеля на работы Венебурга, посвященные опровержению Фихте (№ 14, 1802), на работы Круга (рецензия под заглавием «Как обычный человеческий смысл разумеет философию» опубликована также и в «Критическом журнале философии»), на сочинение К. Фр. В. Герштекера (о выведении понятия

права; 28.4.1802). Рецензия на работу Г. Хр. Ф. Фишхабера о системе Фихте потеряна.

² Мемель рецензировал первый номер журнала Шеллинга и Гегеля и позже сочинение Гегеля «О различии между системами философии Фихте и Шеллинга» («Erlanger Liter. Zeit.» от 9, 11 и 14 июня 1802 г.).

17 (40)

¹ На Каролине Шлегель, разведенной с А. В. Шлегелем, — одной из «знаменитых женщин» немецкого романтического движения.

² Шеллинг стал профессором философии в Вюрцбурге.

³ Имеется в виду Шютц, издатель «Литературных известий» в Йене, борьба которого с Гёте и с романтиками вынудила прекратить издание «Галльских всеобщих литературных известий», после чего Гёте основал новое издание «Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung» («Йенская всеобщая литературная газета»).

⁴ Речь идет о брате Шеллинга.

18 (42)

¹ Шеллинг начал чтение лекций в Вюрцбурге.

² Айхштедт оказал финансовую помощь новому изданию (см. прим. 3 к пред. письму).

³ «Излияния» Кюцебу (1803), сатира против Фр. Шлегеля и Гёте.

⁴ Для электрохимических опытов.

19 (49)

¹ Гегель читал в предыдущем семестре «Систему спекулятивной философии» и имел весьма значительное по тем условиям число слушателей — 30 человек.

20 (55)

Черновики публикуемого письма адресованы И. Г. Фоссу, поэту и переводчику, в это время профессору в Гейдельбергском университете, переживавшем пору своего обновления, — Йенский университет после ухода Фихте и Шеллинга, напротив, находился в периоде упадка. Впоследствии Фосс занимал резко отрицательную позицию в отношении новой философии, с консервативно-рационалистической точки зрения критиковал Ф. Крейцера (см. письмо 125).

¹ Фоссу принадлежат классические переводы «Илиады» и «Одиссеи» на немецкий язык.

² Фосс только что переехал из Йены в Гейдельберг.

21 (64)

¹ Гёте добился для Гегеля весьма скромного оклада — 100 талеров в год.

¹ Речь идет о герцоге Карле Августе Саксен-Веймарском.

¹ Гебхардт — издатель «Феноменологии духа».

² Университет в Альторфе был упразднен в 1809 г.

³ После занятия Йены французами Гегель вынужден был оставить дом, в котором постоянно жил. Имущество его было разграблено.

¹ Военные действия начаты Наполеоном 7 октября 1806 г.

² Этот план был осуществлен лишь в 1828 г. (см. письмо № 157).

¹ Рукопись «Феноменологии духа».

¹ Свояченица Нитхаммера — жена советника Ф. З. Фойгта; жене Нитхаммера принадлежал «Дёдерлейнский дом», в котором жил приемный сын Нитхаммера Дёдерлейн.

² См. прим. к предыдущему письму.

¹ Из-за военных действий Гегель не сдал в срок издателью окончание «Феноменологии духа».

¹ Именно в эти дни Гегель получил от Нитхаммера сообщение о благополучном прибытии отправленных рукописей и о пересылке издательского гонорара (144 гульдена).

¹ Статья Шеллинга «Darlegung des wahren Verhältnisses der Naturphilosophie zu der verbesserten Fichte'schen Lehre» («Изложение подлинного отношения философии природы к исправленному учению Фихте». Тюбинген, 1806).

² Статья Гегеля «Glauben und Wissen oder die Reflexionsphilosophie der Subjektivität in der Vollständigkeit ihrer Formen als Kantische, Jacobi'sche und Fichte'sche Philosophie» («Вера и знание, или Рефлексивная философия субъективности в ее совершенных формах в философии Канта, Якоби и Фихте» во II томе «Критического журнала философии», 1802).

³ Имеется в виду статья И. Г. Фихте «Наставление к блаженной жизни». Берлин, 1806.

⁴ Речь идет о статье Фихте «Основные черты современной эпохи». Берлин, 1806.

⁵ В апреле 1806 г. Шеллинг оставил Вюрцбург и переехал в Мюнхен в качестве члена Баварской академии наук.

⁶ Тильзитский мир между Францией и Пруссией был заключен только 7. VII. 1807 г.

⁷ «Феноменология духа».

31 (84)

¹ К «Феноменологии духа».

33 (89)

¹ Нитхаммер рекомендовал Гегеля на место редактора «Бамбергской газеты» («Bamberger Zeitung»).

² Шельвер, профессор Йенского университета и устроитель ботанического сада, отказался в январе 1807 г. от своей должности. В письме к Гёте Гегель в то же время предлагал предоставить ему это место, с тем чтобы Гегель «мог вновь обратиться к своим ботаническим занятиям...».

³ Нитхаммеру было предложено место референта при «тайном учебном бюро» в Мюнхене, после того как было распущено готовившее клерикальную реформу школы «Общество школьного плана». Об этом Нитхаммер писал Гегелю 16. II. 1807 г.

⁴ Юлиус — сын Нитхаммера.

34 (90)

¹ Этот план не осуществился, а переезд в Гейдельберг состоялся только в 1816 г.

² Дальнейшее связано с письмом Шеллинга от 11. I. 1807 г. В своем письме Шеллинг в свою очередь описывает опыты физика и натурфилософа И. В. Риттера, которые должны были продемонстрировать существование всеобщей полярности в природе и доказать связь между «животной чувствительностью» и «анорганическим магнетизмом». «Человек, — пишет Шеллинг, — действительно, словно солнце, выступает вперед всех прочих существ, — они — его планеты... Начинается *physica coelestis* или *urania* — после прежней *terrestris* [небесная — после земной]».

³ См. прим. 1 к письму 30.

⁴ «Сидеризм» — так назвал Риттер явления, связанные со всеобщей одушевленностью природы (универсальный «магнетизм»). В своих опытах Риттер, опираясь на общую натурфилософскую теорию Шеллинга о трех ступенях динамического процесса в неорганической и органической природе, пытался установить связь между «органической» чувствительностью и «неорганическим» магнетизмом. Риттер проводил опыты (описанные также и Шеллингом) с итальянским медием Кампетти (который «чувствовал» воду и металл под землей и оказался обманщиком), комментировал книгу К. Аморетти о «животной электрометрии» (1809), издавал журнал «Сидеризм» (в 1808 г.).

⁵ «К учению о цвете», т. 1—2. Тюбинген, 1810.

⁶ Работы по морфологии вышли значительно позднее (журнал по морфологии выходил в 1817—1824 гг.).

¹ «Феноменология духа».

¹ В письме Шеллинга от 22. III. 1807 г.: «Самое глубокое во всем этом деле — несомненное, немеханическое, магическое воздействие воли... Маятник... действует как произвольно движущийся мускул, а мускулы в свою очередь — настоящие волшебные палочки». Шеллинг рекомендовал Гегелю статью своего брата Карла о животном магнетизме в «Ежегодниках медицинской науки» за 1807 г.

² «Феноменология духа».

¹ Речь идет об условиях работы Гегеля в качестве редактора «Бамбергской газеты».

¹ К написанию курса логики («Философской пропедевтики») для учащихся Гегель приступил лишь в 1808 г., став директором Нюрнбергской гимназии.

² Тильзитский мир был заключен 7. VII. 1807 г., т. е. за день до написания письма.

³ Новый устав Мюнхенской академии наук был опубликован 27. VII. 1807 г. Промедление было связано с трениями между католическими и протестантскими богословами, с нежеланием клерикальной партии иметь протестанта Якоби во главе академии.

¹ Т. е. Якоби.

² «Да процветает!» (лат.).

³ Речь была издана брошюрой — *Jacobi. Über gelehrte Gesellschaften ihren Geist und Zweck...* München, 1807 («Об ученых обществах, их духе и цели». Мюнхен, 1807).

¹ Отец философа Л. Фейербаха, известный юрист.

¹ Переиначены слова Евангелия от Матфея, VI, 33.

² Военные действия не были начаты.

³ Кнебель работал над переводом поэмы «О природе вещей» Лукреция (издано в 1821 г.).

⁴ Карл — сын Кнебея.

¹ Речь Шеллинга «Über das Verhältniß der bildenden Künste zu der Natur» («Об отношении изобразительных искусств к природе») была прочитана в королевской Академии наук в Мюнхене 12. X. 1807 г.

¹ Имеются в виду реформа баварского государства по французскому образцу и школьная реформа, подготовлявшаяся Нитхаммером.

¹ *K. Rottmanner. Kritik der Abhandlung F. H. Jacobis über gelehrte Gesellschaften. Landshut, 1807 (Роттманнер. Критика трактата Якоби. Ландсхут, 1807).*

² Характерна противоположная оценка у Шеллинга: «Таких, как он, приятно видеть здесь, печально, однако, что наконец дети и несовершеннолетние должны кричать о том, чего не желают видеть взрослые и старики» (в письме Виндишманну, 31. XII. 1807 г.).

³ Гегель имеет в виду точку зрения романтического движения (он не мог знать тогда статью Новалиса «Христианский мир и Европа» (1799), которая была напечатана только в 1826 г.).

⁴ Относительно планов смещения Шеллинга с должности в настоящее время ничего не известно.

¹ Гегель имеет в виду брошюру Роттманнера, критиковавшего Якоби, сторонника протестантизма (см. письмо 48).

² «Moniteur» — парижская газета, основанная в 1789 г. и ставшая официальным органом правительства Наполеона в 1800 г.

³ В оригинале игра слов: Press-Freiheit и Fress-Freiheit.

¹ В «Бамбергской газете» за 8. II. 1808 г. говорилось о предстоящем введении в странах Рейнского союза «Кодекса Наполеона».

¹ Реформы Наполеона предусматривали устранение церкви из системы образования, что, однако, в полной мере не удалось.

¹ Гегель имеет в виду учебник философии К. Вайллера (1804), пытавшегося осуществить в Баварии реакционную школьную реформу; Вайллера Гегель называл философским обскурантом.

² *Платнер. Учебник логики и метафизики. Лейпциг, 1795.*

¹ Посвященные критическому обзору научных сочинений «Гейдельбергские ежегодники литературы» выходили начиная с 1808 г. под редакцией теолога Фр. Г. К. Шварца при участии

Крейцера, Дауба, Тибо, а также Фр. и А. В. Шлегеля, Гёрреса, Шеллинга, Гегеля.

² См. прим. 3 к письму 40 и прим. 1 к письму 45. Против сочинений Якоби и Шеллинга были выпущены брошюры К. Роттманнером (см. прим. 1 к письму 48) и И. С. фон Риттерсхаузенем («Испытание речи господина профессора Шеллинга». Мюнхен, 1808). Эти брошюры были отрецензированы в «Гейдельбергских ежегодниках» Л. А. фон Арнимом.

³ Имеется в виду написанное по-французски «Сравнение Федры» Расина и «Федры» Еврипида (Париж, 1807).

⁴ *H. Steffens. Grundzüge der philosophischen Naturwissenschaft in Aphorismen* (Х. Стеффенс. Основные черты философского естествознания в афоризмах. Берлин, 1806). Эта книга была предметом беседы Гегеля и Гёте в августе 1806 г. *G. H. Schubert. Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft* (Г. Г. Шуберт. Взгляды на скрытую сторону естествознания. Дрезден, 1808) — центральное произведение романтической психологии в начале XIX в. В «Гейдельбергских ежегодниках» помещена рецензия Виндишманна.

⁵ Гегель не написал ни одной из предложенных рецензий.

54 (127)

¹ Вызвавшая скандал статья (от 19. VIII. 1808 г.) сообщала о месторасположении трех армейских соединений в Баварии.

60 (141)

¹ Подписанный 4. XI. 1808 г. приказ о назначении Гегеля ректором и профессором гимназии в Нюрнберге.

61 (144)

¹ Учебный план был разработан Нитхаммером: согласно этому плану, гимназия предусматривала два типа учебной подготовки, напоминавшие позднейшие «классическую» и «реальную» гимназии.

62 (146)

¹ Эрланген до 1810 г. управлялся французскими военными властями.

² См. письмо 54. Запрет «*Bamberger Zeitung*» был началом цензурных преследований, начавшихся в ноябре 1808 г.

³ В ноябре 1808 г. Гегель был вынужден давать объяснения касательно статьи, перепечатанной из газет Эрфурта и Готы (см. письмо 59).

63 (147)

¹ «Философская пропедевтика» (см. наст. том) не была опубликована при жизни Гегеля. В Нюрнберге Гегель завершил работу над «Наукой логики».

64 (151)

¹ Речь Гегеля — см. том I настоящего издания, стр. 397—410.

² Имелись в виду планы Гегеля о расширении и перестройке помещений гимназии.

³ Университет в Альторфе был упразднен декретом от 24. IX. 1809 г.

⁴ Венский мир был заключен 14. X. 1809 г.

⁵ Каролина Шеллинг скончалась 7. V. 1809 г.

65 (152)

¹ Ван Герт был назначен секретарем трибунала полиции и судьей первой инстанции по жалобам.

67 (158)

¹ Рецензия Виндишманна на «Феноменологию духа» появилась в № 31—34 «Йенской всеобщей литературной газеты» за 1809 г. и составляла 64 стр. мелким шрифтом.

² *Windischmann. Untersuchungen über Astrologia, Alchemie und Magie...* Frankfurt, 1813 (*Виндишманн. Исследования об астрологии, алхимии и магии...* Франкфурт, 1813).

68 (166)

¹ В 1810 г. Голландия была включена в состав французской империи.

69 (167)

¹ В письме от 23 мая 1807 г. (!) Синклер просил Гегеля прислать ему «Феноменологию духа».

² В 1806—1807 гг. Синклер издал под псевдонимом три исторические трагедии, а в 1811 г. — трехтомную метафизику «Wahrheit und Gewißheit» («Истина и достоверность»).

70 (186)

Письмо адресовано Марии фон Тухер, которая в апреле 1811 г. дала согласие стать женой философа.

71 (192)

¹ Гегель получил от ван Герта амстердамское издание сочинений Бёме (1715).

73 (196)

¹ Нитхаммер активно способствовал женитьбе Гегеля.

² *J. F. Fries. System der Logik.* Heidelberg, 1811. (*Фриес. Система логики.* Гейдельберг, 1811).

³ Первый том «Науки логики».

⁴ Центнер — тайный советник, возглавлявший в департаменте внутренних дел отдел, ведающий учебными заведениями.

76 (211)

¹ Речь идет о докладе Гегеля «О преподавании философии в гимназиях» (см. т. 1 наст. изд., стр. 563—574).

77 (215)

¹ См. письмо 65, примеч. 1.

² *Bode* (Bode), *Иоганн* — автор многих учебников по астрономии: «*Kurzer Entwurf der astronomischen Wissenschaften*». Berlin, 1794, и др.

79 (218)

¹ Намек на Мемеля, профессора философии в Эрлангене, бывшего домашнего учителя у министра фон Гарденберга.

80 (219)

¹ Войска России и Пруссии, объявившей войну Наполеону.

81 (225)

¹ Восставший народ изгнал французов из Голландии, и 31. XI. 1813 г. власть была передана принцу Вильгельму Оранскому. Гегель положительно относился к нововведениям Наполеона и сожалел о его поражениях.

82 (227)

¹ Цшокке выступил в печати против попыток лишить самостоятельности швейцарский кантон Ааргау.

83 (229)

¹ Слух не был ложным. С 25 марта началось интенсивное преследование французских войск, и 31. III. 1814 г. войска союзников вступили в Париж.

² Баварскому генералу графу Вреде было присвоено звание фельдмаршала.

84 (230)

¹ К этому времени относится капитуляция Наполеона; отношение Гегеля к перспективам дальнейшего общественного развития резко скептическое. Его позиция сопоставима с позицией Гёте, противостоявшего националистическому угару.

86 (235)

¹ Университет в Эрлангене находился в тяжелом материальном положении, и назначение Гегеля было маловероятным.

87 (241)

¹ Примечание к стр. XVII «Науки логики» (т. 1), содержащее резкий выпад против Фриза, снято во втором издании.

² Намек на работу Фриза «*Wissen, Glaube, Ahnung*». Jena, 1805 («Знание, вера, предчувствие». Йена, 1805).

³ Т. е. в Гейдельберге — после встречи в Йене, Бамберге и Нюрнберге.

⁴ Намек на Фриза, основанный на игре слов: Фриз — фризский.

⁵ Бавария безуспешно претендовала на Великое герцогство Баденское в Рейнпфальце (в состав этого герцогства входил Гейдельберг).

⁶ Паулюс рецензировал брошюры, касавшиеся подготовлявшегося Венского конгресса, между прочим, такого содержания: «Надежды и пожелания касательно организации будущего государственного союза», «Что еще остается пожелать немецкому отечеству?» или «О немецкой одежде и нравах».

⁷ Ирония Гегеля относится к работе Венского конгресса, открывшегося 18. IX. 1814 г., на который многие возлагали нереальные надежды. Гегель позволяет себе иронизировать и по поводу рецензий Паулюса.

88 (246)

¹ Стих из Горация («О поэтическом искусстве», 139): «Бременеют горы, рождается смешная мышь». Речь идет о мелких переделах немецких земель на Венском конгрессе.

89 (250)

¹ Паулюс рецензировал сочинения о иезуитах в «Heidelberger Jahrbücher» («Гейдельбергских ежегодниках») за 1815 г.

² «Логику» Гегеля рецензировал Фриз (в том же 1815 г.), назвавший ее «метафизикой, изложенной догматически»: Гегель неправильно, мол, понимает сам себя и забывает свою «Феноменологию духа».

³ «Шаги тех, кто вынесет тебя, уже у дверей» (лат., библ.).

⁴ Имеется в виду Фриз с его похвалами философских сочинений Боутервека, Э. Г. Шульце, Герберта. Слова о дереве взяты из Евангелия.

90 (251)

¹ Рецензии: Фриза (см. примеч. 2 к письму 250) в «Гейдельбергских ежегодниках»; анонимная в «Йенской всеобщей литературной газете» (1813); анонимная (вероятно, Круг) в «Лейпцигской литературной газете» за 1813 г. Все три — резко отрицательные.

² Сочинений Виндишманна «Gericht des Herrn über Europa» («Суд господень над Европой». Франкфурт, 1813).

91 (255)

¹ Якоби начиная с 1812 г. издавал собрание своих сочинений.

¹ После пребывания в 1807 г. в Карлсбаде Гёте привез в Йену коллекцию минералов, перечень которых (около 100 названий), как предполагают, через Кнебеля послал Гегелю. В дальнейшем Гёте заботился о расширении этих коллекций.

13 июня Гегель по просьбе Паулюса написал ему два письма. Одно доверительно сообщало о доходах (см. письмо 95). Другое было предназначено для университетского начальства в Гейдельберге.

Данное письмо дано в переводе В. И. Башилова.

¹ Гегель имеет в виду антинаполеоновские настроения.

² «Отталкивая истину, ее целуешь» (фр.).

¹ Гегель имеет в виду интриги противников Нитхаммера по поводу введения его нового школьного плана.

² Речь идет о докладе Гегеля «О начале школьного года (1815/16 г.) в гимназиях».

¹ Речь идет о лекциях в Гейдельбергском университете, куда на должность ординарного профессора был приглашен Гегель. Дауб занимал должность проректора университета.

¹ 13. VIII. 1816 г. правительство герцогства Баденского одобрило назначение Гегеля профессором философии в Гейдельберг.

¹ Гегель начал лекционный курс торжественным обращением к весьма малочисленной аудитории. В этом семестре Гегель читал «Энциклопедию философских наук» и «Историю философии».

¹ С переводом в Гейдельберг Гегель принял на себя редактирование философской части «Гейдельбергских ежегодников».

² *Понпо Э. Ф.* Критические наблюдения над Фукидидом (Лейпциг, 1815). Впоследствии Понпо издал Фукидида (в 1820—1830 гг.).

¹ Отзыв Гегеля о теории Гёте в «Энциклопедии философских наук» (§ 220 и сл.) был сообщен поэту С. Буассере.

² Вторая тетрадь первого тома издания Гёте «Zur Naturwissenschaft überhaupt» («О естествознании в целом»), 1817.

Данное письмо — первое из ряда писем Гегеля и Гёте, посвященных учению о цвете (см. также прим. 15 к стр. 177 наст. тома).

¹ Гёте продолжал заниматься неразрешенными проблемами отражения и преломления света, чем увлек и Гегеля. В письме Буассере (1. VII. 1817 г.) Гёте пишет: «Коль скоро теперь и высшая философия оставляет за светом его самостоятельность и неразложимость, наша игра выиграна и мы во всей своей наивности можем способствовать достижению самого высшего взгляда на вещи. Что особенно интересно — этот чистый свет идет из Гейдельберга...»

² Результаты опытов французского физика Малю с отражением лучей и двойным преломлением были изложены в январском номере «Bulletin de la Soc. Philomatique» за 1809 г., а также в газете «Moniteur» (№ 72, 73, 243, 247) за 1811 г.

³ Опыты с двойным преломлением. Статья Гёте «О двойном преломлении ромбического известкового шпата» (1817) — в пересланном Гегелю выпуске (см. прим. 2 к письму 103).

⁴ *Энтоптический* (по аналогии с эпюптическим) — введенный Гегелем и принятый Гёте термин для обозначения цвета, получаемого при поляризации света, или, как поясняет Гёте, для цвета, «который можно видеть внутри известковых тел».

⁵ Перечень карлсбадских минералов, который Гегель получил в Бамберге через посредство Кнебеля.

105 (329)

¹ Речь идет об итогах работы Вюртембергского сословного собрания (см. том I наст. изд., стр. 427—562).

² Такой работы Паулюса нет. Скорее всего Гегель продолжает здесь иронизировать над Паулюсом с его рецензированием мелких и несущественных брошюр (ср. письмо 87).

106 (330)

¹ Упомянутые Гегелем книги: *Benedict. Commentarii in Thucydidis* (Бенедикт. Комментарий на Фукидида. Лейпциг, 1815), *Savigny. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter* (Ф. К. фон Савиньи. История римского права в средние века. Гейдельберг, 1815).

² *Hugo. Lehrbuch eines civilistischen Cursus* (Гуго. Курс истории римского права до Юстиниана. Берлин, 1818). *Ego же*. «Курс истории римского права после Юстиниана» (Берлин, 1818).

³ *Fichte. Die Tatsachen des Bewußtseins* (Фихте. «Факты сознания». Лекции 1810—1811 гг., изд. в 1817 г.). *Johannes von Müller. 24 Bücher der allgemeinen Geschichte* (Иоганнес Мюллер. Двадцать четыре книги всеобщей истории) (посмертное издание, начавшееся в 1817 г.).

⁴ Эту книгу Гегель использовал при создании своего сочинения (см. том I наст. изд., стр. 427—562).

Письмо написано по-французски. С Кузеном Гегель познакомился и подружился в 1817 г. в Гейдельберге.

¹ *Fischhaber*. «Zeitschrift für Philosophie», Hft. 1—4. Stuttgart, 1818—1820.

109 (347)

¹ Приехав в Берлин, Гегель поселился на углу Фридрихштрассе и Лейпцигерштрассе. Впоследствии он перебрался ближе к университету — Ам Купферграбен, 4.

110 (351)

¹ Будучи проездом в Йене, Гегель вместе с женой нанес визит Гёте в Веймаре (23.IX.1818 г.). Об этой встрече Гёте писал Фромманну (в письме от 24.IX.1818 г.): «Я имел удовольствие краткий миг лицезреть дорогую супружескую чету Гегелей, — с каким бы удовольствием я побеседовал бы с ними подольше!»

111 (355)

¹ «Основы философии права». Книга вышла в 1820 г.

² Якоби умер 10. III. 1819 г.

112 (357)

¹ Хинрикс читал лекции по философии религии в Гейдельбергском университете.

113 (358)

Совершенное студентом Зандом убийство русского дипломата и немецкого писателя Коцебу (23. III. 1819) повело к преследованию студенческих союзов — «буршеншафтов». В этой сложной обстановке (ср. письмо 114) Гегель вел себя гибко и не одобрял ни радикализма студентов, ни полицейских репрессий. В настоящем письме Гегель берет под защиту студента Густава Асверуса, сына своего йенского друга. Схваченный во время волны арестов, но освобожденный под залог (предоставленный Гегелем), Асверус был осужден 8. XII. 1824 г. на 6 лет заключения в крепости; впоследствии он был оправдан судом высшей инстанции. Гегель принимал активное участие в его судьбе.

114 (359)

¹ *F. Creuzer*. Symbolik und Mythologie der alten Völker (Ф. Крейцер. Символика и мифология древних народов, изд. 2. Лейпциг и Дармштадт, 1819) и «Abbildungen» (Изображения) к «Символике и мифологии» (60 таблиц).

² Работа Крейцера вызвала бурный протест И. Г. Фосса, который позднее написал книгу под названием «Antisymbolik» («Антисимволика», 1824).

³ K. Ritter. Die Erdkunde im Verhältniß zur Natur und zur Geschichte des Menschen... 2 Tle. (Карл Риттер. География в отношении к природе и к истории человека... Берлин, 1817).

⁴ В это время Гегель читал «естественное право» и «энциклопедию» и имел соответственно 62 и 40 постоянных слушателей.

⁵ Фриз и его ученики Люден, Окен, де Ветте рассматривались как вдохновители студенческого «демагогического» движения. Де Ветте направил сочувственное письмо матери Занда, за что был уволен из Берлинского университета.

⁶ В Дармштадте не раз происходили сборы радикальных и националистически настроенных студентов-буршеншафтеров.

⁷ Специальная комиссия для расследования студенческого движения на всей территории Германии.

⁸ Эта поездка состоялась в августе — сентябре 1819 г.

115 (361)

¹ Столкновение между Гегелем и Шлейермахером произошло по поводу увольнения де Ветте. Гегель заявил, что правительство имеет право отстранить преподавателя от работы, если при этом сохраняет за ним оклад. Шлейермахер назвал это низостью. Гегель ответил не менее резко. Придя домой, Шлейермахер написал эту записку.

117 (363)

¹ См. письмо 112.

² См. письмо 114 и прим. 5 к нему.

118 (373)

¹ Гёте посылает Гегелю третий выпуск «Zur Naturwissenschaft überhaupt» («О естествознании в целом»), содержащий статью «Энтоптические цвета».

² Упоминаемое открытие (сделанное Зеебеком) касается энтоптических свойств стекла (см. прим. 4 к письму 104).

119 (374)

¹ «Grundlinien der Philosophie des Rechts» («Основы философии права». Берлин, 1820).

121 (381)

Это письмо Гегеля Гёте опубликовал (в сокращении) в четвертом выпуске «О естествознании вообще».

¹ См. письмо 118.

² См. прим. 2 к письму 104.

³ Рассказ Гёте, помещенный им в конце раздела «К истории учения о цветах» (глава «Признание автора») и призванный опровергнуть ньютоновское представление о разложении цвета. Бюттнер — советник в Йене, одолживший Гёте свои оптические приборы.

⁴ Намек на коллекции минералов, собранные Гёте (см. прим. к письму 93).

⁵ Имеется в виду работа К. В. Нозе «Historische Symbole die Basaltgenese betreffend, zur Einigung der Parteien dargeboten» («О генезисе базальта»). Гёте отвечал Нозе на поставленный вопрос о возможностях человеческого познания, которое отстает, с точки зрения Нозе, перед непостижимым, что исследование не знает границ.

⁶ Ср. Журден из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» (этот пример упоминается и в «Эстетике» Гегеля).

122 (383)

¹ Присланная Хинриком работа, которой Гегель дал заголовок «Die Religion im inneren Verhältnisse zur Wissenschaft...» («Религия в ее внутреннем отношении к науке»), в 1822 г. была издана с предисловием Гегеля.

² «Neue Berliner Monatschrift für Philosophie, Geschichte, Literatur und Kunst» («Новый берлинский ежемесячник философии, истории, литературы и искусства») под ред. Фр. Фёрстера, выходил с 1821 г.

123 (384)

Гёте прислал Гегелю бокал из желтого карлсбадского стекла и стеклянную призму для наблюдения спектральных явлений. Письмо написано секретарем, приписка — рукой Гёте.

124 (387)

¹ Письмо Дауба от 30.IX.1820 г. и книга К. Daub. Judas Ischarioth oder das Böse im Verhältnis zum Guten («Иуда Искариот, или Зло в отношении к Добру». Гейдельберг, 1817).

² Книга не была издана.

³ Fr. Schleiermacher. Der christliche Glaube nach den Grundsätzen der evangelischen Kirche im Zusammenhange dargestellt (Фр. Шлейермахер. Христианская вера, последовательно изложенная согласно с принципами евангелической церкви. Берлин, 1821).

⁴ Ср. Шиллер. Ксении, № 72 («Дух и буква»).

⁵ Статья «Учение о богоизбранничестве» в «Теологическом журнале» (Берлин, 1819), по-видимому, принадлежит де Ветте.

⁶ «Гейдельбергские ежегодники» за 1820 г. были напечатаны на очень плохой бумаге. Рецензия «Философия права» (в 1821 г.) принадлежит Паулюсу, который упрекает Гегеля в отсутствии оригинальности и полемизирует с его отождествлением разумного и действительного.

⁷ Берлинский юрист Т. А. Г. Шмальц опубликовал в 1815 г. сочинение о политических союзах, стремившееся очертить передовые и революционные настроения общества в период после наполеоновских войн. Против Шмальца выступили Нибур, Шлейермахер, Круг и др. «Шмальцевское товарищество» — здесь синоним самых реакционных сил общества.

⁸ Каровэ как деятелю «буршеншафтов» прусское правительство запретило заниматься преподавательской деятельностью. Гегель помогал Каровэ, как и Асверусу.

125 (389)

Крейцер издал в 1820 г. комментарии к «Алкивиаду» Платона — Прокла и Олимпиодора.

² Лекции Гегеля по эстетике были изданы лишь после его смерти (в 1835—1838 гг. Г. Г. Гото).

³ См. прим. 2 к письму 114.

⁴ Ответ Крейцера на нападки Фосса — брошюра из восьми страниц под названием «Фоссиана с примечаниями» (1821).

⁵ Ц. В. Г. Феннер, не имевший ученой степени, начал читать в Берлинском университете философские лекции, которые были запрещены после того, как выяснилось, что его документы фальшивы. Когда изгнанный факультетом Феннер объявил в газетах о своем намерении читать «лекции по философии Окена для дам», это было поводом для издания королевским приказом, запрещающего философию Окена во всех прусских университетах и вновь подтверждавшего намерение бороться с атеистическими тенденциями в философии (ср. прим. 5 к письму 114).

⁶ Гегель находился в Дрездене с 27. VIII по 11. IX. 1820 г.

126 (390)

¹ «Комментаторы», «истолкователи» — лат.

² Студенческие волнения (см. прим. к письму 113).

³ Имеется в виду сочувственное письмо де Ветте к матери студента Занда, убившего Коцебу.

⁴ Речь идет о Хеннинге.

⁵ См. прим. 5 к письму 125.

127 (393)

¹ См. письмо 123 и прим. к нему.

² Имеется в виду полемик Фосса с Крейцером, см. письмо 125.

³ В работе Крейцера о Дионисе (Гейдельберг, 1809) раздел о «кратере, бокале, вазах как символах мира».

⁴ Боги древнеперсидской религии. Гёте к подобным истолкованиям относился скептически.

⁵ *Berger. Grundlage zur philosophischen Erkenntnis (Berger. Основы философского познания. Гамбург и Альтона, 1821) и C. H. Pfaff. Über Newtons Farbentheorie, Herrn von Goethes Farbenlehre und den chemischen Gegensatz der Farben... (К. Г. Пфафф. О теории цвета Ньютона, учении о цвете Ф. Гёте и химической противоположности цветов... Лейпциг, 1813).*

⁶ Гёте действительно намеревался написать историю полемики вокруг его учения о цвете.

⁷ Предложение Гегеля совпадало с планами Гёте. Фон Хеннинг был введен самим Гёте в круг проблем его учения

о цвете, в 1821—1822 гг. читал в Берлине лекции об этом учении и в 1822 г. опубликовал введение к ним.

⁸ 28 августа — день рождения Гёте. Далее неясно написанные слова.

129 (409)

¹ Предисловие к работе Хинрикса. См. прим. 1 к письму 122.

130 (410)

¹ Шлейермахер. Ср. письмо 129.

131 (413)

¹ Приглашая в Берлин, Альтенштейн сулил Гегелю избрание в Академию наук, что повлекло бы за собой значительное увеличение оклада. Вследствие противодействия Шлейермахера это обещание осталось невыполненным.

² После обращения Альтенштейна к канцлеру Гарденбергу Гегелю было пожаловано по 300 талеров на 1821 и 1822 гг. Ср. след. письмо.

132 (421)

¹ Гегель был приглашен эстляндским дворянином, своим слушателем Б. фон Иксулем. Поездка в Россию не осуществилась. Ф. фон Баадер, отправившийся в Петербург в 1823 г., не был допущен туда.

² К работе Хинрикса (см. прим. 1 к письму 122).

³ Выступавшие против Гегеля «демагогические» силы, поддерживавшие свою полемику с Гёте политическими аргументами и личными выпадами.

⁴ В это время вышла вторая часть «Сочинений» Гамана, издаваемых Ф. Ротом (см. статью Гегеля в томе 1 наст. изд., стр. 575—642).

133 (422)

¹ Здесь и ниже в квадратных скобках добавления из черновика.

134 (425)

¹ См. письмо 122.

135 (432)

¹ «О естествознании вообще», 1822.

² Помещенное в четвертом выпуске письмо Гегеля Гёте (см. прим. к письму 121).

³ См. прим. 7 к письму 127.

⁴ Эти статьи Гегеля остались неизвестными.

136 (431)

Начинающийся здесь ряд писем Гегеля жене составляет как бы дневник его путешествия в Бельгию и Голландию.

¹ Magd — по-немецки «дева».

² Гегель видел гробницу архиепископа Эрнста (1497) в Магдебургском соборе.

137 (433)

¹ Наполеон подарил своей жене Жозефине украденные в Касселе картины, которые были проданы ею Александру I.

139 (436)

¹ Об этой первой личной встрече Виндишманна и Гегеля первый писал Ф. Боппу, что беседа их привела к подлинному взаимопониманию при всех расхождениях и что Гегель как человек произвел на него весьма приятное впечатление.

² Кёльнский собор стоял недостроенным.

³ Картины, принадлежавшие Валльрафу, находятся в кёльнском музее Валльраф-Рихартца. «Умиравшая Мария» — в эпоху Гёте приписывалась Яну ван Скорелю; атрибутируется теперь Йоосу ван Клеве Старшему (ум. 1540—1541). У Буассере — триптих «Смерть Марии».

140 (437)

¹ Не установлено, о каких картинах Корреджо идет речь. Картины Корреджо в Сансуси считаются теперь копиями.

141 (438)

¹ Действительный мастер гробницы графа Энгельберта Нассауского и его жены неизвестен. В «Лекциях по эстетике» Гегель дает подробное описание этого памятника.

142 (439)

¹ Сын Гегеля.

145 (470)

¹ *Windischmann. Über etwas, was der Heilkunst nottut; ein Versuch zur Vereinigung dieser Kunst mit der Philosophie* (Виндишманн. О том, что так необходимо медицине; опыт соединения искусства медицины с философией. Лейпциг, 1824).

146 (471)

¹ Отиллия фон Гёте — жена сына Гёте Августа.

² Речь идет о посланных Гегелем Гёте трех статьях по проблемам учения о цвете (см. прим. 4 к письму 135).

147 (479)

С этого письма начинается «венский дневник» Гегеля.

¹ «Олимпия» — опера Спонтини.

149 (481)

¹ «Закусочных» (франц., фамильярн.).

² В то время — пригороды Берлина.

¹ Кузен был арестован на территории Саксонии в Дрездене 15. X. 1824 г. и перевезен в Берлин. Его подозревали в связях с немецкими радикалами. Несмотря на скандальность ареста, Кузен был освобожден только в феврале 1825 г.

² Ср. письмо 108.

³ Начиная с 1822 г. Кузен издавал перевод Платона; в 1824—1827 гг. — собрание сочинений Декарта; наиболее значительным было шеститомное издание неоплатоника Прокла в 1820—1827 гг.

¹ Ср. письмо 146. В дневнике Гёте (28. VI. 1825 г.): «Г-н Кузен по пути из Берлина привез письмо Гегеля».

² Издания Гёте: «Über Kunst und Altertum» («Об искусстве и древности»), 2 и 3 выпуски тома 4 (1823—1824) и два выпуска тома 11 «О естествознании вообще» (1823—1824).

³ Некоторые письма Шиллера Гёте были опубликованы в первом выпуске тома 5 «Об искусстве и древности» (1825). Полностью переписка Гёте и Шиллера вышла в шести частях в 1828—1829 гг.

¹ Вышло в 1825 г.

² Второй выпуск тома 11 «О морфологии» (1824).

³ *James Tod. Translations of a Sanscrit Inscription...* («Перевод санскритской надписи...»).

Письмо написано по-французски.

¹ Граф Санта Роза погиб в Греции в сражении при Наварине (25. V. 1825 г.).

Письмо написано по-французски.

¹ *Идиосинкразия* — здесь Гегель употребляет этот термин в смысле «особое свойство».

² Проспект издания Декарта. Ни одного экземпляра его не известно.

³ См. прим. 3 к письму 152.

⁴ Перевод «Символики и мифологии» Крейцера на французский язык, издававшийся в 1825—1851 гг.

⁵ Письмо Фридриха-Вильгельма II от октября 1825 г. было известно в многочисленных списках.

¹ Собрание было посвящено учреждению журнала «*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*» («Ежегодников научной критики»). В собрании принимали участие Бёк, Бопп, Хеннинг, Хуфеланд, Г. Лео, Мархейнеке, К. Риттер, Э. Ганс и др.

Участвовать в издании журнала согласились Гёте, В. фон Гумбольдт, А. В. фон Шлегель, Карус, Буассере, Крейцер, Ф. Рюкерт, Тибо и др. Журнал под редакцией Гегеля и Варихагена фон Энзе начал выходить с января 1828 г.: так осуществилась давняя мечта Гегеля.

158 (520)

Написано в Нюрнберге.

¹ Второе издание «Энциклопедии философских наук».

² Гёте защитил диссертацию о философии Декарта.

159 (531)

¹ Рецензия Гегеля на работу В. фон Гумбольдта «Об эпизоде из «Махабхараты», известном под названием «Бхагавад-гита» (Берлин, 1826), напечатана в «Ежегодниках научной критики» за 1827 г. (см. *Hegel. Berliner Schriften*, S. 134—201).

² Эта рецензия не была написана.

³ Рецензия Дауба на книгу: *Philipp Marheineke. Die Grundlehren der christlichen Dogmatik als Wissenschaft (Ф. Маргейнеке. Основные учения христианской догматики как науки. Берлин, 1827)* — в «Ежегодниках» за 1828 г.

⁴ «Theologische Studien und Kritiken» («Теологические работы и критика») — журнал, издававшийся с 1828 по 1936 г.

⁵ *K. A. Böttiger. Ideen zur Kunstmythologie (К. А. Бёттигер. Идеи мифологии искусства, т. I. Дрезден и Лейпциг, 1826); C. G. Eissner. Die alten Pelasger und ihre Mysterien (К. Г. Эйссер. Древние пеласги и их мистерии. Лейпциг, 1825).*

⁶ «Ежегодники научной критики».

161 (536)

¹ Журнал «Оры» («Норен»), издаваемый Шиллером, выходил в 1795—1797 гг.

² Издателей «Ежегодников» — ср. прим. к письму 157.

162 (540)

Гёте рекомендует Гегелю К. Э. Шубарта, автора изданной в 1820 г. книги «Zur Beurteilung Goethes in Beziehung auf verwandte Literatur und Kunst» («К оценке Гёте»), искавшего места преподавателя в прусских университетах. Гегель по этому поводу обращался к министру Альтенштейну, хотя его попытки не возымели успеха. С другой стороны, Гёте безмерно преувеличил способности Шубарта. В дальнейшем Шубарт в печати резко нападал на Гегеля.

163 (546)

¹ См. письмо 162 и примечание к нему.

² Медаль в честь пятидесятилетнего пребывания Гёте в Веймаре.

³ См. письмо 161.

⁴ В 1828 г. вышло (под редакцией Л. Тика) трехтомное собрание сочинений И. М. Р. Ленца, друга молодых лет Гёте.

⁵ В последние годы жизни Гёте был занят подготовкой своего Собрания сочинений (т. н. «Ausgabe letzter Hand»), выходявшего с 1827 г.

⁶ *Purkinje*. Beobachtungen und Versuche zur Physiologie der Sinne (*Пуркинье*. Наблюдения и опыты по физиологии чувств. Берлин, 1823—1825).

⁷ Во втором издании «Энциклопедии» с учением о цвете связаны § 317—320.

⁸ Хеннинг ничего не издал об «Учении о цвете», кроме введения к своим лекциям (1822), — см. прим. 7 к письму 127.

164 (547)

Письмо написано по-французски.

¹ Гегель имеет в виду предисловие Кузена к третьему тому перевода Платона, где Кузен упоминает о своем аресте, — см. прим. 1 к письму 152.

² «Философские фрагменты». Париж, 1826. Гегель не написал этой рецензии.

³ *J. J. Ampère*. Littérature et voyages en Allemagne et en Scandinavie (*Ампер*. Литература и путешествия в Германию и Скандинавию. Париж, 1834).

165 (552)

¹ Нитхаммер как старший консисториальный советник участвовал в работе генерального синода, где председательствовал Ф. фон Рот. Своего обещания написать статью для «Ежегодников» Нитхаммер не выполнил.

² Статью о Гамане см. том I наст. изд., стр. 575—642. Восьмая часть сочинений Гамана вышла, однако, только в 1845 г.

³ Речь идет о книге *F. v. Baader*. Vorlesungen über religiöse Philosophie in Gegensatz der irreligiösen älterer und neuerer Zeit (*Ф. фон Баадер*. Лекции о религиозной философии в противоположность иррелигиозной философии древних и новых времен, 1-я тетрадь. Мюнхен, 1827). В том же году в «Ежегодниках» была помещена рецензия Ф. Мархейнеке.

⁴ В Мюнхене состоялся конгресс естествоиспытателей. Начало конгрессам было положено в 1822 г. Океном.

⁵ Гегель имеет в виду, возможно, рецензию на книгу Пуркинье по физиологии зрения, помещенную в «Ежегодниках».

166 (555)

С этого письма начинается «дневник» путешествия во Францию.

70 (562)

¹ «Академия надписей» — основанная в 1663 г. «Малая академия»; реорганизованная в 1803 г. в «Академию надписей»

и художественной литературы» — научное и учебное заведение, занимавшееся разбором рукописей Национальной библиотеки, подготовкой специалистов-филологов по древним и восточным языкам. *Ремюза, Жан-Пьер-Абель* (1788—1832) — член этой «Академии» с 1814 г., известный китаевед.

² Вероятно, двухтомная «История французской революции до 1814 года» Минье. Париж, 1824 (*Mignet. Histoire de la Revolution française jusqu'en 1814*).

³ Письмо от 17. VIII. 1827 г., где Гёте благодарит за помощь в делах Шубарта.

173 (565)

¹ Работа неизвестного художника, приписывавшаяся Микеланджело.

175 (570)

¹ В 1825—1826 гг. Гегелю было предъявлено обвинение в очернении католической религии (присутствовавшим на его лекции священником).

² В одной из своих публичных лекций, прочитанных зимой 1827/28 г., Александр фон Гумбольдт выступил против умозрительной философии, назвав ее «метафизикой без знания и опыта». Имя Гегеля не было упомянуто, но философ почувствовал себя задетым и пожаловался Варнгагену. Гумбольдт решил пойти на хитрость и послал Гегелю (через Варнгагена) «заметки» к другой лекции, в которых, разумеется, подобной точки зрения не высказывалось.

176 (575)

Письмо написано по-французски.

¹ Ср. прим. 3 к письму 152 и прим. 1 к письму 164.

² Предреволюционная ситуация во Франции (перед 1830 г.). К власти во Франции в начале 1828 г. пришло умеренно либеральное правительство Мартиньяка.

³ После возвращения из второго путешествия по Германии (в 1820 г.) Кузену было неожиданно запрещено читать лекции в Сорбонне. Кузен вновь приступил к лекциям лишь в марте 1828 г.

⁴ Имеется в виду сочинение В. фон Гумбольдта «О природе грамматических форм и о духе китайского языка в особенности». Париж, 1827.

⁵ См. письмо 175.

177 (598)

¹ *Рафенштейн* — лейтенант полка кирасиров в Пазевальке, обратился к Гегелю с письмом 5. IV. 1829 г. «Даже в нашем маленьком городке, — писал он, — есть такие друзья науки, у которых нет большего желания, нежели поскорее иметь обещанную «Философию духа»».

² Работу Гешеля Гегель рецензировал в «Ежегодниках» за 1829 г.

¹ См. прим. 1 к письму 131.

¹ Об этом визите Шеллинг писал жене в августе 1829 г.: «Представь себе, я сижу в ванне, слышу несколько неприятный, чем-то знакомый голос, спрашивающий меня. Затем неизвестный называет себя — это Гегель из Берлина, который приехал сюда из Праги со своими родственниками и задержался на несколько дней проездом. После обеда он опять пришел, в большой спешке и необыкновенно дружески настроен, как будто между нами ничего не произошло. Но коль скоро на этот раз дело не дошло до научного разговора, в который я и не стану пускаться, а он в остальном человек вполне разумный, так я весьма приятно беседовал с ним в течение нескольких вечерних часов».

² Благодаря взятию Адрианополя (1829) была вскоре окончена русско-турецкая война и заключен мир.

¹ Гегель был ректором в 1829/30 учебном году. Он пользовался доверием как со стороны студентов, так и со стороны правительства, так что впервые после Карлсбадских решений 1819 г. не был назначен уполномоченный правительства при университете.

Письмо написано по-французски.

¹ *V. Cousin. Fragmens philosophiques (В. Кузен. Философские фрагменты. Париж, 1826) и Nouveaux Fragmens philosophiques («Новые философские фрагменты». Париж, 1828).*

¹ Гегель работал над статьей «Über die englische Reformbille» («Английский билль о реформах [парламента]»), первая часть которой была опубликована в «Preußischen Staatszeitung» («Прусской государственной газете», № 115, 116 и 118 за 1831 г.).

¹ Второе издание «Науки логики» у Котты в Штутгарте.

² Неспоконная обстановка в разных частях Европы — в частности, восстание в Польше.

³ Непопулярные меры баварского короля Людвига I, например препятствующие бракам между католиками и протестантами.

⁴ План такой реорганизации министерства иностранных дел не был осуществлен.

¹ В летний семестр 1831 г. Гегель читал логику и философию религии.

² Гегель с семьей выехал из Берлина за город в связи с опасностью холеры, от которой он и умер.

¹ Письмо это относится к опубликованию Гёте своих дневников («Tages — und Jahreshefte») в 31-м томе «Собрания сочинений»; рецензия Варнгагена на эти дневники появилась в «Ежегодниках научной критики» за 1831 г. Затронутое место касается обстоятельств ухода Фихте из Йены в 1799 г., изложенных у Гёте так, что виновником оказывается Фихте с его прямолинейным и недипломатичным поведением. Документы «спора об атеизме», в чем обвиняли Фихте, противоречат, как считал и Варнгаген, такому истолкованию фактов. Упомянутое письмо Фихте веймарскому правительству было написано философом в самых резких тонах, тем более что Фихте был убежден в неизбежности своей отставки. Фихте собирался переехать в Рудольштадт неподалеку от Йены, и веймарское правительство опасалось демонстративных выступлений студентов в его поддержку.

Последнее письмо Гегеля.

Зимой 1830 г. Гегель объявил курс философии права параллельно с курсом Ганса, но к нему записалось только 25 человек, и от чтения лекций он отказался. На зимний семестр 1831 г. Гегель снова объявил этот курс. Боясь повторения прошлогодней истории, Ганс в своем объявлении о лекциях рекомендовал студентам ходить на лекции к его учителю. Гегель обиделся и отправил Гансу это письмо.

Последняя записка, написанная Гегелем. К ней прилагался эпиграф ко второму изданию «Логики».

Письмо Гегеля, хранящееся в Центральном государственном архиве древних актов (Москва)

Оригинальный текст письма публикуется впервые. Русский перевод был впервые напечатан в журнале «Вопросы философии», 1958, № 11. Перевод А. В. Гулыги. Письмо адресовано, по-видимому, тайному советнику Иоганнесу Шульце, другу Гегеля. Эта записка сопровождала письмо Кристофа Людвига Фридриха Шульца Гегелю от 6 XII. 1830 (см. *Hegel. Briefe*, Bd. 3, № 658, 669). В своем письме Шульц написал Гегелю о просьбе профессора Марецолля перевестись из Гиссена в Боннский университет. В ответном письме (от 29. I. 1831 г.) Гегель писал Шульцу, что он по этому поводу советовался

с И. Шульце и рекомендовал Марецоллю непосредственно обратиться к последнему.

В этом же письме К. Шульц просил Гегеля выяснить, имеются ли в Берлинской библиотеке первые издания Витрувия (*Editio princeps*) или издание книги Фронтини об акведуках, вышедшее до 1513 г. Письмо К. Шульца было, по-видимому, впоследствии передано в библиотеку, так как на оригинале в верхнем углу имеются библиографические пометки (*Vitruvii ed. princ. 1486 и т. д.*). К. Шульц опубликовал впоследствии книгу «*Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatwissenschaft der Römer...*». Köln, 1833 («Основы исторической науки о римском государстве». Кёльн, 1833).

Упомянутый в письме Гегеля *Гирт Алоис* (1759—1839) — профессор археологии в Берлине.

¹ Речь идет о юбилейной медали, выбитой в честь 60-летия Гегеля.

Список лиц, упоминаемых в переписке Гегеля *

Айхштедт (Eichstädt), *Генрих Карл Авраам* (1772—1848) — филолог, профессор в Йене, издатель (1804—1832) «Йенских всеобщих литературных известий».

Альтенштейн (Altenstein), *Карл барон фон Штейн* цум (1770—1840) — прусский государственный деятель, с 1817 г. министр «духовных, учебных и медицинских дел». Сторонник философии Гегеля, имел с ним личные связи. Пригласил Гегеля в Берлин и всячески поддерживал его.

Архенгольц (Archenholz), *Йоганн Вильгельм фон* (1748—1812) — немецкий публицист и историк, издатель (с 1792 по 1811 г.) журнала «*Minerva*» (историко-политического содержания).

Асверус (Asverus), *Густав* (1798—1843) — студент в Гейдельберге и Берлине, член «буршеншафта», юрист.

Баадер (Baader), *Франц фон* (1765—1841) — романтик, католич. философ-мистик, с 1808 г. член Мюнхенской академии наук. В 1822 г. предполагалась его поездка в Россию (первоначально вместе с Гегелем), на пути из Эстляндии встреча с Гегелем.

Байард (Bayard), *Иосиф фон* (умер в 1815 г.) — тайный советник, правительственный чиновник в Бамберге, затем в Ансбахе.

Беер (Beer), *Генрих* — друг Гегеля.

Бергер (Berger), *Йоганн Эрих фон* (1772—1833) — учился в Йене, друг Фихте, сторонник Шеллинга и Стеффенса.

Бутервек (Bouterwek), *Фридрих* (1766—1828) — с 1797 г.

* В список включены адресаты Гегеля и наиболее важные для понимания писем лица, упоминаемые Гегелем и его адресатами.

профессор философии в Гёттингене, близок Якоби, автор много-
томной истории литературы и красноречия, курса эстетики и др.

Буассере (Boisserée), *Иоганн Сульпиц* (1783—1854) — зна-
ток искусства, изучавший средневековое искусство Германии
и Голландии. Вместе с братом Мельхиором (1786—1851)
создал ценнейшую художественную коллекцию, выставленную
в Гейдельберге, где ее видел Гегель (см. также «Путешествие
в области Рейна, Майна и Некара в 1815 году» Гёте).

Варнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense), *Карл Август*
(1785—1858) — дипломат, писатель, его дом в Берлине был
средоточием духовной жизни города; один из основателей
«Ежегодников научной критики».

Де Ветте (de Wette), *Вильгельм Мартин Леберехт* (1780—
1849) — профессор философии и теологии. С 1810 г. — в Бер-
лине. В 1819 г. уволен после выражения сочувствия матери
Занда, убившего Коцебу, с 1822 г. — в Базеле.

Виланд (Wieland), *Кристоф Мартин* (1733—1813) — выдаю-
щийся немецкий писатель, с 1772 г. — в Веймаре.

Виндишманн (Windischmann), *Карл Йозеф Иероним* (1775—
1839) — католич. философ, с 1803 г. — в Бонне. Близок Шел-
лингу, постепенно развивался в сторону Гегеля.

Винтер (Winter), *Кристиан Фридрих* (1773—1858) — кни-
готорговец с 1801 г., с 1815 г. — издатель в Гейдельберге.

Ганс (Gans), *Эдуард* (1798—1839) — ученик Гегеля, юрист,
с 1825 г. — профессор юриспруденции в Берлине. Один из
издателей посмертного собрания сочинений Гегеля.

Гарденберг (Hardenberg), *Карл Август фон*, князь (1750—
1822) — прусский госуд. деятель, канцлер.

Гегель (Hegel), *Карл* (1813—1901) и *Иммануил* (1814—
1891) — сыновья Гегеля.

Гегель, Кристиана (1773—1832) — сестра Гегеля.

Гегель, Мария, урожд. фон Тухер (Tucher) (1791—1855) —
жена Гегеля.

Гёльдерлин (Hölderlin), *Фридрих* (1770—1843) — великий
немецкий поэт, друг юности Шеллинга и Гегеля, связан с ними
общими философскими интересами.

Генрих (Heinrich), *Карл Фридрих* (1774—1838) — с 1818 г.
профессор философии в Бонне.

Гердер (Herder), *Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немец-
кий писатель и философ, с 1776 г. в Веймаре.

Герт ван (van Ghert), *Петер Габриэль* (1782—1852) — уче-
ник Гегеля в Йене. Чиновник, глава департамента римско-
католического культа. Популяризировал философию Гегеля,
основал несколько философских журналов.

Гёте (Goethe), *Иоганн Вольфганг фон* (1749—1832) — вели-
кий немецкий поэт, с которым Гегель познакомился во время
йенской профессуры; позднее Гёте переписывался с Гегелем
по вопросам учения о цвете.

Гото (Notho), Генрих Густав (1802—1873) — слушатель Гегеля, с 1829 г. — профессор эстетики, с 1858 г. — директор кабинета гравюр Королевского музея в Берлине; один из издателей посмертного собрания сочинений Гегеля.

Гумбольдт (Humboldt), Александр фон (1769—1859) — великий немецкий естествоиспытатель и путешественник.

Гумбольдт, Вильгельм фон (1767—1835) — прусский госуд. деятель, языковед, философ.

Дауб (Daub), Карл (1765—1836) — с 1795 г. профессор теологии в Гейдельберге, способствовал приглашению сюда Гегеля.

Дедерлейн (Döderlein), Людвиг (1791—1863) — приемный сын Нитхаммера, с 1815 г. — профессор филологии в Берне, с 1819 г. — в Эрлангене.

Дюбок (Duboc), Эдуард Казимир Бенъямин (1786—1829) — француз-эмигрант, владелец шляпной фабрики в Гамбурге, обратился к Гегелю с целью познакомиться с его философией. Личная встреча — в октябре 1822 г.

Зеебек (Seebeck), Томас Иоганн (1770—1831) — изучал естествознание и медицину, друг Гёте и Гегеля, в 1802—1810 гг. — в Йене, оптические опыты в духе Гёте; с 1812 г. — в Нюрнберге, разрыв с Гегелем; с 1818 г. — член Берлинской академии наук.

Зюскинд (Süskind), Иоганн Готтлоб (1773—1838) — друг Шеллинга; домашний учитель, позднее священник.

Икскюль (Uexküll), Борис фон — эстляндский землевладелец, учился в Гейдельберге у Гегеля.

Кампц (Kamptz), Карл Кристиан Альберт Генрих фон (1769—1849) — с 1817 г. директор департамента полиции в Берлине, крайний реакционер.

Каровэ (Carové), Фридрих Вильгельм (1789—1852) — юрист, слушатель Гегеля в Гейдельберге, затем его ассистент-«репетитор», один из руководителей «буршеншафта».

Кишхабер (Kieffhaber), Иоганн Карл Зигмунд (1762—1837) — чиновник в Нюрнберге, позднее советник и профессор в Мюнхене.

Кнебель (Knebel), Карл Людвиг (1744—1834) — поэт и философ, близкий друг Гёте.

Котта (Cotta), Иоганн Фридрих (1764—1832) — один из крупнейших немецких издателей, с 1811 г. — в Штутгарте.

Коцебу (Kotzebue), Август фон (1761—1819) — немецкий писатель, автор мещанских пьес, реакционер, дипломат на русской службе; убит студентом Зандом как русский «шпион».

Крейцер (Creuzer), Георг Фридрих (1771—1858) — с 1800 г. профессор в Гейдельберге, филолог, основоположник научного изучения мифологии.

Кузен (Cousin), Виктор (1792—1867) — франц. философ, пропагандировал немецкую философию; в 1817, 1818, 1824 гг. — поездки по Германии.

Мартин (Martin), *Кристоф Рейнгард Дитрих* (1772—1857) — с 1802 г. профессор права в Гёттингене, с 1805 г. — в Гейдельберге, с 1815 г. — в Йене.

Мёглинг (Mögling), *Фридрих Генрих Вольфганг* (1771—1813) — учился вместе с Гегелем и Шеллингом в Тюбингене, служил при вюртембергском дворе, с 1809 г. — профессор в Тюбингене.

Мемель (Mehmel), *Готтлоб Эрнст Август* (1761—1840) — с 1792 г. профессор философии и изящных наук в Эрлангене, с 1800 г. — редактор «Эрлангенских литературных известий». Близок Фихте.

Меркель (Merkel), *Пауль Вольфганг* (1756—1820) — нюрнбергский купец, имевший дружеские отношения с Гегелем; в 1818 г. — депутат ландтага.

Николаи (Nicolai), *Кристоф Фридрих* (1733—1811) — писатель, деятель берлинского Просвещения, к концу XVIII в. — на позициях консервативного рационализма.

Нитхаммер (Niethammer), *Фридрих Иммануил* (1766—1848) — с 1793 г. — профессор филологии в Йене, с 1795 г. — профессор теологии в Вюрцбурге, с 1806 г. — советник по школьным и церковным делам в Мюнхене, деятель прогрессивной школьной реформы (баварский «неогуманизм») Друг Гегеля.

Нитхаммер, Юлиус (1798—1882) — сын Ф. И. Нитхаммера.

Окен (Oken), *Лоренц* (1779—1851) — романтич. натурфилософ, близок Шеллингу.

Паулюс (Paulus), *Генрих Эберхард Готтлоб* (1761—1851) — профессор с 1789 г.; с 1808 г. — советник в Нюрнберге, которому подчинен был Гегель, с 1810 г. — профессор философии и теологии в Гейдельберге. Порвал отношения с Гегелем, позднее с Шеллингом.

Платнер (Plattner), *Эрнст* (1744—1818) — профессор медицины и философии в Лейпциге (с 1780 г.).

Пуркинье (Purkinje), *Йоганнес Евангелиста* (1787—1869) — чешский анатом, физиолог.

Раков (Rakow) — ученик Гегеля, ок. 1830 г. — комиссар юстиции.

Рафенштейн (Ravenstein) — ученик Гегеля, лейтенант прусской армии.

Ренц (Renz), *Карл Кристиан* (1770—1829) — учился вместе с Гегелем в Тюбингене, с 1795 г. — викарий в Маульбранны, с 1797 г. — репетитор в Тюбингене.

Риттер (Ritter), *Йоганн Вильгельм* (1776—1810) — натурфилософ, с 1804 г. — член Мюнхенской академии наук; ряд важнейших открытий в области гальванизма, электрохимии и т. д.

Риттер (Ritter), *Карл* (1779—1859) — профессор географии в Берлине, вместе с А. фон Гумбольдтом был основоположником научной географии.

Рот (Roth), Карл Иоганн Фридрих (1780—1852) — советник в Нюрнберге, с 1828 г. — президент протестантской консистории. Принадлежал к кружку Нитхаммера и Якоби. Издатель первого «Собрания сочинений» Гамана.

Савиньи (Savigny), Фридрих Карл фон (1779—1861) — юрист, основатель «исторической школы».

Санта Роза (Santa Rosa, de Rossi di Pomarolo), Санторре (1783—1825) — итальянский патриот, боровшийся за освобождение своей страны от Австрии, друг В. Кузена.

Синклер (Sinclair), Исаак фон (1775—1815) — друг Гегеля, Гёльдерлина, Шеллинга. В философии — сторонник Фихте, в поэзии — подражатель Шиллера и Гёльдерлина.

Стеффенс (Steffens), Генрик (1773—1845) — натурфилософ школы Шеллинга, друг Новалиса, с 1811 г. — профессор в Бреслау, с 1831 г. — в Берлине.

Таден (Thaden), Николаус фон (?—1848) — изучал философию и коммерцию, друг Рейнгольда. Интересовался философией Гегеля.

Тибо (Thibaut), Антон Фридрих Юстус (1774—1840) — ученик Канта, с 1798 г. — профессор юриспруденции, с 1806 г. — в Гейдельберге, друг Гегеля; известен и как музыковед («О чистоте музыки»).

Фейербах (Feuerbach), Ансельм фон (1775—1833) — известный юрист, отец философа Л. Фейербаха.

Фернов (Fernow), Карл Людвиг (1763—1808) — изучал искусство, путешествовал, с 1803 г. — профессор философии в Йене, с 1804 г. — библиотекарь в Веймаре.

Фёрстер (Förster), Фридрих Кристоф (1791—1868) — близок кружку Гегеля, с 1829 г. — хранитель Берлинского музея, один из издателей посмертного собрания сочинений Гегеля.

Фихте (Fichte), Иоганн Готтлиб (1762—1814) — в 1793—1799 гг. — профессор философии в Йене, откуда в результате «спора об атеизме» был уволен, с 1805 г. — в Эрлангене, с 1810 г. — в Берлине, здесь в 1811—1812 гг. — первый ректор университета.

Фишхабер (Fischhaber), Готтлоб Кристиан Фридрих (1779—1829) — профессор философии и древних литератур Штутгартской гимназии.

Фойгт (Voigt), Кристиан Готтлоб фон (1743—1819) — друг Гёте, куратор Йенского университета, госуд. министр в Веймаре.

Фойгт (Voigt), Фридрих Зигмунд (1781—1850) — профессор медицины, директор Ботанического сада в Йене (с 1807 г.).

Фосс (Voss), Иоганн Генрих (1751—1826) — немецкий поэт, переводчик Гомера и многих других античных авторов, с 1802 г. — профессор в Йене, с 1805 г. — в Гейдельберге, был близок Паулюсу, отрицательно относился к романтическому учению о мифологии Крейцера.

Фосс, Генрих («Младший») (1779—1822) — сын И. Г. Фосса, в 1804—1806 гг. — преподаватель гимназии в Йене, близок Гёте, Шиллеру и Гегелю, с 1809 г. — профессор филологии в Гейдельберге.

Фриз (Fries), *Якоб Фридрих* (1773—1843) — с 1805 г. — профессор философии в Йене, в том же году — в Гейдельберге, с 1816 г. — вновь в Йене, в 1817 г. уволен во время волны реакции, вновь профессор с 1824 г. Начиная с Йены, Фриз и Гегель — соперники, затем открытые враги.

Фромманн (Frommann), *Карл Фридрих Эрнст* (1765—1837) — издатель в Йене, был близок Гегелю.

Хеннинг (Henning), *Леопольд Доротей фон* (1791—1866) — студент в Йене, с 1818 г. в Берлине — ассистент («репетитор») Гегеля; читал лекции об учении Гёте о цвете, с 1825 г. — профессор философии в Берлине; секретарь «Ежегодников научной критики», один из издателей посмертного собрания сочинений Гегеля.

Хинрикс (Hinrichs), *Германн Фридрих Вильгельм* (1794—1861) — ученик Гегеля в Гейдельберге, с 1819 г. — приват-доцент и с 1822 г. — профессор философии в Бреслау, с 1824 г. — в Галле.

Хуфнагель (Hufnagel), *Вильгельм Фридрих* (1754—1830) — с 1779 г. профессор теологии в Эрлангене, с 1791 г. — в духовном министерстве во Франкфурте-на-Майне.

Целльманн (Zellmann), *Кристиан Готтхольд* (?—1808) — один из учеников Гегеля в Йене.

Цельтер (Zelter), *Карл Фридрих* (1758—1832) — композитор, близкий друг Гёте (шесть томов их переписки издано в 1833—1834 гг.). С 1800 г. — руководитель Берлинской певческой академии и профессор (с 1811 г.) Берлинского университета, основатель Института церковной музыки; дружеские отношения с Гегелем.

Цшокке (Zschokke), *Генрих* (1771—1848) — швейцарский историк, писатель, политик.

Шеллинг (Schelling), *Каролина* (1763—1809) — с 1796 г. жена А. В. фон Шлегеля, с 1803 г. — Шеллинга.

Шеллинг (Schelling), *Фридрих Вильгельм Йозеф фон* (1775—1854) — друг юности Гёльдерлина и Гегеля, в 1798 г. — профессор в Йене, в 1802—1803 гг. — вместе с Гегелем издание «Критического журнала философии», с 1803 г. — в Вюрцбурге, с 1806 г. — генеральный секретарь Академии изобразительных искусств в Мюнхене; прекращение отношений с Гегелем после выхода «Феноменологии духа» с критикой школы Шеллинга во введении; в 1820—1827 гг. — профессор в Эрлангене, в 1827—1841 гг. — в Мюнхене.

Шеллинг (Schelling), *Карл Эберхард* (1783—1855) — брат философа. В 1801—1802 гг. — слушатель Гегеля, с 1805 г. — врач в Штутгарте.

Шельвер (Schelver), *Франц Йозеф* (1778—1832) — преподаватель медицины в Йене, основатель Ботанического сада, с 1807 г. — профессор в Гейдельберге.

Шлегель (Schlegel), *Август Вильгельм фон* (1767—1845) — выдающийся критик романт. направления.

Шлегель, *Фридрих фон* (1772—1829) — брат А. В. Шлегеля, романт. философ и критик.

Шлейермахер (Schleiermacher), *Фридрих Эрнст Даниэль* (1768—1834) — философ и богослов романт. направления, с 1809 г. — проповедник и с 1810 г. — профессор в Берлине, противник Гегеля.

Шнайдербангер (Schneiderbanger) — владелец «Бамбергской газеты», редактором которой Гегель был в 1807—1808 гг.

Шторр (Storr), *Готтлоб Кристиан* (1746—1805) — профессор теологии с 1777 г.; его лекции Гегель слушал в Тюбингене (1790—1793).

Шубарт (Schubarth), *Карл Эрнст* (1796—1861) — филолог и эстетик.

Шуберт (Schubert), *Готтхильф Генрих фон* (1780—1860) — выдающийся натурфилософ, романтический психолог; учился у Гегеля и Шеллинга; с 1809 г. — преподаватель гимназии в Нюрнберге (при Гегеле), позднее — ректор; с 1819 г. — профессор естественной истории в Эрлангене, с 1827 г. — в Мюнхене, член Мюнхенской академии наук.

Шульц (Schultz), *Кристоф Людвиг Фридрих* (1781—1853) — с 1819 г. уполномоченный правительства при Берлинском университете, с 1824 г. — в отставке. Друг Шеллинга и Целлера.

Шульце (Schultze), *Иоганнес* (1786—1869) — тайный советник, сотрудник министерства вероисповеданий, друг Гегеля.

Шютц (Schütz), *Кристиан Готтфрид* (1747—1832) — с 1773 г. — профессор философии в Галле, с 1779 г. — в Йене, основатель «Всеобщих литературных известий» в Йене (с 1804 г. — в Галле).

Якоб (Jakob), *Людвиг Генрих фон* (1759—1827) — с 1791 г. (и с 1816 г.) профессор философии в Галле, с 1807 г. — преподаватель науки о государстве в Харькове.

Якоби (Jacobi), *Фридрих Генрих* (1743—1819) — философ «чувства и веры», писатель; в 1807—1819 гг. — президент Мюнхенской академии наук.

АФОРИЗМЫ

«Афоризмы» (Aphorismen) — условное название различного рода фрагментарных записей Гегеля. Первая часть относится к йенскому периоду деятельности (1801—1807), вторая — к берлинскому (1818—1831). Первая часть впервые опубликована К. Розенкранцем в «Königsberger Literatur-Blatt», 1842, Mai — Juli — издании, ныне забытом. Затем эта часть

не полностью была напечатана в виде приложения к биографии Гегеля, написанной Розенкранцем (Берлин, 1844). Там же впервые были опубликованы «Берлинские афоризмы». Неполный вариант «Йенских афоризмов» воспроизведен Гоффмейстером в книге: «Dokumente zu Hegels Entwicklung». Stuttgart, 1936. Николин в Hegel-Studien, Bd. 4 (Bonn, 1967), по обнаруженной им первой публикации напечатал недостающую часть «Йенских афоризмов». В настоящем издании они даны без нумерации. Наиболее полно «Берлинские афоризмы» были опубликованы в книге: *Hegel. Berliner Schriften. Hrsg. von J. Hoffmeister*. На русском языке афоризмы Гегеля публикуются впервые. Перевод В. А. Рубина сверен с указанными изданиями А. В. Михайловым и В. И. Башиловым. Примечания составлены А. Огурцовым и А. Гулыгой.

¹ *Павсаний* — древнегреч. писатель, живший во II в. н. э., автор труда «Описание Эллады» в 10 кн., где он сообщает ценные сведения по греческой мифологии. — 530.

² *Зоммер, Иоганн* (1559—1622) — немецкий писатель. — 531.

³ Participium aoristi (лат.) — причастие аориста. — 531.

⁴ См. прим. 15 к стр. 169 настоящего тома. — 531.

⁵ *Улисс* — римское название греческого героя Одиссея. Тилль Эуленшпигель — герой народной книги, популярной в XVI в. и увидевшей свет на верхненемецком языке в 1515 г. Образ плутоватого бродяги, крестьянского сына Тилля Эуленшпигеля, привлек внимание многих европейских писателей, в том числе Шарля Де Костера.

Цирцея (Кирка) — греческая волшебница с острова Эя, превратившая спутников Одиссея в свиней; в иносказательном смысле — обольстительная красавица. Немезида — богиня возмездия. — 531.

⁶ *Гёррес, Иосиф* (1776—1848) — немецкий ученый. Ср. оценку Гегелем Герреса в «Истории философии»: «В философию природы вкрался чрезвычайный формализм... Это — блестящая сила воображения, как у Герреса. Эта непристойность, применение форм, заимствованных из одной сферы природы, к совершенно другой сфере, заходила очень далеко...» (*Гегель. Сочинения*, т. XI. М. — Л., 1935, стр. 510). *Вагнер, Иоганн Маргин* (1777—1858) — немецкий скульптор, автор «Berichte über das ägyptischen Bildwerke». — 532.

⁷ Pater peccavi — «Я согрешил, отец». Формула покаяния при католической исповеди. — 532.

⁸ Описываемый Гегелем эпизод относится к периоду наполеоновских войн, когда после разгрома Пруссии в битве под Йеной (1806) Наполеон диктовал немецким дипломатам свои условия.

⁹ Гегель имеет в виду парадоксы Руссо в трактате «Рассуждение», получившем премию Дижонской академии в 1750 г. по вопросу, предложенному этой же академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» — 533.

¹⁰ Виланд, Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий поэт эпохи Просвещения, издатель «Deutscher Merkur». — 533.

¹¹ Птолемеи Лагиды — царская династия, правившая в 330—305 гг. до н. э. в Египте.

Розеттский камень — черная базальтовая плита с трехязычной надписью на египетском иероглифическом, египетском разговорном (демотическом) и древнегреческом языках, обнаруженная в 1799 г. офицером наполеоновских войск в Египте Бушаром. Тексты ее высечены в 196 г. до н. э. и представляют собой благодарственную надпись египетских жрецов Птолемею V Епифану. Дешифрован текст в 1822 г. Шамполионом. — 534.

¹² Карл Моор — герой пьесы Ф. Шиллера «Разбойники». — 535.

¹³ Капаней — греч. аргосский царь, один из участников «похода семерых» против Фив, похвалившийся, что город не удержит и сам Зевс. За это Зевс поразил его молнией. Капаней — символ богоборца, человека, выступающего против богов. — 535.

¹⁴ ««Чего только нет в минуэте!» — воскликнул, охваченный энтузиазмом к своему искусству, Марсель, самый известный учитель танцев в Париже четырнадцать лет тому назад. Современные танцоры говорят иначе; они говорят, что нужно знать дух танца, и говорят это весьма серьезно» (фр.). — 536.

¹⁵ «Германская империя — это моральное существо, неспособное к самостоятельному действию, и тело мертвое в силу самого своего строения» (фр.). — 536.

¹⁶ «Надеюсь, мадам, что Вы верите, что у нас слишком хороший вкус, чтобы не быть польщенными Вашим прибытием в Берлин. Я уже давно восхищаюсь Вами и с нетерпением жду случая с Вами познакомиться» (фр.). — 536.

¹⁷ Ср. оценку Гегелем Робеспьера, данную в «Философии истории»: тирания Робеспьера «осуществляет свою власть без судебных форм и наказывает так же просто — только смертью» (Гегель. Философия истории. Сочинения, т. VIII. М. — Л., 1935, стр. 417), а также в «Феноменологии духа»: «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть, и притом смерть, у которой нет никакого внутреннего объема и наполнения» (Гегель. Феноменология духа. Сочинения, т. IV. М., 1959, стр. 318). — 536.

¹⁸ Геллерт, Христиан Фюрхтеготт (1715—1769) — немецкий писатель, автор басен, сказок, повестей, пьес и многих этических трактатов, профессор в Лейпциге, читавший лекции о поэзии, риторике и морали, издатель журнала «Belustigungen des Verstandes und Witzes».

Хагедорн, Фридрих (1708—1754) — немецкий поэт.

Уц, Иоганн Петер (1720—1796) — немецкий поэт анакреонтического направления.

Николаи, Кристоф Фридрих (1733—1811) — берлинский книгоиздатель и книгопродавец, писатель рационалистического направления, горячий противник писателей эпохи «Бури

и натиска», издатель журнала «Allgemeine deutsche Bibliothek» (1765—1792). Высмеян Тиком в романе «Цербино», Шиллером в «Ксении», Гёте в «Фаусте» под именем Проктофантасмиста («Вальпургиева ночь», стих 4144). В «Философии истории» об этих писателях Гегель говорит, что они «обнаруживают неповоротливый педантизм и лишенную остроумия рассудительную серьезность» (Гегель. Философия истории. Сочинения, т. VIII, стр. 400). В другом месте он пишет, что Николай, Зульцер в своих «произведениях дошли до последней степени скудости в отношении эстетической мысли. Лессинг назвал эти произведения поверхностной болтовней, — точно так же, как стихотворные произведения Геллерта, Вейссе, Лессинга, дошли в целом почти в одинаковой мере до последней степени скудости в отношении поэзии» (Гегель. История философии. Сочинения, т. XI, стр. 400). — 537.

¹⁹ «Шаги тех, кто вынесет тебя, уже у дверей» — цитата из «Вульгаты», латинского перевода Библии. — 538.

²⁰ Якоби, Фридрих Генрих (1743—1819) — немецкий философ, представитель так называемой философии веры и чувства. См. о нем в «Истории философии» Гегеля (Соч., т. XI, М. — Л., 1935, стр. 405—416). — 541.

²¹ Мендельсон, Моисей (1729—1786) — знаменитый немецкий философ. — 541.

²² Лаплас, Пьер-Симон (1749—1827) — знаменитый французский математик и астроном-теоретик. — 544.

²³ Кизеветтер, Иоганн Готфрид Карл Христиан — немецкий философ, последователь Канта, специализировавшийся по проблемам логики. — 546.

²⁴ Имеется в виду война против Наполеона, в которую Пруссия вступила в 1813 г. и которая закончилась битвой под Ватерлоо. — 549.

²⁵ Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (ок. 150 — ок. 222) — христианский писатель. — 549.

²⁶ Аналогичные мысли Гегель высказывает в письме к Нитхаммеру (см. стр. 287 настоящего тома). — 551.

²⁷ Галль, Франц Йосиф (1758—1828) — австрийский врач, известный создатель френологии, рациональной идеей которой было учение о мозговых центрах как определяющих способности человека. Гегель неоднократно критикует необоснованные попытки Галля определить характер и способности человека по выпуклостям черепа (см. «Философия природы». Соч., т. II. М. — Л., 1934, стр. 330; «Феноменология духа». Соч., т. IV, стр. 173—183).

^{27a} Игра слов. Вместо Schädellehre — «учение о черепах» Гегель пишет одинаково звучащее слово Schädelleere, означающее «пустота черепа» (прим. переводчика). — 551.

²⁸ Зальцман, Христиан Готтхильф (1744—1811) — немецкий педагог, основатель школы в Шнейфентале, пропагандист идей Руссо, автор нескольких рассказов.

Кампе, Иохим Генрих (1746—1818) — наиболее популярный немецкий писатель для детей конца XVIII — начала

ХІХ в., пропагандист идей Руссо, издатель «Маленькой дѣтской библиотечки». — 552.

²⁹ См. *Гердер*. Сид (пер. В. А. Зоргенфрея). Пб., 1922, стр. 102. — 554.

³⁰ См. *Гердер*. Сид. Пб., 1922, стр. 29. — 555.

³¹ *Tabula rasa* (лат. — чистая доска) — чистая, неисписанная доска, каковой является, по мнению Локка и всех сенсуалистов, душа до всякого опыта. Это выражение идет от Альберта Великого (1193—1280). — 555.

³² *Гроций*, *Гуго* (1583—1645) — нидерландский философ, занимавшийся правом, автор «*De jure belli et pacis*» (О праве войны и мира). — 555.

³³ Эта фраза добавлена в издании Гоффмейстера. — 557.

³⁴ Имеется в виду «Западно-восточный диван» Гёте — большой цикл стихотворений, который состоит из 12 книг и написан в 1814—1815 гг. Созданию «Дивана» (так обычно в персидской поэзии назывались сборники стихотворений) предшествовало его увлечение восточной культурой, и в частности творчеством Гафиза — персидского поэта XIV в. — 557.

³⁵ *Кариссими*, *Джиакомо* (1605—1674) — итальянский композитор, известен как создатель ораторий и кантат. — 559.

³⁶ См. прим. 18 к стр. 537 настоящего тома. — 559.

³⁷ *Тацит*, *Корнелий* (ок. 55 — ок. 120) — крупнейший древнеримский историк, основное произведение «*De origine et situ Germanorum*» (98 г.) — этнографический и географический очерк о древних германцах. — 559.

³⁸ *Корнелий Непот* (ок. 100 — ум. ок. 27 г. до н. э.) — древнеримский историк и писатель, автор исторических «Хроник» и биографий знаменитых полководцев. *Курций Руф*, *Квинт* (I в.) — римский историк, автор «Истории Александра Великого». — 560.

³⁹ *Дракенборх*, *Арнольд* (Drakenborch, 1684—1740) — профессор истории в Утрехте, переводчик Тита Ливия.

Рункениус (Ruhnkenius) — латинизированное имя *Рункена Давида* (1723—1798), английского филолога, автора «Словаря Платона». — 561.

⁴⁰ *Канова*, *Антонио* (1757—1820) — итальянский скульптор, наряду с Торвальдсеном важнейший представитель классического искусства. — 561.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абекен, Бернгард Рудольф 442
 Абекен, Людвиг 442
 Абель, Якоб Фридрих 229
 Август, Гай Юлий Цезарь
 Октавиан 534
 Айхштедт, Генрих Карл Ав-
 раам 244
 Альдефельд 517
 Альтенштейн, Карл фон
 Штейн цум 375, 385, 409,
 411, 515, 519
 Амбрази 461
 Амброджи, Джузеппе 454, 461,
 465
 Ампер, Жан-Жак-Антуан 491
 Ансийон, Жан-Пьер-Фридрих
 524
 Анхальт-Кётен, Фридрих Фер-
 динанд фон 480
 Аншютц, Генрих 456
 Аретин, Кристоф фон 327
 Аристотель 290, 298, 326, 366,
 547, 555
 Архенгольц, Иоганн Виль-
 гельм фон 213
 Асверус, Густав 256, 257, 378,
 381
 Ассаль 241
 Аст, Георг Антон Фридрих 287

 Баадер, Франц фон 413, 493
 Бадер, Карл Адам 450
 Байярд, Иосиф фон 263, 264,
 277, 286, 292
 Балиганд, Карл Теодор 302
 Басси, Луиджи 461

 Беер, Генрих 493, 494, 524
 Бёме, Якоб 323, 541
 Бергер, Иоганн Эрих фон 406
 Бернбрунн, Карл 452
 Бернсторф, Христиан Гюнтер
 524
 Бертъе, Александр 279
 Бесселинг 440, 441
 Бетгер 530
 Беттендорф, Франц Теодор
 433
 Бёттигер, Карл Август 242,
 243, 483
 Блазис, Вирджиния 506
 Блох, Август Фридрих 477
 Блюм, Карл Вильгельм Август
 424
 Блюм, Карл Людвиг 480
 Боде, Иоганн Элерт 334
 Бонапарт, Люсьен 278
 Боттичелли 450
 Боутервек, Фридрих 239, 351
 Брайер, Карл Вильгельм
 Фридрих 275
 Бруньоли 465
 Буассере, Иоганн Сульпиц
 367, 431—433
 Бугнер 371
 Бюттнер, Христиан Виль-
 гельм 390
 Бюхнер, Кристоф 308, 343

 Вагнер, Иоганн 532
 Вайллер, Казтан фон 292, 313
 Вальдраф, Фердинанд Франц
 431, 432

Валь фон 518
 Вальтер, Фердинанд 430
 Ван-Дейк, Антонис 433, 437, 509
 Варнхаген фон Энзе, Карл Август 483, 485, 486, 511, 525
 Вейссе, Христиан Герман 354
 Вельден, фон 291
 Вернебург, Иоганн Фридрих Христиан 239, 240
 Вертер, Генрих Август 524
 Веспасиан 534
 Ветте, Вильгельм Август Леберехт де 380, 403
 Виланд, Кристоф Мартин 299, 533
 Виндишманн, Карл Йозеф Иероним 317, 351, 430, 431, 447
 Винтер, Христиан Фридрих 371
 Винтерль, Якоб Йозеф 245
 Витрувий, Поллио 528
 Вольтер, Франсуа-Мари 498, 533
 Вольф, Иоганн 343
 Вольф, Христиан 538, 558
 Галль, Франц Иосиф 551
 Гаман, Иоганн Георг 413, 492
 Ганнибал 438
 Ганс, Эдуард 481, 521, 526
 Гарденберг, Карл Август фон 386
 Гарсия 504
 Гассе, Иоганн Христиан 428
 Гебхардт, Йозеф Антон 252, 253, 257, 261, 270
 Гегель, Иммануил 426, 502, 507, 516, 517
 Гегель, Карл 439, 517
 Гегель (урожд. фон Тухер), Мария Елена Сузанна 365, 422, 423, 426, 429, 432, 435, 439, 441, 449, 452, 455, 461, 463, 469, 477, 480, 481, 493, 494, 496, 499, 500, 503, 505, 509, 516, 527

Гегель, Христиана 375
 Геллерт, Христиан 537, 559
 Гельвеций, Клод-Адриан 533
 Гельдерлин, Фридрих 215, 220, 225, 227, 231, 233, 242
 Генри, Габриэль 264
 Генрих, Карл Фридрих 494
 Гердер, Иоганн Готфрид 240
 Гери, Альберт Леопольд 452
 Геродот 380
 Геррес, Йозеф фон 532
 Герт, Петер Габриэль ван 314, 319, 323, 332, 432, 435—437, 440, 441, 509
 Герхард 492
 Герштекер, Карл Фридрих Вильгельм 240
 Гессе 382
 Гёсс, Георг Фридрих Даниэль 350
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон 244, 245, 250, 251, 268—270, 298, 299, 353, 354, 366, 367, 384, 387, 396, 404, 419, 422, 433, 448, 472, 475, 483, 485—487, 502, 509—511, 518, 525, 526, 557
 Гёте, Христина 510
 Гешель 515
 Гиньо 479
 Гирт, Алоис 528
 Глюк, Кристоф Виллибальд 466
 Гогель, Иоганн 234
 Гогенлоз, Александр Леопольд Франц Эммерих цу 430
 Гомер 248, 553
 Гораций (Флакк), Квинт 560
 Гото, Генрих Густав 481, 491
 Гразер, Иоганн Батист 327
 Гранов, Иоганн 524
 Гроций, Гуго 555
 Гуго, Густав 371
 Гумбольдт, Александр фон 511—513
 Гумбольдт, Вильгельм фон 482
 Густав II Адольф 555
 Гюндероде, Людвиг Франц Юстиниан фон 339

- Давид, Джакомо 450, 458, 459,
 461, 462, 465
 Дамъ, Гиацинт де 476, 477
 Дарданелли 450, 456, 458, 459,
 461, 462, 464, 465, 468
 Дауб, Карл 361, 381, 397, 401,
 402, 408, 409, 481
 Дёдерлейн, Людвиг 365, 371
 Декарт, Рене 470, 475, 478
 Дериви, Проспер-Этьен 504
 Диттмар, Зигмунд Готфрид
 467
 Донцелли, Доменико 450, 454,
 456, 464, 465
 Дракенборх, Арнольд 561
 Дюбок, Эдуард-Казимир 414,
 443
 Дюрер, Альбрехт 347, 434, 461

 Залат, Якоб 289
 Зальцман, Христиан Готт-
 хильф 552
 Зеебек, Томас Иоганн 270, 281,
 355
 Зёммеринг, Самуэль Томас
 фон 242
 Зибайн, Юстус фон 309
 Зоден, Юлия фон 276
 Зольгер, Карл Вильгельм
 Фридрих 381
 Зоммер, Иоганн 531
 Зоннлейтнер, Игнац фон 462
 Зюскинд, Иоганн Готтлоб 214,
 215, 225

 Искюль, Борис фон 407
 Ингенхайм, Густав Адольф
 фон 480
 Иписиланти 459

 Йолли, Людвиг 309

 Кампе, Исаах Генрих 552
 Кампц, Карл Христиан Аль-
 берт Генрих фон 381, 471
 Канова, Антонио 561
 Кант, Иммануил 214, 216, 217,
 221, 225, 228, 229, 308, 325,
 326, 415, 538, 540, 548, 558
 Капф, Карл Фридрих 214
 Кариссими, Джакомо 559
 Карл (Великий) 433
 Карл (эрцгерцог австрийский)
 453, 459
 Карно, Лазар 423
 Каровъ, Фридрих Вильгельм
 398, 476
 Каррье, Жан-Баттист 214
 Карус, Карл Густав 308
 Каталани, Анжелика 450, 504
 Кейзерлинг, Герман фон 382
 Кёлер 262
 Келлерман, Георг 432
 Кембл, Чарлз 499, 503
 Кёппен, Фридрих 289, 313
 Кёстер, Христиан Филипп 452
 Кизеветтер, Иоганн Готфрид
 Карл Христиан 293, 546
 Кифхабер, Иоганн Карл Зиг-
 мунд 347
 Клейн, Бернгард 449, 451, 456
 Клейн, Георг Михаэль 305
 Клейн, Лили 449, 451, 456
 Клопшток, Фридрих Готлиб
 205
 Клудиус, Маттиас 442
 Кнебель, Карл Людвиг 270,
 278—281, 285, 298, 300, 354
 Кнебель, Карл (сын) 279, 300
 Кнебель, Луиза 281
 Коллар, Пьер-Поль 476
 Корреджо, Антонио 434, 498
 Котта, Иоганн Фридрих 224,
 522
 Коцебу, Август фон 244
 Кракер, Иоганн Георг фон 324
 Крейцер, Георг Фридрих 295,
 379, 399, 405, 479, 483
 Крейцер, Кристоф Андреас
 Леонгард 427
 Крелингер, Отто 502—503
 Круг, Вильгельм 239, 240
 Кузен, Виктор 373, 469, 470,
 472, 475, 477, 489, 494—
 499, 502, 503, 505—508, 512,
 519
 Курций (Руф), Квинт 560

 Лаблаш, Луиджи 450, 453, 454,
 456, 461, 464, 465, 468
 Ланг 235
 Ланге, Фридрих 429

Лаплас, Пьер-Симон 544
 Лафайет, Мари-Жозеф де 521
 Лафон, Пьер 498
 Левер, Жанна-Эмилия 498
 Ленц, Иоганн Георг 245
 Ленц, Якоб 488
 Ленэ 513
 Леонардо да Винчи 431, 498
 Лессинг, Готхольд Эфраим 221, 317
 Либескинд 276, 283
 Лихтенталер, Иоганн Георг Филипп 493
 Лихтенштейн 456, 457, 459
 Лодер, Юстус Христиан 242—245
 Лукреций (Кар), Тит 279, 281, 299
 Людвиг 525
 Людовик XVI 500
 Люкке, Готфрид Христиан Фридрих 482
 Лютер, Мартин 248, 332

Малколм, Джон 474
 Малю, Этьен-Луи 367, 368, 388
 Мантенья, Андреа 453
 Марк Антоний 467
 Маркус, Адальберт Фридрих 276
 Марс, Анна-Франсуаза 498, 503, 506, 507
 Мартенс, Георг Фридрих 242
 Мартин, Кристоф Рейнгард Дитрих 380
 Мархейнеке, Филипп Конрад 482, 483, 493
 Маттиас, Густав 494
 Мёглинг, Фридрих Генрих Вольфганг 215, 227
 Мельникер 517
 Мемель, Готтлоб Эрнст Август 239, 240, 293
 Мендельсон, Мойсей 541
 Меркаданте, Джузеппе Саверио Рафаэло 450
 Меркель, Пауль Вольфганг 377
 Мерио 242
 Месмер, Франц Антон 333

Микеланджело (Буонаротти) 434, 436, 438, 453, 509
 Мильдер, Анна 450, 451, 466, 492
 Минье, Франсуа-Огюст 508
 Миттербахер 518
 Мишле, Карл Людвиг 475, 513
 Мишло, Пьер-Мари-Жозеф 507
 Мольер, Жан-Батист 498
 Монтебелло 498
 Моцарт, Вольфганг Амадей 454, 456, 459
 Мошар, Иммануил Давид 215
 Мунке, Георг Вильгельм 383
 Мус, Деций 58
 Мустоксидис, Андреас 508
 Муций Сцевола, Гай 188
 Мюллер, Иоганн 371
 Мюллер 280

Наполеон Бонапарт 254, 291, 292, 298, 299, 342, 358, 435, 441, 496, 508, 562
 Непот, Корнелий 560
 Николаи, Кристоф Фридрих 233, 538
 Нитхаммер, Фридрих Иммануил 225, 227, 231, 252—254, 256, 257, 260, 263, 270, 272—274, 277, 281, 283, 286, 289, 291, 292, 296, 300, 304, 306, 309, 311, 312, 324, 328, 329, 331, 334, 338—342, 348, 352, 353, 357, 359, 370, 373, 376, 402, 413, 492
 Нитхаммер, Розина Элеонора 253, 255, 265, 275, 277, 374, 375
 Нитхаммер, Юлиус 265, 277, 309, 352, 493
 Нитч, Карл Иммануил 482
 Нозе, Карл Вильгельм 391
 Нордхоф, Август Вильгельм 333
 Ньютон, Исаак 389, 391

Обер, Даниэль-Франсуа-Эспри 466
 Обертюр, Франц 242
 Окен, Лоренц 401, 403
 Освальд, Август 482

- Панофка, Теодор Сигизмунд 491, 498
 Партей, Густав Фридрих Кон-
 стантин 401, 449, 451, 454
 Паста, Джудит 498
 Паулюс, Генрих Эберхард
 Готтлоб 213, 216, 242, 272,
 276, 277, 289, 300, 304, 306,
 307, 309, 342, 344, 351,
 354—356, 365, 371, 398
 Паулюс, Софи 375
 Паулюс, Элизабет 275, 276
 Пезарони, Бенедетта Розамун-
 да 502—504, 506
 Перикл 365, 366
 Писистрат 89
 Пифагор 336
 Платнер, Эрнест 293
 Платон 76, 290, 335, 366, 399,
 470, 512, 532, 547, 553
 Погвиш, Ульрика фон 510
 Полиньяк, Жюль-Арман 521
 Поппо, Эрнст Фридрих 366
 Прокл 399, 400, 470, 478
 Пуркинье, Иоганнес Еванге-
 листа 488

 Раков 521
 Раумер, Фридрих Людвиг
 Георг 498, 499, 501, 519
 Рафаэль (Санцио) 433, 467,
 498
 Рафенштейн 514
 Ребшток 382
 Регул, Марк Атилиус 438
 Рейнгард, Карл Фридрих 214,
 476
 Рейнгольд, Карл Леонард 214,
 217, 220, 221, 239, 416, 417,
 445, 446
 Рембольд, Людвиг 460
 Рембрандт (ван Рейн) 440
 Ремюза, Жан-Пьер-Абель 500
 Ренц, Карл Христиан 214, 215,
 219, 222, 225, 227, 232
 Ривароль, Антуан 374
 Ример, Фридрих Вильгельм
 509
 Риттер, Иоганн Вильгельм
 244, 245, 267, 271, 276
 Риттер, Карл 379

 Робеспьер, Максимилиан 214,
 536
 Роигр 433
 Розен, Фридрих Август 513
 Россини, Джоакино 450, 453,
 454, 458, 459, 462, 466, 506
 Рот, Карл Иоганн Фридрих
 фон 353, 373, 413
 Рот, Катарина фон 375, 413
 Ротманнер, Карл 286, 287
 Рубенс, Петер Пауль 437
 Рубини, Джованни Батиста
 450, 465
 Румфорд, Бенджамин Томсон
 282
 Рункениус 561
 Русс, Карл 459, 461
 Руссо, Жан-Жак 501, 533

 Савиньи, Фридрих Карл фон
 371
 Санта-Роза 475
 Синклер, Исаак фон 321, 335
 Скотт, Вальтер 498, 562
 Скриб, Огюст-Эжен 507
 Смитсон, Генриетта Констан-
 ция 500
 Снелль, Фридрих Вильгельм
 427
 Сократ 76, 216, 335
 Спиноза, Бенедикт 216, 221,
 532
 Сталь, Жермена де 536
 Стеффенс, Хенрик 295
 Схорель, Ян 432

 Таден, Николаус фон 351
 Тальма, Франсуа-Жозеф 299,
 498
 Таммер, Игнац 289
 Тацит, Корнелий 559, 560
 Тертуллиан, Квинт Септимий
 Флоренс 549
 Тибо, Антон Фридрих Юстус
 242, 381, 430
 Тибулл, Альбий 299
 Тилениус 525
 Тит 534
 Тициан, Вечеллио 498
 Тод, Джеймс 475
 Торелли 465, 466

Тухер, Мария Елена Сузанна фон 323, 324 (см. также Гегель, Мария Елена Сузанна)

Тьер, Луи-Адольф 508

Тюрхайм, Фридрих фон 252, 306

Ульманн, Карл 482

Уц, Иоганн Петер 537

Фальк, Иоганнес Даниэль 280, 281

Фейербах, Ансельм фон 277

Феннер Ц. В. Г. 401

Фернов, Карл Людвиг 242, 244

Фёрстер, Фридрих Кристоф 396

Фингерлоз, Маттеус 289

Фихте, Иоганн Готтлиб 214, 216—221, 223—225, 227—231, 258, 259, 268, 275, 289, 293, 295, 344, 371, 381, 514, 526, 538, 553

Фишер Петер (Старший) 423

Фишхабер, Готтлоб Христиан Фридрих 240, 374

Фогель, Карл 510

Фодор, Жозефина 450, 451, 453, 454, 456, 461, 465, 468

Фойгт, Фридрих Зигмунд фон 264

Фойгт, Христиан Готтлоб 269, 270

Форстер 475

Форьель 508

Фосс, Иоганн Генрих 247, 358, 400, 404

Фосс, Генрих (Младший) 381

Франклин, Э. 515

Франко да 454, 465

Франц, император 457, 464

Фридрих II, король Пруссии 461, 462, 467

Фридрих II 433

Фриз, Якоб Фридрих 325—327, 355, 356, 380

Фромманн, Карл Фридрих Эрнст 242, 258, 270, 283, 298, 353, 376

Фуке 478

Фукидид 365, 366

Хагедорн, Фридрих фон 537

Халлер, Карл Людвиг фон 326

Хаубер, Карл Фридрих 225, 227

Хауль 327

Хейз 504

Хеллер 309

Хелльфельд 256

Хемлинг 509

Хеннинг, Леопольд Доротей фон 406, 419—421, 475, 489, 523

Хесс 475

Хинрикс, Герман Фридрих Вильгельм 377, 382, 392, 398, 399, 401, 402, 407, 408, 415, 418

Хирн, Франц Йозеф 431

Хуфеланд 242

Хуфнагель, Вильгельм Фридрих 240

Хьорт, Петер 397

Хюгель 515

Цезарь, Гай Юлий 438, 560

Цейснер — см. Эйснер

Цельманн, Христиан Готхольд 261

Цельтер, Карл Фридрих 473, 509—511

Центнер, Георг Фридрих 313, 328

Циммер, Патриций Бенедикт 289

Цицерон, Марк Туллий 335, 560

Цшокке, Генрих 341

Черни 456

Чинтимарра 450

Шад, Иоганн Батист 242

Шваб, Иоганн Кристоф 374

Шварц, Фридрих Генрих Кристоф 409

Швендлер, Фридрих 510

Шекспир, Вильям 503

Шеллинг, Карл Эберхард 243, 270, 374

Шеллинг, Каролина 260, 271, 374

Шеллинг, Фридрих Вильгельм Иозеф фон 213, 215, 217, 220, 222, 225, 227, 229, 232, 236, 238—241, 243, 258, 265, 282, 283, 289, 295, 332, 353, 354, 373, 470, 514, 518, 520, 539

Шелвер, Франц Йозеф 241, 243, 245, 260, 264

Шён, Мартин 453

Шенк, Бернгард 309

Шиллер, Фридрих 227, 231, 245, 473, 485

Ширюцбайн, Барбара 551

Шлегель, Август Вильгельм фон 295, 375

Шлегель, Фридрих фон 244, 295

Шлейермахер, Фридрих Эрнст Даниэль 382, 398

Шлихтегролль, Адольф Генрих Фридрих 277

Шнайдербангер 272

Шроттенберг, фон 276

Штайнбарт, Готтгельф Самуэль 293

Штарк, Иоганн Христиан 522, 527

Штейн 325

Штольберг, Фридрих Леопольд цу 432

Шторр, Готтлоб Христиан 214

Штутцманн, Иоганн 304, 310, 311

Шубарт, Карл Эрнст 487

Шуберт, Готтхильф Генрих фон 295, 317

Шукманн, Каспар Фридрих фон 469, 472

Шульд, Кристоф Людвиг Фридрих 419, 421, 424, 425, 453

Шульце, Иоганнес 351, 429, 430, 467, 525

Шустер, Игнац 452, 455, 460

Шютц, Иоганна Генриетта Розина 504

Шютц, Христиан Готтфрид 243

Эбель, Иоганн Готтфрид 242

Эберле 466

Эберхард, Иоганн Август 229

Эгель 496

Эйснер, Христиан Готтлиб 483

Эккерлин 451

Эккерманн, Иоганн Петер 510

Эльснер, Иоганн Кристоф Фридрих 213, 214

Эндель, Нанетта 235, 236

Эстергази 456—458, 462

Эшенмейер, Адам Карл Август 374

Эшенмейер, Филипп Каспар Генрих 381

Юлиус 265, 277, 309, 352, 493

Юманн, Жан-Георг 476

Юм, Давид 558

Якоб, Людвиг Генрих фон 227, 229

Якоби, Фридрих Генрих 239, 242, 275, 286—289, 295, 332, 353, 358, 361, 373, 377, 430, 541

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютное (абсолют) 378,
 - 390, 543, 554
 - определение 445
 - и абстрактное 446
 - и мышление 533
 - (см. также Знание)
- Абстрагирование 11
- Абстракция (абстрактное)
 - 367, 446, 553
 - и конкретное 416
 - (см. также Абсолютное)
- Авторитет 12, 13, 33, 288
- Акциденция 83, 270
 - (см. также Субстанция)
- Аналогия 137, 165, 190
 - и индукция 138
 - (см. также Умозаключение)
- Антиномия 108—116
- Антропология 181
- Аристократия 52
- Аффект 62
 - (см. Чувство)
- Бесконечное (бесконечность)
 - 110, 154
 - актуальная 155
 - бурная 164
 - и конечное 99, 108, 109
- Благо 146
- Бог 25, 35, 208, 223, 228, 542, 544, 556
 - определение 77, 222, 416
 - и разум 77
- Брак 68, 323
- Бытие 390, 417, 445
 - определение 95
 - как изменение 152
 - как реальность 152
 - наличное 42, 56, 87, 94—96, 101, 102, 109, 151, 152, 157, 158, 166, 191
 - непосредственное и внутреннее 93
 - и ничто 416
 - и сущность 94
 - вне-себя-бытие и внутри-себя-бытие 177
 - для-себя-бытие 96, 97
- Вежливость 75
- Вера 76, 231
 - и знание 415
 - (см. также Наука, Разум, Философия)
- Вещь 82, 102
 - как собственность 44, 45
 - и род 550
 - и субъект 140
 - (см. также Материя)
- Взаимодействие 107, 108
- Владение 38, 39, 199
 - как предмет права 46
 - (см. Собственность)
- Внешнее
 - и внутреннее 105, 158
- Внимание 16
- Вожделение 85, 86
 - и определение 198
- Возмездие 47
 - и наказание 48
- Воля 7, 9, 29

- определение 21
- всеобщая 10, 27, 51, 70
- моральная 35
- свободная 10, 30, 41, 197
- и законы 27
- и мотив 26
- отчуждение воли 89
- сила воли 30
- (см. также Свобода)
- Воображение 8
- продуктивное 189
- как образ 186, 190
- Воспитание 31
- Восприимчивость 11, 82
- Время 108, 109, 111
- и количество 174
- (см. также Личность, Пространство, Философия)
- Всеобщее (всеобщность) 82, 198, 444
- определение 117, 124, 160
- как средний термин 166
- и единичное 39, 119, 126, 128, 140, 164, 166, 185
- и особенное 61
- и особенное и единичное 118, 123, 134—136, 163, 165, 194
- (см. Единство)
- Гений
- философский и поэтический 531
- Государство 69, 70, 202
- определение 49
- и власть 51, 203
- и империя 536
- и народ 50
- и нравственность 230
- и ростовщичество 550
- (см. также Философия)
- Движение 176
- органическое 171
- диалектическая необходимость 393
- Действительность 159
- и возможность 106
- (см. также Понятие)
- Демократия 52
- Деньги 44, 538

- Деспотизм 53
- моральный и политический 226
- Деяние
- определение 10
- и поступок 27
- Деятельность
- практическая 8, 20
- Диалектика 195, 399
- определений 172
- Диалектическое 330
- Доброе (добро) 60, 201
- и зло 545
- Добродетель 67, 70, 537
- Догматизм (догматика) 218, 221
- Договор 43, 44
- Доказательство 135, 145
- догматическое 219
- Долг (обязанность) 61, 74, 201
- моральный 202
- благоразумия 75
- Дружба 74
- Дух 18, 19, 22, 45, 92, 149, 181, 205, 344, 417, 444, 536, 545
- как субъект 80
- мировой 204, 357
- практический 196—198
- народа (народный) 69, 203
- нации 549
- природы 546
- и сознание 554
- и тело 65
- (см. также Природа, Я)
- Единичное (единичность) 198
- определение 117, 124, 160
- и целое 544
- (см. также Всеобщее, Субъект)
- Единство
- и различие 554
- Естествознание 172
- Жизнь 170, 321, 417
- определение 143, 169
- как прекрасное 121
- и мнения 559
- Закон (законы) 12, 48, 84
- определение 51
- (см. также Воля)

Зло (злое, дурное) 60, 201, 208, 544
 — определение 73
 — как отчуждение 77
 Знак 190—192
 Знание 62, 63, 79, 250, 545
 — абсолютное 146, 171
 — и истина 91
 — и незнание 558
 — об абсолютном 76 (см. также Вера)
 Идеал
 — определение 143
 Идеализм 80
 Идея (идеи) 117
 — определение 94, 121, 142, 168
 — как движение 417
 — как становление 416
 — абсолютная 122
 — разумная 196
 — натурфилософские 552
 — закон ассоциации 186
 Индукция 165 (см. также Аналогия)
 Инобытие 154 (см. также Самосознание)
 Инстинкт
 — животных 20, 21
 Интеллект 182—184
 Интерес 62
 Ирония 531
 Искусство 205
 — стили 206
 — и совершенное 552
 Истина (истинное) 13, 16, 415, 445, 534, 540
 — определение 126, 127
 — абсолютная 446
 — и познание 444
 — науки 535 (см. также Знание, Наука, Религия)
 История
 — историческая и философская 204
 Категория 93, 108
 Качество 96, 134, 152
 — определение 95

— суждения 127, 161 (см. также Умозаключение)
 Классы 203, 204
 Количество 153
 — ограниченное 97—99, 154
 — суждения 130, 161 (см. также Время)
 Количественное
 — и качественное 420
 Конкретное 389
 — как единство противоположных определений 446
 Конституция 53, 54, 204
 Личность 37, 47, 201, 222
 — и время 366
 — и отчуждение 42
 — свобода 200
 Логика 293, 294, 326, 327, 330
 — определение 149, 150
 — как спекулятивная философия 151
 — онтологическая 151
 — объективная 123
 — субъективная 93, 117, 160 (см. также Мышление)
 Логическое 149
 Любовь 323
 Магнетизм 177, 320, 321, 333, 447
 Математика 173, 175, 308
 Материя 40, 104
 — определение 176, 177
 — и вещь 102
 — и сила 158
 — и форма 103, 156, 169
 Мера 99, 100
 Метафизика 93, 295, 369, 391
 Метод
 — аналитический и синтетический 146
 Монархия 52, 53
 Мораль (моральность, моральное) 33, 54—56, 201, 226, 535, 547 (см. также Право, Человек)
 Мысль 84, 93, 330 (см. также Понятие)

Мышление 92, 93, 182, 327, 330
— определение 193
— как предмет логики 91
— абстрактное 335
— спекулятивное 330
— и представление 17
(см. также Абсолютное, Я)

Мудрость 535

Народ (народы) 53
(см. также Дух, Государство)

Натурфилософия 361, 391, 404, 554

— и атеизм 401, 403

Наука (науки) 148, 150, 261, 530, 538, 539

— эмпирические и рациональные 149

— цель 149

— и вера 543

— и истина 95

— и философия 330
(см. также Истина, Целое)

Необходимость (необходимое) 45, 106, 115, 159, 544

— и случайность 116, 165

Несправедливость 50
(см. также Справедливость)

Нравственность 42, 226, 295, 535
(см. также Государство, Мораль, Человек)

Образ 185, 236

— и слово 192
(см. также Воображение, Созерцание)

Образование 249, 284, 307

— практическое 64

— теоретическое 62, 63
(см. также Философия)

Объективность (объективное) 14, 94, 140

(см. также Понятие, Субъективное)

Олигархия 52

Онтология 93

Определение 8, 92

— внутреннее 20

— количественное 163

— контрарное 125

— координированное 124, 125
(см. также Диалектика, Особенность, Предмет)

Опыт 12, 13, 352

— внутренний 14

Особенность

— как определение 160

Отношение

— определение 103

Отрицание

— отрицания (отрицательно-го) 99

Отчуждение (отчуждать)

— (Entfremdung) 77

— (Entäusserung, entäussern) 41, 42, 89

— (Veräusserung, veräussern) 43, 199

(см. также Воля, Зло, Личность, Собственность)

Ощущение 92

Охлократия 52

Память 190

— продуктивная 191

— репродуктивная 193

Патриотизм 70

Первоначало (начало) 336, 337

Побуждение 22, 23, 60, 198

— определение 8, 21, 86

Познание 13, 445

— определение 144, 171

— абсолютное 147, 554

— аналитическое и синтетическое 144

— спекулятивное 448

— субъективное 147

— метод 389

— и созерцание 541

(см. также Истина)

Политика 521

(см. также Религия)

Понятие 7, 13, 93, 94, 117, 139, 147, 172, 268, 330, 443, 444

— определение 123, 160, 417

— абсолютное 150

— и действительность 143

- и интуиция 283
- и мысль 547
- и объективность 466
- Поступок 32, 37, 58, 64, 71, 73
- моральный 55
- несправедливый 47
- (см. также Деяние)
- Потребность 85
- Правительство
- определение 51
- Право 35, 38, 55
- определение 36, 199
- всеобщее и особое 45, 46
- гражданское и уголовное 46, 200
- естественное 200
- и мораль 32
- (см. также Свобода, Человек)
- Прафеномен 389, 390, 406
- Предмет 15, 20, 83
- как крайний термин отношения 141
- дефиниция 144
- неистинный 416
- и определение 11
- Представление 12, 182, 184
- определение 445
- как созерцание 185
- абстрактное 192
- всеобщее 18
- взаимосвязь
- (см. также Мышление)
- Призвание 65
- определение 66
- Принуждение 37, 38
- Принцип
- тождества 156
- различия 156
- противоположения 156
- основания 157
- Природа 542
- определение 172
- как отчужденная сущность 149
- живая 178
- растительная и животная 179
- физическая 177
- и дух 172, 543
- (см. также Дух)

- Причина (причинная связь) 106, 113, 159, 166
- и действие (следствие) 18, 107, 108, 114, 115, 167
- (см. также Цель)
- Пространство 110—112
- и время 173, 176, 177, 183, 184
- Протестантизм
- и католицизм 530
- Противоположности
- единство 132, 147, 158
- Психология 80, 181, 308, 330
- Различие 446
- (см. также Тождество)
- Разум 59, 60, 287, 318, 534
- определение 90
- диалектический 195
- практический 216, 222, 228
- рассуждающий 195
- теологический 196
- теоретический 217, 222
- умозаключающий 196
- формальный 196
- и вера 559
- и рассудок 541
- (см. также Бог)
- Рассудок 59, 60, 83, 95, 192
- определение 193
- (см. также Разум, Философия)
- Реализм 80
- Революция 262, 562
- Религия 14, 35, 42, 76, 77, 206—208, 417, 543, 547, 549
- и истина 414
- и политика 224
- и философия 415, 548
- (см. также Философия)
- Речь 17
- Рефлексия 9, 22, 25, 59, 84
- абсолютная 24
- бесконечная 24
- относительная 23, 24
- дурная 543
- Самосознание 84, 87, 88, 90
- как практическое сознание 85
- всеобщее 89
- и инобытие 86

- Самость 89
 - всеобщая 90
- Свобода 29, 30, 36, 45, 64, 78, 88, 89, 113, 114, 198—200, 222, 537, 541, 555
 - абсолютная 344
 - личная 47
 - политическая 25
 - вероисповедания 25
 - воли 9, 25, 28, 42
 - и право 37, 38
 - (см. также Личность)
- Семья (семейные отношения) 49, 67, 68, 202, 552
- Сидеризм 270
- Сила 104, 105
 - определение 157
 - (см. также Материя)
- Система
 - философская (философии) 229, 238, 248, 417, 537, 540, 546
- Случайность (случайное) 57, 198
 - (см. также Необходимость)
- Собственность 40—42, 44, 45, 199, 200
 - (см. также Вещь, Владение)
- Совесть 534
- Созерцание 12, 186
 - и образ 185
 - (см. также Познание, Представление)
- Сознание 7, 83
 - определение 80
 - как абсолютная деятельность 542
 - как предмет самого себя 84
 - воспринимающее, чувственное и рассудочное 81
 - теоретическое и практическое 8, 15, 16
 - (см. также Дух)
- Сомнение 337, 539
- Спинозисты 304
- Способность
 - теоретическая и практическая 19
- Справедливость 71
 - и несправедливость 48
- Становление 153
 - чистое 151
 - сущности 155
- Субстанция 112, 160, 262
 - сложная 111
 - и акциденция 105, 106, 159, 205, 230
 - (см. также Человек)
- Субъект 87
 - как единичность 161
 - и объект 182—184
 - и предикат 119, 126—133, 140, 161, 162
 - (см. также Вещь)
- Субъективное 201, 421
 - и объективное 121
 - (см. также Чувство, Цель)
- Судьба 65, 66, 545
- Суждение 117—120, 193, 531, 553
 - определение 126, 127, 161
 - аподиктическое 133, 163
 - ассерторическое 133, 162
 - бесконечное 46, 129
 - гипотетическое 132, 162
 - дизъюнктивное 162
 - категорическое 132, 162
 - качественное 127
 - отрицательное 45, 128, 129
 - отрицательное, положительное и бесконечное 161
 - партикулярное, сингулярное и универсальное 131, 162
 - проблематическое 133
 - тождественное 128
 - (см. также Качество, Количество)
- Сущее 18
 - для-себя-сущее 97
- Сущность 13, 41, 115, 116, 122, 155, 158, 551
 - определение 100
 - как основание 101
 - и явление 104
 - (см. также Бытие, Становление)
- Счастье 34, 35, 323, 545

Тезис

— и антитезис 108—116

Теология 93, 215, 216, 219, 253,
283, 284, 378, 408, 447, 544

Тождество 100, 132

— и различие 156

Трагическое 535

Традиция 400

Труд 89

Удовольствие 34—35, 56, 58

— определение 57

Умозаключение 117, 135, 165,
166, 531

— определение 119, 134, 163

— гипотетическое, категори-
ческое и дизъюнктивное
138

— математическое 137, 164

— форма 135—139

— качества 134

— по аналогии 137

Фантазия 188

Физика 175

— неорганического мира 177

— органического мира 178—
180

Филология 365

Философ (философы) 336, 447,
532

Философия 79, 215—223, 253,
261, 315, 316, 320, 336, 337,
345, 346, 361, 383, 401, 417,
520, 536, 538, 546, 547, 554

— определение 378

— абстрактная 448

— спекулятивная 239, 333

— метод 322, 418

— ограниченность 539

— односторонность 557

— преподавание 331, 334

— религии 392

— и вера 288

— и время 553

— и государство 386

— и здравый смысл 533

— и образование 338

— и обыденное сознание 548

— и рассудок 558

(см. также Логика, Наука,
Религия)

Философская энциклопедия
149, 308, 330

— определение 148

Философствование 335, 418,
548, 553, 555

Форма 20

— определение 19

(см. также Материя, Умо-
заключение)

Целесообразность

— внешняя и внутренняя 121,
168

Целое 166

— и части 104, 143, 157

Цель 117, 120, 142

— как действующая причина
167

— осуществленная 141, 167

— субъективная 140, 167

Церковь 360, 361, 561

Человек 61, 64, 224

— как предмет морали (нрав-
ственности) 34, 60

— как субстанция 540

— естественное состояние 50

— и право 31

Чувство 92, 182

— как субъективное 14

— практическое 197

Эвдемонизм 57

Эксперимент (опыт) 267, 268,
531

Эстетика 205, 253, 295, 400

Я

— как дух 199

— как мышление 93

— как философская катего-
рия 7, 16, 24, 25, 29, 30,
81, 84, 87, 89, 196, 197, 221,
222

— эмпирическое и абсолют-
ное 230, 231

Явление (феномен) 102

— определение 103

— закон 83

— эпистемическое 368

(см. также Сущность)

Язык 16, 17, 191, 192, 547, 560

БИБЛИОГРАФИЯ¹

- Hegel G. W. F.* Sämtliche Werke. Jubiläumsausgabe in zwanzig Bänden. Hrsg. von H. Glockner. Stuttgart, 1927—1940 (3. Auflage 1949—1959).
- Bd. 1 — Aufsätze aus dem kritischen Journal der Philosophie und andere Schriften aus der Jenenser Zeit.
- Bd. 2 — Phänomenologie des Geistes.
- Bd. 3 — Philosophische Propädeutik, Gymnasialreden und Gutachten über den Philosophie — Unterricht.
- Bd. 4—5 — Wissenschaft der Logik.
- Bd. 6 — Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse [1817] und andere Schriften aus der Heidelbergerer Zeit.
- Bd. 7 — Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse.
- Bd. 8—10 — System der Philosophie («Grosse Enzyklopädie»).
- Bd. 11 — Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte.
- Bd. 12—14 — Vorlesungen über die Ästhetik.
- Bd. 15—16 — Vorlesungen über die Philosophie der Religion.
- Bd. 17—19 — Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie.
- Bd. 20 — Vermischte Schriften aus der Berliner Zeit.
- Bd. 21—22 — *Glockner H.* Hegel.
- Bd. 23—26 — *Glockner H.* Hegel-Lexikon.
- Hegel G. W. F.* Sämtliche Werke. Hrsg. von G. Lasson. Leipzig, 1911 ff.
- Bd. 1. — Erste Druckschriften.
- Bd. 2 — Phänomenologie des Geistes.
- Bd. 3—4 — Wissenschaft der Logik.
- Bd. 5 — Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse [1827—1830].
- Bd. 6 — Grundlinien der Philosophie des Rechts.
- Bd. 7 — Schriften zur Politik und Rechtsphilosophie.
- Bd. 8—9 — Philosophie der Weltgeschichte.
- Bd. 10a — Vorlesungen über die Ästhetik. Teil I.
- Bd. 12—14 — Vorlesungen über die Philosophie der Religion.
- Bd. 15a — Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Teil I.

¹ Составлена А. В. Гулыгой.

Bd. 18a — Jenenser Logik, Metaphysik und Naturphilosophie.
Bd. 19—20 — Jenenser Realphilosophie.
Bd. 21 — Nürnberger Schriften. 1808—1816.

Издание осталось незавершенным. На его основе
начало выходить новое, оставшееся также незаконченным:

Hegel G. W. F. Sämtliche Werke. Neue kritische Ausgabe. Hrsg.
von J. Hoffmeister.
Bd. 5 — Phänomenologie des Geistes.
Bd. 11 — Berliner Schriften. 1818—1831.
Bd. 12 — Grundlinien der Philosophie des Rechts. Mit Hegels
eigenhändigen Randbemerkungen in seinem Handexemplar
der Rechtsphilosophie.
Bd. 18a — Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte.
Teil I.
Bd. 27—30 — Briefe von und an Hegel.

Тексты ранних работ, не вошедшие
в собрания сочинений, содержатся в изданиях:

Hegel. Theologische Jugendschriften. Hrsg. von H. Nohl. Tübingen, 1907.
Dokumente zu Hegels Entwicklung. Hrsg. von J. Hoffmeister. Stuttgart, 1936.
Гегель. Сочинения. М. — Л., 1929—1959.
Т. 1—3 — «Энциклопедия философских наук» («Логика», «Философия природы», «Философия духа»). М. — Л., 1929; М. — Л., 1934; М., 1956.
Т. 4 — «Феноменология духа». М., 1959.
Т. 5—6 — «Наука и логика». М., 1937; М., 1939.
Т. 7 — «Философия права». М. — Л., 1934.
Т. 8 — «Философия истории». М. — Л., 1935.
Т. 9—10 — «Лекции по истории философии». Партийное изд-во, 1932; М., 1932; М. — Л., 1935.
Т. 12—14 — «Лекции по эстетике». М., 1938; М., 1940; М., 1958.
Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Эстетика. В четырех томах, изд-во «Искусство», т. 1. М., 1968; т. 2. М., 1969.
Гегель. Наука логики. В трех томах, изд-во «Мысль», т. 1. М., 1970.

* *
*

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956¹.

¹ Работы Маркса и Энгельса указаны по второму изданию их сочинений, за исключением тех, которые не вошли в него. Работы Ленина — по Полному собранию сочинений. См. также рубрику «Гегель» в указателе имен соответствующих изданий.

- Маркс К. К критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.
- Маркс К. Ницше философии. Соч., т. 4.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Сочинения, т. 3.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Соч., т. 46, ч. I.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство. Соч., т. 2.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3.
- Энгельс Ф. Шеллинг о Гегеле. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Соч., т. 20.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. Соч., т. 20.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Соч., т. 21.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18.
- Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч., т. 23.
- Ленин В. И. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29.
- Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч., т. 45.
- Асмус В. Ф. Очерки истории диалектики в новой философии. Изд. 2. М. — Л., 1930.
- Бакрадзе К. С. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958.
- Бытовский Б. Э. Метод и система Гегеля. М., 1941.
- Гайм Р. Гегель и его время. Пер. с нем. СПб., 1861.
- «Гегель и диалектический материализм». Сборник статей к столетию со дня смерти Гегеля. М., 1932.
- Георгиев Ф. И. Противоположность марксистского и гегелевского учения о сознании (Психологическая теория Гегеля). М., 1961.
- Глазман М. С. Проблема прекрасного в эстетике Гегеля. — «Ученые записки Сталинабадского госпединститута им. Т. Г. Шевченко». Том XXVIII, серия общественных наук, выпуск IV. Сталинабад, 1950.
- Голосов В. Ф. Рациональное и мистическое в гегелевской теории являющегося духа. Красноярск, 1969.
- Гулиан К. И. Метод и система Гегеля, т. 1—2. М., 1962—1963.
- Гулыга А. В. Гегель. М., 1970.
- Деборин А. М. Маркс и Гегель; Гегель и диалектический материализм; Гегель. В его кн.: Философия и марксизм. М., 1930.
- Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека, т. 1—2. М., 1918.
- Лавров П. Л. Гегелизм. В его кн.: Философия и социология, т. I. М., 1965.

- Лифшиц М.* Литературное наследие Гегеля (в его кн.: «Вопросы философии и искусства». М., 1935).
- Лукач Г.* Экономические взгляды Гегеля в иенский период. — «Вопросы философии», 1956, № 5.
- Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М., 1968.
- Маньковский Б.* Учение Гегеля о государстве и современность. М., 1970.
- Межуев В. М.* Основные принципы гегелевской критики формальной логики. — «Вопросы философии», 1957, № 1.
- Овсянников М. Ф.* Философия Гегеля. М., 1959.
- Ойзерман Т. И.* Философия Гегеля. М., 1956.
- Пионтковский А. А.* Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1963.
- Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956.
- Соколов В. В.* Философия Гегеля. М., 1959.
- Соловьев Э. Ю.* Разделял ли Гегель трудовую теорию стоимости? — «Вопросы философии», 1959, № 3.
- Фейербах Л. К.* критике философии Гегеля. Избранные философские произведения, т. I. М., 1955.
- Фейербах Л.* Отношение к Гегелю. В его кн.: История философии, т. 3. М., 1967.
- Фишер К.* История новой философии, т. VIII. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Первый полум. СПб., 1901. Второй полум. СПб., 1903. Первый полум. переиздан в 1933 г. (М.: — Л.).
- Чернышев Б. С.* О логике Гегеля. М., 1941.
- Шинкарук В. И.* Логика, диалектика и теория познания Гегеля. Киев, 1964.
- Adorno Th.* Drei Studien zu Hegel. Frankfurt/Main, 1968.
- Beyer W.* Zwischen Phänomenologie und Logik. Hegel als Redakteur der «Bamberger Zeitung». Frankfurt/Main, 1955.
- Beyer W.* Hegel — Bilder. Berlin, 1964.
- Croce B.* Ciò che é vivo, e ciò che é morto della filosofia di Hegel. Bari, 1907.
- Dilthey W.* Die Jugendgeschichte Hegels. Berlin, 1905.
- D'Hondt J.* Hegel et son temps. Paris, 1968.
- Fleischmann E.* La philosophie politique de Hegel. Paris, 1964.
- Fulda H.* Das Problem einer Einleitung in Hegels Wissenschaft der Logik. Frankfurt/Main, 1965.
- Haering Th.* Hegel. Sein Wollen und sein Werk. 2 Bde. Leipzig, 1929 (Neudruck. Aalen, 1963).
- «Hegel in Nürnberg. 1808—1818». Nürnberg, 1966.
- «Hegel-Jahrbuch». Hrsg. von W. Beyer (1961. 2 Halbbände. München, 1961; 1964. Meisenheim am Glän, 1965; 1965. Meisenheim am Glän, 1966; Meisenheim am Glän, 1967; 1967. Meisenheim am Glän, 1968).
- «Hegel-Studien» (Bd. 1. Bonn, 1961; Bd. 2. Bonn, 1963; Bd. 3. Bonn, 1965; Bd. 4. Bonn, 1967; Bd. 5. Bonn, 1969; Beiheft I

- Heidelberger Hegel — Tage 1962. Bonn, 1964; Beiheft 2 H. Glockner. Beiträge zum Verständnis und zur Kritik Hegels. Bonn, 1965; Beiheft 3. Hegel — Tage in Royamont, 1964. Bonn, 1966; Beiheft 4. Hegel — Tage Urbino 1963. Bonn, 1969).
- Hoffmeister J.* Hölderlin und Hegel. Tübingen, 1939.
- Hyppolite J.* Genèse et structure de la Phenomenologie de Hegel. Paris, 1946.
- Hyppolite J.* Logique et existence. Paris, 1953.
- Kojeve A.* Introduction à la lecture de Hegel. Paris, 1947.
- Kroner R.* Von Kant bis Hegel. 2. Bde. Tübingen, 1921 (2e Aufl., 1961).
- Lasson G.* Hegel als Geschichtsphilosoph. Leipzig, 1920.
- Litt Th.* Hegel. Versuch einer kritischen Erneuerung. Heidelberg, 1953.
- Löwith K.* Von Hegel zu Nietzsche. Zürich, 1948 (5. Aufl. Stuttgart, 1964).
- Lukács G.* Der junge Hegel. Berlin, 1954.
- Marietti A.* La pensée de Hegel. Paris, 1957.
- Maurer R.* Hegel und das Ende der Geschichte. Stuttgart, 1965.
- Müller G. E.* Hegel. Denkgeschichte eines Lebendigen. München, Bern, 1959.
- Nicolin F.* Hegels Bildungstheorie. Bonn, 1955.
- Pöggeler O.* Hegels Kritik der Romantik. Bonn, 1956.
- Riedel M.* Theorie und Praxis im Denken Hegels. Stuttgart, 1965.
- Ritter J.* Hegel und die französische Revolution. Köln, 1957.
- Rosenkranz K.* Hegels Leben. Berlin, 1844 (Fotomech. Nachdruck. Darmstadt, 1963).
- Rosenzweig F.* Hegel und der Staat, 2. Bde. München, 1920 (Neudruck. Aalen, 1962).
- Stace W.* The philosophy of Hegel. New York, 1955.
- Stiehler G.* Die Dialektik in Hegels «Phänomenologie des Geistes». Berlin, 1964.
- Topitsch E.* Die Sozialphilosophie Hegels als Heilslehre und Herrschaftsideologie. Neuwied u. Berlin, 1967.
- Wiedmann T.* Hegel in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА

Перевод *Б. А. Драгуна*

Курс первый. Младший класс. Учение о праве, долге и религии	7
Введение	—
Пояснения к введению	11
Первый раздел. Учение о праве	35
Глава первая. Право	36
Глава вторая. Гражданское общество	49
Второй раздел. Учение о долге, или мораль	54
I. Обязанности перед самим собой	61
II. Обязанности перед семьей	67
III. Обязанности перед государством	68
IV. Обязанности по отношению к другим	70
Третий раздел. Учение о религии	76
Второй курс. Средний класс. Феноменология духа и логика	79
Первый отдел. Феноменология духа, или Наука о сознании	—
Введение	—
Первая ступень. Сознание вообще	81
Вторая ступень. Самосознание	84
Третья ступень. Разум	90
Второй отдел. Логика	91
Введение	—
Первая часть. Бытие	95
Первый раздел. Качество	—
Второй раздел. Количество	97
Третий раздел. Мера	99
Вторая часть. Сущность	100
Первый раздел. Определения сущности, как таковой	—
Второй раздел. Явление	102
Третий раздел. Действительность	105
Приложение об антиномиях	108
Третья часть. Понятие	117
Первый раздел. Понятие	—
Второй раздел. Цель, или телеологическое понятие	120
Третий раздел. Идея	121

Третий курс. Старший класс. Учение о понятии и философская энциклопедия	123
Первый отдел. Учение о понятии	—
Первый раздел. Учение о понятии	—
I. Понятие	—
II. Суждение	126
III. Умозаключение	134
Второй раздел. Реализация понятия	139
Третий раздел. Учение об идеях	142
I. Идея жизни	143
II. Идея познания и блага	—
III. Идея знания, или истины	146
Второй отдел. Философская энциклопедия	147
Введение	—
Первая часть. Логика	150
Первый раздел. Онтологическая логика	151
I. Бытие	—
II. Сущность	155
III. Действительность	159
Второй раздел. Субъективная логика	160
I. Понятие	—
II. Суждение	161
III. Умозаключение	163
Третий раздел. Учение об идеях	168
I. Идея жизни	169
II. Идея познания	171
III. Абсолютная идея, или знание	—
Вторая часть. Наука о природе	172
Первый раздел. Математика	173
Второй раздел. Физика	175
I. Механика	—
II. Физика неорганического мира	177
Третий раздел. Физика органического мира	178
Третья часть. Наука о духе	181
Первый раздел. Дух в его понятии	—
I. Чувство	182
II. Представление	—
III. Мышление	193
Второй раздел. Практический дух	196
I. Право	199
II. Моральность	201
III. Государство (реальный дух)	202
Третий раздел. Дух в его чистом выражении	205
I. Искусство	—
II. Религия	206
III. Наука	209

ПИСЬМА

Переводы Ц. Г. Арзаканьяна и А. В. Михайлова

Берн и Чутг, 1793—1796

1. Гегель — Шеллингу, 1794 г.	213
2. Шеллинг — Гегелю, 1795 г.	215
3. Гегель — Шеллингу, конец января 1795 г.	217
4. Шеллинг — Гегелю, 4 февраля 1795 г.	220
5. Гегель — Шеллингу, 16 апреля 1795 г.	222
6. Шеллинг — Гегелю, 21 июля 1795 г.	225
7. Гегель — Шеллингу, 30 августа 1795 г.	227
8. Шеллинг — Гегелю, январь 1796 г.	232
9. Шеллинг — Гегелю, 20 июня 1796 г.	—
10. Гегель — Гёльдерлину, ноябрь 1796 г.	233

Франкфурт, 1797—1800

11. Гегель — Нанетте Эндель, 13 ноября 1797 г.	235
12. Гегель — Нанетте Эндель, 25 мая 1798 г.	236
13. Гегель — Шеллингу, 2 ноября 1800 г.	—

Иена, 1801—1807

14. Гегель — Мемелю, 26 августа 1801 г.	239
15. Гегель — Хуфнагелю, 30 декабря 1801 г.	240
16. Гегель — Мемелю, 26 марта 1802 г.	—
17. Гегель — Шеллингу, 16 августа 1803 г.	241
18. Гегель — Шеллингу, 16 ноября 1803 г.	243
19. Гегель — Гёте, 29 сентября 1804 г.	245
20. Гегель — Фоссу, май 1805 г.	247
21. Гёте — Гегелю, 27 июня 1806 г.	250
22. Гегель — Гёте, 30 июня 1806 г.	251
23. Гегель — Нитхаммеру, 5 сентября 1806 г.	252
24. Гегель — Нитхаммеру, 17 сентября 1806 г.	253
25. Гегель — Нитхаммеру, 6 октября 1806 г.	254
26. Гегель — Нитхаммеру, 13 октября 1806 г.	—
27. Гегель — Нитхаммеру, 18 октября 1806 г.	256
28. Гегель — Нитхаммеру, 22 октября 1806 г.	257
29. Гегель — Фромманну, 17 ноября 1806 г.	258
30. Гегель — Шеллингу, 3 января 1807 г.	—
31. Гегель — Нитхаммеру, 16 января 1807 г.	260
32. Гегель — Целльманну, 23 января 1807 г.	261
33. Гегель — Нитхаммеру, 20 февраля 1807 г.	263
34. Гегель — Шеллингу, 23 февраля 1807 г.	265

Бамберг, 1807—1808

35. Гегель — Гёте, март 1807 г.	269
36. Гегель — Нитхаммеру, 7 апреля 1807 г.	270
37. Гегель — Шеллингу, 1 мая 1807 г.	—
38. Гегель — Нитхаммеру, 30 мая 1807 г.	272
39. Гегель — Нитхаммеру, 8 июля 1807 г.	273
40. Гегель — Нитхаммеру, 8 августа 1807 г.	274
41. Гегель — Нитхаммеру, 29 августа 1807 г.	277

42. Гегель — Кнебелю, 30 августа 1807 г.	278
43. Кнебель — Гегелю, 11 сентября 1807 г.	281
44. Гегель — Нитхаммеру, 13 октября 1807 г.	—
45. Шеллинг — Гегелю, 2 ноября 1807 г.	283
46. Гегель — Нитхаммеру, ноябрь 1807 г.	—
47. Гегель — Кнебелю, 21 ноября 1807 г.	285
48. Гегель — Нитхаммеру, 23 декабря 1807 г.	286
49. Гегель — Нитхаммеру, 22 января 1808 г.	289
50. Гегель — Нитхаммеру, 11 февраля 1808 г.	291
51. Гегель — Нитхаммеру, 28 марта 1808 г.	292
52. Гегель — Нитхаммеру, 20 мая 1808 г.	—
53. Гегель — Крейцеру, 28 июня 1808 г.	295
54. Гегель — Нитхаммеру, 16 сентября 1808 г.	296
55. Кнебель — Гегелю, 7 октября 1808 г.	298
56. Гегель — Кнебелю, 14 октября 1808 г.	—
57. Нитхаммер — Гегелю, 26 октября 1808 г.	300
58. Гегель — Нитхаммеру, 28 октября 1808 г.	—
59. Гегель — Бамбергскому генеральному комиссариату, 9 ноября 1808 г.	302
60. Гегель — Нитхаммеру, 22 ноября 1808 г.	304

Нюрнберг, 1808—1816

61. Гегель — Нитхаммеру, 14 декабря 1808 г.	306
62. Гегель — Нитхаммеру, 20 февраля 1809 г.	309
63. Гегель — Нитхаммеру, 7 мая 1809 г.	311
64. Гегель — Нитхаммеру, 4 октября 1809 г.	312
65. Гегель — Ван Герту, 16 декабря 1809 г.	314
66. Виндишманн — Гегелю, 27 апреля 1810 г.	317
67. Гегель — Виндишманну, 27 мая 1810 г.	—
68. Гегель — Ван Герту, 15 октября 1810 г.	319
69. Гегель — Синклеру (набросок), октябрь 1810 г.	321
70. Гегель — невесте, лето 1811 г.	323
71. Гегель — Ван Герту, 29 июля 1811 г.	—
72. Городской комиссариат Нюрнберга — Гегелю, 14 августа 1811 г.	324
73. Гегель — Нитхаммеру, 10 октября 1811 г.	—
74. Гегель — Нитхаммеру, 5 февраля 1812 г.	328
75. Гегель — Нитхаммеру, 24 марта 1812 г.	329
76. Гегель — Нитхаммеру, 23 октября 1812 г.	331
77. Гегель — Ван Герту, 18 декабря 1812 г.	332
78. Гегель — Нитхаммеру, 20 декабря 1812 г.	334
79. Гегель — Синклеру, начало 1813 г.	335
80. Гегель — Нитхаммеру, 21 мая 1813 г.	338
81. Гегель — Нитхаммеру, 23 декабря 1813 г.	339
82. Гегель — Нитхаммеру, 6 января 1814 г.	340
83. Гегель — Нитхаммеру, 10 апреля 1814 г.	341
84. Гегель — Паулюсу, 18 апреля 1814 г.	342
85. Гегель — Нитхаммеру, 29 апреля 1814 г.	—
86. Гегель — Паулюсу, 30 июля 1814 г.	344
87. Гегель — Паулюсу, 9 октября 1814 г.	345
88. Гегель — Нитхаммеру, 21 февраля 1815 г.	348

89. Гегель — Паулюсу, 16 августа 1815 г.	351
90. Фон Таден — Гегелю, 27 августа 1815 г.	—
91. Гегель — Нитхаммеру, 23 ноября 1815 г.	352
92. Гегель — Нитхаммеру, 28 декабря 1815 г.	353
93. Гегель — Фромманну, 14 апреля 1816 г.	—
94. Гегель — Паулюсу, 2 мая 1816 г.	354
95. Гегель — Паулюсу, 13 июня 1816 г.	355
96. Гегель — Паулюсу, 13 июня 1816 г.	356
97. Гегель — Нитхаммеру, 5 июля 1816 г.	357
98. Гегель — Нитхаммеру, 12 июля 1816 г.	359
99. Гегель — Даубу, около 24 августа 1816 г.	361
100. Гегель — Нюрнбергскому городскому комиссариату, 7 сентября 1816 г.	362

Гейдельберг, 1816—1818

101. Гегель — жене, 29 октября 1816 г.	365
102. Гегель — Дёдерлейну, 29 апреля 1817 г.	—
103. Гёте — Гегелю, 8 июля 1817 г.	366
104. Гегель — Гёте, 20 июля 1817 г.	367
105. Гегель — Нитхаммеру, 31 января 1818 г.	370
106. Гегель — Винтеру, 1 февраля 1818 г.	371
107. Гегель — Прусскому министерству вероисповеданий, 31 марта 1818 г.	372
108. Гегель — Кузену, 5 августа 1818 г.	373
109. Гегель — Христиане Гегель, 12 сентября 1818 г.	375

Берлин, 1818—1831

110. Гегель — Фромманну, 7 октября 1818 г.	376
111. Гегель — Нитхаммеру, 26 марта 1819 г.	—
112. Гегель — Хинриксу (фрагмент черновика), лето 1819 г.	377
113. Гегель — Прусскому министерству полиции, 27 июля 1819 г.	378
114. Гегель — Крейцеру, 30 октября 1819 г.	379
115. Шлейермахер — Гегелю, 16 ноября 1819 г.	382
116. Гегель — Шлейермахеру (черновик), 17 ноября 1819 г.	—
117. Гегель — Хинриксу (черновик), ноябрь 1819 г.	—
118. Гёте — Гегелю, 7 октября 1820 г.	384
119. Гегель — Альтенштейну (черновик), 10 октября 1820 г.	385
120. Гегель — Гарденбергу (фрагмент), середина октября 1820 г.	386
121. Гегель — Гёте, 24 февраля 1821 г.	387
122. Гегель — Хинриксу, 7 апреля 1821 г.	392
123. Гёте — Гегелю, 13 апреля 1821 г.	396
124. Гегель — Даубу, 9 мая 1821 г.	397
125. Гегель — Крейцеру (черновик), конец мая 1821 г.	399
126. Гегель — Нитхаммеру, 9 июня 1821 г.	402
127. Гегель — Гёте, 2 августа 1821 г.	404
128. Гегель — фон Икскулью, 28 ноября 1821 г.	407

129. Гегель — Хиприксу, 4 апреля 1822 г.	407
130. Гегель — Хиприксу, 9 апреля 1822 г.	408
131. Гегель — Альтенштейну, 6 июня 1822 г.	409
131a. Гегель — Альтенштейну, 3 июля 1822 г.	411
132. Гегель — Нитхаммеру, 18 июля 1822 г.	413
133. Гегель — Дюбоку, 30 июля 1822 г.	414
134. Гегель — Хиприксу, 13 августа 1822 г.	418
135. Гегель — Гёте, 15 сентября 1822 г.	419
136. Гегель — жене, 15 сентября 1822 г.	422
137. Гегель — жене, 18 сентября 1822 г.	423
138. Гегель — жене, 24 сентября 1822 г.	428
139. Гегель — жене, 28 сентября 1822 г.	429
140. Гегель — жене, 3 октября 1822 г.	432
141. Гегель — жене, 8 октября 1822 г.	435
142. Гегель — жене, 12 октября 1822 г.	439
143. Гегель — жене, 19 октября 1822 г.	441
144. Гегель — Дюбоку, 29 апреля 1823 г.	443
145. Гегель — Виндишманну, 11 апреля 1824 г.	447
146. Гёте — Гегелю, 3 мая 1824 г.	448
147. Гегель — жене, 21 сентября 1824 г.	449
148. Гегель — жене, 25 сентября 1824 г.	452
149. Гегель — жене, 27 сентября 1824 г.	455
150. Гегель — жене, 2 октября 1824 г.	461
151. Гегель — жене, 3 октября 1824 г.	463
152. Гегель — Прусскому министерству внутренних дел, 4 ноября 1824 г.	469
153. Гегель — Гёте, 24 апреля 1825 г.	472
154. Гегель — Цельтеру, 1 мая 1825 г.	473
155. Кузен — Гегелю 21 августа 1825 г.	475
156. Гегель — Кузену, 5 апреля 1826 г.	477
157. Гегель — жене, 25 июля 1826 г.	480
158. Гегель — жене и детям, 17 августа 1826 г.	481
159. Гегель — Даубу, 19 декабря 1826 г.	—
160. Гегель и Варнхаген — Гёте, 6 марта 1827 г.	483
161. Гёте — Гегелю и Варнхагену, 15 марта 1827 г.	485
162. Гёте — Гегелю, 9 мая 1827 г.	486
163. Гегель — Гёте, 29 июня 1827 г.	487
164. Гегель — Кузену, 1 июля 1827 г.	489
165. Гегель — Нитхаммеру, 9 августа 1827 г.	492
166. Гегель — жене, 19 августа 1827 г.	493
167. Гегель — жене, 3 сентября 1827 г.	494
168. Гегель — жене, 9 сентября 1827 г.	496
169. Гегель — жене, 13 сентября 1827 г.	499
170. Гегель — жене, 19 сентября 1827 г.	500
171. Гегель — жене, 26 сентября 1827 г.	503
172. Гегель — жене, 30 сентября 1827 г.	505
173. Гегель — жене, 7 октября 1827 г.	509
174. Гегель — жене, 17 октября 1827 г.	—
175. Гегель — Варнхагену, 24 ноября 1827 г.	511
176. Гегель — Кузену, 3 марта 1828 г.	512
177. Гегель — Рафенштейну, 10 мая 1829 г.	514

178. Гегель — Альтенштейну, 16 мая 1829 г.	515
179. Гегель — жене, 3 сентября 1829 г.	516
180. Гегель — Альтенштейну, 16 октября 1829 г.	519
181. Гегель — Кузену, 26 февраля 1830 г.	—
182. Ганс — Гегелю, 5 августа 1830 г.	521
183. Гегель — Ракову (набросок), 30 марта 1831 г.	—
184. Гегель — Котте, 29 мая 1831 г.	522
185. Гегель — Бееру, 29 августа 1831 г.	524
186. Гегель — Варнгагену (набросок), начало ноября 1831 г.	525
187. Гегель — Гансу, 12 ноября 1831 г.	526
188. Гегель — в типографию Штарка, 13 ноября 1831 г.	527
Письмо Гегеля, хранящееся в ЦГАДА (Москва)	—

АФОРИЗМЫ

Перевод В. А. Рубина

Иенский период	530
Берлинский период	557
Примечания	565
Указатель имен	605
Предметный указатель	612
Библиография	619

Гегель

Г 27 Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. Сост., общая ред. А. В. Гулыги. М., «Мысль», 1971.

630 с. (АН СССР. Ин-т философии. Философ. наследие).

Настоящий том включает «Философскую пропедевтику» — краткое, популярное изложение системы Гегеля, предназначенное для учащихся, впервые публикуемые на русском языке избранные письма (переписка с Шеллингом, Гёте и другими), в которых находят отражение и события его времени, и взгляды Гегеля по вопросам философии, политики, искусства и т. д., а также «Афоризмы», относящиеся к юнговскому и берлинскому периодам его жизни.

2 p. 194.